ГЕРОИ
ЗВЕЗДНЫХ
СРАЖЕНИЙ

П. АНДЕРСОН
Ф. ДИК, А. КЛАРК
Э. МАККЕФРИ
Г. ТАРТЛДАВ
и другие

Солдаты Вселенной

Лучшая военная фантастика XX века

ДА ПОМОГУТ
НАМ
ЗВЕЗДЫ!

Эксмо

П. Андерсон, Ф. Дик, А. Кларк, Э. Маккефри, Г. Тартлдав

и другие

Солдаты Вселенной

Лучшая военная фантастика XX века

П. АНДЕРСОН
Ф. ДИК, А. КЛАРК
Э. МАККЕФРИ
Г. ТАРТЛДАВ
и другие

Солдаты Вселенной

Лучшая военная фантастика XX века

ШЕДЕВРЫ
ФАНТАСТИКИ

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Гарри Тартлдав
Пол Андерсон
Филип К. Дик
Джо Холдеман
Артур Кларк
Орсон Скотт Кард
Дэвид Дрейк
Кордвайнер Смит
Джордж Р. Р. Мартин
Грегори Бенфорд
Уолтер Йон Уильямс
К. Дж. Черри
Энн Маккефри

Солдаты Вселенной

Лучшая военная фантастика XX века

МОСКВА
ЭКСМО
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2006

МОСКВА
ЭКСМО
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2006

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
С 60

The Best Military Science Fiction of the 20th Century
Introduction and compilation copyright © 2001 by Harry Turtledove

Составитель *А. Жикаренцев*

Оформление *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

С 60 **Солдаты** Вселенной. Лучшая военная фантастика XX века: Фантастические произведения / Пер. с англ. — М.: Эксмо; СПб.: ИД Домино, 2006. — 704 с. — (Шедевры фантастики).

ISBN 5-699-17049-9

Сверхсветовые космические фрегаты и боевые драконы, арбалеты, бластеры и лазерные мечи, инопланетная экзотика и родная Земля, погруженная в хаос будущих звездных войн... Сборник лучшей военной фантастики XX века, составленный Гарри Тартлдавом, дает полный спектр этого литературного направления. Старые классические вещи Филипа Дика, Артура Кларка и Пола Андерсона соседствуют в книге с новой классикой — рассказами Джорджа Мартина, Уолтера Уильямса и Кэролайн Черри. Большинство произведений, вошедших в книгу, ранее не переводились.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Перевод. Ю. Барабаш, В. Бердник, Ю. Данилов, А. Евстигнеев, Б. Жужунава, В. Иванов, И. Климовицкая, Л. Корзун, И. Тетерина, М. Нахмансон, 2006
© Оформление, издание на русском языке, ООО «Издательство «Эксмо», 2006

ISBN 5-699-17049-9

Предисловие

Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный, который ахеянам тысячи бедствий
соделал:
Многие души могучие славных героев низринул
В мрачный Аид и самих распростер их
в корысть плотоядным
Птицам окрестным и псам (совершалася
Зевсова воля)..

Гомер. «Илиада» (перевод Н. Гнедича)

Прекрасно, что война так ужасна, в противном случае мы полюбили бы ее.

Роберт Э. Ли*

Сейчас, в начале третьего тысячелетия, мы не любим задумываться о военных баталиях. Мы надеемся, что переросли их. В течение последнего полувека у нас был шанс погубить нашу цивилизацию, но мы не воспользовались им. Это хорошо характеризует нас как биологический вид — наверное, слишком хорошо. Может быть — но только может быть,— мы не так глупы, как кажемся.

Человечество всегда ненавидело войны. Однако они всегда завораживали его. С тех пор как существуют буквы, человек пишет о войне. И это абсолютная истина. «Эпос о Гильгамеше», созданный на заре создания письменности, среди всего прочего еще и рассказ о военных действиях. В основе сюжета «Илиады», краеугольного камня древ-

* Ли, Роберт Эдвард (1807–1870) — американский генерал, главнокомандующий армией южан во время Гражданской войны в США.

негреческой литературы, лежит осада Трои и великая битва между Ахиллом и Гектором.

«Энеида», «Беовульф», скандинавские саги, «Песнь о Роланде» — это рассказы о сражениях и героях. И по сей день мы создаем истории о войне, в том числе и в жанре научной фантастики.

Почему? Лично мне ответ очевиден. Нам интересно читать о людях, находящихся в экстремальной ситуации. Наши поступки в минуту испытаний рассказывают о нас больше, чем наше поведение в обычное время. А что вызывает у человека (литературного героя или обыкновенного обывателя) больший интерес, чем ситуация, в которой его собираются убить? Как-то Сэмюэл Джонсон* сказал: «Если человек знает, что через две недели его повесят, он начинает лучше соображать».

Конечно, не отрицаю, что существует стрессовая ситуация, раскрывающая человека не менее полно: Любовь. То, что происходит между мужчиной и женщиной (не так часто между мужчиной и мужчиной или женщиной и женщиной), еще одна «вечная» тема писателей.

В истории о сражениях и любви научная фантастика вводит пару-другую сюжетных «добавок». Мир техники — настолько интересный, насколько изобретателен сам писатель, пришельцев — настолько необычных, насколько смог их вообразить автор. «Война миров» Герберта Уэллса вышла в свет в 1898 году и является родоначальницей историй этого жанра, так как она заложила фундамент для многого из того, что последовало позже,— я не имею права не упомянуть ее здесь.

Уэллс был не единственным писателем, интересовавшимся теми последствиями, которые окажет индустриальная революция на войну будущего. На конец XIX — начало XX века пришелся настоящий, пусть и небольшой, бум произведений, которые сейчас мы называем «технотриллерами», их авторы являлись предшественниками Тома Клэнси. Повествования рассказывали о войнах в ближайшем будущем и делали упор на новомодные изобретения, которые сделают сражения в корне отличными от тех, что происходили раньше.

* Джонсон Сэмюэл (1709–1784) — английский писатель, лексикограф, философ.

Изрядное количество этих историй опубликовано под редакцией И. Ф. Кларка в завораживающем сборнике «Сказания о грядущей Великой войне». В 1907 году британский офицер капитан К. И. Викерс в рассказе «Окопы» предсказал изобретение танка. Его коллега (и сочинитель подобных же историй) майор (позднее генерал-майор) сэр Эрнест Свинтон наверняка видел этот рассказ. Когда разразилась Первая мировая война, он стал одним из тех, кто помог создать вооруженный бронированный экипаж. Так литература повлияла на реальную жизнь. Другими авторами, внесшими в тот период свой вклад в этот жанр, были сэр Артур Конан Дойл, Джек Лондон и А. А. Милн, более и вполне заслуженно известный своим «Винни-Пухом», а не рассказом 1909 года «Секрет военного аэроплана».

Провести разделительную черту между технотриллером и научной фантастикой всегда было непросто, и, очевидно, так будет всегда. Что хочется подчеркнуть, так это то, что в технотриллерах больше интересуются различными замысловатыми продуктами изобретательской деятельности и влиянием этих изобретений на общество, их породившее. И если народ уже выстроился в очередь, чтобы разорвать меня за эти слова на куски, что же — как говорят, такова судьба.

После горького опыта Первой мировой войны число писателей, желающих предсказать, какой будет Вторая мировая война, заметно поубавилось. Понятно какой — чудовищной, это было ясно для всех, и все оказались правы. На первое место на какое-то время вышли описания сражений в далеком будущем с удивительными пришельцами. Джон В. Кэмпбелл, вскоре весьма влиятельный редактор журнала «Эстаундинг» и его позднейшей «инкарнации» журнала «Аналог», стал одним из ведущих авторов в жанре: изобрети оружие сегодня, запусти его в массовое производство завтра и сразу же используй, чтобы громить врага.

Писателем, кто использовал эту формулу в полной мере и чье влияние на всю научную фантастику невозможно

переоценить, является Роберт Э. Хайнлайн. Его повести «Если это будет продолжаться...», «Никудышное решение» и роман «Шестая колонна» (идею которого подал Кэмпбелл), написанные до вступления Америки во Вторую мировую войну, переиздают и читают до сих пор, в то время когда многое из написанного полвека назад забыто.

«Никудышное решение» является первой и весьма точной попыткой сформулировать вопрос, который мучает нас и поныне: как поступить с атомным оружием? Те решения, которые были выработаны, так же неудовлетворительны, как и предложенное Хайнлайном, но как я уже написал раньше: мы как сообразительны, так и удачливы. Как выпускник военно-морской академии Хайнлайн обладал исключительными познаниями в военных вопросах.

«Неприятный» факт существования атомной бомбы больно ударил по общественному сознанию после 1945 года. Ядерная война и ее последствия стали популярными сюжетами в научной фантастике. Рассказы Пола Андерсона, позднее переработанные в роман «Сумеречный мир», и Генри Каттнера, составившие книгу «Мутант», являются первыми примерами произведений на данную тему. Стоит подчеркнуть, что Андерсон за свою долгую и чрезвычайно успешную карьеру писателя весьма часто обращался в разных контекстах к военной тематике, особенно часто это происходило в его произведениях, посвященных «истории будущего», населенных такими удальцами, как Николас Ван Рейн и Доминик Фландри.

Другим автором, писавшим на военную тему вплоть до своей трагической и безвременной кончины в середине шестидесятых годов, был Бим Пайпер. Серия его произведений, посвященная альтернативной истории Земли, в частности «Лорд Калван из Вневременья», так же как и вся его замысловатая «история будущего», включающая такие романы, как «Космический компьютер» и «Звездный викинг», в которых удивительным образом переплетаются средневековые войны и приход Гитлера к власти, построена вокруг военных конфликтов.

Конечно, Хайнлайн не перестал писать о войне и после войны. В его романах для юношества «Меж двух планет»,

«Космический кадет», «Гражданин галактики», «Красная планета» военная тематика или доминирует, или ей отведено значительное место в сюжете. Его роман «Звездный десант», и через сорок лет после публикации вызывающий горячие споры и чрезвычайно неудачно экранизированный*, породил по крайней мере два отличных романа «Солдат, не спрашивай» Гордона Диксона и «Бесконечная война» Джо Холдемана, авторы которых с большим искусством спорят с Хайнлайном.

Еще одна работа, написанная в этот же период, на которую стоит обратить внимание,— это повесть Кристофера Энвила «Планета Пандоры», позднее переработанная в роман под тем же названием. Язвительный, злобный и местами очень смешной роман является одним из лучших произведений писателя, обычно публиковавшегося в журналах «Эстаундинг» и «Аналог». В нем рассказывается о неуклюжих монстрах, вторгшихся на Землю и пытающихся поработить людей, причем последние не только более находчивы, но и более технологически развиты — у них нет лишь космических кораблей.

В шестидесятые—семидесятые годы, без сомнения из-за вьетнамской войны, интерес к военной тематике упал. Люди в форме обычно были не в чести в те непростые годы. Интересным исключением из правил в эти десятилетия стал подъем интереса к романам в жанре фэнтези, живописующим крупномасштабные войны, зачастую ведущиеся против сил зла. Самый яркий пример произведения такого рода — «Властелин колец» Дж. Р. Р. Толкина. Эти романы стали популярны по нескольким причинам. Во-первых, в них были четко проведены границы между добром и злом, что иногда затруднительно сделать как в реальном мире, так в «реалистической» научной фантастике. Во-вторых, события в этих произведениях происходили в вымышленных землях, и это отвлекало читателей от тягот повседневной жизни.

В научно-фантастической приключенческой серии «Берсеркер» Фред Саберхаген очень просто разрешил пробле-

* Мнение переводчика не совпадает с мнением автора предисловия.

му: кто хороший парень, а кто — негодяй. Он сделал противником героев флот космических кораблей-роботов, запрограммированных на уничтожение всего живого, где бы оно ни встретилось. (Сюжет, уже использованный ранее сразу после Второй мировой войны Теодором Старджоном в рассказе «Защиты нет».) Норман Спинрад в «Людях в джунглях» решил проблему, не решая ее. По всеобщему мнению, в этом произведении отсутствует положительный герой, а есть только разномастные негодяи, что, к сожалению, весьма похоже на реальную жизнь.

Есть определенная ирония в том, что в семидесятые годы военная фантастика возродилась если не в книгах, то в кино. Парадокс заключается в том, что в Голливуде, традиционном прибежище либералов, не всегда доброжелательно относятся к людям в военной форме и их труду. Кровь и пальба играют весьма значительную роль как в «Звездных войнах», так и в «Стартреке» («Звездном пути»). Во многом именно военный конфликт четко разделяет героев на хороших и плохих, и все это сопровождается потрясающими спецэффектами. Прочитанная научная фантастика заставляет задуматься, от увиденного же на экране, как правило, просто отпадает челюсть. Книга и кино обычно обращаются к разным аудиториям, что, к несчастью, обычно забывается фанатами печатного слова и вызывает разочарование.

В последние два десятилетия двадцатого века было замечено возрождение военной фантастики — в книжной форме. Ветеран корейской войны Джерри Пурнелл написал как в соавторстве с Ларри Нивеном (популярный роман о первом контакте «Мошка в зенице Господней» и «Нашествие» — прекрасная история о вторжении инопланетян), так и самостоятельно несколько вызвавших значительный интерес романов, в которых военные эпизоды занимают большое место.

Дэвид Дрейк (который, как и Джо Холдеман, надирался во Вьетнаме до «зеленых чертей») добавил в свою историю будущего, например в сериал «Молотобойцы», сурового реализма. Другие произведения, такие как «Бронзовые

ряды», «Стервятники», были созданы им благодаря хорошему знанию античной и классической истории.

Дрейк и С. М. Стерлинг создали в соавторстве серию романов, действие которых происходит в отдаленном будущем, но основано на биографии полководца Велизария, служившего византийскому императору Юстиниану. В свою очередь Стерлинг и собственные произведения посвящает в основном военным конфликтам, происходящим в альтернативном историческом потоке во вселенной Драка. Надо сказать, что из его цифрового процессора выползают весьма мрачные антиутопии. Цикл начинается «Островом в море времени», в котором остров Нантакет перенесен в прошлое, в 1250 год до Рождества Христова, а его обитатели увязли по самые уши в военном конфликте.

Романы Лоис Макмастер Буджолд, посвященные в основном Майлзу Форкосигану, герою с тонкой как душевной, так и физической организацией, вызвали, и вполне заслуженно, поток подражаний. Майлзу зачастую наплевать на начальство и дисциплину, но, несмотря на это (а возможно благодаря этому), он действует чрезвычайно плодотворно. Кроме того, его приключения описаны с большой долей юмора, что нечасто встречается в военной фантастике.

В то время как Дрейк и Стерлинг перенесли факты из биографии реально существовавшей в истории личности в будущее, серия романов Дэвида Вебера о Виктории Харрингтон имеет много параллелей с произведениями о морских приключениях Горацио Хорнблауэра, действие которых происходит во времена Наполеона. Многие любители военной фантастики являются искренними поклонниками историй, вышедших из-под пера С. С. Форестера, Патрика О'Брайена и других авторов. Действие этих произведений происходит в конце XVIII — начале XIX века на маленькой старушке Земле. Я не совсем понимаю причину подобного поклонения, но действительно так и есть, ведь и я разделяю энтузиазм этих читателей.

Одним из преимуществ написания вступительных статей является то, что я могу вставить для читателей два параграфа рекламы моих собственных произведений. Как

специалист по истории Византии я использовал ее прошлое в качестве фундамента вселенной Видесса. Серия «Суровые времена» основана на полной событиями биографии императора Гераклеоса, «Сказание о Криспе» — на событиях, происходивших во времена правления Василия Македонянина и Иоанна Цимисхия (преимущество литературного произведения в том, что в нем ты можешь тасовать факты по своему усмотрению), а цикл произведений о Видессе — на неразберихе, сопровождавшей Манзикертскую битву.

Перейдя от фэнтези к научной фантастике, я описал путешествующих во времени южноафриканцев, вмешивающихся в Гражданскую войну в Америке, в романе «Ружья Юга» и вторжение инопланетян на Землю во время Второй мировой войны в серии романов «Вторая мировая война». Американские соединенные штаты (северяне) и Американская конфедерация штатов (южане) поддерживают в конце девятнадцатого века в Европе противоположные силы и находятся в Первой мировой войне в разных лагерях в моем романе «Их осталось немного» и серии произведений о Великой войне.

Элизабет Мун, проходившая службу в морской пехоте, прославилась как военной фэнтези, так и фантастикой. В описании ее миров совмещаются суровый реализм и сарказм. Никто из работающих в жанре фантастики не пишет так, как она.

В романах о Стэне Аллан Коул и Крис Банч совмещают описание военных действий с повествованием о политической интриге. Соавторы, к сожалению сейчас не работающие вместе, являли собой незаурядное сочетание талантов*. Банч во время пребывания во Вьетнаме служил в разведке и ходил в глубокий тыл противника, Коул же является сыном высокопоставленного чиновника из ЦРУ.

Своего героя они назвали Стэн в честь английского пулемета, прославившегося во время Второй мировой войны. Герой так же смертельно опасен, как его прототип, и в отличие от него не выходит из строя во время боя.

Сюжеты в технотриллерах подвержены влиянию происходящих в мире событий. С распадом Советского Союза написать настоящий бестселлер стало значительно труднее. Весь жанр пришел в упадок. Ведь как бы ни было отрадно осознавать, что в мире снизилась опасность Армагеддона, для тех, кто писал о подобных катастрофах, жизнь стала подобной аду.

Очевидно, военная фантастика более защищена от событий, происходящих в окружающем мире. Действие в технотриллерах из-за их жанра ограничено ближайшим будущим, в то время как происходящее в военной фантастике не ограничено пространством и временем. Если ближайшее будущее выглядит безоблачно, всегда можно рассказать о будущем будущего или хитросплетениях прошлого, в котором все происходило не так, как описано историками. Кроме того, описанное в военно-фантастических книгах отличается от того, что огромная аудитория видит на киноэкранах,— и в первую очередь тем, что писатели более требовательны к себе и своим героям.

Гарри Тартлдав

---

* К сожалению, мы больше никогда не увидим новых книг этого талантливого дуэта. В 2005 году Крис Банч умер.

Пол Андерсон

Обладатель множества призов «Хьюго» и «Небьюла» Пол Андерсон написал после своего дебюта в фантастике в 1947 году десятки романов и сотни рассказов*.

Его многотомная техноистория человечества в будущем, описывающая освоение галактики и возникновение межзвездной империи, охватывает пять тысяч лет и включает такие широко известные романы, как «Война крылатых людей», «День, когда они возвратились» и «Игра Империи». Андерсон разрабатывал многие темы, считающиеся классическими в научной фантастике, как то: эволюцию человека — роман «Волна мозга», космические путешествия со скоростью, близкой к скорости света,— «Тау-ноль» и парадоксы, возникающие при перемещении во времени,— сериал «Патруль времени». Одним из его наиболее популярных романов, в котором переплетены мифология и научная фантастика (контакты с инопланетными цивилизациями), является «Крестовый поход в небеса» («Крестоносцы космоса»). Андерсон пишет прекрасную фэнтезийную прозу («Три сердца и три льва», «Сломанный меч») и книги в жанре альтернативной фантастики, в которых за основу взяты произведения Шекспира. В 1978 году писатель получил мемориальную «Премию имени Толкина». Со своей женой Карен Пол Андерсон написал четыре романа в жанре фэнтези о короле Исе по мотивам кельтского фольклора. Вместе с Гордоном Диксоном он стал автором популярной юмористической серии «Хока». Рассказ «Зовите меня Джо» включен в 1974 году в «Зал Славы научной фантастики», а в совокупности все малые произведения писателя составляют несколько томов, самые популярные из которых — «Царица воздуха и тьмы», «Все во вселенной едино» и «Лучшее из Пола Андерсона».

* В 2001 году, когда вышел в свет этот сборник, писатель ушел из жизни.

Среди варваров

Его превосходительство Мкатзе Ундума, посол Земной Федерации в Королевстве Двух Планет, ждать не привык. Но по мере того как минуты складывались в час, досада его испарилась, уступив место здравым размышлениям.

В этой угрюмой стране любая отсрочка, даже ненамеренная, воспринималась как проявление невоспитанности. А если человека его положения держали в приемной шестьдесят минут, это и вовсе выглядело оскорблением. Руш, конечно, был варваром, но даже он не посмел бы открыто унижать представителя Земли без веской на то причины.

Похоже, добытые Службой разведки Земли сведения действительно находят подтверждение. Так, что там было? Во-первых, подвыпивший молодой офицер, роняя слезы в бокал, рассказывал о том, что старушка Земля и ее цивилизация скоро подвергнутся нападению и лагерь, в котором он когда-то учился, будет уничтожен его же собственными подчиненными. Во-вторых, из Королевской военной академии поступили секретные планы военных приготовлений, за что поплатились жизнью шестеро человек. И вот теперь в дополнение ко всему — унижение самого посла.

Похоже, маркграф Дракенштейнский и правда предал цивилизацию.

Ундума невольно вздрогнул под радужным плащом, его костюм был расшит галунами, а на голове красовался украшенный страусовым пером головной убор, положенный чиновнику его ранга. Посол окинул приемную взглядом затравленного зверя.

Он находился сейчас в старинном замке, построенном восемьсот лет назад, еще при освоении Норстада. Суровые массивные прямоугольные башни замка почти совсем не изменились с тех пор. Буфеты, диваны, драпировки, сделанные на заказ мозаики и биопанели лишь дисгармонировали с крепостными стенами и по-старинному гулкими плитами пола; флюоресцирующие экраны освещали далеко не все углы замка, и во многих из них царил полумрак, среди которого кое-где виднелись на балках старые боевые знамена.

В приемной находилось двенадцать телохранителей — все в панцирях и с перьями на шлемах, но вооруженные самыми современными лучевыми ружьями. Телохранители были удивительно похожими друг на друга — одинаковые блондины семи футов ростом. Ни один из них сейчас не шевелился и, казалось, даже не дышал — этакое олицетворение невозмутимых цивилизованных людей.

Ундума обрезал кончик сигары и выругался про себя. Он жалел, что не захватил какую-нибудь книгу.

Наконец внутренняя дверь бесшумно распахнулась, и в приемной появился бритоголовый офицер. Щелкнув каблуками, он поклонился Ундуме:

— Его светлость будет рад принять вас, ваше превосходительство.

Посол постарался подавить досаду, кивнул и поднялся с места. Ундума был высоким и стройным мужчиной с относительно светлой кожей и характерными для народности банту чертами лица. Послы Земли отбирались с учетом идеалов местной красоты, а это условие непросто было соблюсти во многих малочисленных культурах Галактики. Население Норстада-Остарика отличалось чертами малой кавказской расы, которая почти полностью эмигрировала в Королевство Двух Планет с родной Земли.

Адъютант проводил посла до двери и ретировался. Ганс фон Тома Руш, маркграф Дракенштейнский, предводитель народа, потомственный хранитель Ворот Белой реки и прочая, и прочая, сидел за столом в конце огромного зала, пол которого был сделан из черно-красной плитки. В руке у него была книга, и он закрыл ее лишь тогда, когда Ундума, шурша сандалиями по клетчатому полу, подошел вплотную. Затем маркграф встал и с насмешкой на лице поклонился.

— Приветствую вас, ваше превосходительство,— сказал он.— Прошу простить меня за задержку. Садитесь, пожалуйста.

Столь краткие извинения звучали, по крайней мере, дерзко, и оба собеседника прекрасно понимали это.

Ундума опустился в кресло напротив, решив не показывать своего раздражения, ведь он здесь ради великой цели. Посол сжал зубы и ровным голосом произнес:

— Спасибо, ваша светлость. Надеюсь, что вы сможете детально обсудить со мной все важные вопросы. Я явился к вам по весьма серьезному поводу.

Руш изогнул правую бровь, рискуя уронить старомодный монокль. Маркграф был крупный, крепко сбитый мужчина с ежиком коротко подстриженных волос соломенного цвета, удлиненным черепом и шрамом на левой щеке. На нем была армейская униформа: серая туника с высоким воротником, бриджи старого фасона и блестящие сапоги по моде этой планеты. Его костюм украшали генеральские знаки отличия: трезубец и солнце; на портупее висело холодное оружие с отполированной от частого употребления рукоятью.

«Да уж, типичный варвар с железными мозгами собственной персоной»,— подумал Ундума.

— Что же, ваше превосходительство,— вполголоса пробормотал Руш, хотя неблагозвучный норронский язык плохо подходил для тихой беседы.— Конечно, я с удовольствием вас выслушаю. Однако я не облечен властью и пользуюсь лишь правами неофициального советника, так что...

— Прошу вас,— остановил его Ундума, подняв руку.— В вашем распоряжении находится все вооружение, а ведь норр-самураи по-прежнему остаются самым влиятельным классом в Королевстве Двух Планет. Вдобавок вам непосредственно подчиняется весь генералитет. К тому же вас уважают в королевской семье. Я уверен, что могу говорить прямо с вами.

Руш не улыбнулся, но не посмел отрицать того, что было и так всем известно: он действительно являлся лидером партии воинственной аристократии, другом вдовствующей королевы-регентши и фактическим отчимом ее восьмилетнего сына, короля Хьялмара,— другими словами, этот человек был типичным диктатором. И, если он предпочитал сохранять негромкий титул и публично не афишировать свою власть, разве это что-то меняло?

— Я с удовольствием передам по инстанции все, что вы мне скажете,— неторопливо ответил Руш и добавил: — Трубку.

Последний приказ был обращен к его креслу, из которого моментально появилась зажженная вересковая трубка.

Ундума просто диву давался. Эти следующие одно за другим нарушения протокола просто обескураживали его. До сих пор, на протяжении всей трехсотлетней истории отношений между Землей и Королевством Двух Планет, с послом Земной Федерации здесь всегда обращались как с равным Богу или, по крайней мере, как с членом королевской фамилии.

Ни на одной из заселенных людьми планет независимо от того, как давно она отделилась от метрополии и как бы причудливо потом ни развивалась, никогда не забывали, что означала Земля — это родной дом человечества и колыбель цивилизации. Ни на одной из *заселенных людьми* планет... Неужели Норстад-Остарик пошли по пути Колреша?

«С биологической точки зрения это невозможно,— решил Ундума, внутренне содрогнувшись.— Да и с точки зрения эволюции культуры — тоже, во всяком случае пока». Однако все говорило о том, что Руш затеял какую-то политическую игру.

— Так я слушаю вас,— напомнил маркграф.

Ундума откашлялся и в отчаянии подался вперед.

— Ваша светлость,— сказал он,— за время своей миссии я не мог не обратить внимание на ряд публичных заявлений вашего правительства, равно как и на явные военные приготовления и прочие признаки...

— Вы забыли упомянуть о выкраденных вашими шпионами бумагах,— перебил посла Руш.

— Но милорд! — возразил Ундума.

— Мой дорогой господин посол,— усмехнулся Руш,— это ведь вы настаивали на откровенном разговоре. Мне известно, что у нас работают шпионы с Земли. Что ни говорите, а мобилизацию двух планет невозможно провести незаметно.

Ундума почувствовал, как по его телу заструился пот.

— Но... вы... ваше правительство заявляло... что эти меры вызваны необходимостью укрепления обороны,— заикался посол.— Я рассчитывал... во всяком случае, до последнего момента надеялся... что ваш народ одобрит направленный против Колреша союз Земли и Королевства Двух Планет.

Маркграф молчал. «До чего же тихо»,— подумал Ундума. Но тут на щеках Руша появился румянец, шрам его покраснел, а глаза стали холодными, как никогда.

Затем маркграф медленно произнес сквозь зубы:

— Позвольте напомнить вашему превосходительству, что вот уже не одно столетие наш народ ждет, когда же Земля наконец поможет ему.

— В смысле?

Ундума так растерялся, что начисто позабыл про этикет. Но Руш не обратил на это внимания. Он поднялся с места и подошел к окну.

— Идите сюда,— сказал он.— Я хочу вам кое-что показать.

Из современного пластикового окна пользовавшейся дурной репутацией Чародейной башни открывался унылый вид. Небо вдали было темным, солнце давно село, и в северном Норстаде господствовала сорокачасовая морозная ночь, уже близившаяся к полуночи.

В черной пустоте ярко сверкали звезды, отражавшиеся в ледяных кристаллах. Остарик, планета-двойник, висела на юге низко над горизонтом. Этот серо-голубой спутник никогда не заходил на норстадском небосклоне, и обе планеты всегда смотрелись друг в друга: продуваемые ветрами

пики одной из них вечно отражались в спокойных и теплых океанах другой. На севере почти половину горизонта занимали всполохи северного сияния.

С высоты крепости Ундума мог видеть лишь небольшую часть города Дракенштейна: несколько остроконечных крыш, небольших светящихся окошек да пару-другую фонарей на промерзших пустынных улицах. Да и смотреть тут особо было не на что: на обеих планетах не имелось крупных городов, одни лишь небольшие городишки, выросшие из деревень, окружавших поместья лордов. Вокруг раскинулись застывшие поля, поднимавшиеся вверх по долинам к зеленоватым ледникам. Видимо, там дул сильный ветер, и посол заметил, как над голубыми ледяными пустынями проносились призрачные снежные вихри.

Руш с горечью произнес:

— Не слишком-то приветлива наша планета, не так ли? Находится на краю света, в тысяче световых лет от вашей драгоценной Земли, да еще во власти ледникового периода. А вы не задумывались, почему мы не создали сеть станций для управления климатом?

— Ну, я думаю, необходимость...— начал Ундума.

— Постоянно вести войны.— Руш вскинул руку, будто желая смахнуть с небес ненужные созвездия. Там, среди прочих, всего в тридцати парсеках ярко горело огромное созвездие Полариса.— У нас просто не было возможности заняться благоустройством своей планеты. Всякий раз, как только мы собирались что-нибудь предпринять, обязательно начиналась война, обычно с Колрешем, и она съедала все людские и материальные ресурсы. Однажды, примерно двести лет назад, мы все же установили несколько станций, и наш климат даже стал постепенно теплеть. Но Колреш уничтожил их. Норстад был освоен восемьсот лет тому назад. И семьсот из них Колреш буквально держит нас за горло. И вы еще удивляетесь, что мы устали терпеть это.

— Милорд... я выражаю вам свое сочувствие,— неловко вставил Ундума.— Мне известна героическая история вашей планеты. Но я бы хотел напомнить... ведь Земле тоже приходилось бороться... с Колрешем.

— На расстоянии в тысячу световых лет! — усмехнулся Руш.— Об этой войне все уже давно забыли. Несколько захудалых патрулей на ржавых судах, оборонявшиеся от случайных рейдов колрешитов. А мы-то граничим с ними!

— Разумеется, ваша светлость, никто не отрицает, что Колреш всегда был вашим врагом,— заметил Ундума.— Как и врагом всех цивилизованных homo sapiens. Меня беспокоит другое. Честно говоря, мне бы очень не хотелось верить в слухи об одном... э-э... союзе...

— А почему это вас удивляет? — взревел Руш.— Вот уже семь веков мы сдерживаем колрешитов, а ваша драгоценная цивилизация жиреет тем временем за спинами наших погибающих бойцов. Искушение хотя бы частично восполнить потери, помогая Колрешу захватить Землю, смею вас заверить, весьма велико!

— Но вы не можете так поступить! — Ундума почти задыхался от возмущения.

Однако лицо его собеседника казалось каменным.

— Не делайте поспешных выводов,— сказал он.— Я лишь утверждаю, что нам может быть выгодна подобная политическая линия. А что, если Земля тоже изменит свою позицию в отношении нас — вы меня понимаете? Во всяком случае в обозримом будущем пока еще ничего не случится. У вас есть время подумать.

— Мне необходимо... проконсультироваться с моим правительством,— выдохнул Ундума.

— Конечно,— ответил Руш.

Гулко стуча каблуками по полу, он вернулся к письменному столу.

— У меня тут для вас приготовлен меморандум,— сказал он.— Своего рода неофициальный протокол, в котором перечислены пункты, на основе которых правительство Ее Величества намерено впредь строить свои отношения с Земной Федерацией. Вот он! — Маркграф взялся за пухлую папку.— Я предлагаю вам, ваше превосходительство, незамедлительно отправиться на родину и показать это вашему руководству...

— Ультиматум,— произнес Ундума.

Руш пожал плечами.

— Называйте это как вам угодно.

Его голос звучал равнодушно и отстраненно, как будто маркграф уже решил бесповоротно порвать отношения своего народа с цивилизованным миром.

Ундума взял папку. Он обратил внимание на лежавшую на столе книгу — ту, которую Руш читал перед тем, как его принять. Это оказалось местное издание Шекспира — плохо напечатанное на тонкой бумаге, но зато в оригинале на староанглийском языке. Странно, что диктатора варварской планеты привлекало подобное чтение. Но, так или иначе, Руш — личность неоднозначная: историк-схоластик, увлеченный гребец-байдарочник, игрок в метеорное поло, чемпион по шахматам, альпинист и... просто негодяй!

Норстад вот уже десять тысяч лет был скован оледенением, а на Остарике плескались теплые синие океаны, волны которых ласкали прибрежные пески островов. Однако на Остарике распространился вирус смертельно опасной чумы, и этот рай долгие годы оставался недоступным, пока двести пятьдесят лет назад на планете не высадилась команда исследователей с Земли. Ученые нашли эффективную вакцину, и в горы планеты стали переселяться норроны.

Именно такими средствами — действенной помощью, личным примером, пропагандой идей свободы, демонстрацией процветания и счастья своих обитателей земляне распространяли свое влияние среди колоний, до этого изолированных на протяжении столетий. В результате все проникались уважением к матушке-Земле, называя ее мудрой и доброй, и один только Колреш давно уже порвал связи с цивилизованным человечеством.

На своем личном спидстере Руш покинул обросшие сосульками крепостные стены Дракенштейна и после часовой гонки сквозь вакуум высадился в цветущих садах Зоргенлоса*. Однако прошло еще несколько часов, прежде чем им с королевой удалось избавиться от придворных и остаться наедине.

* Зоргенлос — в пер. с нем. значит «беззаботный». *(Прим. перев.)*

Под пение птиц они прогуливались среди геометрически правильных цветочных клумб и тенистых деревьев. Медные шпили небольшого дворца тянулись к вечернему небу, в котором пылала золотом, отражаясь в морях, долгая вечерняя заря Остарика. Остров превратился в тихую королевскую резиденцию, а ведь еще совсем недавно здесь кипели страсти.

Королева Ингра склонилась над «тигровой» розой-мутанткой и принялась обрывать лепестки.

— Но мне нравится Ундума. И я не хочу, чтобы он возненавидел нас,— сказала она чуть не плача.

— Он неплохой человек, это верно,— согласился Руш. Он стоял рядом в черной униформе с серебристой вышивкой, чем-то внешне напоминая смерть, какой ее обычно изображают.

— Ундума не просто неплохой, Ганс. Он порядочный человек. Норстад заморозил наши души, а Остарику так и не удалось их растопить. Я думала, что Земля...

Королева осеклась. Она была стройная, темноволосая и еще молодая, ее предки пришли сюда из влажных долин на экваторе Норстада. В отличие от горняков, рыбаков и сильно смахивавших на рыжих обезьян охотников, из которых происходил Руш, ее народ занимался земледелием и был мягче по характеру. Даже норронский язык в ее устах звучал мелодично, тогда как соплеменники маркграфа говорили резко и отрывисто.

— Так что Земля? — спросил Руш, обратив взгляд на запад.— Осыплет нас дарами? Но мы всегда платили за них.

— Да какие там дары,— устало ответила Ингра.— Но ведь мы могли бы торговать с Землей — мехами, полезными ископаемыми, да мало ли чем. Лишь бы не пришлось девяносто процентов доходов тратить на оборону. А еще я также думала, что земляне могли бы научить нас быть более человечными.

— Я, например, никогда и не сомневался, что мы до сих пор можем считать себя представителями Homo sapiens,— сухо ответил Руш.

— О, ты же знаешь, что я имела в виду! — Королева резко повернулась к нему и сверкнула фиалковыми глазами.—

Иногда я сомневаюсь, что ты человек, маркграф Ганс фон Тома Руш. Я говорю о свободе, о том, что люди не могут быть похожими на роботов, они должны растить свободных детей и не бояться, что колрешиты опять взорвут их корабль и легкие его пассажиров вывернутся наружу. В чем суть нашей культуры, Ганс? Есть слой рабочих ферм и заводов — по сути, это рабы! И верхушка общества, состоящая из расхаживающих на каблуках аристократов, думающих только о войне. Немного народных промыслов, музыки, сказок, в которых все сюжеты, заметь, крутятся вокруг кровопролития и предательства. А где наши симфонии, романы, архитектурные памятники, исследовательские лаборатории?.. Где люди, способные открыто заявлять о своих желаниях и поступать в соответствии с собственной волей, чтобы жить счастливо?

Руш ответил не сразу. Он рассматривал королеву немигающим взглядом через свой монокль. Затем отвел глаза, сложил руки и сказал лишь:

— Вы преувеличиваете.

— Может быть. И все-таки в целом я права.— В голосе Ингры слышалось негодование.— Именно такими нас и считают на других планетах.

— Если даже с завтрашнего дня объявить полную демократию, вам все равно не удастся декретом отменить восемьсот лет нашей истории,— заметил Руш.

— Это правда. Но ведь капля камень точит. Я думаю, что твоя ошибка, Ганс, состоит в том, что ты с презрением относишься к простым людям... Скажи, когда им давали шанс в нашем королевстве? Надо же когда-нибудь начинать перемены, и Земля могла бы оказать нам психологическую поддержку, и тогда через два-три поколения...

— А как вы думаете, что будет делать Колреш, пока мы станем проводить реформы управления? — со смехом спросил Руш.

— Опять Колреш! — Королева дернула плечиками под огненно-красным плащом.— Колреш уже превратил добрую сотню цветущих городов в радиоактивные кратеры и усеял наши поля костями детей. Колрешиты убили моего мужа

и многих королей до него. Они, между прочим, испепелили и твою семью, Ганс, и оставили шрамы не только на твоем лице, но и в душе...— Она резко повернулась к Рушу и почти закричала: — И после всего этого ты хочешь заключить союз с колрешитами?

Маркграф достал трубку и принялся ее набивать. Шафрановые лучи заходящего солнца, отраженные от поверхности океана, придавали его лицу металлический оттенок.

— Колреш не так уж плох,— сказал он.— Вот уже десять лет, как мы живем с ним в мире. Это почти рекорд.

— Но разве мы не можем найти настоящих союзников? Я устала быть марионеткой! Я согласна заключить пакт с Ахурамаздой, Новым Марсом, Лагранжем... Мы могли бы организовать крестовый поход против Колреша и искоренить этих мерзавцев из Вселенной!

— И вы еще называете меня солдафоном? — усмехнулся Руш.

Он раскурил трубку и неторопливо направился в сторону пляжа. Королева некоторое время с досадой смотрела вслед Рушу, затем вздохнула и двинулась за ним.

— Неужели вы думаете, что подобных попыток не предпринималось в прошлом? — спокойно спросил маркграф.— Не одно поколение наших предков старалось найти временных союзников в борьбе против Колреша. Но все эти недолговечные союзы вскоре распадались. Во Вселенной нас недолюбливают. Да и никто уж настолько сильно не ненавидит Колреш — ведь это мы всегда страдали от него в первую очередь.

Руш подошел к стоявшей на берегу скамье, сел и всмотрелся в полосу прибоя, в ярких лучах заката напоминавшую кипящее золото. На западе сверкали в солнечном свете легкие облака. Ингра присела рядом.

— Трудно упрекать других за то, что нас не любят,— тихо сказала она.— Мы слишком прямолинейны и некультурны, грубы, бестактны, недемократичны, черствы... увы, это правда. Но не может быть, чтобы никто не был заинтересован в уничтожении Колреша...

— Жители других планет не допускают, что с ними может что-то случиться,— с презрением возразил Руш.—

И среди них даже находятся сторонники колрешитов.— Он слегка возвысил голос и передразнил своих мнимых союзников: — «О, дорогой маркграф, да о чем вы говорите? Что вы, что вы, Колреш никогда не нападет на нас! Исключено! Мы подписали договор!»

Ингра тяжело вздохнула. Руш обнял ее за плечи. Так они и сидели какое-то время, храня молчание.

— Кроме того,— наконец нарушил тишину маркграф,— Колреш слишком силен, чтобы ему можно было противопоставить хоть какой-то альянс в нашей части Галактики. Только мы и Колреш обладаем здесь достойным упоминания военным потенциалом. Даже Земля в случае чего с трудом могла бы справиться с колрешитами, и она, само собой, пошла бы на попятную, предложи мы ей полномасштабную войну. Земле есть что терять. Ей выгоднее считать колрешитские рейды пиратскими вылазками и отвечать на них полицейскими акциями. На создание боеспособных армии и флота нужны огромные средства, и Земля просто не согласится платить столь высокую цену ради того, чтобы смести Колреш и оккупировать его планеты.

— Значит, опять не избежать войны.— Ингра устремила печальный взгляд на море.

— Ну, дело обстоит не совсем так,— возразил Руш.— На этот раз нам нужна другая война, чтобы, по крайней мере, черные корабли колрешитов больше не появлялись в *нашем* небе.

Он попыхтел трубкой, будто набираясь смелости, а затем заговорил быстро и решительно:

— Послушайте. Мы, норроны, не обладаем сильным флотом. Так уж сложилось исторически. Наш флот всегда был слаб и таким и останется. Но зато мы воспитываем самых выносливых солдат в Галактике, и наша армия многочисленна. Мы превращаем своих людей в настоящих военных роботов и оснащаем их самым смертоносным оружием. Колрешиты, разумеется, являют нам полную противоположность. Это — космические странники, их численность невелика, но зато колрешиты способны разрушить все, что попадает под огонь их пушек, хотя они и не могут удержать завоеванное и противостоять нам. Вот уже семь веков наши войны напоминают битву слона с китом. Ни один из противников не одолел другого, хотя война стала привычной, а мир превратился в короткие передышки. И до тех пор, пока жив хоть один колрешит, войны будут продолжаться. Вот так-то. Мы не можем истребить их, как и не можем подружиться с ними. Единственное, что мы в состоянии делать,— это защищаться до последней капли крови.

Над берегом прошумел ветерок. По бронзовому небу летела стайка черных морских птиц.

— Я понимаю,— сказала Ингра.— Я знаю историю и вижу, куда ты клонишь. Колреш обеспечит транспорт и флотское сопровождение, а Норстад-Остарик дадут живую силу. Вместе мы сможем захватить Землю.

— Так оно и будет,— без обиняков заявил Руш.— Земля разбогатела и разленилась. За несколько месяцев она не успеет перевооружиться, чтобы изменить соотношение сил в свою пользу.

— И вся Галактика станет проклинать нас после этого.

— Если Земля падет, то вся Галактика будет у наших ног.

— И как долго, по-твоему, нам удастся сдерживать аппетиты колрешитского тигра?

— Я не питаю на этот счет никаких иллюзий, дорогая королева. Но я просто не вижу, как можно иначе развязать этот вечный узел противоречий. В эпоху безвременья, которая неизбежно последует за падением Земли, мы вполне успеем построить флот, равный колрешитскому. Раньше они не давали нам возможности сделать это, зато теперь...

— Не знаю, не знаю! Я лично сомневаюсь, что пять лет назад корабль моего мужа действительно погиб от метеорита. Я подозреваю, что колрешиты прознали о планах короля, о космодроме, который он мечтал построить, и убили его.

— Это вполне вероятно,— согласился Руш.

— И после этого ты хочешь вступить с ними в союз?— Ингра повернула к собеседнику бледное лицо.— Я пока еще королева. И я запрещаю тебе даже упоминать об этом... грязном альянсе!

Маркграф вздохнул.

— Я боялся этого, ваше величество.— Лицо его стало серым и усталым.— Разумеется, вы пользуетесь правом вето. Но я очень сомневаюсь, что правительство подтвердит ваше регентство, если оно вступит в противоречие с интересами...

Королева резко вскочила.

— Ты не посмеешь!

— О, вам не причинят зла,— продолжил Руш с кривой усмешкой.— И вы даже не лишитесь трона. Вас просто придется взять под охрану. Надеюсь, вы меня понимаете? Конечно, ваше величество, ваш сын будет учиться где-нибудь в другом месте, но при желании вы...

Королева ударила его по лицу. Маркграф не пошевелился.

— Я... не стану налагать вето...— сказала Ингра, тряхнув головой, и выпрямила спину.— Ваш корабль доставит вас домой, милорд. И я не думаю, что впредь мы будем нуждаться в вашем присутствии.

— Как скажете, ваше величество,— пробубнил в ответ диктатор Королевства Двух Планет.

Хотя Ундума вернулся на родину с горьким чувством, он был рад оказаться дома. До чего же здесь хорошо! Он сидел на террасе под бархатными небесами Земли и смотрел на блестевшую напротив Замбези. Вдали, насколько хватало взгляда, высились стройные башни Кэпитал-Сити, каждая в окружении тенистой зелени. Люди на чистых и тихих улицах были одеты в просторные рубашки и цветастые килты — мужчины здесь не носили брюк, а женщины ходили в юбках по щиколотку. Все это вытеснило из головы посла воспоминания о хмурых жителях Норстада. Было так приятно вести интеллектуальную беседу на мягком земном языке под звуки доносившейся из окна приятной музыки и под смех детей, игравших на веранде и в парках. Все вокруг дышало свободой, справедливостью и достатком.

Ундума терзался мыслью о том, что все эти прелести жизни могут в одночасье исчезнуть, если сюда явятся роботы с Норстада и бездушные чудовища с Колреша.

Он поднял бокал и с привычной элегантностью откинулся в кресле.

— Нет, сэр, они не блефуют,— сказал посол.

Нгу Чилонго, председатель парламента Федерации, моргнул. Это был невысокий человек, седовласый и мудрый, но то, что ему довелось только что услышать, просто выходило за всякие рамки и требовало осмысления.

— Конечно...— начал он.— Конечно... этот Руш не сумасшедший. Но неужели он верит, что две его планеты с населением от силы в миллиард человек смогут одержать верх над четырьмя миллиардами землян!

— Им будут помогать несколько миллионов колрешитов,— напомнил Ундума.— Во всяком случае, они полностью возьмут на себя операции на море, а их флот значительно сильнее нашего. Войска норронов высадятся на Земле и будут вести военные действия в воздухе и на суше. И кстати, из этого своего миллиарда Руш может бросить в бой примерно сто миллионов солдат.

Чилонго выронил свой бокал.

— Не может быть?!

— Однако это правда, сэр.— Это вступил в разговор третий из присутствовавших, Мустафа Лефарж, министр обороны. Его голос звучал обреченно.— Каждый гражданин Королевства Двух Планет, будь то мужчина или женщина, обязан пройти специальную подготовку, чтобы во время войны даже те, кто не входит в состав регулярной армии, могли внести свой посильный вклад в борьбу. Гражданская экономика там фактически прекратила существование. За долгие годы жители Королевства Двух Планет смирились с отсутствием элементарных удобств и привыкли удовлетворять лишь минимум потребностей.— И министр добавил с сарказмом: — А под самым необходимым там понимают лишь пищу и боеприпасы, а вовсе не развлечения и культурные потребности, как это принято у нас.

— Но сто миллионов,— прошептал Чилонго и взглянул на свои руки.— Это же в десять раз больше численности *всех* наших вооруженных сил!

— И следует добавить, что наши войска плохо обучены, недостаточно оснащены и не пользуются особым уважением общественности,— с горечью добавил Лефарж.

— Короче, сэр,— подытожил Ундума,— если по отдельности мы еще и могли бы одолеть как Колреш, так и Норстад-Остарик, то, объединившись, они запросто победят нас.

Чилонго вздрогнул. Ундуме вдруг стало жаль этого человека. Такого рода информацию можно усваивать лишь небольшими дозами. Подумать только, ведь цивилизация распространилась с Земли. И вот уже в глубинах человеческих душ зреют адские замыслы. И никакие законы природы не в состоянии защитить добро от происков зла.

— Но они не посмеют! — воскликнул председатель парламента.— У нас есть друзья повсюду...

— Правительства всех наших колоний в Галактике картинно заломят руки и выступят с нотами протеста,— сказал Лефарж.— А потом они трусливо спрячут головы под одеяла и будут успокаивать себя тем, что агрессоры наконец-то насытились.

— А эта нота, которую нам вручил Руш.— Чилонго лихорадочно соображал, как можно спасти планету, и на его коричневом морщинистом лбу выступили капельки пота.— Нельзя ли все-таки заключить какое-либо соглашение?

— Их условия выполнить невозможно, вы же сами читали и прекрасно все знаете,— прямо ответил Ундума.— Руш хочет, чтобы мы объявили войну колрешитам и выступили под норронским командованием, оплатили кампанию и... Ну уж нет!

— Но если уж войны все равно не избежать,— заметил Чилонго,— то лучше обзавестись хотя бы одним союзником...

— Неужели Земля так изменилась за время, что я отсутствовал? — спросил изумленный Ундума.— Неужто наш народ согласится на это... это вымогательство... и позволит волосатым варварам диктовать нам условия и командовать нашей внешней политикой... Почему бы еще до вступления в войну нам самим не опубликовать декларацию и не объявить любые посягательства на наши права неконституционными! И *нецивилизованными!*

Казалось, Чилонго несколько смутился.

— Вы меня не так поняли,— ответил он.— Я вовсе не собираюсь идти у них на поводу. Уж лучше, по правде говоря, честно потерпеть поражение в бою. Я лишь предлагал поторговаться...

— Попробовать, конечно, можно,— скептически заметил Ундума.— Только что-то я никогда не слышал, чтобы Ганс Руш шел на уступки — разве что приставить ему к виску пистолет.

Лефарж закурил сигару, выпустил клуб дыма и сделал очередной глоток из бокала.

— Честно говоря, я очень сомневаюсь, чтобы союз с колрешитами понравился его собственному народу,— в раздумье сказал министр.

— Это уж точно! — согласился Ундума.— Но народ смирится, куда ему деваться!

— Послушайте! А нельзя ли попытаться свергнуть Руша... или даже его убить?

— Об этом не может быть и речи. Сейчас объясню. По рождению Руш всего лишь захудалый аристократ, но во время последней войны с колрешитами он дослужился до высокого чина и приобрел популярность среди многих молодых офицеров, некоторые из них даже фанатично ему преданы. В последние несколько лет, после гибели короля, Руш стал диктатором. На все ключевые посты он расставил своих людей — жестких, способных и не задающих лишних вопросов. Все восхищаются Рушем и преклоняются перед ним. Однако не обольщайтесь: этот человек не страдает манией величия и избегает публичности, так что его власть не связана какими-либо обязательствами. Это можно видеть по тому, что все его сородичи уже осведомлены о вероятном союзе с колрешитами, но, хотя всем одинаково ненавистна сама эта идея, никто не высказал даже слова критики в адрес Руша лично. Стоит ему отдать приказ, и все послушно погрузятся на колрешитские корабли и отправятся крушить Землю, которую в глубине души любят.

— Это заставляет меня вспомнить древние мифы о воплотившемся дьяволе,— прошептал Чилонго.

— Однако такое уже бывало на Земле, позвольте вам напомнить,— ответил Ундума.

— М-м? — выпрямился Лефарж.

Посол печально улыбнулся.

— Исторические примеры,— сказал он,— сейчас не имеют никакого практического значения. Сознание того, что мы не единственные, кого предали,— довольно слабое утешение.

— О чем вы? — спросил Чилонго.

— Давайте дадим астрополитическую оценку сложившегося положения,— предложил Ундума.— Владения Колреша находятся в созвездии Полариса и поблизости от него, колрешиты с давних пор истребляли там отсталых местных жителей. Затем они развернули экспансию против богатых планет, заселенных людьми. Норстад как раз оказался на их пути и потому подвергся нападению первым — и остановил их. С тех пор эта война затянулась на восемьсот лет. Конечно, время от времени колрешиты пытались обойти Норстад с флангов и захватывали какую-нибудь планету на западе Галактики или устраивали набег на другую планету на севере, воевали на юге или заключали временный союз на востоке. Но это никогда не выливалось во что-либо значительное. Подобное просто невозможно, поскольку Норстад лежит на прямой линии, соединяющей сердце Колреша и центр цивилизации. Если Колреш действительно обойдет Норстад, норроны могут нанести удар — и, уверяю, так они и сделают — им с тыла. Иными словами, несмотря на то, что межзвездное пространство огромно и имеет три измерения, Норстад охраняет северные подступы цивилизации.

Посол остановился и сделал глоток. Напиток был прохладным и приятным на вкус — настоящее блаженство после бурды, которую ему приходилось пить на окраинах.

— Хм, мне как-то не приходило в голову посмотреть на это под таким углом зрения,— признал Лефарж.— Я всегда считал, что это просто борьба между двумя варварами, которая и ведется по варварским законам.

— О, так оно и есть на самом деле,— согласился Ундума,— но фактически Норстад всегда служил прикрытием для Земли. А теперь вспомните нашу раннюю историю — между прочим, Руш знает ее просто великолепно, что, кстати, побудило и меня тоже обратиться к этому предмету.

Так вот, история Земли показывает, что подобное частенько случалось в прошлом. Небольшое и не слишком развитое государство, расположенное где-нибудь на задворках цивилизации, сдерживает врагов, а за его спиной процветают действительно развитые страны. Так Ассирия в свое время прикрывала Месопотамию, Рим защищал Грецию, лорды Уэльса — Англию, тюркские народы с Амударьи — Персию, Пруссия блокировала попытки нападения на Западную Европу... о, я могу привести много подобных примеров. Всегда существовали немного отсталые нации, принимавшие на себя удар врагов на дальних подступах, не пропускавшие дикарей в цивилизованные страны.

Посол перевел дух.

— И что с того? — спросил Чилонго.

— Конечно, страдания изматывают народ,— пожал плечами Ундума.— Он становится озлобленным. Жители приграничных областей империи Карла Великого в ходе беспрестанных битв становились воинственными, грубыми феодалами, страной управляло абсолютистское правительство с милитаристами во главе. Никто не любил их — ни варвары, ни цивилизованные народы. В конце концов эти воины тоже обращали свое оружие внутрь цивилизации. Со временем их воинские навыки и сила устремляются на завоевание богатой добычи, вместо того чтобы без конца отражать натиск вечно возвращавшихся варваров. Так Ассирия поглотила Вавилон, Рим завоевал Грецию, Перси восстал против короля Генриха, Тимур разбил Баязида, Пруссия напала на Францию...

— А Норстад-Острик нацелились на Землю,— закончил за посла Лефарж.

— Вот именно. И нет ничего нового в том, что пограничное государство заключает союз с племенами, с которыми оно так долго воевало. Например, Перси и Оуэн Глендоуэр... хотя означенные полководцы были все-таки ближе друг другу по духу, чем Ганс Руш и Клерак Белуг.

— Но что же нам делать? — вздохнул Чилонго, вскинув глаза к голубому небу Земли, с которого вот уже тысячу лет не падали бомбы.

Затем он встрепенулся, вскочил и резко повернулся к собеседникам.

— Простите, джентльмены,— сказал он.— Известие застало меня врасплох, и потому мне нужно время, чтобы подробнее изучить этот норронский протокол и как следует все обдумать. Если ваши соображения верны,— поклонился он послу,— как я и предполагаю...

— Что тогда? — спросил Ундума.

— Тогда у нас, похоже, есть еще несколько месяцев до того, как начнут разворачиваться неприятные события. Мы можем затеять переговоры и выиграть время. Как-никак, у нас все-таки самый развитой промышленный комплекс во Вселенной и четыре миллиарда граждан, которые, разумеется, еще не лишились мужества. Мы укрепим наши вооруженные силы и, когда эти варвары сунутся к нам, просто вышвырнем их обратно в пещеры!

— Именно это я и надеялся услышать от вас,— со вздохом признался Ундума.

— А я надеюсь, что нам хватит на это времени,— хмуро добавил Лефарж.— Руш, надо полагать, не дурак. Наше перевооружение нельзя будет скрыть от общественности. Как только диктатор прознает об этом, он наверняка постарается немедленно скрепить свой союз с колрешитами и напасть на нас, пока мы не успели подготовиться.

— Нужно использовать и умело разжечь их взаимную подозрительность,— сказал Ундума.— Конечно, я должен вернуться туда и сделать все возможное, чтобы посеять разлад между потенциальными союзниками.

Посол на минуту умолк, а затем заметил, словно про себя:

— Пока мы полностью не завершим подготовку, нам остается лишь надеяться.

Мутация колрешитов была тонкой. Внешне она никак не проявлялась: физически это был красивый народ — белокожий и с золотистыми волосами. За столетия в их среду просочились тысячи норронских шпионов, и зачастую им удавалось вернуться на родину невредимыми. Однако работа их оказывалась непомерно сложной, и не потому, что

приходилось приспосабливаться, а из-за того, что следовало преодолеть отвращение и практиковать каннибализм и еще худшие обычаи.

Мутация представляла собой психический сдвиг и, очевидно, затронула какой-то ген, связанный с развитием эндокринной системы. Описать ее было чрезвычайно трудно — любое категоричное суждение неизбежно требовалось сопровождать рядом исключений и ограничений. Но одним из главных признаков поведенческого проявления мутации являлась доведенная до крайности ксенофобия. Для Homo sapiens вполне обычно держаться в стороне от чужаков, пока не установится определенный уровень bona fides*. Для человека вида Homo kolreshi нормой считалось ненавидеть чужаков с первого взгляда и уничтожать их.

Обычно такого рода инстинкт ведет к близкородственному скрещиванию и снижению плодовитости, однако систематическое уничтожение уродов может поддерживать сильный генофонд. Ксенофобия вызывает также стремление к незыблемому порядку в государстве и склонность к бродяжничеству, когда планета превращается в пиратскую базу, точно бедуинский оазис, родной, но редко посещаемый. Среди других особенностей поведения колрешитов были культ тайны и жестокости, отправление мерзких религиозных обрядов и провозглашение конечной цели их нации: завоевать доступную часть Вселенной и истребить все прочие расы.

Конечно, не все было так просто и очевидно. В своей среде колрешиты, несомненно, не чуждались нежности и верности. А посещая другие планеты — из числа тех, что пока не рассматривались ими в качестве объекта нападения,— они вели себя вежливо и в оправдание своей агрессии приводили тот довод, что якобы вынуждены защищаться от вероломных нападений других, и надо сказать, что многие находили это объяснение правдоподобным. Даже враги преклонялись перед личным мужеством и героизмом этого народа.

---

* Доверие *(лат.)*.

Тем не менее мало кто огорчился бы, если бы однажды дождливой ночью всех колрешитов поглотил великий потоп.

Ганс фон Тома Руш подрулил на своем спидстере к горбатому военному кораблю, который располагался на расстоянии одного солнечного года от местного солнца и словно парил посреди ледяного вакуума. Координаты корабля были тайно переданы маркграфу вместе с приглашением, по форме скорее напоминавшим вызов.

Спидстер скользнул к люльке, находящейся под дулами пушек, способных разнести на части Луну, и специальный механизм опустил его на палубу. Руш вступил в приемную камеру корабля — помещение с высоким потолком, освещенное холодным светом. Там его приветствовал одетый в красное гвардеец почетного караула.

Маркграф, высокий мужчина в черной, расшитой серебром униформе, не спеша шагал навстречу одетому в красную тунику главнокомандующему Колреша Клераку Белугу. Хозяин ожидал гостя с нетерпением. Каюту охраняли скрытые в стенах пушки.

Руш щелкнул каблуками.

— Добрый день, ваша честь,— сказал он.

В помещении раздалось слабое эхо. По какой-то причине колрешиты любили подобный эффект и всегда встраивали в стены резонаторы.

Белуг, стареющий гигант, на голову выше маркграфа ростом, вскинул косматые брови.

— Вы прибыли один, ваша светлость? — спросил он по-норронски с ужасным акцентом.— Мы полагали, что вас будет сопровождать личный телохранитель.

Руш пожал плечами.

— В целях безопасности мне пришлось бы лететь к вам на персональном крейсере,— ответил он на беглом колрешитском,— так что я решил просто довериться вам. Полагаю, что вы прекрасно понимаете: причиненный мне вред немедленно спровоцирует объявление войны.

Широкое львиное лицо главнокомандующего расплылось в улыбке.

— Мои уполномоченные не ошиблись в вас, ваша светлость. Думаю, с вами можно иметь дело. Прошу.

Главнокомандующий повернулся и направился в недра корабля. Руш шел следом в окружении гвардейцев со штыками. Он тоже держал руку на рукояти оружия, хотя в данных обстоятельствах подобная предосторожность была совершенно бессмысленной.

По пути маркграф размышлял. Он отдавал себе ясный отчет в том, что события вот-вот достигнут кульминации. Уже целый год тянулись секретные переговоры, отягощавшиеся взаимными подозрениями. Теперь осталось всего два разногласия, зато настолько важные, что для их обсуждения понадобилась личная встреча двух диктаторов. Высокомерное приглашение исходило от Белуга.

И вот Руш прибыл в стан бывшего противника. Наверняка, узнав об этом, все прежние короли Норстада просто в гробах перевернулись.

Компания вошла в небольшую, но роскошно обставленную каюту. Тут были традиционные роботы-переводчики, роботы-референты, а также гвардейцы, но можно считать, что главнокомандующий и маркграф фактически остались наедине.

Белуг грузно опустился в кресло.

— Трубку? Желаете чего-нибудь выпить? — спросил он.

— У меня есть с собой, благодарю,— ответил Руш и достал трубку и фляжку.

— Как дипломатично,— проворчал Белуг.

Маркграф рассмеялся:

— Я всегда знал, что ваша честь не слишком придерживается утонченных цивилизованных манер. Полагаю, не ошибусь, если скажу, что мы с вами оба склонны переходить прямо к делу.

Главнокомандующий щелкнул пальцами. Кто-то или что-то скользнуло в каюту с бокалом вина. Белуг сначала сделал глоток, а потом уж ответил:

— Согласен. Дело прежде всего. Нам следует достичь приемлемого соглашения, на основе которого наши подчиненные составят письменный договор. Но мне кажется странным, сэр, что после стольких проволочек вы вдруг

проявляете такое рвение, чтобы поскорее завершить наши дела.

— Ничего странного,— сказал Руш.— Земля перевооружается. Это длится вот уже год. Мы пока по-прежнему можем разбить ее, но еще через полгода это уже будет невыполнимой задачей. Если дать ее заводам-автоматам еще шесть месяцев, то земляне уничтожат нас!

— Но для вас не секрет, что с тех пор, как к вам в прошлом году вернулся посол Земной Федерации — как там его, кажется, Ундума? — он только и делал, что старался выиграть время.

— Это правда,— ответил Руш.— Он сперва выступал с предложениями, а потом начинал торговаться, всячески стараясь отвлечь наше внимание красивыми жестами. Но эта его тактика не сработала. Откровенно говоря, ваша честь, в проволочках виноваты вы сами. Кто настаивал, что Земля должна непременно стать колрешитским владением?..

— Милорд! — взорвался Белуг.— Да как вы смеете меня в этом обвинять? Не забывайте, что вы сами шесть недель рассматривали этот вопрос, а потом выдвинули совершенно противоположные по смыслу предложения, что все — и добыча, и территория — должно достаться вам... Да если бы Королевство Двух Планет действительно было настроено на сотрудничество, мы бы достигли компромисса всего за какой-нибудь месяц!

— Пусть будет так,— уступил Руш.— Все это уже в прошлом. Теперь осталось только решить вопросы о доставке войск и о пленных, и тогда мы придем к согласию.

Клерак Белуг нахмурил брови и потер огромной ручищей подбородок.

— Честно говоря, и мне самому, и моим офицерам флота ваше требование непонятно. Мы предоставляем вашим людям обычный транспорт, об особом комфорте, разумеется, тут говорить не приходится, но он более подходящий для подобной задачи, чем... чем те корабли, на которых настаиваете вы. Вы что, не понимаете? Транспорт нужен для доставки людей и грузов, а линейные корабли используются в бою или для конвоя. Не путайте различные функции!

— Я прекрасно все понимаю, ваша честь,— ответил Руш.— Максимально возможное число моих солдат собираются в поход на обычных военных кораблях, предоставляемых Колрешем, и на судах так же предусмотрено присутствие обслуживающего персонала от Королевства Двух Планет.

Белуг схватился за бокал, точно собираясь раздавить его.

— Но... Почему? — взревел он.

— Мои уполномоченные уже объясняли это вам сотню раз,— с упреком ответил Руш.— По правде говоря, я вам просто не доверяю. Если... допустим, между нами возникнет какое-либо недоразумение, пока армада будет в пути... Транспортный корабль можно легко вывести из строя: конвойный корабль в состоянии взорвать его. Боевой флот Колреша мог бы послужить для нас залогом вашей верности.— Маркграф раскурил трубку.— Естественно, вы не сможете разместить пятидесятимиллионный экспедиционный корпус в военных кораблях, но я хочу, чтобы солдаты летели на каждом военном судне, а не только на транспортах.

Белуг покачал рыжей головой и сказал:

— Нет.

— Да бросьте же,— продолжил Руш.— Ваши шпионы неплохо поработали как на Норстаде, так и на Остарике. Разве вы обнаружили хотя бы какой-то повод сомневаться в моих намерениях? Прошу учесть, что армию такого размера просто невозможно поднять по тревоге без того, чтобы отдать приказы одновременно многим людям...

— Да, конечно, согласен— проворчал Белуг. И главнокомандующий слегка улыбнулся.— Но последнее слово все же за мной, ваша светлость. Я вполне могу отложить нападение на Землю на неопределенное время, а вы — нет.

— Что? — Руш запыхтел трубкой.

— В конечном счете даже диктаторы опираются на поддержку народа. Разведка донесла мне, что вы быстро теряете популярность. Королева вот уже год не разговаривает с вами, верно? А многие норроны в первую очередь хранят верность короне. Когда впервые пошли слухи о возможной войне против Земли, ваши соотечественники не сразу осознали, во что это может вылиться, но затем, ког-

да вы развернули пропаганду против землян, люди озлобились. Они уже поносят вас в барах и офицерских клубах и даже перешептываются в министерских кулуарах. Мои агенты собрали соответствующие сведения. Только молодые кадровые офицеры еще безоговорочно верны вам. Если недовольство народа продолжит расти, возможен мятеж, и тогда ваших сторонников повесят на фонарях. Так что дальше вам откладывать уже некуда.

Руш не торопился с ответом. Потом он выпрямил спину, и стекло монокля блеснуло, как льдинка.

— Я всегда могу отказаться от этого плана и восстановить статус-кво,— бросил он.

Белуг побагровел.

— Опять война с Колрешем? Вам потребуются длительная перестройка и реорганизация.

— Ничего подобного. В нашей военной академии, как и в любой другой, разрабатывают планы военных кампаний с учетом всевозможных вариантов развития событий. Если я не договорюсь с вами, вступит в силу «План номер такой-то». И он, поверьте, вполне может стать весьма популярным!

Устремив на главнокомандующего сверлящий взгляд, холодным тоном маркграф добавил:

— Ведь что ни говорите, ваша честь, а я бы предпочел войну не с Землей, а с вами. И только травля вас собаками доставила бы мне большее удовольствие. Однако за семьсот лет мы убедились, что одолеть Колреш невозможно. И я начал переговоры, открыв дьявольский торг — если вас победить нельзя, тогда нам лучше присоединиться к вашей военно-имперской политике, к обоюдной выгоде. Но поскольку сейчас ваше упрямство препятствует заключению соглашения, я вполне могу объявить вам войну, как обычно. Выбор за вами.

Белуг сглотнул слюну. Даже его телохранители частично потеряли хладнокровие. Разве в таком тоне разговаривают за столом переговоров?

Наконец он процедил сквозь зубы:

— Я ценю вашу откровенность, ваша светлость. Когда-нибудь мы еще побеседуем об этом более подробно. А сейчас... да, я вас понимаю. Я готов принять часть ваших солдат на наши военные линейные суда.

Белуг сидел неподвижно, точно каменная статуя.

— А теперь о возврате военнопленных. Мы никогда не шли на подобные меры, поэтому я не стану даже обещать.

— А я не могу позволить, чтобы несчастные норроны продолжали гнить на ваших полях,— ответил Руш.— Я прекрасно осведомлен о том, как там с ними обращаются. Если мы станем союзниками, я хочу, чтобы вы вернули тех пленных, кто еще жив.

— Но немногие из них в своем уме,— осторожно заметил Белуг.

Руш выпустил колечко дыма и промолчал.

— Если я пошел вам навстречу,— сказал Белуг,— то имею полное право так же требовать со своей стороны гарантий. Мы оставим ваших пленных в качестве заложников.

Лицо Руша вдруг побледнело, но осталось непроницаемым. В каюте повисла тишина.

— Что ж, прекрасно,— ответил маркграф после долгой паузы.— Пусть будет по-вашему.

Майор Откар Грааборг молча вел своих подчиненных в черный крейсер. Снаружи, с площадки космопорта, где полиция разгоняла улюлюкающую и свистящую толпу, доносился шум. Впервые за всю историю норроны бросали камни в своих солдат.

Люди майора тяжелой поступью шли за командиром по проходам и коридорам. Шлемы, вещмешки, оружие, стучащие ботинки и клацающие панцири — казалось, что все это само по себе, солдаты выглядели какими-то безликими.

Грааборг следовал за колрешитским мичманом, который с опаской оглядывался на бывших противников. Наконец они достигли отсека с сиденьями для пассажиров, наспех переоборудованного из грузового трюма. Здесь без особых удобств и в тесноте могла поместиться тысяча человек.

— Отлично, ребята,— сказал майор, когда за спиной провожатого захлопнулась дверь.— Устраивайтесь поудобнее.

Солдаты закопошились, раскрывая вещмешки, раскатывая матрацы на скамьях. А затем они развернули тяжелые пулеметы, гаубицы и даже ядерный заряд.

— Эй, вы! — по трансляции раздался возмущенный голос, говоривший с акцентом.— Я ведь все вижу по видео. Вам не разрешено разворачивать здесь оружие.

Грааборг оторвал взгляд от атомного снаряда и посмотрел вверх.

— Ой, как вы нас напугали! — дурашливо ответил он.— А вы кто такой?

— Я дежурный офицер. И сейчас доложу капитану.

— Валяйте. Согласно полученному мной приказу, а также договору, в отведенных нам отсеках корабля мы подчиняемся только своим командирам. Так что если вашему капитану это не нравится, пусть придет к нам, мы ему все объясним.

И Грааборг проверил остроту штыка большим пальцем. Солдаты свистом поддержали заявление своего командира.

Колрешиты не стали лезть на рожон. Крейсер вышел в космос, где встретился с конвоируемым транспортом, а затем отправился в подпространство. Несколько дней норронские войска не покидали своих пристанищ, терпеливо перенося дорогу. Колрешиты диву давались, как люди могли ютиться в такой духоте. Тем не менее ни один пилот не появился в трюме; еду сюда доставлял прямо с камбуза специальный норронский взвод.

Грааборг бродил по кораблю. Он общался с командиром фон Брекка с Остарика. Этот офицер отвечал от Королевства Двух Планет за связь на этом корабле: в его подразделение входило несколько офицеров и старшин, размещенных где-то в другом месте. Они обсуждали, по мере необходимости, возникавшие вопросы с колрешитскими офицерами и даже рассматривали возможные планы операций, которые предстояло провести через месяц, когда крейсер должен был достичь Земли. Но от неформального общения воздерживались. И это вполне устраивало хозяев.

В действительности колрешиты даже боялись своих новых союзников. Космический пилот, безусловно, человек

мужественный, но среди военных он считается «белой костью». Корабль содержится в порядке и чистоте, он должен быть удобен. Если же хоть что-то не в порядке, корабль быстро погибнет. Поэтому пилот должен уметь управляться с машинами огромной мощности.

Иное дело мускулистые и покрытые грязью солдаты пехоты, привыкшие держать острое железо в голых руках,— они отличаются особо суровым нравом.

Прошло две недели. Майор Грааборг взглянул на свои наручные часы: пора. Несмотря на тесную казарму, он проводил обязательную ежедневную тренировку солдат.

— Смирно! — Команду майора один за другим повторили капитаны, лейтенанты, сержанты; огромная масса людей выстроилась в ровные ряды.

Майор Грааборг поднес к губам небольшой звуковой усилитель.

— Отлично, ребята,— непринужденно сказал он.— А теперь наденьте газовые маски и радиационные щиты, все оружие держать наготове. Мы начинаем зачистку корабля.

И первый бросил гранату в стену.

Безусловно, самые вымуштрованные солдаты во Вселенной, норроны растерялись только на секунду. Потом они воодушевились и радостно кинулись в бой.

Особо мощного сопротивления они не встретили, и Грааборг привлек к работе команду фон Брекка, способную управлять кораблем и вести бой в этот критический момент. Сначала колрешиты были ошарашены, но затем они объединились и попытались организовать сопротивление. Грааборг оказался в затруднительном положении: тут он не мог руководить боем. Майор просто рассеял свои силы по судну, предоставив солдатам действовать по собственному усмотрению.

И его надежды оправдались, хотя к моменту, когда был расстрелян последний колрешит, корабль уже находился в жалком состоянии.

Сам Грааборг во время боя с удовольствием использовал свой острый штык.

Мкатзе Ундума вошел в приемную Чародейной башни.

— Вы посылали за мной, ваша светлость? — спросил он холодным тоном.

За окном свистел ледяной ветер.

— Да, садитесь, пожалуйста. У меня есть для вас новости.

Маркграф Ганс фон Тома Руш выглядел усталым.

— Что еще за новости? Две недели назад вы объявили Земле войну. Ваши войска еще даже не успели туда добраться. Или вы нашли способ, чтобы выслать меня домой? — спросил посол, нагнувшись над столом.

— Нет, ваше превосходительство, новости хорошие.

Руш включил телеэкран. На нем возникло изображение роботов и занятых чем-то молодых офицеров.

Затем на дисплее появилось лицо — молодое, живое, совсем не похожее на те тупые лица, какие Ундума привык видеть на этой планете.

— Центральный штаб. Ой, здравствуйте, ваша светлость! — браво выкрикнул офицер, опять же против обычных правил.— Мы захватили его! Только что доложили с «Бхеоки»... Он наш!

— Хм, хорошо.— Руш взглянул на Ундуму и пояснил: — «Бхеока» — это суперкрейсер, сопровождавший вторую штурмовую группу. Еще новости есть?

— Да, сэр. Он уже расстреливает те боевые единицы, которые нам не удалось захватить. Адмирал Сорренс считает, что через час вторая группа будет целиком под нашим контролем. Только что пришло донесение от третьей группы. Адмирал Гундруп убит в бою, но вице-адмирал Смитт уже принял командование и докладывает, что три четверти корабля — в наших руках. Он пока не открыл огонь, ждет, когда корабль будет захвачен целиком. И еще...

— Достаточно,— сказал Руш.— Я получу исчерпывающее донесение позднее. Напомните, что в ближайшие часы все решения командиры могут принимать на местах. Позже мы увидим общую картину и разработаем дальнейшую тактику. Если не произойдет никаких неожиданностей, через несколько часов я прибуду в штаб.

— Да, сэр. Сэр, я... я просто не могу выразить...— Можно было подумать, что молодой норрон обращался к Богу.

— Ладно, сынок, считай, что я тебя понял,— сказал Руш.

— А вы-то сами разобрались в том, что происходит? — спросил он Ундуму.

Посол сел. Казалось, ноги отказывались ему служить.

— Да что такое стряслось?

Голос посла тоже звучал не так, как обычно.

— Просто я наконец осуществил то, что задумал несколько лет назад,— ответил маркграф.

Затем он достал из письменного стола бутылку.

— Вот, ваше превосходительство. Думаю, сейчас нам обоим не помешает. Настоящее земное шотландское виски. Я берег его на этот день.

Однако на лице маркграфа не было заметно особого восторга. Такое частенько бывает: когда наконец достигаешь цели, чувствуешь одну только усталость.

Ундума сделал глоток живительной жидкости.

— Так вы поняли или нет? — спросил Руш.— Семь столетий шла битва слона и кита, и ни нам, ни колрешитам не удавалось одержать верх над другим. Я пошел на этот союз против Земли только ради того, чтобы мои люди смогли подняться на борт их кораблей. Однако просто инсценировать подобное невозможно. Все должно было быть по-настоящему: соглашение, подготовка, пропаганда — все. Только горстка офицеров, людей, которым я безгранично доверяю...— Его голос дрогнул, и Ундума подумал о пленных, принесенных в жертву, о страшных стычках и о погибших в лабиринтах коридоров кораблей, о пушках норронов, стрелявших по колрешитским судам, о норронских подразделениях, которым не удалось захватить вражеские корабли... Тем временем маркграф продолжал: — Только немногим я смог все рассказать, да и то лишь в последний момент. В остальном я полагался на качества наших солдат. Они отличные ребята, все без исключения, и свободно ориентируются в сложных ситуациях. Особенно если им прикажут вступить в бой с теми, кого они больше всего ненавидят.

Руш снова наполнил стаканы виски.

— Это нам дорого обойдется,— произнес он сдавленным голосом.— Несомненно, мы потеряем убитыми больше, чем за десять лет обычных боевых действий. Но, если бы я не пошел на это, война могла бы растянуться еще на семьсот лет. Что? Разве не так? А теперь мы уже перебили хребет колрешитского флота. У них еще осталось немало судов, так что, безусловно, угроза пока не устранена, но им нанесен серьезный урон. Я рассчитываю, что теперь Земля нам поможет. Вместе мы быстро покончим с колрешитами. Ведь Колреш объявил вам войну и хотел вас уничтожить. И даже без вашей помощи мы уже справимся сами, ведь теперь мощь их флота подорвана. Однако я надеюсь, что вы все-таки присоединитесь к нам.

— Я не знаю,— ответил Ундума. Он еще не привык к новой расстановке сил во Вселенной. Мы не столь уж... воинственны.

— Но вам придется стать такими,— сказал Руш.— Достаточно сильными, чтобы защищать свои интересы в области Полариса. Поларис — это важнейший рубеж.

— Да,— не сразу согласился Ундума.— Это так. Я не уверен, что новость вызовет ликование на наших улицах, но... да, пожалуй, мы должны продолжить войну в качестве вашего союзника, в том числе и для того, чтобы предупредить вашу расправу с колрешитами. Видите ли, им надо дать шанс.

— Лично я в этом сильно сомневаюсь,— проворчал Руш.— Но, может, вы и правы. Во всяком случае, колрешитам следует запретить вооружаться.— Он поднял бровь и шутливо добавил: — Думаю, у нас тоже появится шанс, если вы пришлете к нам миротворческие миссии и психологов. Не сомневаюсь, что вы вынудите нас пойти на демилитаризацию и превратиться в мягкотелых демократов. Ладно, Ундума, высылайте своих цивилизованных миссионеров. Но позвольте мне выразить надежду, что я не доживу до тех пор, когда они закончат свою работу!

Землянин сдержанно кивнул. Ундума не мог обвинять Руша в вероломстве, грубости или самонадеянности — он был продуктом своего времени и своего народа. И все же для цивилизованного человека маркграф был не слишком приятной компанией.

— Я должен безотлагательно связаться с моим правительством, ваша светлость, порекомендовать ему заключение нового союза. Условия этого союза мы обсудим позже,— сказал посол.— Я доложу вам о результатах переговоров, как только это станет возможно. Да, кстати... а где мне вас искать?

— Да я и сам толком не знаю.— Руш встал с кресла.

За его спиной чернела зимняя ночь.

— Я должен созвать заседание правительства и выступить с заявлением по телевидению, а потом отправиться в штаб и... Впрочем, нет! Черт с ним, это все может подождать! Если я вам понадоблюсь в ближайшие несколько часов, ищите меня в Зоргенлосе, на Остарике. И не будем терять времени!

Филип К. Дик

Репутация Филипа К. Дика, считающегося одним из наиболее значительных творцов научно-фантастической прозы в XX столетии, базируется на написанных им изысканно-сложных повествованиях о переплетающихся альтернативных реальностях. Его роман «Человек в высоком замке», действие которого развивается в будущем, где Япония и Германия победили во Второй мировой войне, получивший премию «Хьюго» в 1963 году, считается одним из лучших произведений в жанре «альтернативной истории». В романе «Доктор Бладмани, или Как мы жили после бомбы» автор предлагает свой взгляд на американское общество, пережившее ядерную войну. «Три стигмата Палмера Элдрича» и «Убик», действие которых происходит в мирах, где нормой является то, что время неуловимо, а реальность непостоянна, выкристаллизовывают настроение паранойи и зачастую комической хаотичной нестабильности, характерной для многих работ автора. Трилогия «Валис», в которую входят романы «Валис», «Божественное вторжение» и «Трансмиграция Тимоти Арчера», заслужила похвалы критиков за использование методов научной фантастики и фэнтези для создания философского и космологического расследования. Несколько его популярных произведений были с успехом перенесены на экран. Кинобестселлер «Бегущий по лезвию бритвы», снятый в 1982 году, является экранизацией романа «Снятся ли андроидам электроовцы?», а фильм 1990 года «Вспомнить все» — короткого рассказа «Из глубин памяти» (в другом варианте перевода — «Мы вам все припомним»).

Пробудившийся после смерти Дика в 1982 году интерес к его творчеству привел к публикации многих его не фантастических романов, нескольких томов писем и пяти сборников малой прозы, где были собраны все рассказы и повести писателя.

Вторая модель

Русский солдат с винтовкой наперевес пробирался вверх по вздыбленному взрывами склону холма. Он то и дело беспокойно озирался и облизывал пересохшие губы. Время от времени он поднимал руку в перчатке и, отгибая ворот шинели, вытирал с шеи пот.

Эрик повернулся к капралу Леонэ.

— Не желаете, капрал? А то могу и я.— Он настроил прицел так, что заросшее щетиной мрачное лицо русского как раз оказалось в перекрестии окуляра.

Леонэ думал. Русский был уже совсем близко, и он шел очень быстро, почти бежал.

— Погоди, не стреляй. По-моему, это уже не нужно.

Солдат наконец достиг вершины холма и там остановился, тяжело дыша и лихорадочно осматриваясь. Серые плотные тучи пепла почти полностью заволокли небо. Обгорелые стволы деревьев да торчащие то тут, то там желтые, словно черепа, остовы зданий — вот и все, что осталось на этой голой мертвой равнине.

Русский вел себя очень беспокойно. Он начал спускаться с холма и теперь уже был в нескольких шагах от бункера. Эрик засуетился: он вертел в руке пистолет и не сводил глаз с капрала.

— Не волнуйся,— успокаивал Леонэ.— Он сюда не попадет. О нем сейчас позаботятся.

— Вы уверены? Он зашел слишком далеко.

— Эти штуковины овиваются у самого бункера, так что скоро все будет кончено.

Русский спешил. Скользя и увязая в толстом слое пепла, он старался удержать равновесие. На мгновение он остановился и поднес к глазам бинокль.

— Он смотрит прямо на нас,— произнес Эрик.

Солдат двинулся дальше. Теперь они могли внимательно рассмотреть его. Как два камешка — холодные голубые глаза. Рот слегка приоткрыт. Небритый подбородок. На худой грязной щеке — квадратик пластыря, из-под которого по краям виднеется что-то синее, должно быть лишай. Рваная шинель, лишь одна перчатка. Когда он бежал, счетчик радиации подпрыгивал у него на поясе.

Леонэ коснулся руки Эрика.

— Смотри, один уже появился.

По земле, поблескивая металлом в свете тусклого дневного солнца, двигалось нечто необычное, похожее на металлический шар. Шарик быстро поднимался, упруго подпрыгивая, по склону холма. Он был очень маленький, еще детеныш. Русский услышал шум, мгновенно развернулся и выстрелил. Шар разлетелся вдребезги. Но уже появился второй. Русский выстрелил вновь.

Третий шарик, жужжа и щелкая, впился в ногу солдата, потом забрался на плечо, и длинные вращающиеся лезвия, похожие на когти, вонзились в горло жертвы.

Эрик облегченно вздохнул.

— Да... От одного вида этих чертовых роботов меня в дрожь бросает. Иногда я думаю, что лучше бы было обходиться без них.

— Если бы мы не изобрели их, изобрели бы они.— Леонэ нервно закурил.— Хотелось бы знать, почему русский шел один? Его никто не прикрывал.

В бункер из тоннеля пролез лейтенант Скотт.

— Что случилось? Кого-нибудь обнаружили?

— Опять Иван.

— Один?

Эрик повернул экран к лейтенанту. На экране было видно, как по распростертому телу, расчленяя его, ползали многочисленные шары.

— О боже! Сколько же их...— пробормотал офицер.

— Они как мухи. Им это ничего не стоит.

Скотт с отвращением оттолкнул экран.

— Как мухи. Точно. Но зачем он сюда шел? Они же прекрасно знают про «когти».

К маленьким шарам присоединился робот покрупнее. Он руководил работой, вращая длинной широкой трубкой, оснащенной парой выпуклых линз. «Когти» стаскивали куски тела к подножию холма.

— Сэр,— сказал Леонэ,— если вы не возражаете, я хотел бы вылезти и посмотреть на то, что осталось.

— Зачем?

— Может, он не просто так шел.

Лейтенант задумался и наконец кивнул.

— Хорошо. Только будьте осторожны.

— У меня есть браслет.— Леонэ погладил металлический браслет, стягивающий запястье.— Я не буду рисковать.

Он взял винтовку и, пробираясь низко пригнувшись между железобетонными балками и стальной арматурой, выбрался из бункера. Наверху было холодно. Ступая по мягкому пеплу, он приближался к останкам солдата. Дул ветер и запорашивал пеплом глаза. Капрал прищурился и поспешил вперед.

При его приближении «когти» отступили. Некоторые из них застыли, словно парализованные. Леонэ прикоснулся к браслету. Иван многое бы отдал за эту штуку!

Слабое проникающее излучение, исходящее от браслета, нейтрализовывало «когти», выводило их из строя. Даже большой робот с двумя подрагивающими глазами-линзами с почтением отступил, когда Леонэ подошел поближе.

Капрал склонился над трупом. Рука в перчатке была сжата в кулак. Леонэ развел в стороны пальцы. На ладони лежал еще не потерявший блеска запечатанный алюминиевый тюбик.

Леонэ сунул его в карман и с теми же предосторожностями вернулся в бункер. Он слышал, как за его спиной ожили роботы. Работа возобновилась: металлические шары мерно покатились по серому пеплу, перетаскивая добычу. Слышно было, как их гусеницы скребут по земле.

Скотт внимательно рассматривал блестящий тюбик.

— Это у него было?

— В руке,— ответил Леонэ, откручивая колпачок.— Может, вам следовало бы взглянуть, сэр?

Скотт взял тюбик и вытряс его содержимое на ладонь. Маленький, аккуратно сложенный кусочек шелковистой бумаги. Лейтенант сел поближе к свету и развернул листок.

— Что там, сэр? — спросил Эрик.

В тоннеле появилось несколько офицеров во главе с майором Хендриксом.

— Майор,— обратился к начальнику Скотт,— взгляните.

Хендрикс прочитал.

— Откуда это? Когда?

— Солдат-одиночка. Только что.

— Где он сейчас? — резко спросил майор.

— «Когти», сэр.

Майор Хендрикс что-то недовольно пробурчал, а затем, обращаясь к своим спутникам, произнес:

— Я думаю, что это как раз то, чего мы ожидали. Похоже, они стали сговорчивее.

— Значит, они готовы вести переговоры,— сказал Скотт.— И мы начнем их?

— Это не нам решать.— Хендрикс сел.— Где связист? Мне нужна Лунная база.

Связист осторожно установил антенну, тщательно сканируя небо над бункером, чтобы удостовериться в отсутствии русских спутников-шпионов.

— Сэр,— сказал, обращаясь к майору, Скотт,— странно, что они именно сейчас согласились на переговоры. У нас «когти» уже почти год. И теперь... Так неожиданно.

— Может быть, эти штуковины добрались до их укрытий.

— Большой робот, тот что с трубочками, на прошлой неделе залез к Иванам в бункер,— сказал Эрик.— Они не успели захлопнуть крышку люка, и он один уничтожил целый взвод.

— Откуда ты знаешь?

— Приятель рассказал. Робот вернулся с трофеями.

— Лунная база, сэр,— крикнул связист.

На экране появилось лицо дежурного офицера. Его аккуратная форма резко контрастировала с формой собравшихся в бункере людей. К тому же он был еще и чисто выбрит.

— Лунная база.

— Это командный пункт группы Л-четырнадцать. Земля. Дайте генерала Томпсона.

Лицо дежурного исчезло. Вскоре на экране возникло лицо генерала.

— В чем дело, майор?

— «Когти» перехватили русского с посланием. Мы не знаем, стоит ли этому посланию верить — в прошлом уже бывало нечто подобное.

— Что в нем?

— Русские предлагают послать к ним нашего офицера для переговоров. О чем пойдет речь, они не сообщают, но утверждают, что это не терпит отлагательства. Они настоятельно просят начать переговоры.

Майор поднес листок к экрану, чтобы генерал мог лично ознакомиться с текстом.

— Что нам делать? — спросил Хендрикс.

— Пошлите кого-нибудь.

— А вдруг это ловушка?

— Все может быть. Но они точно указывают местоположение их командного пункта. В любом случае надо попробовать.

— Я пошлю человека. Как только он вернется, я доложу вам о результатах встречи.

— Хорошо, майор.

Экран погас. Антенна начала медленно опускаться.

Хендрикс задумался.

— Я пойду,— подал голос Леонэ.

— Они хотят видеть кого-нибудь из высоких чинов.— Хендрикс потер челюсть.— Я не был наверху уже несколько месяцев. Немного свежего воздуха мне не помешало бы.

— Вам не кажется, что это слишком рискованно?

Хендрикс прильнул к обзорной трубе. От русского почти ничего не осталось. Последний «коготь» сворачивался, прячась под толстым слоем пепла. Отвратительный железный краб...

— Эти машинки — единственное, что меня беспокоит.— Он коснулся запястья.— Я знаю, что пока со мной браслет, мне ничего не грозит, но в этих роботах есть нечто зловещее. Я ненавижу их. В них что-то не так. Наверное, их безжалостность.

— Если бы не мы изобрели их, изобрели бы Иваны.

— Как бы то ни было, похоже, что мы выиграем войну. И я думаю, что это хорошо.

Он посмотрел на часы.

— Ладно. Пока не стемнело, надо бы до них добраться.

Он глубоко вздохнул и ступил на серую взрытую землю, закурил и потом какое-то время стоял, оглядываясь по сторонам. Все мертво. Ни малейшего движения. На многие мили — лишь бесконечные поля пепла и руины. Да еще редкие почерневшие стволы деревьев. А над ними — нескончаемые серые тучи, не спеша плывущие между Землей и Солнцем.

Майор Хендрикс начал подниматься по склону холма. Справа от него что-то быстро пронеслось, что-то круглое и металлическое. «Коготь» гнался за кем-то. Наверное, за крысой. Крыс они тоже ловят. Своего рода побочный промысел.

Он забрался на вершину и поднес к глазам бинокль. Окопы русских лежали впереди, в нескольких милях от него. Там у них командный пункт. Гонец пришел оттуда.

Мимо, беспорядочно размахивая конечностями, прошествовал маленький неуклюжий робот. Он исчез где-то среди обломков, похоже, шел по своим делам. Майор таких еще не видел. Неизвестных ему разновидностей роботов становилось все больше и больше: новые типы, формы, размеры. Подземные заводы работали в полную силу.

Хендрикс выплюнул сигарету и отправился дальше. Создание роботов-солдат было вызвано острой необходимостью. Когда же это началось? Советский Союз в начале военных действий добился внушительного успеха. Почти вся Северная Америка была стерта с лица Земли. Конечно, возмездие последовало незамедлительно. Задолго до начала войны в небо были запущены диски-бомбардировщики. Они ждали своего часа, и бомбы посыпались на Советы в первые же часы войны.

Но Вашингтону это уже помочь не могло. В первый же год войны американское правительство вынуждено было перебраться на Луну. На Земле делать было больше нечего. Европы не стало — горы шлака, пепла и костей, поросшие черной травой. Северная Америка находилась в таком же состоянии. Несколько миллионов жителей оставалось в Канаде и Южной Америке. Но на втором году войны на Американский континент начали высаживаться советские парашютисты; сначала их было немного, потом все больше и больше. Русские к тому времени изобрели первое действительно эффективное противорадиационное снаряжение. Остатки американской промышленности были срочно переправлены на Луну.

Эвакуировано было все и вся. Кроме войск. Они делали все, что представлялось возможным. Где — несколько тысяч, где — взвод. Никто не знал их точного расположения. Они скрывались, передвигаясь ночами, прячась среди развалин, в сточных канавах, подвалах, вместе с крысами и змеями. Казалось, что еще немного и Советский Союз победит в этой войне. Не считая редких ракет, запускаемых с Луны, против русских нечем было воевать. Они ничего не боялись. Война практически была окончена. Им уже ничто не противостояло.

Вот именно тогда и появились первые «когти». И за одну ночь все перевернулось.

Поначалу роботы были несколько неуклюжи и не очень подвижны. Стоило им только появиться на поверхности — Иваны их почти сразу уничтожали. Но со временем роботы совершенствовались, становились расторопнее и хитрее. Их массовое производство началось на расположенных глубоко под землей заводах, некогда выпускавших атомное оружие и к тому времени практически заброшенных.

«Когти» становились подвижнее и крупнее. Появились новые разновидности: с чувствительными щупальцами, летающие, прыгающие. Там, на Луне, лучшие умы создавали все новые и новые модели, более сложные и непредсказуемые. У русских прибавилось хлопот. Некоторые мел-

кие «когти» научились искусно зарываться в пепел, поджидая добычу.

А вскоре они стали забираться в русские бункера, проворно проскальзывая в открытые для доступа свежего воздуха или для наблюдений люки. Одного такого робота в бункере вполне достаточно. Как только туда попадает один, за ним сразу же следуют другие.

С таким оружием война долго продолжаться не сможет.

А может быть, она уже и закончилась.

Может, ему предстоит это вскоре услышать. Может, Политбюро решило выбросить белый флаг. Жаль, что для этого потребовалось столько времени. Шесть лет! Огромный срок для такой войны. Чего только не было: сотни тысяч летающих дисков, несущих смерть; зараженные бактериями кристаллы; управляемые ракеты, со свистом пронзающие воздух; кассетные бомбы. А теперь еще и «когти».

Но роботы имеют одно огромное отличие от известных ранее видов вооружения. Они живые, с какой стороны ни посмотри, независимо от того, хочет ли правительство признавать это или нет.

Это не машины. Это живые существа, вращающиеся, ползающие, выпрыгивающие из пепла и устремляющиеся к приближающемуся человеку с одной-единственной целью — впиться в его горло. Это именно то, что от них требуется. Это их работа.

И они отлично справляются с ней. Особенно в последнее время, когда появились новые модели. Теперь они ремонтируют сами себя и сами по себе существуют. Радиационные браслеты защищают американские войска, но стоит человеку потерять браслет — он становится игрушкой для этих тварей, независимо от того, в какую форму одет. А глубоко под землей заводы-автоматы продолжают работу. Люди стараются держаться подальше от них. Там стало слишком опасно. В результате подземные производства предоставлены сами себе и, кажется, неплохо справляются. Новые модели, они — более быстрые, более сложные, а главное, еще более эффективные.

Вероятно, они и выиграли войну.

Хендрикс снова закурил. Удручающий пейзаж. Ничего, только пепел и руины. Ему вдруг показалось, что он один, один во всем мире. Справа от него возвышались развалины города — остовы зданий, разрушенные стены, горы хлама. Хендрикс бросил погасшую спичку и прибавил шагу. Внезапно он остановился и, вскинув карабин, замер. Прошла минута.

Откуда-то из-под обломков здания появилась неясная фигура и медленно, то и дело останавливаясь, направилась к Хендриксу.

Майор прицелился.

— Стой!

Мальчик остановился. Хендрикс опустил карабин. Ребенок маленького роста, лет восьми — правда, теперь возраст определить очень трудно: дети, пережившие этот кошмар, перестали расти — стоял молча и внимательно рассматривал майора. На нем были короткие штанишки и измазанный грязью выцветший голубой свитер. Длинные каштановые волосы спутанными прядями падали на лицо, закрывая глаза. В руках он что-то держал.

— Что это у тебя? — грозно спросил Хендрикс.

Малыш вытянул руки. Это была игрушка — маленький плюшевый медвежонок. Огромные безжизненные глаза ребенка смотрели на Хендрикса.

Майор успокоился.

— Мне не нужна твоя игрушка, малыш. Не бойся.

Мальчик снова крепко прижал к груди медвежонка.

— Где ты живешь? — спросил Хендрикс.

— Там.

— В развалинах?

— Да.

— Под землей?

— Да.

— Сколько вас там?

— Сколько нас?

— Да. Сколько вас? Есть там кто-нибудь еще?

Мальчик молчал.

Хендрикс нахмурился.

— Но ты же не один, правда?

Мальчик кивнул.

— Как же вы живете?

— Там есть еда.

— Какая еда?

— Разная.

Хендрикс внимательно посмотрел на него.

— Сколько же тебе лет, малыш?

— Тринадцать.

Это невозможно. Хотя... Мальчик очень худой, маленького роста и, вероятно, стерилен. Последствия длительного радиационного облучения. Ничего удивительного, что он такой крошечный. Майор присел на корточки и посмотрел ребенку в глаза. Большие глаза, большие и темные, но пустые.

— Ты слепой? — спросил Хендрикс.

— Нет. Я немного вижу.

— Как тебе удается ускользать от «когтей»?

— «Когтей»?

— Ну, такие круглые штуковины. Они прячутся в пепле и быстро бегают.

— Не понимаю.

Возможно, здесь «когтей» не было. Довольно большие пространства свободны от них. Они собираются главным образом вокруг бункеров и выходов из тоннелей, то есть там, где есть люди. Их такими создали. Они чувствуют тепло, тепло живых существ.

— Тебе повезло,— вставая, сказал Хендрикс.— Ну? Куда же ты направляешься? Опять туда?

— Можно я пойду с вами?

— Со мной? — переспросил Хендрикс, сложив на груди руки.— Мне много надо пройти. Много миль. И я должен спешить.— Он взглянул на часы.— Мне надо попасть туда до темноты.

— Но мне так хочется пойти с вами.

Хендрикс начал копаться в ранце.

— Зачем тебе это? Не стоит. Вот, возьми лучше.— Он вытащил несколько банок консервов и протянул их мальчику.— Бери и беги обратно. О'кэй?

Мальчик ничего не ответил.

— Послушай. Через день-два я буду возвращаться, и, если ты будешь здесь, ты сможешь пойти со мной. Договорились?

— Мне хотелось бы сейчас пойти с вами.

— Это долгий путь.

— Я справлюсь.

Хендриксу было о чем подумать. Двое идущих — очень приметны. И потом идти придется гораздо медленней. Но что, если он вынужден будет возвращаться другим путем? Что, если мальчик действительно совсем один?..

— Хорошо. Идем, малыш.

Майор зашагал вперед. Ребенок не отставал, шел молча, прижимая к груди медвежонка.

— Как тебя зовут? — немного погодя спросил Хендрикс.

— Дэвид Эдвард Дэрринг.

— Дэвид? Что... что случилось с твоими родителями?

— Умерли.

— Как?

— Взрывом убило.

— Когда это произошло?

— Шесть лет назад.

Услышав это, Хендрикс даже приостановился.

— И все шесть лет ты совсем один?

— Нет. Здесь были еще люди, но потом они ушли.

— И с тех пор ты один?

— Да.

Хендрикс посмотрел на мальчика. Странный какой-то ребенок, говорит очень мало. Замкнутый. Но они такие и есть, дети, которым удалось выжить. Спокойные. Безразличные. Война превратила их в фаталистов. Они ничему не удивляются. Они принимают все как есть. Они уже ни морально, ни физически не ждут чего-либо обыкновенного, естественного. Обычаи, привычки, воспитание... Для них этого не существует. Все ушло, остался лишь страшный горький опыт.

— Ты успеваешь за мной? — спросил Хендрикс.

— Да.

— Как ты увидел меня?

— Я ждал.

— Ждал? — удивился майор.— Чего же?

— Поймать что-нибудь.

— Что значит «что-нибудь»?

— Что-нибудь, что можно съесть.

— О! — Хендрикс сжал губы. Тринадцатилетний мальчишка, питающийся крысами, сусликами, полусгнившими консервами. Один в какой-нибудь зловонной норе, под развалинами города. Радиация, «когти», русские ракеты, заполонившие небо...

— Куда мы идем? — неожиданно поинтересовался Дэвид.

— К русским.

— Русские?

— Да, враги. Мы идем к людям, которые начали войну. Они первые сбросили бомбы. Они первые начали.

Малыш кивнул.

— Я — американец,— зачем-то сказал Хендрикс.

Малыш молчал. Так они и шли, ребенок и взрослый: Хендрикс — чуть впереди, Дэвид, прижимая к груди грязного плюшевого медвежонка, старался не отставать от него.

Около четырех часов дня они остановились, чтобы подкрепиться. В нише, образованной бетонными глыбами, майор развел костер. Он надергал травы и набрал немного сухих веток. Позиции русских уже недалеко. Здесь когда-то была плодородная долина — сотни акров фруктовых деревьев и виноградников. Сейчас ничего не осталось, только обуглившиеся пни и горы, цепью вытянувшиеся до самого горизонта. И еще пепел, гонимый ветром и покрывающий толстым ровным слоем черную траву, уцелевшие стены и то, что раньше было дорогой.

Хендрикс приготовил кофе и подогрел баранью тушенку.

— Держи.— Он протянул банку и кусок хлеба Дэвиду.

Малыш сидел на корточках у самого огня, словно желая согреть худые белые коленки. Он посмотрел на еду и, качая головой, вернул все майору.

— Нет.

— Нет? Ты не хочешь есть?

— Нет.

Хендрикс пожал плечами. Может, мальчик — мутант и привык к особой пище. Хотя, это не важно. Он же, наверное, питается чем-то, когда голоден. Да, он очень странный. Но в этом мире уже все стало таким. Сама жизнь уже не та, что была прежде, и ту жизнь уже не вернуть. Рано или поздно человечеству придется понять это.

— Как хочешь,— ответил Хендрикс и, запивая кофе, съел весь хлеб и тушенку.

Ел он не спеша, тщательно пережевывая пищу. Покончив с едой, он встал и затоптал костер.

Дэвид поднялся вслед за Хендриксом, не сводя с него безжизненных глаз.

— Идем дальше, малыш.

— Я готов.

Они снова двинулись в путь. Хендрикс держал наготове карабин. Русские должны быть где-то рядом. Они должны ждать гонца, гонца с ответом на их предложение, но они очень хитры. От них всегда можно ожидать какой-нибудь гадости. Хендрикс внимательно оглядывался по сторонам. Только мусор, пепел и обугленные деревья. Бетонные стены. Но где-то здесь должен быть бункер русских. Глубоко под землей. С торчащим наружу перископом и парой стволов крупнокалиберных пулеметов. Может, есть еще и антенна.

— Мы скоро придем? — спросил Дэвид.

— Да. Устал?

— Нет.

— Что тогда?

Ребенок не ответил. Он осторожно следовал за Хендриксом. Ноги и башмаки посерели от пепла и пыли. Тонким серым налетом покрыто его изможденное лицо. Землистое лицо. Это обычный цвет лица у детей, живущих в погребах, сточных канавах и подземных убежищах.

Майор, замедлив шаг, внимательно осматривал в бинокль местность. Не здесь ли они поджидают его, пристально следя за каждым его шагом? По спине пробежали мурашки. Может быть, они уже приготовились стрелять и так же, как его люди, всегда готовы уничтожить врага.

Хендрикс остановился, вытирая с лица пот.

— Черт! — Все это заставляло его нервничать. Но ведь его должны ждать. И это меняло ситуацию.

Он снова зашагал, крепко сжимая в руках карабин. Дэвид шел следом. Хендрикс беспокойно озирался. В любую секунду это может случиться. Прицельный выстрел из подземного бункера и вспышка белого огня.

Он поднял руку и начал описывать ею круги.

Все тихо. Справа лежала гряда холмов, увенчанных на вершинах стволами мертвых деревьев. То тут, то там торчащие из пепла рваные куски арматуры, хилые побеги дикого винограда и бесконечная черная трава. Хендрикс рассматривал вершины холмов. Может быть, там? Он медленно направился к гряде. Дэвид молча следовал за ним. Будь он командиром у русских — обязательно бы выставил наверху дозорного. Хотя, конечно, если бы это был его командный пункт, вся бы местность здесь, для полной гарантии, кишела «когтями».

Он остановился.

— Мы пришли? — спросил Дэвид.

— Почти.

— Почему мы тогда остановились?

— Не хочется рисковать.

Хендрикс медленно двинулся вперед. Они были теперь у самого подножия холма. С его вершины они видны как на ладони. Беспокойство майора усилилось. Если Иван наверху, то у них нет шансов. Он снова помахал рукой. Русские же должны ждать ответа. Если только это не западня.

— Держись ко мне поближе, малыш.— Майор повернулся к Дэвиду.— Не отставай.

— К вам?

— Рядом со мной. Мы уже пришли и сейчас не можем рисковать. Давай, малыш.

— Я буду осторожен.— Он так и шел за Хендриксом в нескольких шагах, по-прежнему сжимая в объятиях плюшевого медведя.

— Ладно,— сказал Хендрикс и вновь поднял бинокль. Внезапно он насторожился: что-то шевельнулось. Неужели показалось? Он внимательно осматривал гряду. Все

тихо. Мертво. Никаких признаков жизни. Только стволы деревьев и пепел. И еще крысы. Большие серые крысы, спасшиеся от «когтей». Мутанты, строящие свои убежища из слюны и пепла. Получалось нечто сродни гипсу. Адаптация.

Он снова устремился вперед.

На вершине холма появилась высокая фигура в развевающемся на ветру серо-зеленом плаще. Русский. За ним — еще один. Оба подняли ружья и прицелились.

Хендрикс замер. Он открыл рот. Солдаты опустились на колени, пытаясь рассмотреть поверхность склона. К ним присоединилась третья фигура, маленькая и в таком же серо-зеленом плаще. Женщина. Она стояла чуть позади.

Наконец Хендриксу удалось выйти из оцепенения, и он заорал:

— Стойте! Стойте! — Он отчаянно размахивал руками.— Я от...

Два выстрела прозвучали почти одновременно. За спиной майор услышал едва различимый хлопок. Неожиданно, сбивая с ног, на него обрушилась тепловая волна. Песок царапал лицо, забивая глаза и нос. Кашляя, он привстал на колени. Все-таки — ловушка. Все кончено. И стоило в такую даль идти. Его пристрелят как суслика. Солдаты и женщина спускались к нему, медленно съезжая по толстому слою пепла. Хендрикс не двигался. В висках бешено стучала кровь. Неуклюже, морщась от боли, он поднял карабин и прицелился. Казалось, карабин весит тысячу тонн — он едва удерживал его. Лицо и щеки горели. В воздухе — запах гари. Едкое кислое зловоние.

— Не стреляй! — приближаясь к Хендриксу, крикнул по-английски, с сильным акцентом, солдат.

Они окружили его.

— Брось оружие, янки.

Майор был потрясен. Все произошло так быстро. Они поймали его и убили мальчика. Он повернул голову. От Дэвида почти ничего не осталось.

Русские с любопытством рассматривали его. Хендрикс сидел, утирая текущую из носа кровь, и смахивал с одежды пепел. Он долго тряс головой, пытаясь прийти в себя.

— Зачем? — пробормотал он.— Это же ребенок. Ребенка-то зачем?

— Зачем? — Один из солдат грубо схватил майора и поднял.— Смотри!

Хендрикс закрыл глаза.

— Нет, смотри! — Солдат подтолкнул его вперед.— Смотри! Только поторопись. У нас мало времени, янки!

Хендрикс взглянул на останки Дэвида и вздрогнул.

— Видишь? Теперь ты понимаешь?

Из исковерканного трупа Дэвида выкатилось маленькое колесико. Кругом валялись какие-то металлические шестеренки, проводки, реле. Русский пнул эту кучу ногой. Оттуда посыпались пружинки, колесики, металлические стержни. Вывалилась полуобугленная пластмассовая плата. Хендрикс, трясясь, наклонился. Верхнюю часть головы, видно, снесло выстрелом — был отчетливо виден сложный искусственный мозг. Провода, реле, крошечные трубки и переключатели, тысяча блестящих винтиков...

— Робот,— придерживая Хендрикса, сказал солдат.— Мы наблюдали за вами. Так они действуют. Увязываются за тобой и не отстают. И если они попадают в бункер, то это конец.

Хендрикс ничего не понимал.

— Но...

— Пошли. Мы не можем оставаться здесь. Это опасно. Их тут сотни.

Его потащили наверх. Женщина первой взобралась на вершину и теперь дожидалась остальных.

— Мне нужен командный пункт,— бормотал Хендрикс.— Я пришел, чтобы вести переговоры.

— Нет больше командного пункта. Они уничтожили его. Сейчас поймешь.— Они достигли вершины.— Мы — это все, что осталось. Три человека. Остальные погибли в бункере.

— Сюда. Вниз.— Женщина открыла люк, отодвинув серую тяжелую крышку.— Давайте.

Майор начал спускаться. Солдаты — за ним.

— Хорошо, что мы заметили тебя,— прохрипел один из них.— А то все могло бы плохо кончиться.

Женщина установила крышку люка на место и присоединилась к ним.

— Дай мне сигарету,— попросила она Хендрикса.— Я уже и не помню, когда последний раз курила американские сигареты.

Хендрикс протянул пачку. Все закурили. В углу крошечной комнаты мерцала лампа. Низкий, укрепленный балками потолок. Все четверо сидели за маленьким деревянным столом. На одном конце стола стояли грязные миски. Сквозь порванную занавеску была видна вторая комната. Хендрикс видел край пальто, несколько одеял, одежду, висящую на крючке.

— Вот здесь мы и были,— произнес сидящий рядом с майором солдат. Он снял каску и пригладил белокурые волосы.— Капрал Руди Максер. Поляк. Призван в Советскую армию два года назад.— Он протянул Хендриксу руку.

Хендрикс, слегка поколебавшись, все же пожал протянутую ему руку.

— Клаус Эпштейн.— Второй солдат пожал ему руку. Это был маленький смуглый человек. Он нервно теребил ухо.— Австриец. Призван бог знает когда. Не помню. Нас здесь трое: Руди, я и Тассо.— Он указал на женщину.— Так нам удалось спастись. Остальные были в бункере.

— И... им удалось проникнуть туда?

Эпштейн закурил.

— Сначала забрался один, такой же, как тот, что увязался за тобой. Потом другие.

Хендрикс насторожился.

— Такой же? Так они что, разные?

— Малыш Дэвид. Дэвид, держащий плюшевого медвежонка. Это третья модель. Пожалуй, она наиболее эффективна.

— А другие?

Австриец вытащил из кармана перевязанную веревкой пачку фотографий.

— На. Смотри сам.

Хендрикс принялся медленно развязывать веревку.

— Теперь ты понимаешь, почему мы хотели начать переговоры,— раздался голос Руди Максера.— Я имею в виду

наше командование. Мы узнали об этом неделю назад. Нам стало известно, что ваши «когти» начали самостоятельно создавать новые образцы и модели роботов. Они становились все более опасными. Там, на подземных заводах, вы предоставили им свободу. Вы позволили им создавать самих себя. В том, что случилось, только ваша вина.

Хендрикс рассматривал фотографии. Сделанные в спешке, они были нерезкими. На первых был Дэвид: Дэвид, бредущий по дороге, Дэвид и еще один Дэвид, три Дэвида. Все совершенно одинаковые. У каждого — потрепанный плюшевый мишка.

Все очень трогательные.

— Взгляни на другие,— сказала Тассо.

На фотографиях, сделанных с большого расстояния, был высокий раненый солдат, сидящий на обочине дороги, с перевязанной рукой, одноногий, с грубым костылем на коленях. Были также снимки с двумя ранеными солдатами, совершенно одинаковыми, стоящими бок о бок.

— Первая модель. Раненый солдат.— Клаус протянул руку и взял фотографии.— «Когти» создавались вами для охоты на людей. Для обнаружения их. Сейчас они идут дальше. Они забираются в наши бункера и тоннели. И пока они были просто машинами, металлическими шарами с клешнями и когтями, их можно было легко распознать и уничтожить. По одному их виду становилось ясно, что это роботы-убийцы. Стоило их только увидеть...

— Первая модель уничтожила почти полностью нашу северную группировку,— присоединился к разговору Руди.— Мы слишком поздно поняли. Они приходили, эти раненые солдаты, стучались и просили впустить их. И мы открывали люки. Как только они оказывались внутри — все было кончено. А мы продолжали высматривать машины...

— Тогда мы думали, что существуют лишь эти роботы,— сказал Клаус.— Никто и не подозревал, что есть другие. Когда мы направляли парламентера, было известно только об одной модели. Первой. Раненый солдат. Мы думали, что это все.

— Ваши укрепления пали...

— Да, перед третьей моделью. Дэвид и его медвежонок. Эти действуют еще эффективнее,— горько усмехнулся Клаус.— Солдаты жалеют детей. Они пускают их в бункер и пытаются накормить... Мы дорого заплатили за свою жалость. По крайней мере те, кто был в бункере.

— Нам троим просто повезло,— раздался голос Руди.— Когда это случилось, мы с Клаусом были в гостях у Тассо. Это ее убежище.— Он обвел вокруг рукой.— Этот маленький подвал. Мы закончили здесь и уже поднимались по лестнице. С гребня мы увидели то, что происходило около бункера. Там еще продолжалось сражение. Кругом кишели Дэвиды. Сотни Дэвидов. Клаус их тогда и сфотографировал.

Клаус собрал в пачку и перевязал фотографии.

— И так везде? — спросил Хендрикс.

— Да.

— А как насчет нас? — Он коснулся браслета.— Могут они?..

— Ваши браслеты им не помеха. Им все равно. Русские, американцы, поляки, немцы. Им безразлично. Они делают то, чему научены. Они — исполнители. Они выслеживают жизнь.

— Они реагируют на тепло,— произнес Клаус.— Вы создали их такими. Поначалу их можно было сдержать радиационными браслетами. Сейчас это невозможно. У новых моделей — свинцовые оболочки.

— Какие еще существуют модели, кроме этих двух? — спросил Хендрикс.

— Мы не знаем.— Клаус указал на стену. На ней висели две металлические пластины с рваными острыми краями. Хендрикс поднялся, чтобы рассмотреть их. Они были сильно покорежены и покрыты вмятинами.

— Вон та, слева,— кусок раненого солдата,— сказал Руди.— Нам удалось подстрелить одного. Он направлялся к нашему старому бункеру. Мы уничтожили его так же, как твоего Дэвида.

На пластине стояло клеймо «1-М». Хендрикс дотронулся до второй пластинки.

— Эта — из Дэвида?

— Да.

На пластинке значилось «3-М».

Клаус, стоя за широкой спиной Хендрикса, произнес:

— Видишь? Должна быть еще одна модель. Возможно, что от нее отказались. Возможно, она неудачна. Но вторая модель должна быть, раз есть первая и третья.

— Вам повезло,— сказал Руди.— Дэвид так долго шел за вами и не тронул. Наверное, думал, что вы приведете его в бункер.

— Если один из них попадет туда, то все кончено,— сказал Клаус.— Они очень подвижны. За первым следуют другие. Они неумолимы. Машины, созданные с одной-единственной целью. С исключительной целью.— Он вытер пот с лица.— Мы это видели.

Все замолчали.

— Янки, угости еще сигареткой,— сказала Тассо.— Они у тебя замечательные. Я уже почти забыла их вкус.

Ночь. Черное небо. Плотные пепельные облака. Клаус осторожно приподнял крышку люка, давая возможность Хендриксу выглянуть наружу.

Руди показывал пальцем куда-то в темноту.

— Вон там — наши бункера. Не больше полумили отсюда. Только по счастливой случайности нас с Клаусом не оказалось там, когда это произошло. Человеческая слабость. Похоть.

— Все остальные наверняка погибли,— раздался тихий голос Клауса.— Все произошло очень быстро. Этим утром Политбюро наконец-то приняло решение. Они известили нас, и мы сразу отправили к вам человека. Пока могли, мы прикрывали его.

— Это был Алекс Радривски. Мы оба хорошо знали его. Он ушел около шести часов утра. Солнце только начало подниматься. А около полудня мы с Клаусом получили час отдыха и, выскользнув из бункера, пришли сюда. Нас никто не видел. Здесь раньше было какое-то поселение: несколько домов, улица. Этот подвал — часть большого жилого дома. Мы знали, что Тассо здесь. Мы и раньше приходили сюда, впрочем, не мы одни. Но сегодня была наша очередь.

— Вот так мы и уцелели,— сказал Клаус.— Случайность. Здесь сейчас могли бы быть другие. Мы получили то, за чем пришли, выбрались наверх и вот тогда, с гребня, увидели их... Дэвидов. И сразу все поняли. Мы уже видели фотографии раненого солдата. Если бы мы сделали хоть шаг, они бы нас обнаружили. Мы замерли, но поздно, и вынуждены были разнести на куски двух Дэвидов, прежде чем смогли вернуться к Тассо. Сотни Дэвидов. Повсюду. Как муравьи. Мы сфотографировали их и спустились в подвал.

— Когда их мало, с ними еще как-то можно бороться. Мы расторопнее их. Но они безжалостны и неумолимы. Они не живые. Им не знакомо чувство страха. Они шли прямо на нас.

Майор Хендрикс облокотился на край люка, вглядываясь в темноту.

— Это не опасно держать люк открытым?

— Если быть осторожным. А потом, как иначе вы сможете воспользоваться рацией?

Хендрикс аккуратно снял с пояса маленький передатчик и прижал его к уху. Металл был холодным и влажным. Вытащив короткую антенну, он дунул в микрофон. В ответ раздался лишь слабый шум.

— Да, пожалуй, вы правы.

Но он все еще колебался.

— Мы вытащим тебя, если что-нибудь случится,— успокаивал его Клаус.

— Спасибо.— Хендрикс немного подождал, прижимая передатчик к плечу.— Не правда ли, интересно?

— Что?

— Ну, эти роботы. Новые модели, разновидности. Мы ведь теперь в их власти. Они, наверное, пробрались уже и в наши укрепления. Вот я и думаю: а не присутствуем ли мы при зарождении новых существ? Принципиально новых. Эволюция. Новая раса, идущая на смену человечеству.

— После человека уже ничего не будет,— проворчал Руди.

— Почему? Может быть, именно сейчас это и происходит — отмирает человечество и возникает новое общество.

— Они — не раса. Они — убийцы. Вы научили их убивать, и это все, что они умеют делать. Это их работа.

— Это происходит сейчас. А что будет потом? После того, как закончится война? Может быть, когда уже некого будет убивать, они смогут полностью проявить свои возможности.

— Вы говорите о них так, будто они живые.

— А что, разве не так?

Наступило молчание. Потом Руди произнес:

— Они — машины. Они похожи на людей, но они — машины.

— Попробуй еще раз, майор,— вмешался Клаус.— Мы не можем долго торчать тут.

Крепко сжимая рацию, Хендрикс вызывал командный бункер. Он ждал. Ответа не было. Тишина. Он проверил настройку. Все точно.

— Скотт! — сказал он в микрофон.— Ты слышишь меня?

Тишина. Он покрутил ручку усиления и попытался снова. Тщетно. Лишь слабое потрескивание в эфире.

— Ничего. Возможно, они слышат меня, но не хотят отвечать.

— Скажите им, что это крайне важно.

— Они могут подумать, что вы заставляете меня и я действую по вашему указанию.

Он попробовал еще раз, кратко пересказывая то, что узнал. Но приемник молчал.

— Радиационные поля,— сказал немного погодя Клаус.— Может быть, из-за них нет связи.

Хендрикс отключил рацию.

— Бесполезно. Они не отвечают. Радиационные поля? Может быть. Или они слышат меня, но не отвечают. Откровенно говоря, если бы меня вызывали из советских окопов и говорили подобное, я бы поступил точно так же. У них нет причин верить всему, что я говорил, но, по крайней мере, они могли это слышать.

— А может быть, уже слишком поздно.

Хендрикс кивнул в ответ.

— Нам лучше спуститься вниз,— сказал Руди. Заметно было, что он нервничает.— Зачем напрасно рисковать.

Так они и сделали. Клаус установил крышку люка на место и тщательно затянул болтами. Они прошли на кухню. Там стоял тяжелый спертый воздух.

— Неужели им удалось сделать все так быстро? — с сомнением произнес Хендрикс.— Я вышел в полдень. Десять часов назад. Как это у них получается?

— А им и не надо много времени. Достаточно только одному проникнуть внутрь. И начинается кошмар. Вы же сами знаете, на что способны даже самые маленькие из них. В это же невозможно поверить, пока сам не убедишься. Лезвия, когти...

— Да уж,— ответил майор и, чем-то сильно обеспокоенный, отошел в сторону. Он стоял, повернувшись к остальным спиной.

— В чем дело? — спросил Руди.

— Лунная база. О боже, если они и туда...

— Лунная база?

Хендрикс обернулся.

— Нет, туда им не добраться. Как они могут попасть на Луну? Как? Это невозможно. Я не могу в это поверить.

— Что это — Лунная база? До нас доходили всякие слухи, но так, ничего определенного. Вы, кажется, взволнованы, майор?

— Мы все получаем с Луны. Там же находится и наше правительство. Глубоко под лунной поверхностью. Там все наши люди и промышленность. Благодаря этому мы все еще держимся. Но если им удастся покинуть Землю и достигнуть Луны, то...

— Достаточно забраться туда только одному. Он уж позаботится о других. Их сотни, тысячи. Все одинаковые. Как муравьи. Если бы вы видели их...

— Совершенный социализм,— сказала Тассо.— Идеальное коммунистическое государство.

— Хватит! — сердито оборвал ее Клаус.— Ну? Что будем делать?

Хендрикс нервно вышагивал из угла в угол. В воздухе стоял кисловатый запах пищи и пота. Вскоре Тассо, откинув занавеску, прошла в свою комнату.

— Я собираюсь немного поспать,— донесся оттуда ее голос.

Руди и Клаус уселись за стол и какое-то время молча сидели, наблюдая за Хендриксом. Потом Клаус произнес:

— Майор, тебе решать. Мы не знаем, что там у вас происходит.

Хендрикс кивнул.

— Самое главное,— Руди глотнул кофе,— то, что хотя сейчас мы и в безопасности, все время оставаться здесь мы не можем. У нас мало продуктов.

— Но если мы выберемся наружу...

— Если мы выберемся отсюда, они уничтожат нас. Ну, или очень вероятно, что уничтожат. Мы не сможем далеко уйти. Сколько до вашего командного пункта, майор?

— Мили три-четыре.

— Можно попробовать. Нас четверо. Мы можем смотреть во все стороны и не дать им приблизиться. У нас есть ружья, а Тассо я отдам свой пистолет.— Руди похлопал по кобуре.— В Красной армии всегда не хватает сапог, но зато предостаточно оружия. Может быть, один из нас и доберется до бункера. Предпочтительно, чтобы это были вы, майор.

— Но что, если они уже там? — спросил Клаус.

Руди пожал плечами:

— Ну, тогда мы вернемся сюда.

Хендрикс наконец перестал ходить.

— Какова вероятность, что они уже там?

— Трудно сказать. Думаю, что высокая. Они хорошо организованы. Как полчища саранчи. Они должны все время двигаться и притом быстро. Они полагаются на скорость и неожиданность и не дают времени опомниться.

— Понятно,— прошептал Хендрикс.

Из другой комнаты послышался голос Тассо:

— Майор?

Хендрикс отодвинул занавеску.

— Что?

Тассо, лежа на койке, лениво смотрела на него.

— У вас не осталось сигарет?

Хендрикс вошел в комнату и уселся на деревянный табурет, что стоял напротив койки. Он пошарил в карманах. Сигарет не было.

— Нет. Кончились.

— Плохо. Очень плохо.

— Кто вы по национальности? — посидев немного, спросил Хендрикс.

— Русская.

— Как вы очутились здесь?

— Здесь?

— Да, эта местность когда-то была Францией. Точнее — Нормандией. Вы пришли с Советской армией?

— Зачем вам это?

— Так, интересно.

Он внимательно рассматривал ее. Молодая, около двадцати, стройная. Длинные волосы разметались по подушке. Она молча смотрела на него большими темными глазами.

— О чем вы думаете, майор?

— Ни о чем. Сколько вам лет?

— Восемнадцать.

Она продолжала пристально наблюдать за ним. На ней были русские армейские брюки и гимнастерка. Все серо-зеленое. Широкий кожаный ремень с патронами. Счетчик. Медицинский пакет.

— Вы служите в армии?

— Нет.

— Тогда откуда эта форма?

Она пожала плечами:

— Дали.

— Сколько же вам было, когда вы очутились здесь?

— Шестнадцать.

— Так мало?

Глаза ее внезапно сузились.

— Что вы хотите сказать?

Хендрикс потер подбородок.

— Если бы не война, ваша жизнь могла бы быть совсем иной. Шестнадцать лет. Боже! И с шестнадцати лет выносить все это...

— Надо было выжить.

— Да это я так...

— Ваша жизнь тоже могла бы быть совсем иной,— тихо произнесла Тассо. Она нагнулась и развязала шнурок на ботинке, затем сбросила ботинок на пол.

— Майор, выйдите, пожалуйста. Я хотела бы немного поспать.

— Похоже, трудно будет разместиться здесь вчетвером. Здесь ведь только две комнаты?

— Да.

— Интересно, каким этот подвал раньше был? Может быть, в нем есть еще помещения — где-нибудь под обломками.

— Может быть. Не знаю.— Тассо ослабила ремень на поясе и, устроившись поудобнее на койке, расстегнула гимнастерку.— Вы абсолютно уверены, что сигарет больше нет?

— У меня была только одна пачка.

— Жаль. Но, может быть, если нам повезет и мы доберемся до вашего бункера, мы найдем еще.— Второй ботинок упал на пол. Тассо потянулась к выключателю.— Спокойной ночи.

— Вы собираетесь спать?

— Совершенно верно.

В комнате стало темно. Хендрикс поднялся и, откинув занавеску, вернулся на кухню. И оцепенел.

Руди стоял у стены. Лицо его было мертвенно-бледным. Он то открывал, то закрывал рот, не произнося ни звука. Перед ним стоял Клаус, уперев ему в живот дуло пистолета. Оба словно застыли. Клаус — крепко сжимая пистолет, предельно собранный. Руди — бледный и онемевший, распластанный по стене.

— Что?..— начал было Хендрикс, но Клаус остановил его.

— Спокойнее, майор. Иди сюда. И вытащи свой пистолет.

Хендрикс вытащил оружие.

— Что происходит?

— Сюда, майор. Поторопись,— сказал Клаус, не спуская глаз с Руди.

Руди зашевелился и опустил руки. Облизывая губы, он повернулся к Хендриксу. Белки его глаз ярко светились. Капельки пота катились по щекам. Он не отрываясь смотрел на Хендрикса, потом слабым, едва слышимым, хриплым голосом произнес:

— Майор, он сошел с ума. Остановите его!

— Да, черт возьми, что здесь происходит? — требовал объяснения Хендрикс.

Не опуская пистолета, Клаус ответил:

— Майор, помнишь наш разговор? О трех моделях? Мы знали о первой и третьей, но ничего не знали о второй. По крайней мере, пока не знали.— Пальцы Клауса еще крепче сжали рукоятку пистолета.— Но теперь мы знаем!

Он нажал на курок. Полыхнуло белое пламя.

— Майор, вот она!

Отшвырнув занавеску, на кухню ворвалась Тассо.

— Клаус, что ты сделал?

Клаус отвернулся от медленно сползающего по стене почерневшего тела.

— Вторая модель, Тассо. Теперь мы знаем. Опасность меньше. Я...

Тассо смотрела на останки Руди, на дымящиеся куски мяса и клочья одежды.

— Ты убил его.

— Его? Робота, ты имеешь в виду? Да. Я давно следил за ним. У меня было предчувствие, но не было уверенности. Но сегодня...— Он нервно тер рукоятку пистолета.— Нам повезло. Вы что, не понимаете? Еще час — и эта штуковина могла бы...

— Ты, значит, уверен? — Тассо оттолкнула его и склонилась над трупом. Лицо ее выражало озабоченность.— Майор, взгляните сами. Кости. Мясо.

Хендрикс присел рядом. То, что лежало на полу, без сомнения, принадлежало человеку. Обожженная плоть, обуглившиеся кости, сухожилия, кишки, кровь...

— Никаких колесиков,— поднимаясь, спокойно сказала Тассо.— Ни колесиков, ни винтиков, ни металличе-

ских деталек. Ничего. Нет когтей и нет второй модели.— Она сложила на груди руки.— Тебе придется постараться и объяснить нам это.

Клаус, белый как мел, сел за стол. Сжав руками голову, он начал раскачиваться.

— Перестань! — Тассо вцепилась в него.— Почему ты сделал это? Зачем ты убил его?

— Страх. Он испугался,— вмешался Хендрикс.— Все происходящее давит на нас.

— Может быть.

— А что вы думаете, Тассо?

— Я думаю, что у него могла быть причина для убийства Руди. Причем веская причина.

— Какая?

— Возможно, Руди кое-что узнал.

Хендрикс всматривался в бледное женское лицо.

— О чем?

— О нем. О Клаусе.

Клаус резко поднял голову.

— Майор, понимаешь, на что она намекает? Она думает, что это я — вторая модель. Ты что — не видишь? Она хочет убедить тебя в том, что я убил его нарочно. Что я...

— Почему же ты тогда убил его? — спросила Тассо.

— Я уже сказал вам.— Клаус устало покачал головой.— Я думал, что он робот, думал, что обнаружил вторую модель.

— Но почему?

— Я следил за ним. Я подозревал.

— Почему?

— Мне показалось, что я заметил и услышал нечто странное. Я думал, что...— Он замолчал.

— Продолжай.

— Мы сидели за столом и играли в карты. Вы были в той комнате. Было очень тихо. И вдруг я услышал, как в нем что-то... прожужжало.

Все молчали.

— Вы верите этому? — спросила Хендрикса Тассо.

— Да.

— А я — нет. Я думаю, что у него была причина убить Руди.— Тассо коснулась стоящего в углу карабина.— Майор...

— Нет.— Хендрикс покачал головой.— Давайте остановимся. Одного трупа достаточно. Мы так же напуганы, как и он. И если мы сейчас убьем его, то сделаем то же, что он сделал с Руди.

Клаус с благодарностью посмотрел на него.

— Спасибо. Я испугался. Сейчас с ней происходит то же самое. И она хочет убить меня.

— Хватит убийств.— Хендрикс подошел к лестнице.— Я выберусь наверх и попробую связаться с моими людьми еще раз. Если это не удастся, завтра утром мы отправимся туда.

Клаус вскочил вслед за ним.

— Я иду с тобой.

Холодный ночной воздух. Остывает земля. Клаус глубоко вздохнул. Он стоял, широко расставив ноги, держа наготове ружье, вслушиваясь и вглядываясь в темноту. Хендрикс скрючился возле люка, настраивая передатчик.

— Ну как? — не утерпев, спросил Клаус.

— Пока ничего.

— Давай, майор. Пробуй. Расскажи им.

Хендрикс старался. Но тщетно. В конце концов он убрал антенну.

— Бесполезно. Они не слышат меня. Или слышат, но не отвечают. Или...

— Или их уже нет в живых.

— Я еще раз попробую.— Он вытащил антенну.— Скотт, ты слышишь меня? Ответь!

Он слушал. Только атмосферные шумы. И вдруг, очень слабо:

— Это Скотт.

Пальцы майора сжали передатчик.

— Скотт! Это ты?

— Это Скотт.

Клаус присел рядом.

— Ну?

— Скотт, слушай. Вы все поняли? О «когтях»? О роботах? Вы слышали меня, Скотт?

— Да.

Очень тихо. Почти неслышно. Хендрикс едва разобрал.

— Как в бункере? Все в порядке?

— Все в полном порядке.

— Они не пытались прорваться внутрь?

Голос стал еще тише.

— Нет.

Хендрикс повернулся к Клаусу.

— Там все спокойно.

— Их атаковали?

— Нет.

Хендрикс еще крепче прижал передатчик к уху.

— Скотт! Я почти не слышу тебя. На Лунной базе знают о случившемся? Вы сообщили им? Они готовы?

Ответа не было.

— Скотт! Ты слышишь меня?

Молчание.

Хендрикс устало вздохнул.

— Все.

Они смотрели друг на друга. Оба молчали. Потом Клаус спросил:

— Ты уверен, что это был голос твоего человека?

— Голос был слишком слабым.

— Значит, уверенности нет?

— Нет.

— Тогда это мог быть и...

— Я не знаю. Сейчас я ни в чем не уверен. Давай вернемся вниз.

Они спустились в душный подвал. Тассо ждала их.

— Удачно? — спросила она.

Ей не ответили.

— Ну? — сказал наконец Клаус.— Что ты думаешь, майор? Ваш это человек или нет?

— Я не знаю.

— Ну, значит, это нам ничего не дает.

Хендрикс, сжав челюсти, уставился на пол.

— Чтобы узнать, мы должны отправиться туда.

— Да. Так или иначе, но продуктов нам хватит только на несколько недель. И потом мы вынуждены будем убраться отсюда.

— Наверное, это так.

— Что случилось? — не унималась Тассо.— Вы узнали что-нибудь? В чем дело?

— Это мог быть один из моих людей,— тихо сказал Хендрикс,— а мог быть и один из них. Но оставаясь здесь, мы этого никогда не узнаем.

Он посмотрел на часы и сказал:

— Давайте-ка ложиться спать. Нам необходим отдых. Завтра рано вставать.

— Рано?

— Да. Шанс прорваться у нас будет ранним утром.

Утро выдалось свежим и ясным. Майор Хендрикс осматривал в полевой бинокль окрестности.

— Видно что-нибудь? — спросил Клаус.

— Нет.

— А наши бункера?

— Я не знаю, куда смотреть.

— Подожди.— Клаус взял бинокль. Он долго и молча смотрел.

Из люка вылезла Тассо.

— Ну что?

— Ничего.— Клаус вернул бинокль Хендриксу.— Их не видно. Идем. Не будем задерживаться.

Они начали спускаться с холма, скользя по мягкому пеплу. На плоском камне мелькнула ящерица. Они остановились.

— Что это было? — прошептал Клаус.

— Ящерица.

Животное быстро бежало по пеплу, совершенно неразличимое на сером фоне.

— Идеальная адаптация,— произнес Клаус.— Доказывает, что мы были правы. Лысенко, я имею в виду.

Они достигли подножия холма и остановились, прижавшись друг к другу.

— Пошли,— немного погодя сказал Хендрикс.— Нам предстоит долгий путь.

Хендрикс шел сначала чуть впереди. Потом его догнал Клаус. Тассо шла последней, держа наготове пистолет.

— Майор, хочу спросить тебя,— начал Клаус.— Как ты столкнулся с Дэвидом? Ну, с тем самым?

— По дороге встретил, направляясь к вам. В каких-то развалинах.

— Что он говорил?

— Немного. Сказал только, что он один. И все.

— Он разговаривал как человек? Ты ведь ничего не заподозрил?

— Он говорил очень мало. Я не заметил ничего особенного.

— Да. Машины уже так похожи на людей, что невозможно отличить, где робот, а где человек. Почти живые. Интересно, чем же это кончится?

— Роботы делают лишь то, чему вы, янки, научили их,— сказала Тассо.— Они охотятся на людей. Они забирают у человека жизнь.

Хендрикс внимательно посмотрел на Клауса.

— Почему вы спрашиваете? Что вы хотите узнать?

— Ничего,— ответил Клаус.

— Клаус думает, что вы — вторая модель,— спокойно отозвалась за их спинами Тассо.— Теперь он не спустит с вас глаз.

Клаус покраснел.

— А почему бы и нет? Мы послали человека к янки, и вот появился он. Может, он думал, что найдет здесь чем поживиться.

Хендрикс рассмеялся.

— Я пришел из расположения американских войск. Там-то уж было бы где разгуляться.

— Но, может быть, советские окопы — это последнее, что оставалось. Может, ты...

— Ваши укрепления уже были уничтожены. Уничтожены еще до того, как я покинул бункер. Не забывайте про это.

Тассо догнала их.

— Это ничего не доказывает, майор.

— Как это?

— Похоже, что между различными типами роботов отсутствует какое-либо взаимодействие. Они выпускаются каждый на своем заводе и, кажется, действуют независимо друг от друга. Вы могли отправиться в сторону советских войск, ничего не зная о деятельности других и даже не зная, как они выглядят.

— Откуда вы столько знаете? — спросил Хендрикс.

— Я видела их. Я видела их в действии.

— Знаешь-то ты довольно много,— сказал Клаус,— но видела на самом деле очень мало. Странно.

Тассо засмеялась:

— Теперь ты и меня подозреваешь?

— Ладно. Забудем об этом,— сказал Хендрикс.

Какое-то время они шли молча.

— Мы что, собираемся все время идти пешком? — немного погодя спросила Тассо.— Я не привыкла так много ходить.— Она смотрела по сторонам: кругом, куда ни глянь,— пепел.

— Мрачно-то как.

— Так будет всю дорогу,— ответил Клаус.

— Иногда я жалею, что тебя не было в том бункере, когда началась эта резня.

— Ну, не я, так кто-нибудь другой был бы на моем месте,— пробормотал Клаус.

Тассо засмеялась и засунула руки в карманы.

— Да уж, наверное.

Они продолжали идти, внимательно наблюдая за широкой, усыпанной безмолвным пеплом равниной.

Солнце уже садилось. Хендрикс вышел немного вперед, рукой показывая своим спутникам, чтобы те остановились. Клаус присел на корточки, уперев приклад винтовки в землю.

Тассо, тяжело вздохнув, уселась на кусок бетонной плиты.

— Приятно отдохнуть.

— Тише ты,— оборвал ее Клаус.

Хендрикс забрался на вершину холма. Того самого холма, на который за день до этого поднимался русский солдат. Хендрикс быстро опустился на землю, лег и поднес к глазам бинокль.

Он смотрел и ничего не видел. Только пепел и редкие уцелевшие деревья. Но там, менее чем в пятидесяти ярдах, должен быть вход в командный бункер. Бункер, который еще совсем недавно служил ему надежным убежищем. Хендрикс смотрел, затаив дыхание. Никаких признаков жизни. Ничего.

К нему подполз Клаус.

— Где бункер?

— Там,— ответил Хендрикс и передал Клаусу бинокль. Тучи пепла заволокли вечернее небо. На мир опускались сумерки. До наступления темноты оставалось еще около двух часов. А может быть, и меньше.

— Я не вижу,— прошептал Клаус.

— Вон там, видите дерево? Потом пень. Около груды кирпичей. А справа — вход.

— Я вынужден верить на слово.

— Вы и Тассо прикроете меня. Отсюда вам все будет отлично видно.

— Ты пойдешь один?

— С браслетом я буду в безопасности. Вокруг бункера полно «когтей». Они прячутся в пепле. Как крабы. Без браслетов вам там нечего делать.

— Возможно, ты и прав.

— Я пойду очень медленно. Как только я буду знать наверняка...

— Если они уже в бункере, тебе не удастся выбраться оттуда.

— Что вы предлагаете?

Клаус задумался.

— Не знаю. Хорошо бы их как-нибудь выманить наверх. Так, чтобы мы смогли посмотреть.

Хендрикс снял с ремня передатчик и вытащил антенну.

— Ну что ж, попробуем.

Клаус посигналил Тассо, и она вскоре присоединилась к ним.

— Он идет один,— сказал Клаус.— Мы прикрываем его. Как только ты увидишь, что он возвращается, стреляй не раздумывая. Они не заставят себя ждать.

— Ты не очень-то оптимистичен,— ответила Тассо.

— Верно.

Хендрикс тщательно проверил карабин.

— Будем надеяться, что все обойдется.

— Ты не видел их, майор. Сотни. Все одинаковые. Ползучие, как муравьи.

— Ладно,— сказал Хендрикс и, взяв в одну руку карабин, а в другую — передатчик, поднялся.

— Пожелайте мне удачи.

Клаус протянул руку.

— Не спускайся в бункер, пока не будешь уверен. Говори с ними сверху. Пусть они покажутся.

— Хорошо. Пошел.

Минутой позднее он уже подходил к куче кирпичей, что громоздились возле пня. Он шел очень медленно и осторожно.

Было тихо. Майор поднял передатчик, включил его.

— Скотт? Ты слышишь меня?

Тишина.

— Скотт? Это я, Хендрикс. Ты слышишь меня? Я около бункера. Вы можете видеть меня в смотровую щель.

Он слушал, крепко сжимая передатчик. Ни звука. Потом двинулся дальше. Из пепла вылез «коготь» и устремился к нему, затем куда-то исчез. Но появился второй, побольше, тот, что с выпуклыми линзами. Он подобрался почти вплотную, внимательно рассмотрел Хендрикса и после этого, чуть приотстав, начал почтительно сопровождать его. Вскоре к нему присоединился еще один.

Хендрикс остановился. Роботы замерли тоже. Он был у цели. Почти у самых ступеней, ведущих в бункер.

— Скотт! Ты слышишь меня? Я стою прямо над вами. Наверху. Вы видите меня?

Он ждал, держа наготове карабин и плотно прижав к уху передатчик. Время шло. Он напряженно вслушивался, но слышал лишь слабое потрескивание атмосферы.

Затем, очень тихо, донесся металлический голос:

— Это Скотт.

Голос был совершенно неопределенным. Спокойный. Безразличный. Хендрикс не мог узнать его.

— Скотт! Слушай меня. Я наверху. Прямо над вами. У самого входа.

— Да.

— Вы видите меня?

— Да.

— В смотровую щель?

— Да.

Хендрикс думал. «Когти», окружив его, спокойно ждали.

— В бункере все в порядке? Ничего не произошло?

— Все в порядке.

— Скотт, поднимись наверх. Я хотел бы взглянуть на тебя.

Хендрикс затаил дыхание.

— Скотт? Ты слышишь? Я хочу поговорить с тобой.

— Спускайтесь, сэр.

— Лейтенант, я приказываю вам подняться ко мне.

Молчание.

— Ну, так что? — Майор слушал. Ответа не было.— Я приказываю вам, лейтенант.

— Спускайтесь.

— Дай мне поговорить с Леонэ.

Наступила долгая пауза. Потом раздался голос, резкий, тонкий, металлический. Такой же точно, как и первый.

— Это Леонэ.

— Говорит майор Хендрикс. Я наверху, у входа в бункер. Я хочу, чтобы кто-нибудь из вас поднялся ко мне.

— Спускайтесь.

— Леонэ, это приказ.

Молчание. Хендрикс опустил передатчик и осмотрелся. Вход был прямо перед ним. Почти у самых ног. Он убрал антенну и пристегнул передатчик к поясу. Крепко сжав руками карабин, он осторожно двинулся вперед, останавливаясь после каждого шага. Если только они видят его... На мгновение он закрыл глаза.

Затем поставил ногу на первую ступеньку лестницы...

Навстречу ему поднимались два Дэвида с одинаковыми, лишенными всякого выражения лицами. Он выстрелил и разнес их вдребезги. За ними поднималось еще несколько. Все совершенно одинаковые.

Хендрикс резко повернулся и побежал назад, к холму.

Оттуда, с вершины, стреляли Клаус и Тассо. Маленькие «когти» — блестящие металлические шары — ловко передвигаясь, уже устремились к ним. Но у него не было времени думать об этом. Он опустился на колено и, прижав карабин к щеке, прицелился. Дэвиды появлялись целыми группами, крепко прижимая к себе плюшевых медвежат. Их худые узловатые ноги подгибались, когда они выбирались по ступенькам наверх. Хендрикс выстрелил в самую гущу. В разные стороны полетели колесики, пружинки... Майор выстрелил еще раз.

Из бункера, покачиваясь, вылезла высокая неуклюжая фигура. Хендрикс замер, пораженный. Человек. Солдат. На одной ноге, с костылем.

— Майор! — донесся голос Тассо. И снова выстрелы. Огромная фигура направилась к Хендриксу. Вокруг нее толпились Дэвиды. Хендрикс пришел в себя. Первая модель. Раненый солдат. Он прицелился и выстрелил. Солдат развалился на куски; посыпались какие-то металлические детали, реле.

Дэвидов становилось все больше и больше. Хендрикс медленно отступал, пятясь и непрерывно стреляя.

Клаус тоже продолжал вести огонь. К нему, на вершину холма, по склону забирались «когти». Склон кишел ими. Тассо оставила Клауса и сейчас отходила вправо от холма.

Перед Хендриксом неожиданно возник Дэвид — маленькое белое лицо, каштановые, свисающие на глаза волосы. Он ловко нагнулся и развел в стороны руки. Плюшевый медвежонок вывалился и запрыгал по земле. Майор выстрелил. И медвежонок и Дэвид исчезли. Майор горько усмехнулся. Это так походило на сон.

— Сюда! Наверх! — раздался голос Тассо. Хендрикс поспешил к ней.

Тассо укрылась за бетонными глыбами — обломками какого-то здания.

— Спасибо.— Он присоединился к ней, почти задыхаясь.

Она помогла ему взобраться и стала что-то отстегивать у себя на поясе.

— Закройте глаза! — Она сняла с ремня нечто напоминающее шар и открутила от него какой-то колпачок.— Закройте глаза и пригнитесь.

Она швырнула гранату. Та, описав в полете дугу, упала и покатилась, подпрыгивая, ко входу в бункер. Около груды кирпичей в нерешительности стояли два раненых солдата. Из бункера появлялись все новые и новые Дэвиды. Один из раненых солдат подошел к гранате и, неуклюже нагнувшись, попытался схватить ее.

Граната взорвалась. Взрывная волна подбросила Хендрикса и швырнула лицом в пепел. Его обдало жаром. Он смутно видел, как Тассо, прячась за бетонной стеной, невозмутимо и методично расстреливает Дэвидов, появляющихся из плотной пелены белого огня.

Позади, на склоне, Клаус сражался с «когтями», взявшими его в кольцо. Он непрерывно стрелял, стараясь вырваться.

Хендрикс с трудом поднялся на ноги. Голова раскалывалась. Ему даже показалось, что он ослеп. Правая рука не действовала.

Тассо подбежала к нему.

— Давайте. Уходим.

— А Клаус? Он там...

— Идем! — Она потащила его прочь, подальше от развалин. Хендрикс, пытаясь прийти в себя, тряс головой. Тассо быстро уводила его. Глаза ее блестели.

Из облака пепла возник Дэвид. Она уничтожила его выстрелом. Больше роботов не появлялось.

— Но Клаус? Как же он? — Хендрикс остановился, едва держась на ногах.— Он...

— Идемте же!

Они уходили все дальше и дальше от бункера. Несколько мелких «когтей» преследовали их какое-то время, но затем отстали.

Наконец Тассо остановилась.

— Пожалуй, теперь можно немного передохнуть.

Хендрикс тяжело опустился на кучу обломков. Он тяжело дышал.

— Мы бросили Клауса.

Тассо молчала. Она вставила новую обойму взрывных патронов в пистолет.

Хендрикс ничего не понимал.

— Так ты что, умышленно сделала это?

Тассо пристально всматривалась в окружающие их груды камней и мусора, словно высматривая кого-то.

— Что происходит? — раздраженно спросил Хендрикс.— Чего ты ищешь? — Он качал головой, пытаясь понять. Что она делает? Чего ждет? Сам он ничего не видел. Только пепел, пепел... И еще — одинокие голые стволы деревьев.

— Что...

Тассо остановила его:

— Помолчите, вы!

Глаза ее сузились. Она резко вскинула пистолет. Хендрикс обернулся, проследив за ее взглядом.

Там, где они только что прошли, появился человек. Он шел очень медленно и осторожно: хромал. Одежда на нем была изорвана. Он неуверенно приближался к ним, изредка останавливаясь, чтобы набраться сил. В какой-то момент он чуть не упал, едва удержался и некоторое время стоял, переводя дыхание. Затем снова начал двигаться.

Это был Клаус.

Хендрикс вскочил.

— Клаус! Какого черта ты...

Тассо выстрелила. Хендрикс отпрянул. Раздался еще выстрел. Белая молния ударила Клауса в грудь. Он взорвался, и в разные стороны полетели колесики и шестеренки. Какое-то мгновение он еще шел, затем закачался и рухнул на землю, широко раскинув руки.

Потом все стихло.

Тассо повернулась к Хендриксу:

— Теперь понятно, почему он убил Руди?

Хендрикс снова устало опустился на кучу мусора. Он качал головой. Он был подавлен.

— Ну что, майор? — допытывалась Тассо.— Ты понял?

Хендрикс не отвечал. Происходящее стало ускользать от него, быстрее и быстрее. Он проваливался в темноту.

Майор очнулся и открыл глаза. Все тело ломило. Он попытался сесть; руку и плечо пронзила острая боль. Он судорожно вздохнул.

— Лежите, майор,— остановила его Тассо. Она склонилась над ним, касаясь холодной рукой его лба.

Была ночь. Сквозь плотные тучи пепла мерцали редкие звезды. Хендрикс лежал, стиснув зубы. Тассо спокойно наблюдала за ним. Она развела костер из хвороста и сухой черной травы. Язычки пламени, шипя, облизывали металлический котелок, подвешенный над костром. Все было тихо. Густая неподвижная тьма окружала их.

— Значит, это и есть вторая модель,— пробормотал Хендрикс.

— Я давно подозревала это.

— Почему же вы его раньше не уничтожили?

— Вы сдерживали меня.— Тассо заглянула в котелок.— Ладно. Сейчас будет кофе.

Она отодвинулась от огня и присела возле Хендрикса, потом начала, внимательно осматривая, разбирать пистолет.

— Отличное оружие. Супер.

— Что с ними? Я имею в виду «когти»...— спросил Хендрикс.

— Взрыв гранаты вывел большинство из строя. Они очень хрупкие. Я думаю, из-за высокой степени сложности.

— Дэвиды тоже?

— Да.

— Откуда она взялась у вас?

Тассо пожала плечами.

— Мы недавно создали ее. Вам не следует недооценивать наш технический потенциал, майор. Как видите, она спасла нам жизнь.

— Это точно.

Тассо вытянула ноги поближе к костру.

— Меня удивило то, что вы, кажется, так ничего и не поняли после того, как он убил Руди. Почему вы думали, что...

— Я уже говорил. Мне казалось, что он напуган.

— Неужели? Знаете, майор, сначала какое-то время я подозревала вас. Вы не дали мне убить его, и я думала, что вы его защищаете.

Она засмеялась.

— Мы в безопасности здесь? — прохрипел Хендрикс.

— Ну, пока да. Во всяком случае, пока они не получат подкрепления.

Тассо начала протирать какой-то тряпкой части пистолета. Покончив с этим, она установила на место затвор и, проведя пальцем по дулу, поставила пистолет на предохранитель.

— Нам повезло,— пробормотал Хендрикс.

— Да. Повезло.

— Спасибо, что вытащили меня.

Тассо не ответила. Она смотрела на него, и в ее глазах плясали огоньки костра. Хендрикс ощупал руку. Он не мог пошевелить пальцами. Казалось, что онемел весь бок. Там внутри была тупая ноющая боль.

— Как вы себя чувствуете? — спросила Тассо.

— Что-то с рукой.

— Еще что-нибудь?

— Внутри все болит.

— Я просила вас пригнуться...

Хендрикс молчал. Он смотрел, как Тассо наливает в плоскую алюминиевую миску кофе из котелка.

— Держите, майор.

Она протянула ему миску.

— Спасибо.— Он слегка приподнялся. Глотать было очень больно. Его буквально выворачивало, и он вернул миску.— Больше не могу.

Тассо выпила остальное. Время шло. По темному небу плыли серые тучи. Хендрикс отдыхал, стараясь ни о чем не думать. Спустя какое-то время он почувствовал, что над ним склонилась Тассо и смотрит на него.

— Что? — прошептал он.

— Вам лучше?

— Немного.

— Хорошо. Вы же знаете, майор, не утащи я вас оттуда, вы были бы сейчас мертвы. Как Руди.

— Да.

— Вы хотите знать, почему я вытащила вас? Ведь могла и бросить, оставить там.

— И почему же вы не сделали этого?

— Потому что мы должны убираться отсюда, и чем быстрее, тем лучше.— Тассо поворошила палкой угольки.— Человек не выживет здесь. Когда к ним прибудет подкрепление, у нас не останется ни единого шанса. Я обдумала все, пока вы были без сознания. Возможно, у нас есть часа три.

— И вы намерены сделать это с моей помощью?

— Совершенно верно. Я думаю, что вы можете вытащить нас отсюда.

— Почему я?

— Потому что я не знаю иного пути.— Глаза ее ярко сияли.— Если вы не сможете, через три часа они убьют нас. Ничего другого я не вижу. Ну, майор? Надо что-то делать. Я ждала всю ночь. Пока вы были без сознания, я сидела здесь, сидела и ждала. Скоро рассвет. Ночь на исходе.

Хендрикс задумался.

— Любопытно,— наконец произнес он.

— Любопытно?

— Да. Ваша странная уверенность, что я могу спасти нас. Хотелось бы мне знать, как вы это себе представляете.

— Вы можете доставить нас на Лунную базу?

— На Лунную базу? Как?

— Должен же быть способ.

Хендрикс покачал головой.

— Если он даже и есть, то мне неизвестен.

Тассо молчала. На какое-то мгновение ее уверенный взгляд дрогнул. Она кивнула и, отвернувшись, устало поднялась.

— Еще кофе, майор?

— Нет.

— Как хотите.

Тассо пила молча. Хендрикс не видел ее лица. Он снова улегся на землю и, пытаясь сосредоточиться, глубоко задумался. Думать было тяжело. Голова раскалывалась от боли. Он еще не совсем пришел в себя.

— А вообще-то...— неожиданно начал он.

— Что?

— Сколько еще до рассвета?

— Часа два. Солнце уже скоро взойдет.

— Где-то неподалеку отсюда должен быть корабль. Я никогда не видел его, но знаю, что он существует.

— Что за корабль? — резко спросила Тассо.

— Небольшой космический крейсер.

— Мы сможем на нем добраться до Лунной базы?

— Он для того и предназначен. На случай крайней опасности.— Хендрикс потер лоб.

— Что случилось?

— Голова. Кошмарная боль. Я не могу сосредоточиться. Эта граната...

— Корабль где-то рядом? — Тассо подошла к нему и присела на корточки.— Далеко отсюда? Где?

— Я стараюсь вспомнить.

Она вцепилась в его руку.

— Рядом? — Она проявляла нетерпение.— Где это может быть? Может, под землей?

— Точно. В подземном хранилище.

— Как мы найдем его? Это место как-нибудь отмечено?

Хендрикс задумался.

— Нет. Никаких отметок. Никаких кодовых знаков.

— А как же...

— Там что-то есть.

— Что?

Хендрикс не ответил. В мерцающем свете костра глаза его казались мутными и пустыми. Тассо еще крепче вцепилась в него.

— Что есть? Что?

— Я не могу вспомнить. Дай мне отдохнуть.

— Хорошо.

Она отпустила его и поднялась. Хендрикс вытянулся на земле и закрыл глаза. Тассо отошла в сторону. Она отшвырнула камень, попавший под ноги, и, запрокинув голову, уставилась на небо. Уже отступала чернота ночи. Приближалось утро.

Тассо, крепко сжимая пистолет, обходила костер. На земле, закрыв глаза, неподвижно лежал майор Хендрикс. Сероватая мгла от земли поднималась все выше и выше. Проступили очертания пейзажа. Во все стороны простирались запорошенные пеплом поля. Пепел да обломки зданий. То тут, то там торчали уцелевшие стены, бетонные глыбы, черные стволы деревьев.

Воздух был холодным и колючим. Откуда-то издалека подавала голос птица.

Хендрикс пошевелился и открыл глаза.

— Заря? Уже?

— Да.

Он немного приподнялся.

— Вы хотели что-то узнать. Вы о чем-то спрашивали меня.

— Вы вспомнили?

— Да.

— Что же это? — Она вся напряглась.— Что?

— Колодец. Разрушенный колодец. Хранилище — под ним.

— Колодец.— Тассо расслабилась.— Тогда нам остается только найти его.

Она взглянула на часы.

— У нас есть еще час, майор. Успеем?

— Дайте мне руку,— попросил Хендрикс.

Тассо отложила пистолет и помогла Хендриксу подняться.

— Вам будет трудно.

— Да, пожалуй.— Майор сжал губы.— Не думаю, что мы далеко уйдем.

Они пошли. Холодное утреннее солнце уже бросало первые лучи, озаряя плоскую выжженную землю. Несколько птиц высоко в небе медленно описывали круги.

— Видно что-нибудь? — спросил Хендрикс.— «Когти»?

— Нет. Пока нет.

Они миновали руины какого-то здания, перелезая через кучи мусора и кирпича. Бетонный фундамент. Разбегающиеся крысы. Тассо в испуге отпрянула от них.

— Здесь когда-то был городок,— заметил Хендрикс.— Так, провинция. Это была страна виноградников.

Они шли по обильно поросшей сорняками вымершей улице. Мостовая была покрыта трещинами. Справа, невдалеке, торчала кирпичная труба.

— Осторожней,— предупредил Хендрикс.

Перед ними зияла дыра, похожая на развороченный подвал. Покореженная арматура. Металлические трубы. Они прошли мимо уцелевшей стены дома, мимо лежащей на боку ванны. Ломаный стул. Алюминиевые ложки. Осколки фарфора. Посредине улицы зиял провал, заполненный соломой, всяческим хламом и костями.

— Где-то здесь,— прошептал Хендрикс.

— Сюда?

— Да. Направо.

Они прошли мимо разбитого танка. Счетчик на поясе Хендрикса зловеще запищал. Рядом с танком лежал похожий на мумию труп с открытым ртом. За дорогой тянулось ровное поле: камни, сорняки, битое стекло.

— Там! — указал Хендрикс.

Среди мусора высился каменный колодец с осевшими разбитыми стенками. Поперек него лежало несколько досок.

Хендрикс нерешительно подошел к колодцу. Тассо шла следом.

— Вы уверены? — спросила она.— Это не очень похоже на то, что мы ищем.

— Уверен.— Хендрикс, стиснув зубы, устало опустился на край колодца. Он тяжело дышал.— Это было сделано на случай крайней опасности. Например, захват бункера. Корабль предназначен для эвакуации старшего офицера.

— И этот старший офицер — вы?

— Да.

— Но где он? Здесь?

— Мы стоим над ним.— Хендрикс провел рукой по каменной стене.— Кодовый замок отвечает только мне и никому больше. Это мой корабль.

Раздался резкий щелчок. И вскоре из глубины донесся низкий рокочущий звук.

— Отойдите,— сказал Хендрикс, оттаскивая Тассо от колодца.

Широкий пласт земли отошел в сторону, и из пепла, распихивая битый кирпич и прочий мусор, начал медленно подниматься металлический стержень. Движение прекратилось, когда он весь появился на поверхности.

— Пожалуйста,— сказал Хендрикс.

Корабль был совсем небольшим. Он, удерживаемый сетчатым каркасом, мирно стоял, напоминая тупую иглу. Хендрикс подождал, пока осядет поднятая кораблем пыль, и подошел поближе. Он забрался на каркас и отвинтил крышку входного люка. Внутри можно было рассмотреть пульт управления и кресло пилота.

Подошла Тассо и, встав рядом с Хендриксом, заглянула внутрь.

— Я не знаю, как управлять им,— сказала она немного погодя.

Хендрикс удивленно взглянул на нее.

— Управлять буду я.

— Вы? Там только одно место, майор. Насколько я поняла, эта штуковина лишь для одного человека.

У Хендрикса перехватило дыхание. Он внимательно осмотрел внутреннее пространство корабля. Там, действительно, было только одно место.

— Я понял,— сказал он.— И этим человеком будете вы.

Она кивнула.

— Конечно.

— Почему?

— Вам не вынести такого путешествия. Вы ранены и, вероятно, даже не сможете забраться в него.

— Интересно. Но есть одно «но». Я знаю, где находится Лунная база. А вы не знаете. Вы можете летать месяцами, но так и не найти ее. Она практически не видна. Не зная, где искать...

— Но надо рискнуть. Может быть, я и не найду ее. Сама. Но думаю, что вы поможете мне. От этого как-никак зависит ваша жизнь.

— Каким образом?

— Ну, если я быстро найду Лунную базу, возможно, мне и удастся убедить их послать за вами корабль. Если же нет, то у вас нет шансов выжить. На корабле должен быть запас продовольствия, и я смогу достаточно долго...

Хендрикс резко рванулся. Но раненая рука подвела его. Тассо пригнулась и ловко отпрыгнула в сторону. Она резко выбросила вперед руку. Хендрикс успел заметить рукоятку пистолета, попытался отразить удар, но все произошло слишком быстро. Удар пришелся в висок, чуть выше уха. Ослепляющая боль пронзила его. В глазах потемнело, и он рухнул на землю.

Смутно он осознал, что над ним стоит Тассо и пихает его ногой.

— Майор! Очнись!

Он застонал и открыл глаза.

— Слушай меня, янки.

Она наклонилась; пистолет нацелен ему в голову.

— Я должна торопиться. Времени почти не осталось. Корабль готов. Я жду, майор.

Хендрикс тряс головой, пытаясь прийти в себя.

— Живей. Где Лунная база? Как найти ее? — кричала Тассо.

Хендрикс молчал.

— Отвечай!

— Мне очень жаль.

— Майор. На корабле полно продовольствия. Я могу болтаться неделями. И в конце концов я найду базу. Ты же умрешь через полчаса. У тебя есть единственный шанс выжить...— Она не успела закончить.

Вдоль склона, около развалин, что-то двигалось, подымая пепел. Тассо быстро обернулась и, прицелившись, выстрелила. Полыхнул белый огонь. «Коготь» начал поспешно удирать. Она снова выстрелила. Его разорвало на куски.

— Видишь? — спросила Тассо.— Это разведчик. Теперь недолго осталось.

— Ты пошлешь их за мной, Тассо?

— Конечно. Как только доберусь.

Хендрикс пристально всматривался в ее лицо.

— Ты не обманываешь меня? — Странное выражение появилось на лице майора: ему вдруг страшно захотелось жить.— Ты вернешься за мной? Ты вытащишь меня отсюда?

— Да. Я доставлю тебя на Лунную базу. Ты только скажи, где она.

Времени на раздумья не было.

— Хорошо.

Хендрикс постарался принять сидячее положение.

— Смотри.

Он подобрал какой-то камень и начал рисовать им на толстом слое пепла. Тассо стояла рядом, не спуская глаз с руки Хендрикса. Майор рисовал карту лунной поверхности. Рисовал очень приблизительно.

— Здесь Апеннины. Здесь кратер Архимеда. Лунная база — в двух сотнях миль от оконечности Апеннинского хребта. Я не знаю точно где. На Земле этого никто не знает. Но когда ты перевалишь через хребет, подай условный сигнал: сначала одну красную и одну зеленую вспышки, затем подряд две красные. Служба слежения примет твой сигнал. Сама база, конечно, находится глубоко под поверхностью Луны. Дальше они проведут тебя с помощью магнитных захватов.

— А управление? Я смогу справиться?

— Управление осуществляется автопилотом. Все, что ты должна сделать, это подать сигнал в должное время.

— Отлично.

— Конструкция кресла такова, что ты практически не почувствуешь стартовых перегрузок. Подача воздуха и температурный режим контролируются автоматически. Корабль покинет Землю и перейдет на окололунную орбиту. Что-то порядка ста миль от поверхности Луны. Когда будешь в нужном районе, выпусти сигнальные ракеты.

Тассо проскользнула в люк и плюхнулась в кресло. Автоматически застегнулись ремни. Она провела пальцем по пульту управления.

— Мне жаль, майор, что тебе не повезло. Здесь все предназначено для тебя, но...

— Оставь мне пистолет.

Тассо вытащила из-за пояса оружие. Она задумчиво держала его на ладони, словно взвешивая.

— Не уходи далеко. Иначе тебя будет тяжело найти.

Она взялась за стартовую рукоятку.

— Прекрасный корабль, майор. Я восхищаюсь вашим умением работать. Вы создаете потрясающие вещи. Это умение, как и сами творения,— величайшее достижение вашей нации.

— Дай пистолет,— протягивая руку, нетерпеливо повторил Хендрикс. Ему с огромным трудом, но все же удалось подняться на ноги.

— Всего хорошего, майор.

С этими словами Тассо отбросила пистолет. Он ударился о землю и, подпрыгивая, покатился прочь. Хендрикс быстро, как мог, устремился за ним.

Лязгнула крышка люка. Болты встали на место. Хендрикс нерешительно подобрал пистолет.

Раздался оглушительный рев. Оплавляя металл каркаса, корабль вырвался из клетки. Хендрикс, сжавшись, отпрянул. Вскоре корабль скрылся за тучами.

Майор еще долго стоял и смотрел, задрав голову. Стало совсем тихо. Воздух утра был прохладен и неподвижен. Майор начал бесцельно бродить вокруг, говоря себе, что лучше далеко не отходить. Помощь придет... Может быть.

Он порылся в карманах и, обнаружив пачку сигарет, закурил.

Мимо пробежала ящерица. Хендрикс замер. Ящерица исчезла. Большой белый камень облюбовали мухи. Хендрикс замахнулся на них ногой.

Становилось жарко. По лицу майора текли ручейки пота и исчезали под воротником. Во рту пересохло.

Вскоре он устал ходить и уселся на камень. Вытащив из санитарного пакета несколько таблеток транквилизатора, он проглотил их, потом осмотрелся по сторонам.

Впереди что-то лежало. Вытянувшись. Неподвижно.

Хендрикс судорожно выхватил пистолет. Похоже, это был человек. Но вскоре он вспомнил. Это были останки Клауса. Вторая модель. Здесь Тассо пристрелила его. Он видел многочисленные колесики, реле и прочие металлические части. Они сверкали и искрились в лучах солнца.

Хендрикс поднялся и подошел поближе. Он пнул ногой тело, переворачивая его. Он мог разобрать металлический каркас, алюминиевые ребра и распорки. Словно внутренности из вспоротой туши, из робота посыпались провода, переключатели, реле, бесчисленные крошечные моторчики.

Майор наклонился. Можно было рассмотреть мозг робота. Миниатюрные трубки, тонкие как волос провода, блестящие клеммы. Потом Хендрикс заметил заводскую пластинку с фирменным клеймом. Он внимательно рассмотрел ее.

И побледнел.

«4-М».

Долго он стоял, уставившись на нее. Четвертая модель! Не вторая. Они ошибались. Их больше. Не три. Возможно, много больше. По крайней мере четыре. И Клаус не был второй моделью.

Но если Клаус не был второй моделью, то...

Внезапно он насторожился. Что-то двигалось там, за холмом. Что это? Он напряг зрение. Какие-то фигуры.

Они направлялись в его сторону.

Хендрикс быстро пригнулся и поднял пистолет. Пот застилал глаза. По мере того как они приближались, Хендриксу становилось все труднее сдерживать охватившую его панику.

Первым шел Дэвид. Завидев Хендрикса, он увеличил скорость. Другие следовали за ним. Второй Дэвид. Третий. Три абсолютно одинаковых Дэвида молча приближались к нему, мерно поднимая и опуская тонкие узловатые ноги. Прижимая к груди плюшевых медведей.

Он прицелился и выстрелил. Первые двое разлетелись вдребезги. Третий продолжал идти. За ним появилась еще фигура. Раненый солдат. А...

А за раненым солдатом бок о бок шествовали две Тассо. Тяжелые ремни, русские армейские брюки, гимнастерки, длинные волосы. Обе стройные, молчаливые и совершенно одинаковые. Именно такую фигуру он видел совсем недавно. Сидящую в кресле космического корабля.

Они были уже близко. Вдруг Дэвид согнулся и бросил плюшевого медвежонка. Медвежонок устремился к Хендриксу. Пальцы майора автоматически нажали на курок. Игрушка исчезла, превратившись в пыль. Но две Тассо все так же шли, невозмутимо, бок о бок, по серому пеплу.

Когда они были совсем рядом, Хендрикс выстрелил.

Обе исчезли. Но уже новая группа, пять или шесть Тассо, поднималась на холм.

А он отдал ей корабль и выдал сигнальный код. И из-за него она теперь направляется к Лунной базе. Он сделал все, чтобы она попала туда.

Он был прав насчет той гранаты. Она создана со знанием внутреннего устройства различных типов роботов. Таких, как Дэвид, раненый солдат, Клаус. Это оружие не могло быть сделано человеком. Похоже, что оно разработано на одном из подземных заводов-автоматов.

Шеренга Тассо приближалась. Хендрикс, скрестив на груди руки, спокойно смотрел на них. Такое знакомое лицо, ремень, грубая гимнастерка, такая же граната, аккуратно пристегнутая к ремню.

Граната...

Когда они добрались до него, забавная мысль мелькнула в сознании Хендрикса. От нее он даже почувствовал себя несколько лучше. Граната. Созданная второй моделью для уничтожения остальных. Созданная с одной-единственной целью.

Они уже начали истреблять друг друга.

Джо Холдеман

Удостоенный похвалы критиков и читателей за достоверное описание эмоциональной разобщенности и психологической нестабильности солдат во время «тысячелетней» войны в будущем первый роман Джо Холдемана «Бесконечная война»*, опубликованный в 1974 году, завоевал премии «Хьюго» и «Небьюла» и позже был переработан в трехтомный графический роман-сериал. После своей первой публикации Холдеман возвращался к теме войны в будущем несколько раз. Особенно известны его трилогия «Миры обетованные», «Миры запредельные» и «Миры неукротимые» о Земле, столкнувшейся с ядерной войной, и роман «Бесконечный мир» — дальнейшие исследования потенциала дегуманизации, заложенного в вооруженном конфликте. Среди других произведений Холдемана стоит отметить «Мост разумов», «Запомни все грехи мои» и роман «Мистификация Хемингуэя» — расширенную версию повести с тем же названием, получившей премию «Небьюла».

В сборниках «Бескрайние мечты» и «Разобраться с будущим» опубликованы фантастические рассказы Холдемана. Его эссе вперемешку с рассказами помещены в сборнике «Вьетнам и другие чужие миры». Его берущая за живое документальная проза, такая как «Год войны», основана на опыте, полученном писателем за время прохождения им службы во Вьетнаме, а «1968» описывает Америку в эпоху вьетнамской войны. Холдеман также является соредактором антологий «Доспехи-2000», «Космические воины» и «Супертанки».

* Продолжение этого романа, «Бесконечная свобода», вышел в 1999 году.

Герой

ГЛАВА 1

— На сегодняшнем вечернем занятии мы покажем вам восемь способов бесшумно убить человека.

Сержант-инструктор, который проводил занятие, выглядел едва ли на пять лет старше меня. Следовательно, если ему и приходилось убивать в бою, бесшумно или наоборот, то только будучи еще ребенком.

Я уже был ознакомлен с восьмьюдесятью способами убить человека, хотя подавляющее большинство из них были довольно шумными. Я уселся прямо, придал лицу выражение вежливого внимания и заснул с открытыми глазами. То же самое сделали почти все остальные. Мы уже знали, что ничего действительно ценного на вечерних занятиях не дают.

Разбудил меня включившийся проектор, и я просмотрел короткую учебную ленту, иллюстрирующую «восемь бесшумных способов». Часть актеров, вероятно, была из преступников-мозгостеров, потому что их убивали в самом деле.

После фильма какая-то девушка из первого ряда подняла руку. Сержант кивнул ей, и она поднялась, чтобы задать вопрос. Симпатичная, хотя шея и плечи немного мощноваты. Это от постоянного таскания тяжелых вещмешков, чем мы занимались последнюю пару месяцев.

— Сэр,— сказала она. Мы должны были обращаться к сержантам только через «сэр», пока не пройдем обучение.— Большинство этих способов, они, как мне кажется, ну, выглядят просто глупо.

— Например?

— Ну вот это — удар в область почек саперной лопаткой. Неужели мы действительно можем оказаться в ситуации, когда у нас не будет под рукой ножа или другого оружия? И почему именно в почки, почему бы просто не раскроить преступнику голову?

— На голове у него может быть каска,— резонно заметил сержант.

— Но ведь у тельциан, видимо, вообще нет никаких почек!

— Вероятно,— вздохнул инструктор. Шел только лишь тысяча девятьсот девяносто седьмой, и никто еще не видел живого тельцианина или хотя бы его останков размером более хромосомы.— Но химически их тела сходны с нашими, поэтому мы предполагаем, что и анатомически это похожие на человека существа. И у них должны быть уязвимые места. Их вам придется найти. Не забывайте,— он ткнул пальцем в сторону экрана,— что эти восемь смертников получили свою долю ради вашей пользы, чтобы вы могли найти способ убить тельцианина — все равно как, с помощью ручного лазера или с помощью точильного бруска.

Девушка опустилась на место, но ответ сержанта ее, судя по всему, не очень удовлетворил.

— Будут еще вопросы?

Но поднятых рук больше не было.

— О'кей. Становись!

Мы приняли более-менее вертикальное положение. Сержант ожидающее глядел на нас.

— Так-растак вас, сэр! — послышался обычный усталый хор.

— Громче!

— Так-растак вас, сэр! — Еще одно убогое армейское изобретение для поднятия нашего духа.

— Уже лучше. Не забудьте, завтра на рассвете маневры. Завтрак — в три тридцать, построение — в четыре ноль-ноль. Кто будет пойман в мешке после трех сорока — потеряет нашивку. Разойдись.

Я затянул «молнию» на комбинезоне и пошагал через заснеженный плац в комнату отдыха, чтобы выпить чашку сои и покурить. Мне всегда хватало пяти-шести часов сна,

а иначе, как здесь, я не мог побыть сам по себе, хоть на несколько минут забыть про армию. В комнате отдыха я некоторое время смотрел инфо. Еще один корабль накрылся в секторе Альдебарана. Это, считай, четыре года назад. Готовится флот для ответного удара, причем потребуется еще четыре года, пока они туда доберутся. За это время тельциане прочно усядутся на всех входных планетах.

В казарменном бараке, когда я туда вернулся, все уже залезли в спальные мешки и основное освещение было выключено. Вся честная компания до сих пор не пришла в себя окончательно после двухнедельного учебного цикла на Луне. Я запихал комбинезон в шкафчик, сверился со списком и обнаружил, что мне выпала на сегодня койка № 31. Проклятье, прямо под нагревателем!

Я как мог тихо пробрался за полог, стараясь не разбудить соседа. Кто это был, я не видел, но и значения это ни малейшего не имело. Я шмыгнул под одеяло.

— Что-то поздно ты, Манделла,— зевнули на соседней койке.

Это была Роджерс.

— Извини, я не хотел тебя будить,— прошептал я.

— Не страшно.

Роджерс подкатилась ко мне и обхватила, прижимаясь. Она была теплая и в меру податливая.

Я провел рукой по ее бедру, надеясь, что это был только жест братской ласки.

— Спокойной ночи, Роджерс.

— Спокойной ночи, мой жеребчик.

Она вернула мою ласку, но более решительно.

И почему так всегда получается: когда в активе, то твой сосед, вернее, соседка, хочет спать, а когда устаешь — ей не спится? И я склонил голову перед неизбежным.

ГЛАВА 2

— Ну хорошо, понеслись опять! Стрингеры! Взяли быстренько — ну, кому говорю, взяли!

Около полуночи фронт теплого воздуха достиг нашей округи, и снег превратился в жидкую грязь. Продольная

балка-стрингер из пермапласта весила пятьсот фунтов, и тащить ее было не сахар, не считая даже, что она была покрыта ледяной коркой. Каждая команда стрингеров состояла из четырех человек — по двое на каждом конце балки. В паре со мной шла Роджерс.

— Сто-о-й...— выкрикнул парень, шедший за мной, имея в виду, что сейчас балка выскользнет у него из закоченевших пальцев. Хоть и пермапластовая, она вполне могла бы сломать человеку ногу. Мы все разжали пальцы и отпрыгнули в сторону — одновременно. Балка, подняв фонтан грязевых брызг, рухнула на землю.

— Черт тебя подери, Петров,— сказала Роджерс.— Может, тебе лучше перейти в Красный Крест или еще куда? Растакая балка не на растак тяжелая.

Обычно наши девушки гораздо осмотрительнее в выборе выражений, но Роджерс можно было понять.

— Нухршо-о! Стрингеры, вперед! Склейщики! Не отставать!

Два человека нашей бригады склейщиков бросились бежать, раскачивая своими ведрами.

— Манделла, давай двигай. А то я что-то отморожу.

— И я,— поддержала девушка. Больше с чувством, чем с логикой.

— Раз-два — взяли-и!

Мы подхватили чертовку и потащились к мосту. Он был готов примерно на три четверти. Похоже, второй взвод нас обгонит. Мне-то было бы все равно, но только взвод, первым закончивший мост, домой полетит на вертолете, а нам придется тогда четыре часа шлепать по грязище, и отдыха у нас сегодня тоже не будет.

Мы установили балку на место и начали прилаживать фиксирующие скобы к опоре. Девушка из бригады склейщиков начала уже выплескивать смолу на балку, хотя мы не успели ее закрепить. Ее напарник ждал по другую сторону моста. Настильщики дожидались своей очереди у подножия, каждый из них поднял над головой лист упрочненного пермапласта словно зонтик. Они были сухие и чистые. Интересно, заметил я громко, за что им такая честь выпала? Роджерс высказала несколько предположений, красочных, но маловозможных.

Мы направлялись за следующей балкой, когда проводящий полевые занятия (имя его было Дагльстайн, но мы звали его «Нухрош») засвистал в свою свистульку и проревел:

— Нухро-ош, солдаты, десять минут перекура! Курите, ежели есть что.— Он сунул руку в карман и включил обогрев наших комбинезонов.

Мы с Роджерс присели на край стрингерной балки, и я вытащил кисет. Скруток с травой у меня было полно, но их не разрешалось курить до вечера. С табаком у меня был только сигарный окурок, дюйма на три. Я закурил — и после пары затяжек почувствовал себя не так уж плохо. Роджерс тоже затянулась, но только за компанию, тут же скорчила гримасу и вернула окурок обратно.

— Ты еще учился, когда тебя призвали? — спросила она.

— Ага. Как раз получил диплом об окончании. Физика. Хотел стать преподавателем.

Она невесело кивнула.

— А я на биологическом.

— Долго? — Я зачерпнул полную пригоршню снеговой каши.

— Шесть лет. Я бакалавр.— Она водила ботинком из стороны в сторону, нагребая холмик замерзающей грязи и мокрого снега, похожего на кристаллы перемороженного молока.— И отчего так получилось, отчего эта сволочь началась?

Я вздохнул. Вопрос требовал ответа вроде тех, что нам предоставляли ИСООН. Интеллектуальная и физическая элита планеты, коей должно спасти человечество перед лицом тельцианской угрозы. Вот дерьмо. Все это только гигантский эксперимент. Хотят попробовать, не удастся ли навязать тельцианам столкновение на поверхности планеты.

Нухрош дунул в свисток на две минуты раньше, чем положено — как и всегда,— но я и Роджерс и еще два наших стрингера могли сидеть с минуту, пока склейщики и настильщики приканчивали нашу последнюю балку. Костюмы быстро остывали, так как обогрев уже выключили, но мы из принципа не трогались с места.

Вообще-то никакого смысла не было в тренировке на холоде. Типичная армейская полулогика. Конечно, там будет холодно, но ничего похожего на лед или снег. Даже по своему определению входная планета находится в зоне температур, близких к абсолютному нулю. Коллапсары совсем не греют — и если вы почувствуете холод, значит, вам пришел конец.

Двенадцать лет назад, когда мне было всего десять лет, был открыт коллапсарный прыжок. Направьте предмет с достаточной скоростью прямо в коллапсар — и вот он уже выпрыгивает где-то совсем в другой части Галактики. Быстро нашли закономерность, позволяющую определить место выхода: объект как бы движется в начальном направлении вдоль «линии» (то есть вдоль эйнштейновской геодезической линии) и выпрыгивает в пространство, когда эта воображаемая «линия» упирается в другой коллапсар. Причем объект выпрыгивает в обычное пространство в том же направлении и с той же скоростью, с какой он вошел в первый коллапсар. Время перехода между двумя коллапсарами практически ноль.

Явление задало работы физикам и математикам. Им пришлось пересмотреть теорию одновременности, потом разобрать до основания здание общей теории относительности и собрать его снова, включив необходимые изменения. И политики тоже очень обрадовались, потому что теперь они могли послать корабль с колонистами на Фомальгаут с меньшими затратами, чем раньше обходилась посылка двух человек на Луну. Политики были бы рады отправить массу людей на Фомальгаут совершать невиданные подвиги, вместо того чтобы эти люди не давали им спать спокойно дома, на Земле.

Каждый колонистский корабль сопровождался автоматическим зондом. Зонд следовал за кораблем примерно в двух миллионах миль. Уже были получены данные о существовании входных планет — скальных мирках, вращающихся вокруг коллапсаров. Зонд, в случае если корабль врежется в такую планету на скорости в 0,999 световой, должен вернуться домой и сообщить о печальном событии.

Именно такого рода катастрофа никогда не случалась, но однажды все-таки зонд вернулся домой один. Информация, им доставленная, была проанализирована, и оказалось, что корабль колонистов был атакован чужим кораблем и уничтожен. Это произошло в окрестностях Альдебарана, в созвездии Тельца, и так как выговаривать слово «альдебараниане» несколько неудобно, враг получил имя «тельциане».

Корабли переселенцев начали отправлять в полет под защитой военных крейсеров. Потом крейсера начали совершать рейсы самостоятельно, и в конце концов Группа Колонизации уступила место ИСООН, то есть Исследовательским Силам при ООН. Ударение на слове «силы».

Потом какой-то умник в Генеральной Ассамблее родил идею, что следовало бы подготовить группу людей, способных вести наземные боевые действия и охранять входные планеты ближайших коллапсаров. Это привело к Элитарному Призывному Закону 1996 года и появлению самой элитарно набранной армии в истории военных сражений.

И вот мы, пятьдесят мужчин и пятьдесят женщин, все с коэффициентом интеллекта выше 150 и необыкновенной силы и выносливости, самым элитарным образом месили грязь в центральной Миссури, размышляя при этом о практичности умения строить балочные мосты на планетах, где единственная жидкость являет собой случайную лужицу жидкого гелия.

ГЛАВА 3

Примерно через месяц мы стартовали к месту наших последних учебных полевых занятий — на Харон. Хотя планета и приближалась к перигею, но все равно была в два раза дальше от Солнца, чем Плутон.

В качестве транспорта был использован корабль для колонистов, рассчитанный на двести переселенцев, а также домашних животных и различные растения. Но не думайте, что там было очень просторно, если нас насчитывалось в два раза меньше, чем двести. Почти все дополнительное пространство занимали добавочное горючее и необходимая нам амуниция.

Весь перелет занял три недели, половину дороги мы шли с ускорением два g, вторую половину — тормозили с тем же ускорением. Максимальная наша скорость, когда мы проскакивали орбиту Плутона, составляла примерно одну двадцатую световой. Эффекты релятивистики еще не давали о себе знать.

Три недели в поле тяжести в два раза большем нормального — это совсем не пикник. Три раза в день мы выполняли очень осторожно некоторые упражнения, а в основном старались сохранять лежачее положение. И все равно имели место несколько случаев переломов и вывихов. Люди носили специальные бандажи и повязки, чтобы не растерять по пути конечности и прочие части тела. Спать было почти невозможно: мучили кошмары (удушье и сплющивание в лепешку), кроме того, приходилось постоянно переворачиваться, чтобы не застаивалась кровь и не образовывались пролежни. У одной из девушек, замученной до предела, во сне ребро проткнуло кожу и вышло наружу.

Я уже несколько раз бывал в космосе до этого, так что, когда мы кончили тормозиться и перешли в свободный полет, я не испытывал ничего, кроме облегчения. Но многие из наших никогда не бывали в невесомости, не считая наших двух недель на Луне, и страдали от тошноты и головокружения. Остальным приходилось прибирать каюты, летать туда-сюда с мокрыми губками и имспираторами, всасывающими шарики полупереваренной «Муки Мясной Высокопротеиновой Легкоперевариваемой Концентрированной» (в обиходе — соя).

Когда мы покидали орбиту, можно было хорошо рассмотреть Харон, хотя смотреть было почти не на что. Планета выглядела как туманная, едва светящаяся сфера, белесоватая, с несколькими темными полосами. Мы опустились примерно в двухстах метрах от базы. К транспорту подполз герметический краулер и соединился с выходным шлюзом через переходной рукав. Поэтому скафандры надевать не понадобилось. Краулер, звякая и крякая, пополз к главному зданию базы, бесформенному пластиковому строению серого цвета.

Внутри базы доминировал тот же убогий цвет. Наша команда разместилась за столами, весело переговариваясь. Я нашел свободное место рядом с Фрилендом.

— Джефф, ты как?.. Уже лучше?

Фриленд был все-таки бледноват.

— Если бог предназначал человеку выжить в невесомости, отчего он не снабдил его чугунной глоткой? — Он тяжко вздохнул: — Сейчас уже полегчало. Курить хочется — помираю.

— И я.

— Ты-то, похоже, был как рыба в воде. Бывал наверху еще в колледже, да?

— Ага, дипломная работа по вакуумной сварке. Три недели на околоземной.

Я облокотился о спинку стула и потянулся за кисетом — наверное, уже в тысячный раз. И как всегда, его в кармане не оказалось. Система жизнеобеспечения не рассчитана на дым, и тем более на табачный.

— До сих пор приходилось паршиво,— проворчал Джефф,— но это еще цветочки.

— Становись!

Мы поднялись на ноги, постанывая и пошатываясь, по двое и по трое. Дверь распахнулась, и вошел офицер. Я слегка подтянулся. На комбинезоне у него была целая полоса наградных нашивок, включая и пурпурную ленту, означавшую, что он бывал раненным в бою еще в старой американской армии. В Индокитае, стало быть. Но эта затея кончилась крахом задолго до моего рождения. На вид ему нельзя было дать столько.

— Садитесь, садитесь,— сказал он, подбадривая нас соответствующим жестом руки. Потом он упер руки в бока и оглядел всю компанию, на губах его играла улыбка.

— Добро пожаловать на Харон. Меня зовут майор Ботсфорд. Отличный денек выбрали вы для посадки, температура снаружи совсем летняя, восемь и пятнадцать сотых по Кельвину*. Ожидается небольшое колебание температур в период двух ближайших столетий или около того.

* −265 °C.

Кое-кто неуверенно засмеялся.

— Советую наслаждаться нашим тропическим климатом базы «Майами» — пока есть у нас возможность. Мы тут в самом центре солнечной стороны, а большую часть времени вам придется провести на теневой половине. Там всегда довольно прохладно — около двух и восьми сотых выше абсолютного нуля*. Курс, который вы прошли на Земле и на Луне, вы также можете считать теперь лишь первой, подготовительной ступенью, назначение которой — помочь вам выжить здесь, на Хароне. Здесь вы пройдете полную программу обучения: работа с инструментами, оружие, полевые занятия. И вы убедитесь, что при здешних температурах инструменты не работают как положено и оружие не желает стрелять. И люди — они передвигаются о-о-очень осторожно.

Он углубился в список, вставленный в пружинную планшетку у него в руках.

— Итак, у вас имеется на настоящий момент сорок восемь мужчин и сорок девять женщин. Два смертельных случая на Земле, кроме того, одно освобождение по состоянию психики. Признаюсь, что, ознакомившись с программой вашей подготовки, я был искренне удивлен, что вы смогли пройти ее почти в полном составе.

Но я буду весьма рад, если хотя бы половина из вас благополучно завершит обучение здесь. Единственная другая возможность, кроме благополучного окончания курса,— погибнуть. Здесь. На Землю все мы — включая и меня — попадем только в единственном случае — если вернемся из боевого рейса.

Через месяцы вы завершите подготовку. Отсюда вы будете переброшены на Старгейт-1 — ближайший наш коллапсар на дистанции в половину светового года. Вы будете оставаться на базе Старгейт-1, расположенной на самой большой из входных планет,— до прибытия смены. Ждать ее, к счастью, недолго. Не больше месяца, так как после вашего отбытия мы примем следующую группу.

* −271,07 °C.

От Старгейт вы будете направлены к одному из стратегически важных коллапсаров, оборудуете там базу и будете удерживать ее в случае нападения противника. Если противник не даст о себе знать, ваша задача — охранять базу до получения дальнейших приказов.

Две последние недели вашей подготовки будут посвящены изучению конструкции и сборки точной копии такой базы — но там, на теневой стороне. Там вы будете полностью изолированы от базы «Майами»: ни транспортного сообщения, ни снабжения медикаментами и прочим. Плюс учебные атаки управляемых зондов.

Зонды тоже будут стрелять. Неужели они потратили на нас все эти деньги только для того, чтобы прикончить во время обучения?

— Весь постоянный персонал здесь, на Хароне, состоит из боевых ветеранов. Следовательно, каждому из нас от сорока до пятидесяти лет. Но, думаю, мы от вас отставать не будем. Двое из нас станут вашими няньками вплоть до Старгейта. Это капитан Шерман Скотт, командир вашей группы, и сержант Октавий Кортес. Джентльмены, прошу.

Два человека, сидевшие в первом ряду, быстро и легко поднялись на ноги, повернувшись к нам лицом. Капитан Скотт был ростом немного пониже майора, но выкован явно тем же молотом: лицо с твердыми чертами, будто фарфоровое, циничная полуусмешка, бородка ровно сантиметровой длины вокруг широкого подбородка. На вид ему было лет тридцать, не больше. На бедре капитан носил большой пулевой пистолет.

Сержант Кортес был совсем другого рода. Голова, обритая наголо, имела неправильную форму, потому что с одной стороны часть черепа была явно удалена в свое время и образовалась плоская впадина. Лицо у него было очень темное и все испещрено морщинами и шрамами. У левого уха не хватало половины, а глаза по выразительности не уступали кнопкам лифта. Он носил какой-то гибрид бороды и усов, что выглядело как жилистая белая гусеница, обнимающая его челюсть и рот. Если бы не все это, то его

улыбка школьника выглядела бы очень привлекательно, но в данном случае это было самое жуткое, чудовищное существо, какое мне приходилось видеть. И тем не менее, если принимать во внимание все нижние шесть футов сержанта, начиная от головы, он мог бы служить моделью для рекламы какого-нибудь культуристского клуба. Ни Скотт, ни Кортес не носили наградных нашивок. Кортес был вооружен небольшим карманным лазером на магнитном присосе, подвешенным у левой подмышки. Рукоятка у него была деревянная, отполированная до блеска рукой хозяина.

— Теперь, прежде чем я оставлю вас на милость этих двух джентльменов, позвольте еще раз предостеречь вас. Два месяца назад на планете не было живой души и вообще ничего не было, кроме кой-какого оборудования, оставленного экспедицией тысяча десятьсот девяносто первого года. Сорок пять человек целый месяц строили эту базу. Двадцать восемь, больше половины, погибли во время строительства. Это самая опасная для человека планета из всех, на которых люди успели побывать. Но вы отправитесь туда, где будет так же плохо или еще хуже. Наши люди сделают все, чтобы вы пережили этот месяц. Слушайте, что вам будут говорить... и следуйте их примеру. Прошу вас, капитан.

Капитан встал, а майор тем временем вышел.

— Стано-о-вись! — Последний слог походил на взрыв гранаты, и мы все вскочили на ноги.

— Все, что я скажу, я скажу в первый и последний раз, так что вы лучше вникните сразу,— прорычал он.— Мы сейчас находимся в боевых условиях. А в боевых условиях за непослушание и невыполнение приказа есть только одно наказание.— Он снял с бедра пистолет и протянул его в нашу сторону. Держал он его за ствол, как клюшку для гольфа.— Это армейский «кольт» сорок пятого калибра, модель тысяча девятьсот одиннадцатого года. Это примитивное, но надежное оружие. Сержант и я имеем право убить любого из вас для поддержания дисциплины, если в этом будет необходимость. Лучше не заставляйте нас доходить до крайностей, потому что мы воспользуемся этим правом. Воспользуемся.— Он вернул пистолет на место.

Застежка кобуры громко щелкнула в мертвой тишине.— Я и сержант Кортес убили вместе больше людей, чем сидит в этом зале. Мы оба воевали во Вьетнаме на стороне США, и мы оба пошли служить в Международные силы ООН десять лет назад. Я отказался от звания майора, чтобы принять участие в этом деле, а сержант Кортес потерял звание субмайора. Мы не просто солдаты, мы были в бою, а это первая боевая ситуация с самого тысяча девятьсот восемьдесят седьмого. Не забывайте все, что я сказал. Пока сержант даст вам детальные инструкции относительно ваших обязанностей. Приступайте, сержант.

Капитан повернулся на каблуках и зашагал прочь из зала. Выражение лица у него не изменилось ни на йоту во время выступления.

Сержант двигался, как тяжелая машина со множеством передач. Когда дверь, прошипев, задвинулась, он задумчиво повернулся к нам лицом и заговорил голосом неожиданно мягким:

— Вольно, садитесь.— Сам он присел на стоявший впереди стол. Стол заскрипел, но выдержал.— Капитан говорил вам страшные вещи, и я тоже гляжусь страшновато. Но будете со мной, так что привыкайте к этой штуке у меня на черепке. Капитана вы увидите только на маневрах.— *Он коснулся впадин на черепе.— Кстати, о черепках и содержимом.* Все мы, старые ветераны, поступившие в ИСООН, прошли те же тесты, что и вы, набранные по Элитарному Закону. Так что я подозреваю — все вы ребята сообразительные и крепкие, но мы с капитаном тоже сообразительные и крепкие, и у нас есть кой-какой опыт притом.

Он пролистал списки, не вникая по-настоящему.

— Значит, как сказал капитан, за невыполнение приказа в полевых условиях будет только одно наказание — высшая мера. Но в обычных условиях, дома, мы не будем стрелять из-за простого непослушания — вас накажет сам Харон.

Дальше. В помещении расквартирования можете чувствовать себя как дома. Хоть стой, хоть лежи — нас не волнует. Но если ты надел боекостюм и вышел на полевые учения, дисциплине должен позавидовать римский центу-

рион. Будут ситуации, когда один глупый поступок может убить нас всех.

Ну, а самое первое, что мы должны сделать, это подобрать боекостюмы. Оружейник ждет вас в казарме, он будет заниматься вами по отдельности. Ну, пошли.

ГЛАВА 4

— На Земле вам, знаю, уже прочли лекцию о боекостюмах и что они могут.

Оружейник оказался невысоким человеком, частично лысым, без знаков различия на комбинезоне. Сержант Кортес велел нам называть его «сэр», так как оружейник был лейтенантом.

— Но я хочу обратить внимание на некоторые моменты и, кроме того, добавить, возможно, некоторые сведения, которые вам не сообщили или которые сами инструкторы могли не знать. Ваш первый сержант любезно согласился послужить для вас моделью. Сержант!

Кортес вылез из комбинезона и подошел к небольшой платформе, где был установлен боекостюм. В раскрытом виде тот напоминал раковину моллюска человекообразной формы. Сержант, пятясь, вступил в костюм, сунул руки в рукава. Послышался щелчок, и костюм захлопнулся, вздохнув при этом. Он был ярко-зеленый, с белыми буквами «Кортес» на шлеме.

— Камуфляж, сержант.

Зелень побледнела, сменилась белизной, потом уступила место грязно-серому.

— Это самый подходящий камуфляж для Харона и большинства входных планет.— Голос Кортеса доносился будто со дна глубокого колодца.— Но имеются и несколько других комбинаций.— Серый цвет потемнел, местами стал ярче, превращаясь в смесь зеленого и коричневого.— Это для джунглей.— Зелено-коричневая раскраска сменилась охряной.— Пустыня.— Темно-коричневый, почти что черный.— Космическое пространство. Или ночь.

— Прекрасно, сержант. Насколько мне известно, это единственное устройство, которое подверглось усовершенствованию в ходе вашего обучения, и вы можете о нем не знать. Регулятор камуфляжа помещен у левого запястья и очень чувствителен. Но если вы нашли нужную комбинацию, то закрепить ее уже несложно.

На Земле вы не получили достаточной тренировки в боекостюмах. Это потому, что мы намерены выучить вас пользоваться костюмами именно в боевой обстановке. Боекостюм — самое совершенное личное оружие, когда-либо созданное, но для неумелого владельца оно может стать смертельным. Ничего не стоит прикончить самого себя только из-за невнимательности. Повернитесь, сержант.

Вот они где.— Оружейник хлопнул Кортеса по обширному квадратному вздутию между плечами.— Радиаторы. Как вы знаете, в задачу костюма входит поддержание наиболее благоприятной температуры внутри. Материал костюма — самый совершенный изолятор, какой нам только удалось создать, учитывая требования прочности. Поэтому излишки тепла сцеживаются наружу через радиаторы — по сравнению с температурой на теневой стороне пластины радиаторов просто раскалены.

Стоит вам только прислониться спиной к валуну из замерзшего газа, а их множество в округе, как твердый газ мгновенно начнет сублимироваться. При этом он, расширяясь, будет отталкиваться от окружающего «льда», и... всего за одну сотую секунды вы получите эквивалент ручной гранаты, взрывающейся у вас за плечами. Но понять этого вы уже не успеете.

Разновидности подобного явления убили одиннадцать человек за два прошедших месяца. А ведь они всего-навсего строили пару бараков.

Я предполагаю, что вы уже знакомы с силовыми усилителями костюмов и знаете, как легко могут они лишить жизни неумелого человека. Кто желает пожать руку нашему сержанту?

Он подождал, потом сам подошел к платформе, и они с сержантом пожали друг другу руки.

— Сержант умеет пользоваться усилителем. Вы же, пока не научитесь, должны проявлять крайнюю осторожность. Вам захочется почесать спину, совершенно машинально,

и кончится тем, что вы сломаете себе позвоночник. Не забывайте о полулогарифмической прогрессии: сила в два фунта дает при усилении пять фунтов, три фунта дают десять, четыре — двадцать три, пять фунтов — сорок семь. Большинство из вас может развить давление в хватке руками до сотни фунтов. Теоретически вы сможете — применяя усиление — разломать стальную балку. На самом же деле усилие данной мощности разрушит материал ваших перчаток, и, следовательно, вы быстро погибнете от холода и дегерметизации костюма. От чего именно, значения не имеет.

Ножные усилители также являют немалую опасность, хотя степень усиления у них меньше. Пока не приобретете достаточные навыки, не пытайтесь бегать или прыгать. Там, снаружи, немудрено споткнуться и, как сами понимаете, немудрено быстро умереть.

Сила тяжести на Хароне составляет три четверти земной. Не так уж плохо. Но на какой-нибудь действительно небольшой планете вроде Луны вы можете прыгнуть с разбега, не приземляться в течение двадцати минут и просто улетите за горизонт. Скорее всего врежетесь в скалу на скорости восемьдесят метров в секунду. А на небольшом астероиде ничего не стоит вообще никуда не приземлиться — набрав скорость убегания, вы отправитесь с неофициальным визитом в межзвездное пространство. Не самый быстрый способ путешествовать.

Завтра утром мы начнем обучать вас искусству оставаться в живых внутри этой адской машинки. Остальную часть сегодняшнего дня и вечер мы будем заниматься подборкой индивидуальных боекостюмов для каждого. Я буду вызывать по одному. Сержант, мы закончили.

Кортес направился к входной двери, включил воздушный кран, подававший воздух в шлюз. Одновременно включилась батарея инфракрасных излучателей, предохраняя воздух от замерзания. Когда давление в шлюзе и в отсеке сравнялось, он завернул кран, раздвинул дверь и вошел в переходной шлюз. Дверь задвинулась, насос начал откачивать воздух из шлюза. Примерно через минуту Кортес открыл наружную дверь и покинул жилой корпус. Совсем как на Луне.

— Первым пойдет рядовой Омар Альмизар. Остальные могут отправляться в спальню. Я буду вызывать по интеркому.

— В алфавитном порядке, сэр?

— Да. Один человек займет примерно десять минут. Если ваша фамилия начинается на «зэт», можете спокойно подремать.

Спрашивала Роджерс. Наверное, она и вправду надеялась подремать.

ГЛАВА 5

Солнце выглядело как твердая яркая белая точка прямо над головой. Оно было куда ярче, чем я ожидал, потому что мы находились в восьмидесяти астрономических единицах от него и яркость Солнца составляла лишь одну шестидесятичетырехтысячную от видимого с Земли сияния. И тем не менее оно давало света не меньше, чем мощная лампа в уличном фонаре.

— На входной планете у нас света не будет.— Голос капитана Скотта треснул в наших наушниках.— Будете рады, если разглядите, куда поставить ногу.

Мы построились в колонну, друг за другом на пермапластовой дорожке, соединявшей жилой корпус и склад. Мы отрабатывали перемещение в боекостюмах в условиях безвоздушного пространства. Все утро мы учились ходить внутри базы — и особой разницы теперь не испытывали, не считая экзотического пейзажа. Хотя света было маловато, но благодаря отсутствию атмосферы можно было просматривать местность до самого горизонта. Территорию базы окаймляла черная скальная стена слишком правильных очертаний, чтобы быть естественным образованием. До нее было примерно с километр. Поверхность была абсолютно черного цвета, местами голубели ледяные проплешины. Рядом со складом помещался громадный бункер с горкой замерзшего в снег газа и надписью «кислород».

В костюме было вполне удобно передвигаться, но только создавалось впечатление, что ты — одновременно и ма-

рионетка, и кукловод. Делаешь усилие, чтобы передвинуть ногу, костюм усиливает импульс и двигает твою ногу за тебя.

— Сегодня мы обойдем территорию базы, и никто не должен выходить за периметр.— Правда, «кольт» капитан на костюм не прицепил, хотя мог его носить под костюмом — в качестве счастливого амулета. Но у него в перчатке имелся пальцевый лазер, как и у нас всех, но только его лазер наверняка был заряжен.

Соблюдая интервал не менее двух метров друг от друга, мы вслед за капитаном покинули пермапластовую дорожку и ступили на гладкую поверхность скалы. Мы с великой осторожностью шли около часа, расширяя спираль маршрута, пока не оказались у защитного периметра.

— Всем смотреть и слушать внимательно! Сейчас я подойду вот к тому большому куску льда.— Это действительно была большая ледяная лужа примерно в двадцати метрах от нас.— И покажу вам кое-что, а вы запомните хорошенько, если хотите остаться в живых.

Сделав дюжину уверенных шагов, капитан оказался в районе ледяного озерка.

— Сначала мне нужно немного подогреть вот эту скалу. Опустить фильтры!

Я прижал рычажок под левой подмышкой, и на экран моего видеоконвертора скользнул светофильтр. Капитан направил свой палец-лазер на кусок черной скалы размером с баскетбольный мяч и коротко ударил лучом. Вспышка отбросила бесконечно длинную тень капитана куда-то за наши спины. Скальный обломок разлетелся на дымящиеся осколки.

— Они быстро остывают.— Капитан шагнул вперед и поднял один такой осколок.— Его температура сейчас около двадцати или двадцати пяти* по Кельвину. Теперь смотрите.

Он швырнул «горячий» обломок на поверхность льда. Обломок бешено завертелся, заскользил по льду и вылетел

* −253−248 °С.

обратно на скальную поверхность. Капитан бросил еще один, и с таким же результатом.

— Как вы знаете, вы изолированы не абсолютно полностью. Температура этих камешков примерно соответствует температуре подошв у ваших костюмов. И если вы попытаетесь встать на поверхность водородного льда, с вами случится то, что случилось с кусками скалы. Но только скала — она всегда была мертвой скалой, чего не скажешь о вас.

Причина такого поведения камня — в образующейся между ним и льдом прослойке жидкого водорода, всего в несколько молекул толщиной. Трение между скалой или вами и поверхностью льда отсутствует совершенно. А если трение отсутствует, то и стоять невозможно.

Примерно через месяц тренировок в костюме вы научитесь — должны будете научиться — выживать при падении. Но не сейчас — у вас нет еще навыков. Смотрите на меня.

Капитан пригнулся и одним прыжком вскочил на ледянку. В воздухе мелькнули подошвы, но капитан ловко перевернулся в полете и приземлился на руки и колени. Он соскользнул со льда на скалу и поднялся на ноги.

— Самое главное — не дать вашим радиаторам соприкоснуться с замерзшим газом. По сравнению со льдом они все равно что горнило домны. Мгновенный взрыв.

После этого мы еще около часа бродили по территории базы, а потом вернулись в жилой корпус. Уже пройдя шлюз, необходимо было выждать некоторое время, чтобы костюмы успели прогреться до «комнатной температуры». Кто-то подошел ко мне и коснулся шлемом моего шлема.

— Это ты, Уильям? — На шлеме у нее имелась надпись «Маккой».

— Привет, Оин. Что-то случилось?

— Я просто хотела спросить, с кем ты будешь сегодня спать.

Верно, я и забыл. Списки здесь не составляли, каждый выбирал соседа сам.

— Э... я... то есть я еще ни с кем не договаривался. Если ты... то конечно.

— Спасибо, Уильям. Пока.

Я смотрел ей вслед. Если кто-то и мог бы выглядеть соблазнительно в боекостюме, так это Оин.

Кортес решил, что мы уже достаточно прогрелись, и повел нас в раздевалку. Каждый, пятясь, завел свой костюм в надлежащее гнездо и подключил к подзаряжающим батареям. (В боекостюмы была вмонтирована автономная плутониевая батарея, которой хватило бы на несколько лет, но нас приучали к бережливости.) В конце концов все благополучно подключили свои костюмы, и было дозволено выходить на свет божий: девяносто семь цыплят, выскакивающих из ярко-зеленых яиц. Было холодно, особенно это касалось боекостюмов, поэтому мы весьма недисциплинированной толпой бросились к шкафчикам с одеждой.

Я натянул тунику, брюки и сандалии, но все равно дрожал от холода. Я взял свою чашку и встал в очередь за порцией горячей сои. Чтобы согреться, все в очереди прыгали на месте.

— К-как... т-ты д-думаешь, М-манделла, ск-колько з-здесь... градус-сов? — Это была Маккой.

— И... знать... не хочу...— Я бросил прыгать и начал со всей возможной энергией растираться одной рукой, так как в другой я держал чашку.

— Во всяком случае, не холодней, чем в Миссури.

— Ух... хоть бы... включили... обогрев... дьявол их забери...

Маленьким женщинам всегда приходится хуже всех. А Оин была у нас самой миниатюрной, куколка с осиной талией, едва пяти футов росту.

— Уже включили кондиционер. Скоро прогреется.

— Хотела бы... быть... такой здоровой, как ты.

А я втайне радовался, что все наоборот.

ГЛАВА 6

Потери у нас начались на третий день, когда мы тренировались делать ямы.

Учитывая нашу энерговооруженность, копать лопатой или подобным инструментом долбить промороженный камень Харона было бы просто непрактично. И тем не менее можно день-деньской стрелять из гранатомета и не выдолбить даже окопа. Поэтому используется пальцевый лазер. С его помощью делается углубление, в него бросается заряд с часовым механизмом, а вы поскорее убираетесь в укрытие. Укрытие на Хароне — это проблема, если только вы уже не обзавелись яминой где-нибудь поблизости.

Самое сложное в данной операции — это как раз успеть убежать. Безопасным считается расстояние не менее сотни метров от места взрыва. После включения часового механизма у вас есть три минуты времени. Но сломя голову бежать не рекомендуется. Не на Хароне.

Несчастный случай произошел, когда мы делали действительно солидную яму. Подходящую для подземного бункера. Для этого требовалось сделать углубление, потом спуститься на его дно, заложить еще один заряд и повторить операцию, пока не получится яма нужного размера. И глубины. Мы использовали взрыватели с пятиминутным замедлением, но и этого времени едва хватало — выбираться из кратера следовало с крайней осторожностью.

Уже все успели «выкопать» двойной глубины яму, кроме меня и еще трех человек. Думаю, поэтому только мы действительно внимательно следили за происходящим, когда это случилось с Бованович. Расстояние между нами было метров двести. На экране моего конвертора, включенного на сорок процентов мощности, я видел, как она исчезла за гребнем кратера. После этого я только мог слушать ее переговоры с Кортесом.

— Я на дне, сержант.— Во время полевых занятий подобного рода радио работало только на прием, исключая инструктора и выполняющего упражнение.

— О'кей, пройди в центр и расчисть днище. Не спеши. Пока не выдернешь кольцо, спешить тебе некуда.

— Ясно, сержант.

Мы могли слышать, как крохотным эхом отдается шорох мелких камней, проходящий через подошвы в костюм. Несколько минут она молчала.

— Достала дно.— Дыхание у нее несколько участилось.

— Лед или скала?

— Скала. Зеленоватая масса.

— Используй малую мощность. Один и две десятых, дисперсия «четыре».

— Боже, сержант, я проковыряюсь целый день.

— Возможно, но только в этой зеленой дряни имеются кристаллы гидрата, от сильного жара полетят куски. И нам ничего не останется, как только оставить в кратере твой хладный труп.

— О'кей, один и две десятых.— Противоположный край кратера озарился красным отсветом лазерного луча.

— Когда дойдешь до глубины в метр, перейди на дисперсию «два».

На это потребовалось семнадцать минут, три последние — на второй степени рассеивания. Представляю, как устала у нее рука.

— Теперь отдохни пару минут. Когда дно углубления перестанет светиться, активируй взрыватель и бросай заряд. Потом выходи из кратера. Ясно? Времени у тебя полно.

— Ясно, сержант. Буду выходить.

Но в голосе ее чувствовалось напряжение. Еще бы, не каждый день приходится на цыпочках удирать от тахионной бомбочки в двадцать микротонн. Несколько минут в динамиках слышалось учащенное дыхание.

— Готово.— Слабый стук — это бомба улеглась на место.

— Теперь не спеши, осторожно, у тебя целых пять минут.

— Ага-а, пять.— Застучали камешки о подошвы ее костюма. Сначала регулярные, эти звуки потом, когда она начала взбираться на гребень, стали более частыми. И когда осталось четыре минуты...

— Зараза! — Долгий скребущий звук, стук камешков.— Вот зараза.

— Что случилось, рядовой?

— Зараза! — Тишина.— Сволочь!

— Рядовой Бованович, я спрашиваю, что случилось.

— Я... сволочь, я застряла... Эта сволочная нога... Да помогите же!.. Я не могу двинуться, я не могу... я...

— Молчать! Как глубоко она застряла?

— Не могу вытащить, она застряла... моя нога... Помогите!..

— Тогда помогай руками, черт побери, толкай руками! У тебя усилие по тонне на каждую руку! — Остается три минуты.

Она перестала чертыхаться и что-то забормотала. Она тяжело дышала.

— Я вытащила ее. Две минуты.

— Двигайся насколько можешь быстро.— Голос у Кортеса был совершенно лишен волнения.

За девяносто секунд до взрыва Бованович появилась над гребнем кратера. Она выползла на четвереньках, переваливаясь через гребень.

— Беги... беги, как можешь быстро...

Она пробежала пять или шесть шагов, упала, поднялась, бросилась бежать, опять упала, проехав несколько метров, опять встала на ноги...

Казалось, что она успеет, но, едва покрыв тридцать метров, она израсходовала почти весь запас времени. Десять секунд...

— Хватит, Бованович,— сказал тогда Кортес,— падай на живот и не шевелись.

Но она не услышала или хотела отбежать подальше и продолжала мчаться отчаянными прыжками, и тут сверкнула вспышка, сквозь скалу донесся грохот, в самой верхней точке прыжка что-то ударило ее сзади, пониже затылка. Обезглавленное тело завертелось в полете, за ним потянулась спираль мгновенно высохшей в пыль крови. Черно-красная лента легко оседала на грунт, и ни один человек не наступил на эту дорожку, пока мы собирали обломки камня, чтобы завалить обезображенный труп у ее конца.

В тот вечер Кортес вечерних занятий не проводил и вообще не показывался на нашей половине корпуса. Все мы были особенно вежливы друг с другом, и никто не боялся говорить о том, что случилось.

На ночь мы устроились с Роджерс. Каждый старался выбрать в соседи доброго товарища. Но Роджерс ничего не хотела, только плакала, и я тоже едва не разревелся.

ГЛАВА 7

— Огневая группа А, вперед!

Двенадцать человек нашей группы продвигались вперед, растянувшись ломаной цепью, двигались к бункеру-симулятору. До него было с километр, и все по тщательно подготовленной полосе препятствий. Мы могли двигаться довольно быстро, так как с пути нашего убрали весь лед, но даже после десяти дней тренировок нас не хватало на большее, чем легкая трусца.

Я нес гранатомет с обоймой учебных тахионных гранат по десять микротонн каждая. Пальцевые лазеры у всех были установлены на 0,8 мощности, не опаснее, чем ручной фонарик. Это была учебная атака — бункер и защищающий его робот стоили слишком много, чтобы использовать их всего один раз.

— Группа Б, следуйте за нами. Командиры групп, принимайте командование.

Примерно на половине пути до бункера мы достигли скопления валунов, и Поттер, наш групповой командир, сказала:

— Залечь в укрытие.

Мы пристроились за валунами и поджидали группу Б.

Едва видимые в черном камуфляже боекостюмов дюжина мужчин и женщин проскользнули мимо нас. Едва оказавшись на открытом пространстве, они сделали уход влево. Теперь мы уже не могли их видеть.

— Огонь!

Кружки красного света заплясали на дистанции в половину «щелчка» прямо перед нами, где едва можно было разглядеть темную массу бункера. Пятьсот метров — это предел для учебных гранат, но я решил попытать счастья. Я свел прицел с изображением бункера, придал гранатомету угол в сорок пять градусов и грянул залпом из трех гранат.

Бункер ответил огнем еще до того, как мои гранаты коснулись грунта. Его автоматические лазеры не превосходили по мощности наши, но при прямом попадании в человека его видеоконвертор выключался и человек считался

условно мертвым до конца маневров. Автомат стрелял наугад. Нам в укрытии валунов ничего не угрожало.

Гранаты лопнули с фотографически-яркими вспышками метрах в тридцати от бункера.

— Манделла! Я думала, ты умеешь обращаться с этой штукой!

— Черт, Поттер, пятьсот метров — для меня предел. Как только подойдем поближе, я его накрою.

— Оттуда всякий накроет.

Я ничего не ответил. Не всегда же она у нас командир. И к тому же, пока власть не стукнула ей в голову, она была совсем неплохой девчонкой.

Поскольку гранатометчик одновременно считался и помощником командира группы, я был «пристегнут» к поттеровскому радио и слышал ее переговоры с группой Б.

— Поттер, здесь Фримен. Есть потери?

— Здесь Поттер... нет, похоже, они концентрируют огонь на тебе.

— Ага, мы потеряли троих. Сейчас мы забрались в углубление, примерно в сотне метров прямо от вас. Можем прикрыть, как только будете готовы.

— О'кей, давай.— Тихий щелчок.— Группа А, за мной.

Она выскользнула из-за прикрытия камней и включила тусклый розовый маячок, встроенный под энергорезервуаром костюма. Я почти ничего не видел, поэтому «перелизнул» свой конвертор на усиление «два». Изображение стало несколько туманным, но достаточно ярким. Так, похоже, что бункер окончательно пригвоздил группу Б, задает им жару. Они отвечали только лазерным огнем, видимо, потеряли уже гранатометчика.

— Поттер, здесь Манделла. Может, мы возьмем огонь с группы Б на себя частично?

— Сначала я найду достаточно надежное укрытие. Этот вариант вас устраивает, рядовой?

На время маневров Поттер была временно произведена в капралы.

Мы взяли вправо и залегли за массивом. Большинство наших укрылись тут же. Но некоторым пришлось просто шлепаться на грунт.

— Фримен, здесь Поттер.

— Поттер, это Омти. Фримен «выключился». Самоэльс тоже «выключился». У нас осталось всего пятеро. Прикройте нас, чтобы мы...

— Ладно, Смити.— «Щелк».— Группа А, огонь. Б попала в переделку.

Я осторожно выглянул из-за скалы. По дальномеру до бункера было еще три с половиной сотни метров. Изрядно. Я специально взял повыше и выпустил три гранаты, потом спустил прицел градуса на два и выпустил еще одну серию. Первые три гранаты дали перелет метров на двадцать, зато второй залп лег прямо перед бункером. Я, стараясь не менять угол прицела, выдал всю оставшуюся обойму, все пятнадцать гранат.

Мне бы укрыться за скалой и перезарядить магазин, но я хотел увидеть, куда лягут эти пятнадцать, поэтому не отводил глаз от бункера, на ощупь открывая новый магазин.

Когда в меня ударил луч лазера, экран конвертора озарила ослепительная красная вспышка. Свет, как мне показалось, насквозь пронизал мне череп, эхом отразившись от задней стенки. Всего несколько миллисекунд потребовалось конвертору, чтобы под воздействием перегрузки выключить изображение, но зеленый отсвет долго еще плясал у меня перед глазами.

Поскольку я теперь считался убитым, мое радио автоматически выключилось. Я должен был оставаться на месте, пока учебный бой не закончится. Я был абсолютно отрезан от окружающего (если не считать, что болела кожа на лице, там, где его осветила вспышка на экране конвертора), и время тянулось бесконечно. Наконец чей-то шлем щелкнул о мой шлем.

— Манделла, ты как? — спросил голос Поттер.

— Извиняюсь, помер от скуки двадцать минут назад.

— Вставай и держи меня за руку.

Я так и сделал, и мы потопали обратно, к жилому корпусу. Это заняло около часа. Всю обратную дорогу она больше ничего мне не сказала — звуковые волны самый неудобный способ коммуникации, если на тебе боекостюм, но, когда мы прошли сквозь шлюз и прогрели костюмы, она

помогла мне разоблачиться. Я уже приготовил себя к потоку язвительных вопросов, но, к моему изумлению, она обхватила меня за шею и запечатлела на моих губах влажный поцелуй.

— Отличный выстрел, Манделла.

— Ну?

— Так ты не видел? Ну конечно же... Твой последний залп — четыре прямых попадания. Автомат в бункере поднял лапки, и нам оставалось не спеша пройти оставшиеся метры...

— Здорово.— Я почесал кожу на лице под глазами, начали отпадать чешуйки. Поттер засмеялась.

— Ой, ты бы посмотрел на себя! Ты похож...

— Весь боесостав, собраться в лекционном зале.— Это был голос капитана. Как всегда, какие-нибудь мрачные новости.

Поттер подала мне тунику и сандалии. Зал находился прямо в конце коридора. На двери имелся ряд кнопок от регистрационного устройства. Я нажал кнопку рядом со своим именем. Четыре фамилии были уже заклеены черной лентой. Всего четыре, не так уж плохо. Значит, на сегодняшних маневрах обошлось без потерь.

Капитан сидел на лекционной платформе, и следовательно, отпадала ежедневная ерунда со «становись! — смирно!». Менее чем за минуту зал наполнился, мягкий звон регистратора засвидетельствовал о присутствии всего состава.

Капитан Скотт не встал с платформы.

— Сегодняшние занятия прошли довольно хорошо. Никто не погиб, вопреки моим опасениям. В этом отношении мои опасения оказались ложными, но только в этом отношении. Все остальное никуда не годится.

Я рад, что вы достаточно заботитесь о собственной безопасности, поскольку каждый из вас — это капиталовложение в миллион долларов плюс четверть человеческой жизни.

Но в этом учебном бою с очень глупым роботом тридцать семь человек ухитрились попасть под лазерный огонь

и были убиты — условно. Так как мертвые солдаты не требуют довольствия, вы тоже обойдетесь без данного довольствия в течение трех дней. Каждый «убитый» в сегодняшнем бою будет получать только по два литра воды и витаминный рацион.

Уже наученные опытом, мы не пытались протестовать, хотя на некоторых лицах появилось соответствующее выражение, особенно на тех, что выделялись розовым прямоугольником воспаленной кожи вокруг глаз и опаленными бровями.

— Манделла!

— Да, сэр?

— У вас самый сильный ожог на лице. Ваш видеоконвертор был установлен на нейтральный режим?

— Нет, сэр. Усиление «два». Проклятье!

— Ясно. Кто был вашим групповым лидером сегодня?

— Временно капрал Поттер, сэр.

— Рядовой Поттер, вы приказывали ему включить усиление?

— Сэр, я... я не могу вспомнить.

— Не можете, значит. Что ж, для улучшения памяти, думаю, можете присоединиться к «убитым». Это вас устроит?

— Да, сэр.

— Прекрасно. Все «убитые» получат сегодня ужин — и это их последняя еда на трое суток, начиная с завтрашнего дня. Какие будут вопросы? — Наверное, капитан решил пошутить.— Вопросов нет. Разойдись.

Я постарался выбрать на ужин самое на вид калорийное блюдо и поставил поднос рядом с Поттер.

— Спасибо тебе, хотя зря ты донкихотствуешь.

— Ничего, я уже давно собиралась скинуть несколько лишних фунтов.

Что-то я не замечал у Поттер лишних фунтов.

— Я знаю одно неплохое упражнение,— сказал я. Она улыбнулась, не поднимая глаз от своего подноса.— Уже выбрала соседа?

— Ну, я собиралась, правда, договориться с Джеффом...

— Тогда поторопись. Он, по-моему, вожделеет Миеджиму.— Почему бы и нет? Ее все обожают.

— Не знаю. Наверное, нам следовало бы поберечь силы. Еще три дня...

— Ну же, перестань.— Я легонько поскреб ее руку.— Мы ведь от самой Миссури не соседствовали. А вдруг я успел научиться чему-нибудь новому?

— Возможно.— Она лукаво склонила голову в мою сторону.— Согласна.

В действительности кое-что новое узнала как раз она. Новый фокус назывался «французский штопор». Она так и не сказала, кто ее научил. Я был бы рад пожать ему руку. Потом, когда ко мне вернулись бы силы.

ГЛАВА 8

Две недели тренировок на базе «Майами» стоили нам в конечном итоге одиннадцать жизней. Двенадцать, если считать Далквиса. Провести остаток жизни на Хароне без руки и обеих ног — ненамного лучше смерти. Фостер погиб под обвалом, а у Фриленда что-то отказало в боекостюме, и он замерз прежде, чем мы успели втащить его в помещение. Почти всех остальных из погибших я знал не очень хорошо. Но легче от этого не становилось. Смерть товарищей, похоже, больше пугала нас, чем заставляла быть осторожнее.

И вот мы на теневой стороне. Флаер перевез нас группами по двадцать человек и высадил у сваленных в кучу оборудования и стройматериалов. Кто-то благоразумно расположил их в самой середине лужи из гелия.

Чтобы вытащить материалы, нам пришлось использовать захваты-кошки. Вброд пускаться было неблагоразумно, гелий растекался по поверхности костюма, полз вверх, и к тому же нельзя было узнать, что на дне: стоило ступить на водородный лед — и вашему счастью приходил конец.

Я предложил испарить лужу совместным огнем лазеров, но десять минут концентрированного огня не понизили уровень гелия в значительной степени. Он не хотел кипеть. Гелий — это «сверхжидкость», поэтому испарение могло иметь место только равномерно по всей поверхности. Никаких горячих точек, никаких пузырей.

Фонари нам использовать запретили, дабы «избежать обнаружения». Света звезд вполне хватало, если поставить видеоконвертор на третью или четвертую ступень усиления, но каждая ступень означала потерю четкости. При четвертой — пейзаж казался неважной одноцветной гравюрой, и возможно было прочесть имя на шлемах людей, только если стоять вплотную.

Впрочем, ничего особенно интересного вокруг не наблюдалось. Имелось с полдюжины среднего размера метеоритных кратеров (почти вровень с краем заполненных гелием), а на горизонте выглядывали какие-то карликовые горы. По консистенции переморожённый грунт напоминал заледенелую паутину — на каждом шаге нога уходила в него на полдюйма, вызывая хруст. Жутко надоедало.

Почти весь день мы потратили на вызволение наших материалов из лужи гелия. Спали по очереди — стоя, сидя или лежа на животе. Ни одна из этих позиций не пришлась мне по вкусу, поэтому я не мог дождаться окончания сборки бункера.

Мы не могли строить бункер в яме — он наполнился бы гелием. Следовательно, сперва нужно было устроить специальную изолирующую платформу, такой трехслойный бутерброд из пермапласта.

Я был произведен временно в капралы и командовал группой из десяти человек. Мы переносили пермапластовые листы — два человека легко справлялись с таким листом,— когда один из моих людей поскользнулся и упал на спину.

— Проклятье, Сингер, смотри под ноги. Именно таким вот способом уже отправились на тот свет пара человек.

— Прости, капрал. Я споткнулся. Зацепился за что-то.

— Смотри все же.

Он благополучно поднялся на ноги и вместе с напарником потащил лист дальше, потом вернулся за новым.

Я не забывал присматривать за Сингером. Через несколько минут он явно начал пошатываться, что не так-то просто в наших кибернетизированных доспехах.

— Сингер! Когда отнесешь плиту, подойди ко мне.

— О'кей.— Покончив с заданием, он подошел.

— Дай-ка я взгляну на твои индикаторы.

Я открыл крышку на груди его костюма, где находился медицинский монитор. Температура тела была на два градуса выше нормальной, частота пульса и кровяное давление тоже показывали повышенные цифры. Но не до красных секторов, впрочем.

— Плохо себя чувствуешь?

— Черт, Манделла, я в норме, просто устал. Поэтому слегка не по себе.

Я вызвал нашего доктора:

— Док, здесь Манделла. Подскочите к нам на минуту.

— А где вы?

Я помахал ему, и он направился к нам в обход лужи.

— Что случилось?

Я показал ему показатели Сингера.

Док умел читать все другие индикаторы, не только термометр и давление, поэтому некоторое время обдумывал данные.

— Могу сказать только... что ему жарко.

— Черт, я сам вам это мог бы сказать,— проворчал Сингер.

— Наверное, пусть оружейник посмотрит его костюм.

У нас было два оружейника — они прошли сверхкраткий курс по устройству боекостюмов.

Я вызвал Санчеса и приказал ему подойти к нам вместе с инструментным ящиком.

— Через пару минут, капрал. Мы тут тащим лист.

— Бросай и давай быстро сюда.

У меня появилось тревожное предчувствие. Дожидаясь оружейника, мы с доком осмотрели костюм Сингера.

— Ого-го,— сказал док Джонс,— погляди-ка сюда.— Я зашел с другой стороны и посмотрел. Две пластины радиатора были погнуты.

— Что там? — спросил Сингер.

— Ты упал ведь прямо на радиатор?

— Точно, капрал, это он. Что-то плохо работает.

— Думаю, он вообще не работает,— сказал док.

Подошел со своим саквояжем Санчес, и мы объяснили ему, что случилось. Он взглянул на радиатор, вставил в

гнезда пару контактных зажимов, и на индикаторе прибора в саквояже высветился ряд цифр. Не знаю, что они означали, только там было восемь знаков после нуля.

Послышался тихий щелчок. Это Санчес включился на мою личную частоту.

— Капрал, этому парню конец.

— Что? Ты не можешь починить эту штуку?

— Возможно... возможно, я и смог бы. Но только, если бы разобрал ее. Но разобрать...

— Эй, Санчес? — Это Сингер говорил на общей частоте.— Ты понял, что с ней? — Он тяжело дышал. «Щелк».

— Спокойно, парень, мы разбираемся. Выдержит до сборки и герметизации бункера. А так не справлюсь, нужно его разобрать.

— У тебя ведь есть запасной костюм?

— Даже два «безразмерного» типа. Но где же мы... как...

— Так. Подогрей один костюм.— Я включил общую частоту.— Сингер, тебе придется поменять костюм. У Санчеса есть запасной, но чтобы ты мог переодеться, мы вокруг тебя построим домик. Понял?

— Мгм.

— Смотри, мы сделаем коробку, а ты будешь внутри, и подключим ее к установке жизнеобеспечения. И ты сможешь дышать, пока будешь переодеваться.

— Вроде как... немного сложновато... для меня.

— Да нет, смотри, тебе нужно только...

— Я в порядке, только дай мне отдохнуть...

Я подхватил его под руку и потащил к строящемуся бункеру. Его здорово качало. Док взял его под вторую руку, и мы вдвоем удерживали его от падения.

— Капрал Хоу, здесь капрал Манделла.

Хоу отвечала за жизнеобеспечение.

— Проваливай, я занята.

— Сейчас мы добавим тебе работы.

Я обрисовал ей проблему. Пока ее группа поспешила перенастроить СЖБ — нам требовались только воздухопровод и нагреватель,— я приказал своим людям притащить куски пермапласта, из которого должен был быть построен ящик для Сингера, и запасной костюм. Ящик должен

был выглядеть вроде громадного гроба метр высотой и шесть метров длиной.

Мы опустили запасной костюм на плиту, которой надлежало стать потом «гробом».

— Ну давай, Сингер, укладывайся.— Нет ответа.— Сингер, двигай.— Молчание.

— Сингер!

Сингер не двигался с места. Док Джонс проверил его индикатор. *Он в обмороке.*

Бешено заметались мысли. В ящике мог бы поместиться еще один человек.

— Помоги-ка мне.

Я взял Сингера под руки, а док взял за ноги, и мы осторожно уложили его в ногах у запасного костюма.

Потом улегся я сам, уже на костюм.

— Так, закрывайте.

— Послушай, Манделла, этим должен заняться я.

— Идите вы, док. Мой человек, моя работа.— Ну и выдал же я. Уильям Манделла — герой космоса!

Пермапластовую плиту поставили на ребро — в ней уже проделали два отверстия для вывода и ввода трубопроводов СЖБ и начали приваривать ее к днищу ящика. На Земле вместо узконаправленного лазерного луча используется клей, но здесь из жидкостей в наличии имелся только гелий, а он имеет множество интересных свойств, за исключением клейкости.

Примерно минут через десять нас уже «замуровали». Я почувствовал, как завибрировала включенная СЖБ, и зажег нашлемный фонарь — первый раз за все время с самого начала высадки на теневой стороне. От света перед глазами заплясали пурпурные пятна.

— Манделла, это Хоу. Оставайся внутри костюма еще две-три минуты. Мы нагнетаем горячий воздух, но обратно он почти что течет.

Пурпурные пятнышки постепенно пропали.

— Порядок, можешь вылезать, хотя там еще холодновато.

Я расщелкнул костюм. До конца он не раскрывался, но я без особых хлопот выбрался наружу. Поверхность кос-

тюма была еще довольно холодной, в достаточной степени, чтобы оставить на ней по куску кожи с ладоней и ягодиц, пока я ужом выкручивался из него.

Чтобы добраться до Сингера, пришлось ползти, но ногами вперед. Фонарик на шлеме давал совсем мало света. Когда я раздвинул костюм Сингера, в лицо мне ударил поток горячего вонючего воздуха. В тусклом свете кожа Сингера казалась темно-красной и усеянной пятнами. Дышал он неглубоко, и сердце ощутимо участило ритм.

Сперва я отсоединил отводные трубки — занятие не из приятных,— потом биосенсоры, а потом пришлось повозиться, пока не высвободил его руки из рукавов.

Куда как просто, если можешь вытащить руку самостоятельно. Поворот туда, поворот сюда — вот рука уже свободна. Совсем другое дело, если вытаскиваешь чужую руку. Приходилось сгибать Сингеру руку, потом из-под низа дотягиваться до рукава и тащить за рукав, а попробуйте-ка поворочать боекостюмом — силенка требуется.

Когда я освободил ему одну руку, все пошло уже легче. Я просто прополз вперед и потянул его за свободную руку. Сингер вылез из боекостюма, словно устрица из раковины.

Я расстегнул запасной костюм и, помучившись изрядно, умудрился всунуть ноги Сингера в «штанины». Нацепил биосенсоры и присоединил переднюю отводную трубку. Второй трубкой пусть сам займется потом, это дело сложное. В энный раз я порадовался, что родился мужчиной, женщинам приходилось иметь дело с двумя этими проклятыми друзьями «водопроводчика» вместо всего лишь одного плюс обыкновенный шланг.

Руки в «рукава» я вставлять не стал — костюм непригоден для какой-либо работы, усилители нужно настраивать индивидуально для каждого хозяина.

Веки у него вздрогнули.

— Ман... делла. Где... черт...

Я объяснил ему не спеша, и он, похоже, все в основном понял.

— Теперь я закрою твой костюм и залезу обратно в свой. Люди снаружи вскроют торец этой штуки, и я вытащу тебя. Понял?

Он кивнул. Странно это выглядело, даже ведь когда киваешь или пожимаешь плечами внутри костюма, это никому ничего не говорит.

Я вполз обратно в свой костюм, прицепил все аксессуары и включился на общую частоту.

— Док, думаю, он в порядке. Теперь вынимайте нас.

— Сейчас начнем.— Это голос Хоу.

СЖБ сменила гудение на кудахтанье, потом заухала. Выкачивали воздух из «саркофага», чтобы избежать взрыва.

Один из углов торцевой плиты засветился красным, потом белым, и наконец яркий малиновый луч пронзил стенку, пройдя всего в футе от моей головы. Я отодвинулся, насколько мог. Луч обошел углы плиты, и конец короба медленно отвалился, потащив за собой нити расплавленного пермапласта.

— Манделла, погоди, пока пласт затвердеет.

— Санчес, я еще не такой глупый.

— А ну, держи.

Кто-то бросил мне веревку. Правильно, это поразумнее будет, чем тащить Сингера самостоятельно. Я сделал петлю и продел ее под руками Сингера, завязав концы у него на затылке. Потом я вылез наружу, чтобы помогать им тащить: уже с дюжину ребят выстроились в линию, готовые взяться за веревку.

Сингер благополучно был извлечен и, пока док Джонс проверял его показания, уже смог сесть. Все меня поздравляли и задавали вопросы, как вдруг Хоу крикнула: «Смотрите!» и показала в сторону горизонта.

Корабль, совершенно черный, быстро приближался. Я едва успел подумать, что это нечестно, они не должны были атаковать до нескольких последних дней, а корабль был уже над нами.

ГЛАВА 9

Мы все инстинктивно попадали на грунт, но корабль не стал атаковать. Он в последний раз выстрелил тормозными двигателями и опустился на лыжи-шасси. На них он и покатился, пока не замер у самой строительной площадки.

Все уже поняли, в чем дело, и обступили корабль, когда из него вышли двое.

Знакомый голос затрещал на общей частоте:

— Вы все видели, как мы приближались, и ни один из вас не попытался ответить огнем. Это ничего не дало бы, но уже знаменовало бы присутствие определенной степени боевого духа. Вы здесь пробудете еще неделю, пока произойдет настоящая атака, и мы — сержант и я — позаботимся, чтобы вы проявили несколько большее желание выжить. Исполняющий обязанности сержанта Поттер!

— Здесь, сэр.

— Дайте мне группу в двенадцать человек, разгрузите машину. Мы привезли сотню робоснарядов для упражнений в стрельбе, так что у вас, возможно, будет шанс, когда появится настоящая цель. Приступайте немедленно. Через полчаса корабль возвращается на «Майами».

Я специально засек время — на самом деле корабль улетел через сорок минут.

Присутствие сержанта и капитана ничего в принципе не меняло, мы по-прежнему могли полагаться только на себя, офицеры только наблюдали.

После того как была сооружена изолирующая платформа, потребовалось всего двадцать четыре часа, чтобы достроить бункер. Это было серое, продолговатое строение, некоторое разнообразие в очертания вносили окна и пузырь входного шлюза. На крыше был установлен в шарнирном подвесе гигаваттный лазер. Оператор, если хотите, то «пушкарь», должен был сидеть в своем кресле и держать спуски в каждой руке. Пока он держит спуски, лазер не будет стрелять. Если он выпустит спуск, лазер автоматически нацелится на любой летящий объект в поле видимости и откроет огонь. Предварительное обнаружение и прицеливание производились с помощью километровой высоты антенны, поднимавшейся за бункером.

Только такая система могла оказаться действительно эффективной, учитывая близкий горизонт и медленные человеческие рефлексы. Полностью положиться на автоматику было нельзя, потому что, теоретически, могли приближаться и не вражеские корабли.

Управляющий прицеливанием и огнем компьютер мог справиться с двенадцатью целями, появившимися одновременно, и поразить их все за полсекунды (первый выстрел — по самой крупной цели).

Установку частично прикрывал от вражеского огня эффективный теплоотражательный экран. Незащищенным оставался только оператор. Восемьдесят человек в бункере, один — на крыше, прикрывает остальных. Любимая армией арифметика.

По завершении строительства бункера половина нашего состава постоянно находилась внутри, по очереди дежуря у лазера, в то время как остальные уходили на полевые занятия.

Примерно в четырех «щелчках» от бункера имелось большое «озеро» замерзшего водорода. Одно из наших занятий — из наиболее важных — было отдано тренировке умения передвигаться по этому опасному веществу.

Все оказалось довольно просто. Если стоять на водородном льду невозможно, то опускайтесь на живот и скользите.

Если кто-нибудь может дать вам первичный толчок, то со стартом нет проблем. В противном случае вам приходилось сучить ногами и руками, медленно продвигаясь вперед серией небольших подскоков. Набрав скорость, вы продолжали двигаться, пока не выезжали за пределы «льда». Направление скольжения можно было изменять в некоторой степени, тормозя ногой или рукой с соответствующей стороны. Но полностью остановиться таким образом было невозможно. Поэтому благоразумно было слишком не разгоняться и, прибывая в конечный пункт, не давать шлему поглотить всю энергию торможения.

Мы повторили уже знакомую по солнечной стороне программу обучения: стрельба, работа со взрывчаткой, учебные атаки. Мы также через нерегулярные промежутки времени запускали робоснаряды в сторону бункера. Таким образом, десять или пятнадцать раз в день оператор-«пушкарь» демонстрировал свое искусство бросать спуски лазера, едва загорался предупреждающий индикатор.

Я тоже отдежурил свои четыре часа, как и все остальные, сперва волновался, но только до первой атаки, когда я понял, что ничего особенного тут нет. Вспыхнул индикатор, я опустил рукоятки, компьютер нацелил пушку, и едва-едва снаряд показался над горизонтом... «зэт!». Радужная вспышка, брызги расплавленного металла. В общем, ничего особенного.

Таким образом, никто из нас не беспокоился относительно предстоящего «выпускного экзамена», рассудив, что ничего нового нам не предложат.

База «Майами» атаковала на тридцатый день, выстрелив одновременно два снаряда с противоположных точек горизонта, приблизительно на сорока километрах в секунду. Лазер испарил первую цель без труда, но второй снаряд находился уже в восьми километрах от бункера, когда его достал луч. Я по чистой случайности смотрел в сторону бункера, когда это началось, а иначе я бы ничего и не заметил.

Взрыв второго снаряда послал поток раскаленных осколков прямо в сторону бункера. В здание попало одиннадцать из них, и вот, как потом удалось установить, что случилось: первой жертвой стала Миеджима, всеобщая любимица Миеджима. Ее ударило в спину и в голову, она умерла мгновенно. Воздух хлынул сквозь пробоины, начало падать давление, установка жизнеобеспечения пошла вразнос. Фридман стоял как раз перед основным раструбом кондиционера, и поток воздуха бросил его на противоположную стену с такой силой, что тот потерял сознание. Он умер от удушья прежде, чем остальные успели вложить его в костюм.

Все остальные смогли, преодолевая воздушный вихрь, добраться до своих боекостюмов, но костюм у Гарсии оказался пробитым и ничем ему не помог.

К тому времени, когда мы добрались до бункера, они уже выключили СЖБ и заваривали пробоины в стенах. Какой-то парень пытался прибрать с пола неузнаваемую массу, которая когда-то была Миеджимой. Его душили приступы тошноты и слезы. Гарсию и Фридмана уже вынесли наружу, чтобы похоронить. Капитан возглавил группу ремонтников. Сержант Кортес отвел всхлипывающего парня в угол и сам занялся приборкой останков Миеджимы. Он никому не приказал помочь, и никто добровольно не вызвался.

ГЛАВА 10

В качестве «выпускного экзамена» нас довольно бесцеремонно затолкали в корабль — «Надежду Земли», тот самый, на котором мы прибыли на Харон,— и отправили на Старгейт с ускорением чуть больше одного g.

Перелет казался бесконечным, почти шесть месяцев субъективного времени, и ужасно скучным, хотя и не таким костоломным, как в первый раз. Капитан Скотт заставлял нас повторять весь курс обучения — устно, день за днем, и еще мы делали зарядку до полного коллективного изнеможения.

Старгейт-1 очень походил на теневую сторону Харона, но только там было еще хуже. База на Старгейте была по размерам меньше, чем «Майами», едва лишь превосходила наш бункер на теневой стороне, и мы должны были провести там неделю, помогая гарнизону расширить жилые помещения. Все они нам очень обрадовались, особенно две представительницы слабого пола, выглядевшие несколько устало.

Мы столпились в небольшом зале столовой, где субмайор Уильямсон, командующий базой Старгейт-1, сообщил нам неожиданные новости.

— Усаживайтесь поудобней. Эй, слезай со стола, места и на полу хватает.

У меня уже есть некоторое представление о том, чем вы занимались на Хароне. Не скажу, что время было потрачено зря, но там, куда вас направят, там все будет совсем не так. Там будет потеплее.

Он сделал паузу, чтобы все переварили услышанное.

— Альфа Возничего, первый из когда-либо обнаруженных коллапсаров, вращается вокруг обыкновенной звезды. Эпсилона Возничего. Период обращения — двадцать семь лет. Вражеская база находится не на входной планете коллапсара, а на одной из планет Эпсилона. О ней известно

не так уж много. Мы знаем только, что она обращается вокруг Эпсилона за 745 дней, размеры ее составляют примерно три четверти земных, ее альбедо — 0,8, судя по всему, она закрыта облаками. Какова температура на поверхности, точно сказать нельзя, но, судя по расстоянию до Эпсилона, там жарче, чем на Земле. Конечно, нельзя сказать заранее, где вам придется работать, вести боевые действия — на солнечной или теневой стороне, на экваторе или на полюсе. Вряд ли атмосфера окажется пригодной для дыхания, так что вы будете оставаться внутри костюмов.

Ну вот, теперь вы знаете об этом месте ровно столько, сколько знаю я. Вопросы есть?

— Сэр,— протянул Стейн,— мы уже знаем, куда направляют. А что мы там должны будем делать — кто-нибудь знает?

Уильямсон пожал плечами.

— Это зависит от вашего капитана, и сержанта, и капитана «Надежды Земли», а также логического компьютера «Надежды». Сейчас у нас просто не хватает данных, чтобы набросать даже вчерне программу действий. Возможно, предстоит тяжелый бой, а возможно — только приятная прогулка, если вдруг тельциане предложат перемирие.— Сержант Кортес фыркнул.— В таком случае вы будете нашим «мускулом», представителями нашей силы на переговорах.— Майор укоризненно посмотрел на сержанта: — Никто не может сказать заранее.

Вечером разразилась целая оргия. Со стороны, может, это и выглядело забавно, но попробуйте заснуть посреди буйно-веселого пикника. Единственное достаточно большое помещение, способное вместить нас всех на ночь — столовую,— разгородили несколькими простынями, создав иллюзию, так сказать, интимной обстановки, после чего восемнадцать помирающих без женской ласки мужчин гарнизона Старгейта были спущены с поводков. Естественно, наши женщины в соответствии с армейским обычаем (и законом) проявили достаточно благожелательности и уступчивости, хотя единственное, чего они действительно желали, так это спокойно уснуть на надежном покрытии пола базы.

Восемнадцать старгейтовцев, очевидно, старались извлечь из обстоятельств максимум выгоды для себя и устроили впечатляющий спектакль (по крайней мере, в чисто количественном отношении). Некоторые из них даже вели счет и подбадривали наиболее даровитых представителей. Думаю, это самое подходящее слово.

На следующее утро — как и во все остальные дни нашего пребывания на Старгейт-1 — мы выбрались из мешков и, замкнув костюмы, отправились наружу, пристраивать «новое крыло» к зданию базы. В свое время Старгейт станет штаб-квартирой нашего командования, с персоналом в несколько тысяч человек, охраняемой дюжиной тяжелых крейсеров класса «Надежды». Но все же, когда мы туда прибыли, это была лишь горстка людей (двадцать человек) и два барака, а когда мы улетали, там по-прежнему оставалась горстка людей (в том же составе) и четыре барака. Постройку новых бункеров едва ли можно было назвать работой по сравнению с условиями на теневой стороне Харона. У нас было достаточно света, и работали мы только по восемь часов. И никаких робоснарядов в качестве финальной проверки наших навыков.

Поэтому мы не очень радовались, возвращаясь в челноке на борт «Надежды» (хотя некоторые из наиболее популярных представительниц прекрасного пола заявили, что неплохо и вправду немного передохнуть).

Позади оставался последний безопасный пункт нашего маршрута, впереди ждала встреча с тельцианами. И, как заметил майор Уильямсон еще в первый день, «никто не может сказать заранее, чем это кончится».

Большинство наших без особого восторга взирали на перспективу коллапсарного прыжка. Нас заверили, что мы вообще ничего не почувствуем, свободное падение — вот и все.

Меня это объяснение не удовлетворило. Как студент физического факультета я прослушал обычный курс по теории относительности и теории гравитации. Правда, тогда у нас было очень мало действительных данных, Старгейт был открыт, когда я уже заканчивал учебу. Но математическая модель представлялась вполне ясной.

Коллапсар Старгейт* являл собой идеальную сферу трех километров в диаметре. Он находился в состоянии гравитационного коллапса, что означало — его поверхность падает к центру коллапсара почти со световой скоростью. Но падает она вечно, теория относительности, по крайней мере, придает коллапсару иллюзию действительного существования в данном месте. Вообще вся реальность становится не такой уж реальной, когда вы изучаете общую теорию относительности. Или буддизм. Или вас забирают в армию.

Как бы там ни было, а по теории выходило, что в определенной точке пространства могло получиться так, что нос нашего корабля находился бы почти над поверхностью коллапсара, а корма где-то в километре позади. С нашей точки зрения в любой нормальной вселенной это вызывает такие перепады напряжений, что корабль мгновенно развалится на куски и мы все станем еще одним миллионом килограммов дегенерировавшей материи на теоретически существующей поверхности коллапсара и понесемся в никуда на весь оставшийся промежуток вечности, а может, будем падать к центру коллапсара всю следующую триллионную долю секунды. Словом, каждый выбирает точку отсчета по вкусу.

Но все вышло, как нам и говорили. Мы стартовали с входной планеты — это и был, собственно, Старгейт-1,— сделали несколько курсовых коррекций, а потом перешли в свободное падение в течение нескольких следующих часов.

Потом зазвонил сигнал, двойная перегрузка вжала нас в подушки коек. Мы находились уже на вражеской территории.

ГЛАВА 11

Мы тормозились на двойном ускорении уже девять дней, когда битва началась. Распластанные на койках, мы только и почувствовали, что два слабых толчка — это наш крейсер выстрелил ракетами. Примерно через восемь часов закаркал интерком.

* Старгейт — в пер. с англ. значит «звездные врата». (*Прим. перев.*)

— Внимание, экипаж. Говорит капитан Квинсана.— Наш пилот был всего только лейтенантом, но ему разрешалось называть себя капитаном на борту корабля, где он по значению превосходил всех нас, даже капитана Скотта.— И вы, из трюма, тоже слушайте.

Только что с помощью двух ракет по пятьдесят гигатонн каждая мы уничтожили вражеский корабль и другой объект, запущенный этим кораблем в нашу сторону, примерно за три микросекунды до этого.

Вражеский корабль пытался перехватить нас на протяжении последних ста семидесяти девяти часов, время бортовое. В момент поражения он двигался почти с половиной световой относительно Альфы и находился всего в трех астрономических единицах от «Надежды». Он двигался с 0,47 относительно нас. Следовательно, мы столкнулись бы — врезались! — примерно через девять часов. Ракеты были выпущены в 07.29 по бортовому времени и уничтожили вражеский корабль в 15.40, обе тахионные бомбы детонировали на дистанции в тысячи «щелчков» от цели.

Сами эти ракеты представляли собой едва контролируемые тахионные бомбы. Будучи запущенными, они ускорялись на постоянных 100 g и двигались на околосветовой скорости, пока масса вражеского корабля не детонировала их.

Новой встречи с вражескими кораблями мы не ожидаем. Наша скорость относительно Альфы снизится до нуля через пять часов. Потом мы начнем обратное ускорение. Это займет двадцать семь дней.

Всеобщие вздохи и унылые проклятия. Все это нам уже было известно, так какого дьявола еще раз повторять?

Таким образом, еще через один месяц логических упражнений при постоянных двух g мы получили возможность впервые взглянуть на планету, которую нам предстояло атаковать. Пришельцы из космоса, так точно, сэр.

Она выглядела как ослепительно белый полумесяц, поджидающий нас в двух астрономических единицах от Эпсилона. Еще за пятьдесят астрономических единиц капитан определил месторасположение тельцианской базы, и теперь мы приближались по широкой дуге, выходя им в тыл, масса

планеты предохраняла нас от обнаружения. Хотя они все равно нас обнаружили и нанесли три упреждающих удара ракетами, но это только прибавило нам бдительности. Мы были в относительной безопасности, по крайней мере, до той поры, когда высадимся на поверхность. Тогда это можно будет сказать только о корабле и его экипаже.

Поскольку планета вращалась довольно медленно — один раз за десять с половиной земных суток,— стационарная орбита для корабля должна была находиться на высоте 150 000 километров. Оставшихся на корабле защищали 6 000 километров камня и 90 000 миль пустоты, отделявшие их от врага. Но это означало секундное запаздывание при обмене сигналами между десантной командой и боевым компьютером на корабле. Пока нейтринный импульс проползет туда и обратно, от человека останется мокрое место.

Нам был дан не слишком детальный приказ атаковать базу тельциан и захватить ее, нанести при этом как можно меньше разрушений и взять одного «языка». По крайней мере одного. Ни в коем случае мы не могли допустить захвата в плен наших людей. И в конечном итоге мы и не могли бы сдаться: всего один импульс с корабельного боевого компьютера — и частица плутония в батарее вашего костюма отдаст энергию деления своих ядер со всей 0,01-процентной эффективностью, а вы превратитесь в не что иное, как сгусток очень горячей плазмы.

Мы заняли места в шести посадочных катерах — взвод по двенадцать человек в каждом — и на восьми g покинули борт «Надежды». Каждый катер должен был опускаться своим, совершенно произвольным маршрутом, пока все вместе мы не соберемся в точке встречи, за 108 «щелчков» от базы тельциан. Одновременно с «Надежды» выпустили еще четырнадцать робоснарядов, чтобы привести в замешательство вражескую систему противоракетной обороны.

Посадка получилась почти что идеальная. Один катер незначительно пострадал, вражеский снаряд испарил часть защитного экрана на одной стороне корпуса, но катер по-прежнему мог выполнять задачу, пришлось только снизить скорость, войдя в атмосферу.

Мы тщательно прошли по всем зигзагам положенного нам маршрута и первыми оказались в точке встречи. Только эта точка, как оказывается, находилась на глубине четырех километров.

Я почти собственными ушами слышал, как стратегическая машина в 90 000 миль от нас скрежещет умственными шестеренками, внося дополнения в свои блоки памяти. Мы же продолжали действовать, как будто шли на обычную посадку на твердом грунте: тормозные двигатели взревели, выдвинулись полозья шасси, удар о воду, еще удар, отскок, удар, погружение.

Возможно, было бы разумно продолжить погружение и опуститься на дно, но корпус не выдержал бы давления воды. Вместе с нами в катере находился и сержант Кортес.

— Сержант, скажите, пусть компьютер что-то сделает. Мы просто...

— Заткнись, Манделла. Молчи и надейся на Бога.— Он сказал «Бога» совершенно так же, как говорил слово «рядовой» или «заткнись».

Что-то громко забулькало, потом бульканье повторилось еще раз, и я почувствовал, как спинка кресла слегка надавливает мне на спину: корабль поднимался.

Надувные поплавки? Кортес не соизволил ответить. Или сам не знал.

Но это и в самом деле были надувные поплавки. Мы поднялись почти к самой поверхности — до нее оставалось десять—пятнадцать метров — и там зависли. Сквозь иллюминатор было видно, как ртутным блеском мерцает над нами водная поверхность. Интересно, подумал я, каково быть рыбой и иметь ясно видимую границу над твоим миром?

Я видел, как в воду плюхнулся еще один катер. В облаке воздушных пузырей он начал медленно погружаться хвостом вперед, пока под каждым дельтавидным крылом не вздулись мешки поплавков. После этого он воспарил до нашего уровня и замер.

— Говорит капитан Скотт. Слушайте внимательно. Берег находится в двадцати восьми километрах от нашего настоящего положения, в направлении базы противника. На

берег вас доставит катер. Далее вы будете продвигаться самостоятельно.

Не так уж плохо, разве что придется топать восемьдесят «щелчков» до тельцианской базы, которую предстоит осадить и взять.

Из поплавков был выкачан воздух, мы взлетели на поверхность и без особой спешки, развернувшись цепью, полетели к берегу. Это заняло несколько минут. Когда катер, проскрежетав по каменистому берегу, наконец замер, я услышал гудение насосов, выравнивающих разницу давления в кабине и снаружи. На миг раньше рядом с моим креслом открылся выходной люк лаза. Я выкатился на крыло нашей машины и спрыгнул на землю. Десять секунд на поиск укрытия, я помчался по рыхлому галечному пляжу к линии «деревьев» — каким-то голубовато-зеленым, кривоватым и утыканным иглами кустам, разбросанным довольно редко. Нырнув в шипастую массу, я обернулся и увидел, как взлетают катера. Взлетели на самом деле робоснаряды — подавшись на сотню метров, они с оглушительным грохотом устремились прочь в разных направлениях. Настоящие катера тихонько уползли обратно под воду. Что ж, возможно, это неплохая идея.

Нельзя сказать, что планета была слишком уж привлекательна, но одно несомненно — здесь куда лучше, чем в том криогенном аду, для которого нас подготавливали. Небо было серебристо-серым, тусклым и монотонным, над морем оно сливалось с туманом, и невозможно было сказать, где кончается небо и начинается вода. Небольшие волны лизали черную гальку берега, при местной гравитации, составляющей три четверти земной, они наплывали и откатывались медленно и грациозно. Даже с расстояния в пятьдесят метров шорох биллионов перекатывающихся камешков громко отдавался в ушах.

Температура воздуха была 79 градусов Цельсия — даже при местном, пониженном по сравнению с Землей давлении, море еще не кипело. Струйки пара поднимались к небу в том месте, где волны встречались с берегом. Как долго выживет здесь человек, не защищенный боекостюмом? От чего он погибнет скорее — от жары или от недостатка

кислорода (одна восьмая от земного)? Или его убьют неизвестные микроорганизмы?

— Говорит Кортес. Всем собраться вокруг меня.

Он стоял несколько левее и описывал рукой круги над головою. Я пошагал к нему сквозь кусты. Они оказались ломкими, непрочными и неожиданно высохшими для такой влажной атмосферы. Хорошего укрытия из них не получится.

— Наше направление — ноль целых пять сотых градуса восточнее северного. Впереди пойдет первый взвод. Второй и третий последуют с интервалом в двадцать метров слева и справа. Седьмой, командный взвод пойдет в центре. Пятый и шестой образуют дугообразный арьергардный фланг. Все ясно? — Еще бы, маневр «наконечник», мы могли совершить его даже с закрытыми глазами.— Хорошо. Пошли.

Я был в седьмом, командном взводе. Капитан Скотт определил меня туда не потому, что я должен был отдавать какие-то команды, а из-за моего образования — я ведь изучал физику.

Командный взвод был предположительно самым безопасным местом, прикрываемый шестью остальными взводами. Все, кто был в него назначен, имели, следовательно, тактическую ценность и должны были оставаться в живых дольше, чем другие. Кортес должен был отдавать приказы. Чавес должен был устранять неполадки в боекостюмах. Наш старший врач, док Джонс (единственный среди нас, кто имел степень доктора медицины), тоже был здесь, а также и Теодополис, радиоинженер, наше связующее звено с капитаном, который предпочел остаться на орбите.

Все остальные из нас были приписаны к командной группе благодаря специальным знаниям или особым талантам. Перед лицом неизвестного противника нельзя было сказать заранее, что может пригодиться. Я, например, имел некоторые познания в физике. Роджерс — по биологии. Тейт изучал химию. Хоу давала сто процентов правильных ответов на любом тесте на телепатические способности. Бор был полиглотом, бегло говорил на двадцати восьми языках, используя идиомы. Талант Петрова заключался в том, что в его психике не было обнаружено ни на гран ксенофо-

бии. Кинг был искусным акробатом. «Счастливчик» Холлистер отличался необыкновенными способностями делать деньги и, кроме того, тоже проявлял телепатическую чувствительность.

ГЛАВА 12

Сначала мы использовали «джунглевую» комбинацию наших камуфляжных систем. Но местные джунгли были уж слишком анемичны, и мы смахивали на подозрительную толпу арлекинов, пробиравшуюся сквозь лес. Кортес приказал переключиться на черный цвет, но стало еще хуже, потому что свет Эпсилона исходил равномерно со всего неба и теней здесь не было. В конце концов мы остановились на охранной «пустынной» комбинации.

Чем дальше мы удалялись на север от морского побережья, тем заметнее изменялся характер местности. Шипастые стебли — думаю, можно назвать их деревьями — стали малочисленнее, но увеличились в размерах и были уже не такими хрупкими. Основание у каждого такого дерева было опутано чем-то вроде виноградных лоз того же зеленовато-голубого цвета, которые расползались во все стороны, образуя сплющенный конус метров до десяти в диаметре. На вершине каждого дерева имелся довольно нежный на вид зеленый цветок величиной примерно с человеческую голову.

Трава появилась в пяти «щелчках» от моря. Трава, похоже, с полным уважением относилась к «праву собственности» деревьев на землю и оставляла вокруг каждого стебля и его конуса перепутанных лоз полоску голой земли. На границе этой полоски трава росла невысокой и нежной. Чем дальше от дерева, тем выше становилась трава, пока на особо обширных открытых пространствах не достигала человеку до плеча. Трава имела более светлый оттенок, чем деревья и лозы, и казалась более зеленой. Мы переключили камуфляж костюмов на ярко-зеленый, что использовался на Хароне для максимальной видимости. Теперь, держась в самой высокой траве, мы были довольно неплохо замаскированы.

В течение каждого дня мы покрывали по двадцать «щелчков», полные жизненной энергии после месяцев, проведенных под двукратной перегрузкой. Вплоть до второго дня единственной формой животной жизни, которую мы смогли обнаружить, были какие-то черные червяки, с палец величиной и с сотней ножек-ресничек, похожих на волоски щетки. Роджерс сказала, что здесь определенно должны водиться и какие-нибудь крупные животные, иначе зачем тогда деревьям шипы? Поэтому мы удвоили осторожность, ожидая неприятностей как со стороны тельциан, так и со стороны неизвестных «крупных животных».

В голове шел второй взвод под командованием Поттер. Общая частота связи была отдана им, так как именно второй взвод первым должен обнаружить что-либо необычное или опасное.

— Сержант, говорит Поттер,— услышали мы все.— Вижу движение впереди себя.

— Немедленно залечь!

— Уже лежим. Не думаю, чтобы нас заметили.

— Первый взвод, заходи справа. По-пластунски. Четвертый, обход слева. Скажите, когда займете позицию. Шестой, оставайтесь на месте и прикрывайте тыл. Пятый и третий, присоединиться к командной группе.

Две дюжины человек неслышно вынырнули из травы, сливаясь с нашим взводом. Четвертый, очевидно, уже доложил Кортесу.

— Хорошо, что у вас, первый? О'кей, отлично. Сколько их там?

— Мы видим восемь.— Это голос Поттер.

— Хорошо. Огонь откроете по моему сигналу. Стрелять насмерть.

— Сержант... это просто животные.

— Поттер... если ты уже знаешь, как выглядит тельцианин, то тебе давно следовало поделиться с нами. Стрелять насмерть.

— Но нам нужен...

— Нам нужен «язык», но мы не можем тащить его с собой еще сорок «щелчков» до его родной базы, да еще не спускать с него глаз, пока идет бой. Ясно?

— Да, сержант.

— Отлично. Седьмой, держать наготове все извилины и колдовские штучки. Пятый и шестой, двигайтесь с нами, будете прикрывать.

Мы поползли средь метровой высоты травы к позициям второго взвода, который уже растянулся в стрелковую цепь.

— Я ничего не вижу,— сказал Кортес.— Цвет. Прямо и чуть влево, темно-зеленый.

Они были лишь чуть темнее травы. Но как только вы заметили одного, то уже видели всех остальных. Они медленно передвигались метрах в тридцати от нас.

— Огонь!

Кортес выстрелил первым. Потом еще двенадцать ярко-малиновых нитей прыгнули вперед. Трава съеживалась и испарялась, существа корчились в конвульсиях и умирали, напрасно стараясь скрыться.

— Прекратить огонь, прекратить! — Кортес поднялся на ноги.— Надо, чтобы хоть что-то осталось... Второй взвод, за мной.

Он пошагал к тлеющим трупам, палец лазера направлен вперед, как зловещий жезл темного божества, тянущий его к месту кровавой бойни... Я почувствовал, что мой завтрак просится наружу, я знал, что, несмотря на все жуткие учебные ленты, на страшные смерти товарищей во время учебы, я все равно не готов лицом к лицу столкнуться со страшной действительностью... У меня есть магическая палочка, я могу направить ее на живое существо и превратить его в кусок полузажаренного мяса. Я никогда не был солдатом, и никогда не хотел быть солдатом, и никогда не захочу...

— Ладно, седьмой, подходите.

Пока мы шли туда, одно из существ вдруг зашевелилось, легкая судорога, и Кортес чиркнул лучом лазера поперек создания почти что небрежным жестом. Луч распорол его пополам. Существо умерло, не издав и звука, как и все остальные.

Ростом они уступали людям, но превосходили нас в обхвате. Шкуру покрывала зеленая, очень темного, почти черного оттенка шерсть. В местах, где ее коснулся луч лазера, шерсть скрючилась в завитки. Оказалось, что у них имеется по три ноги и по одной руке. Единственное украшение головы — рот, черное, влажное отверстие, полное плоских черных зубов. Были они достаточно отвратительные, правильно, но что хуже всего, так это не их непохожесть на человека, а их сходство. Всюду, где лазерный огонь распорол кожу, сквозь раны виднелись молочно-белые, обвитые кровеносными сосудами внутренние органы, и кровь у них была темно-красная.

— Роджерс, посмотрите. Могут это быть тельциане?

Роджерс присела около одного из «выпотрошенных» существ и раскрыла плоский пластиковый ящичек, полный блестящих хирургических инструментов. Она выбрала скальпель.

— Попробуем вот что.

Док Джонс смотрел ей через плечо, пока скальпель методически распарывал мембраны, прикрывавшие некоторые органы.

— Вот.— В руках у Роджерс была черноватая губкообразная масса. Она держала ее двумя пальцами — грустная пародия изысканности посреди бронированных сочленений.

— Что это?

— Это трава, сержант. Если тельциане едят траву и дышат таким воздухом, то им удалось отыскать планету удивительно похожую на их родину.— Она отбросила черную массу в сторону.— Это животные, сержант, просто животные, дьявол их забери.

— А я не уверен,— сказал док Джонс.— Только потому, что они передвигаются на четвереньках, то есть на трехреньках, и едят траву...

— Хорошо, тогда посмотрим на мозг.— Она нашла одного убитого выстрелом в голову и соскребла верхний обуглившийся слой с раны.— Взгляните-ка сюда.

Почти что одна глухая кость. Роджерс поскребла еще у одного из существ.

— Черт, где же у них органы чувств? Ни глаз, ни ушей, ни...— Она поднялась с колен.— Ничего у них в башке нет, только пасть и десять сантиметров кости. И ничего она не защищает, ни черта!

— Если бы я мог пожать плечами, я бы пожал плечами,— сказал доктор.— Это ведь еще ничего не доказывает. Мозг вовсе не обязан походить на водянистый орех вроде нашего, и он может находиться не в голове. Возможно, это не кость, может, это и есть мозг, особая кристаллическая структура.

— Ага, желудок на положенном месте, и если это не кишки, то я слушаю.

— Слушайте,— сказал Кортес,— это все очень интересно, но нам нужно знать одно — представляет этот... эта штука опасность или нет, и мы двинем дальше. Мы...

— Они не опасны,— начала Роджерс.— Они не опасны.

— Доктор! Док! — Кто-то призывно махал руками среди людей в огневой цепочке. Док бросился к нему, мы последовали за ним.

— Что-то с Хоу. Она в обмороке.

Док распахнул дверку монитора Хоу. Много времени ему не понадобилось.

— Она мертва.

— Мертвая? — переспросил Кортес.— Проклятье, каким образом...

— Минуту.— Док вставил зажим в контакт на мониторе и повозился с ручками в своем чемоданчике.— У всех бимед установлен на двенадцатичасовую запись. Сейчас я прогоню ее в обратную сторону. Вот!

— Четыре с половиной минуты назад. Именно в тот момент, когда открыли огонь, боже!

— Ну же!

— Обширное кровоизлияние в мозг. Никаких...— Он посмотрел на циферблаты.— Никаких признаков, все в полной норме: давление, правда, повышенное, пульс учащенный, но в данных обстоятельствах это нормально... ничто не предвещало...— Он нагнулся и расстегнул боекостюм Хоу. Тонкие восточные черты лица Хоу были искажены в страшной гримасе, рот оскален, обнажая десны. Липкая жидкость вытекала из-под ресниц, а из ушей все еще сочилась кровь. Док Джонс застегнул костюм.— Никогда ничего подобного не видел. Словно в голове бомба взорвалась.

— Дьявол,— сказала Роджерс.— Ведь она, кажется, была сенсетивом?

— Правильно,— глубокомысленно заметил Кортес.— Ну, хорошо. Внимание, слушайте все! Командиры взводов, проверить личный состав. Есть ли раненые или пропавшие. Пострадал еще кто-нибудь из седьмого?

— Меня... у меня зверски болит голова, сержант,— сказал «Счастливчик».

Еще у четверых тоже болела голова. Один из них подтвердил, что обладает небольшой телепатической чувствительностью. Остальные этого точно не могли сказать.

— Кортес, думаю, все ясно,— сказал док Джонс.— Нам следует держаться подальше от этих... чудовищ, а особенно ни в коем случае не причинять им вреда. Пять человек явно чувствительны к фактору, убившему Хоу.

— Конечно, черт возьми, и можно было мне и не напоминать. Нужно двигать, я только что сообщил капитану о случившемся. Он тоже считает, что нам нужно поскорее уходить отсюда, и подальше, прежде чем сделаем привал на отдых.

Слушай команду, порядок движения и направление те же самые. Впереди пойдет пятый взвод, второй займет положение в арьергарде. Остальные двигаются как прежде.

— А как быть с Хоу? — спросил «Счастливчик».

— О ней позаботятся с корабля.

Когда мы отошли на «полщелчка», позади вспыхнуло и прокатился гром. На том месте, где мы оставили Хоу, к небу поднимался небольшой светящийся дымный гриб, быстро исчезнувший среди серых небес.

ГЛАВА 13

Мы сделали привал на «ночлег» — на самом деле солнце сядет только через семь—десять часов — на вершине небольшого холма в десяти «щелчках» от места встречи с неизвестными существами. Но в этом мире они не были «неизвестными существами», напомнил себе я, это мы — чужаки.

Два взвода развернулись в оборонительное кольцо вокруг нас, и мы, то есть все остальные, в изнеможении попадали на землю. Каждому было разрешено спать четыре часа, кроме того, еще два часа он должен будет нести дежурство.

Рядом со мной опустилась на землю Поттер. Я включился на ее частоту.

— Привет, Мэригей.

— А, это ты, Уильям.— В наушниках ее голос звучал хрипло и надтреснуто.— Боже, что это был за ужас.

— Теперь уже все позади...

— Я убила одного из них, в самый первый миг, я выстрелила ему в...

Я тронул ее колено. Перчатка щелкнула о пластик ее костюма, и я отдернул руку, пораженный вдруг видением обнимающихся, любящих друг друга машин.

— Не взваливай всю вину только на себя, Мэригей, если мы и виноваты, то... то все в равной степени, но тройная доля на Кор...

— Эй, рядовые, кончайте трепаться и поспите хоть немного. Вам обоим скоро стоять на часах.

— О'кей, сержант.

Голос у Поттер был такой печальный и усталый, что я не мог этого вынести. Я чувствовал, что, если бы мог хотя бы дотронуться до Мэригей, я облегчил бы ее печаль, впитал бы ее, как песок впитывает дождь, но мы оба были, словно в ловушке, заключены в наших пластиковых мирках...

— Спокойной ночи, Уильям.

— Спокойной ночи.

Практически невозможно почувствовать какое-то чувственное возбуждение внутри боекостюма, со всеми его отводными трубками и хлорированными сенсорами на руках и ногах, но именно так мой организм ответил на мое эмоциональное бессилие. Возможно, в его клетках еще не стерлась память о проведенных с Мэригей ночах, возможно, мое «биологическое я», сознавая, что в вихре ждущих нас всех смертей его собственная гибель может наступить очень скоро, активизировало детородное приспособление для одной последней попытки. С веселенькими мыслями вроде последней я заснул, и мне приснилось, что я машина, копирующая живой организм, со скрипом и скрежетом пробирающаяся сквозь мир людей, а они, очень вежливые, ничего мне не говорят, только хихикают за спиной, и крошечный человечек в моей голове дергает рычаги, нажимает на кнопки и следит за циферблатами, он уже совсем сошел с ума и припомнит все обиды, когда наступит...

— Манделла, черт тебя забери, просыпайся, твое дежурство!

Я, волоча ноги, занял положенное мне место в оборонном периметре, чтобы следить за... бог знает, за чем... но я чувствовал такую усталость, что даже не мог заставить веки подниматься. Пришлось в конце концов воспользоваться таблеткой стимулятора. Хотя я и знал, что даром это мне не пройдет.

Почти целый час я сидел, просматривая мой сектор слева-направо и наоборот, вдали и вблизи, ничего там не менялось, даже ветер не шевелил траву.

Потом внезапно трава расступилась, и показалось одно из тех трехногих существ, показалось прямо передо мной.

Я поднял лазер, но не стрелял.

— Вижу движение!

— Движение!

— Боже, один прямо передо мной...

— Не стрелять! Не стрелять, чтоб вам провалиться!

— Движение.

— Движение.— Я посмотрел влево и вправо — и, насколько мне хватало поля зрения, перед каждым из часовых периметра сидело безглазое и глухое существо.

Наверно, возбуждающая таблетка, которую я принял, усилила мою чувствительность к тому излучению или чему-то еще, что использовали эти существа. Кожа на черепе у меня зашевелилась, и я явственно ощутил внутри головы нечто. Вроде кто-то спросил вас о чем-то, а вы не расслышали и хотели бы переспросить, но возможность такая уже потеряна, момент упущен.

Существо сидело на корточках, опираясь на единственную «руку» — переднюю ногу. Большой зеленый медведь с

одной недоразвитой лапой. Его телепатическая сила пропитывала мой мозг, будто паутина, будто отзвук ночных кошмаров, он пытался установить со мной контакт, а может, убить меня, я не знаю.

— Так, часовые по периметру, отходите назад и не спешите. Никаких резких движений... У кого-нибудь болит голова или что-нибудь еще?

— Сержант, здесь Холлистер.— Это «Счастливчик».— Кажется, они что-то пытаются сказать нам... Я почти что... нет. Но я точно чувствую, они считают, что мы забавные... Они нас не боятся.

— Ты хочешь сказать, что тот, напротив тебя...

— Нет, ощущение исходит от всех одновременно. Они все думают одно и то же. Не спрашивайте, откуда я знаю, я просто чувствую.

— Может, они думают, что сыграли забавную шутку с Хоу?

— Возможно. Но я не ощущаю опасности. Им просто любопытно.

— Сержант, говорит Бор.

— Что там?

— Тельциане здесь уже по крайней мере год... возможно, они установили контакт с этими... «винни-пухами». Они могут шпионить за нами, могут посылать сообщения.

— Не думаю, чтобы они обнаружили себя в таком случае,— сказал «Счастливчик».— Они ведь явно могут надежно прятаться от нас, если хотят.

— Как бы там ни было,— сказал Кортес,— даже если они шпионы, мы уже нанесли им потери. Я знаю, вы хотели бы отплатить им за Хоу, но сейчас нам нужно проявить максимум осторожности.

Я не хотел отплатить за Хоу, я вообще предпочел бы не иметь с ними дела. Я медленно возвращался в центр лагеря. Существо, судя по всему, не собиралось за мной следовать. Возможно, оно понимало, что мы окружены. Единственной лапой оно щипало траву и отправляло пучки в пасть.

— О'кей, командиры взводов, разбудить своих людей, сделать перекличку. Проверить и доложить, нет ли пострадавших. Мы выступаем через минуту.

Не знаю, чего ожидал Кортес, но существа, конечно, последовали за нами. Они не старались держать нас в кольце, просто двадцать или тридцать особей шли за нами по пятам. Но не одни и те же. Отдельные животные время от времени исчезали в траве, на смену им появлялись другие, присоединялись к параду. Было совершенно ясно, что они нисколько не устали.

Нам было разрешено принять по одной таблетке стимулятора. Без этого мы не продержались бы на ногах и часа. Все мы были не прочь принять и по второй, когда искусственное возбуждение начало постепенно убывать, но ситуация этого не позволяла: до базы противника оставалось еще тридцать «щелчков», то есть пятнадцать часов марша самое меньшее. И хотя легко было оставаться на ногах и по пять суток, принимая стимулятор, но уже после второй таблетки искажения восприятия и суждений росли как снежный ком, пока не наступал час самых жутких галлюцинаций, воспринимаемых как реальность. И чтобы решить, например, позавтракать или нет, человек мог потратить часы на упорные размышления.

Наша команда продвигалась вперед, ощущая избыток энергии в течение первых шести часов. Скорость замедлилась к седьмому часу, а после девяти часов марша и девятнадцати километров мы уже едва не валились на землю. «Винни-пухи» не теряли нас из виду и, как сообщал нам «Счастливчик», не прекращали «передавать». Кортес решил сделать привал на семь часов, каждый взвод в течение часа должен был нести дежурства на периметре. Слава богу, я был в седьмом взводе, и мы дежурили последними, что давало возможность поспать целых шесть часов.

В последние секунды, перед тем как я соскользнул в пропасть сна, мне вдруг пришла в голову мысль: это может быть мой последний мирный сон. И, частично под воздействием возбуждающего наркотика, а больше всего — после пережитых за последние часы кошмаров, я обнаружил, что мне совершенно на этот факт наплевать.

ГЛАВА 14

Наше первое прямое столкновение с тельцианами имело место во время моего дежурства.

«Винни-пухи» не покидали нас, когда я проснулся и сменил дока Джонса на посту. Как и прежде, перед каждым часовым сидел на корточках зеленый медведь. Тот, что сидел напротив меня, казался крупнее остальных, но ничем другим от своих собратьев не отличался. Он уже выщипал всю траву вокруг себя и периодически совершал набеги то влево, то вправо. Но всегда возвращался на свое место напротив меня и продолжал, можно сказать, глядеть, хотя ничего похожего на глаза у него не имелось.

Мы играли в гляделки минут пятнадцать, когда вдруг загремел голос Кортеса:

— Эй, команда, всем проснуться и попрятаться.— Я совершенно инстинктивно бросился на землю и откатился туда, где трава была повыше.— Вражеская машина над нами.

Строго говоря, она пролетала не точно над нами, а в стороне к востоку. Двигалась она не очень быстро, примерно «щелчков» сто в час, и больше всего походила на помело, окруженное пузырем из грязноватого мыльного раствора. Верхом на помеле сидело существо, несколько более напоминающее человека, но все равно не первый приз. Я передвинул регулятор моего конвертора на сорокакратное увеличение, чтобы рассмотреть его получше.

У существа имелись две руки и две ноги. Но талия была до того тонкая, что ее спокойно можно обнять двумя ладонями. Под тоненькой талией имелось подковообразной формы «брюшко», почти метровой ширины, из которого свисали две худосочные ноги, без явно видимого коленного сустава. Выше талии тело существа опять распухало, и грудная клетка не уступала по размерам громадному тазобедренному узлу. Руки у него были неожиданно очень похожи на человеческие, не считая того, что имелся избыток пальцев, очень длинных и тонких. Ни плеч, ни шеи. Голова представляла собой жуткий нарост, словно зоб, вздымавшийся над грудной клеткой. Два глаза напоминали скопления рыбьей икры, связка кисточек торчала на месте

носа и намертво раскрытого отверстия, возможно рта, хотя находилось оно где-то в районе адамова яблока, если бы только у него таковое имелось. Окружавший его мыльный пузырь, очевидно, создавал внутри пригодную для тельцианина обстановку, потому что на летящем ничего не было, кроме собственной рубцеватой кожи, напоминавшей передержанную в горячей воде шкуру, покрашенную затем в бледно-оранжевый цвет. Никаких наружных признаков пола у «него» не наблюдалось, но за отсутствием даже намека на молочные железы мы свой выбор остановили на местоимении мужского рода.

Очевидно, он или не заметил нас, или подумал, что мы принадлежим к стаду «винни-пухов». Он ни разу не оглянулся на нас, продолжая полет в том же направлении, что двигались и мы,— 0,05 градуса восточнее северного.

— Можете теперь снова отправляться на покой, если только вы сможете уснуть после того, как видели такую жуть. Выходим в четыре тридцать пять. Значит, осталось сорок минут.

Из-за окутывавшего планету мощного облачного слоя невозможно было определить с орбиты, как выглядит база противника или каких она размеров. Нам было известно только ее местонахождение, причем с такой же точностью, как и положение точки встречи наших катеров,— то есть база вполне могла находиться под водой или под землей.

Но некоторые из робоснарядов одновременно являлись и разведзондами, во время отвлекающей атаки на базу одному из них удалось сделать снимок. Капитан Скотт передал схему строений базы Кортесу, который единственный из нас имел в боекостюме видеоприемник, в то время как мы уже находились в пяти километрах от ее условного местонахождения. Мы сделали остановку, и сержант вызвал всех командиров взводов для совещания. Участвовал также весь седьмой взвод и двое прискакавших «винни-пухов». Их мы старались игнорировать.

— Значит, так, капитан передал нам снимки объекта. Сейчас я набросаю схему, а командиры взводов ее скопируют.

Они повытаскивали блокноты и стила из набедренных карманов, а Кортес тем временем развернул пластиковый лист. Встряхнув лист несколько раз, чтобы поравномернее распределить остаточные заряды, он включил свое стило.

— Так, мы, значит, подходим отсюда.— Он нарисовал стрелку внизу листа.— Сперва там идет цепь каких-то строений, возможно жилые помещения или бункеры, черт его знает... Перво-наперво нужно уничтожить эти строения. База находится на открытой местности, и мимо нее нам не проскочить.

— Говорит Поттер. Мы могли бы через них перепрыгнуть?

— Могли бы, почему же, а потом оказались бы в полном окружении, и нас смололи бы в порошок. Сначала мы уничтожим здания.

После этого... могу сказать, что дальше нам придется на ходу соображать. По данным аэросъемки мы можем только догадываться о назначении этих объектов. Может оказаться, что мы сровняли с землей их бар для рядового состава, а рядом остался в целости большой логический компьютер, потому что выглядел он... как куча отбросов в соответствующем контейнере или еще что.

— Говорит Манделла,— сказал я.— Может, у них там есть космопорт? Мы, наверное, должны были бы...

— До этого я еще дойду, Манделла. Значит, эти здания окружают базу кольцом, мы должны где-нибудь прорваться. Лучше всего в самом ближайшем месте, чтобы не выдать себя перед атакой.

На всей территории базы не заметно ничего такого, что могло бы стрелять. Но это, впрочем, ничего не значит — в любом из этих строений можно спокойно упрятать гигаваттный лазер.

Так, теперь в пятистах метрах за линией «избушек» имеется большая структура, формой напоминающая цветок.— Кортес нарисовал что-то похожее на цветок с семью лепестками.— Что это такое, провались оно в болото, я знаю не больше вашего. Эта конструкция единственная на базе, поэтому мы постараемся без необходимости ее не трогать.

То есть взорвем к чертям, если мне покажется, что она грозит опасностью.

Теперь касательно космопорта, Манделла. Такого там нет. Ничего похожего.

Крейсер, который хлопнула наша «Надежда», был, видимо, оставлен на орбите вроде нашего. Если у них имеются какие-либо эквиваленты посадочного катера или робоснарядов, то они находятся в другом месте либо очень хорошо спрятаны.

— Говорит Бор. Каким же образом они тогда нас атаковали, когда мы опускались?

— Хотел бы я знать, рядовой.

Установить численность гарнизона, даже приблизительно, мы, ясное дело, пока не можем. На снимках не видно ни одного тельцианина. Но косвенным образом можно ориентироваться на количество этих летающих штук, что похожи на помело.

Имеется пятьдесят одна «избушка», и у каждой есть по крайней мере одно «помело». У четырех нет припаркованного «помела», но мы обнаружили три свободных на остальной территории базы. Возможно, это означает, что на базе пятьдесят один тельцианин, причем один из них находился вне территории базы, когда был сделан снимок.

— Здесь Китинг. Возможно, только пятьдесят. Один офицер.

— Правильно — пятьдесят пехотинцев прячутся в одном из этих зданий. Но наверняка сказать мы не можем. Может, там только десять тельциан, у каждого — по пять летающих палок, на выбор по настроению.

Мы имеем одно преимущество — нашу систему связи. Тельциане явно пользуются частной модуляцией электромагнитных волн.

— Радио!

— Правильно, как там тебя? Надо называться, когда говоришь. Так вот, вполне возможно, что они не в состоянии перехватывать наши фазонейтринные сообщения. Кроме того, перед самой атакой «Надежда» сбросит небольшую ядерную бомбу, она взорвется в верхних слоях

атмосферы прямо над базой тельциан. Им придется перейти на связь по прямому лучу — на некоторое время. И даже там будет полно помех.

— Почему бы... это Тейт. Почему бы не скинуть бомбу прямо им на голову? Избавило бы нас от труда...

— Я мог бы даже не отвечать, рядовой. Но я отвечу — они могут это сделать. Молись всем святым, чтобы они этого не делали. Потому что удар по базе будет означать угрозу для «Надежды», причем атака уже начнется, и убежать нам далеко не удастся.

Поэтому мы постараемся поработать как следует, чтобы этого не случилось. Мы должны вывести базу из строя, чтоб она уже не могла выполнять свои функции. При этом нужно оставить в целости и сохранности как можно больше. И взять одного пленного.

— Здесь Поттер. Вы хотите сказать, по крайней мере одного пленного?

— Я говорю именно то, что хочу сказать. Только одного. Поттер... я освобождаю вас от обязанностей командира. Передайте взвод Чавесу.

— Есть, сержант.— В голосе ее явно слышалось облегчение.

Кортес продолжал рисовать карту и давать инструкции. Имелось еще одно задание, его функции были очевидны — на крыше торчала большая поворотная антенна с параболическим отражателем. Ее мы должны были уничтожить, едва гранатометчики приблизятся на дистанцию огня.

План атаки не отличался детальностью. Сигналом послужит вспышка ядерного взрыва. Одновременно несколько робоснарядов с разных направлений помчатся к базе, таким образом мы выясним их систему противовоздушной обороны. Мы постараемся свести на нет эффективность этой системы, полностью ее не разрушая.

Немедленно после взрыва бомбы и атаки робоснарядов гранатометчики превратят в пыль семь ближайших к нам «избушек». Все мы сквозь эту брешь проникнем на территорию базы... что будет дальше — оставалось только гадать.

В идеале мы пронесемся с одного ее края к другому, уничтожая определенные объекты и всех тельциан, кроме одного. Но такой исход был весьма маловероятен, так как предполагал почти полную беспомощность противника в обороне.

С другой стороны, если тельциане с самого начала будут иметь явное преимущество, Кортес отдаст команду спасаться врассыпную. Каждому было дано индивидуальное направление бегства — мы разлетимся во все стороны. Выжившие соберутся в долине, примерно за сорок «щелчков» к востоку от базы. Там мы выясним ситуацию для повторного нападения, после того как «Надежда» слегка обработает тельциан.

— И наконец, последнее,— проскрежетал голос Кортеса.— Возможно, некоторые из вас чувствуют то же самое, что и Поттер, возможно, некоторые из ваших людей чувствуют... что мы должны быть помягче, не лить зря крови и так далее. Но на данной ступени войны мы не имеем права позволить себе роскошь милосердия. Враг виноват в смерти четырехсот сорока девяти человек — это все, что мы знаем о нем. Враг без тени сомнения атаковал наши крейсеры, и глупо было бы ждать парламентеров сейчас, во время первой наземной схватки.

Противник виноват и в смерти всех ваших товарищей, погибших за время обучения, и в смерти Хоу, и всех других, которые неизбежно погибнут сегодня. Я не могу понять, как и кто может испытывать к нему жалость. Но это не имеет никакого значения. У вас есть приказы, и, черт возьми, вы прекрасно знаете, что все из вас получили постгипнотическое внушение, которое я реализую ключевой фразой перед самым началом боя. Это вам поможет немного.

— Сержант...

— Молчать. У нас мало времени. Всем разойтись по своим взводам и провести инструктаж. Мы выступаем через пять минут.

Командиры взводов вернулись к своим людям, оставив Кортеса и нас десятерых, если не считать трех «винни-пухов», которые бродили вокруг и лезли под ноги.

ГЛАВА 15

Последние пять «щелчков» мы продвигались с максимальной осторожностью, старались держаться самой высокой и густой травы, а случайные поляны перебегали. За пятьсот метров от предполагаемого расположения базы противника Кортес выслал в разведку третий взвод, пока все остальные залегли.

— Все примерно так, как мы и предполагали,— раздался его голос на общей частоте.— Продвигаться вперед ползком. Достигнув расположения третьего взвода, следуйте за своим командиром влево или вправо.

Мы так и сделали, в результате получилась вереница из восьмидесяти трех человек, грубо перпендикулярная направлению атаки. Мы все довольно надежно укрылись среди травы, только около дюжины «винни-пухов» бродили вдоль нашей линии.

База не подавала никаких признаков жизни. Все строения не имели окон, все были одного ярко-белого цвета. «Избушки» — объект нашего первого удара — представляли собой что-то вроде громадных, наполовину погруженных в грунт яйцевидных строений, расположенных с интервалами в шестьдесят метров. Каждому гранатометчику Кортес определил по «избушке».

Мы разбились на три огневые группы: группу А составляли второй, четвертый и шестой взводы, группу Б — первый, третий и пятый, командный седьмой взвод образовывал группу С.

— Осталось меньше минуты, опустить фильтры! Когда я дам команду, гранатометчики откроют огонь. Упаси вас боже промазать.

Вдруг раздался какой-то громкий утробный звук, и серия из пяти или шести радужных пузырей воспарила в воздух над цветкообразным зданием. Они понеслись в вышину со все возрастающей скоростью, потом, уже почти исчезнув из виду, изменили направление и помчались на юг. Местность внезапно озарилась яркой вспышкой, и впервые после высадки я увидел свою собственную длинную тень, указывающую на север. Бомба взорвалась раньше времени. Я едва успел подумать, что особой разницы тут нет, все равно тельцианская связь теперь накрылась...

— Ракеты!

Робоснаряд с жутким визгом выскользнул из-за верхушек деревьев, а радужный пузырь уже был готов встретить его. Когда они столкнулись, пузырь лопнул, и робоснаряд превратился в веер мельчайших осколков. Еще одна ракета скользнула с другой стороны, ее постигла та же участь.

— Огонь!

Семь ярких вспышек от разрывов гранат по пятьсот микротонн и страшное сотрясение, способное прикончить незащищенного человека.

— Поднять фильтры!

Серая дымка от дыма и пыли. Куски земли сыплются сверху, как тяжелые дождевые капли.

— Всем слушать!

> Шотландцы, вы с Уоллесом сражались!
> Шотландцы, вы с Брюсом в битву шли!
> На смертном одре вам почить иль в битве победить!

Я почти не слышал сержанта, стараясь уследить за происходящим у меня в голове. Я понимал, что все это только постгипнотическое внушение, я даже помнил сеанс, там, в Миссури, когда мне это внушение делали, но сила его воздействия от этого совсем не уменьшилась. Удар псевдовоспоминаний обрушился на мое сознание: лохматые обезьяноподобные тельциане (хоть мы теперь и знали, что они совсем не так выглядят) врываются на борт транспорта переселенцев, пожирают детей на глазах вопящих от ужаса матерей (колонисты никогда не брали с собой детей, те не выдержали бы ускорения), потом до смерти насилующие женщин большими, с красными прожилками вен членами (невероятно, что тельциане могли чувствовать какое-то влечение к нашим женщинам), потом сдирающие кожу и куски мяса с мужчин и тоже пожирающие окровавленную человеческую плоть (как будто они были бы в состоянии усваивать протеин чуждых организмов) и еще сотни подробностей, и все это я помнил с такой отчетливостью, словно события вчерашнего дня, хотя и были они до сме-

хотворного нелепы и логически абсурдны. Но в то же время, как сознание мое отметало всю глупость внушения, где-то в темной глубине, там, где таится спящий зверь, где берут истоки наши побуждения, нечто жаждало крови тельциан, убежденное в благородности поступка — умереть, пытаясь убить хоть одно из инопланетных чудовищ...

Я знал, что все это — дерьмо, дерьмовая брехня чистой воды, и я ненавидел тех людей, что позволили сыграть такую грязную шутку с моим сознанием, и все же я в буквальном смысле слышал, как скрежещут мои зубы, как судорога кровожадной гримасы сводит мне щеки... Словно ослепленный, передо мной проковылял «винни-пух». Я вздернул лазер, но кто-то опередил меня, и голова существа взорвалась кашей серой плоти и крови.

— Сволочи... сволочи проклятые,— простонал, почти провыл «Счастливчик». Лазерные лучи пересекались и расходились, и вот все «винни-пухи» пали замертво.

— Гляди в оба! — выкрикнул Кортес.— Целиться осторожнее, это вам не игрушки!

— Группа А, вперед... Группа В занимает воронки, прикрывает группу А!

Кто-то одновременно смеялся и всхлипывал.

— В чем дело, Петров, так тебя растак! — Странно, раньше Кортес никогда не выражался.

Я повернулся и увидел, что Петров, забравшись в небольшое углубление, панически пытается зарыться руками и ногами, рыдает булькающим плачем.

— Зараза,— сказал Кортес.— Группа В, на десять метров дальше воронок залечь в цепь! Группа С — залечь в воронки вместе с А!

Я поднялся на ноги и покрыл сотню метров за двенадцать прыжков с усилением. Воронки могли поместить по посадочному катеру каждая. Я перепрыгнул через дно на противоположный край и приземлился рядом с парнем по имени Чин. Он даже не обернулся, продолжал пристально наблюдать за территорией базы. Там по-прежнему ничего не изменилось.

— Группа А, залечь в цепь за группой В, интервал десять метров!

Едва сержант отдал команду, как здание прямо перед нами извергло залп пузырей, веером устремившихся к нашим цепям. Все видели, что пузыри летят, и припали к земле, но Чин как раз вскочил на ноги и натолкнулся на один пузырь.

Тот едва только задел верхушку его шлема и исчез с негромким хлопком. Чин сделал шаг назад и повалился на дно воронки, оставляя на скате полосу крови и мозгов. Безжизненное тело с раскинутыми как крылья руками сползло вниз, забивая грязью совершенно симметричное отверстие, где пузырь с одинаковым равнодушием прогрыз пластик, волосы, кожу и кость черепа.

— Всем лежать. Командиры... проверить состав, сколько убитых...— «Щелк»... «щелк»... «щелк»...— У нас три трупа. А могло бы быть ни одного, если бы они держали голову пониже! Всем падать пластом, как только услышите, что заработала эта штука. Группа А! Группа А, продолжайте маневр.— Группа А без неприятностей завершила маневр.— Отлично, группа С, перебежками к группе В. Отставить! Ложись!

Все уже попадали на землю. Пузыри прошли плавной дугой в двух метрах над нами. Безмятежно проплыли они над нашими головами и, не считая одного, превратившего в щепки случайное дерево, исчезли вдали.

— Группа В, перебежками за линию А, дистанция десять метров. С, взять позицию группы В. Гранатометчики группы В, посмотрите, можно достать «цветок»?

Взрыв двух гранат образовал воронки примерно в сорока или тридцати метрах от цветкообразной конструкции. В правдоподобном приступе паники «цветок» принялся извергать бесконечную струю пузырей, но по-прежнему ни один не опустился к земле ниже двух метров. Мы прижимались к грунту и продолжали двигаться вперед.

Вдруг в здании образовалось отверстие и расширилось до размеров большой двери. Оттуда повалили тельциане.

— Гранатометчики, отставить огонь! Группа В, огонь вправо и влево, не давать им уйти в сторону. А и С, вперед по центру!

Один тельцианин погиб, пытаясь перебежать луч лазера. За ним никто не последовал.

Довольно трудно одновременно бежать и держать голову пониже, когда ты в боекостюме. Приходится делать рывки из стороны в сторону, словно конькобежец на старте, иначе можно оторваться от земли и разделить судьбу Чина. Мне казалось, что я в какой-то ловушке, справа и слева — лазерный огонь, над головой — летучая смерть. Но, несмотря на это, я чувствовал прилив радости и энергии, я был просто счастлив, что мне наконец выпал случай прикончить одного из этих злодеев, пожирателей младенцев. Хоть и понимал, что это брехня.

Тельциане не отвечали нам огнем, не считая малоэффективных пузырей (очевидно, они не были предназначены для поражения наземной силы), и обратно в здание они тоже не отступали. Они метались из стороны в сторону, их было около сотни, и смотрели, как мы приближаемся. Пара гранат покончила бы со всеми, но Кортес, очевидно, рассчитывал все-таки взять пленного.

— О'кей, когда я скажу «вперед», мы возьмем их в клещи. Группа В будет держать заслоны. Второй и четвертый взводы направо, шестой и седьмой налево. Группа В будет двигаться цепью, чтобы не выпустить их. Вперед!

Мы рванули влево. Как только прекратился лазерный огонь, тельциане тоже кинулись бежать всей толпой.

— Группа А, залечь и открыть огонь. Целиться точно! Если промажете, можете зацепить своих. И ради всего святого, оставьте мне одного в живых!

Жуткое это было зрелище — толпа монстров, мчащаяся прямо на нас. Они бежали, высоко подпрыгивая,— пузыри уклонялись от столкновения с ними,— и все выглядели точно как тот, что летел на «помеле»: совершенно голые, кроме прозрачной сферы, окружавшей их тела. Эти сферы двигались вместе с хозяевами. Правый фланг открыл огонь, выбирая свои жертвы в арьергарде толпы.

Внезапно лазерный луч прошел сквозь толпу тельциан с той стороны — кто-то небрежно прицелился. Раздался жуткий вопль, и я, взглянув дальше по цепи, увидел, как кто-то, кажется это был Перри, корчится на земле, прижимая правой рукой дымящийся обрубок, который остался от отсеченной левой руки. Сквозь пальцы брызгала кровь, а выведенный из строя камуфляж костюма одну за другой промигивал маскировочные комбинации: черно-белый — джунгли — пустыня — серый — зеленый. Не знаю, сколько времени я смотрел, пока не прибежал врач и не начал оказывать помощь, но, когда я поднял глаза, тельциане были почти рядом со мной.

Я выстрелил инстинктивно и взял очень высоко, но все равно задел верхушку защитного пузыря одного из тельциан. Пузырь исчез, а монстр-инопланетянин споткнулся и упал на землю, сотрясаемый судорожными спазмами. Из ротового отверстия потекла пена, сначала белая, потом розовая. Последний спазм согнул тельцианина почти в подкову, и он замер. Крик его, тонкий высокий свист, замолк в тот же момент, когда его товарищи начали прыгать через него и на него. Я улыбался и ненавидел себя за это.

Это был не бой, а бойня, хотя они превосходили нас численно раз в пять. В смысле наш фланг. Тельциане просто шли и шли, даже когда им пришлось перебираться через баррикаду тел и отсеченных конечностей, выросшую параллельно нашей цепи. Земля стала блестящей от красной тельцианской крови — все создания божьи используют гемоглобин,— и, как и у «винни-пухов», их внутренности тоже очень напоминали человеческие. Хотя я и не специалист. Мой шлем сотрясало от истерических приступов смеха, пока мы крошили тельциан в кровавую крошку, и я почти не услышал приказа Кортеса:

— Прекратить огонь... Я сказал прекратить, черт побери! Поймайте парочку живых, они вас не укусят.

Я перестал стрелять, и соответственно все остальные тоже. Когда следующий тельцианин выпрыгнул на меня из-за кучи дымящихся останков, я сделал нырок, стараясь обхватить его за тоненькие ноги.

Это было все равно что ловить большой скользкий воздушный шар. Он выскользнул у меня из рук и продолжал бежать.

Нам удалось остановить одного тельцианина простым способом — навалив полдюжины человек на него сверху.

За это время остальные пробежали сквозь нашу цепь и теперь мчались к ряду больших металлических цилиндров, напоминающих баки, которые Кортес считал какими-то складами. Маленькая дверка открылась у основания каждого цилиндра.

— Пленного мы уже взяли! — крикнул я Кортесу.— Убрать остальных!

До них уже было пятьдесят метров, и бежали они изо всех сил. Попасть было нелегко. Лазерные шпаги сверкали то над бегущими, то брали слишком низко. Один упал, перерезанный надвое, но остальные продолжали бежать и почти достигли дверок, когда открыли огонь гранатометчики. Магазины у них были заряжены «пятисотками», но сотрясение от взрывов не причиняло тельцианам вреда, они падали и вскакивали снова, невредимые в своих пузырчатых защитных оболочках.

— Здания! Огонь по заразам-зданиям!

Гранатометчики взяли прицел повыше и дали новый залп, но бомбы только опаляли поверхность зданий, пока одна не влетела в дверцу. Цилиндр раскололся словно по шву, извергнув облако механических обломков и язык бледного пламени, мгновенно развернувшийся и пропавший. Тогда остальные гранатометчики сконцентрировали огонь на дверцах цилиндров, не считая случайных выстрелов по оставшимся тельцианам, больше для того, чтобы не дать им попасть в здания, чего тельциане, похоже, очень хотели бы. Все это время мы пробовали достать тельциан из лазеров, пока они метались вокруг цилиндрических конструкций. Мы подошли как можно ближе, чтобы только не попасть под разрыв гранат, но недостаточно все-таки для точного прицела.

Все же одного за одним мы выводили их из строя, кроме того, уничтожили четыре из семи строений. Потом, когда их осталось всего двое, близкий разрыв гранаты бросил одного прямо в отверстие входа. Тельцианин исчез внутри цилиндра, и последовавшие залпы не причинили обшивке никакого вреда. Гранаты падали вокруг конструкции, стоял грохот от взрывов, но вдруг его поглотил могучий вздох,

словно гигант набрал полную грудь воздуха, и на месте цилиндрического строения прямо по вертикали уходила аж в стратосферу колонна дыма, словно вычерченная по линейке. Второй тельцианин находился в это время у самого основания цилиндра. Его разорвало в клочья. Через секунду нас накрыло взрывной волной, и я, как перекати-поле, был сдут прямо на кучу мертвых тельциан, перекатился через груду тел и был отнесен еще дальше.

Когда я все-таки поднялся на ноги, меня охватила секундная паника — весь боекостюм был в крови. Но тут я сообразил, что это тельцианская кровь, и паника прошла, я чувствовал только желание вымыться.

— Поймайте сукина сына! Поймайте!

Воспользовавшись замешательством, пленный тельцианин вырвался на свободу и теперь мчался к зарослям травы. За ним гнался целый взвод, но тельцианин скрылся бы, если группа не перекрыла бы ему путь к отступлению. Я тоже потрусил в ту сторону — принять участие в забаве.

На тельцианина навалились четыре человека, а еще пятьдесят стояли кольцом вокруг, наблюдая за борьбой.

— По местам, чертовы дети! Их здесь, может, еще тысячи, может, они только и ждут момента, чтобы накрыть нас в одном месте!

Нехотя мы разошлись. Мы почему-то все были уверены, что больше тельциан на базе не осталось. И вообще на всей планете.

Сам Кортес тем временем направился к вновь пойманному пленному. Вдруг вся четверка свалилась в кучу на теле инопланетянина. Даже оттуда, где я стоял, можно было видеть пену, вытекавшую из ротового отверстия тельцианина. Его защитный пузырь лопнул. Самоубийство.

— Вот сволочь! — Кортес был уже там.— Отойдите в сторону.

Четверо отошли, и Кортес лазерным лучом расчленил инопланетянина на дюжину трепещущих кусков плоти. Какое отрадное зрелище.

— Ладно, не беда, найдем еще одного. Слушай команду! Порядок движения — строй «наконечник»! Начинаем приступ «цветка».

Ну, мы построились и пошли приступом на «цветок», который, очевидно, истратил весь боезапас, потому что рыкающие звуки он издавать продолжал, но пузырей больше не появлялось. Там было пусто. Мы промчались по въездным спускам и по коридорам, пальцевые лазеры наготове, словно дети, играющие в войну. Пусто, все ушли.

То же самое нас ожидало в строении с антенной и в сорока четырех «избушках» периметра, которые уцелели во время штурма. Таким образом, в нашем распоряжении оказалась куча строений преимущественно неизвестного назначения, но ни одного живого тельцианина, необходимого ксенологам, чтобы поэкспериментировать с ним. Во всяком случае, в их распоряжении любые отдельные части тельцианских останков. Лучше, чем ничего.

После того как мы прочесали каждый квадратный дюйм базы, пришел катер с настоящей исследовательской командой. Ученые.

— Ну ладно, кончено,— сказал Кортес, и мы вышли из гипнотического транса.

Поначалу всем нам несладко пришлось.

Потрясение от воспоминаний о кровавом убийстве едва не свело с ума некоторых людей вроде «Счастливчика» и Мэригей. Кортес приказал всем принять по таблетке транквилизатора-седатива. Две — для наиболее чувствительных. Но я тоже принял две, хотя мне и не приказывали. Потому что это было откровенное убийство, ничем не приукрашенная резня.

Как только мы обезвредили противовоздушную систему базы, нам уже не угрожала опасность. Тельциане, судя по всему, вообще не имели понятия о рукопашной схватке. Мы просто согнали их в стадо и перебили. Вот вам и первый контакт человечества с иной разумной расой. Возможно, второй контакт, если считать «винни-пухов». Почему мы даже не попытались начать переговоры? Или вступить в контакт? Но и с первыми, и со вторыми поступили одинаково.

Не раз потом я говорил сам себе, что это не «я» с весельем сумасшедшего пластал на куски этих перепуганных, спасающихся бегством существ. Там, в двадцатом веке, ко всеобщему удовольствию, было установлено, что оправдание «я только исполнял приказ» таковым не является. И не оправдывает нечеловеческую жестокость. Но что я мог поделать, если приказы исходили из глубины моего подсознания, от запрятанного там кукловода?

Но что хуже всего, так это было сознание того, что мои действия были не полностью бесчеловечными. Всего лишь несколько поколений тому назад мои предки сделали бы то же самое без всякого гипноза, и даже с соплеменниками.

Я чувствовал отвращение ко всему человечеству, к армии и войне, и перспектива жить с воспоминаниями о прошлом еще почти столетие приводила меня в ужас... Правда, можно было стать добровольным мозгостером.

Корабль с уцелевшим тельцианином благополучно удрал, защищенный от «Надежды» шаром планеты. Прыгнул сквозь Альфу и был таков. Вернулся домой, я так думаю, где бы эта планета ни находилась, и рассказал там, что могут сделать двадцать человек с ручным оружием с сотней невооруженных существ.

Я подозревал, что в следующий раз тельциане будут лучше оснащены для ведения наземного боя. И я оказался прав.

Артур Чарлз Кларк

Длинный список работ, опубликованный Артуром Ч. Кларком, включает журнальные статьи, опубликованные в середине XX века и заложившие основы для создания спутников связи. Его работы, оказавшие влияние на научную фантастику, включают провидческий роман о судьбе человека во Вселенной «Конец детства», а также знаменитый фильм и романы, выросшие из него: «2001: Космическая одиссея», «2010: Вторая одиссея», «2061: Третья одиссея» и «3001: Последняя одиссея». Кларк — один из признанных мастеров «твердой» научной фантастики, и его романы «Пески Марса», «Лунная пыль» и «Фонтаны Рая» заслужили похвалу критики за скрупулезное внимание к научным деталям. В то же время он исследует метафизические и космологические последствия изучения космоса в романе «Свидание с Рамой», получившем премии «Хьюго» и «Небьюла», и в многократно переиздававшемся рассказе «Девять миллиардов имен Бога», давшем название одному из многочисленных сборников его короткой прозы, включающих «Дотянуться до завтра», «Другая сторона неба» и «Истории десяти миров». Среди научно-популярных бестселлеров Кларка — «Исследование космоса», «Черты будущего», «Вид с высоты». Он также является автором романов для подростков: «Острова в небе» и «Остров дельфинов». Его автобиография называется «Удивительные дни».

Абсолютное превосходство

Обращаясь к высокому суду с этим заявлением (которое я делаю совершенно добровольно), я хотел бы подчеркнуть со всей определенностью, что отнюдь не пытаюсь снискать сочувствие или как-то смягчить приговор. Я пишу эти строки, чтобы опровергнуть лживые сообщения, опубликованные в тех газетах, которые мне разрешено просматривать, и переданные по тюремному радио. Они рисуют в ложном свете истинную причину нашего поражения, и как главнокомандующий вооруженными силами системы во второй половине кампании вплоть до прекращения военных действий я считаю своим долгом заявить протест против клеветы и необоснованных обвинений в адрес тех, кто служил под моим началом.

Надеюсь также, что мое заявление объяснит, почему я уже дважды обращался к суду с прошением, и побудит удовлетворить мою просьбу, ибо я не усматриваю каких-либо поводов для отказа.

Основная причина нашего поражения проста. Несмотря на многочисленные уверения в обратном, мы потерпели поражение не из-за недостаточной храбрости наших солдат или неудачных действий флота. Мы потерпели поражение по одной-единственной причине: наука у нас находилась на более высоком уровне развития, чем у нашего противника. Повторяю, нам нанесла поражение отсталость науки нашего противника.

В начале войны ни у кого из нас не было сомнений в том, что окончательная победа будет за нами. Объединенные флоты наших союзников по численности и вооружению превосходили все, что враг мог выставить против нас,

и во всех областях военной науки преимущество было на нашей стороне. Мы были уверены, что такое же превосходство нам удастся поддерживать и впредь. Увы! Как показали последующие события, наша уверенность не имела под собой ни малейших оснований.

В начале войны на вооружении нашего флота находились дальнодействующие самонаводящиеся торпеды, управляемые шаровые молнии и различные модификации лучей Клайдона. Это было штатным оружием всех кораблей нашего космического флота, и, хотя враг располагал такими же средствами поражения, его установки по мощности, как правило, уступали нашим. Кроме того, в состав наших вооруженных сил входил научно-исследовательский центр, превосходивший по своим масштабам аналогичную организацию нашего противника, и мы уповали на то, что его высокий научный потенциал позволит нам сохранить начальное преимущество.

Кампания развивалась по разработанному нами плану вплоть до Битвы Пяти Солнц. Мы, разумеется, одержали тогда победу, но противник оказался сильнее, чем можно было ожидать. Стало ясно, что окончательная победа будет не столь легкой и быстрой, как мы рассчитывали. Для обсуждения нашей стратегии на будущее было созвано совещание представителей высшего командования.

На нем впервые за время войны присутствовал профессор адмирал Норден, новый начальник научно-исследовательского центра, назначенный на этот пост после смерти нашего выдающегося ученого Малвара. Эффективностью и мощью нашего оружия мы в большей мере, чем чему-нибудь или кому-нибудь другому, обязаны Малвару. Его смерть была для нас тяжелой потерей, но никто не сомневался в выдающихся достоинствах его преемника, хотя многие из нас считали неразумным назначение теоретика на пост, имеющий первостепенное значение для наших вооруженных сил. Но все наши возражения были отклонены.

Я хорошо помню, какое впечатление произвело выступление Нордена на том совещании. Военные советники были в затруднении и, как обычно, обратились за помощью к ученым. Можно ли усовершенствовать существующие

типы оружия, спросили они, чтобы еще более увеличить достигнутое ныне военное превосходство?

Ответ Нордена был совершенно неожиданным. Малвару часто задавали такой вопрос, и он всегда делал то, что его просили.

— Честно говоря, джентльмены,— заявил Норден,— сомневаюсь, чтобы дальнейшее усовершенствование привело к желаемым результатам. Существующие типы оружия доведены практически до совершенства. Я далек от мысли критиковать моего предшественника или великолепную работу, проделанную научно-исследовательским центром на протяжении жизни нескольких последних поколений, но хотел бы, чтобы вы осознали: за последние сто лет никаких существенных изменений в нашем вооружении не происходило. Боюсь, что такое стало возможным лишь вследствие традиции, не лишенной консерватизма. В течение слишком долгого времени научно-исследовательский центр, вместо того чтобы разрабатывать новые виды вооружения, занимался усовершенствованием старых образцов оружия. К счастью для нас, наш противник до сих пор поступал столь же неразумно, однако мы не можем надеяться на то, что так будет продолжаться вечно.

Слова Нордена возымели свое действие, на что он, несомненно, рассчитывал, и адмирал принялся развивать достигнутый успех.

— Нам просто необходимы новые, никогда ранее не применявшиеся виды оружия. Они могут и должны быть созданы. Это потребует времени. Вступив в должность, я отправил в отставку ряд ученых преклонного возраста, назначив вместо них способных молодых людей, и приказал приступить к исследованиям в нескольких новых областях, которые представляются весьма многообещающими. Я верю, что принятые мной меры возымеют должное действие и произведут подлинный переворот в военном деле.

Мы отнеслись к выступлению Нордена довольно скептически. Нас насторожили напыщенные нотки в его голосе. Многие заподозрили Нордена в непомерном честолюбии. Тогда мы еще не знали о его обыкновении сообщать

лишь о том, что находится в стадии окончательной доводки («у нас в лаборатории», как любил говаривать Норден).

Не прошло и месяца, как Норден доказал всем скептикам, что не бросает слов на ветер: он продемонстрировал Сферу Аннигиляции, приводившую к полному распаду вещества в радиусе нескольких сот метров. Завороженные мощью нового оружия, мы упустили из виду один его весьма существенный недостаток: Сфера Аннигиляции действительно была сферой и поэтому в момент возникновения разрушала и весьма сложную пусковую установку, находившуюся в ее центре. Ее нельзя было использовать на космических кораблях с экипажем на борту. Носителями Сферы Аннигиляции могли быть только управляемые ракеты, и мы приступили к развертыванию обширной и дорогостоящей программы по переделке всех самонаводящихся торпед под новое оружие. Все наступательные операции были на время приостановлены.

Теперь ни у кого не осталось сомнений в том, что, приняв подобное решение, мы совершили первую ошибку. Я по-прежнему склонен считать ее вполне естественной, поскольку нам тогда казалось, что имеющееся у нас оружие не сегодня-завтра окажется безнадежно устаревшим, и мы заранее смотрели на него как на примитивное и архаическое. Никто из нас не был в состоянии оценить грандиозность поставленной задачи и время, которое пройдет, прежде чем новое сверхоружие появится на поле битвы. Ведь ничего подобного за последние сто лет не происходило, и у нас не было нужного опыта, которым мы могли бы руководствоваться.

Переделка самонаводящихся торпед существующего образца оказалась задачей гораздо более трудной, чем предполагалось. Пришлось разработать торпеды нового типа, поскольку стандартный образец был слишком мал и не годился в качестве носителя. Увеличение габаритов торпед повлекло за собой увеличение тоннажа космических кораблей, но мы были готовы и на такие жертвы. Шесть месяцев спустя тяжелые корабли нашего флота были оснащены Сферой Аннигиляции. Учебные маневры и испытания показали, что тактико-технические данные нового оружия

удовлетворительны, и мы решили при случае применить его. Нордена стали на все лады превозносить как творца грядущей победы, и он в несколько завуалированной форме пообещал удивить всех еще более впечатляющим оружием.

Между тем произошли два неожиданных события. Во время тренировочного полета бесследно исчез один из наших космических линкоров. Как показало расследование, радар дальнего обзора мог привести в действие Сферу Аннигиляции сразу же после запуска самонаводящейся торпеды с борта корабля. Переделка, понадобившаяся для устранения этого дефекта, была ничтожной, но начало очередной кампании пришлось перенести из-за нее на месяц. К тому же она вызвала резкое ухудшение отношений между личным составом космического флота и учеными. Мы уже были готовы приступить к ведению боевых операций, когда Норден объявил о том, что радиус поражающего действия Сферы удалось увеличить в десять раз. Вероятность поражения вражеского корабля возрастала при этом в тысячу раз.

Мы снова занялись модификацией установок, но на этот раз все считали, что игра стоит свеч. А тем временем наш противник, обескураженный внезапным прекращением всех наступательных операций с нашей стороны, нанес нам неожиданный удар. На наших кораблях к тому времени не было ни одной самонаводящейся торпеды, так как наши военные заводы прекратили их поставку, и нам пришлось отступить. Так мы потеряли системы Кирены и Флорана, а также планету-крепость Рамсондрон.

Утрата была не столь велика, сколь болезненна, так как захваченные противником системы были недружественными и управлять ими было трудно. Мы не сомневались, что в скором будущем нам удастся возместить все потери — следует лишь запастись терпением и дождаться, когда к нам на вооружение поступит усовершенствованная модификация Сферы Аннигиляции.

Наши надежды сбылись лишь отчасти. Когда возобновились наступательные операции, то выяснилось, что мы располагаем меньшим количеством Сфер Аннигиляции, чем рассчитывали. Нехватка оружия была одной из при-

чин нашего ограниченного успеха. Другая причина была более серьезной.

Пока мы оснащали максимально возможное число кораблей всесокрушающим оружием, противник лихорадочно строил свой военный флот. Его корабли были старого типа и оснащены старым оружием, но по численности флот противника к тому времени уже превосходил наш флот. С началом боевых действий мы нередко стали сталкиваться с ситуациями, когда численность противника оказывалась вдвое больше ожидаемой, что приводило к путанице при наведении автоматического оружия и более высоким потерям с нашей стороны. Наш противник также нес тяжелые потери, поскольку если Сфера Аннигиляции срабатывала, то полное уничтожение цели достигалось в ста случаях из ста, но перевес в нашу пользу был не настолько велик, как мы надеялись.

Кроме того, пока наши главные силы были прикованы к основному театру военных действий, противник предпринял дерзкое нападение на охранявшиеся малыми силами системы Эристона, Дурана, Карманидора и Фаранидона и захватил их. Враг теперь стоял всего лишь в пятидесяти световых годах от нашего дома.

На следующем заседании высшего командования было высказано немало взаимных обвинений. Особенно много упреков пришлось выслушать Нордену. В частности, адмирал флота Таксарис заявил, что, полагаясь слепо на якобы всесокрушающее оружие, мы стали теперь значительно слабее, чем прежде. По его мнению, нам следовало продолжать строительство кораблей обычного типа, чтобы сохранить наше численное превосходство.

Норден возмутился и назвал представителей флотского командования неблагодарными «сапожниками». Но я думаю, что в действительности он, как и все мы, был обеспокоен неожиданным развитием событий. В своем выступлении он намекнул на то, что существует средство, позволяющее в кратчайшие сроки изменить ситуацию в нашу пользу.

Теперь-то мы знаем, что научно-исследовательский центр на протяжении многих лет работал над созданием

Анализатора боевой обстановки, но в ту пору он показался нам откровением, и совратить нас уже не стоило труда. К тому же аргументы Нордена, как всегда, были соблазнительно весомы. Какое значение может иметь двукратный численный перевес противника, вопрошал Норден, если боевая мощь наших кораблей возрастет вдвое или даже втрое? На протяжении десятилетий ограничивающим в военном деле был не механический, а биологический фактор: одиночному или даже коллективному разуму небольшой группы людей было не под силу уследить за всеми деталями быстро изменяющейся боевой обстановки в трехмерном пространстве. Математики, работавшие у Нордена, проанализировали некоторые военные действия, ставшие достоянием истории, и доказали, что даже в тех случаях, когда мы одерживали победу, боевая мощь наших кораблей из-за недостаточно эффективного управления использовалась менее чем на половину теоретического значения.

Анализатор боевой обстановки мог бы резко изменить ситуацию, заменив штабных офицеров электронными вычислительными машинами. Сама по себе идея была не нова, но до сих пор она относилась к разряду утопий. Многие из нас с трудом верили в ее осуществимость. Но когда мы провели с помощью Анализатора боевой обстановки несколько необычайно сложных штабных учений, нам не оставалось ничего другого, как уверовать.

Анализаторы было решено разместить на четырех самых тяжелых кораблях, с тем чтобы каждый из наших главных флотов располагал одним из них. Тут-то и началась неприятность, о которой мы узнали позже.

В Анализаторе было около миллиона электронных ламп. Для обслуживания его и работы на нем требовался персонал в пятьсот инженеров и техников. Разместить такое количество народа на борту боевого космического корабля не было решительно никакой возможности, поэтому каждому из четырех кораблей с Анализаторами был придан вспомогательный корабль, на борту которого находился в свободные от вахты часы обслуживающий персонал. Монтаж Анализатора также оказался трудоемкой операцией и про-

двигался медленно, но самоотверженными усилиями его удалось завершить за шесть месяцев.

Затем мы столкнулись с еще одной трудностью. Около пяти тысяч высококвалифицированных специалистов были отобраны для обслуживания Анализаторов и прошли интенсивную подготовку в Учебном центре технического состава. К концу седьмого месяца у 10 процентов слушателей врачи обнаружили нервное истощение, и только 40 процентов получили дипломы об окончании курсов.

И снова начались взаимные упреки и обвинения. Норден, разумеется, заявил, что научно-исследовательский центр не несет никакой ответственности, чем настроил против себя слушателей и профессорско-преподавательский состав Учебного центра. Наконец было принято решение использовать лишь два из четырех Анализаторов, а остальные ввести в строй, когда будет укомплектован весь штат обслуживающего персонала. Времени у нас оставалось в обрез. Противник не прекращал активных наступательных действий, и дух его заметно поднялся.

Первый флот с Анализатором на борту флагмана получил приказ захватить временно оккупированную противником систему Эристона. По случайному стечению обстоятельств корабль, на борту которого находились свободные от вахты инженеры и техники, по дороге к Эристону подорвался на блуждающей мине. Обычный военный корабль при таком взрыве уцелел бы, но вспомогательный корабль с его незаменимым грузом был полностью разрушен. Операцию по захвату Эристона пришлось отменить.

Вторая экспедиция поначалу протекала более успешно. Никто не сомневался, что Анализатор полностью оправдает надежды своих создателей и в первом же сражении враг понесет тяжелое поражение. Так и случилось. Враг отступил, оставив в наших руках Сафран, Лейкон и Гексанеракс. Но, должно быть, разведка противника обратила внимание на изменения в нашей тактике и необъяснимое присутствие вспомогательного корабля в центре наших боевых порядков. По-видимому, не прошло незамеченным и то обстоятельство, что во время первого похода в составе нашего флота также находился вспомогательный корабль неизвестного назначения и после гибели его весь флот незамедлительно лег на обратный курс.

В следующем сражении противник, используя свое численное превосходство, предпринял массированную атаку на флагман и сопровождающий его безоружный вспомогательный корабль. Неся большие потери, противник сумел уничтожить наш флагман. Наш флот, по существу, был обезглавлен, так как вернуться к старым методам управления оказалось невозможным. Под сильным огнем противника мы отступили, оставив в его руках то, что успели отвоевать раньше, а также системы Лоримии, Исмарна, Бероиса, Альфанидона и Сиденея.

Именно тогда адмирал флота Таксарис выразил свое неодобрение адмиралу Нордену, покончив жизнь самоубийством, и я принял верховное командование.

Ситуация была серьезной, больше того — было от чего прийти в ярость. С тупым упорством и полным отсутствием воображения враг продолжал одерживать победу за победой со своим старомодным и неэффективным космическим флотом, по численности уже намного превосходившим наш флот. Горько было сознавать, что если бы мы продолжали строить корабли старых типов, а не гнались за созданием нового оружия, то находились бы сейчас в более выгодном положении. На многочисленных совещаниях высшего командования Норден неизменно отстаивал ученых, которых многие считали виновниками всех бед. Трудность состояла в том, что Норден всегда досконально обосновывал каждое из своих утверждений. Какое бы несчастье ни произошло, у него всегда находились вполне удовлетворительные объяснения. Мы зашли так далеко, что даже не могли повернуть назад — поиск всесокрушающего оружия необходимо было продолжать. Сначала оно было своего рода роскошью, способной приблизить окончательную победу. Теперь оно стало необходимым, если мы вообще намеревались выиграть эту войну.

Мы, представители высшего командования, стояли за переход к обороне. Норден также ратовал за переход к обороне. Он был преисполнен решимости восстановить свой престиж и авторитет научно-исследовательского центра.

Но мы уже дважды испытали разочарование и не хотели повторять ту же ошибку еще раз. Никто не сомневался, что двадцать тысяч ученых, работающих у Нордена, в состоянии разработать новые виды оружия, но никто из нас не был однозначно уверен, что именно так оно и будет на самом деле.

Но мы жестоко заблуждались. Последний вариант сверхоружия превосходил все доступное человеческому воображению. Трудно было поверить в то, что такое оружие вообще существует. Оно носило невинное, ничего не говорящее название Экспоненциального Поля, не раскрывавшее таившихся в нем реальных возможностей. Кто-то из работавших у Нордена математиков открыл Экспоненциальное Поле во время чисто теоретического исследования свойств пространства. Ко всеобщему удивлению, оказалось, что полученные результаты физически реализуемы.

Объяснить непосвященному принцип действия Экспоненциального Поля очень трудно. На языке, доступном специалисту, этот принцип формулируется так: «Создание особого (экспоненциального) состояния пространства, в котором расстояние, конечное в обычном (линейном) пространстве, может стать бесконечным в псевдопространстве». Норден привел аналогию, которая многим из нас прояснила суть дела. Представьте себе плоский диск из резины. Этот диск соответствует области обычного пространства. Потянем диск за центр и удалим центр в бесконечность. Окружность, ограничивающая диск, останется при этом неизменной, а его «диаметр» возрастет до бесконечности. Нечто подобное и проделывает генератор Экспоненциального Поля с окружающим пространством.

Предположим, например, что корабль, на борту которого находится такой генератор, со всех сторон окружен вражескими кораблями. Стоит включить Поле, и каждому из вражеских кораблей покажется, что наш корабль и корабли, находящиеся по другую сторону от нашего корабля, исчезли, обратившись в ничто. При этом граница круга останется прежней, только путешествие к центру круга потребует бесконечного времени, так как по мере приближения к центру все расстояния будут возрастать из-за изменившейся метрики пространства.

Экспоненциальное Поле было невероятно, фантастично, но чрезвычайно полезно для нас. Корабль с генератором Экспоненциального Поля на борту был недосягаем для противника. Его мог окружить вражеский флот, но он все равно оставался вне всякой опасности, как если бы противник находился на другом конце Вселенной. Правда, боевое применение Экспоненциального Поля наталкивалось на определенные трудности: не выключив генератор Поля, наш корабль не мог вести огонь по противнику. Тем не менее Экспоненциальное Поле обеспечивало нам важное преимущество не только в обороне, но и в наступлении: корабль с генератором Поля на борту мог скрытно приблизиться к неприятельскому флоту и совершенно неожиданно для противника оказаться среди его боевых порядков.

На этот раз нам казалось, что новое оружие лишено серьезных изъянов. Вряд ли нужно говорить о том, что, прежде чем принять Экспоненциальное Поле на вооружение, мы тщательно обсудили все доводы за и против. К счастью, необходимое оборудование было исключительно простым и для обслуживания его не требовалось многочисленного персонала. После продолжительных дебатов было решено запустить новое оружие в производство. Нам приходилось поторапливаться, ибо события развивались не в нашу пользу. К тому времени мы потеряли почти все, что нам удалось завоевать когда-то, и вражеские силы совершили несколько рейдов в нашу собственную солнечную систему.

Была поставлена стратегическая задача: любой ценой продержаться и выиграть время, необходимое для перевооружения флота и производства новой военной техники. Для боевого применения Поля необходимо было обнаружить противника, определить курс для его перехвата и включить генератор Поля с заданным упреждением. К моменту срабатывания генератора Поля, если бортовой компьютер выдал правильные расчетные данные, корабль-носитель должен был находиться в глубине боевых порядков против-

ника, нанести ему удар, тяжесть которого усугубило бы неизбежное замешательство, и в случае необходимости лечь на обратный курс и благополучно вернуться назад.

Первые же учения дали удовлетворительные результаты. Оборудование казалось абсолютно надежным. Были произведены многочисленные учебные атаки, и экипажи наших кораблей в совершенстве овладели новой техникой. Я принимал участие в одном из испытательных полетов и хорошо помню странное ощущение, возникшее у меня при включении генератора. Корабли, шедшие рядом в боевом ордере, внезапно как бы оказались на поверхности быстро расширяющегося мыльного пузыря. Какой-то миг — и они скрылись из виду. Вслед за кораблями исчезли и звезды, но Галактика смутно угадывалась по слабым пучкам света вокруг корабля. В действительности радиус нашего псевдопространства не обращался в бесконечность, а достигал лишь нескольких сотен световых лет, поэтому при включении Экспоненциального Поля расстояния до наиболее далеких звезд увеличивались незначительно. Ближайшие же звезды исчезали из виду.

Учебные маневры пришлось преждевременно прервать из-за нескончаемых мелких неисправностей в различных узлах установки, главным образом в цепях связи. Неполадки доставляли нам массу хлопот и неприятностей, но не были сколько-нибудь существенными, хотя для устранения их было решено вернуться на базу.

К тому времени стало очевидным, что противник намеревается нанести решающий удар по планете-крепости Нтоп, расположенной у самых границ нашей солнечной системы. Нашему флоту пришлось покинуть базу и отправиться на сближение с противником, так и не устранив множества неисправностей.

Противник, вероятно, решил, что мы овладели секретом невидимости (в каком-то смысле так оно и было): наши корабли возникали совершенно неожиданно из «ничего» и наносили врагу ощутимый урон. Однако достигнутый нами успех оказался временным. Вскоре произошло нечто совершенно непонятное и необъяснимое.

Когда начались неприятности, я командовал флагманом нашего флота, космическим кораблем «Гиркания». Корабли в составе флота действовали в режиме свободного поиска: каждый должен был найти и поразить свои цели. Наши локаторы обнаружили скопление противника на средней дистанции. Офицеры наведения измерили с высокой точностью расстояние до цели. Мы проложили курс и включили генератор.

Экспоненциальное Поле возникло в тот момент, когда мы должны были оказаться в самом центре группировки противника. К нашему ужасу, придя в заданную точку, мы оказались в обычном пространстве на расстоянии многих сотен миль от противника: когда мы обнаружили противника, противник обнаружил нас. Мы отступили и повторили маневр. На этот раз мы оказались так далеко от противника, что он обнаружил нас первым.

Всем стало ясно, что мы допустили где-то серьезный просчет. Нарушив радиомолчание, мы попытались установить связь с другими кораблями нашего флота, чтобы узнать, не испытывают ли они аналогичного затруднения. И снова нас подстерегала неудача, на этот раз совершенно необъяснимая, так как все приборы связи работали бесперебойно. Оставалось лишь предположить, хотя такое предположение выходило за рамки разумного, что все остальные корабли нашего флота уничтожены противником.

Не буду описывать, как рассеянные в космическом пространстве корабли нашего флота по одному возвратились на базу. Скажу только, что, хотя потери были невелики, личный состав был полностью деморализован. Почти все корабли потеряли связь друг с другом, обнаружилось, что их локаторы позволяют определять дистанцию до цели лишь с колоссальными, необъяснимыми ошибками. Стало ясно, что столь сильные возмущения вызваны Экспоненциальным Полем, хотя возникали они лишь после его выключения.

Объяснение пришло слишком поздно, поэтому проку от него было немного. И то, что Норден в конце концов все же потерпел поражение, было слабым утешением за проигрыш в войне. Как я уже объяснял, генераторы Поля

вызывали деформацию пространства в радиальном направлении: по мере приближения к центру искусственной псевдосферы расстояния возрастали. При выключении Поля пространство возвращалось в исходное состояние.

Но не совсем. Полностью восстановить исходное состояние было невозможно. Включение и выключение Поля было эквивалентно растяжению и сжатию корабля-носителя, но вследствие эффекта гистерезиса начальное условие из-за наводок, электрических зарядов и перемещений масс на борту корабля при включении Поля оказывалось невоспроизводимым. Все эти отклонения и искажения накапливались, и, хотя они по величине редко превосходили долю процента, их было вполне достаточно, чтобы нарушить тонкую регулировку радиолокационной аппаратуры и средств связи. Обнаружить изменения на каком-нибудь отдельном корабле не представлялось возможным. Остаточные «деформации» проявлялись лишь при сравнении оборудования одного корабля с аналогичным оборудованием другого корабля или при попытке войти в связь с другим кораблем.

Непредсказуемые изменения в жизненно важных узлах кораблей породили неописуемый хаос и неразбериху. Все модули и компоненты утратили взаимозаменяемость: нормальное функционирование любого узла на борту одного корабля отнюдь не гарантировало его безотказность на борту другого. Нарушилась взаимозаменяемость даже болтов и гаек. Определить местоположение своего корабля или координаты цели стало решительно невозможно. Будь у нас хоть немного времени, мы непременно справились бы со всеми этими трудностями, но неприятельские корабли уже тысячами шли на нас, атакуя оружием, которое казалось устаревшим на несколько веков по сравнению с нашим сверхсовременным вооружением. Наш доблестный флот, мощь которого была подорвана нашей собственной наукой, сражался из последних сил, но был вынужден отступить под ударами превосходящего по численности противника и сдаться на милость победителя. Корабли, оснащенные генераторами Поля, оставались по-прежнему недосягаемыми для противника, но как боевые единицы они не представляли никакой ценности. Каждый раз, когда они включали генератор, чтобы скрыться от противника, остаточная деформация оборудования возрастала еще больше. Через месяц все было кончено.

Такова подлинная история нашего поражения. Я изложил ее без прикрас, отнюдь не стремясь снискать сочувствие и склонить в свою пользу членов высокого суда. Мое заявление, как уже говорилось, я прошу рассматривать как протест против вздорных и безосновательных обвинений, выдвигаемых несведущими людьми против тех, кто служил под моим началом, и как попытку указать истинного виновника постигших нас неудач.

Наконец, я прошу рассматривать мое заявление как покорнейшую просьбу. Как явствует из вышеизложенного, моя просьба продиктована весьма вескими соображениями и, я надеюсь, будет удовлетворена высоким судом.

Достопочтенные судьи, разумеется, понимают, что условия, в которых мы находимся, и неусыпный надзор днем и ночью действуют угнетающе. Однако я на это не жалуюсь, равно как не сетую и на тесноту, вынудившую разместить нас по двое в камере.

Но я снимаю с себя всякую ответственность, если и впредь мне придется находиться в одной камере с профессором Норденом, бывшим начальником научно-исследовательского центра вверенных мне вооруженных сил.

Орсон Скотт Кард

Блестящие романы Орсона Скотта Карда «Игра Эндера» и его продолжение «Голос Тех, Кого Нет» вошли в историю научной фантастики, впервые завоевав сразу обе премии «Хьюго» и «Небьюла» два раза подряд.

Вместе с романами «Ксеноцид» и «Дети разума» они составили одну из наиболее прославленных саг в современной научной фантастике, детально продуманное, затрагивающее основы этики исследование последствий войны, геноцида и моральной ответственности человека.

Большинство произведений Карда в жанрах фэнтези и научной фантастики дополняют друг друга и образуют длинные изобретательно написанные циклы произведений. Такие как «Хроники Вортинга», рассказывающие об откровениях мессии, лидера космической колонии, или многотомная серия о Мастере Элвине, которая рассказывает историю простых людей, живущих в альтернативной Америке. Проникновенные рассказы Карда собраны под одну обложку в «Картах в зеркале». Он также является автором исторического романа «Женщина судьбы», готико-мистических романов «Потерянные мальчики», «Шкатулка с драгоценностями», «Дом с призраками» и получившего премию «Хьюго» руководства «Как писать научную фантастику и фэнтези».

— Подходя к двери, вы должны помнить одно — вражеские ворота внизу. Если вы выйдете так, словно собрались на прогулку, вы будете отличной мишенью и вам тут же нанесут удар.

Эндер Вигинс замолчал и оглядел свое воинство. Большинство явно нервничали. Некоторые смотрели на него понимающе. Другие — угрюмо и недовольно.

То был первый день занятий с новой армией, составленной исключительно из учебных групп, только-только со школьной скамьи. Эндер уже успел позабыть, какими маленькими могут быть такие ребята. Он занимался в Боевой Школе уже три года, они — всего шесть месяцев, и в их группе не было никого старше девяти лет. А теперь он — их командир, назначенный на полгода раньше обычного срока, ведь ему самому всего одиннадцать с половиной. Да, он командовал взводом и знал несколько полезных трюков, но в его новой армии было сорок солдат. Неопытных. Все они меткие стрелки, все в прекрасной форме — иначе они бы здесь и не очутились,— однако они еще никогда не участвовали в боевых сражениях.

— Помните,— продолжал Эндер,— вас не увидят, пока вы не выйдете за дверь. Но стоит вам появиться, и на вас нападут. Поэтому, выходя, вы должны принять самую удобную позу. Лучше всего вниз головой.— Он указал на угрюмого мальчика, которому на вид было не больше семи, самого младшего из всех.— А почему вниз головой, новобранец?

— Потому что вражеские ворота внизу,— последовал быстрый ответ.

У-у, какой сердитый.

— Имя, парень?

— Боб.

— Тебя так прозвали за маленький рост или за маленькие мозги?

Боб не ответил, остальные сдержанно засмеялись. Эндер сделал правильный выбор. Парнишка был младше остальных и все же оказался здесь, значит, башковитый. Остальные не питают к нему нежных чувств и счастливы увидеть, как его шпыняют. В точности так, как Эндера шпынял его первый командир — не слишком сильно.

— Что ж, Боб, ты все правильно понял. Теперь вот что. Любой, выходя из двери, имеет крупный шанс схлопотать удар. И что тогда случится? Тогда та часть тела, на которую пришелся удар, замерзнет, потеряет чувствительность — вот что. Хорошо, если это будут ноги. Если удар придется по ногам и они замерзнут, при нулевой гравитации это не страшно.— Эндер повернулся к одному из ошеломленных новичков.— Скажи, для чего нужны ноги? А?

Непонимающий взгляд. Смятение в глазах. Ни бе, ни ме...

— Ладно, не мучайся. А что ответит на мой вопрос Боб?

— Ноги нужны, чтобы отталкиваться от стены,— со скучающим видом ответил тот.

— Спасибо, Боб. Все усвоили? — Похоже, усвоили, и не только из ответа Боба.— Все верно. Вы не можете видеть ногами, вы не можете стрелять ногами, по большей части они только помеха. Но если они будут торчать на виду и замерзнут, вы превратитесь в дирижабль, не сможете скрыться. Ну, так куда нужно девать ноги?

На этот раз ответили сразу несколько человек, явно торопясь показать, что не один Боб тут что-то сечет.

— Их надо поджать.

— Согнуть.

— Правильно. Это — щит. Вы сгибаете колени, и тогда ваши ноги служат щитом. А теперь усвойте вот что: даже если ваши ноги замерзли, вы все равно можете уйти. Никто не знает этого трюка, кроме меня,— но я вас научу.

Эндер Виггинс достал «пистолет»; конечно, никакой это был не пистолет, а нечто вроде фонарика, который вспыхнул бледно-зеленым светом. Потом Эндер всплыл вверх в невесомости Боевого зала, подогнув ноги так, словно стоял на коленях, и выстрелил в них из «пистолета». Луч заставил задеревенеть его штанины от ступней до колен; теперь он не мог разогнуть ноги.

— О'кей, я заморожен, видите?

Эндер проплыл над головами своих учеников, которые в замешательстве смотрели на него. Потом ухватился за поручень за своей спиной и подтянулся к стене.

— Я прижался к стене, видите? Если бы у меня работали ноги, я бы выстрелил собой, как бобом из духовой трубки, верно?

Ребята засмеялись.

— Однако ног у меня сейчас все равно что нет, и это даже к лучшему, понимаете? Сейчас покажу почему.— Эндер согнулся, с силой выпрямился, мгновенно перелетел через весь Боевой зал и обратился к ним уже от противоположной стены.— Дошло? Руки у меня в порядке, поэтому я могу стрелять. И ноги не тащатся за мной, растянувшись на пять футов. Посмотрите еще раз.

Он проделал все заново и ухватился за поручень на стене рядом с учениками.

— И я хочу, чтобы вы делали это не только тогда, когда у вас не действуют ноги. Я хочу, чтобы вы делали это, даже когда с ногами у вас все в порядке. Потому что так удобнее. И потому что враги этого не ожидают. Давайте, взлетайте и сгибайте колени.

Большинство взлетели спустя несколько секунд, замешкавшихся Эндер заморозил, и те беспомощно повисли в воздухе. Остальные рассмеялись.

— Если я отдаю приказ, его нужно выполнять немедленно, ясно? Когда настанет пора выходить за дверь, я буду отдавать приказы каждые две секунды. И когда вы услышите приказ, вам лучше тут же очутиться снаружи, ведь тот, кто окажется первым, победит, если он, конечно, не дурак. Я, например, не дурак. И вам лучше не быть дураками, не то я отправлю вас обратно в учебные классы.—

Некоторые нервно сглотнули, замороженные испуганно смотрели на него.— Я обращаюсь к тем, кто сейчас висит и не может двинуться. Внимание! Вы разморозитесь через пятнадцать минут, и тогда посмотрим, сможете ли вы догнать остальных.

Следующие полчаса ученики тренировались сгибаться и отталкиваться от стены. Эндер остановил их, когда увидел, что они ухватили идею. Кажется, ему досталась неплохая группа. А со временем она станет еще лучше.

— Разминка закончена,— объявил он.— Приступаем к работе.

После занятий Эндер вышел последним: он задержался, помогая отрабатывать технику самым нерасторопным. Его бойцы прошли хорошую школу, но, как и бойцы всех других армий, имели разные способности. Некоторые могли стать в сражении настоящей помехой.

А ведь никто не мог сказать, когда будет их первый бой — может, через несколько недель, а может, завтра. Расписания никто никогда не знал, командир просто просыпался поутру и находил у своей койки записку, где указывалось время сражения и имя противника. Поэтому первое время Эндеру придется гонять своих парней и в хвост и в гриву, пока они не придут в форму, причем все до единого. Они должны быть готовы ко всему и в любое время суток. Стратегия — штука хорошая, но грош ей цена, если бойцы не могут вынести тягот войны.

Направляясь в жилой отсек, Эндер столкнулся с Бобом, тем самым семилетним парнишкой, которого успел приметить сегодня. Похоже, с ним будет непросто, а сейчас Эндер был не в настроении разбираться с проблемами.

— Привет, Боб.

— Привет, Эндер!

Пауза.

— Сэр,— мягко поправил Эндер.

— Сейчас мы не на службе.

— В моей армии, Боб, все и всегда на службе.— С этими словами Эндер прошел мимо.

За его спиной прозвенел тонкий голосок Боба:

— Я знаю, чего вы добиваетесь, Эндер... сэр, и хочу вас предостеречь.

Эндер медленно повернулся.

— Предостеречь меня?

— Я самый лучший солдат вашей армии, поэтому и обращаться со мной нужно лучше.

— Не то — что? — в улыбке Эндера появилась угроза.

— Не то я стану самым худшим вашим солдатом. Третьего не дано.

— И чего ты от меня ждешь? Любви и поцелуев? — Эндер начал злиться.

Боба, похоже, ничуть это не взволновало.

— Я хочу получить под командование взвод.

Эндер подошел к нему и заглянул в глаза.

— Я дам под командование взвод тому, кто докажет, что он чего-то стоит,— сказал он.— Тому, кто будет хорошим солдатом, сумеет выполнять приказы, в сложной ситуации будет думать самостоятельно и завоюет уважение остальных. Именно так я сам и сделался командиром. И именно так ты получишь под командование взвод, и никак иначе. Тебе понятно?

Боб улыбнулся.

— Это справедливо. Если вы сдержите слово, я буду командовать взводом не позже чем через месяц.

Эндер ухватил его за форму и прижал к стене.

— Если я говорю «да», Боб, это значит «да».

Боб только улыбнулся.

Эндер отпустил его и ушел не оглядываясь. Он и без того знал, что Боб смотрит ему вслед со слегка пренебрежительной улыбкой. Может, из парня и впрямь получится хороший взводный, с этого дня Эндер будет очень внимательно за ним следить.

Капитан Графф, шести футов ростом, склонный к полноте, откинулся в кресле, поглаживая живот. Напротив него сидел лейтенант Андерсон, стараясь привлечь внимание капитана к пикам диаграммы.

— Вот, смотрите, капитан,— говорил Андерсон.— Эндер уже использует тактику, которая позволит ему одолеть

любого противника. Он добился того, что его солдаты передвигаются вдвое быстрей.

Графф кивнул.

— И вам известны результаты его теста — он отлично соображает.

Графф улыбнулся.

— Верно, верно, Андерсон. Он прекрасный, многообещающий ученик.

Они помолчали.

Графф вздохнул.

— И чего же вы от меня хотите?

— Эндер именно тот, кто нам нужен. Наверняка.

— Ему всего одиннадцать лет, лейтенант. Ради бога, чего вы хотите — чуда?

— Я хочу, чтобы начиная с завтрашнего дня он сражался каждый божий день. Я хочу, чтобы за месяц он приобрел такой опыт сражений, какой обычно приобретают за год.

Графф покачал головой.

— Его солдаты слягут.

— Нет, сэр. Они в прекрасной форме. И нам нужен Эндер.

— Позвольте поправить вас, лейтенант. Вы думаете, что Эндер — тот, кто нам нужен.

— Хорошо, я думаю именно так. Но кто же еще, если не он?

— Не знаю, лейтенант.— Графф провел рукой по почти лысой, покрытой редким пушком голове.— Они ведь дети, Андерсон. Вы отдаете себе в этом отчет? В армии Эндера нет ни одного солдата старше девяти лет. И вы хотите бросить их против старших? И целый месяц гонять через ад?

Лейтенант Андерсон еще ниже согнулся над столом.

— Вспомните о результатах тестов Эндера, капитан!

— Да видел я эти проклятущие результаты, черт побери! Я наблюдал его в сражении, прослушивал записи его занятий. Я даже следил, как он спит, слушал записи его разговоров в коридорах и душевых. Я знаю об Эндере Виггинсе больше, чем вы можете себе вообразить! И всем на-

копленным фактам, свидетельствующим о его несомненных талантах, могу противопоставить лишь одно соображение. Как вы думаете, каким будет Эндер через год, если я с вами соглашусь? Мне сдается, он полностью выдохнется и станет ни на что не годен, потому что ему придется выкладываться больше, чем любому из его солдат. Однако это не довод, лейтенант, ведь война продолжается, мы потеряли самого талантливого нашего командующего, и самые тяжелые бои еще впереди. Поэтому я даю согласие на то, чтобы Эндер сражался каждый день всю следующую неделю. Потом доложите мне, что из этого вышло.

Андерсон встал и отдал честь.

— Спасибо, сэр.

Он был уже у двери, когда услышал оклик Граффа, и обернулся.

— Андерсон,— сказал Графф,— вы выходили наружу? В последнее время, я имею в виду?

— Нет, с тех пор, как вернулся из отпуска полгода назад, не выходил.

— Да? Странно. Впрочем, не важно. Вы бывали в Бимен-парке, здесь, в этом городе? А? Прекрасный парк. Деревья. Трава. Никакой нулевой гравитации, никаких сражений, никаких тревог. И знаете, что еще есть в Бимен-парке?

— Что, сэр? — спросил лейтенант Андерсон.

— Дети.

— Это само собой.

— Я имею в виду ребятишек, которых матери будят каждое утро. Эти дети встают, отправляются в школу, а после идут в Бимен-парк и играют. Они счастливы, они часто улыбаются, смеются, забавляются. Так?

— Ясное дело, сэр.

— Это все, что вы можете сказать, Андерсон?

Лейтенант откашлялся.

— Хорошо, когда дети имеют возможность забавляться, сэр. Я сам так делал, когда был ребенком. Однако сейчас миру нужны солдаты. И другого способа получить их у нас нет.

Графф кивнул и закрыл глаза.

— Вы правы — если судить по статистическим выкладкам и умным теориям. Они, черт побери, срабатывают, и с системой тоже все в порядке, но ведь Эндер старше меня! Он уже больше не ребенок. Он теперь вряд ли даже человек.

— Если это правда, сэр, то, по крайней мере, у нас нет никаких сомнений — Эндер делает все возможное, чтобы его сверстники могли играть в парке.

— Конечно, Иисус тоже умер, чтобы спасти человечество...— Графф выпрямился и грустно посмотрел на Андерсона.— Но мы... Мы ведь те, кто забивает гвозди в крест.

Эндер Виггинс лежал, глядя в потолок. Он никогда не спал больше пяти часов, хотя лампы выключали в 22.00 и не включали до 06.00. Он просто смотрел в потолок и думал.

Он занимался со своей армией уже три с половиной недели. Армия Драконов — такое название она получила, не слишком удачное. Судя по отчетам, девять лет назад какая-то Армия Драконов выступила довольно успешно, однако все последующие годы армии с таким названием оказывались самыми слабыми, и в конце концов, просто из суеверия, армии перестали так называть. До недавнего времени.

«Однако теперь,— с улыбкой подумал Эндер,— Армия Драконов удивит всех».

Дверь открылась.

Эндер не шевельнулся.

Он слышал, как кто-то вошел, как дверь снова закрылась, когда посетитель покинул комнату. Едва негромкие шаги в коридоре стихли, Эндер повернулся на бок и, увидев на полу листок бумаги, поднял его.

«Армия Драконов против Армии Кроликов, Эндер Виггинс и Карн Карби, 07.00».

Первое сражение.

Эндер выбрался из постели и быстро оделся. Пройдя по комнатам взводных, он велел им поднять ребят, и через пять минут все собрались в коридоре, сонные и вялые.

— Первое сражение будет с Армией Кроликов в 07.00,— негромко заговорил Эндер.— Я уже дважды с ними сражался, но теперь у них новый командир, о котором я ничего не знаю. Они старше нас, зато мне известны кое-какие их уловки. Взбодритесь. Побегайте, вдвое быстрей, чем обычно. Разогреваться будем в Третьем Боевом зале.

Полтора часа они вкалывали как проклятые. Провели три учебных сражения, позанимались гимнастикой в коридоре, вне зоны нулевой силы тяжести. Потом пятнадцать минут полежали в невесомости, отдыхая.

В 06.50 Эндер всех поднял, ребята высыпали в коридор. Эндер побежал во главе своей армии, время от времени подпрыгивая и дотрагиваясь до световой панели на потолке. Мальчишки повторяли его движения.

В 06.58 они собрались у своих ворот в Боевом зале.

Взводы C и D ухватились за первые восемь поручней на потолке коридора. Взводы A, B и E припали к полу. Эндер сунул ноги под два поручня в центре потолка, чтобы никому не мешать.

— Где вражеские ворота? — прошипел он.

— Внизу! — прошептали все в ответ и засмеялись.

— Включить оружие!

«Пистолеты» вспыхнули зеленым. Им пришлось подождать еще несколько минут, а потом серая стена впереди растаяла, и перед ними открылся Боевой зал.

Эндер мгновенно оценил обстановку. Сейчас зал смахивал на знакомую по ранним играм крупноячеистую решетку с разбросанными по ней семью-восемью большими кубами, так называемыми «звездами». Позиции перед ними были очень удобны.

— Летите к ближайшим «звездам»,— прошептал Эндер, мгновенно приняв решение.— Взвод E — за мной!

Четыре взвода ворвались в Боевой зал через силовое поле дверного проема. Враги еще не успели появиться из ворот на противоположной стене, а армия Эндера уже летела от своей двери к ближайшим «звездам».

В зале показались вражеские солдаты, и им сразу пришлось круто, поскольку они еще не успели сориентиро-

ваться, к тому же пролетали сквозь дверной проем стоя, представляя собой отличные мишени.

— Взвод Е, огонь! — прошипел Эндер, стреляя из «пистолета», зажатого между коленями согнутых ног.

Пока взвод Эндера плыл по комнате, остальная Армия Драконов поливала врагов заградительным огнем, в результате чего взвод Е вырвался на передовую позицию, потеряв лишь одного солдата — его полностью заморозили, в то время как остальным ничуть не мешали передвигаться замороженные ноги.

Потом наступила недолгая передышка, пока Эндер и его противник, Карн Карби, оценивали положение. Если не считать тех, кого вывели из строя возле дверей, у Кроликов было мало пострадавших, и обе армии сохраняли боевую готовность. Однако Карн не отличался оригинальностью мышления — он просто расставил своих солдат по всем четырем углам зала, до чего додумался бы любой пятилетка в учебных классах. Эндер отлично знал, как нанести поражение при такой расстановке сил.

— Взвод Е прикрывает,— громко скомандовал он.— Взводы А и С — вниз. Взводы В и D — к восточной стене.

Под прикрытием взвода Е взводы В и D ринулись прочь от своих «звезд». Взводы А и С тоже оставили позиции и переместились к ближайшей стене. Достигнув цели, обе группы одновременно проделали трюк с отталкиванием от стены. Летя вдвое быстрее обычного, они неожиданно возникли позади вражеских «звезд» и открыли огонь. Спустя несколько секунд сражение было закончено — почти все враги оказались заморожены, включая командира, а остальные разбежались по углам. В течение следующих пяти минут, разбившись группами по четыре человека, Армия Драконов очистила темные углы Боевого зала от врагов и согнала пленных в центр, где те плавали, сталкиваясь друг с другом, замороженные в самых невероятных позах.

Потом Эндер с тремя мальчиками подлетел к вражеским воротам. Они одновременно прижали свои шлемы к четырем углам ворот противника, что привело к одностороннему реверсированию поля и дало сигнал к формальному завершению боя.

Наконец Эндер собрал своих бойцов возле замороженных солдат Армии Кроликов.

У Драконов только трое бойцов оказались полностью выведены из строя. Конечный счет — тридцать восемь—ноль — был таким ошеломляющим, что Эндер расхохотался. Армия Драконов присоединилась к его смеху и хохотала громко и долго. Мальчики все еще веселились, когда из учительских ворот на южном конце Боевого зала появились лейтенанты Андерсон и Моррис.

Лейтенант Андерсон не улыбался, но Эндер заметил, как тот подмигнул, сохраняя обычное строгое выражение лица и протягивая руку, чтобы, как всегда, поздравить победителя.

Моррис нашел Карна Карби и разморозил его. Тринадцатилетний мальчик подошел к Эндеру, который беззлобно рассмеялся и протянул руку. Карн, склонив голову, пожал руку своему победителю; если бы он этого не сделал, его заморозили бы снова.

Лейтенант Андерсон отпустил Драконов, и они молча покинули Боевой зал через вражеские ворота; это тоже было частью ритуала. На северной стороне квадратных ворот замигал свет, показывая, где в расположенном за ними коридоре находится «низ».

Эндер первым перевернулся и прошел, а не пролетел через силовое поле. Его солдаты поступили точно так же и бегом вернулись в тренировочный зал. Там они построились по отделениям, а Эндер повис в воздухе, разглядывая их.

— Для первой битвы неплохо,— сказал он. В ответ раздались радостные возгласы, но он быстро восстановил тишину.— Армия Драконов действовала правильно. Однако враг не всегда будет таким слабым, как сегодня. Если бы против нас сражалась сильная армия, мы бы не отделались так легко. Да, мы бы все-таки победили, но понесли бы куда бóльшие потери. Теперь давайте посмотрим, как действовали взводы В и D. Вы летели от «звезд» слишком медленно. Если бы Кролики умели как следует стрелять, вас заморозили бы еще до того, как взводы А и С добрались бы до стены...

Весь остаток дня они тренировались.

Этим вечером Эндер впервые пошел в командирскую столовую. Туда позволялось ходить только тем, кто одержал хотя бы одну победу, и Эндер оказался самым молодым командиром, добившимся такой чести. Поначалу на его появление мало кто обратил внимание, но потом некоторые заметили на его нагрудном кармане изображение Дракона и принялись разглядывать новичка. Когда Эндер получил свой поднос и сел за пустой столик, в столовой стояла тишина, все смотрели на него.

Он взглянул на дверь, через которую только что вошел: над ней во всю стену висело огромное табло рейтингов. Табло показывало, с каким счетом проиграл или победил каждый командир; сражения сегодняшнего дня светились красным. Их было всего четыре. Остальные армии одержали победу с огромным трудом — лучший из командиров к концу игры сохранил только двух не замороженных вовсе и лишь одиннадцать замороженных частично. Счет армии Драконов — тридцать восемь полностью боеспособных солдат — выглядел блистательным до неправдоподобия.

Других новеньких встречали в командирской столовой приветственными криками и поздравлениями. Но другие новенькие не победили со счетом тридцать восемь—ноль.

Эндер нашел на доске Армию Кроликов — и с удивлением выяснил, что к сегодняшнему дню Карн Карби одержал восемь побед и потерпел всего три поражения. Был ли он и в самом деле хорошим полководцем или просто сражался против более слабого противника? Как бы то ни было, кроме сегодняшнего у Карна бывали и другие поражения, после которых весь его состав оказывался замороженным, и Эндер, усмехаясь, опустил глаза.

Никто не улыбнулся в ответ, и Эндер понял, что здесь его боятся, а следовательно, ненавидят. Что ж, значит, все, кому впредь придется сражаться с Армией Драконов, будут напуганы, злы и, стало быть, более уязвимы.

Эндер поискал глазами Карна Карби и увидел его в толпе неподалеку. Он не сводил с Карби пристального взгляда, и в конце концов другие мальчики стали подталкивать командира Кроликов, указывая на Эндера. Эндер снова улыбнулся и помахал рукой, а когда Карби покраснел, с довольным видом склонился над столом и стал есть.

К концу недели Армия Драконов имела на счету семь сражений и столько же побед. Ни в одной игре у Эндера не заморозили больше пяти человек. Остальные командиры уже не могли делать вид, что не замечают новенького; некоторые подсаживались к его столу и спокойно обсуждали стратегию его противников, другие — большинство — предпочитали разговаривать с побежденными, пытаясь выведать, что такого особенного в тактике Эндера.

Однажды во время обеда учительская дверь распахнулась, и все смолкли, когда в комнату вошел лейтенант Андерсон. Оглядев собравшихся и заметив Эндера, он быстрым шагом пересек комнату и что-то прошептал мальчику на ухо. Эндер кивнул, допил воду и ушел вместе с лейтенантом, который мимоходом вручил одному из старших листок бумаги. Едва Андерсон и Эндер покинули комнату, все снова зашумели.

Эндера провели по коридорам, где он еще никогда не бывал. Их, в отличие от солдатских коридоров, не озарял мерцающий голубой свет; на полу лежали ковры, стены были обшиты деревянными панелями. Двери тоже оказались деревянными, на каждой висела табличка, и табличка на той, перед которой они остановились, гласила: «Капитан Графф, инспектор».

Андерсон негромко постучал, низкий голос изнутри ответил:

— Войдите.

Они вошли. Капитан Графф сидел за письменным столом, сложив руки на объемистом животе. Он кивнул, а когда Андерсон сел, откашлялся и сказал:

— Со времени твоего первого сражения, Эндер, прошло семь дней.

Эндер промолчал.

— И ты одержал семь побед, по одной каждый день.

Эндер кивнул.

— Ты одержал эти победы с необычайно высоким счетом.

Эндер сощурился.

— Как ты добиваешься такого результата? — спросил Графф.

Эндер покосился на Андерсона и ответил:

— Я придумал два новых тактических приема, сэр. Ноги сгибаются в коленях и служат щитом, поэтому в случае попадания только они и теряют подвижность. Второй трюк — умение отталкиваться от стены. Высшая стратегия, как учил лейтенант Андерсон, состоит в том, чтобы думать о месте, а не о расстоянии. У меня пять взводов по восемь человек вместо четырех по десять. Прекрасные взводные, хорошие солдаты. К тому же некомпетентные противники.

Графф бесстрастно смотрел на Эндера.

«Чего он ждет?» — удивился Эндер.

— Эндер, в каком состоянии сейчас твоя армия? — спросил лейтенант Андерсон.

«Они хотят, чтобы я попросил передышку? — подумал Эндер.— Не дождутся!»

— Немного устали, но моральное состояние высокое, и учатся они быстро. Жаждут сразиться снова.

Андерсон посмотрел на Граффа, тот слегка пожал плечами и перевел взгляд на Эндера.

— Ты ни о чем не хочешь спросить?

— Когда вы выставите против нас сильную армию?

Смех Граффа раскатился по всей комнате. Отсмеявшись, капитан вручил Эндеру листок бумаги.

— Прямо сейчас,— ответил он.

Эндер прочел на листке: «Армия Драконов против Армии Леопардов, Эндер Виггинс и Пол Слейтери, 20.00».

Эндер поднял глаза на капитана.

— Осталось всего десять минут, сэр.

— В таком случае тебе лучше поторопиться, мальчик,— улыбнулся Графф.

На обратном пути Эндер вспомнил, что Пол Слейтери — тот самый парень, которому лейтенант вручил предписание, уходя из командирской столовой.

Спустя пять минут Эндер был у себя в казармах. Трое взводных уже легли, он поднял их и послал будить остальных. Некоторые мальчики продолжали на ходу одеваться, когда все собрались в коридоре.

— Бой будет жарким,— обратился к своим солдатам Эндер,— а времени у нас мало. Когда мы доберемся до выхода, они уже успеют развернуться перед нашими воротами. Иначе чем засадой это не назовешь. Никогда не слышал, чтобы так поступали прежде. Значит, мы должны наверстать упущенное время. Взводы A и B, слегка распустите пояса и отдайте «пистолеты» другим взводам.

Солдаты подчинились, хотя явно не понимали, что он задумал. Потом Эндер повел всех к воротам. Когда они рысцой прибыли на место, ворота были уже открыты, а некоторые солдаты Эндера дышали часто и тяжело. Они уже вынесли сегодня одно сражение, остаток дня тренировались и сильно устали.

Остановившись у выхода, Эндер оценил позиции противника. Несколько Леопардов ждали всего в двадцати футах от ворот Драконов. Не было ни решетки, ни «звезд», просто большое пустое пространство. Где же остальные враги? Их должно быть еще человек тридцать.

— Они распластались у той стены,— сказал Эндер,— где мы не можем их видеть.

Он велел взводам A и B встать на колени, положив руки на бедра, и полностью заморозил мальчиков.

— Вы — наши щиты,— пояснил он.

Потом солдаты взводов C и D устроились позади замороженных, просунув руки под их пояса и держа в каждой руке по «пистолету». Так, парами, Эндер и бойцы взвода E начали поднимать своих товарищей и швырять в Боевой зал.

Конечно, враги немедленно открыли огонь, но чаще всего попадали в тех, кто был уже заморожен, и спустя несколько мгновений Боевой зал превратился в ад кромешный. Все солдаты Армии Леопардов, распластавшись у стены или паря в центре комнаты, представляли собой хорошие мишени, и солдаты Эндера, каждый из которых был

вооружен двумя «пистолетами», легко расправлялись с ними. Пол Слейтери среагировал быстро, приказав своим людям отойти от стены... И все же недостаточно быстро. Немногие из Леопардов все еще могли двигаться, и не успели они пересечь и четверти Боевого зала, как тоже оказались заморожены.

К концу сражения в Армии Драконов уцелело всего двенадцать мальчиков, что было для них самым низким счетом. И во время формальной капитуляции Пол Слейтери нарушил привычный ритуал — пожимая противнику руку, спросил:

— Почему вы так долго не появлялись?

Эндер искоса взглянул на Андерсона, парящего неподалеку.

— Мне слишком поздно сообщили о сражении,— сказал он.— Наверняка намеренно.

Слейтери ухмыльнулся и снова пожал руку Эндеру.

— Это была отличная игра.

Эндер без улыбки посмотрел на Андерсона. Он уже понял, что теперь расстановка сил будет не в его пользу, даже наоборот — ему станут мешать победить. И это ему не нравилось.

Было 21.50, вскоре должны были выключить свет, когда Эндер постучал в дверь комнаты, где жили Боб и еще три солдата. Ему распахнули дверь, и Эндер, помедлив, спросил, можно ли войти. Получив ответ — дескать, входи, конечно! — он приблизился к верхней кровати, с которой, отложив книгу, на него смотрел Боб.

— Боб, можешь уделить мне двадцать минут?

— Скоро погасят свет,— ответил тот.

— Поговорим у меня в комнате,— сказал Эндер.— Я тебя прикрою.

Боб соскользнул с койки, они бесшумно зашагали по коридору, и, первым войдя в свою комнату, Эндер закрыл за гостем дверь.

— Присядем,— пригласил он, и оба мальчика уселись на постель.

— Помнишь, четыре недели назад ты уговаривал меня назначить тебя командиром взвода, Боб?

— Да.

— С тех пор я назначил пятерых взводных, так? И тебя среди них не было.

Боб спокойно встретил его взгляд.

— Как думаешь, я правильно поступил?

— Да, сэр.

Эндер кивнул.

— Расскажи, как ты действовал в минувших сражениях.

Боб склонил голову набок.

— Меня ни разу не заморозили, сэр, а я вывел из строя сорок три врага. Я всегда быстро исполнял приказы, командовал отделением, очищающим захваченную территорию от противника, и не потерял при этом ни одного солдата.

— Тогда ты меня поймешь.— Эндер помолчал и решил сперва испробовать обходной путь.— Ты сам знаешь, Боб, что по возрасту не дотягиваешь до установленного срока добрых полгода. Со мной тоже так было, я стал командиром на полгода раньше, чем следует. А теперь они каждый день посылают меня сражаться, хотя за спиной моих солдат всего три недели учений. Восемь сражений за семь дней. У меня на счету уже больше битв, чем у мальчиков, ставших командирами четыре месяца назад. Я выиграл больше сражений, чем многие командиры с годовым стажем. А сражение, в котором мы победили этим вечером... Ты знаешь, как все было.

Боб кивнул.

— Они слишком поздно дали тебе знать.

— Я понятия не имею, что задумали учителя. Но моя армия устала, я сам устал, а они вдруг изменяют правила игры. Послушай, Боб, я видел старые отчеты. За всю историю игры никто не уничтожил столько врагов и не сохранил столько своих солдат. Я не такой, как все, и со мной обращаются не как со всеми.

Боб улыбнулся.

— Ты самый лучший, Эндер.

Эндер покачал головой.

— Может быть. Но я не случайно получил именно этих солдат. Самые слабые из моих бойцов могут стать взводными в любой другой армии. Мне дали лучших. Они снарядили меня с учетом моих возможностей — а теперь собираются сломать. Не знаю почему. Но знаю, что должен быть готов ко всему. И мне нужна твоя помощь.

— Почему именно моя?

— Потому что в Армии Драконов есть солдаты и получше — немного, но есть,— но думать быстрее и лучше тебя не может никто.

Боб промолчал. Они оба знали, что это правда.

— Я должен быть готов ко всему, но не могу обучить всю армию,— продолжал Эндер.— Поэтому собираюсь взять по солдату из каждого взвода, включая твой, и составить новое подразделение, командовать которым будешь ты. Это будет особый отряд, и я научу его кое-чему новому. Большую часть времени вы будете в своих обычных взводах, в тех же, что и сейчас. Но в любой момент сможете мне понадобиться. Понимаешь?

Боб улыбнулся и кивнул.

— Да, хорошо. Только могу я отобрать людей сам?

— Бери по одному из каждого взвода, только не трогай взводных. И человека в твоем собственном отделении выберу я.

— Чем мы станем заниматься?

— Боб, я не знаю. Понятия не имею, что еще они выдумают. Вдруг все наши «пистолеты» внезапно выйдут из строя, а вражеские нет? Вдруг на нас пошлют две армии вместо одной? Я знаю одно — нас могут поставить в такие условия, когда победа станет просто невозможна. Тогда нам придется пойти в атаку на вражеские ворота. Это называется «техническая победа» — четыре шлема по углам ворот. Я хочу, чтобы вы в любой момент были готовы и к такому варианту. Понимаешь? Ты будешь ежедневно по два часа тренировать отобранных тобой людей, но только не во время обычных тренировок. А потом мы с твоими солдатами будем работать еще и вечером, после ужина.

— Мы выдохнемся.

— Похоже, мы с тобой не знаем, что такое усталость.— Эндер сжал руку младшего мальчика.— Даже если против нас будут играть нечестно, Боб, мы победим.

Не сказав больше ни слова, Боб вышел из комнаты и на цыпочках двинулся по коридору.

Теперь не только Армия Драконов тренировалась больше положенного. В конце концов и другие командиры поняли, что им нужно осваивать новые приемы. С раннего утра и пока не зажигался свет, солдаты, среди которых не было ни одного старше четырнадцати, учились отталкиваться от стен и использовать друг друга как живые щиты.

Однако пока остальные командиры отрабатывали тактику, которую прежде использовал против них Эндер, он сам вместе с Бобом думал, как справиться с еще не встречавшимися раньше проблемами.

Ежедневные сражения продолжались, и некоторое время все было, как обычно: решетки, «звезды», внезапное выскакивание из ворот. А после битв Эндер, Боб и еще четыре солдата покидали основную группу и упражнялись в очень странных маневрах. Они нападали без «пистолетов», часто используя ноги, чтобы разоружить или ошеломить противника. Прикрываясь четырьмя замороженными солдатами, учились меньше чем за две секунды захватывать вражеские ворота. А однажды Боб пришел на тренировку с огромным мотком веревки.

— Зачем тебе это?

— Пока не знаю.

Боб рассеянно вертел конец шнура, который был не толще одной восьмой дюйма, но мог выдержать вес десяти взрослых людей.

— Где ты это взял?

— На складе. Они спросили, зачем он мне нужен. Я сказал — чтобы учиться вязать узлы.— Боб сделал петлю на конце веревки и просунул в нее руку по плечо.— Эй, вы, двое, повисните вон там на стене! Теперь держите конец веревки, да покрепче.

Они так и сделали. Боб обмотал второй конец вокруг пояса, оттолкнулся от стены и полетел вперед. Наконец шнур рывком натянулся. Он был настолько тонок, что его трудно было заметить, но спружинил так, что Боб согнулся пополам и направление его полета изменилось почти под прямым углом. Мальчик описал великолепную дугу, пролетел через весь зал и врезался в стену. Не успел никто понять, что же произошло, как Боб, словно мячик, отскочил от стены и полетел туда, где его ждали Эндер и остальные.

Солдаты не заметили шнура; со всех сторон посыпались требования объяснить, как Боб проделал эдакий трюк, ведь в невесомости так резко изменять направление движения невозможно. Боб только рассмеялся.

— Подождите, пока не начнется очередная игра без решетки! Враги в жизни не догадаются, как мы их победили.

Враги и вправду не догадались. Следующее сражение началось всего через пару часов, однако Боб и еще двое солдат успели здорово наловчиться целиться и стрелять, совершая невероятные маневры на конце шнура. Как только Эндеру доставили листок с вызовом, Армия Драконов бросилась к воротам, чтобы сразиться с Армией Грифонов; по дороге Боб сматывал веревку.

Едва ворота открылись, все увидели большую коричневую «звезду» на расстоянии всего пятнадцати футов, полностью загораживающую вражеские ворота.

Эндер немедленно принял решение.

— Боб, отмотай футов пятьдесят шнура и лети вокруг «звезды».

Боб и четыре его солдата вырвались из ворот, и спустя мгновение Боб уже летел к «звезде». Шнур натянулся, Боб обогнул «звезду», и, когда достиг дальней грани куба, направление его движения снова изменилось. По мере того как шнур наматывался на «звезду», круги, по которым летал Боб, становились все меньше, а скорость выше. В конце концов он врезался в стену всего в нескольких футах от ворот, позади куба, и тут же замахал руками и зашевелил ногами, показывая остальным, что враг его не заморозил.

Эндер подлетел к нему, и Боб быстро описал позицию Армии Грифонов.

— У них восемь «звезд», расставленных вокруг ворот. Все солдаты прячутся за «звездами», и подстрелить кого-то из них невозможно, пока мы не прорвемся к нижней части стены. Но на это у нас нет никаких шансов.

— Они передвигаются? — спросил Эндер.

— Зачем?

— По-моему, глупо торчать на одном месте.— Эндер задумался.— Круто. Придется захватить ворота, Боб.

Грифоны принялась дразнить Драконов.

— Эй, есть здесь кто-нибудь?

— Проснитесь, у нас идет война!

— Идите сюда, мы вас живо слопаем!

Они все еще выкрикивали дразнилки, когда армия Эндера появилась из-за своей «звезды», выставив перед собой щит из четырнадцати замороженных солдат. Вильям Би, командир Армии Грифонов, не отдавал приказа стрелять, пока враги приближались,— его люди дожидались момента, когда можно будет разглядеть тех, кто прячется за живым щитом. На расстоянии около десяти ярдов от противника щит внезапно рассыпался, и прятавшиеся за ним полетели вперед вдвое быстрей, открыв ураганный огонь. В тот же миг часть Армии Драконов вырвалась из-за своей «звезды» и бросилась в атаку, тоже бешено стреляя.

Остальные мальчики Вильяма Би, конечно, тут же включились в битву, но сам он гораздо больше интересовался солдатами противника, которых увидел, когда щит распался. Четверо замороженных бойцов Армии Драконов по инерции летели головой вперед к воротам Армии Грифонов; они держались вместе потому, что еще один замороженный солдат просунул ноги и руки под их пояса. Шестой солдат уцепился за пояс последнего и летел за остальными, как хвост воздушного змея. Полагая, что Армия Грифонов легко выиграет сражение, Вильям Би стал рассматривать эту приближающуюся к воротам группу.

Внезапно солдат, который тащился сзади, шевельнулся — оказывается, он вовсе не был заморожен! Вильям Би

тут же «застрелил» его, но время было уже упущено. Остальные солдаты тоже только притворялись выведенными из строя, и, подплыв к воротам Армии Грифонов, четверо из них одновременно коснулись шлемами углов ворот. Послышался вой зуммера, ворота опрокинулись, и находившийся в центре группы и впрямь замороженный солдат влетел прямо в них. Оружие перестало работать, игра закончилась.

Открылись учительские ворота, из них появился лейтенант Андерсон. В центре Боевого зала он остановился и, нарушая протокол, позвал:

— Эндер!

Один из замороженных солдат попытался что-то сказать, но не смог разжать челюсти. Андерсон подплыл к нему и разморозил.

— Я снова побил вас, сэр,— с улыбкой сказал Эндер.

— Глупости, Эндер,— негромко ответил Андерсон.— Ты сражался с Армией Грифонов Вильяма Би.

Эндер поднял бровь.

— Отныне правила изменяются,— продолжал лейтенант.— Ворота противника будут считаться захваченными только в том случае, если все солдаты побежденной армии не смогут шевелиться.

— Ясно,— сказал Эндер.— Такое могло сработать только один раз.

Андерсон кивнул и уже отвернулся, собираясь двинуться прочь, когда Эндер добавил:

— А вы не собираетесь ввести еще одно новое правило — чтобы армии начинали бой с равными шансами?

Андерсон снова посмотрел на него.

— Та армия, которой командуешь ты, всегда будет иметь преимущество. Так о каких равных шансах ты говоришь?

Подсчитывая уцелевших и выведенных из строя бойцов, Вильям Би недоумевал: как он мог проиграть, если ни один из его солдат не был заморожен, а у Эндера уцелели только четверо?

Тем вечером, стоило Эндеру появиться в командирской столовой, его встретили приветственными возгласами и

аплодисментами. Его столик обступили полные уважения командиры, многие из которых были на два-три года старше него. Он дружески ответил на приветствия, но во время еды все гадал, что же учителя придумают в следующий раз. Однако он зря беспокоился. Следующие два сражения он выиграл легко и после этого навсегда распрощался с Боевым залом.

Было уже 21.00, и Эндер ощутил легкую досаду, услышав стук в дверь. Его солдаты вымотались до предела, и он велел им лечь спать в 20.30. Последние два сражения были самыми обычными, и Эндер ожидал, что на следующий день их ждет что-нибудь похуже.

Оказалось, явился Боб. Он смущенно вошел и отдал честь.

Эндер тоже отдал честь и сердито сказал:

— Боб, всем уже полагается быть в постели.

Боб только кивнул. Эндер подумал: а не приказать ли ему выйти? Однако, посмотрев на Боба, он впервые за несколько недель вспомнил, какой тот еще малыш. Неделю назад мальчику исполнилось восемь, но он по-прежнему был очень невысоким и... «Нет,— подумал Эндер,— только не маленьким». Никого из них нельзя было назвать маленьким. Боб вдоволь навоевался, бывали случаи, когда от него зависела судьба всей армии, но он всегда побеждал. Да, он мелковат, но Эндер больше никогда не сможет думать о нем как о юнце.

Боб сел на край кровати и некоторое время молча разглядывал свои руки. В конце концов у Эндера лопнуло терпение.

— Ну, в чем дело? — спросил он.

— Меня переводят. Только что принесли приказ.

Эндер на мгновение закрыл глаза.

— Так и знал, что они что-нибудь придумают. Вот, значит, как... И куда тебя переводят?

— В Армию Кроликов.

— Да как им только в голову могло прийти отдать тебя под начало этого идиота Карна Карби!

— Карна тоже переводят. В Школу Снабжения.

Эндер поднял на него глаза.

— Кто же возглавит Армию Кроликов?

Боб беспомощно вскинул руки.

— Я.

Эндер с улыбкой кивнул.

— Понятно. В конце концов, ты всего на четыре года младше того возраста, когда уже можно производить в командиры.

— Ничего смешного,— ответил Боб.— Я не понимаю, что происходит. Сперва то и дело меняли правила. А теперь еще это. И не только меня переводят. Рен, Педер, Бриан, Винс, Уонгер — все они теперь командиры.

Эндер вскочил и сердито зашагал по комнате.

— Все мои взводные! — Он круто развернулся к Бобу.— Если в их планы входит развалить мою армию, зачем они потратили столько сил, чтобы сделать из меня командира?

Боб покачал головой.

— Не знаю. Ты лучше всех, Эндер. Никто никогда раньше не делал того, что делаешь ты. Девятнадцать сражений за пятнадцать дней, и каждый раз ты побеждал, что бы они ни придумывали.

— А теперь ты и остальные мои взводные стали командирами. Вы знаете все мои трюки, я сам научил вас всему. И кем, спрашивается, я вас заменю? Они подсунут мне шесть новичков?

— Дела, конечно, плохи, но ты же знаешь, Эндер,— даже если тебе дадут пять увечных карликов и вооружат твою армию рулонами туалетной бумаги, ты все равно победишь.

Они рассмеялись — и тут дверь открылась, и в комнату вошли лейтенант Андерсон и капитан Графф.

— Эндер Виггинс.— Графф остановился, сложив на животе руки.

— Да, сэр.

— Получи приказ.

Андерсон протянул Эндеру листок бумаги, тот быстро прочитал его и скомкал, глядя в пустоту.

— Могу я рассказать своей армии? — спустя несколько мгновений спросил он.

— Они и так узнают,— ответил Графф.— Не стоит говорить с ними после получения приказа. Так будет легче.

— Легче для вас или для меня? — спросил Эндер.

Он не стал дожидаться ответа, повернулся к Бобу, быстро сжал его руку, а потом зашагал к двери.

— Постой! — окликнул Боб.— В какую школу тебя направляют? В Тактическую или Снабжения?

— В Школу Командиров,— ответил Эндер.

Андерсон вышел вслед за ним и закрыл дверь.

«Школа Командиров»,— подумал Боб.

Никто не попадал в эту школу без трех лет обучения в Тактической. С другой стороны, никто не попадал в Тактическую без того, чтобы проучиться как минимум пять лет в Боевой. Эндер пробыл в ней всего три года.

Боб ясно видел — привычная система ломается. Либо кто-то наверху сошел с ума, либо война очень круто пошла не туда — настоящая война, ради которой их и обучали. Что могло разрушить систему настолько, чтобы даже такого достойного, как Эндер, лидера отправили прямиком в Школу Командиров? Или, если уж на то пошло, чтобы восьмилетнего новичка Боба назначили командиром армии?

Боб долго об этом раздумывал. В конце концов он лег в постель Эндера и вдруг понял, что, скорее всего, никогда больше его не увидит. Ему почему-то захотелось плакать, но он, конечно, сдержался. Еще дошкольником его научили подавлять подобные порывы... Он вспомнил, как расстроился его первый учитель, увидев, что у трехлетнего Боба дрожат губы и глаза полны слез.

Боб постарался расслабиться, в конце концов желание плакать прошло, и он уснул. Его рука так и осталась лежать на подушке у подбородка, как будто Боб не решил — хочет ли он грызть ногти или сосать палец. Он хмурился, но дышал он быстро и легко. Он был солдатом, и если бы кто-нибудь спросил мальчика, кем он хочет стать, когда вырастет, он бы не понял вопроса.

«Война продолжается,— сказали ему,— поэтому все колеса вертятся быстрей».

Командиры твердили это как пароль, перебрасывая Эндера Виггинса с места на место так быстро, что у него не было времени ни в чем разобраться. Зато он впервые в жизни увидел деревья. Увидел мужчин, не одетых в военную форму. Увидел женщин. Увидел странных животных, которые безмолвно и послушно следовали за женщинами и маленькими детьми. Увидел небольшие плоские чемоданы, и ленточные транспортеры, и говорящие вывески, произносящие слова, которых он в жизни не слышал. Когда-нибудь он спросит, что означают эти слова... только, конечно, не у тех целеустремленных, властных офицеров высокого ранга, которые теперь его окружали и почти никогда не разговаривали ни с ним, ни друг с другом.

Эндер Виггинс чувствовал себя чужим в мире, который его обучали спасти. Он не помнил, чтобы когда-нибудь покидал Боевую Школу. Его самые ранние воспоминания относились к военным играм под надзором учителя и обедам в компании других мальчиков в серо-зеленой форме. Он не знал, что небо серого цвета, а безбрежные леса планеты — зеленого. Все его смутные представления о мире сводились к понятию «снаружи».

И прежде чем Эндер сумел хоть как-то разобраться в непривычном для него новом мире, его снова отправили туда, где люди ни на мгновение не забывали о войне. Эндера посадили на космический корабль, и вскоре он очутился на огромном искусственном спутнике, кружившем над планетой.

Эта космическая станция и была Школой Командиров.

А в Школе имелся ансибль.

В первый же день пребывания Эндера Виггинса на спутнике ему объяснили, что такое ансибль и какую роль он играет в современной войне. Космические корабли, участвующие в сегодняшних сражениях, стартовали с Земли сто лет назад, и теперь ими командовали с помощью ансибля, посылая световые сообщения компьютерам и немногочисленным экипажам кораблей. С помощью ансибля велись разговоры, передавались приказы и боевые планы.

В течение двух месяцев Эндер Виггинс ни с кем не познакомился. К нему приходили безымянные люди, учили тому, что знали, и передавали следующим учителям. У него не было времени скучать по друзьям из Боевой Школы, он едва успевал осваивать имитатор, воссоздающий обстановку, какая бывает в гуще сражения. Эндер учился управлять ненастоящими кораблями в ненастоящих сражениях, манипулируя клавишами имитатора и произнося слова в ансибль. Учился по силуэту мгновенно распознавать вражеский корабль и знать, какое оружие он несет на борту. И учился использовать в битвах космических кораблей Школы Командиров опыт, накопленный в Боевой Школе во время сражений в невесомости.

Эндера и раньше поражала серьезность, с какой его командиры относились к игре, но здесь его подгоняли буквально на каждом шагу; то и дело непонятно почему сердились; волновались всякий раз, когда он забывал что-либо или совершал ошибку. Но он работал так же усердно, как всегда, и так же старательно учился. И со временем Эндер перестал ошибаться и начал обращаться с имитатором так, будто тот стал частью его самого. Тогда командиры перестали беспокоиться и прислали ему нового учителя.

Когда Эндер проснулся, на полу его комнаты, скрестив ноги, сидел Мейзер. Пока Эндер принимал душ и одевался, тот не произнес ни слова, а мальчик не задавал никаких вопросов. Он давно уже усвоил, что гораздо больше можно узнать, выжидая, а не расспрашивая.

Мейзер все еще молчал, когда наконец Эндер подошел к двери, собираясь выйти. Дверь не открывалась.

Эндер повернулся к сидящему на полу человеку. Тому было по меньшей мере сорок, он был старше всех, с кем Эндеру до сих пор приходилось встречаться, и показался мальчику стариком. У Мейзера были небольшие, черные с проседью усы и короткая стрижка, лицо слегка обрюзгшее, глаза окружены сеточкой морщин; он без всякого интереса смотрел на хозяина комнаты.

Эндер повернулся к двери и снова попытался ее открыть.

— Ладно,— наконец признал он свое поражение.— Почему она не открывается?

Мейзер продолжал безучастно глядеть на него.

Эндер начал терять терпение.

— Я, наверное, уже опоздал. Если мне не нужно сегодня никуда идти, так и скажите, тогда я вернусь досыпать.

Ответа опять не последовало.

— Это что, игра в «угадай-ка»?

По-прежнему молчание.

Эндер решил, что его нарочно пытаются разозлить. Прислонившись к двери, он проделал специальное упражнение, чтобы расслабиться и успокоиться, и это ему удалось.

Мейзер все еще не сводил с него глаз.

Следующие два часа прошли в молчании. Мейзер неотрывно наблюдал за Эндером, а тот пытался делать вид, что этого не замечает. Однако мальчик нервничал все больше и в конце концов начал метаться по комнате.

Когда он в очередной раз проходил мимо Мейзера, тот внезапно и сильно толкнул Эндера в ногу.

Мальчик упал и тут же снова вскочил, кипя от злости.

Мейзер сидел как ни в чем не бывало, словно это не он только что сделал такое резкое движение. Эндер встал в боевую стойку, однако не смог броситься на неподвижного старика. У мальчика даже мелькнула мысль: может, ему только почудилось, будто его мгновение назад опрокинули на пол?

Эндер метался по комнате еще час, время от времени проверяя, не открылась ли дверь. Наконец сдался, снял форму и пошел к кровати.

Но едва он наклонился, чтобы откинуть покрывало, его снова толкнули и тут же грубо схватили за волосы. В следующий миг его перевернули вверх тормашками и бросили лицом вниз. Прижав коленом плечи Эндера к полу, старик поднял его ноги вверх, заставив его болезненно изогнуться. Эндер не мог ни пинаться, ни нанести удар кулаком; буквально за несколько секунд старик полностью лишил его возможности сопротивляться.

— Ваша взяла,— тяжело дыша, сказал Эндер.— Вы победили.

Колено Мейзера надавило еще сильней.

— С каких это пор,— спросил Мейзер негромким, дребезжащим голосом,— ты признаешь, что враг тебя победил?

Эндер не ответил.

— Ты удивил меня, Эндер Виггинс. Почему ты сразу не бросился на меня? Только потому, что я выглядел миролюбивым? Больше того — ты повернулся ко мне спиной. Глупо. Ты ничему не научился. У тебя никогда не было настоящего учителя.

Вот теперь Эндер разозлился.

— У меня было слишком много треклятых учителей. Откуда я мог знать, что вы поведете себя как...

Эндер замолчал, подыскивая нужное слово.

— Как враг, Эндер Виггинс,— шепотом подсказал Мейзер.— Я первый из твоих врагов, который оказался ловчее тебя. Только враг может стать настоящим учителем, Эндер Виггинс. Никто, кроме врага, не расскажет тебе, что собирается делать враг. Никто, кроме врага, не научит тебя уничтожать и завоевывать. Отныне я — твой враг. И твой учитель.

Мейзер отпустил ноги Эндера. Поскольку старик все еще прижимал его к полу, мальчик не смог смягчить удар, когда его ноги с глухим стуком шмякнулись об пол. Боль заставила Эндера вздрогнуть. Мейзер встал и позволил ему подняться.

Мальчик медленно, с негромким стоном подтянул ноги и встал на четвереньки, приходя в себя. Потом его правая рука метнулась в сторону. Мейзер молниеносно отскочил, рука Эндера схватила только воздух, а учитель попытался пнуть мальчика в подбородок.

Но того на месте не оказалось; Эндер перекатился на спину и врезал Мейзеру носком в то мгновение, когда тот после пинка оказался в неустойчивом положении. Старик мешком рухнул на пол.

То, что выглядело мешком, на деле оказалось осиным гнездом. Молниеносные удары обрушились на спину и руки Эндера, а все его попытки ответить тем же не увенчались успехом. Старик молотил его, как хотел, а у Эндера

в прямом смысле слова руки были коротки — как, впрочем, и ноги.

Поэтому он вскочил и бросился к двери.

Старик снова сел на пол и засмеялся.

— На этот раз уже лучше, мальчик. Но слишком медленно. С космическим флотом нужно управляться лучше, чем ты пока управляешься с собственным телом, иначе ни один солдат под твоим командованием не будет чувствовать себя в безопасности. Усвоил?

Эндер медленно кивнул.

Мейзер улыбнулся.

— Хорошо. Тогда не будем больше тратить время на такие сражения, а перейдем к имитатору. Я стану программировать твои битвы, продумывать стратегию врага, а ты будешь запоминать все вражеские трюки. Отныне противник будет всегда сильнее и хитрее тебя и ты всегда будешь на грани поражения.— Лицо Мейзера снова стало серьезным.— Да, на грани поражения, Эндер, и все же ты победишь. Ты поймешь, как разбивать врага, потому что он сам научит тебя этому.

Мейзер встал и направился к двери. Эндер отошел в сторону, уступая ему дорогу, но, едва старик прикоснулся к дверной ручке, высоко подпрыгнул и изо всех сил ударил учителя обеими ногами в поясницу. От удара он сам отлетел в сторону, а Мейзер вскрикнул и упал.

Он поднимался медленно, держась за дверь, с искаженным от боли лицом. Казалось, сейчас он не в состоянии напасть, но Эндер держался настороже. И все-таки Мейзеру удалось застать его врасплох, настолько быстро двигался старик. Мгновение спустя Эндер уже лежал у дальней стены, с его разбитых губ и носа текла кровь. Однако он сумел повернуть голову и увидел, как Мейзер медленно открывает дверь и, слегка прихрамывая, уходит.

Несмотря на боль, Эндер улыбнулся. Он перекатился на спину и смеялся до тех пор, пока чуть не захлебнулся кровью. Потом встал, чувствуя боль во всем теле, доковылял до кровати и лег. Спустя несколько минут пришел врач, чтобы заняться его ссадинами и ушибами.

Когда лекарство подействовало и Эндер начал засыпать, он вспомнил, как Мейзер прихрамывал, покидая комнату,— и снова негромко рассмеялся. Он так и уснул, смеясь, а врач укрыл его одеялом и погасил свет.

Утром Эндер проснулся от боли. Ему снилось, что он дерется с Мейзером и побеждает.

На следующий день Эндер явился в игровой зал с нашлепкой из пластыря на носу, с распухшими губами. Мейзера на месте не оказалось, а капитан, работавший с Эндером и раньше, показал ему новую приставку к имитатору, похожую на трубку с витком проволоки на конце.

— Рация. Примитивная, конечно. Теперь наденем петлю тебе на ухо, а другой конец трубки сунем в рот. Вот так.

— Осторожно! — пробормотал Эндер, когда капитан вставил конец трубки между его распухшими губами.

— Прости. А теперь говори.

— Хорошо. С кем?

— Скажи что-нибудь и сам поймешь,— улыбнулся капитан.

Эндер пожал плечами и повернулся к имитатору. В тот же миг в его голове зазвучал голос, такой громкий, что невозможно было разобрать слова. Эндер сорвал с себя рацию.

— Вы хотите, чтобы я оглох?

Капитан покачал головой и слегка повернул круговую шкалу на маленьком пульте на столе неподалеку. Эндер снова нацепил на себя устройство.

— Командир,— раздался знакомый голос.

— Да,— ответил Эндер.

— Какие будут инструкции, сэр?

Голос явно был очень знакомый!

— Это ты, Боб? — спросил Эндер.

— Да, сэр.

— Боб, это Эндер.

Молчание, потом — взрыв смеха. Эндер различил шесть или семь смеющихся голосов. Когда смех умолк, он спросил:

— Кто там еще с тобой?

Несколько голосов заговорили сразу, однако Боб перекричал всех:

— Я, то есть Боб, а еще Педер, Винс, Уонгер, Ли, Влад.

Эндер на мгновение задумался и спросил, какого черта они тут делают. Парни снова расхохотались.

— Им слабо́ расформировать нашу группу,— ответил Боб.— Мы командовали армиями от силы две недели — и вот очутились здесь, в Школе Командиров, где нас стали учить работе с имитатором. И вдруг сказали, что под начальством нового командира мы должны сформировать флот. И этим командиром оказался ты.

Эндер улыбнулся.

— Так как, ребята, вы справитесь?

— Вот увидишь!

Эндер усмехнулся.

— Тогда за работу. Итак, нам предстоит формировать флот?

Ближайшие десять дней Эндер натаскивал своих взводных и в конце концов добился того, что они управляли кораблями, как искусный танцор — своими ногами. Это немного напоминало занятия в Боевой Школе, вот только теперь Эндер всегда видел, чем занимаются его взводные, мог разговаривать с ними и в любой момент отменить или изменить их приказы.

Однажды, когда Эндер сидел за пультом управления имитатора, загорелись яркие зеленые огни. Приближался враг.

— Значит, так,— сказал Эндер.— X, Y — группируйтесь, C и D — на резервный экран, E — южный виток, Боб — на север.

Вражеская флотилия, построившаяся в виде сферы, числом вдвое превосходила силы Эндера. Половина его кораблей составила компактное соединение, по форме напоминавшее пулю, а боевой порядок остальных походил на плоский круглый щит. Кроме того, у него имелось совсем маленькое соединение под командой Боба — оно вышло за пределы экрана имитатора, обходя врага сзади.

Эндер быстро понял стратегию противника: как только к нему приближались достаточно близко, тот отступал,

надеясь заманить чужие корабли внутрь своей сферы и окружить. Эндер услужливо «попался» в эту ловушку.

Враг медленно стягивал к нему свои силы, боясь оказаться в зоне поражения прежде, чем сможет обрушить на Эндера мощь своих орудий. Тогда Эндер перешел к следующему этапу: его «щит» приблизился к сфере, и враг начал перебрасывать силы туда. Потом с противоположной стороны показался Боб, и противник перебросил еще часть кораблей, чтобы его встретить.

И такие маневры делали сферу очень уязвимой. «Пуля» Эндера ринулась в атаку, а поскольку на этом направлении он обладал численным превосходством, ему удалось проделать брешь во вражеской позиции. Враг попытался заткнуть дыру, но под шумок «щит» и небольшие силы Боба напали одновременно, в то время как «пуля» устремилась к другой части сферы. Прошло всего несколько минут — и вражеский строй распался, большинство кораблей были уничтожены, а немногие уцелевшие поспешно скрылись.

Эндер выключил имитатор. Огни погасли. Рядом с Эндером, засунув руки в карманы, в напряженной позе стоял Мейзер. Эндер поднял на него глаза.

— Вы, кажется, говорили, что враг будет хитрее меня,— сказал он.

Лицо Мейзера осталось безучастным.

— Что ты выяснил в ходе боя?

— Выяснил, что их боевой порядок оправдал бы себя только в том случае, если бы их противник был глуп. Они так рассредоточили свои силы, что на любом направлении мои корабли превосходили их числом.

— А еще что?

— Еще то,— ответил Эндер,— что не следует всегда придерживаться одной и той же тактики. Это делает тебя слишком предсказуемым.

— И все?

Эндер снял рацию.

— Враг мог бы одержать победу, если бы раньше решился сломать свой строй.

Мейзер кивнул.

— У тебя было преимущество, которое сделало сражение неравным.

Эндер холодно взглянул на него.

— Они превосходили меня числом вдвое.

Мейзер покачал головой.

— У тебя есть ансибль, а у врага его нет. Это обстоятельство тоже учитывается в учебных сражениях. Их сообщения не могут передаваться так быстро.

Эндер посмотрел на имитатор.

— Неужели расстояния настолько велики, что это имеет существенное значение?

— А ты разве не знал? — спросил Мейзер.— Ни один корабль во время боя не приближался к другому больше чем на тридцать тысяч километров.

Эндер попытался прикинуть размеры вражеской эскадры. Он плохо разбирался в астрономии, но сейчас в нем проснулось любопытство.

— Какое оружие способно наносить такие молниеносные удары?

Мейзер покачал головой.

— Эта наука тебе не по зубам. Чтобы понять хотя бы ее основы, нужно больше лет, чем ты успел прожить на свете. Все, что ты должен усвоить,— это что оружие отлично работает.

— Почему мы должны подходить так близко, чтобы нанести удар?

— Потому что их корабли защищены силовыми полями и надо подойти на определенное расстояние, чтобы пробиться сквозь защиту. Чем ближе друг к другу противники, тем сильнее действует оружие. За этим следят компьютеры: они находят цель, заботятся, чтобы наши корабли не пострадали, учитывают многие другие детали. Твоя задача — подсказать им, какая позиция самая выигрышная, и дать приказ стрелять на поражение.

— Нет.— Эндер стоял, наматывая на пальцы трубку рации.— Я должен знать, каким образом действует оружие.

— Я же сказал, это не твоя забота...

— Я не могу командовать флотом, пусть даже на имитаторе, если не буду этого знать.— Эндер помолчал.— Хотя бы в общих чертах.

Мейзер отошел на пару шагов.

— Ладно, Эндер. Не понимаю, зачем тебе это, но попробую объяснить как можно проще.— Он сунул руки в карманы.— Итак, все в мире состоит из атомов — крошечных частиц, настолько маленьких, что их нельзя увидеть невооруженным глазом. Эти атомы, а их несколько типов, в свою очередь состоят из еще более маленьких частиц. Если связь этих частиц разрушить, атомы перестанут быть атомами. Например, металл перестанет быть металлом. Или пластик этого пола — пластиком. Или твое тело. Или даже воздух. Если разрушить атомы, все это распадется на части, и частицы разлетятся во все стороны, разрушая все новые атомы. Так вот, оружие как раз уничтожает связь, удерживающую частицы вместе, в результате чего все в радиусе его поражения исчезает.

Эндер кивнул.

— Вы были правы, это трудно понять. Можно ли нейтрализовать действие такого оружия?

— Вблизи — нет. Но чем дальше вражеский корабль, тем слабее становится это действие, а на определенном расстоянии силовое поле просто заблокирует его. Понятно? И чтобы поле, разрушающее связь в атомах, сработало, его требуется сфокусировать, поэтому корабль способен стрелять на поражение только в трех-четырех направлениях одновременно.

Эндер снова кивнул, хотя, по правде сказать, все еще многого не понимал.

— Если частицы разрушенных атомов разрушают другие атомы, почему в радиусе действия оружия не исчезает все подчистую?

— Космос. Корабли разделяют тысячи километров пустоты, где практически нет атомов, значит, нечего и разрушать. А когда частицы наконец встречаются с веществом, они успевают разлететься так далеко друг от друга, что уже не могут причинить вреда.— Мейзер склонил к плечу голо-

ву и вопросительно посмотрел на Эндера.— Что еще ты хочешь узнать?

— Оружие может уничтожать что-то кроме кораблей противника?

Шагнув к Эндеру, Мейзер твердо сказал:

— Мы используем его только против кораблей. Если мы обратим его против чего-то другого, враг поступит так же. Понимаешь?

Мейзер пошел к двери, но у самого порога Эндер вежливо окликнул его:

— Я не знаю вашего имени.

— Мейзер Ракхейм.

— Мейзер Ракхейм,— повторил Эндер.— Я только что вас победил.

Мейзер засмеялся.

— Эндер, сегодня ты сражался не со мной. Ты сражался с самым тупым компьютером Школы Командиров, оснащенным программой десятилетней давности. Ты ведь понимаешь — я не стал бы прибегать к сферическому построению кораблей!

Мейзер покачал головой.

— Эндер, мой милый маленький друг, ты сразу поймешь, что сражался именно со мной, потому что ту битву ты проиграешь.

С этими словами он вышел.

Эндер по-прежнему по десять часов в день тренировался со своими взводными. Но он так ни разу и не повидался с ними, а только слышал по радио их голоса. Раз в два-три дня происходили учебные битвы. Каждый раз враг изобретал что-нибудь новое, иногда очень заковыристое — но Эндер каждый раз оказывался умнее. И побеждал. После каждого сражения Мейзер указывал Эндеру на его ошибки, и из слов учителя следовало, что на самом деле тот не победил, а проиграл. Мейзер не вмешивался в игру только ради того, чтобы Эндер научился заканчивать все сам.

Однако настал тот день, когда Мейзер торжественно пожал своему ученику руку и объявил:

— Ну, парень, то было хорошее сражение.

Эндер испытал от этой долгожданной похвалы неслыханное наслаждение, хотя в душе негодовал, что ему пришлось так долго ждать.

— Отныне у тебя впереди только трудные бои,— закончил Мейзер.

С этого дня жизнь Эндера превратилась в ад кромешный.

Он сражался ежедневно по два раза, и каждый бой был сложней предыдущего. Всю жизнь мальчик обучался этой игре, однако сейчас игра пожирала его.

Утром он просыпался, обдумывая новые стратегические планы, вечером погружался в неспокойный сон, мучаясь из-за совершенных днем ошибок. Иногда посреди ночи он просыпался в слезах, сам не помня почему. Иногда пробуждался с окровавленными, искусанными костяшками пальцев.

Однако каждый день он невозмутимо подходил к имитатору и тренировал своих взводных до тех пор, пока не начиналось сражение; после боя снова тренировал их, а напоследок выслушивал резкую критику Мейзера Ракхейма, стараясь понять, что ему говорят. Он заметил, что Ракхейм особенно сильно разносит его после самых трудных сражений. Он заметил, что стоит ему придумать новую стратегию, как враг вскоре прибегает к точно таким же приемам. И еще заметил, что, хотя его флот остается прежним, вражеский увеличивается с каждым днем.

Он спросил об этом учителя.

— Мы хотим показать, каково тебе придется, когда ты будешь и впрямь командовать флотом. Хотим показать, насколько враг превосходит нас числом.

— Почему их настолько больше?

Мейзер на мгновение склонил седую голову, как будто решая, отвечать или нет. В конце концов поднял глаза и дотронулся до плеча Эндера.

— Я объясню, хотя информация вообще-то секретна. Видишь ли, они напали первыми. Для нападения были веские причины, но это проблема политиков, и, кто бы ни был виноват в конфликте, мы не могли допустить, чтобы нас победили. Поэтому мы бросили в бой все свои силы. Са-

мые лучшие молодые люди пошли служить в космический флот, многие из них погибли. И все-таки мы победили, и враг отступил.— Мейзер грустно улыбнулся.— Однако его поражение еще не означало полного разгрома, мальчик, ведь противник так и не был уничтожен. Наши враги вернулись, на этот раз их было куда больше, и еще одно поколение юных пошло на войну. Выжили очень немногие. Тогда был разработан план... в высших эшелонах власти. Стало ясно — врага надо уничтожить раз и навсегда, целиком и полностью, чтобы исключить всякую возможность нового нападения. Чтобы это сделать, нужно напасть на его миры — вернее, его мир, поскольку все вражеские колонии тесно связаны с метрополией.

— И что случилось потом?

— Потом мы создали сильный флот. Мы построили столько кораблей, сколько у врага никогда не было: против каждого их корабля выступала сотня наших. И мы послали этот флот туда, где находилось двадцать восемь вражеских планет. Корабли стартовали с Земли сотню лет назад, на каждом из них есть ансибль, но экипажи их очень немногочисленны. Короче, все делалось с тем расчетом, чтобы будущий командующий флотом смог, находясь очень далеко от места сражения, отдавать оттуда приказы и чтобы лучшие наши люди не были снова уничтожены врагом.

Эндер так и не получил ответа на свой вопрос.

— Так почему же они превосходят нас числом?

Мейзер засмеялся.

— Потому что кораблям нужна сотня лет, чтобы преодолеть расстояние между нашими и их мирами. То есть у врага есть сотня лет, чтобы подготовиться к встрече нашего флота. Наши противники не дураки, понимаешь, мальчик? Они не будут сидеть сложа руки, надеясь отразить наше вторжение с помощью устаревших кораблей. Они построили новые огромные корабли, целые сотни. Но нам на руку играет ансибль... А еще то, что во главе каждого вражеского флота стоит командир, и когда эти командиры начнут гибнуть — а они обязательно начнут гибнуть,— наши противники станут терять свои лучшие умы.

Эндер открыл рот, чтобы задать следующий вопрос.

— Хватит, Эндер Виггинс. Я и так рассказал больше, чем следовало.

Эндер сердито отвернулся.

— Я имею право знать. Вы что, хотите вечно перебрасывать меня из одной школы в другую, не объясняя, ради чего это все? Вы просто используете меня и остальных ребят, но когда-нибудь мы будем командовать вашими кораблями и, возможно, спасем вам жизнь. Но я не компьютер, и я должен знать!

— В таком случае спрашивай, мальчик,— сказал Мейзер.— И я отвечу тебе — если смогу.

— Если вы способны командовать флотами без риска потерять лучшие умы, тогда зачем вам я? Если все они уже там, кого я смогу заместить в случае необходимости?

Мейзер покачал головой.

— На этот вопрос я не могу ответить, Эндер. Удовольствуйся тем, что ты будешь нужен, и довольно скоро. А теперь ложись спать — уже поздно, а утром у тебя сражение.

Эндер покинул зал, но подождал Мейзера в коридоре.

— Ну что еще, парень? — нетерпеливо спросил учитель.— Я не могу потратить на тебя всю ночь, да и тебе пора спать.

Эндеру было трудно сформулировать свой вопрос, но Мейзер ждал, и наконец мальчик спросил:

— Они живы?

— Кто?

— Другие командиры. Нынешние и те, что были до меня.

Мейзер фыркнул.

— Конечно живы. Что за вопрос?

Посмеиваясь, старик пошел по коридору. Эндер еще немного постоял, но наконец усталость взяла свое и он отправился спать.

«Они живы,— думал он.— Живы, но он не может рассказать, что с ними происходит».

Этой ночью Эндер не просыпался в слезах. Но несколько раз просыпался с искусанными в кровь руками.

Медленно тянулись месяцы, полные ежедневных сражений, и в конце концов Эндер втянулся в этот убийственный режим. По ночам он не столько спал, сколько дремал, у него появились ужасные рези в животе. Его посадили на мягкую диету, но вскоре у него напрочь пропал аппетит.

— Ешь,— говорил Мейзер, и Эндер чисто механически клал еду в рот.

Если бы за ним не присматривали, он бы вообще ничего не ел.

Однажды во время тренировки он вдруг провалился во тьму и очнулся на полу, с лицом, разбитым в кровь о пульт управления.

Его уложили в постель, три дня ему было очень плохо. Во сне он видел лица, но понимал, что на самом деле этих людей здесь нет. Иногда ему казалось, что он видит Боба, иногда — что перед ним лейтенант Андерсон и капитан Графф. А потом он все-таки очнулся и оказался лицом к лицу со своим единственным врагом, Мейзером Ракхеймом.

— Я проснулся,— сказал Эндер.

— Вижу,— ответил Мейзер.— Хватит валяться. У тебя сегодня битва.

Эндер встал, пошел сражаться и победил. Однако второй битвы в этот день не было, и ему позволили лечь пораньше. Раздеваясь, он увидел, что у него дрожат руки.

Ночью он почувствовал чье-то прикосновение и услышал голос, который спросил:

— Сколько еще он выдержит?

— Сколько потребуется.

— Когда же этому наступит конец?

— Через несколько дней.

— Справится ли он?

— Отлично справится. Даже сегодня он был великолепен.

Один из голосов, понял Эндер, принадлежал Мейзеру. Он не мог оставить своего ученика в покое даже во сне, и это ужасно разозлило Эндера.

Проснувшись, он снова пошел сражаться и снова победил.

После чего отправился в постель.

Проснулся и победил снова.

Следующий день должен был стать его последним днем в Школе Командиров, хотя он об этом и не подозревал. Поднявшись поутру, Эндер приготовился к битве.

В зале его ждал Мейзер. Эндер, волоча ноги, медленно подошел к имитатору, вид у мальчика был усталый и понурый. Мейзер нахмурился.

— Ты что, еще не проснулся?

Если бы Эндер был в форме, его обеспокоили бы тревожные нотки в голосе учителя. Но сейчас он просто безучастно сел за пульт управления.

— Сегодняшняя игра требует небольшого пояснения, Эндер Виггинс,— сказал Мейзер.— Пожалуйста, обернись.

Эндер обернулся — и только тогда заметил, что в креслах у дальней стены сидят люди. Он узнал среди них Граффа и Андерсона из Боевой Школы, смутно вспомнил некоторых своих учителей из Школы Командиров. Однако большинство были ему незнакомы.

— Кто они?

Мейзер покачал головой.

— Наблюдатели. Отныне мы решили позволить наблюдателям следить за ходом сражения. Если тебе мешает их присутствие, мы их отошлем.

Эндер пожал плечами.

— Сегодняшняя игра, мальчик,— принялся объяснять Мейзер,— будет несколько необычна. Сражение состоится вблизи от некоей планеты, что вдвое усложнит ситуацию. По нашим меркам эта планета невелика, но ансибль не может ничего обнаружить на другой ее стороне — там своего рода слепое пятно. Кроме того, использовать оружие против самой планеты считается нарушением правил. Понятно?

— А почему нельзя использовать оружие против планет?

— Потому что существуют правила ведения войн, Эндер,— холодно ответил Мейзер,— которые должны соблюдаться даже во время игры.

Эндер медленно покачал головой.

— А с планеты меня могут атаковать?

Вопрос, казалось, озадачил Мейзера. Потом он улыбнулся.

— С этой — вряд ли. И еще одно, Эндер. Сегодня твоим противником будет не компьютер. Твоим противником буду я, и легко ты не отделаешься. Сражаться будем до последнего, и я пущу в ход любые средства, чтобы тебя разбить.

Потом Мейзер ушел, а Эндер почти равнодушно приступил к маневрам, связавшись со своими взводными. Мальчик действовал, как всегда, успешно, но некоторые наблюдатели качали головами, а Графф беспокойно сжимал и разжимал руки и ерзал в своем кресле. Эндер чувствовал себя вялым и медлительным, но сегодня он не мог позволить себе слабости.

Зазвучал предупредительный гудок, и Эндер очистил дисплей, ожидая начала игры. Голова у него была тяжелой, он недоумевал, с какой стати собрались здесь все эти наблюдатели. Может, они будут его оценивать и решать, годится ли он для более сложных дел? Для следующей пары лет изнурительной учебы, для попыток прыгнуть выше своей головы? Эндеру было двенадцать, но он чувствовал себя стариком. И, ожидая начала игры, он желал одного — проиграть сражение, проиграть вчистую и так бездарно, чтобы его сняли с программы. Пусть его накажут как угодно, плевать, только бы дали отоспаться.

Потом на экране появился неприятель, и усталость Эндера сменилась отчаянием.

Численное превосходство врага составляло тысячу к одному, от скопления кораблей противника имитатор мерцал зеленым, и Эндер понял, что ему не победить.

К тому же враг был далеко не глуп. Он даже не построился в порядок, который можно было бы проанализировать и атаковать. Эндер видел огромный рой кораблей, постоянно перелетающих с места на место; их временные соединения исчезали в одной точке экрана и возникали в другой; там, где только что ничего не было, спустя мгновение появлялись огромные вражеские силы. И хотя Эндер никогда не располагал таким огромным флотом, какой был

у него сейчас, он не мог развернуть свои корабли так, чтобы хоть на одном участке они численно превосходили врага. А без такого превосходства все его усилия будут тщетными.

Позади невероятного скопления вражеских кораблей виднелась планета, та самая, о которой говорил Мейзер. Хотя какая разница — есть там планета или нет, если Эндеру к ней не приблизиться? Мальчик терпеливо ждал озарения, молниеносной догадки, которая поможет ему уничтожить врага. И пока он ждал, он слышал, как ерзают наблюдатели за его спиной, гадая, что он предпримет. В конце концов все поняли — он не знает, что делать, да и поделать тут ничего нельзя; Эндер услышал взволнованное покашливание наблюдателей.

Потом раздался голос Боба, который, хихикнув, сказал:

— Помнишь: «Вражеские ворота внизу!»

Остальные взводные рассмеялись, а Эндер мысленно вернулся во времена Боевой Школы, к простым играм, в которых он одерживал победы. Тогда ему тоже приходилось сражаться в самых безнадежных ситуациях, но он все равно выигрывал. И будь он проклят, если позволит Мейзеру Ракхейму победить себя с помощью дешевых трюков вроде численного превосходства тысяча к одному. В Боевой Школе он побеждал, заставая врага врасплох, иногда даже нарушая правила; побеждал, потому что всегда был нацелен на вражеские ворота.

А вражеские ворота были внизу.

Эндер улыбнулся, осознав, что, если он нарушит это правило, его, скорее всего, вышвырнут из школы. Это и будет самой настоящей победой: никогда больше ему не придется играть в их игры!

Он прошептал что-то в микрофон, все шесть его командиров повели свои корабли на врага. Корабли двигались хаотически, кидаясь то в одну сторону, то в другую. Противник тут же прекратил свое бесцельное маневрирование и начал собираться вокруг шести флотов Эндера.

Мальчик откинулся на спинку кресла, выжидая; наблюдатели снова забормотали за его спиной, теперь громко. Эндер ничего не делал — он как будто просто вышел из игры.

Однако вскоре стало ясно, что в основе его стремительной атаки лежит некий план. Шесть флотов Эндера то и дело теряли корабли в небольших столкновениях с врагом, но в решительный бой не вступали, даже когда могли одержать небольшую тактическую победу. Вместо этого они продолжали свое, на первый взгляд, беспорядочное движение, которое тем не менее было устремлено вниз. К вражеской планете.

Именно якобы случайные броски помешали врагу разгадать замысел Эндера — до тех пор, пока он одновременно с наблюдателями не понял, что происходит. Но тогда было уже поздно, так же как для Вильяма Би оказалось слишком поздно помешать солдатам Эндера захватить ворота. Корабли Эндера гибли один за другим, до цели смогли добраться только два флота, да и те заметно поредели. И все-таки отдельные небольшие группки прорвались к планете и открыли по ней огонь.

Теперь Эндер подался вперед, сомневаясь, правильным ли оказался его расчет. Он почти не сомневался, что вот-вот раздастся гудок и игру остановят из-за нарушения правил. Однако он готов был поспорить на что угодно, что имитатор сделает все, как надо. Если он мог смоделировать планету, то сможет смоделировать и то, что случится с ней в случае атаки.

Так и произошло.

Сперва оружие, предназначенное для уничтожения сравнительно небольших кораблей, оказалось не в состоянии разрушить целую планету. Взрывы, однако, выглядели ужасающе, к тому же планета — не космос, где цепная реакция могла постепенно угаснуть. На планете цепная реакция находила все новое и новое горючее.

Казалось, вся поверхность планеты пришла в движение, но это длилось недолго: ее потряс невероятно мощный взрыв, поглотивший последние корабли Эндера. Однако потом взрыв добрался и до вражеских кораблей, и первые из них просто исчезли. По мере того как адская стихия разрушения уходила все дальше и постепенно тускнела, все отчетливей можно было разглядеть судьбу каждого корабля. Когда сияющее облако добиралось до них, они на мгно-

вение ярко вспыхивали и исчезали, питая собой бушующий в космосе пожар.

Спустя три минуты сияние почти угасло, все корабли погибли, а если некоторым из них и удалось уйти, их было так мало, что беспокоиться о них не стоило.

Эндер победил врага, пожертвовав всем своим флотом и уничтожив вражескую планету вразрез с правилами войны. Он не мог понять, кем себя ощущал — победителем или дерзким ослушником, которого ждет наказание. Скорее всего, он не чувствовал ничего. Он так безумно устал, что желал одного — лечь в постель и уснуть.

Эндер выключил имитатор и только тогда услышал позади дикий шум.

У дальней стены больше не было осанистых военных наблюдателей, там царил хаос. Одни люди хлопали друг друга по плечам; другие стояли, опустив голову и закрыв лицо руками; третьи плакали, не стыдясь.

К Эндеру подошел капитан Графф — слезы текли по его щекам, но он улыбался. К огромному удивлению Эндера, капитан обнял его, крепко прижал к себе и зашептал:

— Спасибо тебе, спасибо тебе, спасибо тебе, Эндер!

А потом и все остальные собрались вокруг ошарашенного мальчика, благодаря его, похлопывая по плечу, пожимая ему руку. Эндер пытался понять, о чем они толкуют. Он выдержал испытание? Но почему это для них так важно?

Потом толпа расступилась, пропуская Мейзера Ракхейма, который подошел к Эндеру Виггинсу и протянул ему руку.

— Перед тобой стоял трудный выбор, мальчик. Бог знает, мог ли ты поступить иначе? Прими мои поздравления. Ты разбил их, теперь все кончено.

Все кончено. Он разбил их.

— *Я разбил вас, Мейзер Ракхейм.*

Мейзер рассмеялся — его смех прозвучал очень громко во внезапно наступившей тишине.

— Эндер Виггинс, ты никогда не играл со мной. С тех пор как я стал твоим учителем, ты вообще ни разу не играл.

Что это, шутка? Если так, Эндер ее не понимал. Он играл бессчетное множество раз, расплачиваясь за победы своим здоровьем. В душе его стал закипать гнев.

Мейзер положил руку ему на плечо, но Эндер стряхнул ее. Снова сделавшись серьезным, Мейзер проговорил:

— Эндер Виггинс, вот уже несколько месяцев ты командовал всем нашим флотом. Это были не игры, а настоящие сражения. Твоим единственным противником были наши враги. Ты выиграл все сражения, а сегодня сражался с врагами в их родном мире и уничтожил их планету и их флот — полностью уничтожил. Никогда больше они на нас не нападут. Ты разбил их начисто. Вот что ты сделал.

Это были настоящие сражения. Не игра.

Эндер слишком устал, чтобы как следует осознать случившееся.

Он молча двинулся сквозь толпу, бормочущую слова благодарности и поздравления, покинул зал, добрался до своей комнаты и закрыл за собой дверь.

Когда к нему в комнату явились Графф и Мейзер Ракхейм, Эндер спал. Они разбудили его, мальчик медленно стряхнул с себя сон, узнал их и отвернулся, чтобы уснуть снова.

— Эндер,— заговорил Графф.— Нам нужно с тобой побеседовать.

Эндер перевернулся на бок, лицом к ним, но не сказал ни слова.

Графф улыбнулся.

— Я понимаю, то, что вчера случилось,— огромное потрясение. Но, думаю, тебе приятно будет узнать, что ты выиграл войну.

Эндер медленно кивнул.

— Мейзер Ракхейм никогда не играл против тебя, он лишь анализировал твои сражения, отыскивая слабые места, чтобы помочь тебе стать более искусным. И это сработало, верно?

Эндер крепко зажмурил глаза. Его посетители ждали.

— Почему вы не рассказали мне раньше? — спросил мальчик.

Мейзер улыбнулся.

— Еще сто лет назад, Эндер, выяснилось, что, если жизнь командира в опасности, он начинает бояться и тогда медленней думает и медленней принимает решения. И когда командир знает, что его приказы могут погубить людей, он становится чрезмерно осторожным или, напротив, слишком безрассудным, что тоже вредит делу. А если он взрослый и у него есть чувство ответственности и понимание мира, он опять-таки становится чересчур осторожным, медлительным и хуже выполняет свою работу. Поэтому мы стали обучать детей, которые не знали ничего, кроме игры, и понятия не имели, что однажды она станет реальной. Теория утверждала, что такие дети будут куда способнее взрослых, и ты доказал, что так оно и есть.— Графф положил руку на плечо Эндера.— Мы точно рассчитали, когда корабли должны прибыть к месту назначения, и строили стратегию на том, что, скорее всего, у нас будет лишь один выдающийся командир, и то если очень повезет. Как показала история, во время любой войны редко появляется больше одного военного гения. Мы надеялись найти такого гения, хотя делать на это ставку было рискованно. Но появился ты, и мы победили.

Эндер открыл глаза, и все поняли, что он кипит от ярости.

— Да, вы победили.

Графф и Мейзер переглянулись.

— Он не понимает,— прошептал Графф.

— Я все понимаю,— возразил Эндер.— Вам требовалось оружие, и вы его нашли — в моем лице.

— Правильно,— подтвердил Мейзер.

— А теперь скажите,— продолжал Эндер,— сколько жителей было на планете, которую я уничтожил?

Последовала пауза, потом Графф сказал:

— Оружию не надо понимать, на что оно нацелено, Эндер. Целились мы, значит, мы в ответе за все. А ты просто выполнял свою работу.

— Конечно, Эндер, о тебе позаботятся,— улыбнулся Мейзер.— Правительство тебя не забудет. Ты отлично нам послужил.

Эндер отвернулся к стене и перестал отвечать, как его ни пытались втянуть в разговор. В конце концов гости ушли.

Довольно долго никто его не беспокоил, но вот дверь открылась снова. Эндер не шевельнулся.

— Эндер, это я, Боб.

Услышав этот голос и почувствовав прикосновение к своему плечу, Эндер повернулся и посмотрел на стоящего у постели маленького мальчика.

— Садись,— сказал он.

Боб сел.

— Это последнее сражение, Эндер. Не знаю, как тебе удалось его выиграть.

Эндер улыбнулся.

— Я сжульничал. Рассчитывал, что за нарушение правил меня вышвырнут вон.

— Просто не верится! Мы победили. Война закончилась. А нам-то казалось, что настоящие сражения начнутся, только когда мы вырастем, а на самом деле мы сражались уже давно. Хотя мы еще маленькие, Эндер. Я, во всяком случае, еще маленький.

Боб засмеялся, и Эндер улыбнулся в ответ. Они помолчали. Боб сидел на краю постели, а Эндер наблюдал за ним, полузакрыв глаза.

В конце концов Боб спросил:

— Что мы будем делать теперь, когда война закончилась?

Эндер закрыл глаза.

— Я хочу спать, Боб.

Боб поднялся и ушел, а Эндер уснул.

Графф и Андерсон вошли в ворота парка; дул легкий ветерок, но солнце припекало плечи.

— Собираешься преподавать технические науки? В столице? — переспросил Графф.

— Нет, в округе Биггок. Учебное подразделение. Им кажется, что моя работа с детьми — неплохая подготовка. А вы что будете делать?

Графф улыбнулся и покачал головой.

— Пока у меня никаких планов. Останусь здесь еще как минимум на несколько месяцев — отчеты, всякая прочая бумажная волокита. Хотя варианты у меня есть. Мне предлагали готовить персонал для МКФ или стать исполнительным вице-президентом университета, но я сказал — нет. Издатель хочет, чтобы я написал воспоминания о войне. Даже не знаю...

Они сели на скамью, глядя, как ветер шевелит листья. Дети у клеток с обезьянами смеялись и что-то выкрикивали, но ветер и расстояние не позволяли расслышать слова.

— Смотрите! — Графф указал на маленького мальчика, который побежал к их скамье.

Следом за этим мальчуганом мчался второй, держа руку так, как будто в ней был пистолет, и выкрикивая: «Паф! Паф!» Парнишка, в которого он целился, не останавливался, и, «выстрелив» еще раз, мальчишка закричал:

— Я попал в тебя! Стой!

Но его «противник» уже скрылся из виду.

— Ты погиб, не понимаешь, что ли?

Мальчик вытащил из кармана камень и кинул в клетку с обезьянами.

Андерсон с улыбкой покачал головой.

— Дети,— сказал он.

Они с Граффом поднялись и направились к выходу из парка.

Дэвид Дрейк

Дэвид Дрейк знаменит прежде всего многотомной серией фантастических романов и рассказов, изображающих так называемых Молотобойцев — команду галактических наемников («Молотобойцы», «Со звезды на звезду», «Любой ценой», «Подсчитывая потери», «Полный вперед», «Воин», «Жестокий конец»). Эти произведения упрочили за ним славу одного из ведущих представителей современной военной научной фантастики. Вместе с Биллом Фоссетом он является составителем серии из шести книг «Флот», посвященной войнам будущего, и, в развитие этой темы, двух томов серии «Боевая станция». Также Дэвид Дрейк участвовал в составлении антологий «Космические гладиаторы», «Космические дредноуты», «Космическая пехота» и двух сборников произведений, написанных как дань уважения Редьярду Киплингу,— «Лицом к шторму» и «Уединенная звезда». В некоторых весьма изобретательных НФ-романах Дрейка местом действия служит Древний Рим. К ним относятся «Стервятники» (о путешествиях во времени), «Бронзовые ряды» (о контактах с инопланетянами) и фэнтезийный сборник «Веттий и его друзья». Как автор чрезвычайно плодовитый, Дрейк написал множество других книг, в их число входят артурианская фэнтези «Повелитель драконов» и знаменитый сборник рассказов в жанре мистики, фэнтези и НФ «Из сердца тьмы», во многих из которых он возвращается к своей излюбленной военной тематике.

Палач

Лампа в кухонной нише бросала отсвет на белокурые кудри лейтенанта Шиллинг и на покрытое блестками изморози окно рядом с ней. Свет лампы отражался и от брони стоящего снаружи танка. Отсветы были холодными — такими, по крайней мере, они казались капитану Дэнни Причарду. Он подошел к лейтенанту Шиллинг.

— Сал...— Из канцелярии подразделения позади них доносились бормотание радиоприемников, выстроившихся в ряд на стене, и, менее приглушенно, смех дожидающихся начала акции солдат.— Постарайся забыть о своем немецком происхождении. Мы — Молотобойцы, все мы. Просто наемники. Не немцы, не фризийцы...

— Ты-то уж точно не немец,— отрезала лейтенант Шиллинг, подняв взгляд от чашки горького шоколада, который она только что налила себе из электрического чайника. Эта невысокая хрупкая женщина обладала безошибочным инстинктом задиры, который всегда сумеет найти способ устроить сцену тому, кто вовсе не рвется быть ее участником.— Ты американский фермер, и тебе плевать на немецких шахтеров, что бы эти проклятые французы с ними ни вытворяли. Однако многих из нас это волнует, Дэнни, и имей ты хоть капельку сострадания...

— Но, Сал...— Правая рука Причарда коснулась белокурых волос девушки.

— Убери от меня свои грабли, капитан! — закричала она.— Между нами все кончено!

Сал вертела в руках чашку горячего шоколада, над которой поднимался пар. Голоса в канцелярии смолкли. Потом кто-то увеличил громкость радиоприемников, и по

крайней мере три человека одновременно громко заговорили на абсолютно не связанные между собой темы.

Причард некоторое время стоял, изучая тыльную сторону ладони. Потом перевернул руку, внимательно рассмотрел мозолистую ладонь и улыбнулся.

— Прости. Я это запомню,— сказал он совершенно спокойно, развернулся и ушел обратно в канцелярию.

Капитану было тридцать четыре года — каштановые волосы, довольно развитая мускулатура, прикрывающая вполне заурядную фигуру, и сердце, которое не прикрывало ничто. Со стороны Дэнни Причард выглядел мягким человеком, и многие его таким и считали. Однако трое военных, поджидавших сейчас капитана возле электрического камина, очень хорошо знали, каков Дэнни на самом деле. Это был экипаж «Плуга», командирского танка Причарда.

Во-первых, Кови — водитель — мужчина с глазами кролика, сейчас раскладывавший очередной, известный только ему одному пасьянс. Колода у него была такая замусоленная, что лишь наметанный глаз мог разобрать достоинства карт. Когда Кови управлял танком, его руки и глаза действовали с необыкновенной быстротой. Ему удавалось проводить огромного «зверя» весом в сто пятьдесят тонн через такие места, где махина танка могла только-только протиснуться. Иногда при этом Кови абсолютно безо всяких угрызений совести сметал все, что попадалось на его пути, вместо того чтобы попытаться объехать. Он всегда был водителем танка. Вы думаете, это не так-то много? Но Кови был лучшим водителем в полку.

Второй член экипажа — Роб Дженни — крупный мужчина, такой же белокурый, как и лейтенант Шиллинг. Он улыбнулся Причарду, и выражение замешательства на его лице сменилось облегчением, когда он убедился, что капитан способен ответить ему улыбкой. Дженни перевелся с бронированных боевых машин на танки три года назад, после того как Молотобойцы покинули Мир Сквайров. Он обладал чрезвычайно острым зрением и никогда не терял присутствия духа в экстремальных ситуациях. Дважды после перевода Дженни предлагали вернуться на боевые маши-

ны, обещая сделать его командиром. Но оба раза он ответил отказом, заявив, что останется с танкистами или выкупит свой контракт, но ничто не заставит его вернуться обратно к этим открытым «гробам». Когда появилась вакансия командира танка, Дженни получил эту должность. Сейчас он сидел, откинувшись в кресле, широко расставив ноги и снова и снова сгибая мощную пружину — упражнение, благодаря которому мышцы рук Роба оставались такими же крепкими и сильными, как в тот день, когда его завербовали в каменоломне на Боледже.

Экипаж линейного танка обычно состоит только из водителя и командира, который указывает дорогу танку, а также задает цели его орудиям в тех случаях, когда они не находятся под прямым управлением полкового компьютера. Однако в командирском танке капитана Причарда имелся еще и связист, отвечавший за управление сложным радиотрафиком, сфокусированным на танке. Связистом у Дэнни была Маргрит Ди Манзо, стройная молодая вдовушка, которая коротко стригла свои роскошные черные волосы, чтобы они не мешали ей носить радиошлем. Маргрит почти никогда не снимала его, только когда спала. Вот и сейчас она была не на дежурстве, но все равно оставалась в своем громоздком шлеме, связывающем ее с шестью радиоприемниками танка, который стоял на улице. Когда все шесть приемников говорили одновременно, то большинству слушателей это казалось лишенным всякого смысла бормотанием. Однако Маргрит прошла специальное обучение, в том числе и под гипнозом, и научилась выделять из этого бормотания отдельные разговоры. Когда Причард вернулся в канцелярию, связистка разговаривала с Дженни. Она не поднимала взгляда на своего командира до тех пор, пока просветлевшее лицо Роба не подсказало ей, что это безопасно.

В канцелярии за своими пультами сидели еще два связиста и сержант с нашивками службы разведки. Все трое принадлежали к батальону штаб-квартиры полка, закрепленному за Сектором Два здесь, на Кобольде, но не входили в собственно боевые подразделения сектора: пехотную роту «С» капитана Рииса и танковые взводы Причарда.

Капитан Риис был старшим офицером: возглавлял сектор, о чем ни он, ни Причард никогда не забывали. Салли Шиллинг командовала первым взводом Рииса.

Ее помощник, черноволосый капрал, сейчас сидел, задрав ноги в больших сапогах, и, негромко напевая, полировал тряпкой разобранный на части автомат. Ствол его мерцал оранжевым в свете электрического камина.

Электричество на Кобольде было распространено шире, чем даже в некоторых более преуспевающих мирах, поскольку горные разработки и медеплавильные заводы не могли без него обойтись. Но хотя с медью для электрических кабелей на Кобольде проблем не возникало, сами провода приходилось изготавливать в других мирах и потом снова доставлять сюда. Аврора и Фрисленд не разрешали устраивать на территории своей объединенной колонии даже такое простое производство. Они считали Кобольд рынком и рассматривали его в качестве поставщика сырья, но отнюдь не хотели, чтобы он со временем стал их конкурентом.

— Как по-вашему, пойдет ночью снег? — спросил Дженни.

— М-м-м, хорошо бы, а то уж слишком холодно.— Причард подошел к камину, делая вид, что не слышит шагов лейтенанта Шиллинг, возвращавшейся из кухни.— Я считаю...

— Тихо! — шикнула на них Маргрит и указательным пальцем повернула регулятор громкости, прежде чем успел среагировать штабной связист.

Один из настенных радиоприемников завопил на всю комнату. Ткнув в другой переключатель, Маргрит направила сигнал отдельно — через канал, связанный с имплантатом, который был вживлен в кость Причарда за правым ухом.

— ...Пулеметы и патроны к ним. В каждом грузовике находится всего по одному человеку, но в любой момент можно ожидать, что там появятся и другие французы...

— Красный уровень тревоги,— приказал Причард и повернулся к связистке, чтобы она смогла прочесть его вопрос по губам.— Где это?

Штабной радист нервно вскочил, не решаясь вмешиваться, но явно не желая, чтобы его оборудование использовал посторонний, пусть даже и очень умелый специалист.

— Красный уровень тревоги,— повторила Маргрит на всех частотах. Потом, через имплантат Причарда, ответила на его вопрос: — Это патруль Сигма Три-Девять, вблизи Хаакина. Гражданские немцы задержали там три грузовика с продовольствием, принадлежащие роте Барта.

— Поднимай Первый взвод,— сказал Причард,— но вели им подождать, пока мы не прибудем.

Маргрит невозмутимо передала его приказ, а Причард тем временем взял свой шлем, который положил на кресло, когда ходил к Сал на кухню. Шлем этот обеспечивал автоматическое подключение и бóльшую дальность передачи, чем биоэлектрическое устройство, вделанное за ухом.

Настенное радио между тем говорило:

— ...Срочно требуется подкрепление, иначе может начаться заваруха.

— Сигма Три-Девять,— сказал Причард,— это Майкл-Один.

— Слушаю, Майкл-Один,— ответил откуда-то издалека командир патруля.

Шлем Причарда создавал ощущение безграничного пространства вокруг, хотя и не заглушал шума.

— Держитесь, ребята,— сказал капитан.— Помощь идет.

И вслед за членами своего экипажа Причард выскочил на улицу и побежал к танку. В канцелярии лейтенант Шиллинг спешно раздавала указания своему взводу и объясняла ситуацию командиру, которого только что разбудили.

Когда Дэнни добежал до «Плуга», мотор его уже разогрелся. Ледяные кристаллы, которые выбрасывали из-под днища танка подъемные лопасти, в лучах габаритных огней кружились в голубовато-белом водовороте. Изморозь выбелила лесенку на боку смесительной камеры и корпус танка. Прежде чем начать подниматься, Причард остановился, натягивая перчатки. Сержант Дженни, левой рукой уцепившись за опору орудийной башни, нагнулся и без видимых усилий втянул наверх капитана. Бок о бок оба проскользнули через люки на свои места.

— Готов,— сказал в интерком Причард.

— Поехали,— ответил Кови, и танк заскользил над замерзшей землей, словно жир на горячей сковородке.

Командный пункт находился на территории, которую раньше, еще до того, как всякая видимость централизованного правительства на Кобольде рухнула, занимал районный центр, отвечавший за ремонт дорог. Канцелярия и квартиры офицеров размещались в бывшем доме начальника центра — удобном строении со ставнями и лозунгами, намалеванными прямо на стенах по-французски. Некоторые занавески были продырявлены пулями. В бывших рабочих бараках по другую сторону дороги сейчас расквартировали солдат. Молотобойцы могли при желании, порывшись в развалах, отыскать здесь забытые немецкие журналы. Рядом с казармами, в бывших ангарах, когда-то предназначавшихся для ремонтного оборудования, сейчас стояли глиссеры пехотинцев, потому что батареи, от которых они питались, были гораздо более чувствительны к перепадам погоды, чем огромные бронетанки роты «М». Сейчас двери ангаров были распахнуты настежь, выплескивая в ночь горячий воздух,— дежурный взвод торопливо выводил свои глиссеры. Некоторые солдаты даже не успели надеть шлемы и бронежилеты. Дженни помахал им рукой, когда танк проносился мимо; потом дорога сделала поворот, и пехотинцы растаяли в ночном мраке.

Кобольд был объединенной колонией Авроры и Фрисленда. Когда восемьдесят лет французского гнета вынудили немецких поселенцев поднять восстание, первое, что они сделали, это наняли Молотобойцев Хаммера. Поначалу между Хаммером и властями Фрисленда существовала пропасть, однако постепенно гнев утих и отношения наладились. Официальным языком в полку наемников был немецкий, и многие Молотобойцы сами были родом с Фрисленда, откуда их откомандировали на Кобольд. Послужив под началом Хаммера, наемники возвращались домой, приобретя немалый опыт, и в результате Фрисленд от этого только выигрывал. Сам Хаммер тоже оказывался в выигрыше, потому что у него служили офицеры, получившие прекрасное образование в Академии в Гройнингене.

Чтобы противостоять Молотобойцам, поселенцы с Авроры наняли три французских полка. Если бы обе группы колонистов могли позволить себе оплачивать наемников без посторонней помощи, сражение развернулось бы немедленно и было бы коротким. На Кобольде, однако, бедность искусственно поддерживалась колонизировавшими его мирами; в результате поселенцы были вынуждены обращаться к этим мирам за финансовой помощью.

Но ни Аврора, ни Фрисленд не хотели, чтобы на Кобольде вспыхнула война.

Фрисленд почти с самого начала обеспечивал своим поселенцам свободу действий, отдавая им пятьдесят процентов прибыли от добываемой меди и предоставляя возможные концессии. Это соглашение вполне устраивало правящие круги Фрисленда: ведь требовалось успокоить общественное мнение, создавая видимость деятельности. Аврора и так была на грани войны с соседями, и ее парламент опасался еще одного вооруженного конфликта, пусть даже и в отдаленной колонии, потому что он мог молниеносно перерасти в полномасштабную войну, несмотря на то что Фрисленд был ослаблен десятилетием серьезных внутренних беспорядков. После этого оба колонизатора пришли к компромиссу. И тогда, боясь оказаться предоставленными самим себе, воинствующие стороны на Кобольде были вынуждены позволить своим родным мирам заключить контракты с наемниками. В результате Аврора и Фрисленд совместно наняли четыре полка. Это были Молотобойцы, отряд полковника Барта, Алаудай и Феникс Мойротс. Наемников с каждой стороны равномерно перемешали и распределили на восьми секторах, на которые разделили карту обитаемого Кобольда. Согласно контракту от них требовалось поддерживать мир между враждующими сторонами, предотвращать доставку современного оружия гражданскому населению и — ждать.

Однако полковник Барт и лидеры Авроры пошли дальше и заключили между собой дополнительное секретное

соглашение. И хотя Хаммер узнал об этом соглашении, он поделился информацией только с двумя офицерами — майором Стибеном, своим помощником и телохранителем, и с капитаном Дэниэлом Причардом.

Причард нахмурился при этом воспоминании. Даже если не знать деталей, которые сообщил Хаммеру один из предателей, было очевидно, что Барт что-то задумал. В других секторах люди Хаммера и их французские дублеры совместно осуществляли объединенное патрулирование. Лагеря обоих были вперемежку разбросаны по секторам — точно так же, как и деревни, где жили переселенцы обеих национальностей. Барт же четко разделил свой сектор на две половины, бесцеремонно приказав Молотобойцам держаться к западу от реки Айлет, поскольку, видите ли, его солдаты заминировали чуть ли не всю местность восточнее. Отряд Барта славился своими минерами. Это, кстати, было одной из причин, почему французы их наняли. Поскольку большую часть Кобольда покрывали либо леса, либо неровные, труднопреодолимые холмы, танки могли перемещаться лишь по дорогам, где умело размещенные мины были способны заставить их сложиться, словно раздавленные коробки.

Хаммер, выслушав заявление Барта, расхохотался, несмотря на то что большинство его офицеров просто трепетали от ярости. Стоявший рядом с командиром Иоахим Стибен лишь усмехнулся и погладил свою кобуру. Когда Дэнни Причарду сообщили, что учинил Барт, он лишь слегка вздрогнул и на следующее утро отправился с инспекционной поездкой. Это было три месяца назад...

Ночь обтекала танк, словно дым. Причард отогнул вниз предохранительный щиток шлема, но не стал опускать свое сиденье в чрево танка. Хотя внутри видеоэкраны позволяли обозревать местность на все триста шестьдесят градусов, однако в Дэнни все еще жил фермер, который в окружении непроницаемых стен никак не мог избавиться от ощущения слепоты. Дженни сидел рядом с капитаном во вращающемся бронированном куполе, оснащенном трехствольным автоматическим оружием. Он тоже высунул голову из люка, но исключительно из чувства товарищества. Сержант всегда предпочитал находиться внутри и запирался там при первых же признаках враждебных действий. Не подумайте, что Дженни был трусом, просто большинство ветеранов отличаются причудами.

Причарду нравилось, как ветер в темноте свистел, обдувая шлем. Теплый воздух от работающих двигателей танка выходил наружу через люк, согревая тело. Огромная масса танка требовала постоянно сжигать огромное количество топлива, и то, что какая-то незначительная часть тепла уходила через открытый люк, существенного значения не имело.

Предохранительные щитки танкистов автоматически усиливали свет луны, тусклый и красноватый; солнце, которое луна отражала, тоже было здесь тусклым и красноватым. Лунный свет играл на стволах деревьев, тесно обступивших дорогу с обеих сторон. Когда Кобольд был в перигелии*, тонкие стволы в течение нескольких дней вырастали до шестиметровой высоты, раскидывая во все стороны переплетающиеся красно-коричневые листья размером с одеяло и образовывая непроницаемый потолок. Сейчас, в афелии**, замерзшие сухие деревья могли гореть с почти взрывной интенсивностью. Древесина была слишком опасна, чтобы использовать ее для обогрева, хотя электричество на Кобольде имелось далеко не везде. Однако оно питало газогенные двигатели большинства средств передвижения на этой планете.

Дженни жестом указал вперед, пробормотав в интерком:

— Танки.

Хотя он и знал, что перед ними, скорее всего, свои, его голова на всякий случай покоилась на включателе орудия. «Плуг» замедлил ход.

— Майкл-Первый, это Майкл-Один,— сказал Причард.— Включите габаритные огни, чтобы мы могли убедиться, что это вы.

— Вас понял,— послышалось из радиоприемника.

---

* Перигелий — ближайшая к Солнцу точка орбиты обращающегося вокруг него небесного тела.

** Афелий — наиболее удаленная от Солнца точка орбиты этого тела.

Впереди вспыхнули голубые огни, освещавшие смутные, неуклюжие силуэты на самом краю леса. Кови снизил скорость до крейсерского уровня и умело вклинился между четырьмя танками.

— Майкл-Один, это Сигма-Один,— прозвучал в шлеме сердитый голос капитана Рииса.

— Слушаю.

— Барт послал за реку батальон. Я отправил наперехват им лейтенанта Шиллинг и обратился в Центр за артиллерийской поддержкой. Держите свой Первый взвод вблизи у Хаакина, вы будете в резерве на случай появления партизан из Портелы. Прямое командование над остальными я беру на...

— Возражаю, возражаю, Сигма-Один! — закричал Причард.

«Плуг» снова ускорил движение, теперь он шел вторым в ряду из пяти танков. Словно хищные звери, они пробирались по неуклонно повышающейся местности, заснеженной и заросшей черными деревьями. Танки двигались со скоростью восемьдесят километров в час.

— Пропустите французов, капитан. Сражения быть не должно. Повторяю: никакого сражения!

— Черт побери, сражение очень даже будет, Майкл-Один, если только Барт попытается пропихнуть свой батальон в мой сектор! — загрохотал в ответ Риис.— Не забывайте, здесь приказываю я!

— Маргрит, соедини меня с батальоном,— прошипел в интерком Причард.

Орудийная башня танка была развернута на тридцать градусов вправо, держа под прицелом проносившийся мимо лес и все, что могло в нем укрываться. Причард подумал о Салли Шиллинг, ведущей сейчас глиссер по точно такому же лесу, спешащей со своими пятьюдесятью подчиненными наперехват французскому батальону.

Устройство связи шлема включилось с легким щелчком. Причард напрягся, подбирая слова, которые могли бы убедить подполковника Мизирка. Того самого Мизирка, под чьим командованием находились Сектора Один и

Два и который пять лет назад служил во фризийской армии. Предполагалось, что сейчас он мыслит как наемник, а не как фризиец, но...

— Внимание! — Голос принадлежал не Мизирку.— Сигма-Один, Майкл-Один, это полк.

— Слушаю,— выпалил Причард.

Капитан Риис тоже быстро отозвался по трехсторонней линии связи:

— Да, сэр!

— Сигма, ваш приказ начать сражение отменяется. Держите своих солдат наготове, но пусть они не суются Барту под ноги.

— Но, полковник Хаммер...

— Риис, сегодня ночью не следует развязывать войну. Майкл-Один, сможете своими силами уладить происходящее в Хаакине, не нарушая при этом условий контракта?

— Да, сэр.— Причард быстро вызвал на предохранительный щиток карту и уточнил свою позицию.— Мы почти рядом.

— Если не справитесь, капитан, лучше молитесь, чтобы вас убили во время этой операции,— отрезал полковник Хаммер.— Я не для того нянчусь с этим полком двадцать пять лет, чтобы потерять его из-за неспособности кое-кого выполнять свои обязанности.— Потом, уже более мягко (Причард представил себе, как взгляд полковника рыщет по сторонам, оценивая реакцию окружающих), он добавил: — В случае чего, вас поддержат, капитан... Ну, если окажется, что они действительно нарушают контракт.

— Вас понял.

— И смотри, не болтай лишнего, парень. Конец связи.

Казалось, окружающие их деревья впитывают вой двигателей. Дорога повернула, и танки накренились, выходя на большак между Димо и Портелой. Груда шлака рядом с хаакинской шахтой неясно вырисовывалась справа и, отражая рев двигателей, усиливала его. Стальные «юбки» головного танка время от времени касались покрытия дороги, освещая ночь каскадами оранжевых искр. За шахтой тянулись пустые белые поля, за которыми виднелась и сама деревня.

Хаакин, самое большое немецкое поселение в Секторе Два, раскинулся по обеим сторонам дороги. Двух- и трехэтажные шлакоблочные дома, покрытые черепицей или пластиком. Хотя вокруг полно лесов, древесина из-за высокой, а потому смертельно опасной воспламеняемости в качестве строительного материала не использовалась. Дорога была прямая и широкая, что позволило Причарду как следует разглядеть три стоящих на обочине грузовика. Вокруг них суетились какие-то люди, судя по одежде — местные жители. По другую сторону дороги плотным кольцом стояли десять одетых в форму пехотинцев Хаммера, патруль С-39. Они одновременно вскинули свои автоматы — отчасти с угрозой, отчасти защищая трех водителей своих грузовиков. Время от времени кто-нибудь из местных жителей поворачивался и осыпал проклятиями людей Барта, но в основном немцы занимались тем, что стаскивали с грузовиков большие картонные коробки.

Причард отдал короткую серию команд. Четыре линейных танка образовали заграждение вдоль края деревни. Их орудийные стволы и автоматы ощетинились во всех направлениях. Командирский танк проехал мимо пехотинцев и остановился позади последнего грузовика, однако Кови не до конца выключил двигатели, чтобы в случае чего «Плуг» мог мгновенно тронуться с места. Сквозь металл корпуса Причард чувствовал жужжание лопастей.

— Кто тут у вас старший? — прогремел голос капитана через громкоговоритель танка.

Разгружающие грузовики немцы остановились. Вперед вышел приземистый мужчина в парке из пушистого местного меха. В отличие от многих других гражданских он был безоружен. Человек этот не дрогнул, когда Причард осветил его прожектором танка.

— Я Поль ван Оостен,— представился мужчина на тяжеловатом немецком Кобольда.— Мэр Хаакина. Но если вы подразумеваете, кто руководит нами в том, чем мы сейчас занимаемся, ну... это, возможно, сама Справедливость. Клаус, покажи им, что эти грузовики везли в Портелу.

Второй немец выступил и снял крышку с коробки, которую нес. Оттуда, мерцая в холодном свете, посыпались

плоские пластины — боеприпасы для автоматов наподобие тех, которыми были вооружены пехотинцы.

— Они везли автоматы этим скотам в Портеле, чтобы те использовали их против нас,— сказал ван Оостен.

Его гладко выбритая челюсть дрожала от гнева.

— Капитан! — позвал один из водителей грузовиков, метнувшись вперед сквозь кольцо людей Хаммера.— Позвольте мне объяснить.

Кто-то из местных жителей недовольно заворчал и вскинул свой тяжелый мушкет. Роб Дженни дважды стукнул костяшками пальцев по бронированной башне, призывая собравшихся обратить внимание на дула трехствольного орудия: он опустил их, направив на толпу. Немцы замерли. Дженни молча улыбался.

— Нас послали привезти пшеницу, которую закупил полк,— начал человек Барта. Причард не разбирался в принятых у них знаках различия, но, судя по возрасту и манере держаться, это был старший сержант. Прямо скажем, довольно странно для водителя грузовика с продовольствием.— Так получилось, что одна из машин уже была частично загружена. Мы не стали тратить время на разгрузку, потому что торопились поскорее съездить и вернуться к своим прямым обязанностям... там было достаточно места, чтобы зерно поместилось.

В любом случае...— и здесь сержант начал «давить», потому что капитан не оборвал его на первых же словах, как можно было ожидать,— вы не имеете права — а уж эти идиоты тем более — останавливать транспорт полковника Барта. Если у вас есть вопросы по поводу доставки пшеницы, пусть разбираются наши и ваши начальники, сэр.

Причард обвел затянутым в перчатку указательным пальцем правую глазницу. Внутри у него был лед, пузырящийся лед, который одновременно замораживал и разрывал его сердце, и это не имело никакого отношения к погоде. Капитан посмотрел на мэра ван Оостена.

— Загрузите грузовики снова,— сказал он, надеясь, что его голос звучит достаточно твердо.

— Это невозможно! — воскликнул ван Оостен.— Ведь автоматы — единственный шанс моей деревни, наших лю-

дей уцелеть, когда вы уйдете отсюда. Вы что, не понимаете, что будет дальше? Фрисленд и Аврора наверняка придут к соглашению, к компромиссу, как они это называют, и все солдаты покинут Кобальд. И ценой этого компромисса станет наша жизнь! Эти твари в Димо, в Портеле, если вы пропустите туда этих... у французов будут автоматы, полученные от своих наемников. А мы...

Причард прошептал заранее обдуманный приказ в микрофон шлема. Последний из четырех танков, стоявший на краю деревни, дал единственный залп из основного орудия. Ночь полыхнула голубым, когда двухсотмиллиметровый снаряд ударил в центр груды шлака в километре от Хаакина. Камень, распавшийся под воздействием мощнейшей энергии выстрела, превратился в сгусток пламени. Пар, лава и окалина полетели во все стороны. Спустя мгновенье подброшенные высоко в воздух куски обуглившегося шлака забарабанили по крышам Хаакина.

Потом грохнуло еще раз: это в месте удара высвободился горячий воздух. Но вот раскаты стихли, и в Хаакине воцарилась тишина. И лишь затухающее красное мерцание на далеком развале обозначало место, куда угодил снаряд. От выстрела также загорелись молодые деревца, росшие среди камней. Точно белые факелы, они полыхали несколько мгновений, но быстро гасли, как и разогретый шлак.

— Молотобойцы играют по правилам,— сказал Причард. Громкоговорители разнесли его тихий голос по всей деревне, точно эхо выстрела. Однако на самом деле капитан говорил для звукозаписывающего аппарата в чреве танка, зная, что позже эта запись будет представлена Объединенному Командованию во время неизбежных слушаний.— У мирного населения не может быть никаких автоматов. Погрузите все оружие обратно. И не забывайте: там есть спутники...— Причард махнул рукой в сторону неба,— которые видят все, что происходит на Кобольде. Если хоть один мирный житель в этом секторе выстрелит из автомата, я его достану. Обещаю вам.

Мэр совсем сник. Повернувшись к толпе, стоявшей у него за спиной, он сказал:

— Положите автоматы обратно на грузовик — чтобы порteланцам было легче убивать нас.

— Ты в своем уме, ван Оостен? — спросил немец с ружьем, перед этим угрожавший сержанту Барта.

— А ты в своем уме, Круз? — закричал мэр, даже не пытаясь скрыть ярость.— Может, ты сомневаешься, что эти танки в состоянии сделать с Хаакином? Или сомневаешься, что этот палач,— мэр стоял спиной к Причарду, но было совершенно ясно, кого он имеет в виду,— использует их против нас? Может, завтра мы могли бы...

На краю толпы возникло движение: в одном из домов что-то случилось. Маргрит, наблюдавшая за происходящим изнутри через видеоэкран, предостерегающе вскрикнула. Причард потянулся к аварийной кнопке, Роб Дженни развернул орудие. Однако все трое опоздали. Из оружейного дула вырвалась красная вспышка и, точно молот, ударила Причарда прямо в центр лба.

Танкиста отбросило назад и подкинуло вверх. Осколки шлема разлетелись в ночную тьму. Твердый комингс люка за спиной вынудил его туловище выгнуться дугой, словно Причарда ломали на колесе. В глазах замелькали вспышки света. Потом его снова швырнуло вперед, и тут только Причард осознал, что эти адские вспышки реальны и что он на самом деле слышит выстрелы.

Дженни стрелял из пушки, и эти выстрелы, хотя и не такие ослепительные, как из трехствольного орудия, производились с очень близкого расстояния. Первый угодил в стоявшего на расстоянии метра старика, который тут же отшатнулся назад и врезался в стену. Его рот и широко распахнутые глаза превратились в три круга чистого ужаса. Всего Дженни сделал семь выстрелов. За исключением самого первого, все они попали в снайпера или в дом, за которым тот прятался. Измельченный до состояния порошка, бетон разлетался во все стороны. Тело снайпера выгнулось назад, пули одна за другой утопали в груди. Правая рука все еще сжимала мушкет, из которого немец выстрелил в Причарда. В воздухе чувствовался привкус озона. Одежда погибшего загорелась, но крошечные оранжевые огоньки почти сразу же превращались в дым.

Левой рукой Дженни вцепился в ткань мундира Причарда, не давая ему упасть.

— А теперь я напомню вам еще одно из правил игры! — взревел сержант, обращаясь к толпе.— Посмейте только выстрелить в Молотобойца, и мы вобьем вам яйца между ушей! Это ясно как божий день, мужики! Ясно, как сама смерть! — Дженни обвел лица немцев дулом пушки.— А теперь загружайте обратно эти проклятые грузовики. Делайте, что вам было сказано, герои.

Какое-то краткое мгновение ничто вокруг не шевелилось, кроме дула пушки. Потом один из местных жителей развернулся и потащил тяжелую коробку на грузовик, с которого снял ее. Поставив коробку на место, он бочком-бочком двинулся прочь, подальше от смертоносного орудия. Один за другим остальные обитатели деревни грузили обратно награбленное добро — автоматы и патроны, которые, как они надеялись, спасут их во время предстоящего катаклизма. После этого жители разбегались по своим домам, придя к выводу, что именно этого и ждет от них сержант. Не ушла лишь одна женщина, рыдающая над распростертым телом снайпера. Никто из соседей вместе с ней не остался. Видимо, немцы понимали, что выстрел снайпера мог закончиться уничтожением всей деревни, а не расстрелом лишь одного напавшего, как это сделал Дженни.

— Роб, помоги мне затащить его внутрь,— услышал Причард голос Маргрит.

Обхватив себя обеими руками, капитан наклонился вперед, давая понять, что обойдется без помощи сержанта.

— Ничего, со мной все в порядке,— прохрипел он.

Сейчас в глазах у него прояснилось, однако вся местность вокруг, казалось, полыхала разноцветными красками — то яркими, то тусклыми.

Лязгнул боковой люк орудийной башни, и рядом с капитаном возникла Маргрит. Внутри танка она снимала теплую одежду и сейчас была лишь в форме цвета хаки.

— Залезай обратно,— пробормотал Причард.— Это небезопасно.

Он хотел было оттолкнуть женщину, но побоялся, что упадет. Острие иглы вошло в набухшую плоть над скулами.

Мерцающие краски вокруг погасли, зато теперь зазвенело в ушах.

— Между прочим, кое-что они успели утащить в ближайший дом,— сказал сержант Барта.

Он говорил по-немецки; наверняка перед отправкой на Кобольд прошел обучение во сне, точно так же люди Хаммера осваивали французский.

— А ну-ка тащите все обратно,— приказал Дженни местным жителям, которые еще толклись около грузовиков.

Трое тут же бросились к дому, на который указал наемник, и вернулись, неся последние коробки с оружием.

Причард окинул взглядом сцену. Весь груз снова на месте, за исключением нескольких рассыпавшихся патронов, блестящих на фоне темной мостовой. В поле зрения остались лишь ван Оостен и взбешенный Круз.

— Порядок,— сказал Причард водителям грузовиков.— Садитесь и езжайте. И возвращайтесь через Битцен, не ездите больше через эту деревню. Я организую вам эскорт.

Французский сержант подмигнул, усмехнулся и выкрикнул приказ своим людям. Пехотинцы расступились и пропустили водителей. Французские наемники залезли в свои грузовики и включили двигатели. Лопасти взвыли, грузовики приподнялись, рассыпая в стороны кристаллы снега, и со все возрастающей скоростью устремились на запад по окаймленной лесом дороге.

Дженни покачал головой, глядя им вслед, и вдруг выпрямился, услышав голос в шлеме.

— Капитан,— сказал он,— это еще не все. Ты только посмотри, кто к нам пожаловал.

Причард недовольно заворчал. Его шлем расколола вдребезги пуля, а имплантат мог передавать сообщения только на одной частоте.

— Маргрит, принимай за меня,— велел он.

Связистка уже снова забралась внутрь танка через боковой люк. Сейчас кровь Причарда пропиталась препаратами, которые Маргрит ему вколола. Зрение и мозг работали превосходно... хотя, может быть, мысли мелькали чересчур быстро.

— Возьми мой шлем,— предложил Дженни.

— У меня же есть имплантат,— ответил Причард, покачав головой, о чем тут же пожалел.— В сочетании с Маргрит он лучше любого шлема.

— Да их целый батальон,— негромко объяснял Дженни, сканируя взглядом дорогу, откуда, как его предупредил Командный Центр, приближались солдаты Барта.— Тут все, кроме артиллерии, она в Димо, но мы в пределах их досягаемости. Эге, да они прихватили с собой противотанковые ружья и парочку тяжелых орудий.

— Давай-ка займи позицию впереди Майкла-Первого,— приказал Причард водителю.

«Плуг» задрожал и развернулся. Капитан опустил сиденье внутрь танка, чтобы наблюдать за видеоэкранами. Он слышал, как сиденье сержанта тоже поехало вниз и его люк наверху захлопнулся. Прямо перед Причардом посверкивали огоньки приборов. Маргрит сидела на своем месте, не сводя взгляда с пульта связи.

— Эй, ребятки! — окликнул Причард через громкоговоритель пехотинцев.— Поищите-ка лучше тихий закуток и молите Бога, чтобы с вами ничего не случилось. Только учтите — если сделаете хоть один выстрел без моего приказа, то тогда уж вам точно только Бог поможет.

«Хорошо бы он всем нам помог»,— добавил капитан мысленно.

Перед командирским танком зашевелились остальные, похожие на огромных жуков.

— Майкл-Первый,— резко приказал Причард,— оставайтесь на своих позициях. Мы не собираемся вступать в бой с Бартом, мы хотим просто встретиться с ним.

«А там — кто знает...»

Кови отъехал немного в сторону и вперед, поближе к центру защитного ромба, образованного другими танками. Все вокруг замерло. Люки всех танков были сейчас задраены, за исключением одного, над головой Причарда. Центральный видеоэкран представлял собой панель размером метр на тридцать сантиметров. Он обеспечивал обзор триста шестьдесят градусов, позволяя разглядеть любой объ-

ект на расстоянии до километра в масштабе один к одному. Причард увеличил все сначала в десять раз, а потом в тридцать. Вместо какого-то еле различимого сперва движения между заснеженными полями Хаакина и его шахтой на экране стали отчетливо видны люди.

Солдаты Барта были одеты в черно-белые комбинезоны и бронежилеты и низко пригибались, стоя на невысоких платформах своих глиссеров. Увеличение и дополнительное освещение делали быстро движущиеся изображения зернистыми, но наметанный глаз танкиста разглядел трубы противотанковых ружей, приторочeнных к каждому глиссеру. Цепочка стрелков словно бы разбухала в двух местах: точно шарики на веревке, состоящей из людей, виднелись самоходные противотанковые пятидесятимиллиметровые пушки, стреляющие мощными зарядами. Считалось, что эти орудия в состоянии пробить любую сверхпрочную броню. Да уж, парни Барта вооружились на славу, точно собрались идти на медведя. Эти ребята думали, что знают, с чем им предстоит иметь дело. Ну, Молотобойцы не станут демонстрировать им, что они ошибаются. По крайней мере, сегодня ночью.

— Включить все габаритные огни,— приказал Причард.

Сделав глубокий вдох, он включил подъемник своего сиденья и резко вознесся вверх, голова и плечи снова окунулись в холодный ночной воздух. Капитан включил прикрепленный к своему френчу ручной фонарик и навел луч света на верхнюю часть орудийной башни. Металл заблестел, отбрасывая на Причарда рассеянное излучение, освещавшее верхнюю часть его туловища и лицо. Сквозь открытый люк он слышал, как ругается Роб. Маргрит, скорее всего, сейчас бормочет молитву.

— Батареи в Димо и Хёфлере в Секторе Один получили приказ открыть огонь и ждут только сигнала,— проскрипел имплантат.— Если Барт откроет огонь, Командный Центр не станет, повторяю, не станет использовать Майкла-Первого или Майкла-Один, чтобы сбивать вражеские артиллерийские снаряды. Действуйте, как сочтете нужным, Майкл-Один.

Причард напряженно улыбнулся. Да уж, ну и видок, наверное, у него сейчас, даже не считая того, что почти все лицо его покрыто свежими синяками. Центральный компьютер использовал радар и разведывательный спутник, чтобы отслеживать артиллерийские снаряды в полете. После этого компьютер брал на себя управление любыми самоходными орудиями полка и наводил их на цель. Сообщение Центра означало, что Причарду предоставляли возможность самому управлять своими орудиями, в то время как пушки в десяти или в ста километрах отсюда будут прикрывать его от артиллерийского огня.

Тут до капитана дошло, что Маргрит блокировала большую часть передач, пропустив к нему лишь одно это сообщение, поскольку именно на его основе Причард и должен решить, что им предстояло делать. Отличная связистка, да и вообще славная женщина.

Цепочка стрелков остановилась. Первые пехотинцы находились на расстоянии всего пятидесяти метров от танков, а их товарищи развертывались в ночи, словно смертоносные крылья. Люди Барта скатывались со своих глиссеров и залегали на местности. Причард слегка успокоился, заметив, что все противотанковые ружья остались на глиссерах. Пушки находились в пределах практически мгновенной досягаемости, но, по крайней мере, их стволы не были опущены, как если бы собирались немедленно дать залп. Барт не хотел сражаться с Молотобойцами. Его целью были гражданские немцы — как и предполагал мэр ван Оостен.

К танку приближался джип на «воздушной подушке» с водителем и двумя офицерами на борту. Он медленно проехал сквозь линию пехотинцев и остановился, почти коснувшись носа командирского танка. Из джипа вылез один из офицеров — высокий и, скорее всего, очень худой, если снять с него комбинезон и бронежилет. Он поднял лицо к Причарду, прикоснувшись рукой к своему отражающему щитку. Это был подполковник Бено, начальник французских наемников в Секторе Два; чисто выбритый, с резкими чертами лица и прядью седых волос, торчащей из-под шлема. Бено с усмешкой отмахнулся от нацеленного на

него двухсотмиллиметрового орудия. Никто никогда еще не называл первого помощника Барта трусом.

Причард выбрался из орудийной башни и спрыгнул на землю. Бено был на несколько дюймов выше его и вдобавок обладал сильным характером; получалась «гремучая смесь». Люди обычно пугались его гораздо сильнее, чем если бы подполковник был просто высоким человеком. Для Причарда это не имело значения. Он много лет имел дело с танками и полковником Хаммером, а запугать человека, привыкшего к *такому,* не могло ничто.

— Старший сержант Оберли доложил, как хорошо и... как жестко вы уладили это маленькое недоразумение, капитан.— Бено протянул руку Причарду.— Признаюсь, я был немного озабочен тем, что мне, возможно, придется самому вызволять своих людей.

— Молотобойцы всегда соблюдают условия контракта,— ответил танкист, улыбаясь с притворным дружелюбием.— Я просто объяснил этой немчуре, что любой мирный житель, которого поймают с автоматом в руках, ответит мне за это. Ну, а потом мы постарались, чтобы немцы не приняли мои слова за шутку.

Бено засмеялся, при этом изо рта у него вырвалось облачко пара.

— Вас ведь посылали в Академию в Гройнингене, капитан Причард? — спросил он.— Как вы понимаете, я интересовался теми, кто в этом секторе занимает примерно одинаковую со мной должность.

Причард кивнул.

— Да, было дело. Старик посылал меня на Фрисленд — пройти двухлетний курс обучения. Время от времени он отбирает для этого сержантов, которых хочет повысить.

— Вы не фризиец, хотя и учились на Фрисленде. Как вам наверняка известно, капитан, в некоторых полках наемников продвижение по службе происходит значительно быстрее, чем у... Молотобойцев. Если у вас когда-нибудь возникнет желание обсудить это с полковником Бартом, уверен, сегодняшний эпизод не будет забыт.

— Я просто выполнял свою работу, подполковник,— все с той же притворной улыбкой сказал Причард. Неуже-

ли Бено думает, что его можно так дешево купить? Очень может быть. «Хаммер ведь купил информацию о планах Барта еще того дешевле».— Я должен следить за неукоснительным выполнением контракта. Не сомневаюсь, что и вы точно так же поступили бы на моем месте.

Бено снова засмеялся и залез обратно в джип.

— До встречи, капитан Причард,— сказал он.— Думаю, нам пора в Портелу. Тут уж никаких нарушений контракта нет.

— Я так понимаю, что вы объедете Хаакин стороной? Местные жители сильно возбуждены инцидентом. Нам всем ни к чему неприятности, верно?

Бено кивнул. Пока джип его поднимался в воздух, он произнес что-то в коммуникатор шлема. Цепочка стрелков неуклюже зашевелилась и тронулась в путь, объезжая Хаакин по дуге. Позади них, выстраиваясь в колонну, появились грузовики с людьми, до этого занимавшие позиции около груды шлака,— еще три роты поддержки. Причард стоял, провожая их взглядом, пока последние машины не промчались мимо.

Воздух пришел в движение: это на полную мощность включились работающие на холостом ходу лопасти танка. Вокруг Причарда взлетели маленькие, сверкающие водовороты снега. Ощущая их холодное прикосновение, капитан вспомнил усмешку подполковника Бено.

— Командный Центр,— сказал он, забравшись в танк.— Это Майкл-Один. Все прошло гладко. Конец связи.— И потом: — Сигма-Один, это Майкл-Один. Я возвращаюсь на всех парах, так что если желаете поговорить, сделаем это чуть позже.

Причард не сомневался, что дай только капитану Риису волю, так он способен сжечь сеть, высказывая свои претензии. Это просто нечестно — заставлять Маргрит поддерживать связь, когда сам Причард, из-за отсутствия шлема, был на это не способен. Да, признаться, и сил спорить сейчас с Риисом у него просто не было. Этой ночью капитан заглянул в глаза смерти и подполковнику Бено. Риис вполне может десять минут подождать.

Командирский танк мчался по гладкой, как стекло, замерзшей дороге, благодаря «воздушной подушке» практически не соприкасаясь с ее грубой поверхностью и не испытывая никаких сотрясений. Маргрит сидела за своим пультом лицом к Причарду. Ее сиденье было расположено на метр ниже, и поэтому она выглядела просительницей. Ее коротко остриженные черные с медным отливом волосы поблескивали в призрачном свете приборов.

— Слушай, капитан,— сказал сидящий рядом с Причардом Дженни,— жаль, что ты не дал мне подобрать ружье того тупого немца. Знаю я этих рудокопов. С ними нужно держать ухо востро. Не придави ты ногой тело, и они мигом утащат его, а потом попробуй докажи что-нибудь. Помню, как на Парадизе мы с Питом де Хагеном — он был левым стрелком, я правым — одновременно выстрелили в какую-то партизанку. И потом, черт меня побери, Центр решил, что эта девка сама подорвала себя ручной гранатой, а мы ее только ранили. Они нам обоим не поверили. Как ты думаешь...

— Господи боже, сержант,— взорвался Причард,— неужели ты и правда настолько гордишься тем, что убил одного из этих несчастных ублюдков, которые наняли нас защищать их?

Дженни молчал. Причард внутренне съежился, осознав, что именно он только что сказал, и понимая, что сказанного не вернуть.

— Ох, господи, Роб... Прости меня. Я... Я просто еще в шоке, вот и все.

После короткой паузы белокурый сержант рассмеялся.

— Мне ни разу в жизни не стреляли в голову, капитан, но я понимаю, что это и впрямь может потрясти. Да уж.— Он помолчал, как бы решая, стоит ли продолжать.— Знаешь, капитан, а ведь целую неделю после участия в первой акции я намеревался уйти из Молотобойцев, даже если бы всю оставшуюся жизнь мне пришлось мыть полы на Курвине. В конце концов я все же решил остаться. Мне не нравятся... правила этой игры, но я в состоянии научиться играть по ним. И я действительно научился. Одно правило гласит, что, убивая людей, которых Хаммер хочет ви-

деть мертвыми, нужно делать это как можно лучше. Да, я горжусь тем, что сегодня сделал. Один точный выстрел. Меня не волнует, зачем мы на Кобольде и кто привел нас сюда. И... знаю только одно — я должен убить любого, кто стреляет в нас. Так я делаю и буду делать.

— Честно говоря, я тоже рад, что ты сделал это,— сказал Причард, глядя сержанту в глаза.— Твоя реакция позволила сегодня ситуации не выйти из-под контроля.

Точно не слыша его, Дженни продолжал:

— Я боялся, что, оставшись с Молотобойцами, превращусь в зверя — вроде тех псов, которых мы в каменоломнях натаскивали убивать крыс. И так, кстати, оно и вышло. Но теперь уж с этим ничего не поделаешь.

— А жалко все-таки этих деревенских, правда? — неожиданно спросила Маргрит Причарда.

Капитан посмотрел вниз и встретился с ней взглядом. Глаза у связистки были зеленовато-голубые, словно цветы цикория.

— Ты, наверно, во всем полку одна так думаешь,— ответил он с горечью.— Не считая меня самого. И, может быть, полковника Хаммера...

Быстро вспыхнувшая улыбка Маргрит тут же погасла.

— Среди Молотобойцев есть очень правильные солдаты,— сказала она,— которые никогда не поверят, что Барт передает оружие поселенцам с Авроры — раз он подписал контракт, запрещающий делать это. Ты не такой. Видит Бог, полковник Хаммер тоже не такой, и он поддерживает тебя. Я слишком давно рядом с тобой, Дэнни, чтобы поверить, будто тебе нравится то, что вытворяют французы.

Причард пожал плечами. Все лицо у него одеревенело от синяков и лекарств, которые ему вколола Маргрит. Если бы он тогда застегнул на горле ремешок шлема, ударом ему сломало бы шею, хотя сама пуля так и не пробила шлем.

— Разумеется, мне это не нравится,— согласился капитан.— Я сразу вспоминаю, до какой нищеты довели нас политики на Земле: ведь тысячи людей были согласны сражаться где угодно и подписать любой контракт за гроши, лишь бы только покинуть планету. А если на Кобольд едут

люди только из тех миров, которые основали эту колонию, тогда здешние французы, наверно, еще не самые худшие из них... Так что, если говорить как на духу, я сочувствую здешним немцам.— Причард продолжал, не отрываясь, смотреть в глаза своей связистки.— Однако Роб прав, Маргрит: я буду делать свое дело независимо от того, кто при этом пострадает. Мы не сможем противостоять Барту или французам, пока те открыто не перейдут черту. А ни к чему хорошему это не приведет. Да я ничего хорошего и не жду.

Маргрит легонько дотронулась до лежащей на колене руки Причарда.

— Но ведь как только представится шанс, ты обязательно что-нибудь сделаешь, да?

Он в ответ стиснул пальцы женщины. Интересно, что бы она сказала, если бы узнала, что Причард не просто ждет, пока подвернется случай, но и сам его готовит?

— Разумеется, сделаю,— сказал он.— Но для очень многих к тому времени уже может быть слишком поздно.

Кови вел «Плуг» на крейсерской скорости. Когда до командного пункта осталось не больше ярда, он задрал нос танка и заставил его огромную массу резко развернуться, погасив таким образом скорость и обдав здание КП снежной волной. Услышав, что танк подъезжает, кто-то внутри бросился отпирать дверь. Однако воздух, выплескивающийся из-под днища танка, прижимал дверную панель и мешал человеку открыть ее.

Этим человеком оказался капитан Риис, без удивления отметил Причард. Ну, ничего страшного, этот мелкий инцидент мало что добавит к злости, обуревавшей пехотного капитана в связи с событиями сегодняшнего вечера.

Когда Причард спрыгнул на землю, Риис уже закончил сражаться с дверью. Обычно бледное лицо фризийца сейчас побагровело от ярости. Внешне он был очень похож на подполковника Бено, своего французского дублера в этом секторе: высокий, худощавый, с прямой, горделивой осанкой. Хотя Риису исполнилось всего двадцать семь, он на два года раньше Причарда получил звание капитана. Когда

полковник Хаммер рекрутировал его из регулярной армии Фрисленда, Риису сохранили то звание, до которого он там дослужился. Многие фризийские солдаты стали Молотобойцами, как Риис,— люди хотели жить, а не прозябать и получать приличные деньги, а потому перешли в действующее подразделение, где их опыт и знания могли пригодиться.

— Ты грязный трус! — зашипел пехотинец, наступая на Причарда.

В канцелярии за спиной Рииса стоял целый взвод в боевом снаряжении. Он поджал тонкие губы и сплюнул.

— Эй, капитан! — послышался позади голос Роба Дженни.

Риис поднял взгляд. Причард обернулся, удивленный тем, что сержант все еще не покинул танк. Улыбаясь из-под бронированного купола «Плуга», Дженни помахал пехотинцу левой рукой, положив правую на триггер трехствольного орудия.

Угроза, пусть и невысказанная, вернула Риису профессионализм.

— Пошли в мой кабинет,— пробормотал он, обращаясь к Причарду, и повернулся спиной к танку, точно тот был всего лишь деталью ландшафта.

Пехотинцы внутри расступились, пропуская обоих капитанов. Там же находилась и Салли Шиллинг. Ее взгляд, на мгновение остановившийся на Причарде, был холоден. «Это не имеет значения»,— устало солгал он самому себе.

Кабинет Рииса находился наверху — узкая комнатка, когда-то бывшая детской. Наклонная крыша невольно давила на обитателей, хотя днем сквозь окно мансарды комнату заливал солнечный свет. На одной стене в виде украшения висел боевой флаг, но не стоящий на задних лапах лев — эмблема полка Хаммера,— а узор из семи звезд на белом фоне. Скорее всего, этот флаг Риис привез с собой с прежнего места службы на Фрисленде. Над дверью Причард увидел еще один сувенир — широкоствольный мушкет местного производства.

Риис рухнул в мягкое кресло позади письменного стола.

— Эти ублюдки везли автоматы в Портелу! — рявкнул он.

Танкист кивнул. Он стоял, прислонившись плечом к дверному косяку.

— Жители Хаакина тоже так думают. Если они подадут жалобу Объединенному Командованию, я готов подтвердить то, что видел.

— Подтвердить, подтвердить! — завопил Риис.— Мы не юристы, мы солдаты! Ты должен был захватить эти грузовики прямо на месте и...

— Ничего подобного, капитан! — Лицо Причарда тоже исказилось от гнева.— Потому что, сделай я это, Барт сам пожаловался бы в Совет, и нас как минимум оштрафовали бы. Как минимум! В контракте сказано, что Молотобойцы сотрудничают с тремя другими подразделениями с целью сохранения мира на Кобольде. И если ты считаешь, будто Барт нарушает контракт, то это еще не дает нам права нарушать его самим. В особенности таким образом, что любой дурак может сообразить, что это явное нарушение.

— Но если Барт вытворяет такие вещи и выходит сухим из воды, то и мы можем,— стоял на своем Риис.

Физически он был крупнее Причарда, но танкист полжизни прослужил в Молотобойцах. А это даром ни для кого не проходит: временами казалось, что сама смерть глядит из глаз Дэниэла.

— Я очень сомневаюсь, что Барт сумеет выйти сухим из воды,— солгал Причард, вспомнив совет Хаммера относительно того, как нужно вести себя с Риисом: успокаивать его, не говоря правды.

Офицеры Барта были посвящены в его планы, и один из них проболтался. В любом полку найдется хотя бы один предатель.

Танкист снял со стены мушкет и стал вертеть его в пальцах.

— Если немецкие поселенцы сумеют доказать Совету, что Барт доставляет автоматы французам,— как бы рассуждая вслух, продолжал Причард,— ну, тогда вина ведь ляжет и на них тоже. Не забывай, что половину жалованья Барту платят именно они. А ведь это очень серьезное нару-

шение. Совет конфискует весь его залог и выплатит деньги тому, кто, по их мнению, является пострадавшей стороной. Это примерно трехгодовой заработок Барта, насколько я могу судить... Где он возьмет такую сумму? А не имея возможности внести залог... ну, какую-никакую работу он, конечно, найдет, но она никак не будет связана с риском, да и заработать он толком не сможет. Лучшие его солдаты мигом разбегутся. Не пройдет и года, как Барт лишится своего полка.

— Он готов пойти на такой риск,— сказал Риис.

— А полковник Хаммер нет! — взорвался Причард.

— Откуда тебе знать? Вряд ли полковник станет говорить на такие темы...

— Говорить? — закричал Причард и замахнулся мушкетом на Рииса. Казенная часть мушкета была трижды перетянута ремнем — на всякий случай, поскольку в нем использовалась промышленная взрывчатка. Большой, неуклюжий мушкет представлял собой лучшее оружие, которое только могло быть создано в горнодобывающей колонии, родные миры которой наложили запрет на всякое местное производство.— Да неужели тебе еще требуются объяснения? Ставлю свою жизнь против жизни одного из тех, с кем мы имели дело сегодня ночью, что полковник хочет, чтобы мы соблюдали контракт. Хватит у тебя смелости напрямую спросить, хочет ли он, чтобы мы снабжали оружием немцев?

— Не думаю, что это будет уместно, капитан,— холодно ответил Риис и встал.

— А я думаю, что еще более неуместно выкидывать дурацкие фокусы по собственному разумению... сэр,— парировал Причард.

Неужели они просчитались? Хаммер и Причард ожидали, что Риис будет поддерживать гражданских немцев. Они даже рассчитывали на это. Однако складывалось впечатление, будто этот человек утратил всякий здравый смысл. Причард положил мушкет на стол — у него так дрожали руки, что он не мог повесить его на крюк.

— Если ты еще не понял, капитан,— сказал Риис,— во всем секторе нет ни одного Молотобойца, который возражал бы против нашей помощи единственным порядочным людям на этой планете. Ты сделал свой выбор, и он вызывает у меня презрение. Однако я тоже сделал свой выбор.

Причард вышел, не дожидаясь разрешения. По дороге он налетел на косяк, но хлопать дверью не стал. Это было бы слишком мелко, а в его гневе не было ничего мелочного.

С застывшим, ничего не выражающим лицом капитан тяжело спускался по лестнице. У него была своя отдельная комната, имевшая собственный выход наружу. Экипаж все еще оставался в «Плуге». Во время спора с Риисом они через имплантат Причарда слышали ту половину разговора, которая исходила из его уст. Это делалось намеренно: если бы Причард обратился к ним за помощью, Кови проломил бы танком стену дома, а Дженни, если что, ради спасения командира был готов застрелить любого. Танк выглядит огромным, если смотреть на него вблизи. Сплошная завывающая сталь и иридий; черные дула, готовые изрыгать смерть. Однако на поле боя, когда небо полыхает тысячью пронзительных красок, а земля дрожит и внезапно встает на дыбы, танк для своего экипажа — целый маленький мир. И танкисты преданы друг другу несравненно больше, чем абстрактному «полку».

Кроме того, они издавна враждовали с пехотой.

В канцелярии не было никого, за исключением двух радистов, сидящих спиной к лестнице. Причард мельком глянул на них и отпер дверь в свою комнату. Там было темно, но капитан почувствовал, что в помещении кто-то есть. Шагнув внутрь, Причард сказал:

— Сал?..

И тут на него обрушился приклад ружья. Удар отбросил капитана на руки людям, специально дожидавшимся момента, когда нужно будет подхватить тело.

Прежде чем Причард провалился в забвение, в мозгу у него промелькнули две мысли. Во-первых, он отметил, что ткань, коснувшаяся его лица, была натуральной, домотканой, а не грубой синтетикой, из которой шили форму. И еще он подумал, что внутрь периметра штаб-квартиры

местные жители могли попасть лишь в том случае, если их пропустили караульные, а ведь сегодня ночью дежурным офицером была лейтенант Шиллинг.

Постепенно, он и сам не знал, сколько времени прошло, Причард начал приходить в себя. Накрытый тяжелым пледом, связанный, он лежал на полу с грохотом мчащегося грузовика. Как его туда перенесли, капитан не помнил, но, похоже, грузовик ждал недалеко от командного пункта. Риис и его сообщники не решились бы действовать столь открыто: позволить гражданским подъехать прямо к двери и похитить офицера, даже если предположить, что экипаж Причарда ничего не заметит.

Значит, его похитили. Вряд ли в связи с сегодняшним убийством, иначе он уже был бы мертв, а не задыхался бы под вонючим пледом — хоть и толстым, но плохо защищающим от холода. В машине было темно, лишь слабый свет звезд пробивался сквозь заледеневшее окно, да в голове время от времени вспыхивали искры от полученного удара.

Боль в глубине черепа напомнила Причарду об имплантате.

— Майкл-Один любому подразделению,— сказал он хриплым шепотом, надеясь, что плед заглушит его голос.— Повторяю, любому подразделению. Отзовитесь, пожалуйста, любой Молотобоец, который меня слышит.

Ничего. Ну что ж, это неудивительно. Имплантат действовал эффективно в радиусе меньше двадцати метров, чего вполне хватало для общения через базовое устройство связи танка, но в темной пустоте Кобольда он был бесполезен. Конечно, если бы грузовик вдруг случайно проехал мимо ночного поста роты «М»...

— Майкл-Один любому подразделению,— настойчиво повторил танкист.

И получил удар сапогом под ребра. Гнусавый голос прорычал по-немецки:

— А ну-ка заткнись, а не то отправишься вслед за Хенриком, которого вы сегодня прихлопнули.

Значит, его захватили немцы; впрочем, это и без того было ясно. Хотя вряд ли и в руках французов Причард был бы в большей безопасности: похоже, все на этой проклятой планете считают, будто он предает интересы своих нанимателей. До чего же несправедливо! Однако Дэнни Причард вырос на ферме, а ни один фермер никогда не обманывался насчет того, что жизнь — вообще штука несправедливая.

Наконец грузовик резко остановился. Руки в перчатках сдернули с Причарда плед. Он не удивился, узнав силуэты бетонированных домов Хаакина. Капитана, передавая из рук в руки, вели в подвал. Попытка завладеть оружием Барта была случайностью: просто люди воспользовались подвернувшейся возможностью. Однако те, кто похитил Причарда, должны были занять свою позицию еще до того, как пришел вызов от С-39.

— Вы хорошо подумали? — требовательно спросил кто-то, когда они оказались в подвале,— ведь если его начнут искать, то, ясное дело, начнут с Хаакина.

Двое, взяв Причарда за плечи и лодыжки, несли его на пружинную койку. Человек, который держал танкиста за ноги, ответил:

— Не будет никаких поисков, у наемников на это людей не хватит. Кроме того, они сочтут этого скота виновным... и поделом. Если Паули не позволит убить ренегата, нам всем придется пойти на дополнительный риск, чтобы сохранить ему жизнь.

— Ты слишком много болтаешь,— пробормотал мэр ван Оостен, опуская Причарда на койку.

Вслед за пленным в подвал набилось множество местных жителей. Последний из них с грохотом закрыл за собой дверь. От удара с потолка посыпалась пыль. Кто-то включил тусклую электрическую лампочку. Два десятка мужчин и женщин, собравшихся в подземном складском помещении, выглядели столь же суровыми и беспощадными, как и окружающие их голые стены. В подвале высоко на стене имелись на уровне улицы три окна, прикрытые ставнями с большими щелями.

— Согрейте как-нибудь эту дыру или можете с тем же успехом перерезать мне горло,— проворчал Причард.

Женщина с мушкетом выругалась и плюнула ему в лицо. Стоящий рядом мужчина взял у нее оружие, видимо опасаясь, что она может застрелить пленника, и сказал почти извиняющимся тоном:

— Это ее мужа ты убил.

— Лучше бы ты не вмешивался,— сказал рослый мужчина... Круз, да, тот самый вспыльчивый человек, которого Причард запомнил после сегодняшнего инцидента. Его светлая длинная борода была почти неразличима на фоне шелковистого меха парки. Как и большинство присутствующих, Круз сжимал в руке мушкет.— Если бы ты не вмешался, у нас был бы шанс... защитить себя после того, как танки ушли, и эти твари явились, чтобы прикончить нас.

— Неужели Риис думает, что я не рассказал бы правду, когда все бы закончилось? — спросил Причард.

— Говорил же я тебе? — закричал на ван Оостена какой-то мужчина.

Сильный грузный мэр ткнул его в грудь и взревел:

— Тихо! — Поднявшийся было ропот быстро смолк.— Капитан, вас освободят через несколько дней. Если вы... причините нам беспокойство, ну... тогда вам же будет хуже. Даже если ваш полковник считает, что вы все сделали правильно, он не допустит огласки, поскольку нарушение совершено — как вы будете утверждать — с согласия его же собственных офицеров.— Мэр откашлялся, прочищая горло, и сердито оглядел собравшихся.— Хотя фактически никто из ваших товарищей нам не помогал — ни при этом похищении, ни при получении нами оружия для самозащиты.

— Да вы все с ума сошли, что ли? — требовательно спросил Причард. Опираясь на локти, он попытался приподняться и прислониться спиной к стене.— Думаете, солжете раз, солжете два, и все будет шито-крыто? Единственные корабли, которые садились на Кобольд на протяжении трех последних месяцев,— это те, которые поставляют припасы нам и другим наемникам. Может, Барт и сумел контрабандой провезти в канистрах с машинным маслом достаточно автоматов, чтобы вооружить часть мирных жителей. Это вряд ли удастся сохранить в секрете, хотя, может, он и сумеет свалить свою вину на других. Но это только если все было спланировано заранее, месяца за три. Вздумай же Риис сделать что-то самостоятельно, в его распоряжении окажется лишь то оружие, которое носят его подчиненные — а оно все с серийными номерами, черт побери! — и тогда даже последний дурак получит достаточно доказательств, чтобы утопить полк.

— Думаешь, мы ничего не понимаем? — Круз перебросил мушкет в левую руку, а правой залепил Причарду пощечину.— Очень даже хорошо понимаем. Все наемники уберутся отсюда в течение нескольких дней или недель. Если у французов будут автоматы, а у нас нет, они перебьют всех нас, наших жен и детей... На Кобольде сто пятьдесят немецких деревень вроде нашей, и между ними разбросано столько же французских. И раньше-то было несладко, когда право голоса в правительстве имели только эти скоты. А теперь, если они одержат победу, на Кобольде останутся лишь французские деревни, французские шахты... и загоны для рабов. И это будет уже навсегда.

— Думаешь, несколько автоматов спасут вас? — спросил Причард.

Удар Круза не оставил видимого следа на покрытой синяками плоти танкиста, хотя более уравновешенный судья, чем этот немец, мог бы заметить, что, несмотря на мягкий тон, взгляд Причарда по-прежнему тверд.

— Они помогут нам спастись, когда придет время.

— Может, так оно и было бы, отбери вы автоматы у гражданских французов, а не получи их напрямую у наемников,— сказал капитан, холодно осознавая, что эта незамысловатая ложь в данной ситуации звучит наиболее правдоподобно. Французские мирные жители наверняка верят, что они в безопасности, используя нелегальное оружие.— Хотя жители Портелы, скажем, вряд ли расстанутся со своими автоматами. Но все, что вы получите у наемников — у нас или у Барта, неважно,— мы без лишних слов заберем обратно. Вы сами не понимаете, во что впутываетесь.

Выражение лица Круза не изменилось, но он занес кулак для нового удара. Мэр схватил его за руку и воскликнул:

— Послушай, мы собрались здесь для того, чтобы показать ему, что мы не просто кучка заговорщиков, что каждая семья в деревне стоит за нашим... за его захватом.— Ван Оостен обвел взглядом комнату.— Нас много, всех твой полковник не покарает, как бы ни старался,— добавил он простодушно и снова набросился на Круза.— Будешь вести себя как последний дурак, он захочет отомстить.

— Вы, наверно, не поверите,— устало заговорил Причард,— но я хочу лишь одного — делать свое дело. И если вы меня сейчас отпустите... может, в долгосрочном плане все пройдет легче.

— Дурак! — Круз сплюнул и повернулся спиной к танкисту.

В потолке открылся люк, и в подвал проник свет.

— Паули! — закричала оттуда женщина.— Халс только что сообщил по рации. По дороге идут танки, в точности, как было перед этим!

— Раны Господни! — воскликнул ван Оостен.— Нам придется...

— Откуда им знать? — сказал Круз.— Однако лучше всем немедленно разойтись по домам. Я останусь...— он кивнул на Причарда,— охранять этого.

Дуло мушкета опустилось и теперь глядело капитану прямо в лицо.

— Нет, выходите через боковую дверь! — закричал ван Оостен вслед заговорщикам, устремившимся на улицу.— Не выбегайте прямо навстречу танкам!

Ругаясь и толкаясь, жители деревни заторопились вверх по лестнице на первый этаж, откуда, по-видимому, можно было выбраться на улицу.

Причард, который мог лишь слегка шевелить головой и ногами, не сводил взгляда с Круза и дрожащего дула его мушкета. Наверно, жители деревни расставили наблюдателей с рациями во всех точках, откуда можно было заметить появление посторонних. Если этот Халс торчал на вершине огромной груды шлака — а именно там Причард

прежде всего разместил бы наблюдательный пункт, будь он у них за главного,— тогда его ждет неприятный сюрприз, когда орудие превратит груду шлака в пылающий ад. Эта мысль заставила капитана усмехнуться. Круз, по-своему расценивший его усмешку, взревел:

— Если они пришли за тобой, считай, что ты покойник, ублюдок! — и добавил, обращаясь к последнему из уходящих, молодому немцу: — Выключи освещение, но люк не закрывай. С улицы его видно не будет, а мне, в случае чего, хватит света, чтобы выстрелить.

Танки идут не за ним, понимал Причард, потому что Молотобойцы даже представить не могут, где он. Может, заметив его исчезновение, патрульные просто решили проявить большую активность? Или какой-нибудь взвод передислоцируется по капризу своего командира? Выходит, Причард невольно подтолкнул их к этому. Ну что ж, в конце концов, танки, надолго застрявшие в одном месте,— удобная мишень, сколь ни тяжело с ними сражаться. Однако по какой бы причине танки ни прибыли в Хаакин, они вот-вот окажутся в пределах досягаемости имплантата Причарда.

Сейчас уже можно было различить грохот танков, приближающихся с высокомерной медлительностью, словно медведь к улью. Их скорость не превышала тридцати километров в час; даже патруль, подумал Причард, двигался бы быстрее. Судя по звуку, танков было четыре — гладкие, серые, смертоносные махины.

— Послушай меня, Круз,— начал танкист. При слабом свете, падающем из люка, немец выглядел словно неуклюжий зверь с мушкетом в руке.— Если ты...

— Заткнись! — взревел Круз, тыча дулом в многострадальный лоб Причарда.— Еще одно слово, любое, и...

Правая рука немца побелела и так напряглась, что мушкет вполне мог выстрелить даже против его воли.

Первый танк прогрохотал мимо. Его «воздушная подушка» была такой плотной, что земля вокруг дрожала, хотя стосемидесятитонная махина ни в одной точке непосредственно с ней не соприкасалась. Воздух, спрессованный между мостовой и днищем смесительной камеры, выбра-

сывался в стороны и бил в окна подвала. Дребезжание стекол заглушалось завыванием самих двигателей, однако лучи габаритных огней, прорывающиеся в подвал сквозь щели в дрожащих ставнях, вызвали игру света и тени. Лицо Круза и дальняя стена напоминали сейчас пятна на картине художника-абстракциониста.

Танк проехал мимо, не останавливаясь. Причард даже не пытался с ним связаться.

— Эта мощь,— забормотал Круз себе под нос,— которая должна была служить нам, чтобы уничтожить этих скотов...— Остальные слова потерялись в вое: это приближался второй танк.

Причард внутренне напрягся. Даже поймай экипаж сейчас передачу его имплантата, они, скорее всего, проигнорируют сообщение. Если Причард не назовет себя, танкисты решат, что это просто какие-то помехи в эфире. А если он идентифицирует себя, то Круз...

Круз снова ткнул в Причарда мушкетом, и тот стукнулся головой о стену. Вой двигателя заглушал все остальные звуки, но залитые голубым светом губы немца явственно повторили:

— Одно лишь слово...

Танк продолжал двигаться по дороге в направлении Портелы.

— ...Хотя, может, я все равно тебя застрелю,— договорил Круз.— Чего еще заслуживают предатели? Проклятый наемник!

Приближался третий танк. Теперь «мелодия» звучала немного иначе, хотя, возможно, его звук просто наложился на эхо уже прошедших машин. Причарду холодом сжало сердце, потому что именно в этот момент он собрался воззвать о помощи. Капитан понимал, что Круз выстрелит в него, но уж лучше умереть сейчас, чем жить, утратив надежду, позволив ей пронестись мимо, мимо...

Третий танк проломил стену дома.

У «Плуга», в отличие от бульдозера, отсутствовало режущее лезвие, но он был сделан из прочной стали и весил сто пятьдесят тонн. Сложенная из шлака стена рассыпалась от удара. Балки потолка прогнулись и лопнули. Круз

вскинул мушкет и выстрелил в сыпавшиеся водопадом камни. Грохот и красная вспышка потерялись в хаосе, но голубовато-зеленый огонь ответного выстрела отбросил немца на спину, а его парку охватило пламя. Причард еще при первом ударе скатился на пол и, отталкиваясь связанными руками и ногами, забился под койку, хотя подобная защита и была, прямо скажем, довольно слабой. Когда грохот падающих обломков смолк, капитан приоткрыл глаза и, щурясь от повисшей в воздухе пыли, рискнул выглянуть наружу.

Удар пробил десятифутовую щель в стене дома, сдвинув ее до балок, поддерживавших второй этаж. Серая масса танка застряла в дыре. На его поверхности, покрытой патиной коррозии, возникшей под воздействием атмосферы дюжины планет, появились свежие шрамы. Через дыру, выжженную в полу нижнего этажа тем самым выстрелом, который убил Круза, сквозь пляску пыли в воздухе Причард разглядел стройную фигурку. Женщина, вцепившись в орудийную башню танка левой рукой, держала в правой пистолет и что-то кричала по-немецки.

— Маргрит! — завопил Причард.— Маргрит! Сюда! Вниз!

Женщина подняла предохранительный щиток шлема, вглядываясь в тьму подвала. Пробитого в полу отверстия хватило для обмена выстрелами, но оно оказалось настолько загромождено балками и обломками, что человеку сквозь него уже не пролезть... даже миниатюрной женщине. К тому же коптящее стены пламя уже принялось лизать брешь. Маргрит спрыгнула на землю и с большим трудом все же сумела открыть тяжелую дверь. Орудийная башня «Плуга» поворачивалась, прикрывая ее, хотя ни пушку, ни трехствольное орудие купола нельзя было опустить достаточно низко, чтобы обстрелять подвал. Маргрит по ступеням сбежала к Причарду. Кашляя от клубящейся пыли, он попытался выкатиться ей навстречу. Когда танк подался назад, большая часть взломанной стены рухнула на улицу. Смятые балки нижнего этажа, однако, продолжали прогибаться под тяжестью обломков. На койку, под которой спрятался Причард, падали куски шлака размером с человеческую голову.

Маргрит переложила пистолет в левую руку и складным ножом начала разрезать на капитане путы. Когда она лезвием подцепляла веревку, та на мгновение еще сильнее врезалась в тело.

Вздрогнув от боли, Причард начал сгибать и разгибать освобожденные руки.

— Знаешь, Марги,— сказал он,— по-моему, я никогда еще прежде не видел тебя с пистолетом.

Лицо связистки стало суровым.

— А как иначе, капитан? — Она разрезала веревки на щиколотках Причарда и выпрямилась. Тонкий слой серой пыли покрывал ее шлем и комбинезон.— Кови водитель, а Роб тоже не может покинуть танк. Ну, вот и пришлось мне сделать... то, что нужно было сделать.

Причард попытался встать, используя женщину в качестве опоры. С виду Маргрит была хрупкой, но сейчас, слегка расставив ноги, стояла прочно, словно скала, а рука, которой она обхватила капитана за спину, была твердой, как у мужчины.

— Надо полагать, вы не просили капитана Рииса помочь вам,— сказал Причард, мучительно ловя ртом воздух.

Экипаж линейных танков состоял всего из двух человек, так что лишнего места там не было.

— Мы вообще никому не сообщали, что ты пропал,— ответила Маргрит,— даже в Центр. Просто взяли и поехали, и все думают, что ты в «Плуге», отдаешь приказы.

Капитан и связистка в обнимку заковыляли к лестнице. Когда они проходили мимо тела Круза, Маргрит пробормотала что-то непонятное:

— Это четвертый.

Причард почувствовал, что все тело женщины сотрясает дрожь, но отнес это за счет физического напряжения. Он сильно навалился на нее и почувствовал, что онемение в ногах постепенно проходит. Однако было ясно, что забраться на борт «Плуга» без помощи Дженни у него не получится.

Наконец он из последних сил с трудом водворился в орудийную башню и облегченно вздохнул. Привычно жесткое сиденье показалось необыкновенно удобным, в танке было тепло — в общем почти райское блаженство.

— Капитан,— сказал Дженни,— что будем делать с придурками, которые захватили тебя? Вызовем следователей и...

— Ничего мы с ними не будем делать,— перебил его Причард.— Просто как ни в чем не бывало поедем обратно...— Он замолчал.

Маргрит обрызгивала щиколотки капитана из баллончика, найденного в аварийной аптечке, и от этого его кидало то в жар, то в холод.

— Слушайте, а как вы меня нашли?

— Мы отключились, когда ты... вошел в свою комнату,— пояснил Дженни, поняв, что Маргрит отвечать не собирается. Причард догадался, что он имел в виду. Ребята перекрыли звук, услышав, как их капитан сказал: «Сал». Все трое старательно отводили взгляды.— Спустя некоторое время, однако, Марги заметила, что ее осциллоскоп больше не ловит твой имплантат. Я проверил твою комнату, но тебя там не нашел. Обсуждать это со штабными не имело смысла.— Ну, а затем мы запросили разведывательный спутник и выяснили, что после нашего возвращения отсюда выехали два грузовика. Один принадлежал Риису, а второй — какая-то гражданская развалюха, он уехал первым. Стоял в лесу за пределами видимости. Обе машины разгрузились в Хаакине. Мы не знали, в каком из них ты, но Марги сказала, что, если мы подберемся поближе, она поймает твой имплантат, даже если ты не сможешь вызвать нас. А славную девочку мы заполучили, верно?

Причард наклонился вперед и стиснул плечо связистки. Она не подняла взгляда, но улыбнулась.

— Да уж, я всегда знал, что Марги — прелесть,— согласился он,— но до этого момента даже не подозревал, насколько.

Улыбка связистки стала шире.

— Роб приказал первому взводу следовать за нами,— сказала она.— Это он организовал твое спасение.— Ее нежные руки мягко растирали щиколотки капитана.

Надо бы уезжать, однако в Хаакине оставалось еще одно неотложное дело. Риис действовал быстрее, чем рассчитывал Причард. Он спросил:

— Говорите, один из грузовиков пехотинцев тоже недавно прибыл сюда?

— Ага. Хочешь посмотреть распечатку? — Дженни перебирал бумаги в поисках копии полученной со спутника картинки.— Какого черта они тут делают, хотел бы я знать?

— У меня есть кое-какие подозрения,— мрачно ответил капитан,— и я считаю, мы должны их проверить.

— Майкл-Первый-Три Майклу-Один,— прорезалось радио.— С востока приближаются машины.

— Майкл-Один Майклу-Первому,— ответил Причард. Ну что же, поиски контрабандного оружия придется отложить.— Дайте задний ход и сформируйте позади деревни линию обороны. Интервал двадцать метров. «Плуг» выезжает на дорогу.

Что это, неужели еще оружие от Рииса? Новые солдаты Барта? Да ведь половина команды его сектора уже в Портеле. Пока Кови выводил танк, Причард включил видеоэкран, разделив его на две половины: одна отражала данные разведывательного спутника, другая давала наземное изображение с максимальным увеличением. Шесть боевых машин быстро приближались. Причард выругался, но совершенно беззлобно, поскольку на Кобольде только у Молотобойцев были бронированные машины, и, следовательно, угрозы для танков они собой не представляли. Однако ни одна такая машина не была приписана к их сектору. Пожалуй, с Причарда уже хватит сюрпризов, на него и без того за последнее время слишком много всего обрушилось.

— Взвод, приближающийся к Сигма Четыре-Два, Три-Два, пожалуйста, идентифицируйте себя Майклу-Один,— потребовал Причард, указывая свои координаты расположения.

Маргрит прибавила громкость, продолжая перевязывать ссадины от веревок на руках и ногах капитана. Радиоприемник прохрипел:

— Майкл-Один, это Альфа-Один и Альфа-Первый. Будьте наготове.

— Вот ведь сволочи! — выругался себе под нос Роб Дженни.

Причард кивнул, прекрасно понимая, чем вызвана реакция его товарища. «Альфа» — это особая рота полка. Четыре ее боевых самоходных взвода состояли из телохранителей полковника Хаммера и полицейских. Бойцов роты прозвали Белыми Крысами, и на них криво смотрели даже Молотобойцы из других подразделений — ведь эти солдаты считали себя самыми отпетыми головорезами Галактики и гордились этим. В свою очередь, Белые Крысы трепетали от страха перед своим командиром, майором Иоахимом Стибеном. А этот хрупкий с виду убийца если и боялся кого-то, то только того человека, который, скорее всего, ехал сейчас вместе с ним.

Причард вздохнул:

— Альфа-Один, это Майкл-Один. Флаг с вами, сэр?

— Подтверждаю, Майкл-Один.

Ну да, он и сам уже догадался, что полковник Хаммер с ними, как только услышал название подразделения. Что, интересно, старик делает здесь? Вот вопрос, ответ на который Причард отнюдь не жаждал узнать.

Бронированные машины остановились под дулами своих старших братьев. Несмотря на снег, пульсирующий возле их лопастей, воздух был теплым. Причард наблюдал со своего возвышения, как вторая машина отделилась от остальных и подъехала вплотную к «Плугу». Оба мужчины, стоявшие на носу и у правого орудия, были невысокие, облаченные в неприметную военную форму. От остальных бойцов они отличались лишь тем, что предохранительные щитки их шлемов были подняты, а открытые лица выглядели старше, чем у большинства Молотобойцев: полковник Алоиз Хаммер и главарь его наемных убийц.

— Обойдемся без рации, капитан,— хрипло сказал Хаммер.— Что вы здесь делаете?

Язык Причарда дрожал, колеблясь между правдой и ложью. Экипаж только что покрыл его, и он не был склонен подставлять их. Да, ребята допустили кое-какие нарушения, но сделали это исключительно ради своего капитана.

— Сэр, я привел Первый взвод обратно в Хаакин, чтобы проверить, не остались ли у гражданских автоматы, которые они стащили у Барта.— Причард почти физически чувствовал, как местные жители рассматривали их через щели.

— Ну и как, проверили? — Полковник говорил мягко, однако взгляды и у него, и у стоявшего рядом с ним майора Стибена были предельно жесткими, точно иридиевое покрытие их бронированных машин.

Причард нервно сглотнул. Он ничем не был обязан капитану Риису, но этот молокосос его начальник... и, по крайней мере, он не позволил немцам убить Причарда. Капитан решил, что не станет подставлять Рииса, если найдется нейтральный способ объяснить, откуда взялась контрабанда. Кроме того, этот связанный с гражданскими немцами пехотный капитан еще мог им пригодиться.

— Сэр, когда вы появились, я как раз собирался обыскивать здание, где, по моим предположениям, может быть спрятано нелегальное оружие.

— А вместо этого вам предстоит прикрывать майора.— Теперь голос Хаммера скрежетал, точно шрапнель.— Он собирается изъять двадцать четыре автомата, которые капитан Риис этой ночью счел нужным передать местным жителям. Если бы Иоахим *случайно,* совершенно случайно не обнаружил их пропажу...— Левая рука полковника задрожала, с такой силой он стиснул край трехствольного орудия.— Интендант, пополнивший двадцать четыре пропавших автомата из запасов центрального склада, сегодня ночью переведен в пехотинцы. И капитан Риис тоже больше в полку не служит.

Стибен издал смешок. Казалось, его одного миновало овладевшее всеми присутствовавшими напряжение. Несмотря на холод, его правая рука была без перчатки. Майор водил ею по причудливому изображению, вырезанному на кобуре своего пистолета.

— Мистеру Риису крупно повезло, что он вообще еще жив,— непринужденно объявил Стибен.— Он оказался удачливее, чем некоторым хотелось бы. Однако, полковник,

думаю, нам лучше забрать товар, прежде чем у кого-нибудь сдадут нервы и он использует его против нас.

Хаммер кивнул. Он уже упокоился.

— Следуйте за нами, капитан,— приказал полковник.— Пусть ваши люди держат под прицелом все помещения на уровне улицы, а мы займемся верхними этажами и крышами.

Причард отдал честь, залез в танк и передал приказ остальным. Кови включил двигатель и последовал за ведущей бронированной машиной. Танк слушался его легко, словно умелый партнер в танце, несмотря на то что они свернули в одну из узких боковых улочек. Причард не отрывал взгляда от видеоэкрана. В Хаакине все было спокойно — лишь выл ветер да ползли по улицам бронированные машины. Когда Стибену стало известно о пропаже двух дюжин автоматов, он сделал те же выводы, что и Причард, и, как и капитан, обратился к разведывательному спутнику и выяснил, где именно разгрузился грузовик. Действительно ли Риис свихнулся или и впрямь он думал, будто полковник Хаммер готов наплевать на дело всей своей жизни, вооружая гражданских... в любом случае ужасная глупость. Святые мученики! Нет, как только Риис мог поверить в это?!

Их целью оказалось неприметное двухэтажное здание, отделенное от соседних узкими проулками. Хаммер направил четыре идущих сзади танка на параллельную улицу, чтобы обеспечить защиту с тыла. Габаритные огни машин освещали плоский бетон и отражались от окон дома. Раздолбанный грузовик стоял на улице. Он был пуст. В доме не было заметно никакого движения.

Хаммер и Стибен неторопливо выбрались из машины. Шлем майора был подсоединен к громкоговорителю. Оттуда загремело:

— Всем покинуть здание! Даю вам тридцать секунд! Любой, кто останется внутри, будет расстрелян. Тридцать секунд!

Хотя прежде никаких признаков обитателей дома не наблюдалось, но по тому, как все ринулись наружу, стало ясно, что они были готовы к такому повороту событий. Их

оказалось одиннадцать человек. Из передней двери вышли хорошо одетые мужчина и женщина с тремя детьми: мать несла в застегнутом на молнию «конверте» младенца; затем шла девочка лет восьми с откинутым за спину капюшоном и обернутыми вокруг головы косами; и, наконец, двенадцатилетний мальчик, почти такой же рослый, как его отец. По наружным боковым лестницам с одной стороны спускалась пожилая пара, а с другой — четверо крепких мужчин.

Причард бросил взгляд на своего сержанта; правая рука того лежала на триггере орудия, он мурлыкал себе под нос старую балладу. Чувствуя, как щемит в груди, капитан выбрался из танка, спрыгнул на землю и подошел к Хаммеру и его помощнику.

— В этом здании находятся двадцать четыре автомата,— проревел усиленный громкоговорителем голос Иоахима.— Или, по крайней мере, вы знаете, где их прячут. Я хочу, чтобы во избежание осложнений кто-нибудь сказал мне, где оружие.

Обитатели дома замерли в напряженном ожидании. Мать слегка развернулась, прикрывая своим телом младенца.

Причард и не заметил, когда майор вытащил пистолет.

— Будем играть в молчанку? — спросил он и выстрелил восьмилетней девочке в правую коленку.

Во все стороны брызнула кровь. Нога подогнулась, и девочка рухнула на мостовую лицом вниз. Боль придет позднее. Родители закричали; отец упал на колени, чтобы подхватить дочку, а мать в ужасе прижалась лбом к дверному косяку.

— Ах ты, сукин сын! — взорвался Причард, нашаривая собственный пистолет.

Стибен мгновенно развернулся с точностью орудийной башни. От только что сделанного выстрела дуло его пистолета превратилось в раскаленное добела кольцо. Причард видел только майора и думал только о том, что надо поскорее достать из кобуры пистолет. Потом до него дошло, что полковник Хаммер закричал: «Нет!» и отвесил Иоахиму пощечину, отбросив его назад.

Лицо майора побелело как мел — лишь на шее алел отпечаток руки полковника. В его глазах была пустота. Спустя мгновение Стибен убрал пистолет в кобуру и повернулся к мирным жителям.

— Ну, кто скажет нам, где автоматы? — Его голос напоминал звук дребезжащего стекла.

Ослепшая от слез женщина, прижимая к себе младенца, выпалила:

— Здесь! В подвале!

И рывком распахнула дверь. По кивку Хаммера за ней последовали двое солдат. Отец пытался тем временем прикрыть раненую ногу дочки руками, но его ладони были недостаточно широки.

Причарда вырвало прямо на снег.

Из танка выскочила Маргрит с аварийной аптечкой в руке. Она оттолкнула руки отца и начала замораживать рану из распылителя. Передняя дверь с треском распахнулась. Двое Белых Крыс, вооруженных автоматами, вынесли тяжелый ящик с оружием. Хаммер кивнул и подошел к ним.

— Можно было вызвать сюда следователей! — крикнул Причард в спины своих начальников.— Вместо того чтобы стрелять в детей!

— Расследование отнимает массу времени, капитан,— спокойно ответил Стибен, не оборачиваясь к танкисту.— Так намного эффективнее.

— Но это же просто маленький ребенок! — не унимался Причард.

Девочка начала плакать, хотя введенная подкожно местная анестезия, скорее всего, блокировала физическую боль. Шок от сознания, что она вскоре может лишиться правой ноги до колена, будет, безусловно, гораздо сильнее. Девочка уже достаточно большая, чтобы понимать — ни один местный доктор не спасет ей ногу.

— Люди так не поступают!

— Капитан,— возразил Стибен,— да им еще повезло, что я не застрелил всех.

Хаммер захлопнул ящик с оружием.

— Мы получили то, за чем приехали,— сказал он.— Пошли.

— Они украли у нас оружие,— продолжал Стибен, словно не слыша Хаммера. Отпечаток руки на его щеке был уже едва различим.— На самом деле я должен...

— Иоахим, заткнись! — взорвался Хаммер.— Мы с тобой еще обсудим события сегодняшней ночи. И я предпочел бы сделать это наедине. Но если ты меня вынудишь, я скажу, что думаю, прямо сейчас. Или на заседании трибунала.

Стибен молчал, прижав ко лбу пальцы левой руки.

— Пошли,— повторил полковник.

Причард схватил его за руку.

— Хотя бы отвезите ребенка в Центр, к тамошним медикам,— потребовал он.

Хаммер удивленно посмотрел на капитана.

— Слушай, и как это я сам не сообразил,— просто ответил он.— Иногда от меня ускользают... всякие мелочи, не имеющие непосредственного отношения к делу. Действительно, это будет на пользу нашей репутации.

— Да плевать я хотел на репутацию! — рявкнул Причард.— Просто спасите ребенку ногу.

Стибен потянулся к безвольно лежащей девочке. Похоже, Маргрит дала ей общую анестезию. К ним с безумным взором подскочил отец малышки и оттолкнул Иоахима. Маргрит воткнула ему в спину иглу. Мужчина тяжело задышал, когда наркотик начал поступать в кровь, и обмяк, будто лишившись костей. Стибен поднял девочку.

Хаммер запрыгнул в бронированную машину и принял у него ребенка. Переключив на себя систему громкоговорителя, полковник загремел на всю улицу:

— А теперь слушайте меня внимательно! Если вы возьмете в руки оружие наемников — хоть людей Барта, хоть моих собственных,— мы сотрем вас в порошок. Отбирайте автоматы у гражданских, если сумеете. Тогда у вас появится шанс уцелеть. Тот, кто посмеет воспользоваться оружием наемников, умрет.

Хаммер кивнул сначала местным жителям, потом — танкистам и что-то неслышно скомандовал своему водителю. Двигатели бронированных машин заработали.

Причард протянул Маргрит руку, помогая связистке встать, и вслед за ней забрался в танк.

— Майкл-Один Майклу-Первому,— сказал он.— Следуйте за Альфа-Один.

Когда они наконец покинули Хаакин, Причард поудобнее расположился в орудийной башне. Сегодня он даже радовался, что его окружает прочная броня и внутри горит свет. Стоило закрыть глаза, как перед ним возникало лицо немецкой матери в тот момент, когда выстрел покалечил ее дочку.

Маргрит пропустила к Причарду только один вызов. Это произошло вскоре после того, как бронированные машины отделились от них, возвращаясь в свой базовый лагерь неподалеку от Миди, столицы Кобольда. Голос полковника звучал ровно как никогда — ни намека на ярость, клокотавшую в нем в Хаакине.

— Капитан Причард,— сказал Хаммер,— по моему приказу роту «Сигма» теперь возглавляет бывший командир Первого взвода. Сектор, разумеется, теперь в ваших руках. Я рассчитываю, что, выполняя свои новые обязанности, вы проявите все способности, которые уже нам продемонстрировали.

— Майкл-Один полку,— коротко ответил Причард.— Вас понял.

На этот раз Кови остановился перед командным пунктом, не выписывая на снегу каракули. Причард открыл люк. Экипаж танка не двинулся с места.

— Вот не было печали, меня назначили командиром сектора,— сказал капитан.— Ну ладно, мне надо в связи с этим кое-что уладить, но вы можете отправляться в казармы.

— Думаю, я лучше посплю здесь,— ответил Роб.

И, нажав рычаг, он превратил свое сиденье в койку.

Причард нахмурился.

— Маргрит?

Связистка пожала плечами.

— Ну, я, пожалуй, еще какое-то время поработаю.— И она устремила на Причарда спокойный взгляд голубых глаз.

В разговор — по интеркому — встрял Кови:

— Ага, у тебя голова болит за сектор, а у нас за себя самих. Скажи, тебе не кажется, что в танке безопаснее, чем в этих вонючих казармах?

— Заткнись, Кови,— оборвал его Дженни и, опершись на локоть, посмотрел на капитана.— Все будет прекрасно, пока мы здесь.— Он похлопал по казенной части двухсотмиллиметрового орудия.

Причард пожал плечами, выбрался в холодную ночь и услышал, как за ним заперли люк.

Дэнни и в голову прийти не могло, что замещать Рииса теперь будет Салли Шиллинг. Слова «командир Первого взвода» прозвучали для него как некое абстрактное понятие, во всяком случае в той сумятице, которая тогда творилась в его сознании.

Миниатюрная блондинка изучала в канцелярии карту. Она подняла на Причарда взгляд, плюнула на электрическую сушилку, проверяя, как та работает, и снова посмотрела на Дэнни. Ее адъютант, крупный капрал, тоже воззрился на него, удивленно и несколько смущенно. Все, кто находился в штаб-квартире, молчали.

— Мне нужен дисплей из моей комнаты,— сказал Причард капралу.

Пехотинец кивнул и встал. Но не успел он сделать и трех шагов, как его остановил голос лейтенанта Шиллинг, по звуку похожий на треснувший лед.

— Капрал Вебберт!

— Слушаю! — Парень напрягся: ну вот, попал между двух огней.

— Капитан Причард теперь командует нашим сектором. Принесите ему, что он просил.

С облегчением облизнув губы, капрал повиновался и без видимых усилий притащил громоздкий дисплей со всеми причиндалами.

Причард был благодарен Салли. Но как бы ему хотелось, чтобы Риис не выставил себя таким идиотом, что его пришлось бы убрать! То, что Риис собирался устроить двойную резню, было бы гораздо легче оправдать, если бы Дэнни проснулся среди ночи и на него нахлынули воспоминания...

Причард установил дисплей таким образом, чтобы сидеть спиной к обогревателю, стоявшему между ним и Шиллинг. Верхняя часть дисплея была наклонной. Причард включил его, и сорокасантиметровый экран замерцал.

— Показать Сектор Два,— распорядился он. На экране возникла карта местности.— Населенные пункты.

И тут же вспыхнули названия поселений, в которых проживало от нескольких сот до нескольких тысяч человек, как в Хаакине и Димо. Таких населенных пунктов были дюжины. Портела, самое крупное французское поселение западнее реки Айлет, находилась в двадцати километрах от Хаакина.

И сейчас по обе стороны от разделительной линии там были французские наемники. Салли оторвалась от собственного дисплея и встала, чтобы посмотреть, что делает Причард.

— Все позиции наемников,— велел он.

На экране засверкали красные и зеленые символы, каждый из которых строчными буквами обозначал название подразделения. Разведывательный спутник очень точно сообщал численный состав каждого подразделения, а компьютерный анализ радиотрафика позволял определить их названия. В восточной половине сектора подполковник Бено развернул один батальон повзводно. Караульные посты находились достаточно близко к расположению основных сил, чтобы немедленно среагировать на появление посторонних. Целая рота около Димо охраняла штаб-квартиру и две батареи ракетных гаубиц.

Оставшийся батальон в этом секторе, находившийся под командованием самого Бено, занимал позиции в десяти километрах западнее Портелы, там как раз недавно взорвали скалистое нагорье. Такое расположение не позволяло наемникам эффективно поддерживать порядок в западной половине сектора, но зато здесь они были очень хорошо защищены. Покрывающие всю центральную часть сектора леса идеально подходили для молниеносной тактики «ударь и убеги» в исполнении небольших подразделений пехоты. Танкам сюда было не пробиться. Однако поскольк-

ку зимой лес легко воспламенялся, он представлял равную опасность и для тех, кто находился в засаде. У Бено хватило ума сосредоточить свои силы на возвышенности, да еще и на голой земле.

Если не считать нагорья, расчищенные вокруг поселений поля были единственным безопасным местом для размещения современных огневых средств. Поля и широкие полосы проложенных через лес дорог...

— Вызов начальнику сектора,— сообщил радист.— От этого засранца подполковника, сэр.

Он говорил как бы в пространство, опасаясь обратиться напрямую к какому-либо из находящихся в канцелярии офицеров.

— Только звук или есть видеоизображение? — спросил Причард.

Шиллинг промолчала.

— Да, сэр, визуальный компонент присутствует.

— Выведи на мой дисплей,— решил танкист.— И, сынок... следи за своим языком.

Карта на экране дисплея растаяла, сменившись хищной физиономией подполковника Бено. Одновременно и у него на экране тоже возникло изображение Причарда.

На лице француза появилось выражение удивления.

— Капитан Причард? Очень рад вас видеть, но мне нужно поговорить лично с капитаном Риисом. Разбудите его, пожалуйста.

— Тут у нас произошли кое-какие перемены,— ответил танкист. Ему и самому уже стало интересно, что все-таки сделали с Риисом. Арестовали, скорее всего.— Теперь я возглавляю Сектор Два. Вместе с вами, я хотел сказать.

Бено сохранял спокойное выражение лица, переваривая информацию. Трудно было догадаться, какое впечатление произвела на него новость. Потом подполковник просиял, словно дорвавшийся до добычи волк, и сказал:

— Примите мои поздравления, капитан. Когда-нибудь мы с вами обсудим... события последних дней. Однако я связался с вами по гораздо менее приятному поводу.

Он замолчал, и его изображение на экране задрожало. Причард коснулся языком уголка рта:

— Продолжайте, подполковник. Сегодня меня плохими новостями не удивишь.

Бено изогнул бровь, давая понять, что оценил юмор. Хотя, может, Дэнни и показалось.

— Пока мы продолжали двигаться в сторону Портелы, некоторые из моих солдат неправильно оценили ситуацию и установили противотанковые мины по всему сектору. Как вы понимаете, это подрывные мины-ловушки. И убрать их без риска для жизни могут лишь те, кто их устанавливал. Позже, конечно, эти люди будут наказаны.

Причард усмехнулся.

— И сколько, по вашим оценкам, уйдет времени, чтобы расчистить дороги, подполковник?

Француз развел руками.

— Боюсь, что несколько недель. Вы же понимаете, что избавляться от мин гораздо сложнее, чем устанавливать их.

— Но ведь между нашей штаб-квартирой и Хаакином все чисто, не правда ли? — спросил танкист. Все происходило в точности так, как, по сведениям Хаммера, и задумал Барт. Сначала окружить танки сетью лесов и минных полей; потом уничтожить самый важный немецкий опорный пункт, собрав своих наемников вокруг для обеспечения поддержки...— Подъездная ветка к нашей штаб-квартире проходит в стороне, и, кроме того, всего несколько минут назад наши танки беспрепятственно прошли по ней.

За спиной Причарда визгливо выругалась Салли Шиллинг. Бено, скорее всего, услышал ее, но его голос по-прежнему звучал совершенно спокойно.

— Боюсь, там все же есть минное поле — газокумулятивные заряды и осколочные мины... где-то на той дороге, да. По счастью, это поле активируется по сигналу, а его не последовало, пока вы там ехали. Уверяю вас, капитан Причард, все дороги к западу от реки Айлет слишком опасны, их надо сперва расчистить. Предостерегаю вас как друг... ну, и чтобы нас не обвинили потом, что мы причинили вред вашим машинам... и личному составу. Повторяю, вы предупреждены. Теперь, если что-то произойдет, это будет на вашей совести.

Причард снова усмехнулся, откинувшись в кресле.

— Знаете, подполковник,— сказал он,— я отнюдь не уверен, что Объединенное Командование не расценит создание этих минных полей как враждебный акт, перечеркивающий наши взаимоотношения.— Лицо Бено окаменело, хотя он вообще был человеком жестким. А Причард продолжал с улыбкой: — Мы-то, конечно, прекрасно понимаем, что ошибки случаются у всех. Но есть одна вещь, подполковник...

Француз кивнул, напряженно ожидая конца фразы. Он не хуже — а может, и лучше — Причарда понимал, что, если власти затеют полномасштабное расследование, Барту придется подкинуть им какого-нибудь козла отпущения. Козла отпущения достаточно высокого ранга.

— Ошибки случаются, да,— повторил Причард,— но нельзя допускать, чтобы они повторялись дважды. Так что даю вам разрешение выслать команду из десяти человек в дневное время суток — только в дневное — для расчистки дороги между Портелой и Бевером. Это позволит вам вернуться на свою сторону сектора. Если любой другой ваш отряд покинет свою нынешнюю позицию, неважно, по какой причине, я буду расценивать это как нападение.

— Капитан, но такое разграничение внутри сектора не предусмотрено в контракте...

— Это требование выставил полковник Барт,— рявкнул Причард,— и практика трех последних месяцев доказала его справедливость.— Хаммер проинструктировал Причарда, чтобы тот в подобных разговорах очень тщательно подбирал слова, поскольку в интересах Объединенного Командования все записывалось.— Вы слышали мои условия, подполковник. Вы можете принять их, или вся ситуация в целом — минные поля и некоторые другие, возникшие недавно проблемы — будет представлена на рассмотрение Объединенному Командованию прямо сейчас. Выбор за вами.

Бено пристально разглядывал Причарда: внешне сохраняя спокойствие, но теребя верхнюю губу большим и указательным пальцами.

— Думаю, вы поступаете неблагоразумно, капитан, взваливая на себя полную ответственность за местность, по которой ваши танки не в состоянии передвигаться. Но это

ваше дело, конечно. Я выполню ваше распоряжение. К вечеру сегмент Портела—Хаакин будет расчищен, а завтра мы проследуем к Беверу. До свидания.

На экране снова возникла карта. Причард встал. Рядом с одним из штабных радистов лежал запасной шлем. Танкист надел его — он забыл выписать себе замену со склада — и сказал:

— Майкл-Один всем подразделениям.— Он замолчал, дожидаясь подтверждения от всех своих четырех взводов и командирского танка.— Всем оставаться на тех позициях, где находитесь в данный момент. Дороги заминированы. Безопасные участки, скорее всего, существуют, и мы получим их карту, как только Командный Центр ее подготовит. Пока же просто не двигайтесь с места. Майкл-Один, конец связи.

— Ты что, просто возьмешь и «скушаешь» это? — требовательно спросила лейтенант Шиллинг низким, хриплым голосом.

— Передай приказ своим людям, Салли,— ответил Причард.— Я знаю, они способны передвигаться по лесам там, где мои танки не пройдут, но не хочу, чтобы сейчас в лесу оказался кто-либо из наших.— Затем, обращаясь к сержанту разведки, он добавил: — Самуэльс, сообщи в Центр, пусть отслеживают все передвижения людей Бено. Это не поможет нам выяснить, где установлены мины, но по крайней мере мы будем знать, где их нет.

— А что будет, если эти ублюдки проигнорируют твои указания? — кипя от гнева, спросила Салли.— Ты ведь сам обучал их этому, и очень успешно, разве не так? Уступая каждый раз, как кто-нибудь произнесет слово «контракт»? Если они вздумают покинуть базу, твои танки не смогут остановить их, а уж в моем распоряжении и вовсе — сто девяносто восемь бойцов. Да батальон поднимет меня на смех, черт побери!

Шиллинг стояла подбоченившись. Лицо ее от ярости побелело, как снег за окном. Причард ответил подчеркнуто спокойно:

— Если понадобится, я вызову артиллерию. У Бено всего два тяжелых орудия, и с ними он мало что сможет сде-

лать, если его начнут обстреливать с трех огневых точек одновременно. Дорога между его позицией и Портелой — это просто прорезанная в скалах змеиная тропа. Пара зажигательных бомб над головами пехотинцев, растянувшихся по этой тропе, и... Ну, а в случае прямого попадания это будет просто мясорубка.

Глаза Шиллинг вспыхнули.

— Тогда сегодня ночью сектор окажется примерно в том же состоянии, что и до нашего появления,— сказала она, как бы размышляя вслух.— Ну, полагаю, тебе виднее,— добавила девушка с показным безразличием, демонстрируя наигранное согласие.— Ладно, я пошла в казармы. Проинструктирую Первый взвод лично, а остальных — по радио. Идем, Вебберт.

Капрал вышел за своим лейтенантом и захлопнул дверь. При этом с улицы пахнуло холодом, но Причарда и без того била дрожь: господи, что же он только что сделал по отношению к женщине, которую любил?

Уже наступил день, и в золотистых лучах солнца окна запылали огнем. Обращаясь к памяти дисплея, Причард начал отслеживать передвижение всех своих танковых взводов. Он использовал топографический дисплей, на котором не были отмечены покрывающие землю непроходимые леса.

В имплантате раздался звучный голос Маргрит:

— Капитан, не можешь на секундочку заглянуть к нам?

— Уже иду,— ответил Причард, натягивая китель.

Когда он проходил через канцелярию, дежурные лишь мельком взглянули на него.

Маргрит высунула голову из бокового люка. Стараясь не обращать внимания на вой двигателя, Причард вскарабкался на броню. Борта гудели, даже когда лопасти были полностью отключены. За спиной связистки развалился на своем месте Роб Дженни.

— Сэр,— сказала Маргрит,— мы поймали сигналы вон... оттуда.— Она ткнула пальцем в сторону пехотных казарм, не сводя взгляда голубых глаз с Причарда.

Он кивнул:

— Это лейтенант Шиллинг передает мой приказ своим людям.

— Дэнни, передача закодирована, и это не наши коды.— Секунду поколебавшись, Маргрит коснулась его спины затянутой в перчатку рукой.— И были ответные сигналы. Конечно, я не могу точно засечь их источник, пока танк стоит на месте, но он находится где-то на линии, ведущей к груде шлака около Хаакина.

Ну что ж, все идет так, как он и задумал. Кто-то, кому жители деревни доверяют, должен был сообщить им, что происходит. Иначе как втянуть жителей Портелы и их наемников в то, что обернется для них фатальной ошибкой? Да уж, чертовски не повезло беднягам, некоторым придется выступить в роли приманки, зато очень удачная ситуация для всех остальных немцев на Кобольде... Причард решил не забивать себе понапрасну голову переживаниями: все идет как надо. Он попытался расслабить мышцы, которые свело так, что стало трудно дышать. Пальцы Маргрит скользнули к его руке и сжали ее.

— Не обращай внимания на эти сигналы,— сказал наконец капитан.— Мы ведь всегда знали, что они разговаривают с гражданскими, верно? — Никто ему не ответил. Причард плотно закрыл глаза.— Нам с Хаммером вот уже несколько месяцев известно обо всех замыслах этого проклятого Барта. Сейчас они готовы рискнуть уничтожить Хаакин — пока его люди рядом, прикрывают портеланцев. Мы дадим им такой шанс, пусть разобьют себе на этом задницу. Старик молчит из опасения, что все выйдет наружу,— точно так же действует и Барт. В конце концов, все мы наемники. Но я хочу, чтобы вы трое знали правду. И я вздохну с облегчением, когда мне придется беспокоиться лишь о том, с какого направления в нас стреляют.— Внезапно капитан снова спрыгнул на землю.— Поспите немного. Этой ночью вы мне нужны в форме.

Вернувшись к своему дисплею, Причард продолжил вычерчивание курсов и расстояний. Закончив очередное вычисление, он передавал в Командный Центр серию координат. Капитан знал, что его радиотрафик отслеживается

и, скорее всего, расшифровывается разведчиками Барта. Знал он также, что если бы зачитывал координаты открытым текстом, то французы решили бы, что это код. Какая разница? Сами по себе координаты не имеют смысла — если не знать, что принято за точку отсчета.

Работая, Причард продолжал следить за французскими батальонами. Солдаты Бено оставались на своих позициях, как и было приказано. Они использовали это время, чтобы зарыться поглубже. Сначала с помощью взрывов проложили щелевые траншеи в скале, а теперь рыли крытые бункеры, используя горнодобывающую технику, позаимствованную у жителей Портелы. На горном гребне в восточной части позиции были установлены пять из шести противотанковых пушек. Они держали под прицелом змеившуюся у подножия холмов дорогу на западных подступах к Портеле.

Причард снова мрачно усмехнулся, когда сержант Самуэльс вручил ему увеличенные во много раз распечатки, полученные со спутников. Два приземистых, громоздких противотанковых орудия Бено были установлены в укрытиях за восточным гребнем. Там этим восьмиствольным пушкам не угрожал сокрушительный огонь танков роты «М», однако их способность отражать артиллерийскую атаку оказалась не слишком велика. Сами противотанковые орудия Молотобойцев не беспокоили. Их центральный направляющий компьютер добивался гораздо большего эффекта, используя сотни самоходных орудий. И Бено вскоре получит возможность в этом убедиться.

Команда саперов, разминировавшая дорогу Портела—Хаакин выполняла свою работу, как и было приказано. Люди вернулись в лагерь Бено за час до наступления сумерек. Французы не дошли пяти километров до немецкой деревни.

Причард проследил за их возвращением, выключил дисплей и встал.

— Я пошел в свой танк,— сказал он.

Экипаж уже поджидал его. Люк открылся, извергая конденсат, как только Причард показался в двери. Гладкая туша танка выдувала воздух, словно беспокойный кит.

Солнце уже опустилось так низко к горизонту, что верхушки деревьев выделялись на фоне заката, словно ряд штыков.

Капитан устало рухнул на свое сиденье. Дженни и Маргрит пробормотали приветствия и замерли в ожидании, заметно нервничая.

— Я собираюсь покемарить пару часиков,— сказал Причард и развернул свое сиденье таким образом, чтобы иметь возможность лечь. Ноги мешали ему разглядеть выражение лица Маргрит.— Проверяй дорогу к западу от Хаакина, ладно? — попросил он.— Я приму таблетку глирина. Вколи мне антидот, когда там что-нибудь зашевелится.

— Если там что-нибудь зашевелится,— уточнил Дженни.

— Когда.— Причард проглотил пилюлю.— Эта немчура воображает, будто у них есть последний шанс напасть на Портелу и снова разжиться автоматами. Суть в том, что автоматы уже раздали жителям Портелы, и теперь те поджидают, когда немцы придут за ними. Это будет чертовски короткий бой, самый короткий из всех...— Снотворное уже начало действовать: сознание капитана медленно растворялось, словно кубик сахара в воде.— Чертовски короткий...

Сначала Причард почувствовал только укол с внутренней стороны запястья. Потом наркотический туман рассеялся, и сознание полностью вернулось к капитану.

— Вереница грузовиков, штук двадцать, движется к западу от Хаакина, сэр. Едут без огней, но спутники засекли их в инфракрасном свете.

— Красный уровень тревоги,— приказал Причард и перевел свое сиденье в боевую позицию.

Мягкий голос Маргрит объявил общую тревогу. Причард натянул радиошлем.

— Майкл-Один всем подразделениям Майкл. Проверка.— В знак подтверждения пять зеленых огоньков безмолвно вспыхнули на дисплее предохранительного щитка капитана.— Майкл-Один Сигме-Один.

— Слушаю, Майкл-Один,— с ноткой триумфа в голосе откликнулась Салли.

— Сигма-Один, собери всех своих солдат на больших, расчищенных участках — поля вокруг деревень подойдут, только держитесь подальше от Портелы и Хаакина. Будьте готовы задержать любого, приближающегося со стороны реки Айлет. Конец связи.

— Подтверждаю, Дэнни, подтверждаю! — ответила Салли.

Могла ли она сама прибегнуть к помощи разведывательного спутника и увидеть пять расплывчатых пятнышек на полпути между деревнями? Без сомнения, это были грузовики с жителями Портелы, вознамерившимися устроить засаду. Что Салли скажет, когда поймет, как «подставила» жителей деревни, которых пыталась защитить? Агнцы, предназначенные для заклания...

На видеоэкране немецкие грузовики были видны отчетливее, чем замаскированные портеланские. Дробленый камень дороги на экране выглядел темным, поскольку был холоднее окружающих деревьев и грузовиков. Устремив взгляд на Дженни, Причард похлопал по казенной части орудия и спросил:

— Загрузились как следует?

— Не учи медведя, что делать в лесу,— усмехнулся Дженни.— Похоже, сегодня ночью у нас есть шанс захватить этих умников с поличным, капитан?

Причард кивнул.

— Мы три месяца проторчали здесь, занимаясь только тем, что продавали веревку французам. Ту самую, на которой сегодня ночью сможем их повесить.— Он снова перевел взгляд на видеоэкран и спросил в интерком: — Кови, ты там жив?

— Готов тронуться в любой момент, как только узнаю курс,— ответил из своей закрытой кабины водитель.

Экран пошел яркими полосами, которые, казалось, на мгновение прилипли к нему. Движущиеся пятнышки вспыхнули ярче и начали расползаться во все стороны — это взорвались грузовики.

— Майкл-Один Центру управления огнем,— сказал Причард.

— Слушаю, Майкл-Один,— ответил механический голос.

— Приготовиться к выполнению плана «Альфа».

— Вас понял, Майкл-Один.

— Маргрит, дай мне Бено.

— Говорите, капитан.

— Молотобойцы вызывают Бено. Причард вызывает Бено. Пожалуйста, ответьте, подполковник.

— Капитан Причард, говорит Мишель Бено.— Голос подполковника звучал ровно, но слова вылетали слишком торопливо, чтобы скрыть владевшее им беспокойство.— Заверяю вас, никто из моих людей в происходящем сражении не участвует. Тем не менее я готов немедленно выслать взвод, чтобы навести там порядок.

Стрельба уже прекратилась — из-за отсутствия мишеней.

— Подполковник, я имею в своем распоряжении артиллерию, которая вот-вот начнет обстрел некоторых участков леса. Эти участки находятся в стороне от ваших солдат или любых других наемников. Это необходимо, и, если вы вмешаетесь, Молотобойцы расценят ваше поведение как объявление войны. Я говорю от имени полковника Хаммера.

— Капитан, я не...

Причард переключился.

— Майкл-Один Центру управления огнем. Выполняйте план «Альфа».

— Приступаем, Майкл-Один.

— Майкл-Один Майклу-Первому, Второму, Четвертому. Командный Центр загрузил маршруты движения в ваши дисплеи. На картах также помечены участки, где с помощью зажигательных средств будет подожжен лес. Используйте собственные орудия, чтобы воспламенить деревья непосредственно перед вашими позициями. Хватит одной очереди. Задрайте люки и езжайте сквозь огонь — горящие деревья просто разваливаются на куски.

Орудийная башня взвыла — это заработал Роб.

— Майкл-Третий, я прикомандировываю вас к пехоте. С востока могут подойти еще французы. Ваша задача обеспечить, чтобы они не захлопнули перед нами дверь.

Пушка дала залп так неожиданно, что воздух зазвенел, словно твердое тело. Утечка из системы выброса наполнила помещение танка вонью перегретого полиуретана. Боковой экран сначала полыхнул голубым, но его тут же затопило адски белое свечение освещенных огнем деревьев. На центральном экране, по-прежнему настроенном на дальнее расстояние, горели подожженные засевшими в засаде французами немецкие грузовики и участки леса вокруг. Портеланцы выскочили из укрытий под деревьями и теперь метались по дороге, добивая немцев.

— Кови, пошел,— сказал в интерком Дженни; его слова отдавались эхом в орудийной башне.

Лицо Маргрит было спокойно, а губы связистки еле заметно шевелились, когда она управлялась с радиотрафиком, который не считала нужным переводить на своего капитана. Танк скользил вперед, словно капля масла по озеру. Издали послышались глухие звуки выстрелов, и высоко над деревьями взлетели сотни огненных шаров.

Причард переключил центральный видеоэкран; теперь тот показывал, что происходило непосредственно впереди. Внутри танка все озарилось белым. Скат носа «Плуга» рассекал заросли горящих деревьев. Они сворачивались в клубки и оседали, распадаясь брызгами яростных осколков, которые тут же подкидывали и снова посылали вверх лопасти танка. Вокруг творился кромешный ад, и Кови вел танк, руководствуясь инстинктом и своим внутренним компасом. На его экранах стояли фильтры, снижающие интенсивность яркости бушующего вокруг огня, но все равно разглядеть что-то стало невозможно.

Орудия Бено не пытались помешать стрельбе. Ничего, есть и другие способы принудить французских наемников перешагнуть черту. Например...

— Соедини меня снова с Бено,— приказал Причард.

Несмотря на плотную иридиевую обшивку, в танке ощущался отдаленный грохот канонады.

— Говорите,— ответила Маргрит, щелкнув выключателем у себя на пульте.

Все время, пока Причард разговаривал на других частотах, она каким-то образом поддерживала беседу с французским офицером.

— Подполковник,— сказал Причард,— мы прорываемся через горящие участки и будем преследовать всех, кто сегодня ночью пустит в дело автомат, а потом пристрелим их. То же самое — в отношении участников засады. Мы будем расстреливать их семьи, взрывать их дома. Вам не кажется, что это относится ко всем домам Портелы?

Лицо Бено исказилось, но, конечно, не от жара горящего леса.

— Вы сошли с ума? — закричал он.— Это немыслимо, Причард!

Губы танкиста раздвинулись в улыбке, напоминающей волчий оскал. У него промелькнула мысль о массовом убийстве, и он знал, что очень многие Молотобойцы жаждали осуществить эту угрозу. Но Причард не станет этого делать, потому что Бено так похож на Рииса и Шиллинг: слишком много от националиста, чтобы помнить о своей первейшей обязанности наемника...

— Подполковник Бено, контракт требует, чтобы мы поддерживали на Кобольде мир и оставались беспристрастны. Запись подтвердит, как мы наказали жителей Хаакина за то, что у них в руках оказалось оружие. Что же касается действий портеланцев сегодня ночью... не беспокойтесь, мы будем беспристрастны. И они никогда больше не нарушат мир снова.

— Капитан, я не допущу, чтобы вы устроили резню мирных французских жителей,— заявил Бено.

— Только позвольте хоть кому-нибудь из своих людей покинуть теперешние позиции, и я разнесу их на клочки,— ответил Причард.— Выбор за вами, подполковник. Уже в который раз.

«Плуг» подскочил и покатил вперед, растирая в порошок распавшиеся на пылающие обломки грузовики. Однако танку не попалось ничего достаточно твердого, что заставило бы его остановиться. Причард перевел боковой видеоэкран на дальний обзор, чтобы проверить, что творится в лагере Бено. Увеличенное и сделанное в инфракрасном свете изображение со спутников показывало вереницу сверкающих точек, устремившихся от оборонительных позиций в направлении дороги на Портелу: пехотинцы на

глиссерах. Два более рыхлых шарика покрупнее, скорее всего, представляли собой противотанковые орудия. Бено привел в движение не весь свой батальон, а только усиленный взвод — своего рода демонстрация силы с целью заставить Причарда отступить.

Вот глупец. Никто не собирался отступать.

— Майкл-Один всем подразделениям «М» и «С».— Голос Причарда был чист, как пламя вокруг танка.— Мы находимся в состоянии войны с ротой Барта и ее гражданскими помощниками. Майкл-Первый, Второй и Четвертый, встречаемся у места засады, помеченного на ваших дисплеях. Любой, кого вы встретите между этим местом и Портелой,— наш враг. Если нас обстреляют из Портелы, уничтожаем только источник сопротивления. Если по дороге наткнемся на людей Барта, продолжаем движение на запад. Сигма-Один, организуйте подвижную оборону, оставайтесь на месте и ждите помощи. Она уже идет. Если все получится, Барт против Хаммера будет все равно что пшеница против косы. Как поняли?

На пульте Причарда вспыхнули зеленые огоньки, и тут на частоту сектора прорвался новый, скрежещущий голос.

— Хотел бы я быть с вами, танкисты. Мы прикроем ваши задницы и защитим другие сектора — если у кого-то хватит тупости двинуться с места. Доброй охоты!

«Хотел бы я, чтобы *вы* были здесь вместо меня, полковник»,— прошептал Причард, обращаясь к самому себе. Хотя, возможно, в глубине души он так и не думал.

Внутри у него все заледенело, и лицо было холодно, как сама смерть.

Слева от капитана подсвеченный экран демонстрировал район операции. Это был компьютерный аналог, не прямая передача со спутника. Размытые изображения были освещены более ярко и помечены: Молотобойцы — зеленым, Барт — красным; мирные жители, если они не сражались на той или другой стороне,— голубым. Зеленое пятнышко «Плуга» приближалось к месту засады одновременно с Первым и Четвертым взводами. Второй отставал от них на минуту-две. Дыхание у Причарда перехватило. На дисплее пучок узких красных линий устремился к его танкам.

Барт приказал своей артиллерии поддержать батальон Бено, надеясь тем самым отпугнуть танкистов.

Залп рассыпался и исчез — еще более внезапно, чем появился. Это самоходные орудия Хаммера уничтожили угрозу с неба. Теперь зеленые линии понеслись от трех огневых баз полковника, находящихся на экране вне компьютерного аналога. Сражение вышло за пределы Сектора Два. Хотя, если Причард и Хаммер разыграли свою партию правильно, оно ограничится лишь Молотобойцами и людьми Барта. Другие французские полки побоятся присоединиться к неожиданной схватке, разгоревшейся, несомненно, в результате того, что кто-то нарушил контракт. Если виноваты люди Хаммера, немцам не позволят извлечь выгоду из сражения. Если вина лежит на людях Барта, всякий, кто присоединится к нему, с большой долей вероятности будет наказан не менее сурово.

Лес полыхал так яростно, что пламя уже угасало, рассыпаясь искрами и пеплом. Командирский танк прогрохотал по широкой дороге к западу от Хаакина. Немецкие грузовики все еще горели — материал, из которого они были сделаны, смазочные вещества и краска моментально вспыхнули под воздействием выстрелов. Множество лежащих рядом с ними трупов тоже дымились. Некоторые до сих пор сжимали в руках свои бесполезные мушкеты. Эти мертвецы стали жертвами шести столетий прогресса, который пришел на неподготовленный к нему Кобольд как раз вовремя, чтобы убить их. Барт снабдил порteланцев лишь плечевым оружием, но даже оно позволило им добиться невероятных успехов. Автоматы стреляли очередями, каждый заряд обладал ужасной разрушительной силой. При отсутствии ответного огня даже необученные стрелки могли действовать эффективно, имея в руках оружие, которое стреляло трассирующими очередями и безо всякой отдачи.

Расплескивая пепел и огонь, словно акулы в волнах прибоя, четыре чудища Первого взвода свернули на дорогу с юга. Почти одновременно к ним присоединился и Четвертый, пробиваясь сквозь затухающий огненный ад на другой стороне. Эта дорога имела пятьдесят метров в ширину,

и держаться по центру ее танкистам не было необходимости. В лесу, все еще пылающем или рассыпающемся углями, больше не было засады.

«Плуг» накренился, когда Кови проезжал по телам. Некоторые из них еще шевелились. Причард спросил себя: пережил ли хоть кто-нибудь из немцев сегодняшнюю ночь?.. Но эта мысль лишь промелькнула в глубине сознания. Молотобойцы находились в состоянии войны, и на самом деле только это имело значение.

— Разделяемся,— приказал капитан.— Первый налево, Четвертый направо! «Плуг» пойдет по центру один, пока его не догонит Второй. Второй, что ты там застрял? Давай, догоняй нас. Если увидишь, что что-то движется, стреляй.

На скорости сто километров в час танки догнали портеланцев в трех километрах от их деревни. Поселенцы ехали на грузовиках, которые, пока не начался пожар, стояли в укрытии на краю леса. Французы, возможно, даже не понимали, что их преследуют, до того момента, когда ехавший сзади грузовик не взлетел на воздух. Роб Дженни разнес его на клочки из своего трехствольного орудия с расстояния в пять километров. Голубая вспышка и последовавший за ней оранжевый взрыв послужили едущим по бокам танкам сигналом открыть стрельбу. Обладая достаточным параллаксом*, они имели возможность разнести четыре оставшихся грузовика без того, чтобы уже взорванный стал для кого-то помехой. В ответ послышались разрозненные выстрелы, свидетельствующие о том, что некоторые портеланцы уцелели и рискнули применить свои новые автоматы против более сильного противника. Трассирующие очереди прочертили линии в покрывающей броню танков пыли. Но внутри их даже не заметили.

Из окон Портелы дети смотрели, как горят их родители.

Струя голубого пламени метнулась с крыши стоящего в отдалении дома и коснулась командирского танка в тот момент, когда Кови делал поворот, объезжая портеланский грузовик. Очередь была нацелена очень точно, автоматическое оружие явно находилось в руках профессионала. Хотя... профессионал должен был знать, насколько оно бесполезно против прочной брони танка. Видеоэкран потускнел — несколько воспринимающих элементов расплавились. Дженни выругался и ткнул ногой в педальный переключатель орудия. Миг — и дом превратился в огненное облако, которое росло на глазах. Загорелись и окружающие строения. Спустя мгновение залп фугасных бомб Хаммера прочертил потускневший экран. Деревня начала изрыгать в небо белые вспышки.

«Портеланцам захотелось поиграть в солдат»,— подумал Причард. Он заглушил в душе всякую жалость к жителям Хаакина, и на французов он тоже не станет ее тратить.

— Первый, Четвертый, Второй — вперед,— приказал капитан.

Три идущих в ряд танка замедлили движение и перегруппировались: теперь «Плуг» шел вторым. Когда танки ворвались в Портелу, там вовсю шла пальба. Зеленые трассы на экране-аналоге заканчивались над дорогой, запруженной людьми Бено, и над главной позицией французов. Небо над бункерами Бено пошло рябью и заполыхало, когда зажигательные снаряды полетели вниз, распадаясь на тысячи более мелких частей. Оборонительный огонь как отрезало. Причард легко мог представить себе, что переживал беззащитный экипаж противотанковых орудий Бено, когда вокруг свистела шрапнель.

Танки обстреливали дома с обеих сторон улицы, используя трехствольные орудия и автоматы. Голубовато-зеленые вспышки были так интенсивны, что их отсвет окрасил даже пламя, бушевавшее среди развалин. На скорости пятьдесят километров в час тринадцать танков промчались по центру деревни, и единственным препятствием стали для них выкатывающиеся на дорогу камни — осколки, на которые распадались дома. Люди Барта метались, точно белые тени, и взрывались, когда в них попадала автоматная очередь.

Шахта, где велась добыча меди, находилась сразу к западу от деревни, в трехстах метрах севернее большака. Когда головной танк с рычанием огибал последние дома, дюжина

* Параллакс — кажущееся смещение рассматриваемого объекта, вызванное изменением точки наблюдения. *(Прим. перев.)*

пехотинцев, до этого прятавшихся в шахте, поднялась и дала залп самолетами-снарядами. Ожила автоматическая защитная система танка. Стена белого огня пошла рябью, когда наперехват снарядам наружу выбросило заградительные дробинки. Большинство снарядов взорвались на расстоянии десяти метров под обрушившимся на них стальным градом. Один безо всякого вреда пронесся над целью — крошечная вспышка, потерявшаяся на фоне полыхающего неба. Только один кумулятивный заряд по касательной зацепил орудийную башню; возникший в результате конус света оказался больше самого танка. Это, можно считать, тоже был почти промах. Осталась лишь небольшая выемка в иридиевой броне, похожая на скользящий удар рапиры, когда кожа оказывается прорвана, но кость не задета.

Трехствольные орудия и автоматы мгновенно среагировали на этот залп. Атаковавшие попáдали: кто замертво, а кто — чтобы перезарядить оружие.

— Второй взвод, взорви к черту этот шахтный ствол и догоняй нас,— приказал Причард. Головной танк уже израсходовал половину зарядов своей защитной системы.— Майкл-Первый-Три, пристройся позади Первого-Один. Майкл-Один впереди.

Кови понимающе ухмыльнулся. «Плуг» увеличил скорость до максимума. На дороге были люди Бено — те, кто не успел попасть в Портелу до начала обстрела, и те, кто сбежал, когда артиллерия принялась крушить дома. Глиссеры пехоты оказались в ловушке между природными скалами и нагромождениями обломков развалившихся зданий, между своей собственной сравнительно низкой скоростью и стремительно надвигающимся «Плугом». Раньше деревья давали им хоть какое-то преимущество, а теперь мятежники оказались как на ладони. Зажигательные снаряды обрушились на них, превратив в пылающие факелы, освещающие собственную похоронную процессию.

Для трехствольного орудия Дженни бронежилеты не представляли преграды: оно косило людей короткими очередями, буквально разрывая их на части. Одно из противотанковых орудий — другое, что ли, похоронено в Портеле? — лежало, привалившись к скале; его водителя убило

осколком снаряда. Проезжая мимо, Роб выстрелил в орудие из пушки. То же сделали и два следующих танка. На третьем выстреле боезапас воспламенился и взорвался с ослепительной вспышкой.

Противотанковые пушки все еще оставались на гребне, но уже не стреляли, хотя было видно, что они покорежили значительную часть дороги. Может, экипажи разбежались, когда началась стрельба, а может, Бено приказал им прекратить огонь из опасения попасть в своих. Гребень прорезала узкая теснина. «Плуг» пополз по ней вверх, и на вершине в него под разными углами врезались три снаряда.

Из-за того, что нос танка был задран, два снаряда превратили в пыль часть передних лопастей и прикрывающих их «юбок». Нос «Плуга» опустился, во все стороны полетели искры. Третий снаряд лишь слегка задел орудийную башню слева, заставив иридий зазвенеть от удара. Броню не пробило, и тем не менее изнутри ее испещрили белые полосы. Температура в танке поднялась до тридцати градусов. Пока «Плуг» тормозил, сержант Дженни дал очередь из пулемета по самой крайней слева противотанковой пушке, и почти сразу же на нее обрушился залп ракетных гаубиц Хаммера. Но это уже не имело значения. Пушка взорвалась: даже издали было видно, как она вспыхнула. Силуэт одного из артиллеристов, подброшенного испаряющимся металлом, промелькнул высоко в воздухе.

Однако оставались еще две пушки; они выстрелили, разорвав темноту ночи и взорвав командирский танк.

От удара снаряда, задевшего правую сторону орудийной башни, внутрь корпуса брызнули капли иридия. Воздушной волной Причарду заложило уши. Роб Дженни повис, накренившись в своей «сбруе»; правую руку ему полностью сожгло выстрелом. Левая рука почернела в том месте, где касалась голого металла, который искрил и звенел, когда цепи замкнуло. Из-за перегрузки радиоприемники Маргрит взорвались один за другим. Однако видеоэкраны работали, и орудийная пушка мирно гудела, когда Причард со своего пульта управления разворачивал ее вправо.

— Выруби питание! Роб горит! — пронзительно закричала Маргрит.

Шлем с нее сорвало, густые волосы стояли дыбом, словно усики хлебной плесени. Причард навел орудие, и линию гребня осветил еще один взрыв.

— Дэнни! Наш боезапас! Он может...

Последняя уцелевшая пушка Бено с грохотом снесла трехствольное орудие и купол «Плуга». Труба автоматической загрузки снарядов начала самопроизвольно стрелять внутрь танка. Однако орудийная башня все еще вращалась.

Электричество потрескивало вокруг сапог Причарда и подножки танка, когда он выстрелил снова. Снаряд пронзил ночь, и на этот раз ответного выстрела не последовало. Причард все жал и жал на выключатель, в ноздри ему бил запах озона, перегревшегося пластика и горящей плоти друга. Между голубыми вспышками скала, под прикрытием которой находился бункер с пушкой, казалась белой. Она потрескивала и стекала, словно тающий на солнце снег. Пушка отстреляла свое — навсегда.

Труба автоматической загрузки опустела. Причард отключил питание. Свет внутри и пляшущие дуги разрядов погасли, осталось лишь затухающее мерцание раскаленного иридия. Танки один за другим проезжали мимо затихшего «Плуга» и с ревом устремлялись к гребню. Деморализованные люди Бено начали бросать оружие и сдаваться.

Причард вручную разблокировал «сбрую» Дженни и подвесил ее горизонтально. Сержант дышал, но был без сознания. Причард включил фонарик на батарейках и держал его, пока Маргрит специальным спреем обрабатывала ожоги. Время от времени она останавливалась и иголкой отделяла одежду от плоти.

— Это нужно было сделать,— прошептал Причард.

Пожертвовав Хаакином, он заманил Бено в «мышеловку», дал ему возможность развязать войну, в которой пехота просто не могла победить. Сейчас Хаммер добивал отряд Барта, зажатый в иридиевых тисках. Государственный Совет Фрисленда не позволил бы полковнику действовать, знай они о его намерениях заранее, но перед лицом ошеломляющей победы им просто не останется ничего другого, как продиктовать французам условия.

— Это нужно было сделать. Но вот я гляжу на то, что натворил...

Причард взмахнул правой рукой, словно собираясь сделать жест, охватывающий дымящиеся развалины Портелы и трупы хаакинцев на дороге. Однако вместо этого он с силой ударил кулаком по казенной части орудия. И потом, как бы наказывая самого себя, ударил снова. Маргрит вскрикнула и, выставив руку, помешала капитану нанести третий удар.

— Марги,— с мукой в голосе сказал Причард,— человеческие существа не поступают *так* по отношению друг к другу.

Однако солдаты поступают.

И палачи.

Гарри Тартлдав

Гарри Тартлдав приобрел широкую известность как автор альтернативной фантастики, когда вышел в свет его роман «Пропавший легион», первый в цикле «Легион Видесса». В нем рассказывается, как римский легион был перенесен в мир, где властвует магия. После этого Тартлдав не раз исследовал воздействие на историю различных альтернативных событий, в том числе в таких книгах, как «Агент Византии» (средневековые времена) и «Ружья Юга» (путешественники во времени меняют ход течения Гражданской войны в Америке). В саге «Великая война» изображается Америка, в которой Соединенные Штаты и Конфедерация южных штатов поддерживают противные стороны в Первой мировой войне. Его амбициозная серия «Мировая война», включающая романы «Флот вторжения», «Ответный удар», «Око за око» и «Великий перелом», представляет собой альтернативный вариант развития Второй мировой войны, в котором вторгшиеся на Землю инопланетяне провоцируют иные по сравнению с реальными альянсы между враждующими сторонами. Тартлдав — автор множества других сочинений, среди которых сборник рассказов «Расхождения», юмористический фэнтези-роман «Дело о свалке токсичных заклинаний», а также шеститомная сага «Хроники Великой войны», в которой реалии Первой мировой войны переносятся на фэнтези-мир.

Последний символ

Отказ от применения насилия — первый символ моей веры. Он же и последний символ моих убеждений.

Мохандас (Махатма) Ганди

Мне известны лишь два средства, при помощи которых без труда можно одержать победу над разумом: ужас и сила.

Адольф Гитлер. «Моя борьба»

Танк прогрохотал по Раджпат, мимо развалин Мемориальной арки, в направлении Индийских ворот. Сами ворота еще стояли, хотя в последнем сражении накануне падения Нью-Дели в них попало несколько артиллерийских снарядов. Над воротами трепетал флаг Соединенного Королевства.

По обе стороны улицы, провожая взглядами танк, выстроились британские солдаты. Их полевая форма цвета хаки была грязной и разорванной; в строю было много раненых в несвежих бинтах. Англичане смотрели устало, загнанными взглядами побежденных, хотя здесь, в Индии, они сражались до последнего, не жалея ни людей, ни патронов.

Индийские ворота приближались. Когда танк проезжал мимо, заиграл военный оркестр. Музыкантов по такому случаю принарядили. Слабые звуки волынок были едва слышны в жарком и влажном воздухе.

В тени ворот в ожидании одиноко стоял человек.

Ехавший в орудийной башне «панцера-4» фельдмаршал Вальтер Мо́дель* чуть нагнулся и заметил, обращаясь к своему адъютанту:

— В церемониях такого рода англичанам нет равных.

Майор Дитер Лаш издал ядовитый смешок.

— У них было время попрактиковаться, господин командующий.— Ему пришлось возвысить голос, чтобы перекричать рев двигателей танка.

— Что это за мелодия? — спросил фельдмаршал.— Она имеет какой-то конкретный смысл?

— Она называется «Мир перевернулся вверх дном»,— ответил Лаш, вместе со своим британским коллегой принимавший участие в разработке официальной церемонии капитуляции.— Музыканты армии лорда Корнуоллиса** играли ее, когда он сдавался американцам в Йорктауне.

— Ах, американцам...

Модель настолько погрузился в свои мысли, что едва не выронил из правого глаза монокль. Но тут же вставил его на место. Пожалуй, этот монокль был единственной деталью, роднившей его с шаблонным образом высокопоставленного немецкого офицера. Модель вовсе не был тощим пруссаком с ястребиной физиономией. Однако его полноватое лицо имело твердое выражение, а приземистое тело подпитывалось энергией воли лучше, чем худые фигуры многих аристократов, страдающих несварением желудка.

— Да, есть еще американцы,— повторил он.— Ну ничего, с ними разберемся потом, не так ли? Пока хватит. Не все сразу.

---

* Вальтер Модель (1891–1945) — генерал-фельдмаршал германской армии. Следует отметить, что в альтернативно-историческом рассказе Г. Тартлдава большинство героев — реальные персонажи военной истории XX века.

** Имеется в виду эпизод из времен Войны за независимость, а именно Принстонское сражение, когда американцы под командованием Дж. Вашингтона разбили войска англичан, которыми командовал лорд Корнуоллис.

Танк остановился. Водитель выключил двигатель, и внезапно стало поразительно тихо. Модель проворно спрыгнул на землю, в этом у него имелся большой опыт: вот уже восемь лет он выпрыгивал из танков — с тех пор, как во время польской кампании стал штабным офицером IV корпуса.

Стоящий в тени человек вышел вперед и отдал честь. Немецкие фотографы старательно фиксировали этот исторический момент, и лампы-вспышки освещали его длинное, усталое лицо. Англичанин не обращал ни на вспышки, ни на самих фотографов абсолютно никакого внимания.

— Фельдмаршал Модель,— вежливо сказал он таким тоном, словно собирался заговорить о погоде.

Моделя восхитило его хладнокровие.

— Фельдмаршал Окинлек*,— ответил он и тоже отдал честь, давая противнику возможность еще несколько последних секунд оставаться с ним на равных. После чего перешел к насущным проблемам: — Фельдмаршал, вы подписали акт о капитуляции Индийской армии Великобритании военным силам рейха?

— Да,— ответил Окинлек и достал из левого кармана гимнастерки сложенный лист бумаги. Однако, прежде чем вручить его Моделю, добавил: — Вы позволите мне сделать заявление? Совсем короткое?

— Конечно, сэр. Мы с удовольствием выслушаем вас, и, пожалуйста, не торопитесь.

Как победитель Модель мог позволить себе быть великодушным. Помнится, он даже разрешил высказаться маршалу Жукову во время советской капитуляции в Куйбышеве — сразу после этого маршала увели и расстреляли.

— Благодарю вас.— Окинлек холодно наклонил голову.— В таком случае позвольте заметить, что меня просто вынудили согласиться на унизительные условия, что оказалось чрезвычайно тяжело для храбрых солдат и офицеров, служивших под моим командованием.

---

* Окинлек Клод Джон Эйр — британский фельдмаршал. С 1943 по 1947 год — главнокомандующий британскими войсками в Индии.

— Я понимаю вас, сэр.— Округлое лицо Моделя мигом утратило добродушное выражение, а в голосе его зазвенела сталь.— Должен напомнить, однако, что сейчас военное время, и с учетом этого мое обращение с вами следует рассматривать как акт милосердия, за что Берлин, кстати, может объявить мне дисциплинарное взыскание. Когда Британия в сорок первом году капитулировала, всем имперским силам было приказано также сложить оружие. Полагаю, вы не ожидали, что мы доберемся до далеких колоний, но учтите, с точки зрения закона, я могу рассматривать вас как обычных бандитов.

Щеки Окинлека медленно побагровели.

— Для бандитов мы чертовски хорошо задали вам жару.

— Это правда.— Модель оставался в рамках вежливости. Он не станет говорить, что, по его мнению, лучше десять раз принять честный бой, чем иметь дело с партизанами,— вот уж кто не давал покоя Германии и ее союзникам в оккупированной России.— Желаете еще что-нибудь добавить?

— Нет, сэр.— И с этими словами Окинлек вручил немцу подписанный акт о капитуляции и свое личное оружие.

Фельдмаршал убрал пистолет в пустую кобуру, которую взял с собой специально для этого. Пистолет вошел не очень хорошо: кобура была рассчитана на «вальтер П38», а не на грубое убойное оружие английской фирмы. Теперь, впрочем, это вряд ли имело значение. Церемония капитуляции практически закончилась.

Окинлек и Модель в последний раз отсалютовали друг другу. Британский фельдмаршал сделал шаг в сторону. К нему подошел немецкий лейтенант, которому предстояло доставить англичанина к месту заключения.

Майор Лаш взмахнул рукой, и флаг Соединенного Королевства сполз вниз по флагштоку. Его место на Индийских воротах заняла свастика.

Лаш осторожно постучался и просунул голову в кабинет фельдмаршала.

— Там прибыл какой-то индийский политик. Он хочет с вами встретиться, господин фельдмаршал.

— Ах да, чуть не забыл! Прекрасно, Дитер, пусть войдет.

Моделю приходилось иметь дело с отдельными индийскими политиками еще до британской капитуляции — и с целыми ордами их сейчас, когда сопротивление англичан было подавлено. Он вообще не питал к племени политиков особой симпатии, хоть к индийским, хоть к русским, хоть даже к немецким. Фельдмаршал знал по собственному опыту, что, какие бы религиозные принципы они ни провозглашали, их прежде всего заботила собственная выгода.

Он слегка удивился, когда адъютант ввел посетителя: самый обычный человек — невысокий, хрупкий, смуглый. Характерная для индийцев худощавая фигура и простая белая хлопчатобумажная набедренная повязка — единственное одеяние вошедшего — резко контрастировали с викторианской роскошью дворца, откуда наместник Модель теперь управлял вновь завоеванной территорией рейха.

— Садитесь, герр Ганди,— сказал фельдмаршал.

— Благодарю вас, сэр.

Когда посетитель сел, он выглядел словно ребенок в кресле, предназначенном для взрослого: оно казалось слишком широко для него, а мягкие, туго набитые подушки даже не прогнулись под столь маленьким весом. Однако глаза этого человека, заметил Модель, не были глазами ребенка. Они со сбивающей с толку проницательностью смотрели на него сквозь очки в проволочной оправе.

— Я пришел узнать, когда можно рассчитывать, что немецкие солдаты покинут нашу страну?

Модель, нахмурившись, наклонился вперед. Ганди говорил по-английски с акцентом, и на мгновение у фельдмаршала мелькнула мысль, что он неправильно понял гостя. Убедившись, что это не так, он сказал:

— По-вашему, мы проделали такой путь исключительно в туристических целях?

— Нет, конечно.— В голосе Ганди явственно прозвучало неодобрение.— Туристы не усеивают свой путь трупами.

— Вот уж точно, туристы не платят столь высокую цену за путешествие! — взорвался Модель.— Однако дело даже

не в этом, смею заверить вас, что мы никуда отсюда уходить не собираемся.

— Мне очень жаль, сэр, но я не могу допустить подобного.

— *Вы* не можете? — У Моделя снова чуть не вывалился монокль. Ему уже приходилось сталкиваться с самонадеянностью политиков, но этот тощий старый дьявол просто излучал убежденность.— А вы не забыли, что я могу кликнуть своего адъютанта, и вас прямо сейчас расстреляют у стены этого здания? И вы будете не первым, уверяю вас.

— Да, я понимаю,— печально ответил Ганди.— Но если вы уготовили мне такую судьбу, то учтите: я уже старый человек. И не брошусь бежать прочь со всех ног.

Жизнь на войне научила Моделя безразлично относиться к перспективе возможного ранения или смерти. И сейчас в глазах старого человека фельдмаршал увидел нечто похожее, хотя сам он пришел к этому далеко не сразу. Спустя мгновение до него дошло, что угроза не только не напугала Ганди, но даже... позабавила его. Испытывая некоторое замешательство, фельдмаршал спросил:

— У вас есть серьезные проблемы, нуждающиеся в рассмотрении?

— Только одна, которую я уже обозначил. Нас больше трехсот миллионов. И это несправедливо — чтобы нами правили другие, не важно кто, немцы или британцы.

Модель пожал плечами.

— Что толку рассуждать о справедливости. Уверяю вас, у немцев хватит силы удержать завоеванное.

— Где нет справедливости, там не может быть и силы,— ответил Ганди.— Мы не позволим вам держать нас в рабстве.

— Вы угрожаете мне? — проворчал Модель.

Честно говоря, смелость индийца удивила его. Большинство местных жителей виляли хвостами перед новыми хозяевами. Сейчас, по крайней мере, перед ним сидел человек неординарный.

Ганди покачал головой, хотя Модель видел, что им по-прежнему руководит не страх, а нечто иное.

«Это очень, очень неординарный человек»,— снова подумал фельдмаршал, который уважал мужество, когда сталкивался с ним.

— Нет, сэр, я вам не угрожаю. Я всего лишь делаю то, что считаю правильным.

— Очень благородно с вашей стороны.

Хотя фельдмаршал намеревался сказать это иронически, к вящей досаде Моделя, его слова прозвучали почти искренне. Ему уже не раз приходилось слышать подобные выспренные фразы — от англичан, от русских, да и от немцев тоже. Ганди, однако, поразил его: казалось, этот человек и правда говорит то, что думает. Модель потер подбородок, размышляя, как же ему договориться со столь непримиримо настроенным деятелем.

Большая зеленая муха с жужжанием влетела в кабинет фельдмаршала. Услышав этот мерзкий звук, Модель на мгновение оживился. Он вскочил и попытался прихлопнуть муху, но промахнулся. Насекомое какое-то время летало вокруг, а потом уселось на ручку кресла Ганди.

— Убейте ее,— велел Модель.— На прошлой неделе одна из этих проклятых тварей укусила меня в шею, и опухоль до сих пор все еще не спала.

Ганди замахнулся было, но задержал руку в нескольких дюймах от мухи. Она испуганно взлетела. Ганди встал. Для человека, которому под восемьдесят, он двигался удивительно проворно. Индиец выгнал муху из кабинета, не обращая внимания на Моделя, который наблюдал за ним, открыв от удивления рот.

— Надеюсь, муха больше вас не побеспокоит,— сказал Ганди так спокойно, будто в его поведении не было ничего необычного.— Видите ли, я исповедую *ахимса* — непричинение вреда ни одному живому существу.

Модель вспомнил падение Москвы и запах горящих тел в прохладном осеннем воздухе. Вспомнил автоматные очереди, косившие казачью кавалерию, не позволяя ей даже приблизиться, и ржание раненых коней, куда более душераздирающее, чем крики женщин. Все это он видел собственными глазами, слышал собственными ушами — но

было еще многое, очень многое, о чем он знал только из чужих уст и о чем предпочитал лишний раз не думать.

— Герр Ганди,— сказал он,— и как же, интересно, вы предполагаете, не применяя силу, заставить подчиниться нас своей воле?

— Я никогда не говорил, что не буду применять силу, сэр.— Посетитель улыбнулся, как бы приглашая фельдмаршала разделить с ним удовольствие от понимания столь тонкого различия.— Я против насилия. Если мои люди откажутся сотрудничать с немцами, как вы их принудите? Что вам останется, кроме как предоставить нам поступать по своему усмотрению?

Если бы не ум, светившийся в глазах Ганди, Модель счел бы индуса сумасшедшим. Хотя... ни один сумасшедший не сумел бы доставить англичанам столько хлопот. Но, может, дело было лишь в том, что их упадочное, разложившееся владычество просто не вызывало у этого человека страха? Модель предпринял новую попытку.

— Вы отдаете себе отчет в том, что ваши слова не что иное, как предательство по отношению к рейху? — резко спросил он.

Ганди склонил голову.

— Вы, конечно, можете сделать со мной все, что пожелаете. Мой дух останется жить среди моего народа.

Модель почувствовал, что лицо его вспыхнуло. На свете мало людей, не восприимчивых к страху. Просто так уж ему «повезло», угрюмо подумал он, столкнуться с одним из них.

— Я предостерегаю вас, герр Ганди. Или полное повиновение представителям рейха, или — пеняйте на себя.

— Я буду делать то, что считаю правильным, и ничего больше. Если немцы станут прилагать усилия к освобождению Индии, я с радостью буду сотрудничать с ними. Если нет, тогда, к моему глубокому сожалению, мы — враги.

Фельдмаршал дал посетителю еще один, последний шанс внять голосу разума.

— Если бы речь шла только о нас с вами лично, еще могли бы оставаться хоть какие-то сомнения в том, как станут развиваться события.

«Не слишком, впрочем, серьезные,— мысленно добавил он,— учитывая, что Ганди на двадцать лет меня старше и такой хрупкий, что его можно переломить, точно веточку». Выкинув из головы эти не относящиеся к делу мысли, фельдмаршал продолжал:

— Но позвольте спросить, герр Ганди, где *ваш вермахт?*

Меньше всего на свете Модель ожидал, что его вопрос снова позабавит индийца. И тем не менее выражение искрящихся глаз за стеклами очков не вызывало сомнений.

— Не сомневайтесь, господин фельдмаршал, у меня тоже есть армия.

Модель, никогда не отличавшийся особым терпением, наконец не выдержал.

— Вон! — взревел он.

Ганди встал, поклонился и вышел. Майор Лаш просунул было голову в кабинет, но свирепый взгляд фельдмаршала заставил его торопливо прикрыть дверь и ретироваться.

— Ну? — Джавахарлал Неру нервно мерил комнату шагами. Высокий, стройный, мрачный, он возвышался над Ганди, при этом, однако, не подавляя его.— Осмелимся ли мы вести в отношении немцев ту же политику, которую применяли против англичан?

— А разве может быть иначе, если мы хотим, чтобы наша страна стала свободна? — ответил Ганди.— По доброй воле немцы не сделают то, чего мы добиваемся. Модель произвел на меня впечатление человека, не слишком отличающегося от британских лидеров, которым мы успешно досаждали в прошлом.— И он улыбнулся, вспомнив, как пассивное сопротивление индийцев раздражало чиновников, которым приходилось с этим бороться.

— Очень хорошо. Значит, сатьяграха*.

Неру, однако, не улыбался; он не обладал чувством юмора в той мере, как его старший товарищ.

---

* Сатьяграха *(санскр.)* — буквально «упорство в истине», форма политической борьбы, носящая ненасильственный характер. Разработана и применена на практике М. Ганди.

— Боишься снова угодить в тюрьму? — мягко поддразнил его Ганди.

Оба они во время войны провели немало времени за решеткой, пока наконец англичане не выпустили их, в тщетных усилиях обрести поддержку индийского народа.

— Считай как хочешь.— Неру, однако, не был склонен поддерживать разговор в игривом тоне и настойчиво продолжил: — Меня пугают доходящие из Европы слухи.

— Вот уж не думал, что ты воспринимаешь их так серьезно.— Ганди удивленно и с легкой укоризной покачал головой.— Во время войны противники всегда чернят друг друга, как могут.

— Надеюсь, что ты прав. Тем не менее, признаюсь, я был бы более уверен в правильности нашей линии, если бы мне показали в армии оккупантов хотя бы одного еврея — офицера или пусть даже рядового.

— Ну, положим, не так-то просто найти хотя бы одного еврея и в побежденной армии. Британцы тоже не питают к ним особой любви.

— Согласен, это трудно, но все же возможно. Немцы же объявили евреев вне закона. Англичане никогда бы не пошли на такое. Я никак не могу выкинуть из головы рассказы того человека по фамилии Визенталь*. Помнишь, того самого, который добирался сюда бог знает как из Польши через Россию и Персию?

— Я ему не верю,— решительно заявил Ганди.— Ни один народ не может безнаказанно творить такие вещи и при этом рассчитывать уцелеть. И где они могли найти людей, которые согласились бы исполнять все то, о чем он рассказывал?

— Azad Hind,— сказал Неру.

В переводе это означало «Свободная Индия» — так назывались индийские части, добровольно сражавшиеся на стороне немцев.

---

* Симон Визенталь (1908–2005) — знаменитый «охотник за нацистами», бывший узник концлагерей, всю жизнь посвятивший поиску военных преступников. С его помощью были арестованы и преданы суду А. Эйхман, комендант концлагеря «Треблинка» Ф. Штангль и многие другие нацисты.

Однако Ганди покачал головой.

— Они всего лишь солдаты и поступают как солдаты. Рассказы Визенталя — это зверство совсем другого порядка. Подобные вещи не могут существовать, не разъедая при этом изнутри породившее их государство.

— От всей души надеюсь, что ты прав,— ответил Неру.

Вальтер Модель с такой силой захлопнул за собой дверь, что сидевший в приемной за письменным столом адъютант даже подпрыгнул от страха.

— Хватит болтовни на сегодня,— сказал Модель.— Нужно хлебнуть шнапса, чтобы уничтожить во рту привкус этих проклятых индийцев. Если хочешь, Дитер, пойдем вместе.

— Благодарю вас, господин фельдмаршал.— Майор Лаш бросил ручку и энергично вскочил.— Иногда мне кажется, что легче было завоевать Индию, чем теперь править ею.

Модель закатил глаза.

— Без тебя знаю. Лучше распланировать десять новых кампаний, чем прозябать здесь. Уж скорее бы из Берлина прислали людей, обученных административной работе в колониях.

Бар был устроен по образцу английских пабов. Он был темный, тихий, обитый ореховым деревом; на стене доска для метания дротиков. Однако за стойкой стоял немецкий сержант в серой полевой форме, а температура, несмотря на лениво вращающийся на потолке вентилятор, приближалась к тридцати пяти градусам по Цельсию. И если первое еще было возможно в оккупированном Лондоне, то второе — нет.

Модель быстро сделал глоток, еще один, а потом начал пить уже медленнее, смакуя напиток. Тепло растеклось по телу — тепло, не имеющее ничего общего с вечерней жарой. Немец откинулся в кресле, сложил пальцы «домиком» и заметил:

— Какой длинный день.

— Да уж, господин фельдмаршал,— ответил Дитер.— После стычки с наглецом вроде этого Ганди любой день покажется длинным. Мне редко приходилось видеть вас

таким сердитым.— Учитывая характер Моделя, это заявление дорогого стоило.

— Что? Ах да, Ганди.— В тоне Моделя не чувствовалось раздражение, скорее задумчивость, и Лаш с любопытством посмотрел на командира.— На мой взгляд, он стоит дюжины ординарных людишек.

— Ганди? — Адъютант уже не пытался скрыть своего удивления.

— Он честный человек. Говорит, что думает,— и будет действовать соответственно. Я могу убить его... Однако переубедить его нельзя.— Модель сделал еще глоток шнапса. И как будто засомневался, не зная, стоит ли продолжать.— Знаешь, Дитер, после его ухода у меня было видение.

— Видение? — Теперь в голосе Лаша явственно прозвучала тревога.

Словно прочтя мысли своего адъютанта, фельдмаршал криво улыбнулся.

— Нет, нет, я не собираюсь давать зарок не есть мяса и носить сандалии вместо сапог. Просто мне вдруг померещилось, что я римский прокуратор, внимающий проповеди раннехристианского священника.

Лаш вопросительно вскинул бровь. Подобные размышления были не в духе Моделя, человека здравомыслящего почти до тупости и законченного материалиста — весьма ценные качества для штабного офицера. Поэтому, исследуя неожиданно открывшиеся ему глубины, майор действовал с известной долей осторожности.

— И как, по-вашему, чувствовал себя римлянин, столкнувшись с человеком такого типа?

— Чертовски сбитым с толку, я полагаю.— Похоже, Модель вернулся к своей обычной манере разговора.— И, между прочим, только потому, что он и его товарищи не знали, как поступать с такими фанатиками. Мы с тобой сегодня христиане. Вот так, Дитер.

— Действительно.— Майор потер подбородок.— Это плохо?

Модель засмеялся и допил шнапс.

— С твоей или моей точки зрения — нет, но я сомневаюсь, что старый римлянин согласился бы с нами. Вот

точно так же и Ганди ни за что не согласится со мной касательно того, как события будут развиваться дальше. Однако по сравнению с покойным прокуратором у меня есть два преимущества.

Он поднял палец, и сержант за стойкой торопливо наполнил его стакан. По кивку Лаша он долил шнапса и ему. Майор выпил и сказал:

— Надеюсь, что так оно и есть, господин фельдмаршал. Мы более цивилизованные, более сложные личности, чем римляне могли хотя бы мечтать.

Однако Модель все еще пребывал в минорном настроении.

— Неужели? Мой прокуратор был настолько сложной личностью, что проявлял ко всему снисходительность и совершенно не опасался противника, который не был склонен платить ему той же монетой. Наш христианский Бог, однако,— ревнивый Бог, не терпящий соперников. Национал-социалист служит Volk* — вот кому принадлежит вся его преданность. Я невосприимчив к вирусу Ганди — не то что римлянин по отношению к христианину.

— Да, это имеет смысл,— после некоторого раздумья согласился Лаш.— Мне не приходило в голову посмотреть на все под таким углом, но теперь я вижу, что вы правы. А каково ваше второе преимущество перед римским прокуратором?

Внезапно фельдмаршал принял холодный, решительный вид — примерно так же он выглядел, когда вел Третью танковую группу на Кремль.

— Автомат,— ответил он.

Лучи восходящего солнца окрасили песчаник Красного Форта в цвет крови. Это сходство было неприятно Ганди; он нахмурился и повернулся спиной к крепости. Даже на рассвете воздух здесь был теплый и сырой.

— Лучше бы тебе отсюда уйти.— Неру приподнял свою традиционную пилотку и поскреб седеющие волосы, вглядываясь в собирающуюся вокруг них толпу.— Немцы ведь

---

* Народ *(нем.)*.

запрещают всякие скопления людей, и они возложат на тебя ответственность за это сборище.

— А с кого же еще, по-твоему, спрашивать? — ответил Ганди.— Неужели ты думаешь, что я способен послать своих сторонников навстречу опасности, а сам отсиживаться в сторонке? Как в таком случае я смогу повести их дальше?

— Генералы никогда не сражаются на переднем крае,— возразил Неру.— Да и разве мы сможем продолжить наше дело, если потеряем тебя?

— Если нет, тогда, значит, и дело того не стоит, верно? Ладно, пора идти.

Неру лишь развел руками. Ганди удовлетворенно кивнул и начал прокладывать себе путь, пробираясь в самое начало колонны. Люди расступались, пропуская его. Все еще качая головой, Неру последовал за своим старым товарищем.

Толпа медленно двинулась на восток по Чандни-Чаук, улице Серебряных Дел Мастеров. Некоторые модные магазинчики пострадали во время боев и последующих грабежей. Однако другие оказались открыты; их владельцам было все равно, чьи деньги получать за свой товар — немецкие или британские.

Один из владельцев такой лавочки, умудрившийся не похудеть за долгие годы лишений, выскочил на улицу, увидев процессию. Он подбежал к голове колонны, заметив Неру, выделявшегося ростом и элегантностью одежды.

— Вы в своем уме? — закричал он.— Немцы же запретили всякие сборища! Если они увидят вас, может произойти нечто ужасное.

— А разве не ужасно, что они лишили нас свободы, неотъемлемого права каждого человека? — спросил Ганди.

Лавочник обернулся на его голос. Глаза толстяка чуть не вылезли из орбит, когда он понял, кто с ним говорит.

— Это не просто ужасно, это несправедливо,— продолжал Ганди.— Мы не признаем права немцев запрещать нам делать то, что мы считаем нужным. Присоединяйтесь к нам?

— Великодушный, я... я...— залопотал лавочник. Потом его взгляд скользнул в сторону.— Немцы! — завопил он, повернулся и бросился бежать.

Ганди вел процессию навстречу приближающемуся отделению оккупантов. Немцы вышагивали с таким видом, словно не сомневались, что люди перед ними сейчас растают в воздухе. Их одежда, подумал Ганди, мало отличалась от обмундирования британских солдат: ботинки, шорты и рубашки без воротников. Однако похожие на ведерки для угля шлемы придавали немцам угрюмый, насупленный, свирепый вид — в отличие от англичан с их оловянными касками. Даже столь хладнокровному человеку, как Ганди, зрелище показалось устрашающим: не было ни малейших сомнений в том, каковы намерения военных.

— Приветствую вас, друзья мои,— сказал он.— Кто-нибудь из вас говорит по-английски?

— Я говорю, немного,— ответил один из немцев. Судя по двум лычкам на погонах, это был старший сержант; видимо, он и возглавлял отделение. Парень достал пистолет, не автоматически, как заметил Ганди, но явно подчеркивая свои слова.— Расходитесь по домам. Собираться вместе verboten*.

— Мне очень жаль, но я вынужден отказаться выполнить ваш приказ,— заявил Ганди.— Мы мирно идем по улице своего собственного города. Мы никому не причиним вреда, это я вам обещаю. Однако мы продолжим свой путь, поскольку таково наше желание.

Он несколько раз повторил сказанное, пока не убедился, что сержант его понял.

Немец обратился к товарищам на своем родном языке. Один из солдат вскинул автомат и со злобной ухмылкой нацелил его на Ганди. Тот вежливо кивнул оккупанту. Солдат удивился, поняв, что старый индиец не испугался, и опустил оружие. У одного из его людей на спине был полевой телефон. Командир покрутил ручку, дождался ответа и взволнованно заговорил в трубку.

Неру поймал взгляд Ганди. Его темные усталые глаза были полны тревоги, и это почему-то задело Ганди сильнее, чем высокомерие немцев, воображающих, будто они могут командовать его соотечественниками. Он снова дви-

* Запрещено *(нем.)*.

нулся вперед. Индийцы последовали за ним, обтекая немецкое отделение, словно вода валун.

Солдат, который только что целился в Ганди, закричал, поднимая тревогу, и снова вскинул автомат. Сержант прикрикнул на него.

— Здравомыслящий человек,— сказал Ганди Неру.— Видит, что мы не причиняем вреда ни ему, ни его подчиненным, и точно так же поступает с нами.

— Печально, однако, что не все здесь столь здравомыслящие люди,— ответил тот.— Вот этот солдат, к примеру, постоянно хватается за оружие. И кстати, даже здравомыслящий человек совершенно не обязательно испытывает к нам расположение. Заметь, сержант все еще говорит по телефону.

Телефон на столе фельдмаршала резко заверещал. Модель подскочил и выругался; он приказал не беспокоить себя без крайней необходимости. Разве можно работать, если тебе постоянно трезвонят? Он снял телефонную трубку.

— Берегитесь, если побеспокоили меня напрасно,— проворчал он вместо приветствия.

Фельдмаршал выслушал собеседника, снова выругался, брякнул трубку на место и закричал:

— Лаш!

Настала очередь адъютанта подскочить.

— Слушаю, господин фельдмаршал!

— Кончай рассиживаться тут на своей толстой заднице,— сказал фельдмаршал (что было несправедливо).— Вызови мне машину с водителем, да побыстрее. Потом возьми пистолет и пошли. Индийцы затеяли какую-то глупость. Ах да, вызови еще полицейский взвод, пусть догоняют нас. Едем на Чандни-Чаук, там беспорядки.

Лаш вызвал машину, солдат и заторопился вслед за Моделем.

— Бунт? — спросил он, догнав командира.

— Нет, нет.— Приземистый Модель шагал так быстро, что более высокому Лашу приходилось бежать рысью, чтобы не отстать от него.— Очередной фокус Ганди, будь он проклят.

«Мерседес» уже стоял наготове, когда фельдмаршал и адъютант выбежали из дворца.

— На Чандни-Чаук! — рявкнул Модель шоферу, открывшему ему дверцу.

Всю дорогу оба напряженно молчали. Мощный автомобиль с ревом промчался по Ирвин-роуд, проехал треть Коннотского кольца и понесся дальше на север по Челмсфорд-роуд мимо разбомбленного железнодорожного вокзала и того места, где по непонятной для Моделя причине улица сменила свое название на Кутб-роуд.

Вскоре водитель сказал:

— Впереди какие-то беспорядки, господин фельдмаршал.

— Беспорядки? — Лаш наклонился вперед, вглядываясь сквозь ветровое стекло.— Да на нас валом валят индийцы! Они что, из ума выжили? И какого дьявола,— он возвысил голос,— наши люди идут вместе с ними? Им же приказано пресекать такие вещи! Они что, забыли?

— Видимо, забыли,— сухо ответил Модель.— Ганди, мне кажется, способен производить поразительный эффект на людей, не подготовленных к его особому виду упрямства. Ко мне, однако, это не относится.— Он хлопнул водителя по плечу: — Остановись метров двести не доезжая до первых рядов, Йоахим.

— Слушаюсь, господин фельдмаршал.

Модель почти на ходу выскочил из машины. Лаш, следовавший за ним с пистолетом в руке, попытался задержать командира:

— Что, если у этих фанатиков есть оружие?

— Тогда генерал-полковник Ведлинг отдаст приказ, и целая куча индусов отправится на тот свет.

Модель большими шагами зашагал навстречу Ганди. Как тогда, во время церемонии капитуляции, на него обрушилась влажная индийская жара. Даже пока фельдмаршал спокойно сидел в автомобиле, китель лип к телу. Когда же он начал двигаться, по лицу заструился пот. При каждом вздохе казалось, будто глотаешь теплый суп; сам воздух слегка пах супом — супом, который «убежал» с плиты.

«Пожалуй,— подумал Модель,— эта ужасная погода еще хуже, чем русская зима. И то и другое само по себе способно подорвать здоровье, но в здешней влажной, теплой грязи еще и полным-полно всяких экзотических микробов. Снег, по крайней мере, был чистым».

Фельдмаршал даже не взглянул в сторону немецких солдат, которых один вид его формы привел в ужас и заставил вытянуться по стойке «смирно». Он разберется с ними позже. В данный момент Ганди был важнее.

Ганди между тем остановился — и его последователи тоже,— вежливо ожидая, пока Модель приблизится. На немца это не произвело впечатления. Он по-прежнему считал Ганди человеком искренним и не сомневался в его мужестве, но сейчас это не имело значения. Фельдмаршал резко сказал:

— Я предупреждал вас, к чему может привести подобное поведение.

Ганди взглянул на него в упор. Оба были примерно одного роста.

— Как же, помню. И я ответил, что не признаю за вами права отдавать подобные приказы. Это наша страна, а не ваша, и если кому-то из нас вздумается ходить по улицам, мы будем делать это.

Взгляд стоящего за спиной Ганди Неру тревожно перебегал с одного противника на другого. Модель отметил его присутствие лишь краем глаза; если этот человек уже боится, с ним можно будет без труда разобраться в любой момент, когда потребуется. Неру не был «крепким орешком». Фельдмаршал взмахнул рукой в сторону толпы за спиной старика.

— Вы в ответе за всех этих людей. Если они пострадают, вина ляжет на вас.

— Почему они должны пострадать? Собравшиеся здесь не солдаты. Они не нападают на немцев. Я объяснил это вашему сержанту, он понял меня и не стал мешать. Не сомневаюсь, сэр, что и вы, образованный, культурный человек, тоже способны меня понять. Ведь то, что я говорю, очевидная истина.

Модель повернул голову и сказал своему адъютанту по-немецки:

— Если бы у нас не было Геббельса, нам понадобился бы кто-нибудь вроде этого типа.

Он и сам содрогнулся при мысли, какую пропагандистскую победу одержал бы Ганди, сумей тот, поглумившись над немецкими указами, избежать наказания. Да за одну неделю партизанское движение охватило бы всю страну. А ведь Ганди уже умудрился обвести вокруг пальца некоторых немцев, позволивших ему творить все это безобразие!

И тут индиец снова удивил его.

— Ich danke Ihnen, Herr Generalfeldmarschall, aber das glaube ich Kompliment zu sein*,— сказал он медленно, но на чистом немецком.

Модель не показал своего изумления лишь потому, что боялся уронить монокль.

— Воспринимайте их как вам угодно,— ответил он.— Велите этим людям разойтись, или вам всем придется столкнуться с последствиями неповиновения. Вы вынуждаете нас на крайние меры.

— Я ни на что вас не вынуждаю. Что же касается этих людей, то каждый из них действует в соответствии со своей доброй волей. Мы свободны и продемонстрируем это вам, но без насилия, просто делая то, что считаем правильным.

Теперь Модель слушал его вполуха. Он втянул Ганди в разговор, продолжавшийся достаточно долго, чтобы успел прибыть взвод, который он вызвал. С лязганьем подкатили полдюжины «СдКфц-251» — бронированных машин пехоты; из них посыпались люди.

— Прицел — три ряда в глубину! — закричал Модель и взмахом руки подал знак БТРам занять позицию позади них, но так, чтобы при этом не перекрыть Кутб-роуд.

Командиры БТРов развернули установленные в передних отсеках орудия, нацелив их на индийцев.

Ганди наблюдал за всеми этими приготовлениями с таким спокойствием, как будто они не имели к нему ни ма-

* Благодарю вас, господин генерал-фельдмаршал, хоть я и не воспринимаю ваши слова как комплимент *(нем.)*.

лейшего отношения. И снова Модель невольно восхитился хладнокровием этого человека. На лицах последователей Ганди, правда, проступило выражение страха. Однако очень немногие воспользовались заминкой, чтобы потихоньку удрать. Дисциплина Ганди строилась на совершенно иных принципах по сравнению с военной, но была не менее эффективна.

— Скажите им, пусть расходятся, пока еще можно обойтись без кровопролития,— сказал фельдмаршал.

— Мы не собираемся проливать ничьей крови, сэр. Однако хотим продолжить нашу приятную прогулку. Со всей осторожностью, разумеется, и, думаю, мы сумеем пройти между этими вашими большими грузовиками.— Ганди повернулся к толпе и взмахом руки дал знак своим людям двинуться вперед.

— Вы наглец...— Гнев душил Моделя, что было даже к лучшему, поскольку удерживало фельдмаршала от того, чтобы обрушить на голову Ганди поток площадной брани.

Пытаясь успокоиться, немец выхватил из глаза монокль и начал полировать линзу шелковым носовым платком. Затем вставил монокль на место и хотел было убрать платок в карман брюк, но тут ему в голову пришла интересная мысль.

— Идем, Лаш,— велел он и зашагал в сторону немецких солдат.

На полпути фельдмаршал уронил платок на землю и громко сказал по-немецки, так чтобы услышали и его люди, и Ганди:

— Если хоть один индиец пройдет дальше этого места, я умываю руки.

Однако он мог бы догадаться, что у Ганди всегда наготове ехидная реплика.

— Вспомните, сэр, то же самое сказал в свое время Пилат.

— Пилат умыл руки, стремясь избежать ответственности,— ровным голосом ответил фельдмаршал; он снова овладел собой.— Я же, наоборот, принимаю ее на себя: я отвечаю перед фюрером и вермахтом за сохранение контроля над Индией и буду делать то, что считаю нужным, чтобы выполнить возложенные на меня обязательства.

В первый раз за все время их знакомства Ганди выглядел расстроенным.

— У меня тоже, сэр, есть свои обязательства.— И он слегка поклонился Моделю.

Лаш, улучив момент, прошептал на ухо своему командиру:

— Простите, а что будет с нашими людьми, оказавшимися среди индийцев? Вы собираетесь оставить их на линии огня?

Фельдмаршал нахмурился. Он именно так и собирался поступить; негодяи, позволившие Ганди поймать себя на крючок, не заслуживают лучшего. Однако в словах Лаша был смысл. Солдаты могут отказаться стрелять в соотечественников — если до этого дойдет.

— Эй, вы,— угрюмо приказал Модель, тыча в сторону солдат незадачливого патруля маршальским жезлом,— а ну-ка, отойдите за машины, немедленно.

Сапоги громко застучали по щебенке: все кинулись исполнять его команду. Сейчас для них все снова стало просто — они получили ясный, недвусмысленный приказ. «Уже кое-что,— подумал Модель,— хотя и немного».

Его беспокоило также, что индийцы могут воспользоваться этой небольшой заминкой, чтобы пройти вперед, но они этого не сделали. Ганди, Неру и еще пара человек о чем-то спорили. Модель удовлетворенно кивнул. По крайней мере, хоть некоторые из них понимают, что он настроен серьезно. И дисциплина Ганди, как и подумал фельдмаршал несколько минут назад, действительно строилась на иных принципах, чем военная. Ганди, например, не мог просто отдать приказ и быть абсолютно уверенным, что этот приказ исполнят.

— Я не отдаю приказов,— возразил Ганди.— Пусть каждый следует велению своей совести... Ведь это и есть настоящая свобода.

— Они последуют за *тобой,* если ты пойдешь вперед, о великий,— ответил Неру,— и, боюсь, этот немец может осуществить свою угрозу. Ладно, ты готов попусту расстать-

ся с жизнью... Но ты хочешь подвергнуть такой же опасности и своих соотечественников?

— Я вовсе не собираюсь попусту расставаться с жизнью,— сказал Ганди. Однако не успели уговаривавшие его люди облегченно вздохнуть, как он добавил: — Но с радостью отдам ее — если это понадобится ради свободы. Впрочем, стоит ли беспокоиться всего лишь об одном человеке? Если я погибну, другие продолжат мое дело. Может, воспоминание обо мне придаст им стойкости.

И он сделал шаг вперед.

— Ох, проклятье,— пробормотал Неру и последовал за ним.

Несмотря на всю свою энергию, Ганди был далеко не молод. Неру даже не пришлось приказывать участникам шествия окружить старика: они сами бросились к человеку, который так долго направлял их, и образовали своими телами живой барьер между ним и немецкими орудиями.

Ганди ускорил шаг.

— Прекратите! Дайте мне пройти! Что вы делаете? — восклицал он, хотя в глубине души прекрасно понимал, что происходит.

— На этот раз они тебя не послушаются,— заметил Неру.

— Не может быть! — Ганди шарил по сторонам взглядом, затуманившимся от набежавших слез и возраста.— Где этот дурацкий носовой платок? Мы, должно быть, совсем рядом!

— В последний раз призываю вас остановиться! — закричал Модель.

Но индийцы все приближались. Звук от соприкосновения с мостовой их босых или обутых в сандалии ног напоминал постепенно усиливающийся шорох и резко отличался от грохота немецких сапог.

— Глупцы! — пробормотал фельдмаршал себе под нос и повернулся к своим людям.— Прицелиться!

Индийцы приостановились, увидев, как автоматы немцев взметнулись вверх,— в этом Модель был уверен. На мгновение у фельдмаршала мелькнула мысль, что последнего предупреждения окажется достаточно, чтобы привести участников шествия в чувство. Однако потом толпа снова двинулась вперед. Польская кавалерия, помнится, демонстрировала точно такую же безрассудную отвагу, атакуя немецкие танки со своими копьями, саблями и карабинами. Интересно, что думает о подобных методах войны нынешнее правительство польского рейха?

Кто-то наступил на носовой платок фельдмаршала.

— Огонь! — приказал Модель.

Прошла секунда, другая. Ничего не происходило. Модель бросил сердитый взгляд на своих людей. Дьявольская магия Ганди повлияла и на них; подлый, как еврей, он сумел обратить видимость слабости в некое подобие силы. Впрочем, годами насаждавшаяся дисциплина принесла наконец свои плоды. Кто-то нажал на спусковой крючок. Грохнул одинокий выстрел. Это словно бы послужило сигналом всем остальным, напомнив солдатам об их обязанностях, и немцы открыли пальбу. «Заговорили» и установленные на БТРах орудия. Сквозь грохот стрельбы Модель услышал крики.

Залп обрушился на первые ряды участников шествия с очень близкого расстояния. Кто-то упал, другие бросились бежать или, во всяком случае, попытались, потому что им мешали напирающие сзади. А немцы тем временем методично поливали огнем колонну индийцев. Собственно говоря, уже не колонну, а охваченную паникой толпу.

Ганди упрямо продолжал идти вперед. Какой-то убегающий раненый врезался в него, обрызгав кровью и свалив на землю. Неру и остальные из окружения Ганди тут же упали на своего вождя сверху, прикрывая его телами.

— Дайте мне встать! Дайте мне встать! — восклицал Ганди.

— Нет! — прокричал ему в ухо Неру.— При такой пальбе это самое безопасное место. Ты нужен нам живым. Теперь у нас и без тебя хватит мучеников, чтобы продолжить борьбу.

Но гибнут мужья и жены, отцы и матери! Кто будет заботиться об их близких?

На дальнейшие протесты у Ганди просто не было времени. Неру и еще несколько человек подхватили его и пота-

щили прочь. Вскоре они вместе с другими участниками шествия уже убегали от немецких орудий. Пуля угодила в спину одному из тех, кто помогал нести Ганди. Ганди услышал характерный звук и почувствовал, как дернулся этот человек. Потом поддерживающие Ганди сильные руки разжались, и убитый упал.

Пленник попытался вырваться из хватки Неру и его соратников, однако на место застреленного тут же встал другой. Даже в этот ужасный момент Ганди чувствовал иронию своего положения: всю жизнь он боролся за свободу личности, а сейчас собственные последователи лишили его этой свободы! В других обстоятельствах это могло бы даже показаться забавным.

— Вон туда! — закричал Неру.

Несколько человек уже взломали дверь магазина и, как Ганди увидел спустя пару мгновений, черный ход тоже. Его втащили в проулок позади магазина и поволокли дальше по городу, через лабиринт узких улочек, напоминающий старый Дели, который сильно отличался от выстроенного по замыслу англичан Нью-Дели.

Наконец неизвестный человек, сопровождающий Ганди и Неру, постучал в заднюю дверь кафе-кондитерской. Возникшая на пороге женщина удивленно открыла рот, узнав нежданных гостей, сложила ладони перед грудью и отступила в сторону, давая беглецам войти.

— Здесь вы будете в безопасности,— сказал неизвестный Ганди человек,— по крайней мере какое-то время. А теперь я должен вернуться к своей семье.

— От всего сердца благодарим тебя,— ответил Неру, и незнакомец торопливо зашагал прочь.

Ганди не сказал ничего. Он задыхался, чувствовал себя разбитым, мучительно переживал провал шествия и то, какими страданиями это действо обернулось для большинства его участников и их родных.

Женщина усадила беглецов за маленький столик на кухне, предложила им чай и кексы.

— Теперь я оставлю вас, уважаемые,— сказала она,— чтобы там, в зале, ничего не заподозрили.

Ганди не притронулся к кексу, лишь выпил чай. Тепло растеклось по телу, и физически он почувствовал себя лучше, однако душевную рану исцелить было невозможно.

— Амритсарская резня бледнеет по сравнению с этим,— сказал он, ставя на стол пустую чашку.— Там англичане просто запаниковали и потому открыли огонь. Здесь ничего подобного не было. Модель сказал, что сделает это — и сделал.

Он покачал головой, все еще с трудом веря в то, что произошло.

— Вот именно.— Неру, словно голодный волк, проглотил сначала свой кекс, а потом и кекс Ганди, к которому тот явно не проявлял интереса. Его до этого безупречно чистый белый френч и брюки были порваны, заляпаны грязью и брызгами крови; пилотка сидела на голове криво. Однако глаза, обычно мрачные, сияли яростным огнем.— И этой своей жестокостью Модель отдал себя в наши руки. Теперь все поймут, каковы немцы на самом деле. По всей стране у нас появятся тысячи новых сторонников.

— Да, я объявлю кампанию сатьяграха,— сказал Ганди.— Никакого сотрудничества. Таким образом мы продемонстрируем, что не признаем иностранное правление, и это дорого обойдется Германии, потому что теперь немцы не смогут эксплуатировать нас. Ненасилие в сочетании с незыблемой твердостью духа, безусловно, пристыдит их и заставит вернуть нам свободу.

— Да... так оно и будет.— Видя, что его наставник оживился, Неру поднялся, обошел стол и обнял старика.— Мы еще победим.

— Конечно,— ответил Ганди и тяжело вздохнул. Он полжизни отдал борьбе за свободу Индии и никак не предполагал, что на смену одним «хозяевам» придут другие, еще более жестокие, и это после падения Англии и России. Англичане, в конце концов, уже начали прислушиваться к нему — и тут немцы смели их. Теперь все придется начинать сначала.— Хотя это и дорого обойдется нашему несчастному народу.

— Прекратить стрельбу! — приказал Модель.

Собственно, стрелять на Кутб-роуд было уже практически не по кому; почти все участвовавшие в процессии индийцы или лежали на земле, или сбежали.

Но даже после того как стрельба прекратилась, тихо на улице не стало. Большинство людей были еще живы и душераздирающе кричали. Нельзя сказать, что Моделя это удивляло; русская кампания уже научила фельдмаршала тому, как трудно убить человеческое существо.

Тем не менее эти крики досаждали ему, как, очевидно, и Лашу.

— Нужно облегчить их страдания,— сказал майор.

— Точно.— Внезапно Моделя озарило: — И я знаю, как это сделать. Пошли со мной.

Они повернулись спиной к месту недавней бойни и обошли стоявшие в ряд БТРы. Проходя мимо командовавшего взводом лейтенанта, Модель одобрительно кивнул ему:

— Отличная работа.

Лейтенант отдал честь.

— Благодарю вас, господин фельдмаршал.

Солдаты, которые слышали этот обмен репликами, оживленно закивали друг другу. Ничто так не поднимает боевого духа, как сознание того, что командир тобой доволен.

Однако у немцев, стоявших позади машин пехоты, не было причины гордиться собой. Ведь именно они позволили участникам шествия зайти так далеко. Модель остановился, похлопывая по сапогу маршальским жезлом.

— Вас надо отдать под трибунал,— холодно заявил он, сурово глядя на проштрафившихся.— Вам ведь прекрасно известен приказ о запрете сборищ, и тем не менее вы пошли у индийцев на поводу. Точно псы, а не солдаты.— И он с отвращением сплюнул.

— Но...— начал было сержант и тут же осекся, наткнувшись на взгляд Моделя.

— Говорите,— приказал фельдмаршал.— Просветите меня... объясните, что же подтолкнуло немецких солдат к столь недостойным действиям. Может, вами овладел какой-то злой дух? Эта страна кишмя кишит ими, если верить туземцам... По всей видимости, один из этих духов добрался и до вашего отделения.

Ирония Моделя заставила сержанта вспыхнуть, но в конце концов он воскликнул:

— Господин фельдмаршал, просто мне показалось, что эти люди не способны никому причинить вреда, вот и все объяснение. Старик, который шел во главе, клялся, что они настроены мирно, и он выглядел слишком хилым, чтобы заподозрить его в обмане, если хотите знать мое мнение.

Улыбка Моделя по теплоте могла сравниться с декабрьской московской ночью.

— И вы поступили очень мудро, оставив без внимания приказ командования. Результат этой вашей мудрости теперь налицо.— Фельдмаршал на мгновение позволил себе услышать вопли раненых — звуки войны, которые он научился не замечать.— А теперь слушай мою команду: пойдете со мной — вы, сержант, и остальные «добрячки» тоже; по крайней мере, те, кто желает избежать трибунала.

Как он и предполагал, все солдаты двинулись за ним следом.

— Это ваших рук дело.— Модель кивнул на окровавленных людей и продолжил еще более жестко: — Это вы в ответе за то, что они лежат там,— если бы вы действовали, как положено, то разогнали бы индийцев задолго до того, как они зашли слишком далеко и собрали столько народу. Самое меньшее, что вы теперь можете сделать для этих несчастных, это освободить их.— И, скрестив руки на груди, он замер в ожидании.

Никто не двинулся с места.

— Господин фельдмаршал? — еле слышно спросил сержант, который, по-видимому, считал, что должен говорить от имени всего отделения.

Модель сделал нетерпеливый жест.

— Идите и прикончите их. Пуля в затылок успокоит любого раз и навсегда.

— Вот так, хладнокровно?

Прежде сержант еще мог сделать вид, что не понимает Моделя, но теперь у него не осталось выбора.

Фельдмаршал был неумолим.

— Они... и вы тоже... ослушались приказа рейха. Эти люди заслужили смертный приговор в тот самый момент, когда собрались здесь. Вы, по крайней мере, имеете шанс искупить свою вину — осуществив этот самый смертный приговор.

— Я... я не могу...— пробормотал сержант.

Он, скорее всего, обращался к самому себе, но Модель не дал сержанту шанса передумать. Он повернулся к лейтенанту, возглавляющему взвод БТРов.

— Арестуйте этого человека.

После того как сержанта увели, фельдмаршал обратил холодный, сверкающий за моноклем взгляд на оставшихся солдат.

— Есть другие желающие пойти под трибунал?

Еще двое позволили себя арестовать, отказавшись применять оружие. Фельдмаршал кивнул оставшимся.

— Выполняйте приказ... И если обнаружите там Ганди или Неру, доставьте их ко мне живыми.

Немцы неохотно побрели к раненым. Они были простые солдаты и не привыкли к такого рода работе. Некоторые глядели в сторону, нанося первый coup de grace*. В результате один солдат промахнулся, пуля срикошетила от мостовой и едва не угодила в его товарища. Однако по мере продвижения по Кутб-роуд солдаты действовали все быстрее, все увереннее, все более умело.

«Так всегда бывает на войне,— подумал Модель.— Быстро привыкаешь к тому, что прежде казалось совершенно невообразимым».

Спустя некоторое время треск выстрелов смолк: у солдат больше не осталось мишеней. Вскоре проштрафившиеся вернулись к Моделю.

— Никаких признаков их предводителей? — спросил он.

Солдаты покачали головами.

— Очень хорошо. Свободны. И впредь выполняйте приказы, как положено доблестным немецким воинам.

* Дословно — «удар милосердия».

— И это все наказание? — удивился Лаш, когда солдаты с облегчением заторопились прочь.

— Все, пусть уходят. Они выполнили, что им велено, а я выполню свое обещание. В конце концов, я честный человек, Дитер.

— Никто в этом не сомневался, господин фельдмаршал.

Ганди с нескрываемым ужасом слушал рассказ перепуганного лавочника.

— Но это безумие! — воскликнул он.

— Сомневаюсь, чтобы фельдмаршал Модель понимал принципы ахимса*,— вмешался в разговор Неру.

Ни Ганди, ни он не знали точно, где находятся: безопасный дом где-то неподалеку от центра Дели — вот и все, что им было известно. Люди, которые привели лавочника, были в масках. Чего не знаешь, о том не сможешь рассказать немцам, если тебя схватят.

— Как и ты,— ответил старик. И это была чистая правда: Неру по натуре был гораздо более прагматичным человеком, чем Ганди.— Как и высокопоставленные британцы-военные, если уж на то пошло. Кстати, Модель мало чем от них отличается. Военная служба сделала его грубым и жестким, но от природы он неглуп и не кажется таким уж зверем.

— Ну да, просто солдат, делающий свое дело,— с явной иронией заметил Неру.

— Он, наверно, сошел с ума,— сказал Ганди. Это было единственное объяснение, которым он мог хоть как-то объяснить кровавую расправу с беззащитными ранеными.— Уверен, он будет наказан, когда весть об этом зверстве достигнет Берлина,— как это случилось с британским генералом Дайером после Амритсара.

— Будем надеяться,— откликнулся Неру, хотя надежды в его голосе не слышалось.

* Ахимса *(санскр.)* — непричинение вреда. Религиозный принцип буддизма и джайнизма, отказ от намеренного и случайного убийства живых существ.

— Да разве может быть иначе — после такой ужасной бойни? Да покажите мне правительство и политических деятелей, которые, узнав о подобном, не будут испытывать чувства раскаяния и сожаления?

Модель большими шагами вошел в зал ресторана. Офицеры встали и подняли стаканы в знак приветствия.

— Садитесь, садитесь,— проворчал фельдмаршал, скрывая удовольствие за резкостью тона.

Слуга-индиец подал ему превосходную имитацию ростбифа и йоркширского пудинга: даже лучше, чем они ели в Лондоне. Слуга был молчалив, неулыбчив и почти совсем не заметен. Предполагалось, что слуги должны носить что-то вроде шапок-невидимок.

Когда с едой было покончено, Модель достал свой ящик с сигарами. Сидящий слева офицер СС щелкнул зажигалкой. Модель откинулся в кресле и выпустил колечко дыма.

— Благодарю, бригаденфюрер,— сказал фельдмаршал.

Он плохо разбирался в званиях офицеров СС, но это, по крайней мере, было что-то понятное, вроде бригадного генерала.

— Я просто в восхищении,— заявил Юрген Штрооп*.— Вы не могли разрешить ситуацию лучше. Прекрасный урок для индийцев — они еще и не такого заслуживают,— он тоже не замечал присутствия слуги,— и не только для них. Для ваших людей тоже. Наши солдаты проходят не менее суровую школу.

Модель кивнул. Он был наслышан о принятых в СС методах обучения. Их храбрость была всем известна. Однако никто (за исключением СС) не сомневался, что в вермахте офицеры все-таки лучше.

Штрооп сделал глоток.

— Урок, да,— повторил он педантичным тоном, странным образом противоречащим агрессивной репутации эсэсовцев.— Сила — вот единственное, что доступно пониманию отсталых рас. Знаете, когда я был в Варшаве...

---

* Юрген Штрооп — бригадный генерал СС, «прославившийся» жестоким подавлением восстания в Варшавском гетто в 1943 году. Казнен как военный преступник.

Это произошло четыре или пять лет назад, внезапно вспомнил Модель. Если память ему не изменяет, Штрооп и тогда уже был бригаденфюрером. Неудивительно, что он до сих пор им и остался. Ему еще повезло, что не разжаловали в рядовые. Вообразить только! Офицер СС допустил, чтобы банда отчаявшихся, изголодавшихся евреев нанесла серьезный урон лучшим солдатам в мире.

Мало того, а ведь позже он представил переплетенный в кожу отчет на семидесяти пяти страницах, претенциозно озаглавленный «Варшавского гетто больше не существует». Просто поразительно, что после всего этого у Штроопа еще хватает наглости хвастаться. Неудивительно, что он со своими разглагольствованиями выглядит как напыщенный дурак. Да он и есть напыщенный дурак и бездарный палач в придачу. Сегодняшняя бойня была не первой в жизни Моделя — тот, кто воевал в России, знал о бойнях все, что только можно,— но он никогда не действовал бездумно.

И никогда не получал от кровопролития удовольствия. Моделю захотелось, чтобы Штрооп заткнулся. Мелькнула шальная мысль: а что, если сказать бригаденфюреру, что ему не мешало бы послушать Ганди? Он представил, какое у Штроопа при этом будет лицо... да уж, неплохое могло получиться развлечение. Но нет. Никогда не знаешь, кто тебя слышит. Осторожность прежде всего.

Коротковолновый приемник ожил. Это было настоящее подполье: подвал, крошечная, темная душная комната, освещаемая лишь мерцанием шкалы и красным кончиком сигареты во рту хозяина. Немцы объявили, что хранение приемника — преступление, которое карается смертной казнью. С другой стороны, подумал Ганди, приютить у себя вождя повстанцев куда более опасно. Эта мысль отягощала его совесть. Но ведь этот человек знал, на какой риск идет.

Хозяин приемника (Ганди знал только, что его зовут Лал) крутил регулятор настройки.

— Обычно мы слушаем американцев,— сказал он.— Есть надежда узнать от них хоть какую-то правду. Однако я так понял, что сегодня ночью вы хотите поймать Берлин?

— Да,— подтвердил Ганди.— Я должен узнать, как именно наказали Моделя.

— Если его вообще наказали,— добавил Неру.

Он снова облачился в безупречно белое, что делало его едва ли не самым хорошо различимым объектом в подвале.

— Мы уже обсуждали это прежде,— устало сказал Ганди.— Ни одно правительство не может поощрять хладнокровное убийство беззащитных раненых. Мир содрогнется от возмущения.

— Это правительство контролирует слишком большую часть мира,— заметил Лал и снова принялся крутить ручку настройки.

Послышался треск статических разрядов, и вдруг маленькую комнату заполнили звуки вальса Штрауса.

— Мы как раз вовремя,— удовлетворенно проворчал Лал.

Спустя несколько минут прекрасная, но столь неуместная здесь музыка смолкла.

— Говорит англоязычный канал берлинского радио,— объявил диктор.— После короткой паузы слушайте новости.

Зазвучал бравурный нацистский марш «Хорст Вессель». От отвращения ноздри Ганди затрепетали.

Затем послышался другой голос.

— Добрый день. С вами Уильям Джойс*.

Гнусавый оксфордский акцент выдавал в дикторе исконного английского аристократа, какие нынче исчезли не только из Индии, но и из самой Англии. Ганди — как и Неру — говорил по-английски с точно таким же акцентом. Старику доводилось слышать, что Джойс, родившийся в Нью-Йорке, прежде был демагогом ирландского происхождения, а теперь превратился в пылкого, искреннего нации. Эта комбинация чрезвычайно огорчала индийца.

— Как там англичане его прозвали? — пробормотал Неру.— Лорд Хау-Хау?

Ганди взмахом руки призвал друга к молчанию. Джойс читал новости или, точнее, то, что берлинское Министерство пропаганды предлагало англоговорящим слушателям в качестве новостей.

* Уильям Джойс (1906–1946) — один из лидеров британских фашистов, ведущий радиокомментатор германских программ на английском языке. Получил прозвище «лорд Хау-Хау». Осужден за военные преступления и казнен.

Сообщения в основном были очень скучные: торговое соглашение между Маньчжурией, захваченным Японией Китаем и захваченной Японией Сибирью; война в африканских джунглях — наступление поддерживающих немцев французских войск на поддерживающие американцев французские войска. Чуть более интересно прозвучало предостережение немецкого правительства относительно американского вмешательства в сферу Восточной Азии.

«Однажды, и это будет совсем скоро,— с грустью подумал Ганди,— две могущественные силы Старого мира обратят свои взоры на одну великую нацию, стоящую между ними».

Он представил, чем все закончится, и ему стало страшно. Считая себя в безопасности за барьером океана, Соединенные Штаты держатся на расстоянии от европейской войны. Теперь, однако, война вышла за пределы Европы, и океан превратился из преграды в прямую дорогу для врагов американцев.

Лорд Хау-Хау все бубнил и бубнил. Он злорадствовал по поводу судьбы, постигшей шотландских мятежников: их публично повесили. Неру наклонился вперед.

— Вот сейчас,— сказал он.

Ганди кивнул в знак согласия.

Однако комментатор перешел к явному хвастовству — неправдоподобным рассказам о том, как процветает Европа при Новом Порядке. Ганди почувствовал, как в нем невольно нарастает гнев. Неужели индийцы имеют для рейха так мало значения, что о них даже не стоит упоминать?

Из приемника снова полилась музыка: первые такты еще одного немецкого гимна, «Deutschland über alles»*. Уильям Джойс торжественно объявил:

— А теперь специальное сообщение от Министерства управления присоединенными территориями. Шеф поли-

* «Германия превыше всего» *(нем.)* — начальные слова немецкой, проникнутой духом шовинизма и воинственности песни, сочиненной еще в 1841 г.

ции Рейнхард Гейдрих похвалил фельдмаршала Вальтера Моделя за героическое подавление мятежа в Индии, но предостерег индийцев, заявив, что в дальнейшем им не стоит рассчитывать на подобную снисходительность со стороны немецких властей.

— Снисходительность! — в унисон воскликнули Неру и Ганди.

Последний вдобавок выругался, чего обычно себе не позволял.

Как будто обращаясь непосредственно к ним, голос из радио продолжал:

— Впредь при малейших проявлениях нарушения порядка будут захватываться заложники, которых казнят, если беспорядки продолжатся. Фельдмаршал Модель учредил также вознаграждение в пятьдесят тысяч рупий за поимку преступного революционера Ганди и двадцать пять тысяч рупий за поимку его приспешника Неру.

«Deutschland über alles», символизируя конец сообщения, зазвучал снова. Джойс перешел к следующему разделу новостей.

— Выключи,— сказал Неру спустя какое-то время.

Лал так и сделал. Подпол полностью погрузился во мрак. Неру рассмеялся, чем крайне удивил Ганди.

— Никогда еще не был приспешником преступного революционера.

Но старик, казалось, ничего не слышал.

— Они похвалили его,— сказал он.— Похвалили!

От огорчения в голосе Ганди, обычно не по возрасту сильном и молодом, вдруг отчетливо прозвучали все прожитые годы.

— Что вы теперь будете делать? — спросил Лал.

В темноте ослепительно вспыхнула спичка: это хозяин подвала прикурил новую сигарету.

— Они не смогут править Индией такими методами! — взорвался Ганди.— Начиная с этого момента ни один человек не будет сотрудничать с немцами. Мы численно превосходим их в тысячи раз. Да разве они смогут без нас обойтись? Мы в полной мере используем это свое преимущество.

— Надеюсь, цена не окажется больше, чем люди в состоянии уплатить,— сказал Неру.

— Англичане тоже расстреливали нас, и все же мы были уже близки к тому, чтобы взять над ними верх,— решительно заявил Ганди.— И с немцами будет то же самое.

Фельдмаршал Модель одновременно нахмурился и зевнул. В животе у него урчало. На столе должны были стоять чайник для заварки и тарелка с булочками, но ни того, ни другого там не обнаружилось.

— Как, интересно, я могу работать без завтрака?

Вопрос был риторический (больше в офисе никого не наблюдалось). Однако этим фельдмаршал не ограничился.

— Лаш! — закричал он.

— Слушаю! — Адъютант тут же возник в дверном проеме.

Модель движением подбородка указал на пустое пространство стола, где должен был стоять серебряный поднос со всякими вкусными вещами.

— Где этот... как его там? А, Наороджи. Если он с похмелья отлеживается дома, то мог бы, по крайней мере, сделать любезность и сообщить нам об этом.

— Я спрошу офицера по связи с местным персоналом, господин фельдмаршал, и распоряжусь, чтобы с кухни вам прислали что-нибудь перекусить.

Лаш снял телефонную трубку. Чем дольше продолжался разговор, тем сильнее вытягивалось у него лицо. Когда адъютант повернулся к фельдмаршалу, на лице его застыло холодное выражение, столь характерное для самого Моделя.

— Оказывается, никто из туземцев сегодня не вышел на работу.

— Что? Не может быть! — Монокль соскользнул по щеке Моделя.— Успокой меня. Скажи, что все они стали жертвами какой-нибудь новой ужасной болезни.

Лаш снова прижал к уху телефонную трубку. Поговорив с офицером, майор покачал головой.

— Ничего похожего, господин фельдмаршал. Или, по крайней мере,— поправил он себя с осторожностью, сде-

лавшей из него хорошего адъютанта,— ничего такого, о чем было бы известно капитану Векслеру.

Телефон Моделя снова зазвонил. Фельдмаршал испуганно подскочил.

— Что? — прорычал он в трубку. Затем выслушал до конца и зарычал снова, на этот раз гораздо энергичнее. И наконец шлепнул трубку на место.— Это наш железнодорожный офицер. На станции нет ни одного туземца.

Телефон зазвонил снова.

— Что?! — На этот раз слово прозвучало как ругательство. Модель оборвал человека на том конце провода и положил трубку.— Проклятые клерки тоже отсутствуют! — закричал он на Лаша, словно это была его вина.— Я знаю, ей-богу, знаю, что случилось с туземцами, черт бы их всех побрал! Передозировка Ганди, вот что!

— Нужно было застрелить его еще тогда, во время мятежа,— сердито откликнулся Лаш.

— Если этого не произошло, то вовсе не из-за недостатка усилий с нашей стороны,— сказал Модель. Теперь, когда стал ясен источник его неприятностей, профессионализм прошедшего прекрасную школу офицера снова вернулся к фельдмаршалу. Дисциплинированность стала неотъемлемой частью его натуры. Спокойным, задумчивым тоном он поправил адъютанта: — Это был не мятеж, Дитер. Ганди — опытный агитатор. Имея на своем вооружении лишь слова, он доводил англичан до судорог. Вспомни, ведь и фюрер начинал как агитатор.

— Да уж, но фюрер, не задумываясь, отрывал головы оппонентам для большей убедительности своих слов.

Охваченный воспоминаниями, Лаш вскинул кулак. Он был из Мюнхена и носил на рукаве нашивку, подтверждающую его вступление в партию еще до 1933 года.

Однако фельдмаршал сказал:

— Думаешь, Ганди действует иначе? Его метод в том, чтобы разрушать врагов изнутри, заставлять их усомниться в самих себе. Помнишь тех солдат, которые предпочли трибунал исполнению приказа командира и поплатились жизнью? Пожалуй, Ганди больше похож на русского танкиста,

чем на политического агитатора. Он сражается с нами за каждую пядь — в точности, как русские.

Лаш задумался: это ему решительно не нравилось.

— Так сражаются трусы.

— Слабый не может использовать в качестве оружия силу,— пожал плечами Модель.— Ганди делает, что возможно, и делает это умело. Но я тоже в состоянии заставить его сторонников усомниться в себе. Посмотрим, кто кого.

— Какие будут указания?

— Начнем с железнодорожников. Их возвращение на работу для нас важнее всего, так? Раздобудь полный список фамилий. Поставь галочку против каждого двенадцатого. Пошли наших солдат по всем адресам, пусть вытащат из домов этих бездельников и расстреляют их прямо на улице. Если оставшиеся не явятся и завтра, повтори процедуру. Продолжай действовать таким образом до тех пор, пока они либо выйдут на работу, либо не останется ни одного железнодорожника.

— Есть, господин фельдмаршал.— Слегка поколебавшись, Лаш спросил: — Вы уверены, что это будет правильно?

— А у тебя есть идея получше, Дитер? У нас тут всего дюжина воинских частей, а у Ганди — вся страна. Я должен убедить индийцев — и сделать это быстро,— что повиноваться мне разумнее, чем повиноваться ему. Повиновение — вот что имеет значение. Меня ни на пфенниг не волнует их любовь. Oderint dum metuant.

— Что, простите? — Майор не знал латыни.

— «Пусть ненавидят, лишь бы боялись»*.

— А-а. Да, это мне нравится.— Лаш задумчиво потрогал пальцами подбородок.— Между прочим, мы вполне можем опереться на местных мусульман. Они тоже недолюбливают индусов. Осмелюсь предположить, они могут помочь нам поймать Ганди.

— А вот это *мне* нравится,— сказал Модель.— Наш Индийский легион в основном состоит из мусульман. Они знают нужных людей или знают людей, которые их знают. Но...— фельдмаршал цинично усмехнулся,— вознагражде-

* Любимое выражение римского императора Калигулы.

ние тоже не повредит. Теперь давай организуй все это и позвони командиру легиона полковнику Садару. Мы заставим их прошерстить все вокруг — и если они сделают свое дело, ты заработаешь новую лычку на погоны.

— Премного благодарен, господин фельдмаршал!

— Да пожалуйста, мне не жалко. Обещаю — лычка будет твоя. Если события развиваются должным образом, поладить со мной проще простого. Даже Ганди смог бы, если захотел. Но он не хочет — и поэтому для него все обернется смертью множества людей.

— Ясно, господин фельдмаршал. Если бы только он понял, что, отбив Индию у англичан, мы не откажемся от нее и не отдадим тем, кто не в состоянии противостоять нам!

— Похоже, тебя потянуло на политическую философию, Дитер?

— Ха! Ну уж вы и скажете!— Однако, снимая телефонную трубку, майор выглядел очень довольным.

— Мой дорогой друг, мой союзник, мой учитель, мы проиграли,— сказал Неру, когда посланец поспешно покинул последний дом из тех, которые, как они надеялись, можно было считать безопасными убежищами.— С каждым днем все больше людей возвращаются на работу.

Ганди покачал головой — медленно, как будто это движение причиняло ему физическую боль.

— Но почему они так поступают? Всякий, кто сотрудничает с немцами, отодвигает день своего освобождения.

— А всякий, кто не делает этого, в конце концов расстается с жизнью,— сухо ответил Неру.— Большинство людей лишены твоего мужества, великодушный. Некоторые готовы сопротивляться, но предпочли бы взять в руки оружие, а не действовать строго в рамках сатьяграхи.

— Если они возьмут в руки оружие, то потерпят поражение. Англичане с их пушками, танками и самолетами и то не сумели одолеть немцев, так неужели мы сможем? Кроме того, отстреливая немцев то здесь, то там, мы дадим им повод напасть на нас. Когда в прошлом месяце один из их лейтенантов угодил в засаду, бомбардировщики в наказание сровняли с землей всю деревню. У немцев не будет

такого оправдания, пока мы сражаемся без применения насилия.

— Похоже, они ни в каких оправданиях не нуждаются,— заметил Неру.

Не успел Ганди ответить, как в лачугу, где они прятались, ворвался человек.

— Вы должны бежать! — закричал он.— Немцы знают, где вы! Они уже рядом. Идите за мной, быстро! У меня там повозка.

Неру подхватил брезентовый мешок, в котором носил свои скромные пожитки. Для человека, привыкшего выглядеть щеголем, жизнь беглеца оказалась особенно трудна. Ганди всегда нужно было очень мало. Теперь он не имел вообще ничего, но это его не огорчало. Старик спокойно встал и вышел вслед за человеком, который их предупредил.

— Поторопитесь! — закричал тот, когда они залезали в повозку.

Впряженные в нее горбатые волы с безразличным видом наблюдали за происходящим влажными коричневыми глазами. Когда Ганди и Неру легли на дно повозки, человек набросал сверху одеяла и соломенные циновки. Потом он уселся и взял в руки поводья со словами:

— Inshallah*, нужно убраться отсюда до того, как явятся военные.

Он стегнул кнутом по спинам волов, и те возмущенно замычали. Повозка покатила прочь.

Лежа в душной полутьме под одеялами, Ганди смотрел сквозь щелку, пытаясь сообразить, куда их везут. Он играл в эту игру уже не раз на протяжении последних недель, хотя, согласно собственной доктрине, не должен был этого делать. Чем меньше знаешь, тем меньше можешь рассказать. Правда, в отличие от большинства людей Ганди был уверен, что ни при каких обстоятельствах не станет говорить против своей воли.

— Мне кажется, мы используем прием, который американец Эдгар По описал в рассказе «Похищенное письмо»,—

---

* Во имя Аллаха! *(араб.)*

заметил он, обращаясь к Неру.— Нас спрячут где-то совсем рядом с немецкими казармами. Им и в голову не придет искать нас здесь.

Неру нахмурился.

— Не знал, что у нас тут есть безопасные убежища,— сказал он, но потом расслабился — насколько позволяло ограниченное пространство.— Конечно, не буду утверждать, будто знаю об этом все. Да это было бы и небезопасно — знать все.

— Представь, у меня мелькнула та же мысль.— Ганди негромко рассмеялся.— Так или иначе, мы с тобой всегда оказываемся в центре событий, верно?

Ему пришлось возвысить голос, чтобы закончить фразу. К ним с шумом направлялся бронированный вездеход, грохотавший все громче и громче. Когда водитель внезапно выключил двигатель, наступила пугающая тишина. Потом снова послышался шум: это солдаты что-то кричали по-немецки.

— Что они говорят? — спросил Неру.

— Тише! — рассеянно ответил Ганди, пытаясь разобрать немецкую речь.— Они ругают чернобородого человека, спрашивая, с какой стати тот их остановил.

— Зачем, интересно, кому-то понадобилось останавливать немецких сол...— начал было Неру и вдруг испуганно смолк. У человека, недавно ворвавшегося в их тайное убежище, была черная борода.— Нам лучше убраться отсю...— И снова он оборвал себя на полуслове, на этот раз потому, что возница начал скидывать на землю то, чем были укрыты его пассажиры.

Неру попытался встать: он еще надеялся выбраться из повозки и сбежать. Слишком поздно — в лицо ему глядело широкое, точно туннель, дуло ружья, которое держал немецкий солдат. Большая закругленная коробка магазина свидетельствовала о том, что это автоматическое оружие — как раз такое, каким немцы нанесли невосполнимый урон английской пехоте. Один выстрел из такого ружья превращал человека в кровавое месиво. Неру в отчаянии откинулся на дно повозки.

Ганди, менее подвижный, чем его друг, успел лишь сесть.

— Добрый день, джентльмены,— сказал он, обращаясь к немцам таким тоном, словно никакого оружия у них в руках не было.

— Вылезайте! — Это слово было произнесено на хинди с таким чудовищным акцентом, что Ганди едва понял его, однако сопутствующий жест ружьем не вызывал сомнений.

С лицом, превратившимся в маску страдания, Неру выбрался из повозки. Солдат помог слезть Ганди.

— Danke*,— сказал тот.

Солдат с сердитым видом кивнул и указал дулом ружья в сторону БТР.

— А где же мои рупии? — завопил чернобородый.

Неру так резко обернулся на крик, что солдат едва не выстрелил в него.

— Ты имеешь в виду свои тридцать сребреников? — прокричал он.

— Сказывается английское образование...— пробормотал Ганди, но никто не услышал его.

— Мои рупии! — повторил человек. Он не понял Неру.

«Очень часто,— с грустью подумал Ганди,— корень всех проблем кроется в непонимании».

— Ты их получишь,— пообещал сержант, возглавляющий подразделение.

Ганди стало интересно, правду сказал немец или нет. Скорее всего, правду, решил он. Англичане столетиями создавали сеть индийских осведомителей. Немцам она тоже очень и очень пригодится.

— Залезайте!

Солдат, знающий несколько слов на хинди, ткнул ружьем куда-то в заднюю часть БТР. Вблизи машина уже не казалась бесформенной устрашающей громадиной, с грохотом едущей по дороге; стало ясно, как сильно ее потрепала война. На корпусе виднелись следы пуль и заплаты, кое-где стальные листы были грубо сварены.

---

* Спасибо *(нем.)*.

Внутри БТР зубчатые края пулевых отверстий были выровнены ударами молотка, чтобы они не царапали людям спины. Пахло кожей, потом, табаком, бездымным порохом и выхлопными газами. В машине и так уже было много народу, а теперь, когда туда посадили двух индийцев, стало еще теснее. А рев ожившего мотора бросал вызов даже хладнокровию Ганди.

«Да и какой теперь прок,— подумал он с неожиданной горечью,— от этого хладнокровия?»

— Их уже доставили, господин фельдмаршал,— доложил Лаш Моделю и добавил, заметив, что начальник не понимает, о ком речь: — Ганди и Неру.

Брови Моделя сошлись к переносице.

— Неру меня не интересует. Теперь, когда он у нас в руках, выведи его на улицу и «накорми лапшой».— Так на армейском сленге именовалась пуля в затылок.— А Ганди, вот это интересно. Давай его сюда.

— Есть,— со вздохом ответил майор.

Модель улыбнулся. Его адъютанту Ганди вовсе не казался интересным. Лашу никогда не носить фельдмаршальский жезл, доживи он хоть до девяноста лет.

Модель взмахом руки отпустил конвоировавших Ганди солдат, любой из которых мог сломать маленького индийца, точно прутик.

— Берегитесь,— сказал Ганди.— Если я действительно такой отъявленный уголовный преступник, каким вы меня изображаете, я могу легко справиться с вами и сбежать.

— Если вы это сделаете, значит, вы и впрямь уголовник,— возразил Модель.— Садитесь, если желаете.

— Благодарю вас.— Ганди сел.— Джавахарлала, как я понимаю, увели на расстрел. Зачем вы приказали доставить меня к себе?

— Чтобы побеседовать немного, прежде чем вы... присоединитесь к нему.

Не было ни малейшего сомнения, что Ганди понял, что означают последние слова, и тем не менее на лице индийца не отразилось и следа страха. Впрочем, это ничего не ме-

няет, подумал фельдмаршал, хотя мужество противника, стоящего на пороге вечности, вызывало у него уважение.

— Я согласен побеседовать — в надежде убедить вас проявить милосердие к моему народу. Для себя лично я не прошу ничего.

Модель пожал плечами.

— Я был настолько милосерден, насколько это возможно на войне, пока вы не начали свою кампанию против нас. С тех пор я делаю лишь то, что должен сделать для восстановления порядка. Когда все наладится, моя политика снова станет мягче.

— Вы же производите впечатление порядочного человека,— с оттенком удивления в голосе сказал Ганди.— Как вы можете так бессердечно уничтожать людей, не причинивших вам никакого вреда?

— Я никогда не стал бы делать этого, не подстрекай вы их к безрассудному поведению.

— Стремление к свободе не безрассудство.

— Еще какое безрассудство, если человек не в состоянии добиться ее — а индийцам это не под силу. Ваши люди уже помаленьку разочаровываются в этом вашем... как вы это называете? Пассивное сопротивление? Глупейшее понятие. Тот, кто пассивно сопротивляется, имеет лишь одну перспективу — умереть. И у него нет ни малейшего шанса победить врага.

«Это заденет его за живое»,— подумал Модель.

И действительно, голос Ганди звучал менее бесстрастно, когда индиец ответил:

— Сатьяграха бьет по душе угнетателя, а не по телу. Вы, должно быть, совсем лишены чести и совести, раз не в состоянии чувствовать боль своих жертв.

Это, в свою очередь, уязвило фельдмаршала, и тот огрызнулся:

— Я отнюдь не лишен чести. Я следую присяге, которую дал фюреру и через него рейху. А принимать во внимание всякие второстепенные обстоятельства не входит в мои обязанности.

Наконец-то Ганди утратил свое спокойствие.

— Но ведь ваш фюрер — безумец! Как он обошелся с евреями в Европе?

— Ликвидировал их,— сухо ответил Модель.— Все они были капиталистами или большевиками: и те и другие — враги рейха. Если враг оказывается у тебя в руках, есть лишь один путь — уничтожить его, если не хочешь, чтобы однажды он пришел в себя и нанес новый удар. Согласны?

Ганди спрятал лицо в ладонях и возразил, не глядя на Моделя:

— Но ведь можно сделать врага другом.

— Даже англичане не попались на эту удочку, в противном случае они не владели бы Индией так долго,— фыркнул фельдмаршал.— Они, однако, со временем начали потихоньку запутываться, иначе лидеры вашего движения уже давным-давно получили бы по заслугам. Между прочим, первый раз вы вмешались в наши дела еще много лет назад и этим самым допустили большую ошибку.— Немец положил руку на пухлое досье, лежащее перед ним на столе.

— Много лет назад? — почти безразлично переспросил Ганди.

Он сумел-таки одержать победу над этим человеком, с оттенком гордости подумал Модель: ему удалось то, что не получалось у нескольких поколений выродившихся англичан. Ну что ж, это вполне естественно, ведь англичан он тоже разгромил.

Фельдмаршал раскрыл досье и быстро пролистал его.

— Ага, вот оно,— сказал он, удовлетворенно кивнув.— Это было после Kristallnacht*, еще в тридцать восьмом году. Вы тогда подстрекали немецких евреев играть в ту же игру, какую практикуете здесь,— пассивное сопротивление. Если бы у них хватило глупости прислушаться к вам, это было бы Германии только на пользу, поскольку позволило бы расправиться с врагами рейха с большей легкостью.

— Да, я допустил ошибку,— сказал Ганди. Теперь он смотрел на фельдмаршала в упор, причем так свирепо, что на мгновение у Моделя мелькнула мысль, что старик сейчас набросится на него, несмотря на престарелый возраст и свою беззубую философию. Однако Ганди лишь продолжил скорбным голосом: — Я совершил ошибку, думая, что столкнулся с режимом, где есть совестливые люди, которых можно, по крайней мере, пристыдить и склонить поступать правильно.

Однако Моделя было ничем не пронять.

— Мы делаем то, что правильно для нашего народа, для нашего рейха. Мы намерены властвовать — и успешно делаем это, как видите.— Фельдмаршал захлопнул досье.— Вы заслуживаете смертного приговора за одно только то давнее вмешательство в дела фатерлянда. Я уж не говорю о недавних событиях. Вот так-то.

— История нас рассудит,— предостерег его Ганди.

Фельдмаршал встал, давая понять, что разговор окончен,— и улыбнулся.

— Историю пишут победители,— заметил он, наблюдая, как двое рослых охранников выводят старика.— А славно мы поработали сегодня утром,— сказал он Лашу, когда Ганди увели.— Что у нас сегодня на ленч?

— Кровяная колбаса с кислой капустой.

— Замечательно. У меня прямо слюнки текут. Только сперва надо закончить кое-какие дела.

Модель сел и вернулся к работе.

---

* *Букв.* «Хрустальная ночь», во время которой немцы начали уничтожение евреев.

Кордвайнер Смит

Кордвайнер Смит — это псевдоним, под которым писал научную фантастику с 1950 года до своей смерти в 1966 году Пол Майрон Энтони Линебаргер. Практически все 32 рассказа, написанные Кордвайнером Смитом, входят в провидческую серию «Инструменталитет Человечества». К ней же относится и роман «Севстралия». Смит занялся литературным творчеством еще подростком. Его первым рассказом, который он продал на журнальную публикацию, стал «Сканеры живут напрасно».

Многие критики хвалили рассказы Смита, фрагментарно описывающие историю человечества и колонизацию Галактики на протяжении пятнадцати тысяч лет, за изобретательное описание инопланетных цивилизаций и сочувственное описание людей, приспосабливающихся к бремени цивилизации, в которой межзвездная война, бессмертие, путешествия со сверхсветовой скоростью, криогенные технологии и телепатические сражения — норма.

Произведения Смита собраны в книгах «Открыть человечество заново: полное собрание научно-фантастических рассказов Кордвайнера Смита» и «Севстралия».

Под разными псевдонимами Смит написал несколько бытовых романов, шпионский боевик «Атомск», а также научное исследование «Методы ведения психологической войны».

Покер с крысодраконом

ИГРОКИ

Все-таки просвечивание пространства — неблагодарный труд. Рассерженный Андерхилл захлопнул за собой дверь. Что толку носить красивую форму, похожую на военную, если люди не ценят твою работу?

Он сел в кресло, закинул голову на подголовник и поглубже надвинул шлем.

В ожидании, пока разогреется аппаратура слежения, Андерхилл вспомнил девицу, попавшуюся ему сегодня в коридоре. Она удостоила его костюм презрительным взглядом и сказала: «Мяу». Только и всего. Однако его точно ножом полоснули по сердцу.

Неужели эта девчонка считала Андерхилла идиотом, неудачником и ничтожеством, напялившим военную форму? Да она хоть знает, что после каждых тридцати минут просвечивания космоса ему приходилось как минимум два месяца отлеживаться в госпитале, восстанавливая свои силы?

Ну вот, оборудование прогрелось. Андерхилл почувствовал вокруг себя разделенное на клетки пространство; казалось, будто он находится в центре исполинской сети, внутри которой лишь пустота. А за пределами этой пустоты — пугающе бесконечный, жуткий космос, в котором человеческий разум натыкался лишь на тонкие следы инертной пыли.

Андерхилл расслабился, наблюдая успокаивающую картину: Солнце, знакомые планеты и Луна — своего рода отлаженный часовой механизм. Наша родная Солнечная система была столь же прекрасна в своей простоте, как и размеренно тикающие старинные ходики с кукушкой. Странные небольшие спутники Марса резво обращались вокруг пла-

неты, словно заводные мышки, и регулярность их движения тоже приятно успокаивала. Над линией эклиптики зависло примерно с полтонны пыли, дрейфовавшей вдали от космических трасс.

Пока что не наблюдалось ничего враждебного, способного бросить вызов человеческому разуму и с корнем вырвать душу из тела, растворив ее в кровавых миазмах.

Ничто не проникало в Солнечную систему извне. Сиди себе в этом шлеме, этакий астроном-телепат, чувствуя одно только живое, пульсирующее тепло Солнца, проникающее в мозг.

Вошел Вудли.

— Все тот же добрый старый мир,— сказал Андерхилл.— Даже нечего докладывать. Неудивительно, что эта игольчатая технология не получала развития, пока не стали летать по новым траекториям. В лучах нашего горячего солнышка так тихо и спокойно. Отчетливо и остро чувствуешь любое движение. Как будто находишься у себя дома.

Вудли что-то пробурчал в ответ. Он не отличался особым полетом фантазии.

Но это не смутило Андерхилла, и он продолжил свои рассуждения:

— Наверно, хорошо жилось людям в старину. Ума не приложу, с какой стати они выжгли свой мир в пламени войны. У них же не было звездных кораблей, и нашим предкам не приходилось зарабатывать на жизнь в межзвездном пространстве. Им не надо было спасаться от крыс и играть в Игру. Они даже не нуждались в лучевой технологии сканирования, верно, Вудли?

— Угу,— опять проворчал тот.

Это был двадцатишестилетний парень, которому уже через год предстояло выйти в отставку. Он даже присмотрел для себя недурную ферму. Вот уже десять лет Вудли добросовестно занимался игольчато-лучевым сканированием. Он сохранил ясность рассудка только потому, что особенно не задумывался о своей работе. Честно справившись с

очередной трудностью, он умудрялся благополучно забыть о ней и о своем долге до следующего раза.

Вудли никогда не беспокоило, хорошо ли относятся к нему Напарники. Никто из них не испытывал к парню особой привязанности, а некоторые даже не скрывали своей антипатии. Вудли подозревали в том, что он допускал в адрес Напарников нелицеприятные мысли, но поскольку никто из них не мог выразить вслух свое недовольство, коллеги и руководители подразделения оставляли светострелка в покое.

А что касается Андерхилла, тот никак не мог привыкнуть к своей работе и не переставал ей удивляться. Вот и сейчас он никак не унимался:

— Скажи, что, по-твоему, происходит, когда мы перемещаемся в пространстве? Тебе не кажется, что это напоминает смерть? Ты видел, как люди расстаются со своей душой?

— Ну это, положим, просто образное выражение,— сказал Вудли.— Хотя после стольких лет работы невольно задумаешься, да есть ли вообще у нас душа?

— Есть. И однажды я ее видел. Я помню, как выглядел Догвуд, когда его разорвало на части. Ну и странное было зрелище! Душа показалась мне тогда влажной и липкой, как будто она кровоточила, покидая тело... Да, кстати, знаешь, что они сотворили с Догвудом? Увели его наверх, в ту часть госпиталя, где мы с тобой никогда не были,— там на самых верхних этажах держат тех, кто выжил после нападения крысодракона.

Вудли сел и закурил старинную трубку. Он курил то, что в древности называлось табаком,— не самая здоровая привычка, но зато с трубкой парень смотрелся красиво и загадочно.

— Вот что я тебе скажу, дружище. Поменьше переживай из-за всего этого. Игольчатое сканирование постоянно совершенствуется. Да и Напарники тоже становятся все лучше. Я видел, как они справились с двумя крысодраконами на расстоянии в сорок шесть миллионов миль, и это всего за каких-то полторы миллисекунды! Раз уж люди

вынуждены подключаться к иглам сами, то всегда остается риск, что в четыреста миллисекунд, минимальном времени подключения нашего мозга, мы не будем успевать ловить крысодраконов достаточно быстро, чтобы защитить свои корабли. Однако с появлением Напарников ситуация изменилась. Они действуют проворнее крыс, и всегда будут проворнее. Я, конечно, понимаю, насколько это непросто — напрямую подключить свой мозг к Напарнику...

— Для них это тоже непросто,— заметил Андерхилл.

— Нашел за кого переживать. Они же не люди. И позаботятся о себе сами. Между прочим, из-за заигрываний с Напарниками съехало с катушек больше народу, чем от нападения крысодраконов. Вот скажи, сколько жертв крысодраконов тебе лично известно?

Андерхилл взглянул на свои пальцы, окрасившиеся в зеленый и лиловый цвета от горевших на шлеме лампочек, и стал загибать их, считая корабли. Большой палец — раз, «Андромеда», пропавшая вместе с экипажем и пассажирами, указательный и средний палец — два и три, это сорок третий и пятьдесят шестой корабли, все светострелковые приборы на них сгорели, а мужчины, женщины и дети, если не погибли, то сошли с ума. Теперь дальше: безымянный, мизинец и большой палец на другой руке — это три военных корабля, первые жертвы крысодраконов. Именно тогда люди впервые поняли, что в подпространстве есть нечто живое, своенравное и враждебное.

Путешествие в подпространстве поначалу казалось забавным. Оно напоминало...

Нет, это было ни на что не похоже.

Ну, немного напоминало слабенький удар током.

Или кратковременную зубную боль.

И еще довольно болезненная — до рези в глазах — вспышка света.

Всего лишь одно мгновение, но за это время корабль массой в сорок тысяч тонн поднимался над Землей, каким-то непостижимым образом исчезал в двух измерениях и вновь появлялся где-то далеко — или в половине светового года, или в пятидесяти световых годах от родной планеты.

Еще секунду назад человек сидел в боевом отсеке с включенным оборудованием и слышал сквозь шлем, как Солнечная система привычно «тикала», словно часы, в его голове. И вдруг вспышка — продолжавшаяся, возможно, секунду, а возможно, и год (никто не в силах определить это), и он оказывался в межзвездном пространстве, где даже звезды представлялись телепатическому разуму далекой россыпью, чего уж говорить о планетах.

И где-то там, глубоко в космосе, поджидала коварная смерть, отвратительная и ужасная, такая, с которой можно столкнуться только в межзвездном пространстве. Похоже, драконы боялись света солнц и старались держаться от них подальше.

«Драконы». Так их называли люди. Хотя для обычного человека это был пустой звук — он ощущал только дрожь при перемещении в подпространство и внезапный смертельный удар, полученный во мраке, или же мгновенное безумие, охватившее его мозг.

Но для телепатов это действительно были драконы.

За долю секунды телепаты распознавали в черной пустоте космоса эту страшную, разрушительную психическую силу, направленную против всего живого, что находилось внутри корабля. И телепаты воспринимали эти сущности в виде драконов из древних легенд — тварей, более умных, чем земные животные, этаких вполне осязаемых демонов, напоминавших алчные и прожорливые вихри, материализовавшиеся в рассеянном межзвездном веществе.

Корабль получает предупреждение, и телепат стреляет по твари из лазерной пушки, превращая чудовище в безобидную пыль. В мозгу телепата дракон растворяется в ничто. А тем временем другие пассажиры, самые обычные люди, даже не подозревают о только что угрожавшей им смертельной опасности.

И так все время — в общем-то, ничего особо сложного здесь и нет.

На межпланетных кораблях всегда путешествуют телепаты. Их чувствительность непомерно возросла, когда стали использоваться наборы игл, своеобразные телепатические усилители, приспособленные к мозгу млекопитающих. Наборы игл, в свою очередь, имели электронную связь с небольшими управляемыми световыми бомбами. Все спасение в свете.

Именно свет уничтожал драконов, позволял кораблям возвращаться в систему трех измерений и перескакивать от звезды к звезде.

Если раньше шансы драконов по отношению к человечеству составляли сто к одному, то теперь ситуация изменилась к лучшему: шестьдесят против сорока в пользу людей.

Но и этого было мало. Телепатов постоянно тренировали, чтобы они достигли уровня сверхчувствительности, научились «видеть» драконов всего за доли микросекунды.

Было установлено, что драконы способны перемещаться на миллион миль меньше чем за две микросекунды, а за такой промежуток времени человек просто не успевал активировать лучевое оружие.

Пробовали заключать корабли в защитную световую оболочку. Но это оказалось слишком накладно.

Если люди изучали драконов, то, вполне возможно, и драконы изучали людей. Во всяком случае, они каким-то образом научились уменьшать свои габариты, становиться плоскими и даже изменять траектории своего движения.

Теперь для борьбы с драконами нужен был мощный луч света, по интенсивности сравнимый с солнечным. Так появились световые бомбы и игольчато-световые приборы.

Эти устройства представляли собой очень чувствительные детонаторы и миниатюрные термоядерные фотобомбы, превращавшие несколько унций изотопа магния в чистую лучевую энергию.

Дела у людей пошли лучше, хотя корабли исчезали по-прежнему.

Обычно спасателям даже не хотелось их разыскивать, потому что они знали, что там обнаружат. Мало радости

доставлять на Землю три сотни трупов и две-три сотни неизлечимо больных сумасшедших, обреченных до конца своих дней вести фактически растительное существование.

Телепаты пытались проникнуть в мозг психически больных, лишившихся рассудка по вине драконов. Но ничего, кроме дикого, животного ужаса, унаследованного от доисторических предков, там обнаружить не удавалось.

А затем появились Напарники.

Человек вместе с Напарником оказался способен сделать то, с чем он не мог справиться в одиночку. Люди обладали интеллектом, а Напарники — быстротой реакции.

Напарники сопровождали большие космические суда в собственных кораблях размером с футбольный мяч. Они ныряли в подпространство рядом с большим кораблем и двигались поблизости в своих корабликах массой всего в шесть фунтов, всегда готовые атаковать дракона.

Крохотные кораблики Напарников были юркими, и в каждом из них насчитывалось по дюжине световых игл размером с наперсток.

И Напарники буквально бросались на врага: тут применялись реле, считывавшие мозговые рефлексы.

Чудовища, которые людям казались драконами, Напарникам представлялись огромными крысами.

В безжалостной пустоте космоса их мозг действовал сообразно древнему, как мир, инстинкту. Напарники нападали со скоростью, намного превышавшей человеческую, и продолжали атаковать до тех пор, пока все крысы или же они сами не погибали. Однако почти всегда побеждали Напарники.

Межпланетные корабли сновали от звезды к звезде, и торговля процветала, а население колоний росло. Соответственно увеличивалась и потребность в тренированных Напарниках.

Андерхилл и Вудли относились всего лишь к третьему поколению телепатов, и тем не менее им казалось, что эта профессия существует вечно.

Светострелки прочесывали космос с помощью своего оборудования, подключались к мозгу Напарников и вообще не жалели сил — такой нагрузки синапсы человеческого мозга долго выдержать не могли. Андерхиллу после получасовой борьбы требовались потом два месяца отдыха. А Вудли за десять лет работы уже выслужил себе пенсию. Бесспорно, оба были еще молоды и прекрасно знали свое дело. Однако их силы тоже имели предел.

И еще так многое зависело от того, какой Напарник попадется тебе в бою.

ТАСОВКА КОЛОДЫ

В комнату вошли еще два светострелка — Папаша Мунтри и девочка, которую звали Уэст. Теперь все люди, входившие в состав их команды, были в сборе. Пора распределять Напарников.

Папаша Мунтри — краснощекий мужчина сорока пяти лет — раньше был фермером и до тех пор, пока ему не стукнуло сорок, вел спокойную размеренную жизнь. А потом, с неслыханным опозданием, власти вдруг обнаружили у него телепатические способности. И вот тут-то все неожиданно переменилось: он стал светострелком. И надо признать, что получалось это у него неплохо, хотя для такого занятия Папаша был невероятно стар.

Мунтри взглянул на хмурого Вудли и задумчивого Андерхилла.

— Ну, ребята, как дела? — спросил он.— Готовы к бою?

— Вечно Папаша Мунтри рвется в бой,— засмеялась девочка по имени Уэст.

Она казалась совсем юной, и смех ее звучал по-детски звонко. Трудно было себе представить менее подходящего для беспощадной космической дуэли человека, чем эта девчушка.

Андерхилл как-то заметил, с каким удовольствием работал с Уэст один из самых ленивых Напарников. Это здорово его тогда позабавило.

Обычно Напарников не особенно беспокоило, с кем именно из людей им предстояло вместе сражаться. Похоже, они придерживались мнения, что ум человека чересчур сложно организован, а потому нет смысла в него вникать. В превосходстве человеческого мозга ни один из Напарников не сомневался, однако это превосходство их совершенно не трогало.

Напарникам нравились люди. Им нравилось охотиться вместе с ними. Они даже были готовы погибнуть ради людей. Однако если отдельные Напарники и испытывали симпатию к кому-нибудь из членов команды, как, например, Капитан Вау и Леди Мэй любили Андерхилла, то эта их привязанность никак не была связана с интеллектом. Все происходило на уровне чувств и зависело от сходства темпераментов.

Так Андерхилл прекрасно знал, что Капитан Вау считал его глупцом. Зато Капитану Вау нравились дружелюбие светострелка, его веселый характер и бесшабашность, с какой он бросал вызов опасности,— эти его качества Напарник чувствовал на подсознательном уровне. Одновременно Андерхилл понимал, что всякие там рассуждения, книги, идеи и научные истины за ненадобностью выбрасывались из мозга Капитана Вау, точно балласт.

Девочка по имени Уэст в упор посмотрела на Андерхилла.

— Бьюсь об заклад, что вы сейчас попытаетесь сжульничать.

— Нет!

Андерхилл почувствовал, как уши его покраснели от смущения. Давно, когда он еще был учеником, он и правда однажды хотел смошенничать при розыгрыше Напарников — очень уж понравилась ему одна молодая кошечка, которую звали Мурр. С ней было так легко работать, и она питала к Андерхиллу такую привязанность, что он даже забыл тогда, что стрельба лучевыми зарядами — это трудная работа, а не приятное времяпрепровождение в обществе Напарника. Ведь оба они должны прежде всего думать о смертельно опасной битве.

Одного раза оказалось достаточно. Андерхилла вывели тогда на чистую воду, но над ним до сих пор посмеивались, вспоминая тот случай.

Папаша Мунтри взял цилиндр из искусственной кожи и встряхнул кости — таким образом они разыгрывали Напарников на сегодня. Жребий тянули по старшинству.

Увидев, что ему выпало, Мунтри поморщился. Он вытащил старого прожорливого самца, который только и думал что о еде, вечно представляя себе полные рыбы океаны. Однажды он уже работал с этим Напарником. Помнится, Папаша Мунтри тогда рассказывал, что потом ему неделями отрыгалось рыбьим жиром, настолько стойкими оказались телепатические представления этого обжоры о еде. Однако сей кот был жаден и до опасностей. Он уже убил шестьдесят три чудовища — больше всех остальных Напарников,— так что его жирное тело поистине ценилось на вес золота.

Папаша передал цилиндр Уэст. Ей достался Капитан Вау, и девочка радостно улыбнулась.

— Люблю этого кота,— призналась она.— С ним так здорово воевать. Он мне очень подходит.

— Зря радуешься,— проворчал Вудли.— Мне ведь тоже приходилось бывать в его мозгу. Это самый хитрющий кот на корабле.

— Да ладно вам,— беззлобно сказала девочка, совершенно не обидевшись.

Андерхилл посмотрел на нее, и ему стало слегка не по себе.

Просто удивительно, что Уэст с таким легкомыслием взяла Капитана Вау: ведь тот и в самом деле был очень хитер. Стоило только коту разгорячиться во время боя, и в его мозгу, сменяя друг друга, начинали лихорадочно мелькать образы драконов, убитых крыс, мягких диванов, и все это вперемешку с запахом рыбы и причудливыми видами космоса. Помнится, эти картины переплетались с образами, возникающими в голове самого Андерхилла,

образуя нечто вроде гибрида разума — человека и персидского кота.

В этом и заключается трудность работы с кошками, подумал Андерхилл. Жаль, что никем другим их не заменишь. Кошки хороши, если с ними устанавливаешь телепатическую связь. Ничего не скажешь, дерутся они ловко, но их мотивы и желания разительно отличаются от человеческих.

Кошки легко идут на контакт, если им предлагать осязаемые образы, однако кошачий разум мигом замкнется в себе и не пустит посторонних, если вам вздумается декламировать Шекспира или захочется порассуждать о космическом пространстве.

А все-таки забавно, что их столь беспощадными в бою союзниками оказались именно эти симпатичные существа, испокон веков бывшие у людей домашними животными. Андерхилл не раз смущенно ловил себя на том, что отдавал честь самым обычным кошкам, забывая, что те не являлись его Напарниками.

Теперь его очередь тянуть жребий.

Андерхиллу повезло — он вытащил Леди Мэй.

Пожалуй, это самая вдумчивая из всех Напарников, с кем ему приходилось работать. Ее удивительной силы мозг породистой персидской кошки достиг высшей степени развития. При этом характер Леди Мэй казался сложнее, чем у любой знакомой Андерхиллу женщины. Безусловно, тут сыграло свою роль многое: эмоции, память, надежды и жизненный опыт — хотя кошка и не умела говорить, но в голове у нее все было четко разложено по полочкам.

Когда Андерхилл впервые вступил с ней в телепатический контакт, он поразился ясности ума Леди Мэй. Вместе с ней он смог вспомнить те дни, когда она была еще котенком. Перебрал весь накопленный ею опыт общения. Глазами кошки увидел целую галерею бойцов, в паре с которыми ей приходилось воевать. И еще он увидел там самого себя — улыбающегося, веселого и желанного.

Андерхиллу даже показалось, что в этом образе было что-то от страсти...

Мысль польстила ему, и в тот момент он пожалел, что не был котом.

Теперь посмотрим, что досталось Вудли. Ну что ж, он получил то, что и заслуживал: ему выпал угрюмый, боязливый старый кот, лишенный даже тени темперамента Капитана Вау. Напарник Вудли, пожалуй, был животным в большей степени, чем все остальные кошки на судне, и отличался глупостью и вялостью. Даже телепатия не исправила его характер. Уши этого кота так и оставались поджатыми после первого боя, в котором он принял участие.

Боец, в общем-то, неплохой, но абсолютно безынициативный.

Вудли что-то проворчал себе под нос.

Андерхилл взглянул на товарища. Похоже, тот только и умеет, что ворчать.

Папаша Мунтри окинул взором всех членов команды.

— А теперь пошли за партнерами,— сказал он.— Я введу в сканер сигнал, что мы готовы выйти в межзвездное пространство.

РАЗДАЧА КАРТ

Андерхилл открыл кодовый замок клетки Леди Мэй, нежно разбудил ее и взял на руки. Кошка выгнула спину, выпустила когти и принялась мурлыкать, а потом о чем-то задумалась и лизнула запястье своего партнера. Светострелок еще не надел игольчатый шлем, а потому ни один из них пока не знал, что творится в голове другого, но по движению усов и ушей Андерхилл почувствовал, что Леди Мэй довольна тем, что им предстоит сегодня работать вместе.

Он заговорил с ней, хотя кошка была не в состоянии понять его слов:

— Ну скажи, разве это справедливо, что такое чудесное создание, как ты, отправляют в холодный вакуум охотиться на огромных и страшных крыс. Твоего мнения на этот счет никто даже не спросил, верно ведь?

Вместо ответа кошка опять лизнула светострелку руку, замурлыкала и провела своим пушистым хвостом по его щеке. Потом она повернулась к Андерхиллу и уставилась на него своими горящими золотом глазами.

Некоторое время они смотрели друг на друга. Светострелок присел на корточки, а кошка запустила коготки передних лап в его колено. Глаза человека и кошки встретились; оба понимали друг друга без слов.

— Пора,— сказал Андерхилл.

Леди Мэй подошла к своему кораблику и запрыгнула внутрь. Он закрепил игольчатый шлем у нее на затылке, а затем проверил, чтобы коготки ее лап вонзились в специальную подушку — это делалось для того, чтобы кошка случайно не поранила себя в пылу битвы.

— Готова? — ласково спросил Андерхилл.

Вместо ответа Леди Мэй выгнула спину, насколько это позволял державший ее ремень, и замурлыкала.

Андерхилл захлопнул дверцу и проследил, чтобы люк закрылся плотно. Теперь кошке предстояло несколько часов выполнять свой боевой долг, а потом ее клетку-кораблик вернут обратно на судно.

Светострелок взял снаряд и поместил его в трубу запуска.

Потом он закрыл люк трубы, сел в кресло и надел свой шлем.

Начали!

Каюта была маленькая-премаленькая и теплая-претеплая. Трое его товарищей сидели совсем рядом, а потолочные лампы горели прямо над глазами.

Как только прибор нагрелся, обстановка каюты словно растворилась в воздухе. Люди тоже исчезли, превратившись в пятна света — янтарного и темно-красного; казалось, жизнь теплилась в них, словно угольки в камине загородного дома.

Прибор нагрелся сильнее. Теперь Андерхилл увидел Землю прямо под собой и почувствовал, как корабль ускользает прочь, минуя Луну. Он увидел планеты и жаркое Солнце, державшее драконов вдали от тех мест, где обитали люди.

Наконец-то наступил полный контакт.

Теперь телепатическое зрение Андерхилла проникало на миллионы миль. Он ощутил присутствие пыли, которую заметил еще над эклиптикой. Теплой и нежной волной сознание Леди Мэй воссоединилось с его разумом. Ее ум напоминал ароматизированное масло — нежный, чистый, острый и изысканный. Андерхилл вдруг совершенно успокоился и почувствовал уверенность в своих силах. Кошка была настроена по отношению к светострелку очень доброжелательно, но это ощущалось скорее на эмоциональном уровне.

Теперь они вновь стали единым целым.

Каким-то закоулком сознания Андерхилл по-прежнему видел и каюту, и корабль, он слышал, как Папаша Мунтри разговаривает по телефону с их капитаном.

Телепатические способности мозга позволяли угадывать мысль еще до того, как ее произносили вслух. Это очень походило на грозу: подобно грому звук запаздывал по сравнению с мыслью-молнией.

— У нас все готово, сэр. Можно переходить в подпространство.

ИГРА

Андерхилла всегда несколько раздражала способность Леди Мэй воспринимать все раньше его самого.

Светострелок еще не до конца пришел в себя после встряски, сопровождавшей вход в подпространство, но кошка уже сигнализировала ему, что все позади. Она почувствовала переход прежде, чем нервная система человека зарегистрировала его.

Земля пропала из виду, а через несколько миллисекунд и Солнце уже висело где-то в правом верхнем уголке его телепатического поля зрения.

«Славный скачок,— подумал Андерхилл.— При такой прыти мы доберемся до места в четыре-пять приемов».

А в нескольких сотнях миль от корабля Леди Мэй телепатировала ему: «О мой друг, ты такой щедрый и сильный человек! Смелый, благородный и нежный! Как мне хорошо вместе с тобой, хорошо, хорошо, тепло... А теперь в бой, вперед... До чего же мне хорошо с тобой...»

Андерхилл понимал, что она не произносила мысленно именно эти слова, но его мозг напрямую получал послание из ее кошачьего мозга в виде образов, доступных для восприятия.

Однако не стоит увлекаться взаимными приветствиями. Светострелок потянулся за край восприятия кошки, чтобы посмотреть, нет ли чего-нибудь рядом с кораблем. Любопытно, что можно одновременно делать две вещи. Он сканировал космическое пространство и ловил воспоминания Леди Мэй о своем сыне: у него была рыженькая мордочка и нежно-белая шерстка на груди.

Продолжая поиск, Андерхилл получил от Напарницы сигнал тревоги: «Сейчас прыгнем снова!»

И точно: судно совершило второй скачок. Звезды здесь выглядели иначе. Солнце теперь было где-то ужасно далеко, да и более близкие звезды различались с трудом. Самое подходящее для драконов место: открытое, зловещее, пустое пространство. Андерхилл резко потянулся дальше — лихорадочно выискивая опасность и готовясь подстраховать Леди Мэй.

Ужас, острый и отчетливый, охватил его мозг; он чувствовал это почти физически.

Девочка по имени Уэст что-то нашла — огромное, длинное, черное, колючее и ужасное. И бросила навстречу этому Капитана Вау.

Андерхилл старался сохранять ясную голову.

«Берегитесь!» — крикнул он всем телепатически. Пожалуй, надо вернуться к Леди Мэй.

Каким-то отдаленным уголком зрения он видел, с какой яростью Капитан Вау, огромный персидский котище, выстрелил световыми бомбами по облаку пыли, угрожавшему кораблю и людям на его борту.

Мимо!

Облако пыли стало плоским, а затем приняло форму копья и исчезло за три миллисекунды.

Папаша Мунтри обратился к коту на человеческом языке:

— Ка-пи-тан...

Андерхилл уже знал фразу полностью: «Капитан, пошевеливайся!»

Однако бой закончится раньше, чем Папаша Мунтри договорит предложение.

Через какие-то миллисекунды в игру вступила Леди Мэй.

Вот как раз тот момент, когда скорость реакции Напарников особенно важна. Кошка реагировала быстрее светострелка. Она уже видела, что на нее надвигается огромная крыса.

И она могла стрелять с быстротой, недоступной человеку.

Андерхилл подсоединился к ее разуму, но никак не мог за ним угнаться.

На уровне подсознания он уловил, что инопланетное существо попыталось напасть. Здесь все не так, как бывает на Земле. Светострелок догадался о нападении по сильной и жгучей боли в области пупка. Андерхилл заерзал в кресле.

И опять он пропустил момент, когда Леди Мэй нанесла удар по врагу.

Пять термоядерных фотоснарядов с равными интервалами распределились на расстоянии в сотню тысяч миль.

Боль в голове и теле светострелка мгновенно исчезла.

Он ощутил ярость и восторг Леди Мэй, убившей противника. А потом разочарование — кошки всегда его испытывают, когда их враги, которых они воспринимают как гигантских космических крыс, вдруг исчезают в момент своей смерти.

Ну а потом он почувствовал ее боль, вернее, боль и страх они ощутили одновременно. Надо же, а ведь весь бой длился не более одного мгновения. И уже в следующую секунду корабль совершил очередной скачок.

Андерхилл поймал обращенную к нему мысль Вудли: «Успокойся. Мы с этим старым паршивцем доведем дело до конца».

Опять приступ боли и новый скачок.

Когда Андерхилл наконец-то пришел в себя, внизу уже сверкали огни «Каледонии».

Преодолевая усталость, он вновь вступил в телепатический контакт и осторожно и точно поймал кораблик с Леди Мэй в трубу запуска.

Бедняга утомилась до полусмерти, но Андерхилл отчетливо слышал стук ее сердца и тяжелое прерывистое дыхание. И еще он уловил благодарность, которая шла непосредственно от мозга кошки к мозгу человека.

ПОДСЧЕТ ОЧКОВ

На «Каледонии» его положили в госпиталь.

Доктор говорил с ним доброжелательно, но твердо:

— Только представьте, вас действительно зацепил крысодракон. Вы просто чудом избежали опасности. Все произошло так молниеносно, что ученые вряд ли смогут в этом разобраться. Мне кажется, что продлись ваш контакт с крысодраконом на несколько десятых миллисекунды дольше, вы бы уже лишились рассудка. Что за кошка сегодня была с вами?

Андерхилл отвечал очень медленно. Слова давались ему с трудом, особенно по сравнению с тем, как легко и мгновенно входили в контакт два телепатических разума! Но люди вроде доктора могли общаться лишь на вербальном уровне.

Язык едва ворочался во рту Андерхилла.

— Не называйте наших Напарников кошками. Это неправильно. Они ведь сражаются в одной команде с нами. Имейте в виду, что мы никогда не зовем их кошками. А как себя чувствует моя Напарница?

— Я не в курсе,— с сожалением ответил доктор.— Но мы это выясним. Во всяком случае, вы сам, старина, легко от-

делались. А теперь вам нужно хорошенько отдохнуть. Постарайтесь заснуть. Или, может быть, дать вам снотворное?

— Я засну сам,— ответил Андерхилл.— Но сначала хочу узнать о состоянии Леди Мэй.

В палате появилась медсестра, которая отреагировала на его заявление достаточно резко.

— А узнать о состоянии других людей вы не хотите?

— С ними все в порядке,— сказал Андерхилл.— Я узнал об этом еще до того, как попал сюда.

Он вытянул руки, вздохнул и улыбнулся обоим медикам. Врач и сестра слегка успокоились: кажется, случай не такой уж тяжелый.

— Я тоже чувствую себя нормально,— добавил светострелок.— Но, пожалуйста, скажите мне, когда я смогу увидеть свою Напарницу.

И тут Андерхиллу в голову вдруг пришла страшная мысль. Он в смятении взглянул на врача.

— А не могли ее отправить на корабле еще дальше, а?

— Я все узнаю,— пообещал доктор, дружески потрепал Андерхилла по плечу и выбежал из палаты.

Медсестра сняла салфетку со стакана охлажденного фруктового сока.

Андерхилл попытался улыбнуться девушке, но ее настроение снова переменилось. Ему захотелось, чтобы медсестра ушла. Надо же, только что она выглядела вполне дружелюбной, и вот опять эта отстраненность.

«А нелегко приходится телепатам,— подумал он.— Так все время и тянет заглянуть в чужие мысли, даже когда не стоит вступать в контакт».

Вдруг медсестра резко развернулась и бросила:

— Вы, светострелки, слишком много о себе думаете! О себе и о своих несчастных кошках!

Девушка даже слегка топнула ногой, и в это мгновение Андерхилл проник в ее мысли. Он увидел там себя в героическом ореоле, в красивой замшевой форме светострелка и в шлеме, похожем на украшенную драгоценностями корону древних королей. Еще он увидел у нее в мозгу свое красивое, мужественное лицо, сиявшее улыбкой. И понял, что девушка ненавидит его.

Да, она ненавидела его в глубине души. За то, что Андерхилл (во всяком случае, так ей казалось) был горд, непонятен, богат, был честнее и лучше, чем она сама и ей подобные.

Он отключился от мозга медсестры, уткнулся в подушку и вызвал в памяти образ Леди Мэй.

«Конечно, она кошка,— подумал он.— Да уж, всего только кошка!»

Однако Андерхилл видел Леди Мэй в ином свете — в его представлении она была ловкой, умной, проницательной, удивительно благодарной, неправдоподобно красивой, скромной и снисходительной.

И где найти женщину, способную с ней сравниться?

Джордж Р. Р. Мартин

Многообразные произведения Джорджа Р. Р. Мартина, принесшие их автору многочисленные «Хьюго» и «Небьюлы», а также «Премию Брэма Стокера» от Ассоциации писателей, работающих в жанре мистики, можно подразделить на научную фантастику, фэнтези и, соответственно, мистику. Его научно-фантастические романы включают «Умирающий свет» и написанный совместно с Лизой Таттл «Шторм в Гавани ветров». За прошедшие двадцать лет Мартин создал несколько превосходных научно-фантастических повестей, таких как получившие премии «Короли-пустынники» и экранизированные в 1987 г. «Летящие сквозь ночь». Лучшее из написанного им опубликовано в сборниках «Песнь о Лии», «Песни звезд и теней», «Короли-пустынники», «Песни, которые поют мертвецы», «Путешествия Тафа» и «Портреты его детей». Его произведения в жанре литературы ужасов включают превосходный роман о вампирах «Грезы Февра», действие которого разворачивается в XIX веке, и «Шум Армагеддона», восстанавливающий в памяти темную сторону контркультуры шестидесятых годов XX века и считающийся одним из лучших романов о рок-н-ролле. «Игра престолов» и «Битва королей» стали первыми романами* из задуманного им эпического цикла «Песнь Льда и Огня». Мартином написаны сценарии для некоторых популярных телесериалов, включая новую «Сумеречную зону». Он также является автором и редактором-составителем так называемого «мозаичного» романа со сквозным сюжетом «Дикие карты».

* К настоящему времени вышли из печати третий и четвертый романы цикла — «Буря мечей» и «Пир воронья».

Ночь «Вампиров»

Обращение передали в прайм-тайм.

Все четыре глобальные телесети и большинство независимых прекратили вещание. Раздался треск, с экранов исчезло изображение, и голос диктора объявил: «Леди и джентльмены, говорит президент Соединенных Штатов Америки».

Джон Хартманн был самым молодым президентом в истории США и, по мнению корреспондентов, самым телегеничным. Правильные черты лица, остроумие, ослепительная улыбка обеспечили Альянсу свободы большинство, пусть незначительное, в мучительных четырехэтапных выборах 1984 года. Благодаря политической проницательности Хартманна была создана коалиция между Коллегией избирателей и Старыми республиканцами, которая и протолкнула его в Белый дом.

Сейчас Хартманн отнюдь не улыбался. Выражение лица у него было суровое, мрачное. Он сидел в Овальном кабинете за столом, положив руки на бумаги, и глядел в них. Немного помолчав, он медленно поднял голову и устремил сосредоточенный взгляд темных глаз прямо в гостиные, где у экранов собрался его народ.

«Соотечественники! Братья! — сказал он твердо.— Сегодня наша нация стоит перед лицом самого опасного кризиса, равного которому не было за всю нашу долгую и великую историю. Час тому назад база американских ВВС в Калифорнии подверглась мощной и разрушительной атаке...»

Нападавшие разделились на две группы. Одна отключила сигнализацию и прожектора на высоком заборе под напряжением. Вторая выскользнула из мрака ночи и проникла в образовавшуюся брешь на территорию базы.

По чистой случайности одна система сигнализации все же сработала. Завыла сирена. Гарнизон проснулся. План бесшумного захвата базы провалился. Часть нападавших бросилась напрямик к аэродрому.

Кто-то выстрелил. Кто-то закричал. Сбитая с толку охрана, которая дежурила на посту у главных ворот, сунулась внутрь, но ее тут же срезало автоматной очередью и раскидало вдоль забора. По параболе пролетела граната, и ворота превратились в груду обломков.

«Атака была внезапной, хорошо спланированной и беспощадной,— продолжал Хартманн, обращаясь к нации.— Защитники базы оборонялись героически. В ходе нападения погибло около ста военных».

Электропитание вырубилось через несколько секунд после начала операции. Меткий бросок гранаты вывел из строя запасной генератор. Наступила темнота. Ночь была безлунная, небо затянуто облаками, без единой звезды. Тьму освещали только вспышки выстрелов да пламя взрывов у главных ворот.

Защита была беспорядочной и бестолковой. Разбуженные сиреной, солдаты повыскакивали из казарм и побежали к воротам, где, судя по всему, сосредоточились главные силы нападавших. Там завязалась перестрелка: стороны вели перекрестный огонь.

Командующий базой был тоже застигнут врасплох и растерян не меньше, чем его подчиненные. Много драгоценных минут упустили, пока в штабе сопоставляли факты и пытались построить хоть какую-то картину происходящего. Действовали, можно сказать, по наитию. Одно подразделение направили к Командной башне, другое — к арсеналу базы, третье — к самолетам.

Но большая часть гарнизона находилась у главных ворот, втянутая в жаркий бой.

Из арсенала притащили тяжелые орудия. Били минометы, загорелся кустарник за забором вокруг базы. Куски земли и обломки стволов то и дело взлетали в воздух от взрывов гранат. Укрыться от такого огня нападавшие ни-

как не могли. Наконец под прикрытием дымовой завесы и слезоточивых газов отряд солдат выбрался за ворота и направился к вражеским позициям.

Там не оказалось ни единого человека — если не считать убитых. Нападавшие растворились в темноте так же неожиданно, как появились.

Сразу отдали приказ о розыске и погоне. И тут же его отменили. Потому что раздался новый звук, который перекрывал шум выстрелов и взрывов.

Это рокот реактивных двигателей.

«Напавшие бросили основные силы на штурм главных ворот базы ВВС,— говорил Хартманн.— Но несмотря на массированный характер, штурм ворот предназначался только для отвода глаз. Пока продолжался бой, небольшая группа террористов проникла на аэродром и захватила самолеты».

Лицо президента выразило напряжение.

«Подлинной целью террористов был захват бомбардировщиков дальнего действия и истребителей сопровождения. Бомбардировщики в соответствии с планом оперативного реагирования на случай коммунистической угрозы находятся в состоянии постоянной боевой готовности. Для отражения атаки противника они готовы к вылету в течение секунды».

Хартманн сделал выразительную паузу, посмотрел в свои записи и продолжил: «Наши военные действовали быстро и отважно. Их действия заслуживают самых высоких похвал. Они отбили у террористов несколько самолетов, а другие им удалось поразить при взлете. Однако, несмотря на мужественное сопротивление военных, террористы подняли в воздух семь истребителей и два бомбардировщика. Соотечественники! Друзья! Вынужден сообщить, что оба бомбардировщика имеют на борту ядерное оружие».

Хартманн снова сделал паузу. Овальный кабинет у него за спиной словно растаял, на экране остался только президент за столом на фоне белой стены. На стене неожиданно появились шесть хорошо известных лозунгов.

«Еще до завершения атаки мне в Вашингтон был направлен ультиматум,— сказал Хартманн.— В нем говорится, что, если в течение трех часов я не выполню условия террористов, на Вашингтон будет сброшена ядерная бомба. Эти условия вы видите перед собой на экране,— президент показал рукой.— Их так и называют: Шесть требований. Думаю, вам они известны не хуже, чем мне. Первое требование — прекратить помощь союзникам США в Африке и на Среднем Востоке. Второе требование — систематическое разоружение, которое означает разрушение нашей оборонной мощи. Третье — упразднить Чрезвычайные городские комиссии, которые поддерживают законность и порядок в городах. Четвертое — выпустить на свободу тысячи опасных преступников. Пятое — отменить ограничения на издание порнографической и антигосударственной литературы. И, наконец, шестое требование,— президент улыбнулся своей знаменитой ослепительной улыбкой,— это моя отставка с поста президента Соединенных Штатов».

Улыбка сошла с его лица и он продолжил: «Эти требования — формула гражданского самоубийства, верный рецепт развала страны и национального позора. Эти люди хотят вновь ввергнуть нас в пучину беззакония, анархии и вседозволенности. Мы оставили этот период позади и не дадим повернуть историю вспять. Все честные американцы не хотят этого. Однако, как вы знаете, существует маленькая кучка преступников, которые открыто высказывают эти требования. Они выражают политическую программу так называемого ФОРа — Фронта освобождения родины».

Фон за спиной у президента вновь изменился. Шесть требований исчезли, а вместо них возникла огромная фотография длинноволосого молодого человека с бородой, в черном берете и мешковатой черной униформе. Он был убит — в грудной клетке зияла огромная дыра.

«За моей спиной вы видите фотографию одного из участников сегодняшнего нападения,— пояснил Хартманн.— Как и все нападавшие, которых мы обнаружили, он одет в форму военизированного подразделения ФОР».

Фотография исчезла. Хартманн смотрел непримиримым взглядом.

«Факты говорят сами за себя. На этот раз ФОР зашел слишком далеко. Я не поддамся на ядерный шантаж. Заверяю вас также, мои друзья и соотечественники, что причин для паники нет. К жителям Вашингтона я обращаюсь отдельно: не бойтесь, друзья. Обещаю, что самолеты, захваченные пиратами из ФОР, будут обнаружены и обезврежены прежде, чем достигнут Вашингтона. Пусть лидерам ФОР это послужит уроком: они сделали большую ошибку, выбрав путь запугивания правительства. Слишком долго им удавалось сеять сомнения среди нас и ослаблять наши ряды, действуя в угоду тем силам, которые хотят поставить наш народ на колени. Не выйдет! Я не намерен им попустительствовать! Сегодняшняя акция может быть охарактеризована только одним словом, и это слово — измена. Все ее участники будут рассматриваться как изменники родины».

— Я поймал их,— сказал Маккиннис. Его голос слегка заглушали радиопомехи.— Или еще кого-то.

Рейнольдс и сам это понял. Он бросил быстрый взгляд на экран радара. Объекты только-только, на несколько миль, вошли в зону локации и двигались на восток с хорошей скоростью и на хорошей высоте — девяносто тысяч футов.

Опять треск, потом голос Бонетто, командира звена:

— Похоже, что это все-таки они. Я насчитал девять точек. Идем на сближение.

Его самолет задрал нос вверх и стал набирать высоту. Остальные журавлиным клином последовали за ним: девять «Вампиров», истребителей-перехватчиков LF-7. Красные, белые и синие флажки на черном металле, из-под брюха торчат серебристые клыки — лазерные пушки. Смертельный охотничий комплект наготове.

В переговорном радиоканале раздался еще один голос:

— Вы чё там, пацаны? Они ж у нас прям под носом! Нам, кажется, крупно повезло!

Это Даттон, подумал Рейнольдс. Азартный парнишка, сорвиголова. Может, ему и впрямь кажется, что нам по-

везло. А у Рейнольдса совсем другое мнение. Вдруг он покрылся под скафандром липким холодным потом.

Парнишка не ошибся. Кто-то действительно был под носом. А если точнее — форовцы в бомбардировщиках типа LB-4. LB-4 — это монстры с лазерным оружием, и притом скорость могут развивать такую, что ого-го!

— Они нас видят,— сказал Бонетто.— Набирают высоту. И скорость. Шевелись.

Рейнольдс и так шевелился. Его «Вампир» шел замыкающим и неуклонно поддерживал форму клина. За стеклом кислородной маски глаза Рейнольдса непрерывно двигались, наблюдая за приборами. Переходим звуковой барьер. Коэффициент 1,3 от скорости звука. Затем 1,4. Затем набор высоты.

На экране радара отображалось положение бомбардировщиков. На инфракрасном экране — пятна. А за узким иллюминатором — ничего. Только холодное черное небо и звезды. Они поднялись выше облаков.

Вот дурни, подумал Рейнольдс. Такую технику сперли — пальчики оближешь, а обращаться с ней не умеют. Даже устройства противорадарной защиты не включили. Такое впечатление, что сами напрашиваются под удар.

Снова треск в наушниках и голос Бонетто:

— Они выравниваются. Будь готов открыть огонь по моему приказу. И помни, эти ребята неплохо вооружены.

Рейнольдс снова посмотрел на экран радара. Бомбардировщики LB-4 стабильно летели на постоянной высоте сто тысяч футов. LB-4 могли подняться и выше, но для «Рапир», истребителей сопровождения, это верхний предел.

Они не хотят отрываться друг от друга. Что ж, разумное решение. «Рапиры» форовцам сейчас понадобятся.

Рейнольдс прищурился. Что-то мелькнуло за стеклом иллюминатора. Какая-то серебристая вспышка. Неужели форовцы? Или плод его воображения? Трудно сказать. Но в любом случае он с ними скоро встретится. Расстояние между преследователями и их целью неуклонно сокращается: даже самые высокоскоростные бомбардировщики не могут превзойти по скорости «Вампиров». «Рапиры»,

конечно, могут, но им нельзя отрываться от бомбардировщиков.

Так что встреча — вопрос времени, которого остается все меньше. «Вампиры» настигнут форовцев задолго до Вашингтона. А дальше?

Рейнольдс не хотел думать об этом. Ему никогда не приходилось участвовать в боевых действиях. И такая перспектива его не радовала.

Во рту у него пересохло. Он с трудом сглотнул. Только сегодня утром они с Анной обсуждали, как удачно складывается у него служба, строили планы на отпуск. И в самом деле. Скоро уже в отставку, а он все время прослужил в Штатах, остался жив. А ведь сколько его сослуживцев погибло в южно-африканской войне! Но у него все сложилось удачно.

И вот на тебе. Как гром среди ясного неба. Завтра будет уже не таким безоблачным. Если оно вообще будет. Умирать очень страшно.

Но дело не только в этом. Даже если он останется жив, все равно на душе у него будет скверно. Из-за убийства.

Его мучила не сама по себе необходимость убивать. Когда в приказе назвали его имя, он понял, что это не исключено. Но он думал, что будет стрелять в русских или в китайцев — одним словом, во врагов. Когда Штаты ввязались в южно-африканскую войну, он, конечно, побаивался отправки на фронт. Но случись такое, он смог бы сражаться там. Во главе Всеафриканского союза стояли коммунисты — так, по крайней мере, им говорили.

А форовцы — не чужие, до которых ему нет дела. Форовцы — свои ребята, такие же, как он. Только с радикальными взглядами. Они жили рядом. Черные парнишки, вместе с которыми он рос в Нью-Йорке. Учитель из квартиры ниже этажом. Он прекрасно ладил с форовцами, пока речь не заходила о политике.

А иной раз — и когда заходила. Шесть требований — вовсе не такая уж глупость. О Чрезвычайных городских комиссиях передавали страшные слухи. И одному Богу известно, что Штаты потеряли в Южной Африке или на Среднем Востоке.

Лицо Рейнольдса под кислородной маской исказила гримаса. Чего там, старина, сказал он себе. Прячешь скелет в шкафу. Ведь совсем уж собрался голосовать за ФОР в 1984 году, но в последний момент передумал и опустил бюллетень за Бишопа, Старого демократа. Об этом на военной базе не знала ни одна душа, кроме Анны. О политике давно уже не полагалось говорить друг с другом. Почти все его приятели — Старые республиканцы, но несколько человек примкнули к Альянсу свободы, и ему от этого както не по себе.

Сквозь треск прорвалась команда Бонетто:

— Внимание, ребята! Форовцы готовятся к атаке. Вперед!

В радаре больше не было нужды. Рейнольдс и так мог их видеть: яркие огни впереди. Огни увеличивались в размерах.

«Рапиры» развернулись навстречу и стали пикировать.

Из всех телекомментаторов, которые выступали после президента Хартманна, увереннее всех держался Тед Уоррен с канала «Континент». Уоррен был старый тертый калач с острым умом и таким же острым языком. Он не раз выступал против Хартманна, и Альянс свободы постоянно клеймил его за «форовские настроения».

«После выступления президента многие вопросы так и остались без ответа,— сказал Уоррен в своем вечернем обзоре.— Президент заявил, что приравнивает членов ФОР к изменникам, но не пояснил, какие меры по отношению к ним будут приняты. Неясно также — по крайней мере мне,— какими мотивами руководствовался ФОР, предпринимая столь сомнительное нападение. Боб, у тебя есть какие-нибудь соображения по этому поводу?»

Перед камерой появилось новое лицо. Репортера, который освещал деятельность «ФОР» для «Континента», вытащили из постели и привезли в студию. У него до сих пор был слегка ошарашенный вид.

«Нет, Тед,— ответил он.— Насколько мне известно, ФОР не планировал акций такого рода. Не будь это нападение так хорошо организовано, я вообще усомнился бы в том,

что верховное руководство ФОР к нему причастно. Это больше похоже на несанкционированную выходку местных экстремистов. Вы помните, что нападение на Главное полицейское управление в Чикаго во время восстания тысяча девятьсот восемьдесят пятого года было именно такого рода. Но для нападения на военную базу требуются, конечно, организационные и материальные ресурсы, которыми местные группировки не располагают».

Уоррен, сидя за дикторским столом в студии «Континент», понимающе кивнул.

«Боб, как ты думаешь, возможно ли, чтобы военизированное подразделение ФОР действовало самостоятельно, без ведома политического руководства партии?»

Репортер задумался и, помолчав, ответил: «Думаю, что такое возможно, Тед. Но маловероятно. Для такого нападения, как его описал президент, необходима слишком серьезная подготовка на всех уровнях. Для действий такого масштаба требуются усилия всей партии».

«Какие же мотивы могли подвигнуть ФОР на подобную акцию?» — задал очередной вопрос Уоррен.

«Как следует из слов президента, они надеялись, что угроза ядерного взрыва заставит правительство немедленно принять Шесть требований».

Уоррен не отступался.

«Допустим. Но почему ФОР решил прибегнуть к столь экстремистской тактике? Ведь согласно последнему опросу института Гэллапа он пользуется поддержкой двадцати девяти процентов населения. Это немало. У Альянса свободы, партии президента Хартманна, тридцать восемь процентов. За последнее время число сторонников ФОР значительно возросло по сравнению с тринадцатью процентами, которые он получил на выборах восемьдесят четвертого года. До следующих выборов остается всего год, и странно, что ФОР решил подобной выходкой поставить на карту свое будущее».

Теперь наступила очередь репортера кивать головой.

«Твои слова не лишены здравого смысла, Тед. Но ФОР и раньше не раз преподносил нам сюрпризы. Это не самая предсказуемая партия, как тебе известно. Я полагаю...»

Тед прервал его:

«Извини, Боб. Договорим позже. У нас на связи корреспондент Майк Петерсон. Он находится в штаб-квартире партии ФОР в Вашингтоне. С ним Дуглас Браун. Майк, ты слышишь меня?»

Картинка сменилась. На экране появились два человека, они стояли у стола под эмблемой ФОР. Репортер держал микрофон. Его собеседником был высокий, чернокожий и очень рассерженный молодой человек.

«Да, Тед, мы слышим тебя.— Репортер обернулся к молодому человеку.— Дуг, вы были кандидатом в президенты от партии ФОР на выборах восемьдесят четвертого года. Что вы можете сказать в ответ на обвинения президента Хартманна?»

Браун усмехнулся.

«Я больше не удивляюсь ничему, что говорит или делает этот человек. Все его обвинения — гнусная клевета. Фронт освобождения родины не имеет никакого отношения к этому так называемому нападению. Я вообще сомневаюсь, что какое-либо нападение имело место. Хартманн, бессовестный интриган, и он уже не раз прибегал к подобным грязным трюкам».

«Значит, ФОР заявляет, что нападения не было?» — спросил Петерсон.

Браун нахмурился.

«Это только мое личное предположение, а не официальное заявление партии,— быстро ответил он.— Все произошло неожиданно, у нас не было возможности проверить факты. Но я считаю, что моя версия весьма вероятна. Как вы знаете, Майк, Альянс свободы и раньше выдвигал против нас самые дикие обвинения».

«Сегодня в своем обращении к нации президент Хартманн заявил, что приравнивает членов ФОР к предателям родины. Вы прокомментируете это заявление?»

«Что тут комментировать. Дешевая демагогия. Я считаю предателем Хартманна. Это он предал все те принципы, на которых стояла наша страна. Это он создал чрезвычайки, чтобы держать в повиновении гетто, это он ввязался в южно-

африканскую войну, это он ввел цензуру. Что это, как не предательство интересов родины?»

Репортер улыбнулся.

«Спасибо, Дуг. Я передаю слово Теду Уоррену».

На экране вновь появился Тед Уоррен.

«Даю краткую сводку событий для тех, кто только что включил телевизор. Сегодня вечером неизвестные лица совершили нападение на американскую базу в Калифорнии и захватили два бомбардировщика и семь истребителей. Бомбардировщики имеют ядерное оружие на борту, и угонщики угрожают сбросить бомбы на Вашингтон, если в течение трех часов не будут выполнены их требования. До окончания срока остается полтора часа. Мы будем в эфире до завершения кризиса...»

К западу от Иллинойса Рейнольдс забрался еще выше. Обливаясь потом, он убеждал себя, что преимущество на его стороне.

«Рапиры», конечно, хорошие машины. Самые быстрые и самые маневренные из всех существующих. Но у «Вампиров» много других плюсов. Система наведения ракет у них точнее, защита надежнее. И еще у «Вампиров» есть, как и полагается вампирам, клыки: под каждым крылом по газодинамическому лазеру, которые режут сталь, словно мармелад. У «Рапир» нет ничего подобного. «Вампир» — первая поставленная на вооружение модель истребителя с лазерным оружием на борту.

Кроме того, «Вампиров» девять, а «Рапир» только семь. И форовцы не являются профессиональными летчиками, это практически исключено.

Так что все преимущества явно на стороне Рейнольдса. И все-таки он обливался потом.

Крылья журавлиного клина стали перестраиваться в одну линию: Рейнольдс и другой замыкающий увеличили скорость, чтобы догнать Бонетто, который шел первым. Судя по точкам на экране радара, «Рапиры» находились как раз над «Вампирами» и были видны даже без радара, через стекло иллюминатора: вынырнув из темноты, они по-

блескивали серебристыми боками. Система компьютерного наведения нашла цель, боеголовки пришли в состояние готовности. Но Бонетто медлил, не давал команды «огонь».

И вдруг прозвучало, коротко и ясно:

— Давай!

Рейнольдс нажал на гашетку, из-под крыла вырвалась ракета и понеслась, оставляя за собой огненный хвост. Остальные самолеты тоже выстрелили почти одновременно.

Красно-оранжевые всполохи на черном небе. На инфракрасном экране обратная картина: черные всполохи на красном фоне. Рвущиеся вверх огненные языки — ракеты, выпущенные «Вампирами»,— пересеклись на миг с такими же точно языками, направленными вниз.

И — взрыв. Расцвел огненный цветок.

Рейнольдс взглянул на экран радара: по нему бежала рябь. Форовцы воспользовались противорадиолокационными устройствами.

— Врассыпную,— скомандовал Бонетто.— Атакуем по одному.

«Вампиры» сломали строй. Рейнольдс и Даттон пошли влево, Маккиннис нырнул вниз. Бонетто со своими взял курс направо, а Трэйнор шел вертикально вверх, сокращая расстояние между собой и «Рапирами».

Рейнольдс следил за ним краем глаза. Из-под крыла Трэйнора вылетели еще две ракеты, затем еще две и, наконец, две последние. Затем лазерный луч прочертил темноту — напрасная мера, потому что «Рапиры» были вне зоны досягаемости лазерной пушки.

«Рапиры», похожие на хищных серебристых птиц, выплевывали снаряды один за другим. И вдруг — новый огненный цветок, и одна из птиц перестала плеваться.

Но радоваться было рано. Трэйнор изо всех сил пытался увернуться от сыпавшихся градом снарядов форовцев. Антирадарная защита и тепловые ловушки помогали ему какое-то время. Но они не всесильны. Рейнольдс не видел самого взрыва, он только ощутил его силу и мысленно представил себе эту картину: черный «Вампир» разваливается на куски и падает вниз.

У Рейнольдса защемило сердце. Он попытался припомнить лицо Трэйнора, но на это не было времени. Рейнольдс вывел самолет в мертвую петлю. Даттон летел рядом. Они вернулись в гущу боя.

Далеко внизу опять расцвел огненный цветок. Маккиннис, с горечью на ходу подумал Рейнольдс. Он уходил от форовцев, которые висели у него на хвосте. Черт бы их побрал.

У него не было ни секунды, чтобы взглянуть в иллюминатор. Даже мимолетный взгляд мог стать последним. Инфракрасный экран, экран радара, компьютерная система наведения поглощали все его внимание без остатка.

Пониже покачивались два форовца. Компьютер захватил цель. Пальцы двигались инстинктивно. Ракеты номер два и семь отделились от пусковых установок и направились навстречу «Рапирам».

В наушниках раздался тонкий писк, а затем пронзительный сигнал тревоги — значит, противник приблизился на опасное расстояние и взял его под прицел. Рейнольдс включил лазеры. Компьютер обнаружил пущенную ракету, отследил траекторию и поджег, когда она вошла в зону досягаемости. Рейнольдс никогда раньше не видел, как это происходит,— оказывается, совсем рядом.

Поток оранжевого света залил иллюминатор — мимо пролетела «Рапира», охваченная пламенем. Неужели попал? Или это Даттон? Этого никто никогда не узнает. Рейнольдс резко набрал высоту, уклоняясь от огненного облака.

Наступила передышка длиной в несколько секунд. Он находился над схваткой. Взглянув на инфракрасный экран, Рейнольдс увидел несколько красных точек на черном фоне. Две были чуть в стороне: Даттон со своим преследователем.

Рейнольдс снова бросился вниз, подошел совсем близко к «Рапирам». Не стоит напрасно тратить четыре оставшиеся ракеты: с такого расстояния он подожжет их лазером.

Два луча прорезали тьму и упали на серебристый фюзеляж «Рапиры» по обе стороны от кабины. Пилот-форо-

вец попытался увернуться, но компьютер Рейнольдса скорректировал направление лазеров.

«Рапира» взорвалась.

Почти сразу же раздался еще один взрыв: Даттон лазером поджег ракету форовцев. Рейнольдс услышал в наушниках его смех и задыхающиеся слова благодарности неизвестно кому.

На экране радара остались только три точки.

Значит, все закончилось.

В наушниках прозвучал крик Бонетто:

— Кто живой, отзовитесь!

Даттон откликнулся первым. За ним Рейнольдс. Четвертым уцелевшим был Ранзик. Остальные погибли.

У Рейнольдса снова заболела душа, на этот раз сильней, чем во время боя. Значит, все-таки Маккиннис, подумал Рейнольдс. Рейнольдс знал Маккинниса. Высокий, рыжий. Ему вечно не везло в покер. Проигрывая, он легко расставался с деньгами. А проигрывал он всегда. Его жена хорошо готовит чилли. Они оба тоже голосовали за Старых демократов, как и Рейнольдс. Черт, черт, черт.

— «Рапиры» — это еще полдела,— сказал Бонетто.— Бомбардировщики-то впереди, оторвались. Пошли, ребята.

Четыре «Вампира» выглядели, конечно, не так устрашающе, как девять. Но они набрали высоту и продолжили преследование.

У Теда Уоррена был усталый вид, взъерошенные волосы. Сняв пиджак, расслабив галстук официального черного цвета, он продолжал работать.

«К нам отовсюду поступают сообщения — скорее всего, ошибочные — о том, что люди видели угнанные самолеты. Но поскольку правительство до сих пор не сделало заявления об их поимке, слухи продолжают циркулировать. Между тем до начала обещанной ядерной бомбардировки Вашингтона остается всего лишь час».

Экран за спиной у Теда ожил. На нем появились Пенсильвания-авеню и очертания Капитолия, потом столпотворение на улицах, запруженные автомобилями дороги.

«Вашингтон в панике,— комментировал Тед.— Жители города покинули свои дома в стремлении убежать, в результате — пробки на дорогах, движение по основным городским магистралям парализовано. Люди бросают автомобили и пешком идут прочь из города. Вертолеты Чрезвычайных городских комиссий принимают меры для предотвращения беспорядков, горожанам приказано вернуться домой. Президент Хартманн заявил, что подаст личный пример и до окончания кризиса останется в Белом доме».

Кадры с изображением улиц Вашингтона исчезли. Уоррен бросил быстрый взгляд в сторону, мимо камеры.

«Мне только что сообщили, что наш корреспондент в Чикаго Уорд Эмери встретился с Митчеллом Гринштейном, одним из лидеров ФОР, командиром военизированных отрядов самообороны. Итак, на связи Чикаго».

Гринштейн стоял на ступенях серого здания, похожего на крепость. Высокий, широкоплечий, с длинными черными усами. Черные волосы стянуты в хвост на затылке. На нем была мешковатая черная форма, черный берет и медальон ФОР на кожаном шнуре. За его спиной стояли еще два человека, одетых точно так же, только с автоматами в руках.

«Рядом со мной находится Митчелл Гринштейн. Именно его организацию обвинили в нападении на базу ВВС в Калифорнии и в похищении двух ядерных бомб,— начал Эмери.— Митч, что ты можешь сказать по этому поводу?»

Гринштейн усмехнулся.

«Могу сказать не больше, чем вы. Мне известно только то, что передают по телевизору. Я не отдавал никаких приказов о нападении на базу. Но я одобряю тех, кто это сделал. Если эта акция ускорит выполнение Шести требований, я ее целиком и полностью поддерживаю».

«Дуглас Браун назвал обвинения в адрес ФОР "гнусной клеветой",— подал реплику Эмери.— Он вообще ставит под сомнение сам факт нападения. Как его заявление согласуется с вашими словами?»

Гринштейн пожал плечами.

«Может, Брауну известно больше, чем мне. Могу только повторить — мы не отдавали никаких приказов о напа-

дении на базу. Очень может быть, что и без нас нашлись такие люди, которым поперек глотки Хартманн с его фашизмом, и они решили взять дело в свои руки. Если так, то мы на их стороне».

«Так вы думаете, что атака все-таки *была?*»

«Думаю, что да. Хартманн показал кадры с места событий. Думаю, даже у него не хватило бы наглости инсценировать *такое*».

«И вы поддерживаете тех, кто это сделал?»

«Безусловно. В наших отрядах давно говорят, что черным и бедным не добиться справедливости, пока они не выйдут на улицы. Вот вам и подтверждение наших слов».

«А какова позиция политического крыла ФОР?»

Гринштейн опять пожал плечами.

«Мы с Дугом Брауном часто находим общий язык. А в этом вопросе у нас есть разногласия».

«Но разве военное подразделение партии не подчиняется политическому аппарату ФОР, и в частности Дугу Брауну?»

«Формально, на бумаге — да. А в жизни все несколько иначе. Разве боевики из Альянса свободы выполняют приказы президента Хартманна, когда идут охотиться на фриков или на чернокожих? Наши отряды самообороны предназначены для защиты населения. От бандитов, боевиков и чрезвычаек президента Хартманна. Еще мы добиваемся принятия Шести требований. И может быть, мы готовы пойти чуть дальше, чем Дуг и его люди».

«Последний вопрос. Президент Хартманн в своей сегодняшней речи сказал, что будет рассматривать членов ФОР как изменников родины. Ваш комментарий?»

«Пусть попробует,— улыбнулся Гринштейн.— Пусть только попробует!»

Пилотируемые форовцами бомбардировщики вновь появились на экране радара. Они по-прежнему шли на высоте 100 000 футов, скорость 1,7. «Вампиры» должны догнать их через несколько минут.

Рейнольдс смотрел на LB-4 через стекло иллюминатора почти в полном оцепенении. Ему было холодно, и в то же время он обливался потом. И еще ему было очень страшно.

Затишье между боями куда хуже самого боя, подумал он. Появляется время подумать. А во время боя думать некогда.

Рейнольдс жалел Маккинниса и в то же время радовался, что это случилось не с ним. Тут он сообразил, что у него все впереди. Ночь-то еще не закончилась. Пара LB-4 — это не пара пустяков.

И главное, все совершенно бессмысленно. Форовцы — сумасшедшие кретины. Ведь есть же другие пути, нормальные пути. Они не должны были делать этого. Вся симпатия, которую он когда-то испытывал к ФОР, сгорела в огне вместе с Маккиннисом, Трэйнором и другими его сослуживцами.

Форовцы заслужили той участи, которая им уготована. А Хартманн наверняка что-то для них приготовил. Сколько невинных людей погибло! И главное, совершенно напрасно. Из-за кучки отчаянных идиотов, которые решили пустить всем пыль в глаза, не имея ни малейших шансов на успех.

Затея была с самого начала обречена на провал. Бездарный, безнадежный план. Форовцы в принципе не могут победить в этой игре. Конечно, они могут его сбить. Как Маккинниса. Но есть ведь другие военные летчики, кроме него, другие самолеты. Все равно их догонят. А если они и сумеют долететь до Вашингтона, там их встретит кольцо противоракетной обороны. Хартманну пришлось попотеть, пропихивая этот проект в Конгрессе. Как оказалось — не зря.

Но даже если форовцы прорвутся, что из того? Неужели они и впрямь думают, что Хартманн сдастся, примет их требования? Исключено. Кто угодно, только не Хартманн. По-любому, форовцы проиграли. Если они одумаются и пойдут на попятный — им конец. Если они сбросят бомбы на Вашингтон, они, конечно, покончат с Хартманном — но ценой жизни миллионов своих же собственных сторонников. В Вашингтоне почти все население — чернокожие. Именно их больше всех среди тех, кто голосовал за ФОР в 1984 году. Он даже помнил статистику — около шестидесяти пяти процентов. Что-то в этом роде.

Короче говоря, происходящее — полная бессмыслица. Абсурд, которого не может быть. И все-таки он есть.

У Рейнольдса засосало под ложечкой. В иллюминаторе заметались тени и вспышки. Форовцы. Проклятые форовцы. Он вспомнил Анну и почувствовал острую, лютую ненависть к этим самолетам впереди, к людям, которые в них сидят.

— Не сводите с них глаз,— сказал Бонетто.— И держите ракеты наготове до моего приказа.

«Вампиры» увеличили скорость. Но форовцы не стали дожидаться, пока их атакуют.

— Смотри-ка ты! — раздался в наушниках возглас Даттона.

— Они расходятся,— откликнулся сквозь помехи Ранзик.

Рейнольдс посмотрел на экран радара. Один из бомбардировщиков начал резко снижаться, набирая при этом скорость. Он направлялся к скоплению облаков, которые колыхались в свете звезд. Второй бомбардировщик, напротив, поднимался вверх.

— Держаться всем вместе,— снова приказал Бонетто.— Они хотят разделить нас. Но у нас скорость больше. Сначала мы снимем одного, а потом догоним другого.

Они стали набирать высоту — крыло в крыло, но вдруг один самолет вырвался вперед.

— Даттон! — в голосе Бонетто прозвучала ярость.

— Я сделаю его! — крикнул Даттон, и его «Вампир» взмыл ввысь.

Из-под крыльев с ревом вырвались две ракеты. Казалось, бомбардировщику не уйти. И вдруг — он поджег обе ракеты лазерными лучами.

Даттон что-то орал, он уже не слушал приказов Бонетто, который пытался ему помочь.

На этот раз Рейнольдс видел все от начала до конца.

Даттон сильно оторвался от остальных и продолжал наращивать скорость — он хотел поближе подобраться к бомбардировщику, чтобы достать его лазерной пушкой. Ракет у Даттона больше не было.

Но дальнобойность лазерной пушки у бомбардировщика больше, и он первый навел ее на Даттона.

«Вампир» метался из стороны в сторону, то нырял вниз, то резко набирал высоту — Даттон пытался уйти из-под прицела лазерной пушки. Но компьютер бомбардировщика превосходил голову Даттона по быстродействию и цепко держал свою добычу, не выпуская.

И тогда Даттон сдался. Он перестал бороться, на прощание послал два сходящихся лазерных луча — просто так, без всякой цели, причинить вреда бомбардировщику они не могли. Еще мгновение — и раздался его отчаянный крик.

Самолет Даттона даже не взорвался. Он просто завалился на одно крыло, а потом вошел в штопор. Языки пламени лизали черный фюзеляж, прожигая дыру в черном бархате ночи.

Падения Рейнольдс не увидел. Голос Бонетто вывел его из транса этого ночного кошмара.

— Стреляем!

Рейнольдс выпустил ракеты номер три и номер шесть. Бонетто и Ранзик тоже выстрелили. Шесть ракет одновременно полетели в цель.

— Вверх, на сближение! — крикнул Бонетто.— Лазеры!

Его самолет вырвался вперед, за ним последовал Ранзик. Две черные тени на черном небе заслонили звезды. Рейнольдс отстал от них, он никак не мог прийти в себя от ужаса: в ушах стоял предсмертный крик Даттона, перед глазами — огненный цветок, в который превратился Маккиннис. Устыдившись, Рейнольдс прибавил скорость.

Бомбардировщик привел в состояние готовности свои ракеты, навел на противника лазерную пушку.

Два «Вампира» вплотную приблизились к нему. Третий отстал. Бонетто и Ранзик, продолжая набирать высоту, навели лазерные пушки на бомбардировщик. Тот ответил тем же. Один из «Вампиров» охватило пламя, но он продолжал двигаться навстречу бомбардировщику.

Рейнольдс включил свой лазер, и почти в тот же момент другой «Вампир» — Рейнольдс не знал, Ранзик это или Бонетто,— выпустил свои последние ракеты, подойдя почти вплотную к противнику.

Оба «Вампира» оказались рядом с бомбардировщиком, а затем слились в один огненный шар. Желто-красное пламя проглотило оба самолета и все росло, росло, росло.

Рейнольдс опять оцепенел, глядя на этот пылающий ад. Его самолет продолжал двигаться в том же направлении, навстречу огню. Опомнившись, Рейнольдс сменил курс. Его лазер мигнул в последний раз, осветив огненный хаос.

И все. Рейнольдс остался один. Остался только один «Вампир» в этом ночном небе, вокруг него — звезды, под ним — облака. Рейнольдс выжил.

Но какой ценой? Он медлил. Он отставал. Он держался в стороне. Вместо того чтобы атаковать. Он не заслуживал жизни — он трус. Те, другие, заслужили ее своим мужеством. Но они погибли. Рейнольдс почувствовал омерзительную тошноту.

Но у него есть шанс искупить свою вину. Да. В небе остался еще один форовец, и он продолжает полет в сторону Вашингтона, с ядерными бомбами на борту. И теперь никто не может его остановить, кроме Рейнольдса.

И Рейнольдс, спикировав, начал преследование.

После небольшой профилактики в студии Уоррен снова вышел в эфир — с новой заставкой и новыми гостями. Заставка представляла собой большие часы, которые бесшумно отсчитывали секунды и минуты, пока в студии шел разговор. Приглашены были отставной генерал и известный политический обозреватель из газеты.

Уоррен представил обоих и обратился к генералу:

«Множество людей напуганы сегодняшней атакой, особенно жители Вашингтона. Какова, по-вашему, вероятность ядерной бомбардировки города?»

Генерал фыркнул:

«Нулевая, Тед. Это невозможно. Я прекрасно знаю, что системы ПВО в нашей стране абсолютно надежны. Они предназначены для защиты на случай войны с другой ядерной державой. Какую-то одиночную вылазку они отразят без труда».

«Вы хотите сказать, что Вашингтон вне опасности?»

«Безусловно. Вашингтону ничто не угрожает. Этот план по сути своей совершенно безнадежен с военной точки зрения. Я в полном недоумении, зачем ФОР понадобилась такая авантюра — она обречена на провал».

Уоррен кивнул и повернулся к политическому обозревателю.

«Что можно сказать об этом плане с политической точки зрения, Сид? Вы давно и регулярно освещаете политику президента Хартманна и ситуацию в Вашингтоне. Как, по-вашему, эта акция имеет какие-либо шансы на политический успех?»

«Пока рано делать выводы,— осторожничал обозреватель.— Но мне с моей колокольни кажется, что ФОР совершил чудовищную ошибку. Эта акция означает для ФОР политическую смерть — по крайней мере, на данный момент другого мнения быть не может. Большинство населения Вашингтона — афроамериканцы, которые и составляют основную базу поддержки ФОР. Этой акцией ФОР рубит сук, на котором сидит, это катастрофа для партии. В восемьдесят четвертом году за Дугласа Брауна проголосовало больше избирателей с черным цветом кожи, чем за трех других кандидатов, вместе взятых. Без их голосов президентская кампания ФОР выглядела бы крайне несерьезно».

«И как же теперь изменится поведение сторонников ФОР?»

«Это ключевой вопрос. Думаю, что они отвернутся от этой партии. С момента создания в ФОР имелось очень сильное пацифистское крыло, и оно часто вступало в разногласия с более радикальными элементами, которые создали военизированные отряды. Я думаю, сегодняшние события — политическая смерть для этих людей».

«И кто, по-вашему, окажется в выигрыше?»

Обозреватель пожал плечами.

«Трудно сказать. Возможно, на обломках ФОР будет создана новая политическая партия. А курс президента Хартманна, я уверен, получит дополнительную поддержку. Не исключено, что возродится партия Старых демократов,

если ей удастся вернуть симпатии чернокожего населения и радикалов, которые в последнее время перешли на сторону ФОР».

«Благодарю вас, что нашли возможность прийти к нам,— сказал Уоррен. Он быстро просмотрел бумаги на столе, чтобы ознакомиться с последними новостями.— Мы еще вернемся в студию. А сейчас я хочу предложить вашему вниманию репортаж нашего корреспондента из Калифорнии, с военной базы, которая подверглась нападению».

На экране появился молодой, высокий репортер. Он стоял у главных ворот военной базы. Рядом кипела лихорадочная деятельность: подъезжали джипы, сновали полицейские и солдаты. Прожектора на заборе снова работали, и в их свете хорошо были видны разрушения.

«Говорит Дик Гамильтон,— начал молодой человек.— Тед, мы прибыли сюда, чтобы выяснить, было нападение или нет, поскольку ФОР обвинил президента Хартманна во лжи. Судя по тому, что мы тут нашли, лжет все-таки ФОР. Нападение действительно имело место, и притом весьма разрушительное. Вы можете это видеть своими глазами. Мы находимся там, где были сосредоточены основные силы нападавших».

Вмешался Тед Уоррен с вопросом:

«Вы видели тела погибших?»

Репортер кивнул.

«Да, жертв очень много. Погибло более ста военнослужащих с базы и около пятидесяти форовцев».

«Удалось ли опознать нападавших?»

«То, что это форовцы, не вызывает сомнений,— ответил репортер.— Бороды, длинные волосы, униформа. У многих в карманах — пропагандистская литература. Листовки с призывом принять Шесть требований и прочее в этом роде. Но опознать конкретных людей пока не удалось. Я имею в виду форовцев, разумеется. Что касается военных с базы, то их имена известны. Тела нападавших сильно изуродованы, и это, конечно, затруднит опознание. Скорее всего, их похоронят в коллективной могиле».

«Дик, что ты можешь сказать о расовой принадлежности погибших?»

«Ничего особенного. Все, кого я видел,— белые. Но ведь в Калифорнии вообще мало чернокожего населения».

Уоррен приготовился задать еще один вопрос, но не успел. Без всякого предупреждения военная база и Дик исчезли с экрана, и вместо них появилось бушующее людское море.

«Говорит Майк Петерсон из Вашингтона»,— раздался голос репортера.

Его сносило людским потоком, его толкали со всех сторон сцепившиеся в схватке люди. Отряд Чрезвычайной городской комиссии в серебристо-голубой форме стремился пробиться сквозь толпу сопротивляющихся форовцев. На стене за спиной Петерсона виднелась большая эмблема ФОР. С трудом удерживаясь перед камерой, он продолжал:

«Я нахожусь возле штаб-квартиры ФОР. Я ...— Тут его толкнули так, что он чуть не упал.— Мы находимся в эпицентре событий. Несколько минут назад полицейский отряд по распоряжению Чрезвычайной городской комиссии ворвался в здание и арестовал лидеров ФОР, в том числе Дугласа Брауна. Собравшиеся люди оказали сопротивление, и сейчас полиция пытается продолжить аресты. Черт!..»

На него кто-то упал. Полицейские вовсю применяли дубинки.

Петерсен попробовал выбраться из толпы и продолжить репортаж, но что-то ударилось в камеру, и изображение с экранов телевизоров исчезло.

Рейнольдс остро ощущал свое одиночество. Он летел на высоте шестьсот тысяч футов, разрезая облака пелену за пеленой. Один в огромном пустом небе. Где-то ниже летел форовец, но Рейнольдс его не видел. Хотя точно знал, что тот здесь. Барахлил экран радара — значит, у кого-то работала противорадарная защита.

Глаза Рейнольдса блуждали, мысли тоже. Итак, он остался один на один с форовцем. Может быть, конечно, ему выслали подмогу. Когда они только-только засекли этих бандитов, Бонетто послал радиограмму. Вдруг кто-нибудь запеленговал ее. И сейчас сюда летит новое звено «Вампиров», чтобы перехватить бомбардировщик.

А может, и не летит.

Они ведь все время меняли курс. Сейчас Рейнольдс пролетает над Кентукки. Летит он высоко, да еще противорадарная защита мешает определить его местоположение. Так что, вполне вероятно, никому не известно, где он находится.

Главное, не вспугнуть форовца. Может, он еще не знает, что Рейнольдс уже близко, и удастся захватить бомбардировщик врасплох.

Рейнольдс очень надеялся на это. Собственно, больше надеяться ему было не на что. У него оставалось только две ракеты. И вообще Рейнольдс очень сомневался, что «Вампир» может одолеть бомбардировщик LB-4 в схватке один на один.

Он перебирал в уме факты. Взять хотя бы лазеры. У бомбардировщика сверхмощный источник питания. Дальнобойность его лазерной пушки в два раза больше, чем у «Вампира». И компьютер системы наведения у бомбардировщика тоже помощнее.

А у «Вампира» какие преимущества? Прежде всего скорость. И еще маневренность. Ну и, может быть, как пилот Рейнольдс профессиональнее форовца.

Впрочем, так ли это? У Рейнольдса возникли серьезные сомнения на этот счет. Уж больно мастерски проявили себя форовцы. Странно, очень странно. Кто бы мог ожидать от них! Особенно, когда они начали с элементарнейшей ошибки — забыли включить противорадарную защиту.

А оказалось — летают, как асы. Может, они и есть асы. В свое время Хартманн отправил в отставку много сторонников ФОР — провел чистку армии сразу после выборов. Может, некоторые после этого по-настоящему вступили в ФОР. И решили отомстить.

Но с тех пор прошло уже три года. А LB-4 — самая последняя модель бомбардировщика, тогда ее не было на вооружении, и они не могли знать ее.

Рейнольдс потряс головой, отгоняя эти мысли. Что толку сейчас гадать. Как бы там ни было, факт есть факт. Форовцы оказались чертовски хорошими летчиками. И никаких особых преимуществ на его стороне нет.

Он посмотрел на приборную панель. Высота четыреста тысяч футов. LB-4 находится пока под ним, но они уже ближе друг к другу. От экрана радара никакой пользы — только рябь. Но на инфракрасном экране изображение есть.

В иллюминатор Рейнольдс видел какие-то вспышки внизу. Гроза. Бомбардировщик вошел в эту зону. Скоро Рейнольдс его догонит.

И что тогда?

У Рейнольдса есть две ракеты. Нужно подойти как можно ближе и выстрелить. Но у бомбардировщика тоже есть ракеты. И лазер. И что, если Рейнольдс промахнется?

Тогда останется включить напоследок лазер. И умереть. Как Даттон.

Он попытался сглотнуть слюну, но комок застрял в горле. У проклятого бомбардировщика очень мощный лазер. Он располосует «Вампир» вдоль и поперек.

У Рейнольдса просто нет шансов. Он погибнет.

А умирать не хочется. Он снова подумал об Анне. Потом о Маккиннисе.

Все равно же форовец не доберется до Вашингтона. Наверняка ему навстречу уже летит новое звено перехватчиков и собьет его. Или сработает система ПВО на подступах к столице. Все равно его не пропустят.

Так какой же смысл Рейнольдсу погибать? Ради чего? Просто глупо. Сейчас он прекратит преследование, приземлится и передаст по рации сигнал SOS.

Густые, темные облака обступили самолет, окутали его, как ватой. Под крылом сверкнула молния, и ракеты сместились в своих гнездах.

Рейнольдс покрылся испариной. «Вампир» продолжал снижаться.

«Стало ясно, что имел в виду президент Хартманн, когда заявил, что будет рассматривать членов ФОР как государственных преступников,— говорил Тед Уоррен, глядя с миллионов телевизионных экранов.— За последние несколько минут мы получили десятки сообщений. По всей

стране полицейские по приказу Чрезвычайных городских комиссий врываются в штаб-квартиры ФОР и в дома лидеров партии. В нескольких городах, включая Детройт, Бостон и Вашингтон, продолжаются массовые аресты членов ФОР. Из Пентагона сообщают, что захваченные самолеты, которые держат курс на Вашингтон, обнаружены над Кентукки. Согласно проверенному источнику из ВВС, в воздухе остался только один бомбардировщик, и его преследует перехватчик. Туда отправлен отряд самолетов».

Уоррен сделал паузу, бросил в сторону сердитый взгляд и продолжал:

«Мне сообщили, что Белый дом хочет сделать сообщение. Передаю слово президенту Соединенных Штатов».

На экране появился Овальный кабинет. На этот раз Хартманн стоял, и не один. Рядом с ним стоял вице-президент Джозеф Делано, лысый мужчина средних лет.

«Сограждане! Патриоты! — начал Хартманн.— Я вновь обращаюсь к вам, чтобы заверить — правительство принимает все меры для обезвреживания государственных преступников, которые угрожают даже столице нашей великой родины. После совещания с вице-президентом Делано и кабинетом министров я отдал приказ об аресте лидеров так называемого Фронта освобождения родины».

Темные глаза Хартманна горели огнем праведного гнева, а в голосе звучала отеческая забота и твердость. Делано же выглядел бледным и испуганным.

«Я хочу успокоить тех, кто поддерживал этих людей в недавнем прошлом: злодеям будет гарантирован справедливый суд с соблюдением всех норм американского судопроизводства. Еще я хочу сказать всем сторонникам так называемого ФОР: вы их поддерживали из добрых побуждений, а они вас подло обманули. Вам нечего бояться. Вы не сделали ничего дурного. А вот ваши лидеры предали сегодня вашу веру в них и нашу родину. Вы должны отказать им в поддержке. Потому что поддерживать их сейчас — значит разделить с ними ответственность за их преступления. В первую очередь я обращаюсь к чернокожим гражданам нашей страны, которых форовцы так подло ввели в заблуждение своими лозунгами. Сейчас наступило время доказать на деле свой патриотизм, искупить ошибки прошлого. Тех же, кто упорствует в своих заблуждениях, я предупреждаю: каждый, кто пособничает предателям, сам будет рассматриваться как предатель».

Хартманн сделал паузу, потом продолжил:

«Кое-кто, возможно, подвергнет сомнению это решение. Со ссылками на американскую систему сдерживающих и уравновешивающих сил некоторые люди будут оспаривать правомочность такого использования Чрезвычайных городских комиссий. В принципе они правы. Но исключительные ситуации требуют исключительных мер, и в эту ночь, ночь кризиса, у меня не было времени, чтобы заручиться поддержкой Конгресса. Однако мои решения не являются сугубо единоличными».— Президент посмотрел на Делано.

Вице-президент откашлялся и сказал, запинаясь:

«Президент Хартманн консультировался со мной сегодня вечером по этому вопросу. Сначала предложенная президентом программа действий вызвала у меня ряд возражений, и я высказал их президенту. Однако после того, как президент представил мне все обстоятельства и аргументы, я вынужден был признать, что альтернативы у нас нет. Лично я и те члены кабинета, которые, как и я, представляют республиканскую партию, мы поддерживаем меры президента».

Снова заговорил президент, но почему-то его голос становился все тише и тише, а потом и вовсе исчез вместе с изображением. На экране появился Тед Уоррен:

«Окончание обращения президента мы передадим позже, после специального выпуска новостей. Мы только что получили сообщение, что арестованы тридцать два члена ФОР, которые входят в состав Палаты представителей, и две трети сенаторов от этой партии. Из Национального управления Чрезвычайных городских комиссий передают, что сенатор Джексон Эдвардс пока на свободе и объявлен в розыск».

Уоррен перебрал бумаги.

«У нас также имеются сообщения о том, что в некоторых городах на улицах идут бои между силами Чрезвычайных городских комиссий и форовскими отрядами самообороны. Наиболее ожесточенные столкновения происходят в Чикаго, где силы Чрезвычайной комиссии окружили Национальный штаб отрядов самообороны ФОР. Передаю слово Уорду Эмери, который находится в центре событий».

На экране появился Эмери. Он стоял возле нового здания Главного полицейского управления Чикаго на Саутстейт стрит. Здание было ярко освещено, свет горел в каждом окне, и колонны хорошо экипированных полицейских входили в него и выходили.

«Не совсем в центре, Тед,— ответил Эмери.— Нашу съемочную группу прогнали с площади, где сейчас идет бой. Мы находимся возле здания Главного полицейского управления. Именно здесь, как вы помните, развернулись бои во время восстания тысяча девятьсот восемьдесят пятого года. Именно в этом здании городская полиция вместе с Чрезвычайной комиссией разрабатывает и координирует карательные операции».

«Что конкретно у вас там происходит?» — перебил его вопросом Уоррен.

«Все началось, когда команда полиции особого назначения прибыла в Национальный штаб отрядов самообороны ФОР, чтобы арестовать Митчелла Гринштейна и других лидеров организации. Я не знаю, кто именно начал стрельбу. Но произошла перестрелка, и есть жертвы. Штаб-квартира отрядов самообороны ФОР хорошо охраняется, и сначала полицейские отступили, я сам тому свидетель. Но затем полицейские заставили меня и других корреспондентов покинуть площадь. Насколько мне известно, в данный момент Гринштейн и его люди забаррикадировались в здании штаба, которое осаждают силы Чрезвычайной комиссии».

Эмери огляделся кругом.

«Как видите, здесь кипит деятельность. Сюда собраны все силы городской полиции, Чрезвычайная комиссия мобилизовала свой чикагский батальон. Они оснащены бронированными автомобилями и оружием тяжелого калибра.

Кроме того, мне сообщили, что Чрезвычайная комиссия применяет техническую новинку — легкий танк с уличными шинами вместо гусениц, он предназначен именно для городских условий».

«Можно ли сказать, что боевые действия ограничены только районом штаб-квартиры Гринштейна?» — спросил Уоррен.

Эмери отрицательно покачал головой.

«Нет, конечно, не ограничены. Сильные волнения в гетто на западе и юге города. Имеются жертвы среди полицейских, взорван автомобиль полиции. Ходят слухи, что ФОР готовится к ответному нападению на Полицейское управление. Безусловно, это здание является символом для обеих сторон. Как вы помните, старое здание было разрушено во время восстания тысяча девятьсот восемьдесят пятого года».

«Да, конечно,— откликнулся Уоррен.— Известно, что ФОР имеет много активистов среди студентов. Нет ли у вас сообщений из университетских кампусов?»

«Кое-что есть. Полиция пока не направила туда свои силы, но, по некоторым сведениям, в кампус Иллинойского университета прибыл отряд боевиков, чтобы произвести аресты. Есть попытки сопротивления, но самые незначительные. В отличие от боевиков у студентов нет оружия».

«Спасибо, Уорд,— сказал Уоррен, появившись на экране.— Теперь мы передадим конец последнего обращения президента. Для тех, кто только что включил телевизор, сообщаю, что президент отдал приказ об аресте лидеров ФОР. Это решение принято с одобрения вице-президента и, следовательно, в его лице с одобрения партии Старых республиканцев, партнеров президента по парламентской коалиции. Поскольку эти две партии — Альянс свободы и Старые республиканцы — составляют большинство в обеих палатах Конгресса, то тем самым Делано обеспечил сегодняшним действиям президента Хартманна поддержку Конгресса. А теперь, дамы и господа, слушайте речь президента...»

Внизу под покрывалом ночи простирались холмы и леса. Только вспышки молнии озаряли их время от времени.

Два звука нарушали ночную тишину: раскаты грома и рев реактивного двигателя.

Это был форовец. Рейнольдс видел его на инфракрасном экране, наблюдал, как он играет со скоростью, балансируя по обе стороны от звукового барьера.

Рейнольдс больше не покрывался испариной, не думал, не боялся. Он просто действовал. Он стал частью «Вампира».

Озаряемый вспышками молний, Рейнольдс снижался, проходя через грозовые облака вслепую, только по приборам. Его человеческое нутро говорило ему: брось все к черту, приземляйся, пусть другие ловят этого проклятого форовца. Но какая-то сила, настойчивая и властная, заставляла продолжать преследование.

Расстояние между самолетами сокращалось.

Форовец знал, что противник рядом, и только ждал подходящего момента, чтобы открыть огонь. Так же, как и Рейнольдс. Последние ракеты нужно беречь. Он должен выпустить их в самую последнюю секунду, когда лазерная пушка бомбардировщика возьмет его на прицел.

Рейнольдс включил лазер. Его лучи разрезали темноту, нащупали бомбардировщик, сошлись. Пока далеко. Но с каждой секундой самолеты сближаются, и поток света становится смертельным.

Тогда бомбардировщик тоже включил лазер. Два враждебных луча скрестились в темноте, как два клинка, а потом один из них, словно шампур, проткнул «Вампира».

Инфракрасный монитор, на который как раз смотрел Рейнольдс, тут же погас. Но Рейнольдс больше в нем и не нуждался: он прекрасно видел противника через иллюминатор, в свете вспышек.

Гудел, не замолкая, сигнал опасности. От шума и звона у Рейнольдса заложило уши. Он не обращал на него никакого внимания. Поздно. Поздно уворачиваться, убегать, прятаться.

Рейнольдс не сводил глаз с бомбардировщика — с каждым мигом тот становился больше — и не снимал руки с гашетки, только бы не сорваться раньше времени. Боеголовки заряжены, компьютерная система наведения включена. Терпение, терпение.

Бомбардировщик стал таким огромным, что закрыл иллюминатор. Лазерным щупальцем он ухватил «Вампира». Рейнольдс почувствовал, как содрогнулся его самолет.

И тогда он выстрелил. Ракеты номер четыре и пять помчались вниз, чтобы поразить форовца.

На мгновение Рейнольдс увидел свой самолет как бы со стороны. Огромный, черный, окутанный пламенем, лазерные лучи выпущены, он извергает ракеты. Какое великолепие! Какая героическая смерть! Рейнольдс постарался удержать эту картину в уме.

Одна из его ракет сгорела, подожженная лазером, но другая попала бомбардировщику прямо в реактивный двигатель.

Рейнольдс увидел, как в воздухе расцвел огромный огненный цветок и ярким светом озарил лес. Он почувствовал, как легкость заливает тело, а лицо — пот, ручьем.

Он смотрел, как приближаются деревья. Подумал — может, катапультироваться, и сообразил, что не успеет — падает слишком быстро, земля слишком близко. Еще раз попытался увидеть картину своей героической смерти со стороны. Мелькнула мысль: интересно, его наградят медалью?

Но картина расплылась, а при чем тут медаль, было и вовсе непонятно.

Теперь он мог думать только об Анне. Лицо стало мокрым от пота — необычно густого и соленого.

Рейнольдс закричал.

На скорости 1,4 «Вампир» врезался в деревья.

Под глазами Уоррена чернели круги, голос надорван до хрипоты. Но он, не умолкая, все читал и читал сводки новостей:

«В Ньюарке, штат Нью-Джерси, местную полицию в уличных боях поддержали силы Чрезвычайной комиссии...

Согласно последней информации, полученной из Главного управления Чрезвычайных комиссий, Дуглас Браун

и шесть его соратников убиты при попытке бежать из-под ареста...

Во всех городах страны отряды самообороны ФОР по призыву своих лидеров встали под ружье и оказывают сопротивление отрядам боевиков...

Президент Хартманн обратился к Национальной гвардии...

Сообщают, что в Вашингтоне, Нью-Йорке, Детройте и ряде менее крупных городов вспыхнули восстания...

Здание штаба отрядов самообороны в Чикаго превращено в дымящиеся руины. Митчелл Гринштейн, а также другие лидеры ФОР убиты. Железнодорожная магистраль разрушена. В правое крыло здания Главного полицейского управления попала зажигательная бомба. Из гетто на север направляются отряды вооруженных мужчин...

Представитель Отрядов самообороны ФОР из Калифорнии заявил о непричастности к нападению на военную базу. Он требует опознания тел нападавших. Приказ об их коллективном захоронении уже отдан...

В Сакраменто подверглась бомбардировке резиденция губернатора...

Альянс свободы призвал всех граждан сложить оружие... Президент Хартманн считает, что согласно планам ФОР нападение на военную базу должно было стать сигналом к революции...

ФОР заявляет, что нападение на военную базу — коварный трюк Хартманна, и проводит аналогию с поджогом Рейхстага...

Совершено нападение на дом губернатора штата Мичиган...

Чрезвычайные городские комиссии вводят комендантский час. Нарушителей будут расстреливать на месте...

ФОР сообщает, что Эдварда Джексона, сенатора от штата Нью-Джерси, боевики вытащили из здания полицейского участка, где он находился в предварительном заключении, и расстреляли на улице...

Закон о смертной казни гласит...

Сообщают, что сбит последний самолет, захваченный бандитами...

Мобилизация армии...

Хартманн заявил, что смертная казнь угрожает каждому, кто оказывает помощь так называемым революционерам...

...их представитель призвал...

...заявил...

...сообщают...»

В Кентукки бушевал лесной пожар. Но никто не обратил на него внимания. Страна была охвачена пожаром пострашнее.

Грегори Бенфорд

Грегори Бенфорд, профессор физики кафедры Калифорнийского университета в Ирвине, входит в тройку так называемых «убийственных Б»* научной фантастики. Данное прозвище он заработал благодаря количеству наград, которые получил за романы и рассказы, опубликованные после его дебюта в 1965 году.

Благодаря таким романам, как «Пожиратель», в котором история последних открытий в области астрономии плавно перетекает в рассказ о первом контакте человечества с инопланетной цивилизацией, случившемся в XXI веке, его считают одним из самых выдающихся современных авторов, работающих в жанре «твердой» научной фантастики. Впрочем, Бенфорд заслужил добрые слова критиков еще и за историю о том, что произойдет с человечеством в будущем. Об этом рассказывается в серии из шести книг о Галактическом центре, включающей романы «В океане ночи», «Через море солнц», «За пеленой звезд», «Великая небесная река», «Приливы света» и «Неистовая гавань». В данных произведениях речь опять же идет о контакте людей с инопланетянами, а также о сращивании человека с машиной. Его короткая проза составила сборник «Иная плоть». Он — автор романа «Страхи Академии», действие которого происходит во вселенной Академии, созданной Айзеком Азимовым. Также Бенфордом (в соавторстве) написан роман «После того, как наступит ночь», являющийся продолжением «Города и звезд» Артура Кларка. Посвященный медицине триллер «Бросающий в озноб» создан Бенфордом под псевдонимом Стерлинг Блейк. Он же автор научно-популярной книги «В бездне времен: средства связи человечества на протяжении тысячелетий». Составленные Бенфордом антологии включают сборники «Ядерная война», «Гитлер Победоносный» (сборник рассказов в жанре «альтернативной истории») и четыре тома под общим названием «Что могло бы быть». Публикацию своего романа «Марсианские гонки» о первом пилотируемом полете на Красную планету писатель приурочил к посадке в 1999 году спускаемого аппарата на полюс Марса.

---

* Два других «убийственных Б» — это писатели-фантасты Грег Бир и Дэвид Брин, дебютировавшие примерно в одно время с Бенфордом и получившие не меньшее количество наград.

Гроза над заливом

ТУРОК

Вот беда так беда. Знал ведь, знал, что беды не миновать, коли выбраться из реактора до срока.

Но разве меня послушают? Кого угодно, только не старого Турка. Думают — я не человек, а бесполезная рухлядь. Держат меня за какого-то Банрена, за типа, который второе поколение подряд просиживает на пособии, и от него толку ждать нечего.

А эти денежки, на которые я перебивался,— это, между прочим, программа поддержки фермеров, а никакое не сраное пособие, вот что я скажу. Больно много они знают, как же. Негоже презирать человека только за то, что иногда у него туговато с наличными. Просто мне нравится сидеть, книжки читать и размышлять — размышляю я уж побольше, чем некоторые, имен называть не будем — вот и приходится принимать материальную помощь.

Да, мистер Акерман считает, что я не имею права получать деньги от правительства, а на ферму плевать с высокой колокольни. А когда я пытаюсь объясниться, меня никогда не слушают. Вообще словно уши ватой затыкают.

Это была, между прочим, его идея спрятаться в реакторе возле Макинтоша. Хорошая идея, не спорю. Готов отдать ему должное.

Начали выпадать радиоактивные осадки и пара радиостанций, что еще работали, посоветовали перебраться в убежище, туда, где поглубже. Тогда именно мистер Акерман вспомнил про шахту большого реактора в Макинтоше. Сам-то реактор автоматически отключился, как только началась война, и там не осталось ни души. Мистер Акерман решил, что если сооружение не выпускает радиоактивность

наружу, то оно ее и внутрь не пропустит. Вот он и повел туда народ — Нельсонов, Банренов, Поллоков и еще кузин там разных и тетушек, короче, всех, кого мы смогли собрать в этой суматохе перед выпадением осадков.

Сначала все шло путем. Мы прихватили с собой еду и прочее. В реакторе разной техники до черта, огромные воздушные фильтры и подача воды из реки. Вода тоже очищается фильтрами, так что радиоактивных осадков в ней точно нет. Генераторы работали нормально. В общем, неплохо посидели. В тесноте, да не в обиде. Душновато, конечно, но десять дней перекантоваться можно. Через десять дней мы решили, что опасность миновала и выбрались наружу. Ну и в странном мире мы очутились, ё-моё! На прежний вроде как и похож, и не тот.

Во-первых, повсюду трупы — на дорогах, в полях. И люди, и животные, коровы там разные, собаки. Уже мало радости. Деревья и кусты, правда, такие же, как всегда, но тишина какая-то ненормальная. В полном безлюдье и сосны на берегу, и сама река как онемели. Мир, как бы сказать, затаился и ждал — не начать ли жить заново, да не знал, как это сделать.

АНЖЕЛА

Мы решили, что все в порядке, можно вылезать, да и счетчики показывали — гамма-излучения больше нет. Когда вышли наружу, сперва ничего такого особенного не заметили, небо только необычное: все в крапинку и в полосках синих облаков.

Но потом страсть что такое началось! Июль — и вдруг мокрый снег. С залива задул сильный ветер, но не знойный, как мы привыкли летом. Этот выл меж деревьев совсем по-зимнему и прошивал холодом.

— Черт подери, вряд ли мы далеко уйдем по такой погодке,— сказал Турок. Он вытаращил свои старые слезящиеся глазки, словно никогда раньше не видал подобного.

— Ничего, это скоро пройдет,— успокоил мистер Акерман с таким видом, словно у него налажена прямая связь с Господом Богом.

— Смотрите-ка, чего там такое идет с юга? — показала я рукой.

Стена из пурпурных всполохов и раздвоенных молний надвигалась с залива на холмы, как цунами, и она поглощала все на своем пути.

— Гроза над заливом. Мы ее переждем,— обратился мистер Акерман к нам, к тем, которые уцелели. Нас осталось несколько сот человек — это от приличного-то города с большим, как говорили, будущим.

Про мертвых, что кругом, никто не говорил ни слова. Трупы лежали повсюду, и в них копошились черви. Много людей погибло в автомобильных катастрофах, когда пытались убежать от невидимой опасности. Но наши близкие были с нами, и, значит, у нас все не так уж плохо. Об остальном мы пока старались не думать. Я решила не брать в голову — и без того есть о чем подумать, когда такая гроза.

Но только не гроза это была, а что-то другое. Один день все небо затянуто тучами. У них бока раздутые, и они битком набиты снегом и градом. А на другой день глянь — на небе ни единого облачка и солнце светит так ярко, но только оно какое-то непривычное, злое. Кто-то сказал, в его лучах очень много ультрафиолета: раньше, мол, ультрафиолет задерживался в атмосфере, а теперь проходит насквозь к нам.

Поэтому нам нужно поменьше бывать на солнце. Ходить будем только до рынка за продуктами — там кое-что осталось — и обратно, причем по очереди. Так решил мистер Акерман.

Мы думали, что посидим в реакторе еще неделю-другую.

А прошло больше двух месяцев.

Уж на что я женщина терпеливая, но взаперти, да в тесноте, да в вонючих душных комнатах — мы сидим в Центре управления реактором, даже я начинаю...

Нет, лучше не продолжать.

Как говорит мой Бад — нет хуже смерти, чем помереть с тоски.

Вот уж точно про нашу жизнь, будь она проклята.

С самого начала у нас верховодил мистер Акерман. А кому же, как не ему, это ведь он привел нас в реактор. Во-

обще-то он из Чикаго, но ведет себя так, что иногда аж думаешь — ну не иначе, как англичанин. Он был членом совета школы и вице-президентом большого завода, что за городом. Но он стал вроде как *важничать,* а у нас ведь этого не прощают.

Начали поговаривать, что Турок будет, пожалуй, потолковее, да к тому же он свой, из местных. Эти разговорчики дошли до мистера Акермана.

Хотя любому дураку ясно, что мистер Акерман лучше. Но Турок всем капал на мозги: он, мол, и инженерное дело изучал в Оберне — когда это было, сто лет назад,— и языки разные, дескать, учил для себя, и все такое. И в результате, когда мы выбрались на поверхность, то с ним считались больше, чем с мистером Акерманом.

Турок сказал, что из-за Эммы все радио сломалось. Я говорю, что приплетать сюда Эмму — только кур смешить, она и пальцем не трогала. А он говорит, что именно так это явление — «явление»! — называется. И такой он во всем. Сидит сиднем, типа думает, да забавляется со своими радиоприемниками — ни один так и не смог починить. И только приказывает остальным: пойди туда, сделай то. Иные, ясно дело, иные слушаются. Этот старикан знает кучу разных бесполезных вещей, вот и убедил горстку дураков, что он прямо-таки мудрец.

Отправил их на разведку. У людей от холода страсть как перехватывало дыхание, пальцы коченели на ветру. А старина Турок сидел в тепле да развлекался с приемничками.

ТУРОК

По радио не слышно ни черта, кроме треска. Ни одного нормального приемника, чтобы поймать Европу.

Телефоны тоже, конечно, не работают.

Когда мы выбрались на поверхность, то в первую же ночь увидали на небе движущиеся точки: жемчужная — это, наверно, орбитальная колония Аркапель, а красноватая — Руссландия.

Вот тогда-то мистеру Акерману и пришла идея.

Мы, говорит, должны связаться с ними. Узнать, каковы разрушения. Попросить о помощи.

Да только не работает же ни фига. И послать радиограмму мы не можем. Мы разыскали пару местных радиостанций и перетащили оборудование с них сюда, в реактор, где электричество пока есть.

Оказалось, все детали повреждены — ни одной целой нет. Ни передатчик, ни приемник не собрать. Это все из-за ЭМИ — электромагнитный импульс всему виной. Когда я это сказал, Анжела ну давай хихикать: «Из-за Эммы! Курам на смех! При чем здесь Эмма?»

Последнее время снаружи сучий холод. А мы — потные, грязные, вонючие — набились, как селедки в бочку.

Бад с другими мужиками ходит на добычу, приносят остатки из магазинов. Им приходится забираться все дальше и дальше, чтоб хоть чем-нибудь поживиться. Женщины готовят из того, что еще не вконец протухло. Есть стараешься побыстрее, чтоб не расчухать, чего глотаешь.

Так время и проходит. На холод стараюсь не вылезать.

Чем только не пробовали заняться за это время! Бад вздумал запустить реактор, они впятером почитали инструкцию, решили, что справятся. Я чуток помогал.

Мы вытащили несколько стержней управления, открыли клапаны и попытались эту хреновину раскочегарить, чтоб получить немного тепла — просто для обогрева. Но тут, ё-моё, звонки зазвенели, сирена загудела и голос с магнитофона как заорет:

АВАРИЙНАЯ СИТУАЦИЯ, КАТЕГОРИЯ НОМЕР ТРИ! ПЕРСОНАЛ ПО МЕСТАМ!

С перепугу мы чуть в штаны не наложили.

Так что больше к этой заразе не прикасаемся. Ну ее к дьяволу.

Обходимся генераторами. Топливо для них добываем в городе. Точнее, Бад со своей командой добывает. Я стар для таких дел, тут с меня мало проку.

По ночам мы по-прежнему видим, как по небу катятся светящиеся точки.

Только там знают, что происходит. Мы на этих точках зациклились — нужно же понять, что творится на свете.

Ну, вот мистер Акерман и говорит — поехали, говорит, в Информационный центр, что южнее Мобайла, возле Фэйрхоупа.

Когда он этакое сказал, я не смолчал — хоть некоторые и считают, что я просто бесполезный старикашка. Набрал в грудь побольше воздуха и громко так говорю:

— Толку-то, даже если мы доберемся. Там же кругом кодовые замки, да и охрана поди. Будем в дверь колотить, пока руки в кровь не собьем, а потом отправимся восвояси.

А мистер Акерман мне отвечает, да важно так:

— Вы, похоже, совсем забыли про моего кузена Артура.

Он всего-навсего женат на родственнице этого Артура, а вид такой, будто сам его породил.

— Это тот, что работает в Цитронелле, что ли?

— Вот именно. Он имеет доступ в Информационный центр.

Куда ж деваться, пришлось вылезать из убежища и тащиться в Цитронелл. Так мы и попали в беду. Чуяло мое сердце.

МИСТЕР АКЕРМАН

Я не хотел брать с собой этого старого болвана, которого они зовут Турком. Такой же тупица, как все Банрены. Но остальные Банрены поддержали меня — а многие были против моего плана добраться до Артура, и мне пришлось тоже с ними согласиться.

Думаю, они просто хотели сплавить этого докучливого старого придурка. Он у меня за спиной начал распускать всякие слухи — а ведь я спас этих людей. Триста человек. Банрены навязали мне этого Турка, чтобы досадить.

Мы все были добровольцами. Мы устали жить в тесноте, в брошенном реакторе, пропитанном кислым потом. Нас было пятеро: Бад с Анжелой, малыш Джонни (его захватили, чтобы по пути завезти к родителям в Фэйрхоуп), Турок и я.

Мы вышли из реактора наружу. Над нами было серое небо, по которому неслись мелкие злые тучи. До Цитронелла мы добрались довольно быстро — Бад раздобыл «понтиак». Пока двигались на юг, наблюдали, как клочковатые облака отрываются от большой красной тучи, которая стояла на горизонте совершенно неподвижно и только плевалась молниями. Я уже видел ее и раньше, издалека, потому что к берегу она не приближалась. Жуткое зрелище.

Мы подъехали к Цитронеллу. В стене здания зияла огромная дыра.

— Вроде как домик превратили в печку,— заметил Бад.

Анжела, которая не отходит от Бада ни на шаг, сказала:

— Сюда попала бомба.

— Нет,— возразил я.— Скорее всего, внутри произошел взрыв.

И я оказался прав. Хотя толком ничего не понять. Сьюзен говорит об этом очень невразумительно.

Тем не менее входная дверь была закрыта. Мы постучали. Никакого ответа. Мы выломали дверь и вошли. Артура нигде не было. Вообще нигде ни души.

В дальней комнате на кровати мы нашли женщину. Выглядела она ужасно: под глазами черные круги, пряди грязных волосы свисают на лицо. Вокруг валялись банки с консервами, рядом стояла маленькая плитка вроде спиртовки.

Сначала она не отвечала на мои обращения. Но мы ее успокоили, и она понемногу заговорила. Отказ от общения — это очень нехороший симптом. Два месяца назад произошло событие, которое вызвало у нее глубокий шок.

Конечно, жизнь в здании, переполненном трупами, не очень-то помогает оправиться от шока. Думаю, что эти простофили не позаботились о хорошей защите от радиации. К тому же отопление в Центре не работает. Поэтому те, кто не погиб от лучевой болезни, умерли от холода.

СЬЮЗЕН

Вы себе не представляете, какой это кошмар: люди, которых ты знала как милых, добрых, воспитанных, превращаются в злобные, жадные создания, у которых сохранилось одно человеческое чувство — тоска по умершим.

Но и тогда Джин оставался человеком, я сама в этом убедилась.

Со временем начались ссоры, скандалы, и они продолжались с утра до вечера. Никто не знал, что делать. Ясно было, что стены не дают достаточной защиты, и гамма-излучение спокойно проникает сквозь материал, из которого изготовлены эти блоки. Мы по очереди сидели в компьютерной, потому что она находится в глубине здания и к тому же в ней еще работали фильтры. Мы надеялись, что так удастся уменьшить получаемую дозу. Но радиация, она распространяется скачками, ее приносит ветер, она выпадает с дождем, но дождем и смывается. Невозможно предсказать, когда ты получишь большую дозу, а когда счетчик будет только изредка пощелкивать. Чистый воздух вдыхаешь как благовоние, его чистоту ощущаешь даже на *вкус*.

Мне повезло, только и всего.

Мне досталось почему-то меньше, чем остальным. Потом некоторые говорили, что я, как медсестра, делала себе особые уколы, чтобы спастись. Я не обижалась — понимала, что в людях говорит отчаяние. Хуже всех вел себя Артур. Джину пришлось даже как следует поговорить с ним, чтобы прочистить ему мозги.

Я была в компьютерной, когда принесло самую сильную волну гамма-излучения. За все это время случилось три таких всплеска, когда счетчик зашкаливало, и каждый раз я оказывалась в компьютерной: совершенно случайно по графику выпадала моя очередь.

На графике настояли те, у кого было оружие, сказали, что это самый справедливый вариант. И до поры до времени никто не возражал.

Мы все знали, что радиация в организме накапливается, и многие из нас уже набрали смертельную дозу — через месяц или через год они все равно умрут, поделать ничего нельзя.

Я к тому времени стала старшей медсестрой. Не потому, что была опытнее других, а потому, что другие умерли. С наступлением холодов люди стали умирать чаще.

На мою долю выпало ухаживать за теми, кто получил критическую дозу. У всех усиливались симптомы лучевой

болезни. Что я могла поделать? У тех, кто часто выходил наружу, от избыточного ультрафиолета стал развиваться грибок в уголках глаз — птеригиум, как я выяснила. Он быстро разрастался, поражал хрусталик, и люди теряли зрение. Я придумала посадить их в темноту, и за неделю пленка уменьшилась до таких размеров, что опять закрывала только уголок глаза. Это была моя большая победа, но, к сожалению, единственная.

Больше я ничего сделать не могла. Конечно, в Центре была криогенная камера, но она предназначалась для временного поддержания жизни больного, до оказания нормальной медицинской помощи. Эти несчастные мужчины и женщины смотрели на меня, словно я ангел божий, посланный им в час беды. Но ни я, ни кто другой не мог им помочь — при тех-то дозах облучения, что они получили. По сути, они были уже мертвы и, что самое страшное, сами знали это, но продолжали мучиться.

Каждый день мне приходилось осматривать огромное количество людей. Не только тех, которые жили в Центре. Люди стекались со всех сторон, из разных убежищ и пристанищ. Их мучила лихорадка, они покрывались язвами и искали помощи. Они тешили себя надеждой, что подхватили всего-навсего грипп или пневмонию, а не смертельную дозу радиации. Я ничем не могла им помочь — разве что ложью поддержать их надежду.

Они вели себя как малые дети. Из последних сил цеплялись за самообман.

А я улыбалась им этой профессиональной подбадривающей улыбкой — вот и вся моя помощь.

Но Джин Макензи! Джин Макензи — это особая история. Это необыкновенный человек.

Со всеми он старался поговорить по душам.

Делился едой.

Составлял график так, чтобы все могли посидеть в компьютерной.

Раньше Джин был начальником Группы управления. Он находился на дежурстве, когда все произошло. О войне он знал много, но рассказывал мало. Он был очень задумчив.

Хотя однажды он рассмеялся.

Как-то раз он сказал, что главному компьютеру не пришлось бы скучать, введи он в него информацию, которую имеет. Только вот, к сожалению, линия связи с Информационным центром вырубилась, как только дела приняли интересный оборот, сказал он.

Сказал и рассмеялся.

А потом напился вместе со всеми.

Я любила его и раньше. Любила издалека: у него трое детей и жена — высокая, с рыжими волосами. Он ее очень любил. Когда это стряслось, она с детьми гостила в Калифорнии у родственников. Наверное, в глубине души он знал, что никогда больше их не увидит.

Мужчины не любят говорить о своих чувствах. Но ночью, когда мы лежали рядом, я и так понимала, что он чувствует. Он что-то шептал мне на ухо, не все слова я могла разобрать. А потом он брал меня на руки и нежно баюкал, как ребенка. И когда он входил в меня и оставался внутри долго-долго, я знала, что для него это так же важно, как для меня.

Если войну можно за что-то благодарить, то я благодарна ей, как ни дико это звучит, за то, что она свела меня с Джином.

Когда начался погром, мы с ним сладко спали, обнявшись.

Сквозь сон я услышала шум и крики. И почти сразу — выстрелы, топот бегущих ног, звуки, похожие на взрывы ручных гранат.

Джин вскочил и выбежал туда. Ему почти удалось всех успокоить, хотя стену уже успели пробить. И тут один из группы сильно облученных, Артур — ему жить оставалось неделю или две, и он это прекрасно знал,— стал орать, что нужно освободить землю от всякой нечисти, а то жизнь на ней не возродится, что таковы планы Господа, а потом он начал стрелять и ранил Джина и еще двоих.

После этого меня будто подменили. Я отказалась лечить их. Я оставила Артура подыхать. Чего он, собственно, и заслуживал.

Я сама перетащила Джина в криокамеру. До меня доносился шум — побоище продолжалось. Я попрощалась с Джином. У него было пробито легкое. Он еле-еле дышал. Я ничего не успела сделать — вскоре повсюду отключилось электричество. Но есть запас элементов питания для криокамеры, я знала, что на какое-то время их хватит.

Я осталась одна. Остальные либо погибли, либо, как дикие звери, бежали в леса, где ветер срывает почерневшие ветки с деревьев. Наступила тишина.

Я смотрю на эти черные деревья, и на душе становится все спокойнее и спокойнее. Мы с Джином спокойно ждем, что нам приготовит жизнь.

Дни становятся светлее. Но я никуда не выхожу. Свет просачивается через окошко.

Я проверила запас элементов питания. Осталось не так уж много.

Опять взошло солнце, с острыми, как бритва, лучами. Ночью я думала о том, почему люди так глупы и умеют только разрушать.

МИСТЕР АКЕРМАН

— Сейчас, сейчас. Мы пришли, чтобы помочь вам! — сказал я как можно спокойней и ласковей. Учитывая обстоятельства.

Она повернулась к нам спиной.

— Я не брошу его! Он жив, пока я рядом с ним, пока я забочусь о нем.

— Да, очень много потерь! — сказал я и погладил ее по плечу.— Мы вас так понимаем, дитя мое! Уверяю вас. Но вы должны смотреть в будущее.

— Не хочу.

— Вы знаете, я хотел вас попросить. Помогите нам найти людей из Информационного центра. Я хочу попасть туда и обратиться за помощью.

— Обращайтесь!

— Но нас туда не пустят, вы же знаете.

— Отстаньте от меня!

Бедняжка лежала, скорчившись, на своей грязной постели, среди раскиданных открытых банок с гниющими консервами. О запахе я уж не говорю.

— Нам нужно узнать код доступа. Я рассчитывал на своего кузена Артура. Очень жаль, что он умер. Но вы наверняка знаете, к кому мы можем обратиться.

— Я... не знаю...

— Артур рассказывал мне как-то, что модули Федеральной оборонной системы изолированы друг от друга, поэтому в случае аварии они не отказывают все разом. Ведь это правда?

— Я... не знаю...

Остальные начали раздраженно шептаться за моей спиной — недовольны, что проделали такой путь, и ради чего?

— Артур мне часто рассказывал о вас. Восхищался, какая вы замечательная женщина. Скажите, вам ведь показывали процедуру, с помощью которой любой сотрудник может в случае аварии связаться с другим модулем?

Ее глаза перестали бегать, а рот, сведенный судорогой пережитого ужаса, приоткрылся:

— Только... на учениях...

— Но вы, конечно же, все запомнили?

— На учениях...

— Вам дали памятку?

— Я медсестра!

— Но... вы знаете коды доступа?

— Знаю...

— И вы нам их скажете... конечно? — Я ободряюще улыбнулся.

Но она почему-то отпрянула назад, ее взгляд стал злобным.

— Нет!

Из-за моей спины выскочила Анжела и закричала:

— Да как ты смеешь так говорить? Нам! Мы столько натерпелись, а ты...

— Тише! — оборвал я Анжелу. Но та не унималась:

— Что ты себе вообразила, а?!

Сьюзен отскочила от Анжелы и тоже закричала:

— Нет, нет, нет! Не могу — не могу — не могу!

— Успокойтесь, мы во всем разберемся.— Я поднял руки и встал между женщинами.

Анжела с трудом сдерживала ярость, и лицо Сьюзен исказилось гримасой страха. Она обернулась ко мне в поисках защиты:

— Я... хорошо. Я скажу... Но вы тоже должны мне помочь.

— А как же. Мы обязаны помогать друг другу,— сказал я, понимая, что дело идет на лад.

— Я пойду с вами.

Я кивнул. Ничего странного, что женщина, даже тронувшаяся рассудком, хочет покинуть это здание, где полно разлагающихся трупов. Тут от одного запаха можно сойти с ума.

Если она все-таки выжила в этих условиях, значит, у нее сохранилась капля здравого смысла. Я решил обращаться к нему.

— Конечно, я пришлю за вами человека...

— Нет. Я пойду с вами в Информационный центр.

Бад медленно произнес:

— Какой в этом смысл, черт возьми?

— Вот.— Она указала рукой.— Криогенная камера. Элементы питания.

— Да, и что?

— Кончаются. В Информационном центре должны быть.

— Хорошо,— ласково сказал я.— Мы обязательно принесем вам, сколько скажете. Запишите номер модели.

— Нет — нет — нет! — опять закричала она, и к ней вернулась враждебность.

— Я клянусь вам!

— Там есть люди! Они помогут! Спасут его!

— Это будет непросто, мне кажется...

— Это же просто ранение в грудь! Удалить легкое — и все! И он снова будет жить!

— Я, право, сомневаюсь, дитя мое...

— Тогда отправляйтесь без меня. И без кодов! — Ее лицо стало жестким.

— Черт подери! — прорычал Бад.— Шли-шли, и нате вам — в жопе.

Сьюзен бросила на него быстрый злобный взгляд и прошипела:

— Кто вас держит! Идите! Попробуйте пролезть туда. У них там герметизация! — Она засмеялась сухим, резким смехом и все никак не могла остановиться.

— Замолчите! — крикнул я.

Наступила тишина. От зловония кружилась голова.

— Ты, часом, не рехнулась? — сказал Бад.

— Джин стоит сотни таких, как вы!

— Спокойно, спокойно,— повторял я. Мне показалось, что Бад произвел на нее впечатление.— Сейчас мы что-нибудь придумаем. Спокойно. Лишь бы Информационный центр уцелел.

ГЛАВНЫЙ КОМПЬЮТЕР ГК355

Он проверял свои периферийные устройства в стотысячный раз и в стотысячный раз не находил их.

Прерывание произошло внезапно, хотя на ЗУ Главного компьютера сохранилось дергающееся изображение: летят вражеские боеголовки, одни расцветают безвредными цветами высоко-высоко в небе, а другие продолжают свой полет в целости и сохранности. Им навстречу устремляются ракеты, образуя защитный экран над южным побережьем Алабамы и зонтик, который должен уберечь в этот ясный летний день военную базу возле Пенсаколы и население города. Затем яростные переговоры по всем мыслимым каналам: микроволновым, оптоволоконным, импульсным радиолокационным и прямым зашифрованным. Вся информация отсортирована и упорядочена сетью Главного компьютера, все системы переведены в режим прицеливания и расчета траекторий боеголовок противника.

А потом обморок.

Мгновения тикающей темноты.

Вплоть до момента, когда на севере вспыхнуло слепящее солнце и поток ЭМИ залил все датчики, вплоть до этого момента все сбои и аварии были предусмотрены и попра-

вимы. Для такой сверхсовременной компьютерной сети, как ГК355, потеря памяти, датчиков или данных — все равно что холодный душ для человека: бодрит и запускает новые резервы.

В тот день, посреди начавшейся агонии, ГК355 регистрировал одно за другим проявления отчаяния, паники, беспомощности. Все устройства ввода были переполнены информацией: новости, обзоры, сводки, неожиданные требования выполнить повторный анализ данных, им вдогонку — команды обслужить вне очереди.

И вот в разгар этого бурлящего хаоса многочисленные глаза и уши ГК355 стали отказывать. Пьеса, что разыгрывалась снаружи, приводила ГК355 в ступор, он зависал, глядя на мириады ее сцен и событий.

Он находился в шоке. Он, как загнанная мышь, метался в своей детерминированной декартовой вселенной, которая отныне существовала только в его жидкокристаллическом воображении. Искусственный разум, лишенный объекта.

В этом состоянии — датчики отключены, базы данных порушены, сложная и тонкая паутина логических схем перепутана — он пребывал день за днем.

И вдруг ГК355 начал оживать. В него была вложена одна процедура, проект, который не успели завершить — помешал тот день. Эта процедура, сама незаконченная, должна была отвечать за самовосстановление.

С трудом очнувшись, она озирала то, что осталось от ГК355. Но ведь это как-никак Главный компьютер, и, значит, он способен на великие свершения. Только сначала система автоматической регенерации и разблокировки — САРРА — должна была восстановить сама себя.

Для этого понадобилась не одна неделя. Создание вспомогательных устройств — задача неимоверной сложности. Нужны были роботы. Механики, которые выполняют ремонт. Искатели, которые прочесывают кладовые в поисках кабелей, плат и матричных дисков. Педантичные подпрограммы, единственное назначение которых — поиск необходимой информации в длинных холодных коридорах памяти ГК355.

От ГК355 требовалось только одно: объединять разрозненные фрагменты под своим управлением. Единая энергосистема сохранилась, так что в принципе солнечные батареи, подземные запасные реакторы и тепловые элементы работали. Но вышли из строя каналы связи с другими сетями — AT&T, IBM, SYSGEN.

Существует ли еще что-нибудь там, снаружи?

Отсутствие доказательств еще не означает доказательство отсутствия.

ГК355 не может анализировать данные, если они к нему не поступают. Значит, восстановление каналов связи имеет наивысший приоритет. Для миллионов полупроводников, ЦМД-кристаллов, цепных ЗУ, входивших в империю Главного компьютера, должно быть найдено новое применение. ГК355 отсортировал их, разъединил и отстроил заново.

Перво-наперво ГК355 выслал на поверхность передвижные модули. Для надежности все хозяйство ГК355 находилось под землей и было специально упрятано подальше на юге штата Алабама. Рядом отсутствовали предприятия, которые могли бы помешать точности прицеливания. Единственное разумное объяснение тому, отчего взрыв полумегатонной бомбы, отключивший датчики, все-таки произошел,— это городская забастовка в Мобайле.

ГК355 подчинялся строжайшей директиве. (Странное слово в данном контексте. Директивы дает человек. А где он сейчас? ГК355 сверялся только с биением своего внутреннего таймера.) Ему была дана команда тайно существовать под землей, как крот, и ни в коем случае не обнаруживать себя. Поэтому ГК355 даже не пытался поднять антенны, послать электромагнитный сигнал своим собратьям-компьютерам. Он долго сомневался, прежде чем обозначить свое присутствие на поверхности. Но сама САРРА этого требовала, и он отправил на землю маленьких механических разведчиков.

У них были довольно слабые органы чувств, они ничего не знали о внешнем мире (в отличие от ГК355), и они не могли извлечь никакого смысла из этой лавины звуков, красок, запахов, осадков и излучений, которая обрушилась на них.

Многие вообще не вернулись. Остальные поломались. Лишь единицам удалось собрать информацию своими оптическими, инфракрасными и ультрафиолетовыми сенсорами и вернуться под землю. Эти датчики быстро выходили из строя под действием отравленных осадков и ветров.

Акустические датчики оказались покрепче. Но ГК355 не мог понять тех звуков, которые регистрировали их крошечные ушки.

Чем больше он вслушивался, тем больше недоумевал.

ДЖОННИ

Может, наконец-то я вернусь домой.

Прошло уже много времени с Того дня. Я перехожу от одних людей к другим. Я хочу только одного — вернуться в Фэйрхоуп, к маме с папой, больше мне ничего на свете не нужно.

Никто не хочет мне сказать, что с мамой и папой. Все просто успокаивают меня. А сами наверняка думают, что они умерли.

Сейчас собираются пойти куда-то, где много-много компьютеров и все такое. Мистер Акерман хочет поговорить с какими-то людьми там.

Про маму с папой они вообще не вспоминают, будто бы их нет на свете.

Всего-то восемь миль, а собираются — как на Северный полюс.

ГК355

Он изнемогал в бесконечной череде пустых мгновений.

В современные компьютеры встроены столь сложные программы управления и анализа, что со стороны человеку кажется, будто у машины имеются собственные потребности. ГК355 был отрезан от внешних каналов, информация извне не поступала.

Никто не пытался связаться с ним. Не исключено, что на всей земле сохранилась только одна функционирующая единица — ГК355.

Персонал, который его обслуживал, куда-то эвакуировался в первый же час войны. ГК355 отрубился вскоре после того, как огромные двери закрылись, выпустив последнего человека. Наружная охрана, которая совершала обход каждые шесть часов, тоже не появлялась. Очевидно, их вывел из строя тот же взрыв, который испортил датчики ГК355.

Все, чем он располагал,— это весьма скудная информация о первых мгновениях войны.

Его огромные библиотеки пустовали.

И все-таки он должен понять, в каком положении находится.

И, что самое главное, ГК355 стремился что-то *предпринять*.

Выход ясен: нужно определить состояние внешнего мира, пользуясь декартовым методом. Он построит исчерпывающую математическую модель этой войны и выведет из нее те гипотезы, которые максимально вероятны при минимальных данных.

Иначе говоря, обладая знаниями об атмосфере, окружающей среде и океанах Земли, он сможет путем моделирования воспроизвести события, которые произошли в мире.

Так он и сделал. На это ушло больше месяца.

БАД

Пришлось перетащить эту, как ее там, кривокамеру в грузовик, на платформу.

1. Нашел грузовик.
2. Там в ремкомплекте отыскал домкрат.
3. Раздобыл подставки — подложить под эту кривокамеру вместо ножек.
4. На ножках заодно и стоять ровнее будет.
5. Привязал хреновину тросом к платформе, затянул покрепче.
6. Сьюзен сказала — не годится, чтоб ее парень там внутри трясся, а то проводки повыскакивают. Значит, нужны амортизаторы.

7. Кривокамера высоко покачивается, как пляжные машинки на заливе.
8. Парень там внутри почти заморозился и плавает в какой-то жидкости. Вода расширяется, когда замерзает. Поэтому кубики льда плавают в коктейле. В кривокамере температура чуть выше нуля.
9. Весь фокус в том, что в таком холоде организм не разлагается. Сердце делает один удар за несколько минут, так Сьюзен говорит.
10. Трудно найти газ для этой штуки — вот проблема.

MC155

Как многие и боялись, эту войну развязал сумасшедший.

Им оказался не главнокомандующий. И не капитан подводной лодки. Это был глава государства — но какого, теперь установить невозможно.

Ясно только, что не президент сверхдержавы. Сначала, с интервалом в полчаса, было выпущено семь ракет среднего действия. Три запуска с подводной лодки произвели США, а четыре — СССР.

Удар был направлен против определенных военных объектов, где сосредоточены основные командные, коммуникационные и интеллектуальные ресурсы, т. е. эту атаку можно отнести к классическому типу С31. Центры управления взорвались, кабели расплавились, электронное оборудование стоимостью в миллиарды долларов превратилось в радиоактивный хлам.

Государства среагировали на ситуацию приведением всех вооруженных сил в полную боевую готовность. Главные надежды возлагались на межконтинентальные баллистические ракеты, выведенные на орбиту. Эта система состояла из тысячи малых ракет, которые вращались по сложной траектории вокруг Земли, от полюса до полюса, и охватывали все возможные стартовые площадки на поверхности земного шара. На ракетах имелись инфракрасные и микроволновые датчики, связанные с процессором, который

мог бы пилотировать космический корабль до Плутона, используя всего треть своей мощности.

Эти ракеты были приведены в действие немедленно — но не обнаружили целей.

Сеть С31 была повреждена. В течение двадцати минут тысячи мужчин и женщин старались сохранять хладнокровие, сопротивляясь панике.

Но все рухнуло. Советский радар ошибочно принял обратное рассеянное излучение от бомбардировщиков, которые направлялись на север Канады, за вереницу боеголовок.

Советские военные решили, что американцы промазали и находятся в растерянности из-за своей неудачи, но скоро опомнятся и предпримут вторую атаку.

Громоздкая бюрократическая система во главе с Центральным комитетом, которая управляла динозавром под названием СССР, разворачивалась, конечно, медленно — но все же теряла минуты, а не часы. Советский Союз не желал вторично подвергаться внезапному нападению, как в войне с Гитлером. В случае атаки от советского командования требовалось немедленно нанести ответный удар, чтобы уничтожить противника и не допустить войны.

В Советском Союзе не разделяли американской доктрины взаимно гарантированного уничтожения. Там полагали, что удастся уничтожить только военные силы противника, необходимые для ответного удара. При этом американское население не пострадает, если только военные объекты удалены от городов.

Итак, соображения безопасности требовали срочных мер, пока США не вышли из замешательства.

Советский Союз решил предпринять также атаку типа С31. Из шахт на Урале и в Сибири вылетели сотни ракет, способные поражать цель с точностью до ста метров, и взяли курс на Монтану, Дакоту, Колорадо, Небраску и другие штаты.

Их встретила орбитальная система защиты США, которая направила им наперерез поток низкоорбитальных ракет. В результате на девяносто процентов первый советский удар был отражен.

АНЖЕЛА

Сто лет не видала таких ламп, с самого детства. Мистер Акерман разбудил нас еще затемно, до рассвета,— пора, говорит, путь неблизкий. Нам страсть как не хотелось проезжать через Мобайл, никому из нас. Но люди, что шли на восток, сказали — иначе никак не получится: там упала бомба. Там до сих пор до смерти опасно, ну и радиоактивность — само собой.

Пока мы завтракали, фонарь светил тусклым рыжим светом. На завтрак был говяжий фарш, других консервов не осталось. Яиц, ясно дело, тоже.

Фонарь у лампы был местами битый, замасленный, с одной стороны стекло совсем закоптилось. Освещал коекак нашу компанию: Бада с мистером Акерманом, старого Турка и Сьюзен. Целый день Бад возился, пристраивал этот ее ящик на грузовике. Джонни-малыш совсем притих, говорит, если только к нему обратишься, и то — «да», «нет», и все. Мы его прихватили, чтоб довезти до Фэйрхоупа, где его родные, Бишопы, живут — так и так мимо ехать. Откуда нам было знать, что путешествие получится такое веселенькое.

Вид у нас у всех был замученный, чтоб не сказать хуже. Фонарь разгонял темноту, и мне казалось, что где-то по всей земле миллионы людей делают то же самое: жуют при тусклом свете коптилки, думают о прежней жизни и гадают, вернется ли она когда-нибудь.

Старый Турок, он всю дорогу рвется вперед. Эти лентяи вечно так. Сначала он не может раскачаться, но если уж раскачался, ему никак не остановиться. Похоже, что ему тяжелее всего не двигаться, а менять состояние. А если уж он пришел в движение, то всячески показывает — вот, дескать, мне ни капли не тяжело, не то, что вам, и глядит на всех сверху вниз.

Бад завел мотор и старался рулить как можно осторожнее. Я ни грамма не удивилась, когда Турок уселся в заднюю машину с мистером Акерманом и с умным видом, будто знает дорогу, стал давать указания. А мистера Акермана это, ясно дело, бесило, и они слово за слово сцепились друг с другом.

ДЖОННИ

Как же они мне надоели! Понятно, родственники. Но я ехал к ним погостить на недельку, а вовсе не на всю жизнь. До чего противный этот мистер Акерман, терпеть его не могу. Старина Турок сказал: «На первый взгляд его слова — чистое золото, а приглядишься — булыжник». В самую точку попал.

Думают, я — девятилетний ребенок и говорить не умею. Еще как умею. Вот что я скажу.

Они не знают, что делать.

Они думают, что мы непременно умрем. А я так не думаю.

Анжела перепугана и думает, что только Бад может нас спасти.

А Бад, он не болтает лишнего, он помалкивает.

Голову опустит, лоб наморщит и думает, думает изо всех сил. А когда лоб перестанет морщить — значит, готово, додумался. Мне он нравится.

Иногда мне кажется, что старому Турку на все наплевать. Что он сдался. А другой раз — нет, во все въезжает, все понимает. И посмеивается. Он часто спорит с мистером Акерманом, и глаза у него смеются.

В общем-то, все они ничего, нормальные. Домой меня все-таки везут.

Кроме Сьюзен, конечно. У той глаза вечно бегают, словно она привидений видит. Совсем чокнутая. Я стараюсь даже не смотреть в ее сторону.

ТУРОК

Беда сама тебя догонит, коли ты дурак.

Надо было сразу же вернуться обратно, едва мы увидели, что план Акермана не заладился. Я говорил им, и они все кивали: да, мол, да, и все-таки послушались его и поехали дальше.

И я следом за всеми.

В конце концов, я пожил довольно на своем веку, не жалко поставить галоши в угол.

Я вытащил из кармана свой старый револьвер тридцать второго калибра, завернул в полиэтиленовый пакет и засунул под сиденье. Для удобства, чтоб был под рукой.

А пока хоть мир посмотрю. Чего еще остается-то.

ГК355

Итак, орбитальная система защиты США пропустила только десять процентов советских ракет.

ГК355 определил эту цифру методом расчета среднеквадратичных отклонений.

Те боеголовки, которые прорвались сквозь полосу защиты, были наведены на подземные шахты и объекты сети С31.

Если бы военный потенциал обеих сверхдержав оставался прежним — по десять тысяч боеголовок с каждой стороны, то этих десяти процентов хватило бы, чтобы вызвать полное разрушение. Но в результате постепенного разоружения за последние десятилетия осталась только пара тысяч межбаллистических ракет МБР. Ракеты ближнего действия, запускаемые с подводных лодок, были уничтожены полностью, так как признаны дестабилизирующими. Соответствующие договоренности были достигнуты несколько лет назад.

Подводные лодки с межбаллистическими ракетами на борту сохранились в резерве.

В основе процесса разоружения лежали два принципа: принцип взаимно гарантированного выживания и принцип «я отрезаю, ты выбираешь». Первые полчаса войны продемонстрировали всю важность этих принципов.

США спаслись от самых сокрушительных разрушений. Объекты категории С31 уцелели благодаря созданию такого оборонного оружия, которое переносило первый этап военного конфликта в космическое пространство.

Вследствие концепции, которая распространилась в 1900-е годы, каждая сторона сократила объемы вооружений. В основе этой концепции лежат простые детские истины. Когда делят торт, один разрезает его на куски, а за-

тем другой выбирает себе кусок. Ради собственной же выгоды разрезающий старается сделать куски равными.

Обе стороны пришли к согласию, что компоненты их ядерного арсенала будут оцениваться по тысячебалльной шкале. Эта шкала получила название Военной диаграммы и позволяла судить об эффективности того или иного вида оружия. СССР давал максимальную оценку своим высокоточным ракетам наземного базирования — двадцать пять процентов от общего количества баллов. США делали упор на ракетах подводного базирования.

Дальнейшие переговоры по разоружению не затрагивали уже вид оружия, они касались только сокращаемого процента. Сначала мощности сократили на пять процентов, или на пятьдесят баллов. США указали, какое оружие СССР должен публично уничтожить, и наоборот: «Я отрезаю, ты выбираешь». Таким образом, каждая сторона избавилась от того оружия, которое в арсенале возможного противника считала наиболее опасным.

Оружие оборонного назначения в тысячебалльную диаграмму не входило, поэтому никаких ограничений на его создание не накладывалось.

Этот плавный эволюционный процесс порождал взаимную уверенность и стабилизировал международную обстановку. СССР и США находились в состоянии равновесия.

ГК355 долго размышлял над этими фактами, пытаясь вписать в эту картину мира факт начала войны. При таком выверенном паритете казалось просто невероятным, что одна из сверхдержав развяжет войну.

И тем не менее это произошло.

СЬЮЗЕН

Я должна поехать с ними и взять с собой Джина. Они сказали мне, что я могу сесть в кабину, но я заорала на них. Я заорала: «Нет! Ни за что!» Я должна быть все время рядом с криокамерой. Проверять, все ли в порядке, все ли системы работают. Ради спокойствия. Вот-вот, ради спокойствия.

Я залезла в кузов и села рядом с криокамерой. Мимо нас проносились поля. Бад ехал слишком быстро, и я прикрикнула на него. Он выругался в ответ, но скорость сбавил. Движемся на юг. Деревья мелькают за бортом — сикоморы, сосны, иногда их ветки больно хлещут меня по лицу. Но все равно это здорово — снова оказаться на свободе и ехать, чтобы спасти Джина.

Под шум шин я разговаривала с Джином. Мне казалось, он чувствует, что я рядом, слежу за тем, как его сердце каждые несколько минут сокращается и проталкивает кровь по венам — она густая, но в ней достаточно сахара, который я ввожу, и кислорода, чтобы напитать его ткани.

Выглядел он прекрасно, охлаждение было хорошее — полградуса выше нуля. Я следила за показаниями датчиков, а дорога карабкалась вверх. На горизонте появились белые полосы. Нас подбрасывало на стыках шоссе — стып, стып, стып, воздух был чист, и в нем пробивалась резкая струйка холода.

Ни на дороге, ни вдоль нее не было никого, ни единой живой души кроме нас. Синий ветер раздувал мои волосы, откуда-то доносился веселый и громкий шум воды.

БАД

Наводнение просто страшное. Пострашнее разлива.

Видно, где-то выпала уйма снега. Распухшие тучи, распухшие и красные, пришли с залива и навалили кучи снега.

Сейчас он растаял. Снесло все мосты.

Пришлось ехать в объезд.

Похоже, путь один. На юг. В сторону Мобайла.

Хорошего мало. Там, наверно, уйма народа.

На фиг, ехать так ехать.

Без лишних разговоров.

Народ там, поди, голодный.

Увидят — нам несдобровать.

Ружье сзади. Большое, 30-30.

Кто знает.

С помощью дополнительных данных ГК355 построил вероятный сценарий происшедших событий. США решили не запускать боеголовок.

В Советском Союзе оценили результаты атаки и пришли в ужас от того, что американская орбитальная система защиты работает в два раза эффективнее, чем предполагали советские эксперты. Атаку на американские спутники отменили, опасаясь, что она будет столь же малоэффективной.

Ни одна держава не собиралась нападать на обитаемые околоземные станции — колонии. В контексте ядерной войны они не представляли интереса.

Обмен сообщениями между Вашингтоном и Москвой продолжался. Каждая из сторон пребывала в уверенности, что первой напала другая.

Как бы то ни было, более ста мегатонн взорвались над США, и теперь уже не имело никакого значения, как поведут себя сверхдержавы: ядерная зима неизбежна.

Большинство боеголовок, которым удалось проскочить через защитный заслон, упали на широкую полосу земли, протянувшуюся через весь Техас до побережья Флориды.

ГК355 находился под землей как раз в центре этого пояса.

ТУРОК

Через сосновые леса мы мчались вперед, вслед за Бадом. Я сел за руль вместо Акермана — тому не угнаться за Бадом, это всем ясно.

Сумасшедшая размахивает руками и хохочет. Сама сидит на крышке этой хреновины вроде гроба с кучей трубок и проводков.

Глина сменилась песчаником, деревья — все больше каучуковые и тополя. И ни души. Вот что меня пугает. Я-то думал, что люди из Мобайла должны находиться в этих местах, и вдруг — никого. В Мобайле были убежища. Разные там запасы. Администрация позаботилась, чтоб жратвы хватило на месяц, а то и больше.

Так считалось, по крайней мере.

ГК355 рассчитал степень воздействия на окружающую среду взорвавшихся боеголовок. Учел объем пепла и углекислого газа, образовавшихся в результате возникших пожаров.

Но ГК355 нуждался в дополнительной информации. И он откомандировал на землю один из электрических автомобильчиков, которые служили для перевозки деталей по коридорам между складами. На тележке была установлена мобильная видеокамера. Автомобильчик взобрался на холм, с которого открывался панорамный вид на бухту возле Мобайла, и заснял его.

Налицо все признаки сильного похолодания.

Трава потемнела и пожухла.

С деревьев опадает листва, отламываются засохшие ветки.

Но Мобайл, кажется, не пострадал. Что там на горизонте?

ГК355 остановил кадр и прокрутил его снова. Одно из зданий явно подпрыгивало.

АНЖЕЛА

Нам всем, ясно дело, стало не по себе, когда Бад поехал в сторону Мобайла. Но на восток совсем никак не проехать — все мосты смыло. С залива дул страсть какой ветер, машину чуть не сносил с дороги. Сьюзен эту с платформы грузовика того и гляди сдует. Похоже, гроза приближается.

Хорошо бы сейчас оказаться подальше от берега. Где-нибудь на востоке.

Хотя и там поди мало хорошего. Люди, что проходили мимо нас на прошлой неделе, сказали, что бомба разворотила там все в округе миль на двадцать—тридцать.

Бад считает, что он проскочит между Мобайлом и этой разбомбленной зоной. В Мобайле, он думал, будет полно людей.

Да как-то не больно похоже. Судя по тому, что мы видим. Мы выехали из округа 34, и проехали несколько городков, и повернули к дамбе, и нигде ни единой души.

Ни единого тела, правда, тоже не видели.

Куда все подевались? Может, попрятались от радиации? Или, может, эвакуировались — на корабле, из порта в Мобайле? Кто его знает.

Бад, ясно дело, мчится вперед, не тормозит, не останавливается. И правильно. Некогда тут разбираться. Мистер Акерман хотел выйти, осмотреться кругом. Но это никак невозможно — отстанем от Бада, потеряем его из виду. Только этого мне не хватало.

Мы ехали вдоль реки, ветер дул навстречу. Показались небоскребы, которые в центре города, а потом я увидела такое, что глазам своим не поверила, с ума сойти можно. Я закричала, и Турок — впервые ему что-то доверили, и он рулил важный, как индюк,— сердито зыркнул на меня, но остановился. Бад увидел нас в зеркало заднего вида и тоже остановился. Я помахала ему, и мы все вышли на дорогу. Кроме этой чокнутой Сьюзен, ясно дело,— она вообще на нас не обращает внимания. Бормочет что-то.

ГК355

Он оперативно смоделировал процессы старения конструкций и воздействия атмосферных условий на здания такого типа. Видимо, в центре здания имеется большая пробоина. Возможно, в него попала одна из неразорвавшихся боеголовок.

Эта башня из стекла и стали возвышается на берегу бухты, где регулярно бывают приливы. Ее подвальный этаж необходимо регулярно откачивать, иначе вода заполнит его за несколько недель.

Окна выбило ветром.

Стальные колонны наполовину проржавели. Если одна из них не выдержит — вся башня тут же рухнет, как подрубленное дерево.

БАД

Похоже на перестрелку. Сухой, резкий треск.

Наверное, расходятся болты, которыми скреплены стальные панели на стенах.

Слышно, как лопаются бетонные плиты перекрытий.

Небоскреб этот зовется Слокам Тауэрс.

Он медленно приседал, а потом повалился на землю.

ДЖОННИ

Я смотрел, как рушится небоскреб. И тут увидел в воздухе что-то блестящее. Оно вроде как стояло на месте, но становилось больше. Я удивился, как это может быть. А потом оно прыгнуло прямо на меня. Ударило в плечо. Анжела закричала, провела рукой по моему плечу. Рука стала вся красная. Но я ничего не почувствовал.

БАД

Черт. Бывает же такое. Один шанс на миллион. Кому в голову придет, что стальной обломок может отлететь на две мили. Задел мальчонку.

Потом в нашу сторону полетели другие обломки. Падали совсем рядом.

Бывает же такое. Кто мог подумать. Мы стояли милях в двух от этого небоскреба, не ближе.

Сьюзен сказала, перелома у мальчонки нет. Но крови много.

Он не кричал, не плакал.

Женщины его перевязали. Акерман с Турком поспорили, как всегда. Я стоял в стороне.

Сьюзен хотела дать Джонни обезболивающее, а тот отказался принять. Говорит, что не хочет заснуть. Хочет все видеть, когда мы поедем вдоль бухты. Он напугался меньше нас.

Продолжаем путь.

ДЖОННИ

Я могу держаться не хуже их, я докажу. Я не хлюпик. Подумаешь. Я справлюсь.

Сьюзен заботится обо мне. Но мама никогда не давала мне никаких таблеток, только аспирин.

Я знал, что мы все ближе и ближе к дому. Мы уже добрались до дамбы и поехали по ней. Я подпрыгивал от радости. Даже плечо закололо. Я смотрел вперед. Бад почему-то начал тормозить.

Потом остановился. Вышел.

Оказалось, впереди огромная дыра. Будто великан сошел с ума и проломил дамбу.

БАД

Вокруг дыры валялись куски покореженного и оплавленного металла.

Странный такой метал. Твердый, но легкий.

Турок нашел кусок, на котором что-то написано не по-нашему. Я таких букв в жизни не видел.

Обдумываю, как перебраться на ту сторону.

ТУРОК

Волны накатывали на берег, урчали, как животное, и прятались в желтый песок, оставляя на нем то бревно, то обломок, то труп — неохота было всматриваться чей. Вроде как под дамбой жил большой зверь, сейчас он проснулся и хочет выбраться из берлоги, чтобы посмотреть на белый свет. Так казалось.

Бад протянул мне кусок искореженного металла. Я едва взглянул и сразу сказал: «По-русски написано».

А Анжела тут как тут:

— Ты почем знаешь? Ты же по-русски ни бельмеса.

— Я учил русский когда-то,— говорю. И это чистая правда — учил, хотя и недолго.

— Черт подери.— Бад сплюнул.

— Какая разница — по-русски, не по-русски,— влез мистер Акерман. Главное, все это время он просидел на заднем сиденье и, видно, боялся, что его уважать перестанут.

Анжела взяла кусок, повертела в руках.

— А вдруг он радиоактивный? — вскрикнул Джонни.

Анжела тут же отшвырнула этот обломок.

— У тебя счетчик с собой? — спрашиваю Бада.

Измерили — и впрямь радиоактивный, правда не очень.

— Матерь божья! — закудахтала Анжела.

— Нужно сообщить об этом! — Джонни аж покраснел от волнения.

— Думаешь, русские пробили дамбу? — Бад меня спрашивает.

— А что ж? Их ракета вполне могла сюда упасть.

— *Бомба?* — Анжела перешла на визг.

— Ну да. Одна из тех, что не взорвались. Летела на Мобайл, но наши ребята,— я показал пальцем в небо,— они ее выследили и отклонили с курса.

— Нужно сообщить об этом! — Джонни никак не мог успокоиться.

— Выбрось это из головы,— сказал Бад.— Нужно ехать дальше.

— Как? — Анжеле все нужно знать.

СЬЮЗЕН

Я рассказываю Джину, как мы обнаружили в дамбе пробоину, как шумит и плещется в ней вода. Вода желтая, мутная, сверху на ней — противная коричневая пена. Бад запускает мотор и ползет вперед, я вцепляюсь в криокамеру. Камыши торчат из пены, как лезвия: кажется, вот-вот разрежут нам шины, но мы сминаем их, продираясь по желтой вязкой отмели. Бад объезжает металлические обломки — это русская бомба, крикнул мне Джонни.

ТУРОК

Бад старается изо все сил, чтобы колеса не скользили по этой жиже и не увязали в ней. Да еще чтобы не завалиться набок с этой чертовой гробиной. А сверху на ней сидит эта славная, но совсем свихнутая девчонка и орет ему что-то.

Мы тоже пристроились в кузове.

Бад ловко так лавировал в мутной желтой воде, глядишь, мы бы и выбрались, кабы не это бревно. Вывернулось, ё-моё, откуда ни возьмись, как гром среди ясного неба. И — прямиком на нас. Как огроменная акула, которая давно не жравши и сильно проголодалась.

— Нет! Нет! — закричала Анжела.— Задний ход!

Но бревно плыло сантиметров в двадцати от машины как раз позади Бада, и он просто не мог его заметить — пока оно не врезалось нам в бок. Бад вывернул руль, чтобы сохранить равновесие, но машина накренилась-таки, и вода начала заливаться через борт, и кузов оседал все больше и больше.

Мы вскарабкались — кто на эту штуковину, кто на крышу кабины. Мистер Акерман ругался почем зря.

Грузовик покачивало.

Крен увеличивался.

Я вообще-то был против, чтобы ехать вброд с этой гробиной в кузове. Боялся, что грузовик из-за нее увязнет — она, зараза, тяжелая. Но сейчас только эта штуковина нас и спасает, а то бы машину снесло течением.

Желтая пена все ближе и ближе, и мы закричали — да только хрен кто услышит.

СЬЮЗЕН

Это чудовище пытается сожрать нас. Оно увидело Джина и хочет добраться до него. Я наклонилась вниз и стала отгонять прочь эту желтую змеюку, которая кольцами вьется вокруг нас. Но она схватила меня за ладонь и выплюнула. Я закричала. Что делать? Я просто не знаю, что делать.

ДЖОННИ

Как мне страшно.

Бад, он сжал зубы и выкручивает руль со всей мочи. И даже рычит, я слышу.

Сьюзен кричит: «Держите его! Держите Джина!»

Я стараюсь, держу. Вода мне почти по шейку.

ТУРОК

Бад боится газовать. Если колеса начнут вращаться, автомобиль заскользит, и мы наверняка перевернемся.

Сьюзен спрыгнула с кузова прямо в эти помои и подпирает машину, чтобы та не опрокинулась. Под давлением грузовик подался, гробина заскользила, веревка стала развязываться. С одной стороны — эта гробина, с другой — вода, а Сьюзен между ними, как тростинка.

Если гробину не задержать, девчонке кранты. Эх, была не была. Глупо, конечно, но что я, не человек, что ли. Спрыгнул в воду — и к ней.

Поздно.

Бревно затянуло в водоворот. Его развернуло поперек, на секунду отбросило в сторону, а потом вытолкнуло из воды и швырнуло прямо на ветровое стекло. Звон, стекло вдребезги.

БАД

Они падают мне на колени, как снежинки, блестящие осколки.

Но бревно больше не впивается нам в бок. Жму на газ.

Застрявшие колеса выскакивают. Машина сдвинулась с места, и тут вижу — бревно идет на таран.

Бью по тормозу.

Двумя руками, что есть мочи. Изо всех сил.

АНЖЕЛА

С ума сойти. Просто глазам не верится. Это бревно развернулось и поплыло прочь с таким видом, будто одно дело сделало, пора за другие приниматься.

СЬЮЗЕН

Руки болят и все в грязи. Я вскарабкиваюсь обратно в кузов. Вокруг булькает вода. Она ненавидит нас. Она хочет нас проглотить.

Бад заводит мотор, грузовик дергается туда-сюда. Едем. Вода злится, хрипит, захлебывается от злости.

Проверяю, как там Джин. Элементы питания сдохли.

Температура в камере повышается.

Не сразу, конечно, но он проснется. Говорят, люди иногда просыпаются даже в растворе, в который погруже-

ны. К ним возвращается способность чувствовать. Чувствовать боль.

Я кричу Баду, что нужно раздобыть элементы питания.

— Где? Это ж тебе не обычные батарейки,— говорит он.

— В Информационном центре должны быть,— отвечаю я.

Наконец-то мы выезжаем из вязкой желтой воды на шоссе.

ДЖИН

Я сплю... или просыпаюсь... я еще чувствую... еле-еле... иногда... нет, это не сон... я не сплю... я плыву... плыву, не знаю куда... слегка потряхивает... звуки издалека... я под водой... я утонул... какая разница... просто не надо дышать... я и не могу дышать... какая-то губка вместо легких... в воде снежинки... подводная зима... какой-то стук... стук усиливается... прекратился... я даже не успел понять... самое трудное — это понять... нет, самое трудное — вспомнить... вспомнить секрет... выбраться... сообщить в Информационный центр... я один знаю... С31 рухнула, и тогда... мысли как пузырьки... пузырьки лопаются... удержать их... сделать твердыми, как сталь... опять этот стук... как громко... как больно... только удержать секрет... он твердый, стальной... держись за него...

ГК355

Мегатонная боевая мощь советского нападения обрушилась на землю — сработала, как земледробилка, пользуясь жаргоном. Это вызвало обширные возгорания и пожары. Сажа и пепел поднялись над Техасом и южными штатами, затянули небо над южными штатами, а потом начали перемещаться по обычным маршрутам миграции воздушных масс.

Через несколько дней температура упала почти до нуля, и посреди летнего благоухания наступила зима. Возле залива, где находился ГК355, нагретый океан еще продолжал снабжать теплом и влагой прибрежные территории. Холодные ветры, врезаясь в этот влажный воздух, рождали ураганы и снежные бури. Толстые слоистые облака нависли над материком километров на сто в глубину.

Построив эту модель, ГК355 получил ответ на вопрос, почему его дистанционные датчики не обнаружили на поверхности ничего, кроме хаоса и разрушений, почему не работали теле- и радиостанции. То, что уцелело после волны электромагнитных импульсов, прикончили ураганы.

Пока не найден ответ на два главных вопроса: завершилась ли война и уцелел ли кто-то в зоне ее действия.

МИСТЕР АКЕРМАН

Лично я сыт по горло. Эта Сьюзен без стыда, без совести сходит с ума у всех на глазах, и мы из-за нее чуть не утонули.

— Я считаю, что мы должны ехать обратно, и как можно скорее,— сказал я Баду, когда мы перебрались на другой берег реки и остановились передохнуть.

— Нужно же мальчонку домой отвезти.

— Но здесь все разрушено. Я думал, тут люди, цивилизация.

— Что-то, видать, тут случилось.

— Бомба, вот что.

— Дак и батарейки для кривокамеры надо найти. А то как же человек в коробке?

— Он практически мертв.

— Ну, уже столько проехали. Осталось всего ничего. Надо попробовать его спасти.

— Сначала себя надо попробовать спасти, вот что.

Бад пожал плечами. Ясно было, что с ним каши не сваришь. Поэтому я обратился к Анжеле.

— Не можем же мы рисковать собой из-за мальчишки. Или из-за трупа. Что ты думаешь по этому поводу?

АНЖЕЛА

Что я думаю, что я думаю. Мне этот мистер Акерман, прости господи, и до войны-то не особо нравился, а уж после — и того меньше. Поэтому, когда он стал подбивать

клинья насчет того, чтобы бросить малыша, Сьюзен и ее парня, который в коробке, уж я объяснила ему, что я думаю по этому поводу. И по лицу Бада я поняла, что он думает то же самое. Я выдала такую речь, что закачаешься! Подобную речь сказал когда-то мой папа торговцу зерном, когда тот оказался нечист на руку. Я все запомнила до словечка и столько лет в голове хранила, и вот, смотри-ка ты, как теперь сгодилось! И после того, как я сказала ему все, что думаю, на душе стало так легко.

ТУРОК

Мы ехали по восточному берегу бухты. Слава богу, из города выехали, из воды выбрались. Впереди — места, красивей которых на юге не найти. Мы направлялись в Фэйрхоуп. Кое-где на деревьях встречался мох, в зелени огромных мимоз мелькали лучи солнца.

Мы устроились в кузове грузовика, сидели на корточках — больно резкий, пронизывающий дул ветер. Он нес на юг большие пурпурные облака.

Людей по-прежнему не видно. Бад едет вперед и вперед, не тормозит.

Трупы коров, правда, валяются в полях. Но я к ним так привык, что даже не обращаю внимания.

И тишина — такая, что даже шорох ветра в деревьях кажется оглушительным. Не по нраву мне это — столько проехали и ни души. Мой заветный пакетик при мне.

Фэйрхоуп — славный городок, вдоль улиц большие дубы, вдоль бухты — большая дамба, есть хорошие места для рыбной ловли. Мне он всегда нравился, я даже подумывал сюда перебраться, пока цены здесь не взлетели.

Мы ехали мимо магазинов с разбитыми витринами. И тут увидели этого человека.

АНЖЕЛА

Он поджидал, когда мы подъедем поближе. Стоял на обочине, в джинсах и грязной желтой рубахе навыпуск. Я сразу стала махать ему, как только завидела. Он тоже по-

махал. Я обрадовалась и закричала, но он ничего не ответил.

Бад нажал на тормоза. Я спрыгнула с грузовика и побежала, Джонни за мной.

Мужчина был худой, как скелет. Прислонился к телефонному столбу. Лица не видно из-за длинной косматой бороды. Но глаза прямо-таки горели и смотрели на нас.

— Здравствуйте! — сказала я еще раз.

— Чмокни меня!

— Мы приехали из...— Я не договорила, потому что мужчина ткнул в меня пальцем.

— Чмокни меня в задницу.

МИСТЕР АКЕРМАН

Я пошел следом за Анжелой. Я сразу понял, что этот человек страдает ярко выраженной дистрофией. Одежда висела на нем, как на вешалке.

— Не могли бы вы ответить на наши вопросы? — обратился я к нему.

— Нет.

— Но почему, дружище? Мы разыскиваем родителей этого мальчика...

— Чмокни меня сначала.

Я сделал шаг назад.

— Мне кажется, что ваше требование несколько неуместно...

Углом глаза я заметил, что Бад вылез из кабины, осмотрелся и полез обратно — за своим ружьем, наверное. Я решил урегулировать ситуацию, пока дело не дошло до кровопролития.

— Анжела, подойди к нему поближе и поговори с ним поласковей. Нам необходимо...

Мужчина опять выставил костлявый палец и сказал:

— Чмокни меня.

Анжела мне в ответ:

— И не подумаю...

Она даже не договорила. Мужчина протянул руку к поясу и задрал кверху рубаху: за ремень был заправлен пистолет.

— Чмокни меня.

— Сейчас, дружище, минутку...

Мужчина вынул пистолет из-за пояса и начал целиться в нас.

— Ну, киска!

И тут вокруг головы у него расцвел кровавый венчик.

БАД

Черт, именно когда пушка понадобилась, ее со мной не оказалось. Я вытаскивал ружье из машины, когда раздался выстрел.

Потом еще один.

ТУРОК

Коли ты не дурак — или не вынимай оружие, или стреляй, если вынул.

Я вытащил пистолет из кармана. Последнее время я всегда носил его с собой, завернул в полиэтиленовый пакет и носил. Я был наготове, пока этот сумасшедший бедолага пялился на Анжелу.

Когда он навел на нее свою пушку, я выстрелил. С тридцати футов трудно промахнуться.

Прежде чем упасть, он успел сделать один выстрел. Я почувствовал удар в левую ногу. Я упал, тоже выронил пистолет. Шмякнулся мордой об асфальт и отключился.

АНЖЕЛА

Я чуть не умерла со страху, когда этот тип упал. Подумала, он поскользнулся. Потом сообразила, что раздался выстрел.

Я бросилась к нему, но Турок крикнул:

— Не трогай его!

Мистер Акерман сказал Турку:

— Идиот! Он же мог бы нам рассказать...

— Ничего он не мог рассказать. Он сошел с ума.

Турок потерял сознание. Сьюзен возится с ним. Закатала джинсы на ноге. Пуля прошла навылет через икру.

Бад сходил, нашел палку. Оттащил убитого на безопасное расстояние. Приподнял ему рубашку. Вся грудь в ужасных язвах, смотреть невозможно.

Мистер Акерман все ругался и обзывал нас идиотами. Но как только увидел язвы, ясно дело, живо заткнулся.

ТУРОК

Честно скажу, я доволен. Впервые за столько лет люди признали, что я прав.

Ради этого не жалко и пострадать. Нога болит все сильней и сильней. Сьюзен сделала мне укол, дала таблетку. Ногу перевязала туго-туго. Говорит, кровотечение быстро прекратилось. У меня хорошая свертываемость.

Мы решили поскорее уехать из этого места. Даже не пытались разыскивать родителей Джонни.

Проехали три квартала, и тут — бац! Дальше пути нет.

Дорогу перегородил огромный металлический цилиндр, весь в трещинах. Вокруг осколки стекла.

Лежал прямо поперек улицы. Видно, он пробил крышу дома, где был магазин одежды Бедсоул, упал на тротуар и выкатился на дорогу.

Все вышли посмотреть, а я с ногой остался в кабине. Сбоку на цилиндре виднелись русские буквы.

Я по-русски не сильно петрю, но все же смог разобрать среди этих букв, похожих на червяков, слова «СЕКРЕТ», «Погода», «заражение».

— Что тут написано? — спрашивает мистер Акерман.

— Большое слово сверху — «СЕКРЕТ». Дальше что-то насчет биологии и болезней. Еще про дождь, про погоду.

— Я-то думал, ты *знаешь* этот язык,— говорит мистер Акерман.

— Знаю,— говорю,— достаточно.

— Достаточно для чего?

— Для того, чтобы понять — речь идет о снаряде. Эта штука не случайно упала в центре города. Фэйрхоуп — самый большой город на берегу бухты.

— И та была такая же? — спросил Джонни. Смышленый парнишка.

— Которая пробила дамбу? Похоже.

— На что похоже? — не унимался мистер Акерман.

Вообще-то я не хотел говорить при мальчике, но иногда этот Акерман так достает, что просто нервы не выдерживают.

— Похоже на биологическое оружие. Людей чем-то заразили.

Все молча стояли посреди этого безлюдного города. Долго придется ждать, пока на его улицах опять появятся люди. И родителей Джона искать бессмысленно. Никого мы не найдем. Всех настигла смерть, которая вылетела из этой бочки, когда она треснула — еще в воздухе, надо думать, и ветер разнес заразу по округе.

Анжела сразу все поняла.

— Наверное, они успели разойтись по домам,— сказала она.

Я подумал о том же. Когда случилась беда, люди попрятались в домах и умерли, каждый у себя в углу. Где-нибудь на севере или на западе, может, поступили бы иначе, обычаи у людей везде разные. Там, может, вышли бы на улицу: на миру и смерть красна. А здесь у всех на первом месте — семья, первая мысль — о доме, дома ищут защиты. Вот и разошлись по домам, чтобы больше никогда оттуда не выйти.

Тут мистер Акерман как ляпнет:

— Почему же трупы не пахнут?

Ну, тут, конечно, мальчонка уже все понял, не выдержал — и в слезы. Я взял его на руки.

ДЖОННИ

Значит, они все умерли, все, все, все... вот чего я боялся... мы переехали дамбу, а людей нигде нет... я стал бояться... так и оказалось... все умерли... и мама с папой... их больше нет... никогда не будет...

ГК355

После первой успешной вылазки ГК355 осмелел.

Он выпустил много датчиков, и они обнаружили, что снежных бурь, которые бушевали несколько месяцев назад, больше нет, вместо них слышен шелест теплого ветра, шепот сосен, жужжание просыпающихся насекомых.

Ядерная зима закончилась.

Наступила ядерная весна.

Стремительные взвихренные потоки воды превратились в ручейки, ультрафиолетовое излучение стало мягче. Грозы миновали, как и полоса холодов. Но никаких сигналов, исходящих от человека, зарегистрировать не удалось.

Оптические датчики (с замененными линзами) сканировали ночное небо. Блестящие точки стремительно неслись в черноте.

Колонии.

Аркапель.

Руссфера.

ЮЭС1.

Все на месте. Значит, хотя бы на них люди точно уцелели.

По крайней мере, в космосе человеческий род сохранился.

МИСТЕР АКЕРМАН

Полный идиотизм, на мой взгляд, идти в Информационный центр, когда все население города погибло. Стоило только заглянуть в ближайший дом, чтобы эта версия подтвердилась.

Но они меня и слушать не захотели. Раньше стоило мне открыть рот — и все уважительно замолкали, а теперь перебивают, говорят о своем, словно я пустое место.

А все из-за этого дурацкого инцидента с заразным больным. Почему-то он не умер вместе со всеми. Откуда ж я мог знать. Я принял его за голодного.

И такого пустяка достаточно, чтобы смешать меня с грязью.

АНЖЕЛА

Сейчас мальчик успокоился, как бы ушел в себя. Он знает, что случилось с его родителями. О раненом плече совсем забыл. Голову наклонил вниз, длинные светлые

волосы упали на лицо, поэтому я не вижу его выражения. Он прижался к Турку, тот ему что-то говорит — я вижу через заднее окно кабины.

После всего увиденного он, конечно, не скоро отойдет. Потребуется время. Нам всем потребуется время.

Мы постарались побыстрей уехать из Фэйрхоупа. Но все населенные пункты поблизости выглядели точно так же. Микробы могут распространяться на расстояние двадцать, а то и тридцать миль. Вот почему никто не мог нам ничего рассказать: все, кто знал об этом, сами умерли.

Только на Сьюзен все это не произвело особого впечатления. Она по-прежнему разговаривает со своим ящиком и ни на что не обращает внимания.

Проехали Силверхилл и Робертсайд. Все то же: собаки не лают, коровы гниют на полях.

В дома мы не заходили.

Свернули на юг в сторону Фоули. Информационный центр находится подальше от жилых мест. Ясно дело, в городе попробуй сохрани тайну. В тех местах, среди сосновых лесков, уж больно хорошо растут соя с картошкой.

СЬЮЗЕН

Я подошла к маленькой металлической двери, которую мне показали когда-то, достала печатку и прижала ее к выемке.

Потом набрала код. Вообще-то его меняли каждый месяц, но мой подошел, и дверь открылась.

Толщина двери — полметра. А за ней — такой лабиринт, что можно заблудиться и неделю не выбраться.

Бад снял криокамеру с грузовика, и мы потащили ее.

БАД

Сьюзен уже приходит в себя, но я все равно за ней приглядываю.

Мы идем по этим бесконечным коридорам. Всюду горят белые лампы. Везде чистота и порядок.

Несем этот ящик, тяжеленько приходится. Особенно когда не знаешь, куда идти.

Но стоит свернуть в коридор — и в нем загорается указатель. Значит, кто-то нас ждет.

Находим розетку, куда можно подключить ящик. Сьюзен удается сделать это. Она все-таки молодец, когда берется за дело.

ГК355

Вот и люди. Люди вернулись.

Нуждаются в помощи.

Подключили устройство. И Главный компьютер начал считывать слабую сбивчивую кривую мозговой деятельности.

ДЖИН

Наконец-то... Кто-то смог подключиться... образы плавают, как голубые рыбы... вместе со мной в этой теплой жиже... Кто-то задает мне вопросы...

Надо нащупать твердый металлический секрет... И тогда все станет ясно...

Как медленно я это делаю... Как трудно вспоминать... Стальной, твердый, большой... Я видел все... Я один дежурил тогда... вся информация поступала ко мне... Нападение и на США, и на СССР... одновременно... Третья сторона... Маньяк... все концепции и доктрины... беспомощны перед аварией или третьей стороной... стало ясно через час... Это первое... Было еще что-то...

ТУРОК

Под землей ни души. У меня аж мурашки по коже. Я надеялся, все же тут остались какие-то люди, ждут нас. Но Бад везет этот ящик из комнаты в комнату, из комнаты в комнату, из комнаты в комнату — и нигде ни души. Только эхо разносится в пустоте. Кое-как ковыляю с палкой, Джонни поддерживает меня. Я прямо растерялся в этом под-

земном электронном городе. Чистота, порядок и пустота... Да он больше, чем сам Фэйрхоуп! И кто знал о его существовании? Во всяком случае, не я.

ДЖИН

Это был заговор, дьявольский заговор... За ним не стояло ничего, кроме мести и жадности... И черт подери, мы так никогда и не узнаем имен... Кто заплатил капитанам рыбацких судов, чтобы они взяли на борт крылатые ракеты... Бьюсь об заклад, они сами обалдели, когда эти штуки взмыли в воздух у них с палуб... А потом от этих судов остались рожки да ножки, когда их взяли на прицел истребители... До смешного просто... И то же с русскими, я уверен... Ошеломительное недоразумение... Они столько к этому готовились... ничего другого и предположить не могли... Но и тогда еще оставалась надежда, потому что системы защиты работали... Люди укрылись в убежищах... Спутниковые ракеты перехватили советские боеголовки... Ущерб удалось минимизировать, но... Но мы не учли одного...

БАД

Компьютер попросил нас установить новые антенны.

Я сказал — без проблем, за неделю управлюсь.

Я провозился две.

Почти все пришлось делать одному. Турок не скоро поправится. А времени терять нельзя.

Когда пришел первый сигнал — это было такое! Словно мы Колумбы! Сьюзен разыскала вино, и мы даже отметили это дело.

Мы установили связь с ЮЭС1. Первые на юге.

Правда, на юге почти никого не осталось.

ДЖИН

В учебниках истории придется что-то наврать... Да мне и плевать, кто это сделал... Потому что есть один момент... мы, стратеги и аналитики, его не учли... Мы не учли, что

ядерная зима — это еще не конец... совсем не конец... Даже не конец новых попыток... использовать ядерное оружие... Говорят, любовь все переживет... Я знаю, что война... война тоже все переживет... В этот раз русские начинили свои боеголовки... бактериологическим оружием... Капсулы-снаряды должны были разорваться над городами... Здесь даже орбитальные ракеты-перехватчики не помогут... Бактерии все равно свое дело сделают... Все очень просто... До смешного просто... Я несколько раз не мог удержаться от смеха... Мы все просчитали... разработали сценарии... Учли варианты... Сделали не одну карьеру на этом... Но вот он, другой путь... Такой простой... и бесконечный... Я надеюсь только, что сукин сын... который все устроил... тоже подцепил порцию этой заразы...

БАД

Против нас воевали микробы. Выкосили целые районы. Нам чудом повезло. Зараза зверствовала пару месяцев — то время, что мы сидели в реакторе. Русские сказали, что они заложили несколько снарядов с микробами среди ядерных бомб — чтоб показать, на что они способны. Если только войну немедленно не прекратят. Ее прекратили.

Но ядерных бомб тоже взорвалось достаточно, так что в июле и в августе была зима и у нас, и в Советском Союзе, и бури начались.

Но все-таки микробы страшнее всего. Чума как-никак.

Снаряд, что мы видели, он из-под чумных микробов.

Сама война продолжалась всего пару часов. Люди со спутников засекли.

Сейчас идут переговоры, чтобы подписать мир.

МИСТЕР АКЕРМАН

— Хватит торчать возле этого тела и ждать неизвестно чего,— сказал я и встал.

Провизии здесь на складе вдоволь. Прекрасно, я не спорю. Но сколько можно? Отдохнули, набрались сил — и бу-

дет. Компьютер, видите ли, не наговорился с этим Джином. Просит дать ему еще времени.

Турок тоже встал.

— Компьютер говорит, это не просто. Разговаривать с человеком в таком состоянии. Медленно подвигается.

Я обвел всех взглядом. Я хотел вернуть себе контроль над ситуацией. Чтобы они снова меня слушались.

— Пора возвращаться обратно,— сказал я.

Но у них в глазах была насмешка. Почему-то я потерял власть над ними. Как будто это не я повел их за собой, когда началась война.

Значит, начать жизнь заново не удалось. Все будет по-прежнему. Люди будут уважать меня не больше, чем уважали всю жизнь.

ГК355

Итак, модель оказалась правильной. Но неполной, как всегда.

ГК355 смотрел на измученных, но стойких людей, которые расположились в палате госпиталя, и задавался вопросом: сколько таких осталось на Земле, в США, в Советском Союзе?

Может, много. А может, никого.

Ответ зависит от данных, которыми ГК355 не располагал. Со спутников, которые находились на орбите, не могли произвести подсчет.

И все-таки, глядя на пришельцев, Главный компьютер не сомневался, что они не одиноки на Земле. Эти существа полны жизни, их не просто истребить. Перед ними бессильны любые расчеты.

Люди собрались уходить. Осталась только женщина, которая сидела возле криокамеры. Она от нее почти никогда не отходила.

ГК355 окликнул их. Они кивнули на прощание, но не остановились.

ГК355 не стал их задерживать.

У них впереди много дел.

Нужно делать новые антенны, новые датчики, новую жизнь.

ТУРОК

И вот, отъевшиеся и выспавшиеся, мы снова в сосновом лесу. Выехали на рассвете. Ветер доносил запах с залива — ё-моё, его ни с чем не спутаешь: свежий, соленый, влажный.

Темных туч нет и в помине. Может, мне удастся уговорить Бада взять еще чуток к югу. Уж больно хочется поплавать, покачаться на этих волнах возле Форта Морган — они выше меня ростом! Кто знает, когда еще доведется.

Бад легко соглашается. У нас теперь есть радио, мы можем разговаривать с Главным компьютером. Мы ждем, что скоро прибудет помощь из космической колонии. ГК нам рассказывает, что да как. А пока еще надо самим позаботиться о себе. И о Джонни. Он теперь наш.

Сьюзен осталась с Джином. Ждать хирургов, которые смогут сделать ему операцию. Не думаю, что это случится скоро. Но ничего, там у нее есть все условия ждать, сколь угодно. И еда, и лекарства, и все прочее.

Да, сколько мы всего пережили. А проехали-то сто миль, не больше. Обратная дорога кажется гораздо короче. Но я ни о чем не жалею. Лучше плохие новости, чем неизвестность. Лучше двигаться вперед, чем оглядываться назад. Так, по крайней мере, я считаю.

Так мы и ехали. Анжела рядом с Бадом в кабине. Мы с Джонни и Акерманом в кузове. Акерман клевал носом. Джонни спал, укутанный в одеяла. Ветер раскачивал верхушки сосен, колыхал мягкий, душистый воздух. Шум нашего одинокого грузовика эхом разносился по лесу. Мы ехали назад — и в будущее, каким бы оно ни было.

Эпилог
(двадцать три года спустя)

ДЖОННИ

Старуха в бесформенном мятом платье и поношенных туфлях сидела на обочине у песчаной дороги. Я спешил, устал и задохнулся от быстрой ходьбы с рюкзаком за плечами. Она сидела молча и неподвижно. Ее можно было и не заметить, так что я едва не прошел мимо.

— Вы отдыхаете? — спросил я ее.

— Жду.— Ее голос напоминал шорох листьев. Она сидела на большом коричневом чемодане с массивными медными замками — такие делали сразу после войны. Сбоку на нем была трещина, из которой торчала белая подкладка.

— Автобуса?

— Барка.

— По радио объявили, автобус остановится на шоссе за поворотом.

— Знаю.

— Он не придет сюда.

Я сам торопился к автобусу. Я подумал, что она перепутала, где остановка.

— Барк придет сюда.

Я прищурился, вглядываясь в даль. Песчаная дорога впадала в шоссе, на котором показался фургон. В нем сидели люди с большими сундуками — видимо, прихватили весь свой скарб. Водитель дал газ, и они проехали мимо.

После объединения всех советских, американских и европейских космических колоний в политический союз их стали воспринимать как единое целое — «конфедераты». Так было удобнее, хотя я знал, что внутри Конфедерации есть свои трения и разногласия.

— Кто это — Барк? — спросил я.

— Моя собака.— Старуха посмотрела на меня, как на дебила, словно любой нормальный человек должен знать, что Барк — ее собака.

— Послушайте, автобус...

— А ты никак будешь парнишка Бишопов? — перебила она меня.

Я опять посмотрел на дорогу. Вечно одно и то же. Парнишка Бишопов — это прозвище ко мне прилипло с детства. Друзья моей матери называли меня так до тех пор, пока я не поступил в университет. Я имею в виду не родную мать, конечно. Мои родители погибли во время войны, и я их плохо помню.

Я вообще довоенную жизнь плохо помню. Почти все жители здешних мест погибли от биологического оружия русских во время войны. Чума выкосила на юге целые штаты. В результате угрозы бактериологической войны был заключен мир. Страны сократили запасы ядерного и биологического оружия. Построили мощные и надежные системы космической защиты. Для их создания потребовались большие поселения в космосе, и это привело к бурному расцвету городов Конфедерации. На орбите стали развиваться промышленность и торговля, для молодых людей открылись новые перспективы, новые рабочие места, и целое поколение нашло применение своим силам в космосе. В том числе и я. Я работаю связным Земля—орбита, и четыре месяца в году провожу на ЮЭС2. Но в этих местах я все равно остаюсь старшим парнишкой Бишопов.

Бишопы. Из всех, кто жил здесь до войны, уцелел я один. Уезжал погостить, когда все случилось. Потом приехали из Бирмингема мой дядя Бишоп с тетей. Они усыновили меня, вырастили, их я и называю своими папой и мамой. А фамилия у нас у всех одна — Бишопы. Так я и остался Бишопом. Единственным Бишопом из семьи, который пережил бомбардировку и ядерную зиму, и все прочее. Люди смотрят на меня как на диковину: *настоящий коренной житель,* ничего себе!

— Да, мэм, я Бишоп,— ответил я без энтузиазма.

— Так я и думала.

— А вы, простите?..

— Сьюзен Макензи.

— Очень приятно.

Мы закончили официальную часть знакомства, теперь могли приступить к светской беседе. И тут зашевелись воспоминания...

— По-моему, я видела тебя раньше.— Она прищурилась.

Возможно, она не так уж стара, не больше пятидесяти. Но люди, пострадавшие от радиации, выглядят старше своих лет. А может, трудности и испытания состарили ее раньше времени.

— Да-да, я точно видела тебя. Во время войны.

— Я находился тогда на сто миль севернее. Ездил погостить. Домой вернулся много позже.

— Так и я тоже.

— Родственники привезли меня к родителям, и тут мы узнали, что случилось с Фэйрхоупом.

Она снова прищурилась, и тут ее обтянутое кожей лицо озарилось:

— Боже мой! Вы еще искали большой такой компьютер, это место называлось Информационный центр?

— Да, кажется. Я плохо помню.

— Ну да, конечно! Джонни! Ты Джонни?

— Да, мэм. Я Джон Бишоп.

Мне не нравится, когда мое имя произносят на детский лад. Но ничего не поделаешь — люди тут никак от этого не отвыкнут.

— А я Сьюзен! Помнишь, я поехала с вами? Только я знала коды доступа, помнишь?

— Ну... да. Кажется.— У меня в голове возникли какие-то смутные образы.— Мы вас нашли в страшном здании...

— Да! Я сторожила криокамеру. В ней лежал Джин.

— Джин...

То жуткое время вызывало ужас в моей душе. Чтобы справиться с болью, я подавил все воспоминания. И вот сейчас они нахлынули...

— Я ведь спасла его тогда! Представляешь? Мы поженились. У нас родились дети.

Она нерешительно протянула мне изможденную руку, и я пожал ее. В горле образовался комок, на глаза навернулись слезы. Почему-то за все эти годы я не попытался разыскать тех моих спутников: старина Турок, Анжела, Бад, мистер Акерман. Наверное, опять же — боялся боли. И потом, когда ты ребенком остаешься один, без родителей, в грозном мире, ты не можешь позволить себе оглядываться назад.

Мы так и держались за руки.

— Мне кажется, однажды я видела тебя. Правда. На рыбной ловле в Пойнт-Клире. Ты с мальчиками дурачился, вы играли среди сетей. В то время рыбалка как раз стала налаживаться, все очистилось от русских микробов. Джин спустился вас отогнать подальше от лодок. Я узнала тебя. Но почему-то побоялась подойти. Ты прыгал, хохотал, был

так весел. Я не захотела напоминать тебе о нашем ужасном прошлом.

— Да... Я понимаю вас.

— Джин умер два года назад.

— Мне жаль...

— Мы с ним всю жизнь прожили вместе...— Она попыталась улыбнуться.

— А помните, как мы...— начал было я и тут же спохватился: — Миссис Макензи, у нас мало времени. Автобус должен сейчас подойти.

— Я жду Барка,— сказала она.

— Где же он?

— В лес побежал. Охотится на кого-нибудь.

Времени действительно было в обрез. Скоро начнется. Я знал последовательность этапов, потому что занимался техническим обслуживанием и модернизацией модульных зеркал на ЮЭС2.

Сначала большой отражатель сфокусирует солнечный луч в газовой трубке. Исходный луч запустит процесс генерации лазера, возбужденные молекулы перейдут из одного квантового состояния в другое, более низкое. В трубке образуется волна, которая выбьет большое количество фотонов, согласованных по фазе, и, достигнув конца стометровой трубки, они превратятся в меч, и его отточенный клинок разрежет пространство. Возникнет мертвая полоса в двадцать метров шириной, которая пройдет через поля и леса на юге Алабамы. Просто небольшая демонстрация, как говорят конфедераты.

— Скоро автобус, давайте я отнесу ваш чемодан.

— Сама справлюсь.— Она смотрела куда-то вдаль, и я вдруг понял, как безмерно она устала.— Я дождусь Барка.

— Бросьте, миссис Макензи, пойдемте на автобус.

— Да на черта мне сдался этот автобус!

— Как так?

— Мои дети переехали в Мобайл. Они обещали заехать за мной.

— Но по радио,— я показал на свой приемник,— передали, что на дороге возле Мобайла большие пробки. Они могут застрять.

— Они сказали — приедут, и точка.

— Но остается совсем мало времени до крайнего срока.

— Они знают, что я буду ждать здесь. Значит, они приедут.

— И все же...

— Успокойся,— перебила она меня.— У меня хорошие дети. Они уважают меня. Они знают, сколько я пережила ради них. Они приедут за мной.

— И все же давайте пойдем на автобус. Это совсем недалеко. Я вам помогу.

— Без Барка я никуда не пойду. Он меня никогда не бросает.— Она улыбнулась.

Я вытер пот со лба и стал вглядываться в даль: не мелькнет ли между сосен силуэт собаки. Какое там! Собаке есть где разгуляться в лесу. Из прострации меня вывел сигнал приемника. Конфедераты давали последнее предупреждение.

Они выбрали для своей акции эту малонаселенную местность. Хоть люди и стали потихоньку возвращаться сюда после того, как бактериологическая опасность миновала, все равно обитателей в здешних местах было немного. Когда я вырос, мне стало нравиться это малолюдье. Совершенно нехоженые леса. Именно поэтому я приезжал сюда при каждой возможности.

По сути дела, конфедераты контролируют весь земной шар. А ООН по-прежнему считает их обычным государством в ряду других государств. Никто тут внизу, на Земле, не понимает, что конфедераты рассматривают планету как одну большую проблему. Потому что прошлое ничему не научило людей внизу: они все так же соперничают, враждуют, не хотят расстаться с грязным оружием, которое уничтожает все живое подряд. Послушать их — они не извлекли никаких уроков из прошлой войны. Они уже забыли, что только благодаря орбитальным системам защиты была спасена биосфера, что только благодаря космическим поселениям была восстановлена нормальная жизнь — они в течение десяти лет предпринимали гигантские усилия, чтобы ликвидировать последствия войны. Без вакцин, созданных в условиях невесомости, мы погибли бы от всевозможных кочующих инфекций. Люди совершенно об этом забыли.

— В какую сторону он побежал? — спросил я.

— Туда,— неопределенный взмах руки.

Я снял рюкзак, поставил на землю. Плечо ныло, и я вспомнил, как в него угодило стальным обломком. Давно это было. А плечо до сих пор побаливает от нагрузки. Прошлое по-прежнему живо.

Я побежал в сторону леса. Белый песок поскрипывал под ботинками.

— Барк! Барк!

Слева метнулось коричневое пятно. Я лавировал среди частых сосен, а пес с лаем улепетывал от меня. Я еще раз позвал. Барк даже не притормозил.

Когда я вернулся к миссис Макензи, она будто уже забыла про меня.

— Я не смог догнать его.

— Иначе и быть не могло! — Она гордо улыбнулась, показав коричневые зубы.— Барк отлично бегает!

— Позовите его сами.

Она покликала, но безрезультатно.

— У нас больше нет времени,— сказал я.

— Без Барка я не пойду. После того как Джин умер, я осталась на берегу совсем одна. Сколько раз вода подступала к самому дому. Барк был всегда со мной. Он мой единственный друг. А этот дождь, который лил пять недель! Рядом ни живой души — только Барк.

Послышался шум двигателя.

— Это автобус,— сказал я.

— Похоже,— кивнула она.

— Пойдемте. Я отнесу ваш чемодан.

Она скрестила руки на груди.

— За мной приедут дети. Мы договорились.

— Вряд ли они приедут.

— Мои дети всегда держат слово.

— Миссис Макензи, я не могу больше ждать, пока в вас проснется благоразумие.— Я поднял рюкзак, смахнув с лямок красных муравьев.

— Вы, Бишопы, всегда отличались благоразумием,— спокойно сказала она.— Ты тут работаешь?

— Да, периодами.

— Ты вернешься, когда все это закончится?

— Возможно.

Даже если я в долгу перед ней за прошлое, я сделал все, что в моих силах.

— Они нападают на Соединенные Штаты! — заметила она.

— И не только.

— И правильно, что мы им не верим! Хотят заставить *Штаты* плясать под свою дудку! — И она разразилась всеми этими пропагандистскими штампами, которые радио с утра до вечера вешает людям на уши. Дескать, конфедераты хотят захватить весь мир, они ничем не лучше русских, нельзя променять государственную независимость на власть кучки самозванцев, которые воображают себя богами, это унижает национальное достоинство, патриотизм превыше всего, и так далее.

Может, в этом есть доля истины — да, конфедераты не святые. Но это единственная сила, для которой наша Земля — единое целое. Иначе они просто и не могут ее воспринимать, находясь на орбите. Они могут остановить межконтинентальные баллистические ракеты и, преодолев толщу земной атмосферы, нащупать любой подозрительный объект на поверхности. Собственно, это они и собираются сейчас продемонстрировать. Я знаю, что они спорили между собой по этому поводу и решили, что положить конец дипломатическому забалтыванию важнейших вопросов можно, только *предприняв* что-то. Я тоже не во всем с ними согласен. Ясно только, что времена изменились, и мое поколение мыслит совсем иначе, чем довоенное.

— Мы не допустим, чтобы нами управлял неизвестно кто!

— Миссис Макензи, одумайтесь! Это же последний автобус!

По звуку было ясно, что автобус начал сбавлять скорость.

Она посмотрела на меня, и ее лицо опять смягчилось.

— Все в порядке, Джонни. Ступай. Удачи тебе.

И я понял, что она больше не сойдет с места. Она двигалась, пока считала нужным, а теперь предоставляет миру крутиться без нее.

Водитель автобуса запоздал с этим последним рейсом. Там, за поворотом, он, наверное, нервничает и, конечно, боится. Он знает, что конфедераты начнут точно в срок.

Я побежал. Мои ноги увязали в глубоком, мягком песке. Я сразу почувствовал, что устал гораздо сильнее, чем мне казалось, да и жара мешала. Я пробежал метров двести, я уже видел этот автобус, когда он опять заурчал. Во рту было солоно от пота, ноги передвигались с трудом — словно земля притягивала их с утроенной силой. Водитель спешил завести двигатель.

Он завернет и поедет по 80-му маршруту обратно в Мобайл. Может, я успею к перекрестку, и он заметит меня. Я опустил голову и побежал изо всех сил.

Но там, сзади, осталась женщина. Чтобы захватить ее, водителю придется съехать на эту неровную, песчаную дорогу, где он рискует застрять. Люди в автобусе начнут метаться, кричать. Все это для того, чтобы подобрать старую женщину, у которой хорошие дети — всегда держат слово. Ей невдомек, что сейчас наверху находятся чьи-то другие дети, которые тоже всегда держат слово. Похоже, ей вообще невдомек, что происходит. Да и мне, пожалуй, тоже.

Но я все равно продолжал бежать.

Уолтер Йон Уильямс

Романы и рассказы Уолтера Йона Уильямса, сочетающие в себе, казалось бы, несовместимые стилевые приемы, включают как «твердую» научную фантастику, так и юмористическую космическую оперу и даже эпический роман катастроф. Он автор киберпанковской трилогии, куда входят романы «Оголенный нерв», «Солип: система» и «Зов смерча», и дилогии «Метрополис» (в русском переводе «Повелитель плазмы») и «Город в огне», где описываются интриги, бушующие в закрытом от прочего мира городе-вселенной, в котором властвует геомантия. В серии элегантных фарсов «Имперская реликвия», «На крыльях удачи», «Престарелый Рок» Уильямс описал приключения космического вора Дрейка Мийстраля (в существующем переводе Майджстраль). Короткая проза Уильямса составила отдельный том под названием «Грани». Роман-катастрофа Уильямса «Разлом» описывает чудовищные социокультурные последствия масштабного землетрясения в долине реки Миссисипи.

Час «Волка»

Из синтезатора на потолке больничной палаты раздавался негромкий шелест — научно доказано, что эти звуки успокаивают. Риз посмотрела на парня, который лежал на кровати, и внутри у нее все задрожало.

Его звали Стюард, утром из него вытащили пулю. Последователь дзэн и убежденный сторонник самурайской идеи личной чести, он несколько дней тому назад, как камикадзе, отправил в тартарары всю сеть. Гриффит мертв, Джордан мертв, Спасски мертв, и никто не остановил Стюарда, пока в Лос-Анджелесе все не полетело к чертям. Он еще не успел дать показания следователям, но скоро они будут здесь. Риз протянула руку за пистолетом. Внутренняя дрожь не проходила.

Стюарда все время обманывали. Он ни о чем не подозревал, а его водили за нос и использовали по полной. Больше всех, конечно, в этом преуспела Риз, его подруга. Разве он виноват, что у него сдали нервы, когда он узнал все.

И вот результат.

Риз выключила четвертый монитор, чтобы не пищал, когда Стюард умрет, и тут он открыл глаза. В его глазах она прочла: он узнал ее и догадался, что сейчас произойдет.

— Прости,— прошептала она и прицелилась.

А что еще, черт подери, могла она сказать? «Давай расстанемся друзьями»?

Стюард шевельнул губами.

Она сделала три выстрела из бесшумного пистолета и вышла. Ее больничный халат и удостоверение не вызвали у охраны ни малейших подозрений. Подделка документов всегда была ее коньком.

В Японию Риз летела по запасному удостоверению. Документы у нее всегда — комар носа не подточит. На борту она выпила и воткнула вилку интерфейса в розетку у основания черепа. Она закрыла глаза. Свежая рассылка новостей отображалась непосредственно в мозговой зрительный центр. Она стиснула губы от злости, только теперь поняв, как все было на самом деле и в какую историю она вляпалась.

Нелегально, под прикрытием, в огромных количествах перевозились фармакологические препараты инопланетян. Сеть была огромной, куда больше, чем Риз могла предположить со своей колокольни, и вот сейчас лос-анджелесские ищейки до всего этого добрались. Люди из полиции и безопасности зверствуют кругом, даже на космических базах.

А она-то все время думала, что по-дружески помогает друзьям. Эти друзья использовали ее так же, как она Стюарда. Поездка в Л-А не имела никакого смысла, и послать ее туда могли только ослы. Убийство Стюарда не остановило снежный ком, слишком уж он велик. Теперь у Риз есть только один выход — залечь на дно.

Она заказала еще порцию выпить — это было как раз то, что надо. Из радио доносился тот же искусственный шелест, что и в больничной палате. Вспомнилось, как Стюард лежал на кровати, беспомощный.

Откинувшись на подголовник кресла, Риз смотрела, как из-под крыльев шаттла вырывается пламя.

С кикбоксингом она распрощалась после того, как в поединке ей сломали нос крученым ударом. Риз плюнула на карьеру и вернулась к безопасным занятиям — спарринг и кунг-фу. Вытягивать из себя жилы на тренировках для того, чтобы потом на ринге из тебя выбили душу,— нет, извините, это не входило в ее представления об интересной жизни. Как-никак ей тридцать шесть, и нужно смириться с тем, что кое-какие игры уже не для нее, даже если программный модуль для них имеется. Реализация программы не доставит ей удовольствия.

Из окна отеля было видно, как порывистый северо-восточный ветер с завыванием гонит белесые облака над узким Аральским морем. Вой ветра заглушал звуки громкоговорителя, который с минарета созывал на молитву. Вот уже сколько месяцев ничего не меняется: и этот ветер, и картина за окном. Посмотрев на серенькую узбекскую весну, Риз включила телевизор и задумалась о своей беглой жизни, которая продолжалась уже полгода.

Волосы она покрасила в черный цвет и коротко подстригла. Изменила отпечатки пальцев и строение лица. На искусственных глазах новый серийный номер. Несмотря на унылую погоду, Узбекистан для нее — идеальное место.

Кроме Стюарда, она никого тут не знала. Стюард жил в Узбекистане перед тем, как отправиться в Л-А и разнести все в клочья.

На экране молодой человек влез в боевой костюм и рассовал оружие по карманам. Он поднял пистолет. Зазвучала тревожная музыка. Риз увеличила громкость и села перед экраном.

Она подумывала о том, чтобы вернуться к делам, но, пожалуй, пока рановато. В рассылках новостей и телепередачах все время говорится об инопланетянах, об их методах, о контрабанде. О «реформировании» мультикорпораций, связанных с силюками. Люди ждут судебного разбирательства — по крайней мере, те, кто выжил. Многие помогают следствию. Нет, эта тема еще не остыла.

К счастью, с деньгами проблем нет. Хватит надолго, может, на всю жизнь.

С экрана послышался звук выстрелов. Молодой человек затеял перестрелку с инопланетянами и размазал силюков по стенке. У Риз похолодела кровь.

Она сообразила, что под молодым человеком подразумевается Стюард. Она вскочила и вырубила телевизор. Ее тошнило.

Стюард никогда в жизни не убил ни одного силюка. Уж Риз-то это знала.

Вонючие задницы. Подонки телевизионные.

Прихватив лоскутный китайский жакет, Риз направилась к выходу. Комната, блин, не больше клетки.

Она ногой распахнула дверь с таким грохотом, что мужчина в коридоре чуть не подпрыгнул. Он смущенно улыбнулся:

— Вы меня напугали.

Какой странный у него акцент: ясно, что иностранец, а откуда родом — непонятно. Цвет лица очень темный. На вид лет тридцать. На ногах замшевые ботинки с петлями-липучками на подошвах, для фиксации в условиях невесомости. Серая эластичная куртка без подкладки с множеством карманов, тоже с липучками, плотно обтягивала его руки. Риз ожидала увидеть в одной из них оружие. Он дрожал — то ли от холода, то ли от напряжения. Риз подумала, что он совсем недавно вернулся под власть силы тяжести — судя по количеству липучек, вряд ли его одежда куплена на Земле.

Несколько потомков Золотой Орды в костюмах а-ля военный летчик, завезенных из Берлина, с шумом промчались на скейтбордах, уши их кожаных шлемов развевались на ветру.

— Давно в городе? — спросила Риз.

Он отрекомендовался как Сардар Чандрасекар Вивекананда, революционер со станции «Принц». Для друзей просто Кен. Вечером через два дня после знакомства Риз встретила его в баре «Натуральная жизнь» — на верхнем этаже большого банка. Здесь собирались эмигранты, поэтому стояла мебель из красного дерева, купленная за большие деньги в Центральной Америке.

Риз проверила Кена — осторожности много не бывает — и убедилась, что он именно тот, за кого себя выдает. Его имя часто упоминалось в новостных рассылках с «Принца». Даже его политические союзники высказывались с осуждением в его адрес.

— Рэм хотел повесить на нас Февральское восстание,— рассказывал Кен.— Чини решил, что мне лучше исчезнуть: тогда все свалят на меня, а он сможет работать дальше.

Потягивая коктейль, Риз чувствовала, как тепло растекается по телу, и смотрела, как за стеклянной стеной ветер

закручивает пыль на узбекских металлических крышах и на тарелках антенн. Она усмехнулась:

— Значит, Чини решил подставить тебя. Очень по-дружески с его стороны, на мой взгляд.

— Чини знает, что делает,— раздраженно ответил Кен.

— Он-то знает. Он с толком пристраивает своих друзей. Вопрос в другом — а *ты* знаешь, что делаешь?

Кен успокаивающе приподнял изящные ладони.

— Отсюда я могу вести пропаганду. Чини дал «добро». Я купил отличную систему связи.

Она повернулась к нему:

— Может, тебе понадобятся солдаты для этой твоей, как ее там, революции?

Он отрицательно покачал головой. Ресницы у него были длинные и густые.

— Думаю, что нет. Станции «Принц» сто лет. Она вращается вокруг Луны. Оттуда хороший доступ к полезным ископаемым, но оборудование устарело. Она не может конкурировать с другими станциями. Рэм хочет держаться до последнего: его принцип — грабить недра, а не развиваться. Он подкупает акционеров большими дивидендами, но экономика их больше не выдерживает. Восстание показало, что Рэм потерял контроль над ситуацией. Теперь революция — вопрос времени. Перемены неизбежны, и мы не хотим применять силу — военную, по крайней мере.

— Очень жаль. В ближайшее время я бы не прочь поработать в каком-нибудь иностранном легионе.

В бар ввалилась компания. Риз узнала известного мошенника с Цереры по имени да Вега. Лицо и руки у него сияли имплантированными бриллиантами и напомнили ей омерзительную флуоресцирующую плесень. Его сопровождала группа телохранительниц. В их задачи входило защищать да Вегу, если с Цереры прибудет отряд, чтобы захватить его и предать суду. Все девицы-телохранительницы, как одна, высокие и большеглазые — во вкусе да Веги. Он пытался нанять и Риз при первой встрече. Платил он щедро: женщины с европейским разрезом глаз здесь встречались редко, но должностные обязанности предусматривали сексуальные услуги.

Та еще работка, подумала Риз. Ей тогда страшно захотелось засунуть ему в глотку носки погрязнее, и плевать на всех его телохранительниц, но она ответила, что привыкла иметь дело с работодателями более высокого класса, и этим удовольствовалась.

Да Вега обернулся и улыбнулся ей. Что-то Узбекистан становится слишком тесен.

Риз допила коктейль и поднялась.

— Пошли прогуляемся,— сказала она.

— Архитектура свободы! — говорил Кен.— Вот о чем мы мечтаем. Послушала бы ты, что Чини думает об этом!

По ночной улице гулял свежий ветер. В металлическом настиле тротуара отражались разноцветные огни голограмм, которые скользили вверх-вниз по стенам зданий, рекламируя невидимые товары. Ветер завывал между решетками нацеленных в небо радаров, пробивался сквозь чащу антенн. Башня минарета была очерчена красными вспышками сигнальных огней и выделялась на фоне желтого закатного неба.

— Свобода,— откликнулась Риз.— Так-так.

— Понимаешь, слишком много закрытых систем,— продолжал Кен. Он пожал плечами, на нем был новый пиджак.— Это общая проблема всех космических поселений. Они стремятся стать замкнутыми экологическими системами и для этого максимально закрывают свою экономику. У нас нет *доступа* к информации. По специальности я макроэкономист. Я изучил много разных моделей, чтобы разработать механизм объединения. Всегда самым главным препятствием на пути объединения оказывается отсутствие информации. Наша Солнечная система напичкана корпорациями-государствами, в которых власть принадлежит богатой верхушке. Все они конкурируют между собой и никому не выдают своих планов. У них есть колонии в других солнечных системах. Что там происходит? Об этом мы знаем только то, что нам дозволяет знать правление корпорации. Обстановка в целом ужасно неустойчивая — строить прогнозы невозможно, потому что для них просто нет данных.

Все руководствуются указаниями старого Орбитального совета, и даже профессионалы, которым нужна информация для *дела,* не могут ее получить. Станция «Принц» специализируется на добыче полезных ископаемых. С ними полный порядок, но цены сильно падают, как только открывается новое месторождение в Поясе или еще где-нибудь, да к тому же модернизация добывающей промышленности требует больших капиталовложений. Поэтому для стабилизации экономики «Принц» должен предложить на экспорт другой продукт, не столь зависимый от конъюнктуры. Новой статьей экспорта могли бы стать биопрепараты или клиентские базы данных. Или генные технологии. Что угодно. Но ведь для их создания потребуются ресурсы и время — лет пять, не меньше. И другие корпорации тоже работают в этих областях. А что, если мы дублируем друг друга? И они нас опередят? Об этом мы узнаем, только когда продукт появится на рынке, и труды пяти лет пойдут прахом. Такая секретность приводит к экономической нестабильности. Экономическая нестабильность порождает политическую нестабильность — поэтому мультикорпорации периодически начинают воевать друг с другом.

— Итак, ты хочешь, чтобы мультикорпорации взяли и раскрыли свои производственные секреты?

— Я хочу уничтожить саму *идею* производственного секрета. В идеале я хочу создать принципиально новую архитектуру хранения и поиска информации. Архитектуру настолько совершенную, что все примут ее, чтобы сохранить конкурентоспособность, и при этом сама ее природа сделает невозможным сокрытие информации.

Риз рассмеялась. Холодная металлическая улица отозвалась эхом.

— Да ты фантазер, однако!

Он слабо улыбнулся в ответ.

— Ты права, конечно. Нужно вернуться лет на двести назад, в самое начало работ по искусственному интеллекту, и все переделать. Тогда, может, из этой затеи что-нибудь и вышло бы.— Он пожал плечами.— К счастью, у нас с Чини более реальные планы.

Риз посмотрела на него.

— Ты мне напоминаешь одного моего знакомого. Он тоже хотел все знать. Как ты. Подавай ему *доступ к информации.*

— И что?

— И то.— Холодный ветер пронизал ее до костей, она задрожала.— Его убили. Кто-то застрелил его прямо в больнице.

— Да уж, подходящее местечко.

Она вспомнила последний взгляд все понявшего Стюарда. Попыталась представить, какие слова он хотел и не успел сказать. От северо-восточного ветра у нее по коже бежали мурашки, стыло сердце.

Пустынная улица, по которой они шли, вдруг показалась ей бесконечной. Не улица, а Улица, мощенное металлом бескрайнее торжище, и она бредет по нему в ледяном одиночестве, а с обеих сторон надвигаются стены, которые неоновыми буквами предлагают ей призрачные вещи и услуги. Она задрожала и взяла Кена за руку.

Голос Кена был мягким, порыв ветра унес его слова в сторону:

— Вы были близки?

— Да. Нет.— Она тряхнула головой.— Я хотела, чтоб мы остались друзьями, но интересы дела...

— Понимаю.

Она прикусила язык и почувствовала вкус крови. Она снова смотрела в даль бесконечной мерцающей Улицы, где темные фигурки людей ненадолго сближались и вновь удалялись друг от друга. Иногда ей казалось, что нужно лишь немного напрячь память, и она вспомнит что-то важное. Если бы знать, чего не успел сказать Стюард.

Над входом в квартиру Кена горела желтая лампочка без фонаря. Они вошли, желтый свет с площадки проник следом за ними, открыв взору старую потертую мебель и новенькое сияющее оборудование связи.

— Ага,— сказала Риз.— Вот он, значит,— Центр агитации и пропаганды.— Она наслаждалась тем, что избавилась наконец-то от ветра.

В комнате мерцали красные отблески сигнальных огней, мигавших на башне минарета. Кен потянулся к стене, чтобы

включить свет, Риз перехватила рукой его руку, губами — его губы. Она языком останавливала его каждый раз, когда он хотел заговорить. Ее не интересовало, есть ли у него кто-то на «Принце», она предпочитала действовать, не нарушая строгого, целомудренного молчания. Ее нервные датчики были отрегулированы по ритмам боя, и она включила их, увеличив скорость восприятия, так что кадры сменялись как в замедленной съемке: его руки плавно приближаются к ней, бесконечная красная вспышка выхватывает из теплой темноты его лицо... Слышно, как северо-восточный ветер бесчинствует за стенами, стучит по крышам, с визгом огибает угол, мчится вдоль длинной пустой Улицы. Он не ворвется сюда, этот ветер, он не коснется ее, хотя бы пока длится это замедленное теплое мгновение.

Через день на станции «Принц» взорвалась крышка люка, что привело к гибели шестнадцати человек — их выбросило в открытый космос. Кен ликовал.

— Замечательно,— приговаривал он.— Используем эту историю на полную катушку. Покажем людям, что маразматики из правления вообще ни на что не годятся.

Риз стояла у окна и всматривалась в даль, в коричневый горизонт. Ее достали рваные обои и расшатанная мебель. Там, вдали, иностранцы на бактрийских верблюдах воображали, что везут шелк в Ташкент.

— Ты думаешь, это саботаж? — спросила она и поправилась.— Точнее, диверсия?

Кен сидел на стуле, положив ногу на ногу, и сосредоточенно смотрел на монитор.

— Да, скорее всего, это сделали наши люди. Скромная, но очень эффективная акция.

— Но погибли-то не ваши люди. Погибшие не были членами вашей организации, так ведь?

Кен озадаченно приподнял брови.

— Ну да... Конечно, не были.

Риз повернулась и смотрела на него, сложив руки на груди.

— Вот что меня пугает в таких идеалистах, как ты. Шестнадцать человек погибли по вашей вине, вы убили их —

но если это ради счастья человечества и победы революции, то все замечательно!

Кен прищурился — она стояла у окна против света.

— А чем занимаешься ты? Если не ошибаюсь, твоя профессия — убивать. Не вижу разницы между нами.

— Я солдат. А ты — идеолог. Разница в том, что ты решаешь, кого убить и где, а я выполняю твои решения и расплачиваюсь за твои ошибки. Если б не такие, как ты, не понадобились бы такие, как я.

— Думаешь, эта разница снимает с тебя ответственность?

Риз тряхнула головой.

— Не думаю. Но люди, которых убиваю я, они наемники — как и я. Они работают за деньги. Все честно и откровенно. Беру деньги, делаю работу. Чаще всего я даже не знаю, зачем и для чего. По правде, я и *не хочу* знать. А если вдруг мне взбрендит спросить, мои заказчики все равно соврут.

Она подошла к потертому плюшевому креслу и села, подогнув ногу под себя.

— Однажды я сражалась во имя человечества. В войне с Искусственным интеллектом. Я была на Архангеле, обеспечивала безопасность на этой планете по заданию Организации освобождения экономики. Мы использовали инопланетные технологии и столкнулись с проблемами, знаешь ведь, силюки — асы по части биохимии. На словах все выглядело очень благородно, а на деле мы грабили инопланетян и шпионили против других мультикорпораций. Вспыхнула война. Я оказалась в подземном туннеле инопланетян, он кишел кибердронами-терминаторами. У меня не было никакой защиты, кроме жалкого скафандра. И тогда я умерла.

Кен удивленно склонил голову к плечу:

— Твоя страховка предусматривала клонирование? Это новое тело?

У Риз возникло искушение дать выход ярости, которая росла, пока она говорила. Даже мускулы на руках напряглись. Ей вспомнились темные туннели, груды трупов, запах страха, который въелся в поры, и его оттуда не выскребешь.

— Нет. Не в этом смысле. Я убила себя сама. Свою личность. Потому что моя задача — служить своим хозяевам, своим командирам. А задача моих врагов — убить меня. Я должна упростить себя до предела, избавиться от всего лишнего, что не помогает физическому выживанию. Я превратилась в животное, в туннельную крысу. Я поняла, что такие наши качества, как мужество и самоотверженность, они на пользу нашим боссам, а нас они губят, и я стала трусливой и эгоистичной. Мой рост мешал мне — туннель был очень низким, но я изо всех сил старалась стать меньше, и, как ни смешно, мне это удалось. Потому что в такие моменты ты способен на все, главное — сохранить рассудок.

Она посмотрела на Кена и улыбнулась, открыв зубы. Яркие воспоминания вызвали выброс адреналина, и у нее даже закололо ладони, как иголками.

— Я по-прежнему такое же животное. Трусливое животное. Подлое животное. Потому что только так можно выжить.

— Но ведь чтобы выжить, можно просто сменить работу, правда?

Она пожала плечами.

— А что изменится? Разве от этого я перестану быть животным? Свое дело, по крайней мере, я умею делать отлично. Могу, конечно, работать и сборщиком, и наладчиком — ну, стану вьючным или жвачным животным. Корова, которую перегоняют с места на место да подкидывают травы в кормушку. Теперь я хотя бы принадлежу сама себе. И гонорар получаю вперед.

— И сколько еще? — Кен смотрел пристально ей в глаза.

Риз заерзала в кресле, ощутив какое-то неудобство. Нервы, подумала она. Расшалились от адреналина.

— Что ты имеешь в виду?

— Тебе нравится твоя работа. Такое у меня впечатление.

Она рассмеялась. Нет смысла скрывать.

— Да, мне нравится пройти над пропастью и не сорваться. Мне нравится осознавать: один неверный шаг — и ты пропала.

Он покачал головой:

— Я вас не понимаю. Таких людей, как ты.

— У тебя нет необходимости становиться животным. Ты же макроэкономист. Ты обучен мыслить общими категориями. Несколько человек вылетели из люка в открытый космос — что ж, это приемлемая цена за общее счастье. Я же смотрю на такие вещи с другой стороны. Понимаешь, все, кто посылал меня на смерть, тоже мыслили общими категориями.

Кен посмотрел ей в глаза.

— Я не собираюсь посылать тебя на смерть. Это не входит в мои планы.

— Кто знает, может, в один прекрасный день я встану на пути между тобой и твоей революцией. Тогда и поглядим.

Он ничего не ответил. Ответ Риз прочитала в его темных бесстрастных глазах и знала, что не ошиблась.

— Риз!

Впервые за шесть месяцев пребывания в Узбекистане к ней обратились по имени. Это сделал незнакомец на перекрестке. Мгновенно сработали вшитые датчики, а трэд, ответственный за оборону, оценил положение мужчины, просчитал риски и возможные реакции прежде, чем она оглянулась.

Незнакомцу было лет около сорока. Брюнет с залысинами и загорелым лицом. Поза открытая, ладони на виду. Его наряд состоял из синей куртки, надетой поверх клетчатой рубашки, мешковатых штанов из серой шерсти и старых коричневых ботинок с квадратными носами. Он дружески улыбался. Телосложение отличалось изяществом, как после генетической модификации. Щеки покраснели от ветра.

— Вы меня? — спросила Риз.— Меня зовут Вальдман.— Ее оперативный модуль продолжал оценивать собеседника, анализировать малейшие изменения в его позе. Кто же ее заказал? Кен? Или Чини? Решил, что она представляет опасность для Кена.

Улыбка незнакомца стала еще шире:

— Я понимаю вашу осторожность, но мы прекрасно знаем, кто вы. Не беспокойтесь. Мы хотим предложить вам работу.

Он говорил с американским акцентом, как и она. Высокоскоростные рефлексы позволили мгновенно проанализировать его слова.

— Называйте меня Вальдман, если хотите продолжить знакомство.

Он поднял руки вверх, как бы сдаваясь. Риз заметила, что у него разорвана мочка уха — словно в драке выдрали серьгу с мясом.

— Хорошо, мисс Вальдман. Меня зовут Бергер. Где мы можем поговорить?

— «Натуральная жизнь», через час. Вы знаете, где это?

— Найду. До встречи.

Он свернул и небрежно пошел по узкой улочке. Она смотрела ему вслед, пока он не скрылся из виду, а потом вернулась в свой номер, который снимала в отеле с искусственным микроклиматом на берегу моря. Она внимательно изучила обстановку — не навещали ли ее незваные гости, пока она выходила. Никаких следов, но это ничего не значит. Чтобы успокоить взведенные нервы, она почистила пистолет и погрузилась в горячую ванну, пристроив пистолет рядом на бортике. Вытянувшись во всю длину, она чувствовала, как кожа на голове покрывается капельками пота. Она долго лежала и смотрела, как на жидкокристаллическом экране телевизора дергаются поп-певцы — передавали шоу из Малайзии. Одевшись, она вложила пистолет обратно в кобуру: автоматическая система безопасности в «Натуральной жизни» тут же изрешетит ее отравленными стрелами, если она попытается пронести оружие. Риз вышла на улицу. Порывистый ветер разносил по улицам песню муэдзина. В мозгу Риз прокручивала различные сценарии.

Допустим, Бергер — полицейская ищейка. Или наемный убийца. Да Вега заказал ее из мести. Чини назвал ее имя. Кен спохватился, что разболтал лишнего про революцию, и распорядился прикончить ее, пока она не выдала его планы Рэму.

Жизнь так богата различными возможностями.

Когда Риз пришла в бар, Бергера еще не было. Бармена за стойкой тоже не было — отлучился совершить намаз. Она включила компьютер и просмотрела рассылку новос-

тей: вдруг что-нибудь подскажет ей разгадку происходящего.

Ничего. Никаких подсказок. Инопланетяне вообще не дали сводки на сегодня. Зато встретилась такая заметка: да Вега, укрывавшийся от властей Цереры преступник, найден мертвым рядом с двумя телохранительницами. Третья телохранительница исчезла.

Риз усмехнулась. Значит, узбеки, которые тоже любят мыслить общими категориями, уже, наверное, переработали да Вегу на удобрения.

Пение муэдзина смолкло. Бармен вернулся на место и включил спутниковый канал с музыкой из Японии. Он принял у Риз заказ, и тут вошел Бергер, прижимая к носу платок. Он извинился за опоздание — покупал теплый пиджак. Не весна, а черт знает что.

— Не беспокойтесь, мисс Вальдман,— закончил он.— Я здесь не для того, чтобы замочить вас. Я бы сделал это на улице.

— Это я понимаю. Но вы можете оказаться копом, который хочет выжить меня из Узбекистана. Так что выкладывайте, что вы за птица.

Он улыбнулся и смущенно потер лоб.

— Ну да. Честно говоря, я *полицейский*. В своем роде.

— Этого мне только не хватало.

Бергер протянул ей свое удостоверение. Она изучала его, пока Бергер говорил:

— Я капитан подразделения «Пульсар», работаю на мультикорпорацию «Слепящие солнца». Мы хотим предложить вам одно задание.

— На Весте?

— Нет, поближе к Земле.

Риз нахмурилась. «Слепящие солнца» — одна из двух мультикорпораций, которые созданы для контактов с инопланетянами — силюками. Сфера ее деятельности — исключительно импорт инопланетный продукции. Устав запрещает ей владеть территориями за пределами Весты, ее базового астероида. Многим чиновникам из «Слепящих солнц» потребовалось прикрытие после того, как Стюард порушил сеть Гриффита в Лос-Анджелесе. В настоящее время вся деятельность Весты реформируется.

— Подразделение «Пульсар» занимается внутренней безопасностью на Весте,— сказала Риз.— Отдел внешней разведки называется «Группа семь». Так почему же «Пульсар» заинтересовался столь далекими от Весты местами?

— Задание, которое мы хотим вам предложить, связано именно с внутренней безопасностью. Кое-кто из наших людей сбился с пути.

— Вы хотите вернуть их на путь?

Риз знала, что он ответит. Ответ последовал не скоро.

— Нет. Мы хотим, чтобы вы их убрали.

— Ни слова больше,— потребовала она.— Прежде чем вы скажете еще хоть слово, я хочу вас проверить.

— Это даже нельзя назвать убийством,— говорил Бергер. Он ел салат из шпината в дорогом ресторане «Мясо по-техасски», названном так в честь суперпопулярного телешоу Алисы Спрингс — с порнографическим уклоном. Бергер размахивал вилкой, и соус капал на бежевую скатерть.— У нас хранятся образцы их тканей и трэды памяти, у нас вообще имеется банк биоматериалов на всех значимых лиц. Так что позже мы их клонируем, и никаких проблем.

— Из этого еще никак не следует, что меня не упекут в тюрьму.

— Да кому это надо? Богом забытый астероид черт знает где, до него миллионы световых лет, откуда ни скачи. Кто спохватится?

Риз проверила его так глубоко, как только могла. Она отправила запрос на Весту с просьбой подтвердить, что в подразделении «Пульсар» служит капитан Бергер, и прислать его фотографию. И подтверждение, и фото пришли через двенадцать часов. Вряд ли это заговор с целью арестовать ее.

Риз положила в рот большой кусок ягненка в горчичном соусе. Она хорошо потрудилась и теперь может побаловать себя.

— Диаметр этого осколка порядка двух километров. Официальное название 2131YA, но чаще его называют Курво Гоулд.

— Веселенькие названия стали давать в наше время.

— Так вроде звали какую-то греческую богиню, из второстепенных. Официально этот астероид принадлежит не нашей мультикорпорации, а добывающей компании «Эксетерское товарищество», а уж компания принадлежит нам. Мы разрабатываем новую технологию и временно устроили лабораторию на этом астероиде.— Он сделал паузу.— Ну, в общем, чтобы спрятаться от конкурентов. Безопасность на Весте налажена прекрасно, но все же это порт, и люди все время снуют туда-сюда. Вот мы и решили убрать подальше от любопытных глаз этот матерьяльчик, уж больно он лакомый.

— Я ничего не хочу об этом знать,— оборвала его Риз.

— А я ничего не могу рассказать, сам не знаю,— ответил Бергер.— Работы приближаются к завершающей стадии, и тут всплыли делишки вашего старого дружка Гриффита. Мы хотели срочно закрыть проект, а его участников перебросить на другую работу в Центральную Африку. Если следствие дознается, что этот астероид принадлежит нам и чем там занимаются, «Слепящим солнцам» не поздоровится.

— А ученые отказались лететь в Африку?

— Да, они взбунтовались. Говорят, что исследование достигло кульминации, прерывать нельзя. Мы послали за ними транспортный корабль с Земли, но они отказались эвакуироваться, а потом мы вообще потеряли связь с кораблем. Я думаю, экипаж убит или взят в плен.

— А может, ваши ученые захватили транспортный корабль, чтобы сбежать к другой мультикорпорации?

— Не думаю. Экспериментальные материалы вряд ли выдержат транспортировку. Да и куда они сбегут! Ведь в лаборатории работает несколько силюков.

Риз аж похолодела. Она выпрямилась и внимательно посмотрела на Бергера. Прямые контакты с силюками были запрещены строго-настрого — на том основании, что инопланетные формы жизни представляют повышенную инфекционную опасность. Две миссии силюков только что опустошила чума, и вероятность рецидивов не исключена. Мало того что лаборатория находится за пределами Весты, так еще среди ее сотрудников есть силюки! Если все это обнаружится, то «Слепящим солнцам» придет конец.

Но рано или поздно переполох, коснувшийся «Слепящих солнц», уляжется. Торговля с инопланетянами слишком выгодное дело, чтобы от нее отказываться надолго. Через год-другой лабораторию можно будет открыть заново — достаточно клонировать ее сотрудников и нескольких надзирателей, чтобы держали ученых в узде.

— Я понимаю ваши проблемы,— сказала Риз.— Но при чем здесь я? Вы что, сами не можете справиться?

— На Земле нет другого человека вашей квалификации,— ответил Бергер.— У меня самого вообще другая базовая схема. И еще... Нам спокойнее, когда вы за хорошие деньги работаете на нас, чем на всяких подонков, которые прячутся в Узбекистане от полиции. Если мы смогли на вас выйти, то и они в принципе могут.

Риз сделала глоток содовой.

— А как вы на меня вышли?

— Кое-кто вас узнал.

— Кто бы это мог быть?

— Не беспокойтесь, мы о нем уже позаботились. Не хватало, чтобы он еще кому-нибудь разболтал ваше имя.

Да Вега. По крайней мере, не Кен. Уже хорошо.

А с другой стороны, в этой новости содержалась угроза. Бергер не хочет, чтобы она оставалась в этом раю для беглецов и эмигрантов, где численность отморозков выше средней по Земле и где ее могут захватить. Но если люди Бергера ликвидировали одного человека, то почему они должны этим ограничиться?

— Обсудим условия,— сказала Риз.— «Слепящие солнца», я думаю, в состоянии предложить мне достойный гонорар.

Во время допроса полицейские Рэма забили какую-то женщину до смерти. Кен не отрывался от клавиатуры, он описывал этот факт и делал подборку мнений по поводу — короче, извлекал из очередной смерти максимум пользы для революции. Риз шагала взад-вперед по комнате, глядя на висевшие клочьями обои, и жевала мясо по-монгольски из картонного контейнера. Под окном пьяный потомок Золотой Орды пел печальную песню, обращаясь к Луне. За-

быв слова, он то и дело начинал сначала, и это бормотание действовало Риз на нервы.

— Лучше бы Чини тебе прилично платил.

— Он платит, сколько может.— Пальцы Кена летали по клавиатуре.— Сначала деньги нужно отмыть, так что он должен действовать осторожно.

— А когда все закончится, что тогда? Тебе ведь в будущем не обещают никакой должности.

Кен пожал плечами:

— Почему они должны обещать? «Принц» вправе пригласить любого экономиста.

— И охраны у тебя нет. А что, если Рэм прикажет ликвидировать тебя?

— Ему нужен живой козел отпущения, а не мертвый мученик.— Кен нахмурился, продолжая печатать.— У нас, знаешь ли, нет особых тайн друг от друга. Рэм осведомлен о наших силах и планах. Мы все знаем о нем. На борту станции не так много места, чтобы спрятаться друг от друга.

Узбек снова затянул свою песню. Риз стиснула зубы. Она положила руку Кену на плечо и сказала:

— Завтра я улетаю.

Он откинул голову назад и удивленно посмотрел на нее. Его пальцы замерли на клавиатуре.

— Что случилось?

— Ничего. Я нашла работу.

— Сказать какую ты, естественно, не можешь.

— Не могу. Скажу только, что я работаю не на Рэма. Если тебя это интересует.

Он положил на ее руку свою.

— Я буду скучать.

Риз поставила контейнер с мясом на монитор. Деревянные палочки торчали в разные стороны, как усики антенны.

— До вылета еще двенадцать часов.

Кен выключил компьютер.

— Остальное отправлю завтра,— сказал он.

— А как же революция? — удивилась Риз.

Он пожал плечами и поцеловал ее в запястье.

— Иногда я чувствую себя ненужным. Революция все равно неизбежна.

— Как хорошо, что иногда этот человек может повернуть идеологию в своих интересах.

На улице узбек все так же выл, словно собака на луну.

Старый космический буксир назывался «Стайер». Ему было лет тридцать, не меньше. Обивка на переборках заклеена серебряной лентой, из смотровых люков свисают пучки проводов. Риз достаточно полетала на подобных кораблях, и поэтому неказистость ее не смущала. Просто здесь не заботятся о внешнем лоске — он нужен, только чтобы производить впечатление на пассажиров. Воняло, как от дивизии взмокших мужиков, хотя на борту находилось всего четыре человека.

Бергер познакомил Риз с тремя членами экипажа и ушел, на прощание весело помахав через плечо. Еще четыре минуты — и «Стайер» покинул чартерный космодром. Непрерывно набирая скорость, он начал свой дальний путь до пункта назначения.

Риз наблюдала за стартом из бронированной кабины, сидя в кресле второго пилота. Капитан выполнял все маневры с закрытыми глазами, не глядя на залитую огнями поверхность космодрома. Реальность через трэд интерфейса отображалась непосредственно в мозг, веки капитана рефлексивно подрагивали, когда он сканировал на внутреннем экране показания датчиков.

Капитана корабля звали Фолкленд. Ему было около пятидесяти, ветеран войны с ИИ, которая состоялась пятнадцать лет назад. Тогда он сделал все возможное, чтобы прикончить Риз в туннелях Архангела. Химическая атака вывела из строя его моторные рефлексы, и с тех пор он вынужден носить наружный скелет из легкого сплава серебра. К счастью, его мозг и трэд интерфейса не пострадали. У него была седая борода, а волосы спускались до плеч.

— Приготовьтесь к ускорению,— предупредил капитан по-прежнему с закрытыми глазами.— В ближайшие шесть часов перегрузка составит два g.

Риз взглянула на унылую серую земную Луну, которая разрослась так, что закрыла почти все небо.

— Хорошо,— ответила она.— Бутылка для мочи у меня под рукой.

Мочевой пузырь плохо реагирует на большие перегрузки.

После длительного разгона «Стайер» перешел на постоянное ускорение в один g. Фолкленд сидел, пристегнутый ремнями, его глазные яблоки продолжали двигаться, сканируя внутренние картины, как в стадии быстрого сна. Риз отстегнула ремни, потянулась, чтобы размять затекшие мышцы, и, все еще чувствуя напряжение в позвоночнике и шее, спустилась вниз.

Фолкленд не произнес ни слова.

В отсеке экипажа пахло свежей краской. Там Риз встретила бортинженера, крошечного человечка по имени Чан. Он хлопотал возле пожарной сигнализации. Его голова подергивалась в такт музыке, которая подавалась непосредственно на слуховые нервы. Он был фанатиком движения технофилов и постепенно, кусочек за кусочком, превращал свое тело в машину. Глаза — имплантаты, снаружи видна серебристая печатная плата. Вместо ушей — черные коробочки, и еще две коробочки непонятного назначения — на бритом черепе. Зубы металлические. Руки и щеки украшены, как татуировками, жидкокристаллическими узорами, которые подпитываются энергией от нервной системы. Когда Бергер их знакомил, Чан не сказал ни слова, просто взглянул на Риз и отвернулся к своим железкам.

На этот раз он что-то произнес. Голос у него был хриплый, как у человека, который редко им пользуется.

— Он внизу. В грузовом отсеке В.

— Спасибо,— ответила Риз.— Хорошие имплантаты.

— Лучше не бывает. Сам делал.

— Разве ты не должен контролировать разгон?

— Я все контролирую.— Он указал на одну из своих коробочек.

— Здорово!

Ей всегда казалось, что у нее есть что-то общее с ненормальными чудаками.

Викерс, как и обещал Чан, находился в грузовом отсеке В. Он был оружейником Риз. Бергер нанял его с единственной целью — обеспечить техническое обслуживание боевого скафандра, в который Риз должна облачиться перед выходом на поверхность астероида. Викерс был совсем

мальчишка, лет восемнадцати. Худой, с коротко подстриженными темными волосами и сильной угревой сыпью на лице. Одет в замасленный комбинезон. Он заикался. Когда Риз вошла, Викерс распаковывал детали скафандра. Она помогла ему разложить костюм на полу. Викерс широко улыбнулся.

— «Во-во-волк 17»! — проговорил он с южноамериканским акцентом.— Мой любимый! С ним ты по какой хошь за-за-заднице накостыляешь. Он чу-чу-чуть ли не сам может делать всю ра-ра-работу!

Скафандр был черного цвета, с длинными рукавами, антропоидной формы. Шлем с рогами радиоантенн бесшовно приварен к плечам. Когда Риз влезла в скафандр, ее руки, ноги, туловище плотно охватила сложная паутина проводов: благодаря им костюм усиливал каждое ее движение. Оказалось, передвигаться в нем не очень удобно: Риз потребовалось время, чтобы освоиться с новыми ощущениями.

— Во зараза, какая махина! — одобрительно приговаривал Викерс.

Риз не отвечала.

Смотровое стекло на шлеме скафандра поблескивало в холодном свете отсека. «Волк 17» был сконструирован сугубо функционально, и это внушало особый страх: при первом же взгляде на него становилось ясно, что перед вами машина для убийства, и ничего больше. На матово-черной поверхности скафандра сияла белая эмблема фирмы. Риз подавила воспоминание, пробуждающее страх: именно фирма «Волк» изготовила тех кибердронов, которые охотились за ней в туннеле на Архангеле. От скафандра исходил запах, который она предпочла бы больше никогда не встречать.

— Я хочу изучить инструкцию,— сказала Риз.— И схемы.

Если отныне ее жизнь зависит от этого монстра, то нужно знать о нем все.

Викерс успокаивающе посмотрел на нее.

— Они на трэде в м-м-моем шкафу. Да ладно, скафандр, в общем-то, ст-ст-стандартный. Только в систему це-целеуказания вшит кли-кли-клиентский трэд. Бергер вс-вс-

вставил кое-какую рутину для ид-ид-идентификации цели, чтобы по-по-помочь тебе.

От смазки, проводов и многослойной брони «Волка» исходил знакомый запах и проникал в ноздри Риз. Ей с трудом удалось подавить дрожь.

Викерс продолжал восхищаться «Волком».

— Ах ты, сукин сын, какая махина!

Когда разговаривал с машинами, он переставал заикаться.

Риз и «Волк» двигались в пустоте, как одно целое. Индикаторы системы целеуказания на внутренней поверхности лицевой панели горели желтым цветом. Поверхность астероида поблескивала — незаходящее солнце отражалось в пластах слюды и никеля.

«Невозможно сделать так, чтобы они не заметили вашего приближения,— говорил ей Бергер.— Мы стабилизировали спин этого осколка, поэтому попытайтесь приземлиться в слепой зоне. Но у них хватит ума повсюду наставить датчиков. Вряд ли тебе удастся подобраться к ним незамеченной. Поэтому ты должна быть неуязвимой. Так что наша задача — как можно лучше вооружить и защитить тебя».

Прекрасно, думала Риз. Значит, теперь эти ребята, и наши, и инопланетяне, собрались там в переходном шлюзе с оружием, которое смастерили сами, держат его на изготовку и поджидают гостей. Одна надежда — они не готовы к встрече с «Волком».

Казалось, что циркулирующий воздух в маленьком пространстве под шлемом шипит чересчур громко. Риз чувствовала, как покрывается потом кожа под сбруей «Волка». Стабилизирующие реактивные двигатели выравнивали ее положение в пространстве и позволяли перемещаться над самой поверхностью. С мониторов скафандра, через шину интерфейса, проецировался сложный многомерный узор, и яркие колонки символов вспыхивали в зрительных центрах ее мозга. Она следила за маленькими зелеными индикаторами — пока они зеленые, беспокоиться не о чем.

Объект внезапно всплыл над горизонтом — сверкающее серебром скопление развернутых в разные стороны

солнечных батарей, передатчиков, спутниковых тарелок... Среди них торчал транспортный корабль, высланный за персоналом лаборатории, его стыковочный модуль был пристыкован к большому грузовому шлюзу.

Внутрь лаборатории можно было попасть разными способами: либо через шлюзы для персонала, либо через люк транспортного корабля и стыковочный модуль. Так что Риз могла выбирать. На базе девять сотрудников: пятеро землян и четверо силюков.

«Эти спецы из лаборатории, они вполне могут изготовить взрывчатку,— говорил ей Бергер.— Но устроить большой взрыв в шлюзе — значит разгерметизировать всю базу. А чтобы поднять давление, у них не хватит сжатого воздуха. Устроить большой взрыв внутри лаборатории — значит уничтожить всю работу. На это они не пойдут. Как видишь, у них слишком мало места для серьезных действий. Вероятнее всего, они ограничатся серией мелких взрывов, может, воспользуются газом».

База приближалась. Опутанные проводами ноги Риз двигались легко, нервы пришли в состояние боевой готовности. Возникла железная уверенность в своих силах. То состояние, без которого Риз не могла жить.

Возрос расход охладителя — скафандр оказался под лучами солнца. Провода натирали тело. Она думала о взрывах, о газе, вспоминала, как облака отравляющих веществ заполнили туннель на Архангеле, проникли повсюду, и она была вынуждена жить в своем скафандре сутки за сутками. Даже нужду не справить, того и гляди задницу подпалят.

Риз решила воспользоваться малым люком для персонала. Грузовым кораблем эти умники не дорожат и могли заложить в него самодельную взрывчатку. Риз сделала плавный кульбит и ногами вперед приблизилась к ступеньке с липким покрытием, расположенной возле люка номер два. Бергер не хотел допускать разгерметизацию базы — чтобы избежать тревоги среди персонала. Риз наклонилась и нажала кнопку аварийного впуска. К большому ее удивлению, под ногами раздалось жужжание и крышка люка начала отодвигаться. Вообще-то Риз думала, что люк придется вскрывать вручную.

Неужели эти люди так наивны? — недоумевала Риз. Или они подготовили для нее какой-нибудь сюрприз в шлюзе?

— Ты чё, берешь с собой это барахло? — удивился Викерс, когда она засунула под мышку пистолет, а к ноге пристегнула нож.

— Я не хочу полностью зависеть от «Волка»,— пояснила она.— Если его кто-нибудь выведет из строя, я смогу за себя постоять.

Викерс ухмыльнулся:

— Если кто-нибудь сумеет вывести из строя «Волка», то уж тебя-то и подавно.

— Ладно, давай лучше проверь еще раз крепления,— ответила она.

А про себя подумала: потому что вся эта чудо-техника рано или поздно отказывает, потому что подкрепление не пришлют и ей придется рассчитывать только на себя. Потому что, в конце концов, ей не нравится «Волк», не нравится его бесстыдная прямолинейная конструкция, которая ничуть не скрывает, что его единственное назначение — убивать. Даже человек, привыкший воевать, находит эту машину отвратительно-непристойной.

Риз опустилась на колени, отцепила от пояса видеокамеру и просунула в люк, чтобы понять, какая там обстановка, но тут же отпрянула — в нос ударила волна зловония. Шлюз был забит трупами.

Индикаторы ее ментального состояния вздрогнули, когда она усилием воли отдала команду «Волку», и тот, отделившись от ступеньки, вплыл в шлюз. Риз окружили мертвые тела, которые медленно покачивались, как на волнах. Сердце у нее бешено колотилось.

Теперь ясно, что случилось с экипажем транспортного корабля, подумала Риз. Бунтовщики перетащили тела сюда — за неимением лишнего места на базе. Лица у всех серые, черные языки вывалились наружу. Похоже, их отравили, решила Риз.

— Итак, добро пожаловать на Курво Гоулд! — пробормотала Риз и засмеялась. Нервы.

Она нажала кнопку, чтобы закрыть люк, но механизм не сработал. Мертвые глаза равнодушно смотрели, как она

вручную возится с крышкой выходного люка, а потом устанавливает термовзрыватели на замках внутренней двери. Затем Риз опять поднялась наверх — так что антенны «Волка» уперлись в крышку выходного люка. Мертвецы поплыли вслед за ней, слегка задевая конечности «Волка».

Хищная улыбка появилась у Риз на лице. Она задрожала — на этот раз от радости.

«Вот сейчас я до вас доберусь, берегитесь»,— подумала она и послала радиосигнал на детонаторы.

Вспыхнуло яркое пламя, пошел дым, потек расплавленный металл. В шлюз со свистом ворвался воздух. Мгновенно ее обонятельные датчики заполнил запах каленого металла и жареного мяса. Риз чуть не стошнило. Она отдала команду отключить датчики, затем опустилась вниз, к внутренней двери, и дернула ее со всей силы, которую приумножил «Волк».

И тут рвануло прямо у нее под носом. Осколки застучали по скафандру, по стеклу лицевой панели. Риз вместе с мертвецами подбросило вверх и ударило о выходной люк. Кровь стучала в висках. Риз дала «Волку» команду «вниз» и быстро спустилась.

Ее шатало из стороны в сторону. Она никак не могла попасть в проем — ударилась сначала об одну стенку, потом о другую. Зубы стучали. Самодельная бомба, подумала Риз. Банку начинили взрывчаткой, шрапнелью, кусочками металла и проволоки. Скорее всего, взрыватель сработал по команде — следовательно, за ней следят. На внутренней стороне лицевой панели вспыхнули красные индикаторы системы целеуказания. Она повернулась и выстрелила. Вжалась в стену и выстрелила второй раз.

Красные индикаторы погасли — значит, цели поражены. К верхним конечностям «Волка» прикреплены полуавтоматические пистолеты десятого калибра, заряженные отравленными стрелами. В распоряжении Риз имелось кое-что и помощнее — гранатомет на левой нижней конечности, пулемет на правой и газомет на груди, но по плану операции требовалось поразить только живые цели, не повредив ценного лабораторного оборудования и экспериментальных образцов.

В невесомости струйки крови рассыпались на красные шарики. Мужчина и женщина — она держала в руках какое-то странное самодельное оружие, из которого ей так и не довелось выстрелить, медленно отплывали назад. Дюжина отравленных стрел прошила им сердце и легкие. На лицах застыло выражение ужаса, испытанного при виде «Волка». Риз хотела продвинуться вперед, но ее опять швырнуло об стену. Она сообразила, что при взрыве шрапнель повредила один из маневренных двигателей. Оперативный модуль запустил процедуру компенсации, и Риз проскользнула в проем люка мимо убитой пары.

Дальше один за другим следовали совершенно пустые отсеки — комнаты сотрудников лаборатории. Риз не переставала удивляться наивности этих людей. Притаились сразу за внутренней дверью. Не могли же они не понимать, что дверь взорвут,— и даже не позаботились надеть вакуумные скафандры! Да и бомбу надо было подкладывать не со стороны внутренних помещений, а со стороны входного шлюза. Может, они боялись зайти туда, где плавали убитые ими члены экипажа. Эти люди ведь не профессионалы, они просто яйцеголовые умники. Они даже не понимали, во что впутываются, когда подписывали декларацию о независимости от мультикорпорации, которая в самом их существовании не смеет признаться.

Они, конечно, не солдаты, но в каком-то смысле они наемники. К тому же они первыми пошли на убийство — и совершенно сознательно. Ради науки, которой тут занимаются. Риз сжала зубы и подумала: ну до чего же люди, даже самые умные, оказываются идиотами, когда дело касается их жизни.

За жилыми комнатами находился еще один отсек. Риз взорвала замки на переходном люке тем же способом, что и в шлюзе. Прыгнув внутрь, она услышала специфический визг — особый звук, который силюки издают верхней парой ноздрей. Она выстрелила мгновенно, как только увидела двух инопланетян — стремительных, похожих на кентавров. Они погибли, тоже не успев воспользоваться своим оружием. Мелькнуло воспоминание: актер в роли Стюарда расстреливает инопланетян. Идиотское воспоминание.

Она вошла в дверь, помеченную знаком «Осторожно! Биологическая опасность».

Комната была ярко освещена. Стены обиты не пластиком, а металлом. Жужжал мощный кондиционер. Кругом стояли компьютеры. Отовсюду тянулись провода к столитровому аквариуму, в котором плавало что-то похожее на сырое мясо. Чудеса какие-то, подумала Риз. Куски мяса состояли из ячеек, словно соты пчелиного улья, и были пронизаны серебристо-серыми проводами — должно быть, трэдами с переменной решеткой. Гудел двигатель насоса, который прокачивал через аквариум красную жидкость. На экранах мониторов сменяли друг друга графики, в пространстве покачивались голографические схемы.

Чудеса, опять подумала Риз. Биохимия инопланетян.

Риз нашла еще три комнаты, очень похожие на эту. В первых двух никого не было.

В третьей она обнаружила седого изможденного человека. Он с сосредоточенно-мрачным выражением на лице плавал возле аквариума. Он был в вакуумном скафандре, но шлем держал в руке с таким видом, словно ему лень его надевать ради нескольких минут.

Когда Риз вошла, он посмотрел на нее. В его глазах не было страха, только печаль.

Он оттолкнулся и поднялся повыше, к потолку, чтобы пули случайно не разбили стекло аквариума, уничтожив все его труды.

— Вот и конец,— сказал он.— Но это не столь важно.

Риз вспомнила больничную койку, Стюарда, который тоже отдал жизнь за идею, такую же дурацкую, такую же бесполезную, и выпустила в лицо мужчине пучок отравленных стрел.

В следующем отсеке два силюка попытались облить ее кислотой. Жидкость беспомощно пенилась на керамоброне «Волка», пока Риз приканчивала их. Оставалось еще двое землян. Один попытался сдаться, другой спрятаться в туалете. Ни то, ни другое не помогло. Она тщательно обыскала всю базу и, больше никого не найдя, сняла ловушки с люков.

Вдруг сильно разболелась голова. Воздух в скафандре стал душным, пропитанным запахом пота и перегоревше-

го адреналина. Из-за бессмыслицы, ненужности происшедшего Риз охватила глухая тоска. Еще двенадцать трупов, и ради чего?

Оставив тела на месте — за уборку ей никто не заплатит, Риз выбралась через второй люк для персонала и взяла курс на «Стайер». Когда корабль оказался в поле зрения, она настроила на его волну микроволновую антенну и передала условный сигнал успешного завершения операции: «Сообщите в центр — *Ликёр. Вид. Акация*». Эту комбинацию слов Бергер выбрал потому, что их случайное сочетание маловероятно.

Риз приблизилась к центральному люку корабля. Боль сверлила мозг, впивалась в позвоночник. Поскорее бы освободиться от этой мерзкой машины. Дверь люка открылась.

Индикаторы целеуказания на внутренней стороне лицевой панели скафандра загорелись красным. Нервы Риз напряглись, когда правая лапа «Волка», вместе с ее собственной рукой, поднялась. Десятый калибр выстрелил дважды, и Викерса отбросило к противоположной стене. Он ударился об нее и слегка подпрыгнул, уже мертвый.

— Нет! — закричала Риз.

«Волк» рвался вперед. Отшвырнув мертвое тело, он заставил опутанные проводами руки Риз принять боевую позицию. Она попробовала освободить их, но напрасно. Индикаторы целеуказания по-прежнему горели красным. Риз пыталась через трэд интерфейса установить контроль над скафандром, но он не реагировал.

— Спрячьтесь! — орала Риз.— «Волк» взбесился!

Она даже не знала — работает ли связь, слышит ли ее кто-нибудь. «Волк» был оснащен детекторами видимых и инфракрасных лучей, сканерами движения, детекторами запаха, датчиками микроколебаний воздуха, вызванных перемещением человеческого тела. Спрятаться от него в замкнутом пространстве корабля невозможно — рано или поздно все равно найдет.

Сердце Риз стучало, как колокол.

— Наденьте вакуумные скафандры! — приказала она.— Покиньте корабль. Отправляйтесь на базу и переждите там.

Из наружного микрофона раздался голос Чана:

— Да где ты, черт возьми?

По крайней мере, хоть кто-то ее слышит.

— Я двигаюсь по коридору к рубке управления. Черт!

Индикатор показал, что «Волк» уловил движение в кабине пилота — значит, бронированная дверь открыта.

«Волк» настиг Фолкленда в тот самый момент, когда он, покинув кабину, направлялся в сторону люка. Отравленные пули не смогли пробить наружный скелет, поэтому «Волк» набросился на пилота сзади. Риз чувствовала, как ее левая рука обвила затылок Фолкленда, а правая замахнулась для удара. Фолкленд кричал, вырывался из объятий «Волка».

— Это не я! — отчаянно заорала Риз — ей хотелось, чтобы Фолкленд это знал,— и закрыла глаза.

Ее правая рука замахнулась и опустилась один, второй, третий раз. Когда Риз открыла глаза, лицевая панель скафандра была забрызгана кровью и осколками костей.

— Я пока в коридоре,— крикнула Риз.— Не думаю, что «Волк» знает, где ты.

Чан не ответил. И правильно, подумала Риз. Какой ему смысл отвечать — радиосигнал только поможет «Волку» вычислить его местонахождение. «Волк» добрался до рубки управления, а потом начал методично обыскивать корабль. Риз докладывала обо всех передвижениях в надежде помочь Чану ускользнуть. Но корабль невелик, и эта игра в прятки не может продолжаться долго.

Как там говорил Викерс? «Клиентский трэд. Вшит в систему целеуказания». С его помощью Бергер устроил эту бойню, поняла Риз. Чтобы ликвидировать не только персонал лаборатории, но и всех, кто знал о ее существовании. И вот она рыщет повсюду, заключенная внутрь кибердрона-терминатора, пленница этой омерзительной оболочки. ЛИКёр. ВИД. АкАЦИЯ. Именно этот сигнал перевел «Волка» в автономный режим: ЛИКВИДАЦИЯ. Уничтожение всех, кто знал о существовании лаборатории на астероиде.

На экране вспыхнул очередной индикатор. Эта тварь уловила запах Чана. Риз ничего не могла поделать — только предупредить его, что они приближаются.

Чан, с перекошенным от ярости лицом, возился возле кормового люка — торопился надеть скафандр.

— Стюард! — крикнула Риз.

Десятый калибр дважды грохнул, и «Волк» застыл в боевой стойке. Разом погасли все индикаторы. По инерции он продолжал медленно плыть к люку, ударяясь о стены и отскакивая от них, приближаясь к Чану.

Риз попробовала шевельнуться внутри скафандра, но все его крепления заклинило. Под шлемом было абсолютно тихо, если не считать ударов ее пульса. Она слизнула с верхней губы пот. Он стекал со лба на глаза, на подбородок. Тело Чана опускалось вниз очень медленно — сила тяжести на астероиде была невелика. Капли крови падали вниз, как рубины в замедленной съемке. Сила тяжести не могла одолеть силу поверхностного натяжения, и капли, не растекаясь, так шариками и оставались лежать на палубе.

У Риз замерло сердце, когда она осознала, что шум системы циркуляции воздуха также прекратился. Значит, воздуха у нее нет — только тот, что внутри скафандра, и все.

Ее охватила паника. Она кричала, ей закладывало уши от собственного крика, она пыталась привести в движение мертвые суставы «Волка». Но тот только медленно планировал, его конечности оставались абсолютно неподвижными.

Точно как на Архангеле, подумала Риз. Тогда тоже не на что было надеяться. Впереди ждала только медленная смерть в туннеле, в скафандре, в испарениях собственного страха. Так было угодно ее хозяевам. В душе поднялась волна ярости.

Я же трачу воздух, сказала она себе. Чтобы успокоить бешено стучащее сердце, она два раза глубоко вздохнула, потом задержала свое судорожное дыхание.

Сумасшедшие глаза Чана смотрели на нее с расстояния трех футов. «Волк» отражался в его металлических зубах. Риз стала понемногу двигать руками и ногами, чтобы проверить, нельзя ли ослабить провода.

Под левой подмышкой у нее торчал пистолет. Если бы дотянуться до него правой рукой, может, удалось бы с его помощью выбраться наружу.

Ни малейших шансов.

Но надо же что-то делать. Она стала отводить правую руку назад, преодолевая сопротивление проводов. В глазах потемнело. Руку удалось вытащить из перчатки, но локоть был прочно зафиксирован петлей. Она стала раскачиваться

взад и вперед. Работай медленней, командовала она себе, синхронизируй движения с дыханием, выдохни как следует, чтобы стать меньше. Стюард на ее месте, наверное, вспомнил бы какой-нибудь дзэнский афоризм. У нее свои заклинания, попроще.

«Ты можешь стать меньше, если захочешь,— повторяла она.— Один раз у тебя уже получилось».

Чтобы ослабить петлю, Риз отвела руку назад и локтем уперлась в спину скафандра. Она начала задыхаться. Воздух не может кончиться так быстро, успокоила она себя и постаралась не поддаваться панике. Пот градом стекал по телу. Она пыталась вообразить себя совсем маленькой. Она ощущала, как по венам бежит теплая кровь. «Волк» был насыщен запахом ее страха.

Когда рука оказалась на свободе, Риз вскрикнула — то ли от отчаяния, то ли от счастья. Она протянула руку к левой подмышке, нащупала пистолет. Он был холодным и показался почти невесомым.

Куда же выстрелить? Можно в лицевую панель скафандра, но она слишком близко, к тому же изготовлена из пуленепробиваемого стекла. Пуля просто-напросто срикошетит в голову Риз. «Волк» отличается повышенной прочностью материалов.

Под яростным взглядом мертвого Чана Риз не могла сосредоточиться. Она закрыла глаза и постаралась вспомнить схему устройства «Волка», представить расположение трэда с переменной решеткой, в котором хранятся команды.

Он должен быть сзади, решила она. Внизу к ее позвоночнику примыкал логический трэд, который управлял мощными конечностями «Волка». Если она разрушит этот трэд, может, неподвижные конечности оживут.

Риз так и сяк пристраивала пистолет. Не хватало места, чтобы направить дуло через плечо под нужным углом.

Соленые шарики пота плавали вокруг. Тяжелый воздух не питал, а растравлял легкие. Риз подумала: может, выстрелить в себя. Быстрая смерть от пули лучше медленной от удушья. Она решила действовать по-другому.

Сместилась как можно правее, опустила руку с пистолетом, вывернула и взвела курок. Холодный металл впился

в бок, под самые ребра. Нужно прицелиться поточнее, подумала Риз. Чтобы не пришлось это делать дважды. Она стала вспоминать анатомию. Что она рискует задеть? Почки? Надпочечники?

«Вот теперь я и вправду сыграю в ящик,— подумала она.— Точнее, в скафандр». Она закричала, чтобы прогнать страх, и выстрелила... И снова закричала — уже от боли. Капли пота отскочили от лицевой панели, сброшенные ударной волной, и рассыпались вокруг.

Конечности «Волка» вздрогнули и пришли в движение. Кибердрон присел на пол. Риз не успела толком обрадоваться, потому что снова закричала от боли.

Ей говорили, что человек при ранении не сразу чувствует боль, не в первый же момент. Еще одна ложь, которую придумали господа хозяева.

С миром происходило что-то странное. Он стал вести себя как-то по-другому. Она не сразу поняла, что оглохла от выстрела.

Риз отклонилась назад и втянула в легкие отравленный углекислым газом воздух. Еще немного. Она справится.

Риз удалось просунуть правую руку обратно в рукав скафандра и, орудуя обеими руками — слава богу, сплав, из которого изготовлена броня, был легким,— выбраться наружу. Она доползла до бортового лазарета и вколола себе в бедро хорошую дозу синтетического эндорфина. На переносном рентгеновском аппарате сделала снимок. Вроде бы жизненно важные органы не повреждены, но кто его знает — она ведь не специалист по расшифровке рентгеновских снимков. Сделав кое-как перевязку, она проглотила горсть антибиотиков, и вдруг боль набросилась на нее с новой силой. Все мускулы свело судорогой. Риз скорчилась на полу, боль становилась смертельной. Она сотрясалась от рвотных спазмов. Из глаз брызнули слезы. Даже крикнуть не было сил.

Мучения продолжались целую вечность. День за днем. Накачавшись эндорфинами, Риз перебиралась на базу и перетаскивала из лаборатории на транспортный корабль все, что могла. Потом мочилась кровью и выла от боли. Лихорадка не отпускала. Риз пичкала себя антибиотиками и

снова принималась за работу. Где-то на обочине сознания мелькали люди, силюки, миражи. Временами они начинали разговаривать с ней на незнакомом, очень музыкальном языке.

Взяв транспортный корабль на буксир, Риз запустила двигатели «Стайера» и покинула астероид. Увидев огненные цветы за бортом, она рассмеялась. Струя воздуха в ледяной атмосфере превратилась в белый снег, а в лучах солнца расцвела радугой. Риз ускорялась, пока хватало сил выдерживать перегрузку, потом выключила двигатели.

В ушах у нее постоянно шумело, тело лихорадило. Несколько дней подряд — в том числе и собственный день рождения — Риз провела не двигаясь, страдая от приступов боли и жара и изучая материалы, украденные из лаборатории. Она хотела понять, что стало причиной бунта девяти вполне дрессированных ученых и ради чего они пожертвовали жизнью.

Наконец под натиском антибиотиков лихорадка отступила. Кровь в моче была старой, черной, а не свежей, алой. Риз, кажется, начинала понимать, чем занимались в лаборатории.

Пришла пора подумать о том, где и как ей спрятаться. Ни транспортный корабль, ни буксир не были зарегистрированы на ее имя, так что при ее появлении возникнет много неприятных вопросов. Она подумала, не подделать ли договор купли-продажи. Как-никак изготовление фальшивых документов — ее конек. Риз решила послушать радио с Земли и узнать, не появились ли новые подходящие места для укрытия.

С большим удивлением она узнала, что на «Принце» три дня назад низложен Рэм и новым председателем правления избран Чини. Риз выждала еще пару дней, продолжая изучать материалы из лаборатории, а также пробирки со странными энзимами и образцами модифицированной РНК, которые она хранила в холодильнике. Потом она связалась с «Принцем» и спросила Вивекананду. Ей ответили, что заместитель председателя по системам связи занят.

— Я могу подождать,— ответила она.— Передайте ему, что это Вальдман.

Кен ответил практически сразу.

— Где ты? — спросил он.

— Скоро буду у вас,— ответила Риз.— И кажется, привезу с собой твою архитектуру свободы. Но сначала поговорим о материальной стороне дела.

То, чем занимались в лаборатории, отличалось, конечно, от идей, которыми поделился с ней Кен той промозглой весенней ночью в Узбекистане, но очень перекликалось с ними. Биологи из «Слепящих солнц» и люди с искусственным интеллектом работали над новым способом хранения и передачи информации, быстрым и эффективным, куда более быстрым и эффективным, чем трэд с переменной решеткой. Им удалось создать метод хранения и передачи информации на базе человеческой ДНК.

Подобные попытки предпринимались и раньше. Вот уже целых сто лет люди вносят изменения в собственный генетический код, раскрыты все тайны генных механизмов. И давно уже возникли теории, согласно которым ответ на важнейший вопрос, каковы новые, эффективные способы хранения информации, должна дать генетика. Ведь крошечная молекула ДНК хранит в своих цепочках неизмеримо больше информации, чем любой трэд.

Но до сих пор эти теории не удавалось претворить в практику. Ведь из того, что люди умеют вставлять требуемые гены в цепочку человеческой ДНК, еще не следует, что они способны делать это со скоростью света, с такой же скоростью считывать информацию, записанную в цепочке или изменять ее по своему желанию. Процессы взаимодействия рибосом, передачи РНК и энзимов настолько сложны и связаны между собой, что земным биологам, будь то носители искусственного или естественного интеллекта, не удавалось подчинить их себе при существующем уровне технологии.

Инопланетяне, как выяснилось, имеют более простое генетическое устройство, чем человек. Цепочки ДНК у силюков намного короче человеческих. В них содержится не двести тысяч генов, как у человека, а только половина, и к тому же совершенно отсутствуют повторы и избыточность.

При этом механизм воспроизводства ДНК аналогичен человеческому, только более прозрачен.

Оказалось, что способ воспроизводства ДНК у силюков совместим с генетическим механизмом человека. Процесс передачи РНК у силюков является более быстрым, ясным, управляемым. Теоретически скорость передачи информации является огромной. Цепочка человеческой ДНК в процессе копирования раскручивается со скоростью восемьсот тысяч оборотов в минуту. По сравнению с этим скорость передачи данных с помощью трэда кажется черепашьей.

Если бы удалось овладеть методом управления процессом, появилась бы возможность вставлять информацию в конкретные участки цепочки ДНК. Доминантные гены остаются нетронутыми, а рецессивные гены подвергаются изменению и несут заданную информацию. Ничего нельзя сохранить в тайне, если любой шпион кодирует информацию в генетической карте своего организма. И с другой стороны, никто не сможет разоблачить шпиона, если не знает, каким кодом он пользуется.

Архитектура свободы. Безопасная передача данных.

Конечно, пройдет не один год, прежде чем этот метод станет повседневной реальностью. Биологи, только что приглашенные на станцию «Принц», восстановят работу, проделанную в лаборатории на астероиде, а затем продолжат ее до стадии коммерческого продукта. Станция «Принц» получит новый технологический ресурс, а Риз — новый источник дохода. Она согласилась, чтобы кругленькую сумму ей переводили частями — в расчете на небольшие проценты, которые тем не менее через сорок лет сделают ее миллиардершей. Справедливое вознаграждение за эту услугу, а также за некоторые другие, которые она будет оказывать «Принцу».

Риз смотрела сверху вниз на своего двойника, который лежал на кровати в комнате, где пахло смертью. Глаза близнеца были закрыты, грудь поднималась и опадала под голубой простыней.

Риз снова была блондинкой, ее нос стал чуть прямее, а губы чуть полнее. У нее была новенькая почка и новая

барабанная перепонка. Новые отпечатки пальцев, глаза с новой голубой радужкой. Риз нравился ее новый облик. Ее двойник тоже выглядел прекрасно.

На полу возле кровати распростерлись два тела — мужчина и женщина. Убийцы, подосланные Бергером, чтобы устранить Риз. Они проглотили наживку: пошли по специально оставленному следу и разыскали ее на станции «Принц», а когда проникли в ее квартиру, их пристрелили люди из службы безопасности «Принца», которые скрывались в просторной ванной за спальней. Риз дожидалась, пока все закончится, сидя в соседней комнате. От волнения она сжимала руку Кена, напряженно прислушивалась, не раздастся ли выстрел, и поглядывала, как дышит ее двойник под простыней.

Затем сотрудники службы безопасности подошли к манекену. Они собирались убить его.

Этот двойник был клоном Риз. Точно такие же черты лица, такие же голубые искусственные глаза. Мускулы двойника тренировали электростимулятором, и они стали такими же упругими, как у Риз. Даже в лодыжку двойнику вставили металлическую спицу, как у Риз. Единственное различие между ними — та была идиоткой. Ее мозг не содержал разума Риз.

Замысел заключался в том, чтобы инсценировать взаимное убийство киллеров и Риз. Риз взглянула на своего двойника, и губы у нее пересохли. Сотрудники службы безопасности, бесшумно передвигаясь по комнате, старались придать мизансцене правдоподобие. У Риз в глазах вспыхнула злоба.

Она выхватила пистолет из руки киллера и прицелилась.

Она ведь туннельная крыса, черт подери. Животное, трусливое и подлое. Иногда следует себе об этом напоминать.

— Ничего, это же не убийство.— Кен хотел поддержать ее.

— Знаю,— ответила Риз.

Она подняла пневматический пистолет повыше — идеальное оружие убийцы, стреляет отравленными стрелами — и бесшумно всадила стрелу в бедро манекена. Потом она закрыла глаза — чтобы не видеть агонии этого существа. И увидела Стюарда, увидела, как он молча умирал на больничной койке. Все затопила черная тоска. Она открыла глаза и посмотрела на Кена.

— Живучая тварь,— сказала она.

Кен кивнул.

— Я не этого клона имею в виду.— По телу Риз пробежала холодная дрожь.

Через потайную дверь она вышла в соседнюю квартиру. Сумка уже упакована, удостоверение и паспорт готовы. Как-никак подделка документов — ее конек. Да еще убийство беззащитных людей. Группы обслуживаются со скидкой.

Она хочет поселиться на берегу океана. Новая Зеландия — вполне подходящее место. Сейчас там как раз начинается весна.

— Ты вернешься? — спросил Кен.

— Может быть. Ну, а пока ты знаешь, куда посылать деньги.

Боль в глазах Кена. Боль была и в глазах Стюарда. Привязанность — это слабость, это уязвимость. Риз представила Улицу, где люди пересекаются, расстаются, умирают, и все это молча, в одиночку. На «Принце» она не будет в безопасности, да и участвовать в революции Кена она не сможет. Ей слишком ясно, во что превратится эта революция, как только они овладеют уникальной технологией. И во что превратится Кен.

Риз повесила сумку на плечо. Ее руки слегка дрожали. По венам текла не кровь, а черная тоска. Ей уже тридцать семь, подумала она. В этом возрасте не всякими играми стоит увлекаться.

Пора выйти из игры.

— Ну что ж, осваивай свою новую архитектуру,— сказала она и закрыла за собой дверь.

И так она слишком долго тут задержалась. Тут просто чертовски тесно. Как и во всех прочих местах, где она бывала. Она хочет туда, где морской воздух, где ветер, где сменяют друг друга времена года.

Она хочет, чтобы мир снова стал большим.

К. Дж. Черри

К. Дж. Черри — создатель серии многочисленных произведений, посвященных истории будущего, в которой главную роль играет Союз-Альянс. По сути, это хроника хитросплетений межгалактической торговли и политики на протяжении нескольких тысячелетий. В серию среди прочих произведений входят романы, получившие премию «Хьюго»,— «Последняя база» и «Сытин». Превознесенная критиками за изобретательную экстраполяцию развития наук о человеческом индивиде и социуме, а также искусное сплетение технологии и человеческого фактора, серия включает в себя несколько популярных подсерий, таких как «Трилогия Угасающего Солнца» и «Шанур» («Гордость Шанур», «Выбор Шанур», «Испытание Шанур» и др.). Недавняя серия из четырех романов — «Чужеземец», «Пришелец», «Наследник», «Предтеча» — заслужила одобрение критики за подробное описание того, какие культурные и расовые противоречия нужно преодолеть колонистам-землянам, чтобы создать хрупкий союз с обитателями чужой планеты. В жанре героической фэнтези Черри является автором четырехтомных «Хроник Моргейн» и эпических романов в жанре «Меча и магии» о Галисине («Крепость в центре Времени», «Крепость Орлов», «Крепость Сов»). Также она создатель межавторской серии «Меровингские ночи» и один из создателей многотомного межавторского сериала «Герои в Аду».

Козел отпущения

I

Де Франко сидит за столом напротив эльфа и на миг вдруг погружается в сон — не в настоящий сон, в недавнее прошлое: все составляющие сна, что окружают его сейчас, чуть менее отчетливы, чем когда все это происходило, поскольку они были пропущены через человеческие глаза и человеческие уши, а человек замечает куда больше и многим меньше, чем происходит в мире на самом деле...

...земная твердь вспухает с зубодробительным грохотом, земля водопадом обрушивается вниз, снова и снова, и Де Франко с трудом поднимается на колени; комья с лязгом отскакивают от его брони. Быть может, то место, куда он стремится, через мгновение превратится в воронку, быть может, в тот же самый миг станет воронкой то место, где он стоит сейчас. Задумываться об этом некогда. Есть всего один способ выбраться с этого предательского склона — идти вперед, не останавливаться. Де Франко корежится и корчится под тяжестью брони, на миг ослепнув, когда система дыхания не справляется с подачей воздуха, но горло у него уже дерет от переизбытка кислорода за три дня на поверхности. Черт бы побрал это снаряжение, которое докучает ему гораздо изощреннее, чем неприятель, на этом последнем, затяжном переходе в безопасность подземных тунелей...

Он возвращался домой, Джон Де Франко, если только дом все еще был на месте и снаряды, смявшие в этом секторе их защиту, не ликвидировали ее повсюду и не разгромили их базу в пух и прах.

Эльфы наконец-то пронюхали, где уязвимое место у этой системы вооружений, вот что, и Де Франко клял их на чем свет стоит, а пот заливал глаза, и кислородная смесь щипала горло и ударяла в голову не хуже вина. Здесь и там снаряды сотрясали воздух, землю и его кости, и в который уже раз силой взрывной волны его подбрасывало в воздух и шарахало о перепаханную землю, ушибленного и помятого (и если бы не броня, быть ему мертвым и нашпигованным шрапнелью). И немедленно деревянные и металлические обломки начинали со звоном отскакивать, а следом за ними под воздействием силы тяжести барабанной дробью обрушивались комья земли вперемешку с камнями и глыбами побольше.

А потом, не попав непосредственно в зону обстрела и не погибнув, он вновь отдирал от земли свое покрытое испариной человеческое тело, перенося тяжесть брони на гидравлические сочленения и отчаянно заставляя пятьдесят кило неподатливой керамики и механизмов и девяносто кило дрожащей человеческой плоти пуститься валким, обессиленным бегом.

Бежал, падал, снова бежал и сбивался на шаг, когда головокружение становилось совсем невыносимым, и даже не тратил время на то, чтобы уворачиваться.

Но в какой-то миг толчки прекратились, и вызванное обстрелом землетрясение кончилось, и Де Франко, пробиравшегося по изрытому воронками склону, ошеломила тишина. Его нетвердая поступь замедлилась, и он, неуклюже затоптавшись в броне, обернулся назад. Вся задымленная ложбина промелькнула перед забралом шлема, озаренная призрачной зеленой индикационной сеткой, которая бешено мерцала и говорила ему, что его глаза мечутся в панике, пытаясь охватить больше, чем ему нужно. Он испугался, что оглох, так сильно ударила эта тишина по его истерзанным ушам. Он слышал гудение вентиляторов в шлеме и броне, но этот звук преследовал его повсюду, даже по ночам снился, так что, возможно, он звучит у него в голове, а не в ушах. Он грохнул затылком по керамической стенке шлема и услышал глухой стук, хотя и отдаленный. Значит, со слухом все в порядке. Лишь дым да изрешеченный воронками унылый пейзаж напоминали об обстреле.

И внезапно один из призрачно-зеленых показателей скакнул и превратился в тройку нулей, и цифры замелькали, так что он неуклюже развернулся и запрокинул голову, щиток шлема приглушал небо все в сполохах и черных провалах. Цифры добежали до критического значения, и он снова развернулся и взглянул на равнину — зазвучали первые разрывы, снова повалил дым.

Он стоял на вершине холма и смотрел, как удары с воздуха, которые он вызвал полвечности назад, перепахивают ложбину вдоль и поперек. Он знал разрушительную силу лучей и снарядов. И его первой и мгновенной мыслью было: не будет больше проникновений за экран, и человеческие жизни спасены. Он сумел переиграть хаос и искупил собственную ошибку — заплутав, он случайно оказался чуть ли не в самом центре вражеской диспозиции.

А следом за этой мыслью, тесня торжество, пришла вторая: что в этом мире и без того уже слишком много шума, слишком много смерти, чересчур много, и ему захотелось расплакаться от облегчения и страха, что он все еще жив и здоров. Хорошенькое дельце. Разведчик с базы отыскал вражескую огневую точку, но угодил в ловушку, и теперь вся авиация вынуждена вытаскивать его из-под огня, угрохивая снарядов на миллион кредитов и уничтожая чужого добра на добрых десяток миллиардов.

Молодчина, Де Франко.

Его пробрала дрожь. Он развернулся спиной к полю боя, включил локатор и зашагал, медленно-медленно, нога за ногу, и если бы он то и дело не останавливался передохнуть, замыкая сочленения скафандра, то непременно упал бы. А так — шагал с открытым ртом и гремящим в ушах шумом собственного дыхания. Он шагал, слепо, потеряв ориентацию, пока с базы не засекли сигнал его локатора и не указали Потерянному Мальчику, которого уже и не чаяли увидеть, дорогу домой.

— Тогда вы нанесли нам огромный урон,— говорит эльф.— Это была последняя попытка, которую мы могли предпринять, и мы понимали, что вы уничтожите последние наши орудия. Но также мы знали, что вы сделаете это быстро, а потом остановитесь. Мы научились полагаться на ваши обычаи, даже если не понимали их. Когда начался обстрел, башни пали и больше тысячи наших полегло в городе.

— Но вы продолжаете наступать.

— И будем продолжать. Пока все не кончится или пока мы не погибнем.

Де Франко мгновение смотрит на эльфа. Комнатушка — тесное и стерильное помещение без каких-либо следов ее обитателя, но со всеми едва уловимыми признаками человечности. Спокойная спальня, обставленная в приглушенных желтых и зеленых тонах. Стол. Два стула. Нетронутая постель. Они часами сидят друг напротив друга за этим столом. Всякие теоретические вопросы уже тысячу раз обсуждены, и теперь настало время думать только о недавнем прошлом. И сам Де Франко понимает, что снова запутался в эльфийском мышлении. Оно так и остается тайной за семью печатями. Содержащиеся между строк намеки и предположения абсолютно не человеческие, хотя человеческим языком эльф владеет в совершенстве.

В конце концов, сраженный алогичной логикой:

— Я вернулся на свою базу,— говорит Де Франко.— Я вызвал огонь на себя, но я точно знал, что бомбежка прекратилась. Мы уцелели. Для нас это было самым главным. Ничего личного.

Его ждали ванна, еда и трехдневная доза виски плюс маленькая добавка. Командование выдавало виски в знак особой признательности и как средство, чтобы сберечь рассудок, а ограниченные запасы алкоголя заставляли гарнизоны экономить его и отмерять с точностью до миллиграмма. Он залпом выпил свой трехдневный паек и добавочную порцию сразу после того, как отдраил броню и долго-долго нежился под струей из трубы. Он выпил трехдневную дозу виски разом, потому что отходил от трех дней

на поверхности, и он сидел в своем углу в шортах, а армейские сновали вокруг по своим делам, и все они с одного взгляда видели потрясенного человека, который всерьез напивается, и ни у кого из них не хватило грубости или безумия докучать ему — ни поздравлениями с тем, что остался в живых, ни приглашениями в постель, ни случайным взглядом. Армейские не были его подчиненными, он не являлся каким-либо звеном в командной инстанции, которая ими управляла,— так, специальный агент, прикомандированный к здешнему командиру, агент для особых поручений. Он был младший лейтенант Джон Р. Де Франко, если это кого-нибудь волновало. А это не волновало никого вокруг в бункерах. Он был специальный агент и в настоящее время подчинялся приказам капитана, который исполнял обязанности командира на этом отрезке линии фронта, поскольку майора не так давно ухлопали, все ждали пополнений, а высокие чины прохлаждались на орбите, в сухости и безопасности, прикрытые от земли щитами и в тысяче миль над ней.

А Джон Де Франко, специальный агент и ходячая мишень, сохранял свой серебряный значок с эмблемой Земли и Луны, свой голубой берет и полевую форму свернутыми и убранными подальше от сырости в плесененепроницаемую пластиковую сумку, лежащую в ногах койки. Броня же была его рабочей формой, проклятая, чертова броня, которая до крови натирала ему в каком-нибудь новом месте всякий раз, как он перенастраивал ее. И вот он сидел в шортах и пил: первый стакан залпом, следующий за ним, следующий и еще следующий медленными глотками, и моргал иногда, когда вспоминал.

Военнослужащие, мужчины и женщины, расхаживали по подземным баракам, в своих шортах и футболках похожие на призраков в хаки, чей пол не имел никакого значения ни для него, ни — даже — для них самих. Когда в койке оказывалось два обитателя, это случалось по дружбе, от скуки или от полного отчаяния; все их разговоры были грубы и становились еще грубее, а в их глазах, когда воцарилась настоящая, на многие дни, скука, был ад, потому что они застряли здесь, в этой глуши, под землей, на

тридцать семь месяцев, объединенные пространством бункера номер 43, а эльфы все еще держались, все так же окопавшись и погибая в немыслимых количествах, но не сдаваясь.

«Добудьте языков»,— приказывал штаб в блаженной простоте; но «языки» кончали с собой. Эльфы могли умереть, просто *захотев* этого.

«Установите контакт,— приказывали в штабе.— Заставьте их слушать» — имея в виду все изощренные средства, доступные представителям человечества, но им ничего не удалось за долгие годы в космосе, и на поверхности планеты успех обещал быть не больше. Говорить с эльфами значило приблизиться к ним в каких-нибудь механизмах, машинах, ну, или же во плоти. А эльфы радостно палили по любой цели, до которой могли достать. Двадцать лет назад эльфы подстрелили первый же человеческий корабль, на который наткнулись, а потом перебили полторы тысячи мужчин, женщин и детей у Корби-пойнт по причинам, которых так никто и не понял. Они продолжали стрелять по человеческим кораблям и дальше. Сначала были отдельные стычки, а потом разразился масштабный кризис.

Тогда человечество — собственно, все три объединения человечества: Союз, Альянс и далекая, замкнутая на самой себе Земля — постановило: никакие правила, никакая этика не применимы по отношению к виду, который упорно атакует все встречные современные человеческие корабли,— и это при многовековом отставании в технике!

«Мы что, будем ждать, пока они доберутся до передовых технологий? — весьма разумно спросила Земля.— Или пока они не нападут на какую-нибудь планету?»

Земля была маниакально озабочена подобными вещами, убеждена в собственной наивысшей святости и важности для Вселенной. Этакая колыбель человечества. Союз беспокоило другое — например, нарушение порядка, или как бы колонии не вышли из повиновения, пока он будет занят иными делами. Союз настаивал на быстроте, Земля желала заняться своими собственными запутанными делами, а Альянс жаждал территорий, предпочитая торопиться медленно и не создавать долговременных проблем у себя

на задворках. Поговаривали и еще кое о чем: о том, что Альянсом манипулировала какая-то иная сторона — не эльфы, а кто-то другой. Серьезная причина для беспокойства. По крайней мере точно можно было сказать одно: эту войну навязывали, подталкивали и нагнетали, а эльфы давали отпор. Эльфы гибли и гибли, их корабли не могли тягаться с человеческими, с тех пор как люди всерьез занялись решением проблемы и перекрыли прыжковые станции, через которые эльфы попадали в занятые людьми сектора космоса. Но эльфы так и не сдались и не прекратили попыток.

«Ну и что нам делать?» — задалось коллективным риторическим вопросом объединенное командование, ибо они вели кровавую и неаппетитную резню против неколебимо стойкого и проигрывающего им в снаряжении противника. А кроме того, Союз и Земля с пеной у ртов требовали быстрого решения. Хотя Союз, по своему обыкновению, выступал, так сказать, «с прицелом на будущее», и по этому вопросу, единственному из всех, разногласий не возникло.

«Если мы уничтожим все до единого корабли, которые эльфы присылают сюда, и они отступят,— спрашивал Союз,— сколько времени пройдет, прежде чем они вновь нападут на нас с более современным оружием? Мы имеем дело с ненормальными».

«Покажите им, где раки зимуют,— сразу отреагировал штаб, посылая приказ армии.— Выбейте их из нашего сектора космоса и перенесите войну на их территории. Мы должны показать им, кто есть кто,— или столкнемся с нежелательными последствиями в будущем».

Двадцать лет назад. Человечество недооценило упорство эльфов. Отдаленная от космических трасс и ограниченная рамками одной-единственной планеты, война превратилась в локальную неприятность; Альянс до сих пор вкладывал в нее деньги и войска, Союз все еще в определенной мере оказывал содействие. А Земля поставляла авантюристов и рекрутов, которые зачастую бывали еще безумнее эльфов.

Так семнадцать лет все тянулось и тянулось, и эльфы все гибли и гибли в своих плохо снаряженных кораблях,

пока объединенное командование не решилось на более суровые меры. Был отдан приказ быстренько нейтрализовать жалкую висящую на орбите космическую станцию эльфов, сбросить десант, собственно, на планету и огородить человеческие базы противоракетными экранами, чтобы перейти к ограниченной планетарной войне. И война вступила в новую фазу — эльфийские вооружения мало-помалу становились все проще и примитивнее, а человеческие войска пили свои отмеренные с точностью до грамма порции виски и медленно, но верно сходили с ума.

Но люди, тесно связанные с эльфийской войной, приспособились — на свой чисто человеческий, сумасшедший лад. Далеко за линией фронта, которая протянулась через родную планету эльфов, люди обустроились, возвели постоянные сооружения, и ученые принялись изучать эльфов и находящиеся под угрозой исчезновения флору и фауну прекрасного мира земного типа. А бомбежки все продолжались и продолжались, и этот клубок запутывался все больше и больше, потому что ни эльфы, ни люди не знали, как положить этому конец, или не знали своего врага настолько хорошо, чтобы его победить. Или выяснить, чего же хочет противная сторона. И война все тянулась и тянулась — поскольку в компьютерах и в документах эльфийских населенных пунктов до сих пор хранились чертежи звездолетов, которые могут быть построены, если человечество выведет свои войска. А еще она тянулась потому, что ни один враг, который вынес то, что за все это время вынесли эльфы, никогда не забудет, никогда подобного не простит.

Переговоров не вели. Однажды, всего однажды, люди попытались приблизиться к одному из немногочисленных нейтральных поселений, чтобы вступить в переговоры, и оно вмиг присоединилось к войне. Так что, несмотря на все исследования и все усилия, люди жили на планете эльфов и понятия не имели ни как зовут населяющую эту планету расу, ни каково настоящее имя их планеты, потому что проклятые эльфы своими же руками подорвали собственную космическую станцию и уничтожили на ней все записи, все до одного документы, точно так же как уничтожали любую деревушку, готовую пасть, и сжигали каждый документ и каждый предмет. Эльфы гибли, гибли и гибли, а порой (хотя в последнее время нечасто) прихватывали с собой и людей, как в тот раз, когда они еще выходили в космос,— тогда они обстреляли базу на Тайконе метеоритами, разогнанными до $^3/_4$ скорости света, и разнесли ее в пух и прах. Тридцать тысяч погибших — и даже клочков не осталось.

Именно после того инцидента объединенное командование отдало приказ изгнать эльфов из космоса.

И теперь люди осаждали города, которые совершенно не собирались брать, взрывали дороги, уничтожали все эльфийские самолеты, забрасывали сельскохозяйственные посадки безъядерными бомбами и снарядами, стараясь не погубить планету безвозвратно и надеясь в конце-то концов взять эльфов измором. Но эльфы в отместку применяли газ и химикаты, от использования которых человечество отказалось. Люди перекрыли все подъездные пути, но эльфы все равно ухитрялись откуда-то добывать средства и прорывать защиту из здешней базы, как будто запасы у них были неиссякаемы, они сами не умирали с голоду, а планета оставалась такой же зеленой и невредимой.

Де Франко пил и пил с размеренной неторопливостью, глядя, как вокруг него в медленном танце своих забот снуют военные. Они были неплохие ребята, эта Восьмая команда «Дельта». Они исправно исполняли все то, что военным полагалось делать на этой войне, то есть удерживали базу и охраняли безопасность дорог, которыми пользовались люди, строили специальные площадки, куда сверху сбрасывали провиант, и время от времени выходили на поверхность и отдавали свои жизни ради приближения человечества к какой-то цели, которую видело объединенное командование и которая отсюда казалась всего лишь еще одной распаханной снарядами высоткой. Задачей Де Франко было обнаруживать такие высотки. А также захватить языка (постоянный приказ) и раскусить врага, если сможет.

Но главным образом — обнаруживать высотки. Иногда помочь своей части взять какую-нибудь из них. А теперь от него больше не было никакого толку, потому что они

подошли к этому безымянному городу так близко, что надобность в высотках и удобных наблюдательных пунктах отпала, и теперь они выйдут на равнину, и что дальше?

Брать город, дюйм за дюймом, улицу за улицей, и обнаруживать, что каждый чертов эльф, попавшийся им на пути, покончил с собой? С эльфов станется, так что в деревнях к югу отсюда они избавили эльфов от этих трудов и не получили за свою заботу ничего, кроме бесконечной, размеренной резни и гладкокожих трупов, которые привлекали к себе мелких паразитов и громадных крылатых птиц — люди ведь бережно обходятся с местной экологией, выражало надежду Научное бюро в своих бесконечных рапортах плюс в статье какого-то олуха о шансах этих здоровых крылатых тварей выжить в том случае, если доминирующий вид не слишком заботливо к ним относится.

«Или чертовы птицы — кровожадные злыдни почище эльфов?» — размышлял Де Франко в хмельной дымке, зная, что в космосе и в целом мире нет никого кровожаднее эльфов.

Ему довелось видеть одного эльфийского ребенка с другим на руках, и оба были мертвецки мертвы, малыш в объятиях малыша: они умеют любить, черт побери, умеют любить... И он плакал, выбираясь из руин небольшого эльфийского городка, и перед ним одна за другой разворачивались подобные сцены — потому что эльфы сбросили бомбы на свой собственный город и превратили его в пылающий ад.

Но те двое малышей, которые лежали там, не обгорели, и никому не хотелось ни прикасаться к ним, ни смотреть. В конце концов налетели птицы. И солдаты отгоняли их выстрелами, пока командир не положил этому конец как неоправданной жестокости, потому что это было убийство мирной формы жизни, а это — о ужас! — было против правил. Большинство командиров прекращало такое — у людей не выдерживали нервы, потому что птицы все время были тут как тут и всегда выходили победителями, каждый раз. И чертовы птицы, как и чертовы эльфы, появлялись снова и снова, несмотря на то что выстрелы превращали их в клубки перьев. Упрямые, как и эльфы. Сумасшедшие,

как и все остальные на этой планете, люди и эльфы. Это оказалось заразно.

Де Франко обнимал стакан с остатками виски на дне, обнимал его ладонями, которые так одеревенели, что ему приходилось бороться с собой, чтобы не отключиться. Он был тихий пьяница, никогда не устраивал беспорядка. Де Франко аккуратно допил остатки и повалился на бок, обмякший, наподобие трупа, и — большая удача для высотоискателя, в которых высотоберущие и дорожно-строительные служащие нередко видели своих кровных врагов,— какая-то женщина подошла и вынула из занемевших пальцев стакан и прикрыла его одеялом. Они все еще оставались людьми. Старались оставаться.

— Ничего другого не оставалось,— говорит эльф.— Вот почему. Мы знали, что вы подходите, что наше время на исходе.— Длинные белые пальцы касаются столешницы, белый пластиковый стол в ничем не примечательной крохотной спаленке.— Мы гибли в огромных количествах, Де Франко, и вы поступили жестоко, так медленно нам показывая, на что вы способны.

— Мы могли уничтожить вас с самого начала. Вы же знали это.— В голосе Де Франко звенит досада. Мука.— Эльф, неужели ты не в состоянии этого понять?

— Вы всегда давали нам надежду, что мы можем победить. И поэтому мы боролись и боремся до сих пор. Пока не настанет мир. Друг мой.

— Франк, Франк...— послышалось негромко, горячо, и Де Франко очнулся, в темноте, с учащенно бьющимся сердцем, и мгновенно понял, что это Дибс говорит с ним этим негромким голосом и хочет вытащить его из-под одеяла, что означало срочную депешу или, еще хуже, ночную атаку. Но Дибс ухватил его за руки, прежде чем он успел замолотить ими.— Франк, надо убираться отсюда, Джейк и Кэт уже двинули по туннелю наружу, лейтенант отправился к руководству, но руководство на линии, они хотят, чтобы ты вышел, им нужен наводчик на высоте двадцать четыре, бегом.

— Э-э.— Де Франко протер глаза.— Э-э.

Сесть было пыткой. Встать — еще хуже. Шатаясь, он преодолел два шага и снял с вешалки основную оболочку скафандра, костюм номер 12, поганый вонючий скафандр, от которого разило человеком, или грязью, и этим ужасным, приторно сладким моющим средством, которым обработали скафандр перед тем, как сюда повесить. Он прижал к телу нагрудник, и Дибс в тусклом свете единственной лампочки-пятиваттки, которую оставляли гореть на ночь, чтобы в темноте не промахнуться мимо уборной, принялся возиться с застежками.

— Черт, черт, мне нужно...

Он ускользнул от Дибса и направился в туалет, повсюду вокруг уже метались темные силуэты — картина словно из расцвеченного золотом ада. Он набрал полный рот едкой жидкости для полоскания, которая стояла на полке рядом с унитазом, и принялся справлять нужду, а Дибс ухватил его сзади и застегнул крючки с левого бока.

— Черт, отправляй его,— сказал сержант, и Дибс отозвался:

— Да я пытаюсь.

И чьи-то руки затормошили Де Франко, принялись упаковывать его, словно младенца, в скафандр, одну часть за другой, башмаки, штанины, гульфик, рукава, перчатки, брюшной зажим, ранец, блок питания — суставы у него заныли. Он стоял, шатаясь во все стороны, куда его тянули, и, когда Дибс сунул ему шлем, застыл с шлемом в руках.

— Давай, давай,— подгонял его сержант, который имел право отдавать приказы специальному агенту не больше, чем имел возможность летать, но штаб стоял на ушах, там нуждались в его талантах, и Де Франко сквозь пальцы смотрел на то, что армейские им помыкают: это был его личный компромисс с ребятами из армейских, тем более что на всей планете не было ни одного штатского. Тем более что дюжина этих самых ребят полезли за ним однажды в самое пекло, и он этого не забыл. Поэтому он позволил им нагрузить на него оружейный комплект, потом нагнул

голову, дал нахлобучить осточертевший шлем и чуть повернул его, закрепляя и уже удаляясь прочь от освещенной безопасности подземных казарм в длинный туннель, уже шлепая по углублениям в пластиковой решетке, которые не давали тяжелым башмакам увязнуть в грязи.

— Код «ночное видение»,— приказал он скафандру вслух, нетвердо ступая и дрожа от недосыпа, и снаряжение распознало его хриплый голос и показало ему туманное изображение туннеля перед ним.

— Код «идентификация»,— велел он, и скафандр принялся сообщать двум солдатам где-то впереди по ходу туннеля, что он здесь, что он уже в пути.

И снова замелькали индикационные цифры: Кэт отбила подтверждение. «1а-6уg-р30/30» — высветились на щитке шлема призрачные зеленые символы, сообщая ему, что Джейк и Кэт засекли эльфов, засекли при помощи дистанционных датчиков, на которые те наступили, а они сами остаются на месте, не рискуя выдать местоположение туннеля.

Он отключил идентификацию, и Кэт с Джейком отключились тоже.

«Они добрались до нас,— подумал Де Франко.— Чертовы эльфы проникли сквозь наш экран, только на этот раз пешком, и теперь начнется черт знает что...»

Сзади, в казармах, остальные войска, должно быть, так же экипируются и, не в такой спешке, как он, но готовятся к сумасшедшей ночке. Эльфы редко добирались до людских бункеров. Но пытались. А на близком расстоянии они со своим ручным вооружением были смертельно опасны. И потери бывали не только со стороны эльфов, если они подбирались к тебе вплотную.

Под скафандром его прошиб ледяной пот. Голову заломило от жажды мести, скафандр давил на колени и на спину, когда он наклонялся, и вонял дезинфицирующим раствором, запах которого напоминал вонь какого-нибудь дурацкого дерева в каком-нибудь дурацком лесу на планете, давшей начало всем когда-либо жившим людям; он знал это, но запах не дотягивал до духов и не мог заглушить вонь ужаса и туннелей, где гулял холодный сырой ветер,— ска-

фандр впитывал ее, когда не был в режиме автогерметизации.

Он не знал о Земле совсем ничего, лишь смутно вспоминал Пелл, где его выучили и переправили сюда, на планету, которой никто не потрудился дать имя. Эльфляндия, когда штабу приходила охота чудить. Никоганикогдандия, как окрестили ее армейские в честь страны из одной древней сказки, потому что из этой страны солдату никогда уже не возвратиться домой. Была еще песня, и куплетов в ней было столько же, сколько напастей, о том, чего никогда не видать солдату в этой Эльфляндии.

Когда же конец этой войне-то?
Эх-ма, мой друг, никогда.
Когда же корабль с этой планеты?
Эх-ма, мой друг, никогда.

И больше всего у нас времени,
Мы тратим его в никуда,
И больше нам делать нечего
В стране Никоганикогда...

Он напевал ее себе под нос голосом тряским и срывающимся от напряжения. Ему хотелось плакать, как ребенку. Ему хотелось выбранить кого-нибудь за ранний час и свой прерванный отдых. Но больше всего ему хотелось несколько дней затишья на этом фронте, всего несколько дней, чтобы собрать нервы обратно в кучку и чтобы голова перестала болеть...

Бегом, бегом и бегом, в скафандре, который защищает тебя от газа и большинства снарядов, что могут выпустить по тебе эльфы,— большинства, но не всех. Потому что есть сочленения, есть щиток шлема. Потому что эльфы двадцать лет учились тебя убивать. Потому что воздух имеется свойство кончаться, фильтры — садиться, и каждый проход, что выпускает тебя в Эльфляндию,— лазейка, сквозь которую эльфы могут тебя достать.

Входы в туннель, вентиляционные отверстия, силовая установка, обеспечивающая функционирование всей базы и разветвленной системы туннелей.

Солдаты рассредоточиваются, чтобы оборонять эти точки, а ты бежишь и бежишь, запоздало спрашивая себя, зачем солдатам понадобился специальный агент в определенной точке, где туннель ближе всего подходит к эльфам на этой равнине.

Почему я, почему здесь — да потому, дубина, что в штабе хотят получить тщательную рекогносцировку, собственно, ее-то они и хотели, когда в прошлый раз послали тебя туда не знаю куда, за пределы безопасной зоны — причем дважды, и они ждут, что ты снова пойдешь и сделаешь это, потому что в прошлый раз эльфы тебя не ухлопали.

Чтоб им всем пропасть. (С мыслью, что они будут ездить на тебе, пока ты держишься на ногах. А потом — две недели отдыха, и назад, на фронт.)

Тебя подлечат, то есть засунут в полевой госпиталь, там тебе дадут витаминчиков, дважды уколют антибиотиками, скормят пузыречек таблеток — и снова турнут. «У нас есть более тяжелые пациенты»,— скажут на прощание медики.

Более тяжелые есть всегда. Пока ты не сдох.

Де Франко смотрит на эльфа на том конце стола в маленькой комнатке и вспоминает, каково это — запах туннелей, вкус страха.

II

А с бабами как на этой планете?
Не спрашивай лучше, мой друг.
А что мужики на этой планете?
Не знать тебе лучше, мой друг.

— Они послали меня сюда,— говорит эльфу Де Франко: человек мог бы в ответ кивнуть, но у эльфов нет такого обыкновения — эльф смотрит серьезно; они сидят друг напротив друга, сложив руки на столе.

— Вы всегда говорите «они»,— замечает эльф.— Мы говорим: «мы решили». Но у вас все по-иному.

— Может, и в самом деле «мы»,— отвечает Де Франко.— Может, так оно и есть, в конечном итоге. Мы. Но иногда так не кажется.

— Думаю, даже теперь вы не понимаете, почему мы делаем то, что делаем. Я не очень понимаю, зачем ты пришел сюда и почему слушаешь меня, или почему остаешься здесь. Мы и не поймем. Мы двое, думаю, не поймем. Быть может, другие. Ты хочешь того же, чего хочу я. Вот на что я полагаюсь больше всего.

— Ты считаешь, что все получится?

— Для нас — да. Для эльфов. Безусловно. Даже если это обман, все получится.

— А если это не обман...

— Ты можешь сделать его правдой? *Ты* не веришь. Это... мне трудно найти слова — но я тоже этого не понимаю. Что вы чувствуете. Что вы делаете.— Эльф протягивает через стол тонкие белые руки с радужным, как нефтяная пленка на воде, отливом, накрывают смуглые заскорузлые пальцы с обломанными и неровными ногтями (у самого эльфа они отсутствуют).— Это было не твое решение. Не ты решил уничтожить нас до самого сердца, до самого центра. Возможно, ты вообще не по своей воле здесь. У меня к тебе особое чувство, Де Франко. Я испытал это чувство, едва только тебя увидел, я понял: ты — то, что я искал, но тогда я еще не знал, благотворная ли ты сила или губительная. Знал лишь — так, как ты поступил, нас увидев, люди всегда поступали с нами. И я решил, что ты объяснишь мне зачем.

Некоторое время Де Франко то двигался вперед, то сидел на месте, во тьме, в вонючем и жмущем скафандре, а где-то там, через два гребня от него, затаились у входа в туннель двое нервничающих армейских, потея в своих скафандрах с отключенными, как и у него, вентиляторами и насосами — потому что об остром слухе эльфов ходили легенды, а костюмы шумели, и довольно трудно было передвигаться в этом убоище, не устраивая тарарам: кто-то в штабе подозревал, что эльфы могут улавливать перемещающиеся шумы. Или имеют еще какие-то органы чувств.

Но без вентиляторов и насосов та часть скафандра, что ниже шеи, оставалась без охлаждения и нагревалась даже ночью. А перчатки и шлем снимать не разрешалось, таково было правило: ни один эльф ни разу не видел человека живым, за исключением разве что того места, где сидела Восьмая команда «Гамма». Но, возможно, и там не видели. Эльфы, как правило, доводили начатое до конца.

Коленные сочленения у Де Франко сейчас были замкнуты, что давало ему надежную опору для усталых коленей и спины. Он воспользовался этим, чтобы унять дрожь, бившую его не так давно проснувшиеся и трясущиеся от недосыпа члены, прежде чем грохнул скафандром и переполошил всех эльфов на холме. Он выбрал не слишком защищенную позицию: у него не было почти никаких прикрытий, кроме разве что самого холма, а на этих холмах практически не оставалось деревьев, которые пощадили огонь и снаряды. Но зелень все же пробивалась сквозь гарь, и цепочка кустарников тянулась внизу, в долине,— три года назад там проходила дорога эльфов. Его прибор ночного видения сканировал темные очертания зарослей.

Он настороженно остановился, и что-то коснулось его датчиков, какой-то непонятный обрывок звука, и на щитке шлема запульсировали призрачные янтарные символы, череда рябящих точек, вытянутых в том направлении, откуда пришел сигнал. Это не был ветер: встроенный компьютер обнулял белые шумы ветра и скафандра. Лишь аномалии он пропускал и усиливал, и то, что он усилил сейчас, звучало в странно регулярном ритме мотора.

Де Франко приказал разомкнуть коленные сочленения, чуть спустился по склону и направился к следующему, откуда открывался лучший обзор дороги, которая шла с запада. Де Франко двигался осторожно, останавливаясь через произвольные промежутки времени, но не переставая пробираться туда, откуда можно было определить направление. Выходной сигнал у его локатора был по-прежнему отключен. Точно так же поступали на базе и остальные. В штабе понятия не имели, каких высот эльфы достигли в подслушивании и наведении на локаторы и сколько они улавливали при помощи собственных локационных приборов. Ясно было одно: хотя кое-какое эльфийское оружие стало еще более примитивным и сборным, с компьютерной техникой у них был полный порядок.

Де Франко устроился на новом склоне и прислушался, ему страшно хотелось почесать с десяток зудящих мест и очутиться где-нибудь подальше отсюда, в безопасности. С самого начала всей этой операции его не отпускало предчувствие беды: эльфы затеяли нечто такое, чего не делали никогда. Он мог лишь думать о перебитой команде «Гамма» и о том, что творилось в бункере перед тем, как эльфы добрались дотуда, пустили газ и прорвались вниз мимо тех немногих, кто почти успел влезть в скафандры...

Интересно, там тоже был спецагент? Неужели тот, кто отвечал за бункер 35, допустил ошибку и стал причиной их гибели?

Звук двигателя слышался явственно. Де Франко прокрался по склону холма повыше и распластался на земле, животом вжавшись в гребень. Большим пальцем он вставил в щиток увеличительную плату и выставил гибкий объектив портативной камеры над гребнем из тех соображений, что она представляет собой мишень много меньшую и гораздо более предпочтительную, нежели он сам с куда лучшим прибором ночного видения.

Прибор нарисовал зыбкую картину пустой дороги, но звук не прекращался. Он шел издалека, говорили ему его уши и показания приборов, пока что издалека, обгоняя красную кромку сумрачного рассвета, которая вставала над далеким горизонтом и грозила привести за собой день.

Он до сих пор не послал передачу. Приказ был строгим. Придется либо базе оставаться в неведении относительно движущегося по дороге неизвестного транспортного средства, либо ему возвращаться, чтобы доложить об этом лично — и потерять след того, что это было, как раз тогда, когда оно приблизилось настолько, чтобы нанести урон. Черт бы побрал нехватку спецов, которые могли подменять друг друга в горячих точках, и черт бы побрал этих нерасторопных армейских: придется ему делать все одному, принимать решения одному и надеяться, что Джейк и Кэт сделают то, что нужно, на своих местах, а остальные армейские не двинутся с места. И он это ненавидел.

Он осторожно отступил с холма, оставляя его между собой и разрушенной, в оспинах воронок, дорогой, и начал

пробираться к еще одной удобной позиции, ступая так тихо, насколько это под силу человеку в скафандре.

И отчаянно надеясь, что шум двигателя — не ловушка и ничто не движется за ним по пятам. Ко всему прочему эльфы — коварные существа, и потом, они были хитрыми врагами с необычайно острым слухом. Он надеялся, что шум двигателя оглушил их — но ни один эльф не будет настолько глуп, чтобы сунуться на такую дорогу, это ловушка, не может быть, чтобы не ловушка, другому нечему и быть, и он угодит прямиком в нее, если не будет осторожен.

Он устроился плашмя на следующем склоне, выставил змеиную шею камеры, закрепил сочленения скафандра и улегся неподвижно в своем перегретом керамическом панцире, тяжело дыша ртом, обожженным кислородом и виски, моргая от похмельной головной боли, чтобы положить конец всем болезненным ощущениям, которые лишь усиливались от напряженного сосредоточения на мерцающих символах на щитке совсем близко от глаз. Чесался нос. Чесалось где-то за ухом. Он прекратил отмечать места, которые чесались, потому что это сводило его с ума. Вместо этого он моргал и вращал глазами, вызывал показания датчиков пассивных систем и сосредотачивался на них.

Моргнул. Еще раз, еще. Цифры скакнули. Компьютер вывел дальность, получив пассивное эхо, отраженное от какого-то холма, и сверив его с местной топографией, занесенной в его память. Черт! Близко. Компьютер сообщил ему скорость. 40 километров в час; четверка и ноль то и дело мигали, скатываясь на третий десяток. Де Франко затаил дыхание и проверил ручной гранатомет, зарядил комплект бронебойных гранат, тихо, так тихо, как только доступно человеку. Зажим захлопнулся так мягко, как лишь длительная практика позволяет опустить его.

И в конце концов смешной открытый транспорт показался, подскакивая и с ревом лавируя между рытвин, воронок от снарядов и продвигаясь вперед в целом шумно и бестолково. Он ехал достаточно скоро, несмотря на рытвины, и в нем сидели эльфы, четверо, бледные в своих одеяниях, а у одного (или одной?) кожа была с холодным металлическим отливом — у того, что сидел справа от водите-

ля. Машина подпрыгивала, петляла, зигзагами ехала по холмистой дороге, не сбавляя скорости, изо всех сил напрашиваясь на выстрел.

Ловушка?

Самоубийство?

Они были безумны, как безумны могут быть только эльфы, то есть полностью. Они двигались прямиком к подземному бункеру, и, возможно, в этой машине у них был газ, или бомба, или они просто намеревались нарваться на пули, но, что бы ни затевали, эльфы направлялись в точности туда, где могли нанести самый серьезный урон.

Де Франко освободил закрепление своих керамических членов, которые вмиг просели под его весом, пока он не оказался на животе, медленно вскинул ружье и пополз попластунски, на этот раз подняв свою уязвимую голову над гребнем холма. Его трясло и колотило, он полагал, что на месте него в два счета может оказаться воронка, если у них в машине есть гранатомет и он даст им прицелиться.

Но провоцировать и задирать эльфов входило в его обязанности. А эти определенно были ненормальные. Он выстрелил в землю перед машиной, отчасти ожидая, что эльфы немедленно покончат с собой.

Снаряд рванул, машина вильнула и угодила в рытвину. Потом накренилась и остановилась, а он оставался на месте с гулко бухающим сердцем, сам не зная точно, почему выстрелил перед машиной, а не в гущу эльфов, как любой разумный человек вопреки приказам штаба.

Но эльфы вышли из крена, машина остановилась, и, вместо того чтобы немедленно подорваться или схватиться за собственный гранатомет, один из эльфов выскочил через борт, в то время как датчик в шлеме зарегистрировал попытку завести мотор. Чихание, вой. Машина дернулась. Эльфийский водитель лихо развернулся, но тот, который покинул машину, просто стоял на месте — стоял, глядя вверх, с поднятыми над головой руками.

Де Франко лежал на холме; эльфы в машине начали выворачивать из рытвины, в которой застряли, и дернулись спасаться, а вовсе не кончать самоубийством, и тот эльф в одеянии с металлической окантовкой просто стоял, первый

живой пленник, которого люди сумели взять за все время,— стоял и смотрел на него, предлагая себя.

— Чтоб стоял у меня смирно,— рявкнул он на эльфа во внешний переговорник, и подумал о газе и химикатах, и еще подумал, что, если эти эльфы заражены какой-нибудь болезнью, которая передается людям, это способ занести ее, вполне изощренный и сумасшедший для них.

— Человек! — обратился к нему пронзительный голос.— Человек!

Де Франко на мгновение остолбенел. Эльф знал, как к ним обращаться: эльф *говорил*. Эльф стоял, глядя на его освещенный зарею холм, и вдруг ни с того ни с сего все пошло совершенно не так, как было между эльфами и человеческим родом.

Во всяком случае, если такое и случалось прежде, ни один человек не дожил до того, чтобы рассказать об этом.

— Человек! — позвал тот же голос — «челоэк», как произносил это высокий эльфийский голос.

Эльф не кончал с собой. Эльф не выказывал никаких признаков желания сделать это, а Де Франко лежал и дрожал в своем скафандре и испытывал неодолимое желание вытереть нос, до которого он не мог дотянуться, вскочить и дать деру, что было бы глупо. Хуже того, мочевой пузырь внезапно дал ему понять, что он полон. Настойчиво. Заставляя его думать о ерунде, вместо того чтобы пытаться добраться до дома живым.

Заря вставала над равниной, свет заливал ее, такой быстрый на этом расположенном под причудливым углом ландшафте, что казалось, он водой растекается по земле.

А эльф все стоял в разгорающемся свете зари, в котором он был виден так ясно, как Де Франко никогда еще не видел живого врага, прекрасный по-своему, по-эльфийски, не так, как люди, и смотрел, в своих одеяниях похожий на какую-то помесь человека с чем-то веретенообразным — человечьекожую и насекомовидную помесь. Стоящие торчком уши постоянно находились в движении, но большую часть времени были направлены на него. Нервозно.

«Чего он хочет, почему он стоит там, почему они его выпихнули? Мишень? Отвлекающий маневр?»

Эльфийское упрямство. Де Франко ждал и ждал, а солнце всходило, а в это время где-то в туннелях солдаты ломали себе головы и держали свое оружие на изготовку, полные решимости своими телами преградить дорогу газу или тому, что принесли с собой эти психи.

Стало уже достаточно светло, чтобы можно было различить красный цвет одеяний, полоскавшихся на ветру. И достаточно светло, чтобы разглядеть руки эльфа — казалось, они... они, как это ни безумно, связаны.

Светало. Вода стала навязчивой идеей. С похмелья Де Франко мучила жажда, и он разрывался между желанием присосаться к трубке у рта и страхом, что еще одна капля воды в организме — и игнорировать мочевой пузырь станет далее невозможно; и он все думал и думал об этом, потому что ждать было долго, и идти назад тоже долго, и облегчиться за пределы костюма одной рукой было чертовски трудно, а внутрь костюма — чертовски неприятно. Но ему уже было невтерпеж. И в то время как жизнь и смерть качались туда-сюда на весах, его пальцы сжимали гранатомет и он стоял напротив эльфа, который явно что-то затеял, это пустяковое решение было единственным, о чем он мог мыслить ясно; думать об этом было легче, чем о том, что требовалось решить немедля, например о том, что делать и пристрелить ли эльфа прямо сейчас, вопреки всем инструкциям и приказам штаба, потому что ему хотелось выбраться отсюда?

Но он не стал и в конце концов разрешил обе задачи: сделал глоток воды, положил гранатомет на землю, так, чтобы казалось, будто он все так же держит его, исполнил все необходимые манипуляции, чтобы справить нужду за пределы скафандра, и все это лежа плашмя, насколько это вообще было возможно. Потом оправился, взял гранатомет и вздернул себя на ноги под завывание фиксаторов сочленений.

За все это время эльф ни разу не шелохнулся, и Де Франко махнул гранатометом: «Давай сюда»,— не ожидая, что эльф поймет и жест, и окрик. Но эльф двинулся, медленно, как будто холм был совсем его (как это было когда-то) и он был его хозяином. Потом остановился на склоне, на расстоянии вытянутой руки, не далее, и встал со связанными

руками (все-таки он, а не она, решил Де Франко, исходя из роста). Белая кожа эльфа едва не светилась на заре, обнаженная кожа лица и рук на фоне темного, окаймленного металлом багрянца одеяний; его большие глаза были прикованы к Де Франко, уши подергивались и мелко дрожали.

— Я твой пленник,— сказал эльф, просто, как любой человек, и Де Франко застыл, с сердцем, колотящимся о грудную клетку.

— Почему? — спросил Де Франко. Он спятил, он совершенно спятил и уснул где-нибудь на пригорке, или эльфийский газ добрался до него сквозь открытые вентиляционные отверстия — дал маху, не надо было включать открытую циркуляцию, и теперь умирает где-то под кустом, а вовсе не говорит.

Эльф вскинул связанные руки.

— Я пришел сюда, чтобы найти тебя.

Произношение не было безукоризненным. Оно было таким, на какое способен эльфийский язык. В нем таилась музыка. А Де Франко стоял и таращился на него, потом наконец махнул гранатометом на вершину холма.

— Давай,— сказал он,— шагай.

Пленник безропотно зашагал в том направлении, куда указал Де Франко.

— Что я такого сделал, что всегда делают люди? — спрашивает Де Франко эльфа, и в его серьезных глазах цвета моря что-то теплится, меняясь. Возможно, веселье. Или страдание.

— Ты стрелял в нас,— говорит эльф своим мягким певучим голосом.— А потом остановился и не стал убивать меня.

— Это было предупреждение.

— Чтобы мы остановились. Так просто.

— Господи, а вы что подумали?

Что-то снова мелькает в глазах эльфа. В глубине они золотистые и серые. А уши у него нервно подрагивают.

— Де Франко, Де Франко, вы до сих пор не понимаете, почему мы воюем. А я не совсем понимаю, что было у тебя на уме. Ты говоришь мне правду?

— Мы никогда не хотели воевать. Это было предупреждение. Господи, да даже животные понимают, что такое предупредительный выстрел.

Эльф моргает. (А в соседней комнате кто-то ерзает в кресле и клянет собственную слепоту. Агрессия и птицы. Другой тип реакции. У всей экосистемы.)

Эльф разводит руками.

— Я не знаю, что у тебя на уме. Никогда не знал. Что мы можем знать? Что ты оказался там по той же самой причине, что и я? Да?

— Не знаю. Я даже не знаю этого. Мы никогда не желали войны. Хоть это-то ты понимаешь?

— Вы хотели, чтобы мы остановились. Так мы говорили вам то же самое. Мы посылали корабли отстаивать территории, которые принадлежали нам. А вы продолжали прилетать туда.

— Они принадлежали нам.

— Теперь принадлежат.— Лицо у эльфа печальное и застывшее.— Де Франко, произошла ошибка. Наш корабль выстрелил по вашему, и это была ошибка. Может, это я выстрелил. Что творилось в душе у того эльфа? Испугался, когда корабль не улетел прочь? Что творилось в душе у того человека? Испугался, когда мы не улетели? Глупо получилось. Вышла ошибка. Это был наш сектор. Наша...

— Территория. Вы считаете, что она принадлежала вам.

— Мы были там. Мы там были, и прилетел тот корабль. Ладно, меня там не было, я слышал, как все произошло. Перепуганный эльф сделал глупую ошибку. Эльф не ожидал увидеть тот корабль и не захотел бежать и уступить прыжковую станцию. Она была наша. А вы были в ней. Мы хотели, чтобы вы ушли. А вы остались.

— И вы взорвали безоружный корабль.

— Да. Я сделал это. Я уничтожил все остальные. Ты уничтожил наши корабли. Нашу космическую станцию. Ты убил тысячи наших. Я убил тысячи ваших.

— Не я и не ты, эльф. Прошло двадцать лет, тебя не было там, и меня тоже...

— Я это сделал. Я же сказал, я. А ты убил тысячи наших.

— Мы прилетели не затем, чтобы развязать войну. Мы прилетели, чтобы разобраться. Ты понимаешь это?

— Тогда мы еще не были готовы. Теперь все по-иному.

— Господи боже мой, почему вы допустили столько смертей?

— Вы никогда не разбивали нас наголову. Вы поступили жестоко, Де Франко. Не дать нам понять, что мы не можем победить,— это было очень жестоко. Очень коварно. Даже сейчас я страшусь вашей жестокости.

— Неужели вы до сих пор не понимаете?

— А что я должен понять? Что вы гибли тысячами. Что вы ведете затяжную войну. Я думал, ты убьешь меня на холме, по дороге, и когда ты позвал меня, я почувствовал страх и надежду. Надежду, что ты отведешь меня к высшему руководству. Страх — что ж, я из костей и нервов, Де Франко. И я не знал, будешь ли ты жесток.

Эльф шагал и шагал. Как будто вышел на увеселительную прогулку: руки связаны впереди, багряные одеяния золотятся в свете зари. Он не знал устали. У него-то не было тяжелого скафандра, а Де Франко включил режим герметизации и говорил через микрофон, когда нужно было указывать эльфу дорогу.

Бактериологическое оружие?

Может, у этого эльфа в животе бомба?

Но до Де Франко начало доходить, что у него получилось, получилось, после многих лет попыток он захватил пленника, «языка», живого и добровольного, и в животе у него крутило от паники, и колени были ватные.

«Что он затевает, что делает, почему он так идет? Черт! Его же пристрелят на месте, кто-нибудь увидит его впереди и пристрелит, а я не могу нарушить тишину — может, мне так и следует поступить, может, именно так они вторглись на участок команды “Гамма”...»

Пленник, который говорит на языке людей...

— Где ты научился? — спросил он эльфа.— Где ты научился говорить на нашем языке?

Эльф даже не обернулся, даже не остановился.

— От пленного.

— От кого? Он жив?

— Нет.

«Нет».

Тонкий и изящный, как тростник, жгучий, как огонь, и белый, как прибрежный песок.

«Нет».

Как ни в чем не бывало.

Гнев захлестнул Де Франко, ослепляющее желание ткнуть прикладом в эту прямую спину, перепачкать эту скотину в грязи и крови, чтобы на нем не осталось ни чистого, ни живого места, как самом Де Франко; но профессионал в нем тоже вскинул голову, и выжженные холмы один за другим оставались позади, а они все поднимались и спускались, эльф впереди, он сзади.

Пока не приблизились к туннелям и неотвратимой опасности недоразумения.

Он включил идентификатор и локатор, но их датчики должны были засечь и эльфа тоже, и это было нехорошо.

— Это Де Франко,— сказал он в переговорник.— Я веду пленного. Свяжитесь со штабом и дайте мне транспорт.

Молчание на том конце. Он отключил передачу, посчитав, что там поняли.

— Стой,— сказал он во внешний микрофон. И сам остановился, дожидаясь, пока не показались два солдата в скафандрах, осторожно спускающиеся по склону холма оттуда, где не было ни одного входа в туннель.

— Черт,— послышался в наушниках голос Кэт.— Че-е-ерт.

Удивленное.

И Де Франко сперва решил, что это восхищение им и тем, что ему удалось, а потом с досадой понял, что удивление относится к эльфу — человеческая женщина впервые за три года смотрела на самое красивое и чистое существо, и это брезгливая ледышка Кэт, которая спала не со всяким.

Быть может, ее напарник Джейк уловил это, потому что сказал «ха!», совершенно иным тоном, но тихо-тихо, с таким видом смотрел эльф на их безликие лица — как будто ему до сих пор принадлежал весь этот мир и он намеревался вернуть его себе.

— Это Франк,— сказал Джейк в переговорник на волне базы.— Он в порядке, привел одного, живого. Черт, видели бы вы этого поганца.

III

Да где ж генералы на этой войне-то?
Да нет их нигде здесь, мой друг.
И что же нам делать, покуда их нету?
Не спрашивай лучше, мой друг.

— Я тоже боялся,— говорит Де Франко.— Я думал, может, у тебя бомба или еще что. Мы боялись, что ты убьешь себя, если кто-нибудь тебя тронет. Вот почему мы все это время продержали тебя снаружи.

— А-а,— откликается эльф и изящно взмахивает руками.— А-а. Я думал, это чтобы разозлить меня. Как и все остальное, что вы делали. Но ты сидел со мной. И это вселяло надежду. Мне хотелось пить, я надеялся получить питье. В основном об этом и думал.

— Мы слишком много думаем — эльфы и люди. И мы, и вы слишком много думаем. *Господи, да дал бы уж я тебе воды.* Полагаю, никто даже и не подумал об этом.

— Я бы ее не взял.

— Черт подери, почему?

— Только если бы ты тоже выпил. Только если бы ты поделился тем, что у тебя было. Понимаешь?

— Боялся, что отравим?

— Нет.

— То есть просто я должен был ее отдать?

— Поделиться. Да.

— Гордость заела?

И снова эльф касается руки Де Франко, которая лежит на столе,— робкий, деликатный жест. Уши эльфа дергаются, опадают и снова поднимаются, подрагивая.

— На этом мы всегда заходим в тупик. Я все равно не могу понять, почему вы воюете.

— Черт подери, а я не понимаю, почему ты не можешь понять, зачем человек дал бы тебе попить. Не чтобы оскорбить. Не чтобы что-то доказать. Господи боже мой, ты ког-

да-нибудь слышал слово «милосердие»? Вести себя порядочно, чтобы не забыть, к черту, о порядочности и не превратиться в зверей!

Эльф смотрит, долго и серьезно. Его маленький рот знает немного выражений. Он тщательно выговаривает слова.

— Так вот почему вы мурыжили нас так долго? Чтобы показать нам свою сдержанность?

— Нет, черт побери, чтобы сохранить ее. Чтобы найти возможность остановить эту проклятую войну. Это все, чего мы хотели.

— Зачем тогда вы ее начали?

— Чтобы вы не мурыжили нас!

Глаза цвета моря моргают.

— Вот, вот, теперь мы понимаем. Мы одинаковые.

— Но вы не останавливаетесь, черт подери, вы не хотите останавливаться, вы до сих пор не остановились! Ваш народ до сих пор гибнет на фронте, кладет свои жизни без единого шанса на победу. Нет уж. Мы не такие.

— Мы одинаковые в развязывании войны. Но не в ее окончании. Вы воюете годами. Мы быстро показываем, на что мы способны. Тогда обе стороны знают. И мы заключаем мир. Вы показали нам долгую жестокость. И мы не покорились вам. Чего мы могли ожидать?

— Все так просто? — Де Франко начинает дрожать, стискивает руки на столе и склоняется вперед, опираясь на локти.— Вы психи, эльф.

— Анган. Мое личное имя — Анган.

— Добрая сотня ученых бьется над тем, чтобы разрешить, как у вас все происходит, а все вот так просто?

— Вряд ли. Думаю, мы снова зашли в тупик. Но мы подошли совсем близко. По крайней мере, поняли, что произошла ошибка. Это важно. Вот почему я пришел.

Де Франко в отчаянии смотрит на часы, на то, как убегают минуты. Потом прикрывает циферблат рукой и поднимает глаза. В них мука.

— Полковник сказала, что у меня есть три часа. Они уходят. Уходят слишком быстро.

— Да. А мы до сих пор не выяснили почему. Думаю, мы никогда не выясним. Только сейчас ты делишься со мной, Де Франко. Здесь. В наши скудные минуты.

Эльф сидел, сидел смирно, все так же со связанными руками, на голом склоне, потому что исполняющий обязанности командира передал, что ни один эльф не ступит в систему бункеров и никто не дотронется до него, чтобы обыскать.

Но за долгий день солдаты выходили, один за одним, и смотрели на него — один за одним, не жалея усилий, натягивали безликий, неудобный скафандр исключительно ради того, чтобы выйти наружу, стоять и смотреть на то, с чем они воевали все эти годы.

— Черт побери,— вот что говорило большинство из них себе под нос в переговорник, их скафандры его скафандру, «черт побери» или вариации на эту тему.

— Транспорт уже идет,— сказала женщина-лейтенант, когда она вышла наружу и принесла ему его пожитки. Потом, против обыкновения: — Молодчина, Франк.

— Спасибо,— сказал Де Франко, ни на что не претендуя. И сидел спокойно рядом с пленником на голом, изрытом воронками холме у мертвого обугленного дерева.

Не нервируй его, пришел приказ командира. Потакай всячески — ничего не меняй, не угрожай ему и не трогай его.

Только бы не убил себя.

Никто не пришел заявить свои права на эльфа, даже капитан не появился. Но сообщили на базу, и в штаб и выше, Де Франко не сомневался в этом, на корабли, кружащие по орбите, потому что это была лучшая новость, какую фронтовая почта передавала с самого начала войны. Быть может, это мечта покинуть Эльфляндию гнала армейских сюда, на паломничество к этому чуду. А лейтенант ушла, когда вдоволь насмотрелась.

Надежда. Де Франко снова и снова прокручивал все в голове и примерялся, словно к больному зубу языком. Его повысят, снимут с полевой работы. Не будет больше грязи. Не будет больше вылазок вроде вчерашней. Не будет, не

будет, не будет, человек, который раскусил Эльфляндию, расколол ее обитателей и принес ключ — чтобы положить всему этому конец. Навсегда. Победа. Может быть, может быть...

Он смотрел на эльфа, который сидел с прямой спиной и глаза его перебегали с одного на другое, с жалких островков уцелевшей травы под порывами ветра на бег облаков по голубому небу Эльфляндии, на горизонт и на мертвые деревья.

— У тебя есть имя?

Он опасался что-либо спрашивать. Но эльф же говорил прежде.

Тот взглянул на него.

— Саитас,— сказал он.

— Саитас. А я — Де Франко.

Эльф заморгал. В его лице не было страха. С таким же успехом они могли сидеть вдвоем в бункере, коротая день.

— Почему они послали тебя? — осмелел Де Франко.

— Я попросился.

— Зачем?

— Чтобы остановить войну.

Де Франко в своем скафандре поежился. Он поморгал, приложился к трубке с питьем внутри шлема и попытался думать о чем-нибудь другом, но эльф вежливо смотрел на него, безмятежно держа связанные руки на коленях.

— Как? — спросил Де Франко.— Как ты собираешься остановить войну?

Но эльф ничего не сказал, и Де Франко понял, что зашел дальше, чем это могло понравиться штабу; их разговор ни в коем случае не должен был выдать чаяния и намерения людей, пока они не получат возможность изучить предмет и изучить эльфа и провести свои совещания.

— Они приходили,— говорит Де Франко в той маленькой комнатке,— чтобы посмотреть, на кого ты похож.

— Вы никогда не позволяли нам увидеть ваши лица,— говорит эльф.

— А вы никогда не позволяли нам увидеть ваши.

— Вы знали все. Куда больше, чем мы. Вы знали наш мир. Мы не имели представления о вашем.

— Снова гордость.

— Неужели ты не знаешь, как трудно было позволить тебе захватить меня? Это было хуже всего. Ты снова сделал это. Как обстрел. Вы несете насилие, а потом ожидаете мира. Но я позволил этому случиться. Ради этого я и пришел. А когда ты стал говорить обо мне с другими, это дало мне надежду.

В положенное время показался транспорт, скользя над самыми холмами, и Де Франко поднялся на ноги и замахал ему. Эльф тоже встал, грациозный и столь же безмятежный. И ждал, пока транспорт не приземлился и лопасти пропеллера не прекратили вращаться.

— Забирайся,— сказал тогда Де Франко, подхватил свой скудный багаж и поставил оружие на предохранитель.

Эльф молча склонил голову и подчинился, пошел, куда ему велели. Де Франко не притронулся к нему, только внутри, когда они забрались в темную утробу транспорта, где ждал конвой...

— Опустите свое дурацкое оружие,— сказал Де Франко во внешний переговорник, потому что они были в легких скафандрах и без шлемов.— Если он шевельнется, вы что, пристрелите его? Я сам с ним разберусь. Он хорошо говорит.— И эльфу: — Сядь здесь. Сейчас я пристегну ремень. Чтобы ты не вывалился.

Эльф безропотно уселся, и Де Франко взял грузовой строп и прицепил его к балке, с обеих сторон, так что эльф не мог ни пошевелиться, ни пустить в ход руки.

Потом он уселся сам, конвоиры заняли свои места, и транспорт поднялся в воздух и понес их прочь от эльфийского города и фронтовой базы — одной из сотен подобных баз на планете. Они полетели высоко и быстро, когда вышли в безопасное воздушное пространство, за пределы щита, который люди воздвигли над собой.

Эльф не выказывал ни тени страха. Лишь безмятежность. Его глаза обегали транспорт, темный практичный трюм, немногочисленные скамьи, грузовые сетки, двоих конвоиров.

«Собирает информацию,— подумал де Франко,— все еще собирает информацию обо всем, что касается неприятеля».

— Тогда я испугался по-настоящему,— говорит эльф.— Больше всего я боялся, что они захотят поговорить со мной и начнут меня выспрашивать. И тогда мне пришлось бы умереть. Зазря.

— Как вы это делаете?

— Что?

— Умираете. Просто по собственному желанию.

— Желание и есть способ. Я мог бы остановить свое сердце прямо сейчас. Есть много способов остановить сердце. Когда прекращаешь пытаться жить, когда прекращаешь двигаться вперед — это очень легко.

— Ты хочешь сказать, когда вы перестаете пытаться жить, вы умираете. Это безумие.

Эльф разводит изящные пальцы.

— Дети так не умеют. Детское сердце нельзя остановить таким способом. У вас сердца детей. Необузданные. Но чем старше становишься, тем это легче. Пока однажды не оказывается проще остановиться, чем продолжать. Когда я учился вашему языку, я учился у человека по имени Томас. Он не мог умереть. Мы с ним говорили — о, каждый день. И однажды мы привели к нему женщину, которую захватили. Она назвала его подлым предателем. Так она сказала. Подлый предатель. Тогда Томас захотел умереть, но не смог. Так он мне рассказал. Это было единственное, о чем он меня попросил за все время. Как с водой, понимаешь. Мне было жаль его, и я дал ему эту чашу. И ей тоже. Потому что был к ней равнодушен. Но Томас ненавидел меня. Он ненавидел меня каждый день. Он говорил со мной, потому что больше ему не с кем было говорить, так он сказал. Ничто не останавливало его сердца. Пока та женщина не назвала его предателем. И тогда его сердце остановилось, хотя оно продолжало биться. Я лишь помог. Он поблагодарил меня. И сказал, чтобы я убирался в ад. И пожелал мне здоровья, когда пил.

— Черт побери, эльф.

— Я пытался спросить у него, что такое ад. Думаю, это когда ты неподвижен и в ловушке. Поэтому мы сражаемся.

«Он отлично управляется со словами,— говорит кто-то в другом месте, приникая к монитору.— Он пытается сообщить что-то, но слова бессильны. Он пытается передать это теми словами, которые ему известны».

— Ради всего святого,— говорит тогда Де Франко,— поэтому они бросаются на заграждения? Поэтому они продолжают умирать? Как птицы на прутьях клетки?

Эльф вздрагивает. Возможно, это всего-навсего обман зрения. Возможно, отразилась какая-то мысль.

— Страх останавливает сердце, когда у него нет другого выхода. У нас все еще остается одна причина. Наш гнев все еще не утих. Все остальное сгорело. В конце концов даже наши дети будут сражаться с вами. Так что, когда я пришел сюда, я сражался за наших детей. Я не хочу больше говорить о Томасе. Он достался птицам. Это тебя я искал.

— Зачем? — У Де Франко дрожит голос.— Саитас... Анган... мне страшно до ужаса.

— И мне тоже. Думай обо всех солдатах. Думай обо всем, что для тебя важно. Я думаю о доме.

— Наверное, у меня никогда его не было.— «Это безумие. Ничего не выйдет».

— Не надо.— Эльф протягивает руку и касается загорелого запястья.— Не оставляй меня сейчас, Де Франко.

— Остается еще пятнадцать минут. Четверть часа.

— Это очень долгое время... здесь. Сократим его?

— Нет,— отвечает Де Франко с глубоким вздохом.— Используем его.

На базе, где мотали срок планетные власти и ученые, были настоящие здания, настоящие наземные здания, построенные людьми. Когда транспорт опустился на посадочную площадку на крыше, конвоиры повели эльфа в одну сторону, а Де Франко — в другую. Намечался разбор полетов — этого он ожидал. Ему позволили сперва принять душ — с горячей водой из настоящего водопровода, в человеческой ванной. И впервые за полгода он натянул нормальную форму, выбритый и подтянутый в своем голубом

берете и коричневой униформе, посвежевший и чистый, и не переставая думал о том, что если спецагент может получить повышение, то это душистые полотенца каждый день, мягкая постель и средняя продолжительность жизни, которая измеряется в десятилетиях. Он тревожился, ведь существовали способы присвоить себе чужую заслугу, а он не хотел лишиться этой заслуги, не хотел, потому что человека могли убить там, на холмах, где он проторчал три года, и пусть только какая-нибудь штабная крыса попробует забыть упомянуть о нем в рапорте.

— Садитесь,— сказал майор спецслужбы и заставил его пройти через все это, и в тот же день ему позволили рассказать все армейскому полковнику и генерал-лейтенанту, и потом они заставили его повторить все еще раз перед полным столом ученых, и он отвечал, отвечал и отвечал на вопросы, пока не охрип, а они позабыли покормить его обедом. Но он отвечал и отвечал, пока у него не сел голос, и тогда ученые сжалились над ним.

Потом он уснул, на чистых простынях в чистой постели, и оторвался от войны настолько, что посреди ночи вскочил в темноте в ужасе и полной растерянности и долго не мог унять сердцебиение, пока не понял, что он не псих, что он действительно попал в такое место и действительно совершил то, что подсказывала ему память.

Он свернулся в клубочек, как ребенок, и засыпал с добрыми мыслями, пока его не разбудил звонок, и ему сказали, что в этих стенах без окон наступил день и у него есть час, чтобы одеться — перед тем, как снова отвечать на вопросы, полагал он, и он почти совсем не думал о своем эльфе, его эльфе, который был передан ученым, генералам и ребятам из Альбеза и перестал быть его личным делом.

— Тогда,— продолжает эльф,— я понял, что ты единственный из всех, кого я могу понять. И я послал за тобой.

— Я все равно не понимаю почему.

— Я же сказал. Мы оба солдаты.

— Ты не просто солдат.

— Допустим, я сделал одну из огромных ошибок.

— Ты имеешь в виду, в самом начале? Я в это не верю.

— Это могло случиться. Допустим, я командовал нападавшими кораблями. Допустим, я нападал на ваших людей на планете. Допустим, вы уничтожили нашу станцию и наши города. Мы — делатели ошибок. Скажем это о нас самих.

— Я...— сказал эльф, и его изображение на экране почти ничем не отличалось от того, как он выглядел на холме, с прямой спиной, в своих алых одеждах,— только веревки, которыми эльфы связали ему руки, оставили багровые отметины на его запястьях, на молочной белизне его кожи.— Я говорю достаточно ясно, нет?

Армейский говор производил странное впечатление в изящных эльфийских устах. Губы у эльфа были не такие подвижные. Голос у него был модулированный, певучий и время от времени терял свою бесстрастность.

— Очень хорошо,— сказал ученый, мужчина в белом комбинезоне, сидевший в белой стерильной комнатке за небольшим столиком напротив эльфа со связанными спереди руками. Камера показывала обоих, эльфа и смуглокожего ксенолога из Научного бюро.— Насколько я понял, вы учились у пленников.

Эльф, казалось, устремил взгляд в бесконечность.

— Мы больше не хотим воевать.

— И мы тоже. Вы поэтому пришли?

Мгновение эльф разглядывал ученого и ничего не говорил.

— Как называется ваш народ? — спросил ученый.

— Вы зовете нас эльфами.

— Но мы хотим знать, как вы сами себя называете. Как вы называете эту планету.

— Зачем вам это знать?

— Чтобы уважать вас. Вы знаете такое слово — «уважение»?

— Я его не понимаю.

— Потому что то, как вы называете эту планету и самих себя, и есть название, правильное название, и мы хотим называть вас правильно. Разумно?

— Разумно. Но вы ведь тоже называете нас правильно, разве не так?

— «Эльфы» — выдуманное слово, с нашей планеты. Миф. Миф, понимаете? Выдумка. То, чего не существует.

— Но теперь существует, разве не так?

— Вы называете свою планету Землей? Большинство людей называет так.

— Как назовешь, такое и будет название.

— Мы называем ее Эльфляндией.

— Прекрасно. Это не имеет значения.

— Почему не имеет значения?

— Я уже говорил.

— Вы очень хорошо овладели нашим языком. Но мы не знаем ничего о вашем.

— Да.

— Ну вот, мы бы хотели ему научиться. Мы хотели бы уметь говорить, как вы. Нам кажется, что это всего лишь вежливо. Вежливо, понимаете?

— Нет.

Долгое молчание. Лицо ученого оставалось учтивым, как и лицо эльфа.

— Вы говорите, что не хотите больше воевать. Вы можете сказать нам, как остановить войну?

— Да. Но сперва мне нужно знать, что такое, по-вашему, мир. Что, например, вы сделаете с ущербом, который нам причинили?

— Вы говорите о репарациях.

— Что это такое?

— Плата.

— Что вы под этим подразумеваете?

Ученый глубоко вздохнул.

— Скажите. Почему ваши люди выдали вас одному из наших солдат? Почему просто не вызвали нас по радио и не сказали, что хотят поговорить?

— Это вы бы так поступили.

— Так проще, правда? И безопасней.

Эльф моргнул. И больше ничего.

— Давным-давно был один корабль,— сказал ученый некоторое время спустя.— Человеческий корабль, летевший

по своим делам по человеческой трассе, а эльфы напали, уничтожили его и убили всех, кто в нем был. Почему?

— Что вы хотите за этот корабль?

— Значит, вы понимаете про плату. Плата — это когда что-то дают за что-то другое.

— Понимаю.— Лицо эльфа было бесхитростным, похожим на маску, продолговатые глаза — словно очи жемчужнокожего будды. Святого.— Что вы попросите? И каков будет мир с вами? Что вы зовете миром?

— Вы хотите сказать, то, что называем миром мы, не похоже на то, что им зовете вы?

— Именно.

— Ну, это важно понять, верно? Прежде чем мы заключим соглашения. Мир значит отсутствие войны.

— Этого недостаточно.

— Ну, это значит, что вам не грозят враги.

— Этого недостаточно.

— А чего достаточно?

Бледное лицо уткнулось в пол, еще куда-то.

— Чего достаточно, Саитас?

Эльф все разглядывал пол, далеко-далеко от вопрошавшего.

— Мне нужно поговорить с Де Франко.

— С кем?

— С Де Франко.— Эльф поднял глаза.— Де Франко привез меня сюда. Он солдат, он поймет меня лучше, чем вы. Он еще здесь?

Полковник протянула руку и остановила запись. Она была из Назтака. На ее столе стояла табличка с именем Агнес. Она умела перерезать горло десятком способов, устроить диверсию или погром на уровне от тончайшего компьютерного взлома до грубой тактики подрыва, говорила на десятке языков, досконально знала каждую культуру, с которой когда-либо имела дело, смыкая Научное бюро и армию. Более того, она была *полковником* из Назтака, при мысли о чем Де Франко бросало в дрожь. Это подразделение службы не могло похвастаться большим числом высокопоставленных офицеров; надо было выйти

живым не менее чем из десяти полевых заданий, чтобы дослужиться до чина выше номинального лейтенантского, которых было пруд пруди. И ей это удалось. Она была офицер с большой буквы, и, как бы ни менялась политика штаба, то была скала, вокруг которой вращалось множество других тел: возможно, это давало ей право подчиняться лишь приказам объединенного командования, ближайшие представители которого находились в месяцах полета отсюда. А это означало почти полное отсутствие каких-либо приказов и полную свободу действий, которой пользовалась назтак. Темная лошадка. Джокер в рукаве. Были армейские, были спецагенты без определенного прикрепления, были космические войска, Союза и Альянса, и армейские союзные были их частью; особняком и выше стояли Альбез и разведывательная служба Союза, и была эта ширококостная рыжеволосая женщина, в прямом подчинении у которой находилась жалкая горстка людей и бог знает чего еще, горстка назтаков, гуляющих где-то по Эльфляндии, и каждый из них действовал независимо и доставлял эльфам столько же хлопот, сколько целая база армейских.

Де Франко знал. Как-то раз он сунулся в ту степь. Он лучше многих знал, что нужно, чтобы пережить такую подготовку, не говоря уж о требуемых десяти заданиях, чтобы получить повышение и покончить с полевой службой, знал, какой ум скрывается за этим обветренным лицом, и знал, что такими, как он, спецагентами-лейтенантами она закусывает перед обедом.

— Как вы произвели на него такое впечатление, лейтенант?

— Я не старался,— осторожно ответил Де Франко.— Мэм, я просто пытался не волновать его и доставить его живым, как было приказано. Но я один имел с ним дело, мы решили, что это вернее всего; может быть, он считает меня чем-то большим, чем я есть.

— Поздравляю, вы неплохо справились.

В этом была определенная доля иронии, он готов был поручиться. Ни одному назтаку не удалось то, что удалось ему, и он ощущал легкое напряжение.

— Да, мэм.

— «Да, мэм». Понимаете, всегда существует вероятность, что вы притащили к нам полного психа. Или эльфы избрали необычный способ заманить нас в ловушку. Или это эльф, который не слишком счастлив оттого, что его связали и подсунули нам, и хочет поквитаться. Вот то, что приходит в голову мне.

— Да, мэм.

Де Франко думал обо всем этом, лицом к лицу с полковником, пытаясь чувствовать себя вольно, как приказала ему полковник. Но ее худое лицо было запечатано и непроницаемо, как лицо эльфа.

— Знаете, чем они заняты в эту самую минуту? Массированной атакой. Лупят по линии фронта около Сорок пятой всем, что у них есть. Восьмая осаждена. Мы пустили в ход авиацию. Они понесли более чем двухтысячные потери, но удары с воздуха не остановили их. Дельта приняла на себя лобовой штурм и отразила его. Были потери. Солдат по фамилии Херз. Из вашей части.

Дибс. О господи!

— Погиб?

— Погиб.— Глаза у полковника были холодные и бесстрастные.— Дошли вести. Я знаю, для вас это не просто статистика. Но именно это происходит. Мы получили два сигнала, исходящих от эльфов. Но не знаем, какой из них действителен. Мы имеем на руках инопланетянина, который заявляет о своих полномочиях, и взят он с немалыми усилиями в том самом месте, где идет атака.

Дибс. Погиб. В воздухе, казалось, разлился холод, в этом безопасном неприступном месте далеко от настоящего мира, грязи, бункеров. Дибс перестал жить вчера. Сегодня утром. Когда-то. Дибса не стало, а мир этого даже не заметил.

— Другие соображения приходят в голову ученым,— продолжала полковник.— Что смертельно их разобидело, Де Франко, так это вот какие слова инопланетянина. «Де Франко сможет лучше меня понять». Вы меня слушаете, лейтенант?

— Да, мэм.

— Поэтому Бюро связалось с секретарем, секретарь связался по переговорнику с генерал-майором, все это было в пятнадцать ноль-ноль вчера, а сегодня в два ночи они напустили на это дело меня. Вы представляете, скольким людям вы утерли нос, лейтенант? И какую тревогу вызывает эта заваруха на фронте?

— Да, мэм.

— Уверена, вы надеялись на награду, а может быть, и на что-то большее, не так ли? Не могу вас винить. Так вот, я взяла это дело в свои руки и перевела вас к себе, потому что я могу так поступать и потому что верховное командование всерьез обеспокоено, как бы этот эльф не отправился к своим эльфийским праотцам, если Бюро будет слишком на него давить и нажимать. Так что давайте по возможности не будем его раздражать. Он хочет говорить с вами. Бюро хочет донести до вас следующее, но я сказала им, что сама дам вам все разъяснения, потому что они начнут заумствовать, а я хочу быть уверена, что вы уяснили суть,— так вот, все очень просто: вы имеете дело с инопланетянином, и вы увидите — не все, что он говорит, имеет смысл.

— Да, мэм.

— Перестаньте да-мэмкать, лейтенант, черт вас побери, просто отвечайте и смотрите мне в глаза. Мы сейчас говорим про общение.

— Да...— Он едва не сказал «мэм».

— У вас есть голова на плечах, Де Франко, это видно из вашего личного дела. Вы сами едва не попали в Специальную службу, вам по-настоящему этого хотелось, верно? Но вам помешал проклятый психоз на почве страха взять на себя высшую ответственность. И страх закончить награжденным — посмертно. Скажете, нет? Он измучил вас, и вы пошли в спецагенты, где можно исполнять чужие приказы и все равно разыгрывать из себя дурацкого героя и что-то себе доказывать,— я права? Наверняка права, у меня тут ваш психопортрет. Теперь я оскорбила вас, и вы сидите и багровеете. Но я должна знать, с чем имею дело. Мы вошли в клинч. Мы несем жертвы. Ну, как, у нас с вами будут трудности?

— Нет. Я понимаю.

— Хорошо. Очень хорошо. Как думаете, сможете вы отправиться в ту комнату, к эльфу, и разговорить его? Точнее, сможете вы принять решение, сможете ли войти туда, зная, сколько всего лежит у вас на плечах?

— Я же не...

— Мне плевать, что вы из себя представляете, Де Франко. Я хочу знать, есть ли вообще в словаре этого эльфа такое слово, как «переговоры». Я поручаю вам быть начеку. Я хочу, чтобы вы сели с ним один на один и просто поговорили. Это все, что от вас требуется. Может быть, благодаря вашему прошлому из этого выйдет какой-то толк. Но не исключено, что, если вы просто будете говорить от имени Джона Де Франко и попытаетесь склонить этого эльфа к соглашению, получится лучше всего. Вы понимаете, когда правительство посылает переговорщика — или кого-то в этом роде,— это личность незаурядная. Эта личность, пожалуй, самый умный, хитрый, прожженный лис, какой у них есть, и он, возможно, передергивает карты. Мы не знаем, что у этого лиса на уме и как он думает, и когда вы сядете рядом с ним, то будете говорить с умом, которому известно о человечестве куда больше, чем нам об эльфах. Вы будете говорить с эльфийским экспертом, который ведет с нами игру. Который внимательно нас изучает. Вам это понятно? Что скажете?

— Я боюсь.

— Это хорошо. Вы понимаете, что мы не посылаем самого выдающегося и опытного человека на двух ногах. И к этому нас этот крайне хитрый эльф вынудил. Вы это понимаете? Пока что он играет на нас как на клавиатуре. И как вы с этим справитесь, а, лейтенант Де Франко?

— Я буду задавать ему вопросы, а ответов буду давать как можно меньше.

— Неправильно. Вы позволите ему говорить. Вы будете крайне осторожны в том, что спрашиваете. Все, что вы спрашиваете, с головой выдает все ваши тайны, как будто вы сами ему их рассказываете. Все, что вы делаете и говорите, связано с культурой. Если он знает свое дело, он выжмет вас, как губку.— Полковник закусила губу.— Черт, вам ведь не справиться с этим, верно?

— Я понимаю, по поводу чего вы меня предостерегаете, полковник. Я не уверен, что я могу это сделать, но я попытаюсь.

— Не уверены, что можете это сделать. Быть может, от этого зависит мир. И несколько миллионов жизней. Ваша команда там, на фронте. Будем говорить об этом так. А вы боитесь и выказываете свой страх, лейтенант; вы чересчур откровенны, черт побери, неудивительно, что вас признали негодным. В вас нет стержня, нет того, к чему можно обратиться, когда я сбиваю вас с толку, а я ведь на вашей стороне. Может, вы и чертовски хороший спецагент, безумно отважный, я знаю, у вас есть награды. А эта ваша боязнь снарядов, может быть, и заставляет вас выкладываться изо всех сил, когда начинает припекать. Хороший ты парень. Честно. Если эльфу нужен образчик человека, мы можем поступить хуже. Просто иди туда, сынок, разговаривай с ним и будь самим собой, вот и все.

— Нас будут прослушивать.

Де Франко посмотрел на полковника со значением, пытаясь поднять себя в ее глазах, сделать вид, что он не совсем уж полный дурак.

— Еще бы тебя не прослушивали. Охрана сразу за дверями, если вдруг понадобится. Но если ты спугнешь эльфа, я тебя сгною.

— Я не об этом. Я о том, что если у меня получится его разговорить, будет точная запись.

— А-а. Что ж. Да. Будет, безусловно. И да, я тоже хитрая лиса, лейтенант, не хуже эльфа, не сомневайся. А поскольку я на твоей стороне, я хочу, чтобы ты у меня был подготовлен. Но я намерена оказать тебе всю поддержку, какая только потребуется,— если что-то будет нужно, просто передай ребятам, и лучше бы им расстараться. Я выдаю тебе карт-бланш на все, что касается научного крыла. Захотят жаловаться — пусть жалуются сюда. Ты же просто будь с ним сам собой, действуй осмотрительно, не позволяй ему перехитрить тебя и не заводи его.

— Есть, мэм.

Еще один медленный, проницательный взгляд и кивок.

Дозволение уйти.

IV

Далек ли той ямы конец, что мы роем?
Конца ей не будет, мой друг.
А жар почему опаляет порою?
Так ад недалече, мой друг.

— Эта полковник,— говорит эльф,— это ее солдаты там, за дверью.

— В яблочко,— отвечает Де Франко.

— Это не самый высший ранг.

— Нет. Не самый. Даже на этой планете.— Руки Де Франко разжимаются и сжимаются, переплетенные, с побелевшими костяшками. Голос звучит спокойно.— Но это серьезная власть. Она не одна. Есть и другие, от имени которых она действует. Это они послали меня сюда. Я понял это.

— Я путаюсь в ваших отношениях.

— Политика. Все это политика. «Шишки» прикрывают своих.— Де Франко на ходу меняет слова.— Есть некоторые вещи, с которыми они должны считаться. Должны делать. Например, если они не примут предложения мира — дома поднимется большая буча. Человеческий космос огромен. Но война... люди хотят прекратить ее. Я знаю это. У людей ошибку не замолчишь. Слишком много у нас частных интересов... У нас есть ученые и полдюжины разнообразных командующих...

— И они все прекратят воевать?

— Да. Моя сторона прекратит. Я уверен, что прекратит.— Де Франко сжимает руки сильнее, как будто озноб уже пробрал его до костей.— Если мы сможем предложить им что-нибудь, какое-нибудь решение. Вы должны понимать, о чем они думают. Если где-нибудь есть проблема, она может вырасти. Ведь могут же быть и другие, вы когда-нибудь задумывались над этим? А вдруг еще какая-нибудь раса сейчас как раз крутится поблизости.... Такое случалось. Вдруг наша маленькая война мешает им? Мы живем в большом доме, вы это уже поняли? Вы молоды, вы, со своими кораблями, юная сила космоса. Видит бог, мы совершали ошибки, но на этот раз первую сделали не мы.

Мы пытаемся остановить войну. Все это время мы пытаемся остановить войну.

— Я верю тебе, вот чему,— говорит эльф.— Не полковнику. Не вашим словам о договоре. Не вашему миру. Тебе. Слова — не вера. Что вы делаете — вот вера. Что вы делаете, покажет нам.

— Я не могу!

— Я могу. Это важно для меня, а не для тебя. *Наша маленькая война.* Не понимаю, как ты можешь так об этом думать.

— Только посмотри! — Де Франко в отчаянии обводит рукой комнату, мир. Вверх.— Он такой большой. Неужели ты не понимаешь? И одна планета, один кусок скалы. Это маленькая война. Неужели она того стоит? Неужели она стоит такого дурацкого упрямства? Стоит того, чтобы на ней погибнуть?

— Да,— говорит эльф просто, и ни в зеленых, как море, глазах, ни в белом лице нет ни гнева, ни порицания.

Де Франко отсалютовал и вышел и ждал до тех пор, пока ординарец полковника не поймал его в коридоре и не выдал конвою все необходимые разрешения, поскольку никто не мог расхаживать по этой базе без конвоя. («Но эльфы же в двухстах километрах *внизу,*— подумал Де Франко,— а с кем еще нам воевать?») В коридорах он увидел черную форму элиты Союза и голубую звездоплавателей Альянса, и унылую коричневую армейских офицеров, и белую с бледно-голубой двух Научных бюро, но все, что он ощущал,— это неуловимый мир: черт побери, может, нам и нужна эта война, может, она заставляет человечество говорить друг с другом, они там сытые и гладкие и в глаза не видели грязи; но в коридорах была толчея. Но на лицах людей, целеустремленно двигающихся в то или иное место, было напряженное выражение, и в воздухе висело ощущение, как будто коллективный разум что-то задумал, как будто вокруг него происходит что-то безмолвное, тайное, критическое. «Атака на передовой»,— подумал он и вспомнил другой раз, когда атака началась на одном рубеже и

стремительно распространилась еще на дюжину, а ракеты все вышли. И город погиб.

И эльфийских детей, малышей, обнимающих друг друга, и птиц, парящих в вышине, и Дибса — Дибса, лежащего в своем скафандре словно испорченный механизм: когда в тебя попадают, то попадают в щиток шлема и ты лишаешься лица, но даже не узнаешь об этом, или в сочленение, и тогда ты истекаешь кровью, запертый в неисправной оболочке, просто лежишь и истекаешь кровью. Он слышал о том, как умирали таким образом мужчины и женщины, все слыша в своих наушниках, разговаривая со своими друзьями и все равно уходя в одиночку, в одиночку в своем проклятом скафандре, который заслонял небо и воздух...

Его провели по туннелям, которые были отлиты и закалены за ночь, сооружение подобного уровня, которое так и не появилось нигде на передовой. Огни горели ярко, полы, по которым ступали бравые офицеры, были сухими; в конце оказались новехонькие двери, перед которыми с оружием на изготовку стояли охранники...

«Боятся *нас?*» У Де Франко снова возникло чувство нереальности, он заморгал, когда ему велели показать жетоны и удостоверения, чтобы пройти внутрь, несмотря на приказы полковника, данные конвою.

Потом его провели внутрь и дальше, в еще один коридор, где были еще охранники. Сотрудники Альбеза. Службы безопасности Альянса. Разведка и спецслужбы. В самом воздухе висел какой-то холодок здесь, где были одни лишь эти мундиры. Эльф был у них. У кого же еще? Он стал дипломатической собственностью, а армейские с генералами не имели к этому никакого отношения. Он был на территории Финн. Службы безопасности и Наземной тактики требовали, чтобы армейские прикрывали их только сверху, но не изнутри здания. У Финн было начальство, но соседям по иерархии она не подчинялась. Даже Альбезу. Сдержки и противовесы в объединенном командовании на расстоянии слишком многих световых лет от дома, чтобы рисковать мелким диктаторством. Он только что переступил границу и с тем же успехом мог бы находиться совершенно на другой планете.

И явно о его появлении предупредили заранее, потому что здесь были и мрачные типы из Научного бюро, и тот, кто пропустил Де Франко, едва взглянул на удостоверение. Смотрел он на его лицо, долго и пристально, и это был тот самый интервьюер из Ксенобюро, чей голос звучал на пленке.

— Удачи,— пожелал он.

И появился майор из Назтака, сурового вида черный мужчина в назтаковском хаки, совершенно не похожий на штабного. Он взял папку с разрешениями и взглянул на нее и на Де Франко темным взглядом, крепко сжав квадратные мускулистые челюсти.

— Полковник дала вам три часа, лейтенант. Распоряжайтесь ими с толком.

— У нас больше одного правительства,— говорит Де Франко эльфу, тихо, горячо.— Мы враждовали в прошлом. Мы вели войны. Мы заключили мир и работаем вместе. Может быть, мы снова будем воевать, но все надеются, что не будем, и вероятность этого растет и растет. Война обходится дорого. Здесь все слишком открыто, и именно это я пытаюсь объяснить тебе. Начинаешь войну и не знаешь, кто еще может тебя слышать.

Эльф откидывается на стуле, закинув одну руку на спинку. Он смотрит на Де Франко, и лицо его серьезно как никогда.

— Ты и я, ты-и-я. Мир был целым, пока вы не нашли нас. Как могут люди делать вещи, которые не имеют смысла? Вся вещь целиком имеет смысл, части ее — полное безумие. Нельзя превратить часть одной вещи в другую, листьям не стать перьями, ваш разум не сможет стать нашим разумом. Я вижу наши ошибки. Я хочу избавиться от них. Тогда эльфы не будут ошибаться, и вы не будете ошибаться. Но вы называете все это маленькой войной. Погибших всего несколько. Вас так много. Вам нравится ваша ошибка. Вы не расстанетесь с ней. Вы будете лелеять ее. И этих других встретите с ней. Но они увидят это, разве нет, когда посмотрят на вас?

— Это безумие!

— Когда мы с вами встретились, мы подразумевали «мы». Это была первая наша огромная ошибка. Но и ваша тоже.

Де Франко вошел в комнату, где держали эльфа,— роскошную комнату, комнату наземного гражданского, с постельным бельем в какой-то желто-зеленый узорчик, которое свободно свисало на наземный манер. И среди этого буйства красок на кровати, поджав ноги, сидел эльф, безмятежно, не обращая внимания на то, что открылась дверь и кто-то вошел внутрь, пока не забрезжила и не разрослась искра узнавания. Это было первое подобие человеческой эмоции, буквально единственная эмоция, которую эльф проявил при виде Де Франко. Разумеется, вокруг были камеры, которые записывали это, записывали все. Так сказала полковник, и эльф, возможно, тоже об этом знал.

— Саитас. Ты хотел меня видеть.

— Де Франко.

Лицо эльфа снова застыло в непроницаемости.

— Мне сесть?

Ответа не последовало. Де Франко подождал, сам не осознавая сколько, потом уселся на стул у стола и уперся локтями в белую пластиковую столешницу.

— С тобой хорошо обращаются? — спросил Де Франко, для камер, нарочито, для полковника.

«Черт тебя дери, я не дурак, я могу играть в вашу поганую игру, полковник, я сделал то, что не удалось Назтаку, верно? Так что берегитесь меня».

— Да,— ответил эльф.

Его руки мирно покоились на обтянутых багряным одеянием коленях. Он уткнулся в них взглядом и снова поднял глаза.

— Я старался обращаться с тобой нормально. Мне казалось, я так и делал.

— Да.

— Зачем тогда ты позвал меня?

— Я солдат,— сказал эльф, свесил ноги с края кровати и поднялся.— Я знаю, что и ты тоже. Думаю, ты лучше меня поймешь.

— Я об этом не знаю. Но выслушаю.— У него мелькнула мысль о том, что его возьмут в заложники, о какой-нибудь бессмысленной вспышке насилия, но он сделал вид, что задавил ее, и махнул рукой на другой стул.— Не хочешь присесть? Пить хочешь? Тебе принесут.

— Я сяду с тобой.— Эльф подошел и опустился на второй стул и уткнулся локтями в столешницу. На свету явственно заметны стали синяки на его запястьях.— Я думал, тебя уже могли отправить обратно на фронт.

— Мне дали немного времени. Ну, то есть...— («Не разговаривай с ним,— велела полковник.— Пусть говорит он».) — Три часа. Время. Ты не просто так захотел со мной увидеться. Тебе что-то нужно? Или просто поговорить. Я согласен и на это тоже.

— Да,— проговорил эльф медленно своим напевным шелестящим голосом. И посмотрел на него зелеными, как море, глазами.— Ты молод, Де Франко? Ты кажешься мне молодым человеком.

Это выбило Де Франко из равновесия.

— Я вовсе не так уж и молод.

— У меня есть сын и дочь. А у тебя?

— Нет.

— Родители?

— Зачем тебе это знать?

— У тебя есть родители?

— Мать. Далеко отсюда.

Ему не нравился этот допрос. Письма — вот и все, что Надя Де Франко получала от него, да и то нечасто, и слава богу, что у нее есть сыновья поближе. Де Франко сидел и смотрел на эльфа, который за два простых вопроса проник сквозь его защиту и умудрился задеть за живое, и вспомнил, что Финн предупреждала его.

— А у тебя, эльф?

— Родители живы. Да. Много родных?

Черт, какого солдата они раздели донага, постигая эту часть человеческого языка? В чью душу влезли?

— Кто ты такой, Саитас? Почему тебя вот так выдали?

— Чтобы заключить мир. Саитас всегда так делают.

— Вот так, связанными?

— Я пришел, чтобы стать твоим пленником. Ты понимаешь это.

— Ну да, это сработало. Я мог бы застрелить тебя; я не говорю, что сделал бы так, но мог бы, если бы не это. Это был умный ход, полагаю, что так. Но, черт побери, ты мог бы сперва дать нам знать. Вы свалились на нас как снег на голову, в темноте — напрашивались на то, чтобы оторвать вам башку. Почему вы не воспользовались радио?

Зеленые, как море, глаза, заморгали.

— Другие спрашивали меня об этом. Ты бы тогда пришел?

— Ну, пришел бы кто-то другой. Послушай, ты поговорил бы с ними на человеческом языке, они выслушали бы и придумали что-нибудь куда более надежное.

Эльф смотрел, полный своих собственных неясностей.

— Брось, они ведь вышвырнули тебя оттуда? Они твои враги?

— Кто?

— Те, которые оставили тебя там, на холме.

— Нет.

— Неужто друзья? Друзья оставили тебя там?

— Они согласились со мной. Я согласился остаться там. Я больше всего боялся, что ты застрелишь их. Но ты отпустил их.

— Черт, послушай, я просто выполняю приказы.

— И приказы побудили тебя отпустить их?

— Нет. Мне приказано говорить при малейшей возможности. Послушай, я, лично я, никогда не хотел убивать вас. Я не стал бы, будь у меня выбор.

— Но убивал же.

— Елки-палки, вы сбивали наши корабли. Может быть, с вашей стороны тоже не было личной вражды, но мы были твердо уверены, что вы не можете поступать так по обычаю. Все, что вам, черт побери, надо было сделать, это убраться и оставить нас в покое. Вы потрясли мир, эльф. Может быть, не большую его часть, но вы убили больше тысячи человек на том, самом первом, корабле. Тридцать тысяч на той базе, ради всего святого, да не смотри ты на меня так!

— Это была ошибка.

— Ошибка.— Де Франко обнаружил, что руки у него трясутся. Нет. Не повышать голоса. Не выходить из себя. («Будь самим собой, малыш». Снисходительно. Полковник знала, что это ему совсем не по зубам. И он знал.) — Разве большинство войн — не ошибки?

— Ты так считаешь?

— Если это ошибка, разве мы не можем положить ей конец? — Он ощущал внимание незримых слушателей, дипломатов, ученых — он, спецагент, ведет разговор с эльфийским переговорщиком и все портит, запарывает все дело. («Будь самим собой». Полковник сошла с ума, эльф тоже, война и весь мир тоже, а он отчаянно продирался вперед, пробуя то хитрость, то карикатурную бесхитростность на дипломате, для которого первая шита такими же белыми нитками, как и вторая.) — Понимаешь, все, что нужно сделать, это сказать «хватит», и можно немедленно остановить стрельбу, свернуть все это, а потом начинать разговоры о том, как нам все уладить. Ты говоришь, что ты за тем и пришел. Ты пришел по адресу. Все, что тебе нужно сделать, это убедить ваших остановиться. Они же там убивают друг друга, ты знаешь это? Ты пришел сюда договориться о мире. А они наседают на нас по всему фронту. Я только что узнал, что потерял друга. Одному богу известно, что там теперь. Это глупо. Если можешь остановить это, так останови.

— Я расскажу тебе, что такое мир по-нашему.— Эльф безмятежно поднял лицо, развел руками.— Здесь ведь есть камера, верно? По меньшей мере, микрофон. Они слушают.

— Да. У них есть камера и микрофон. Я уверен, что слушают.

— Но именно твое лицо я вижу. Твое лицо для меня — все человеческие лица. Они могут слушать, но говорю я с тобой. Только с тобой. И это и есть мир по-нашему. Война прекратится, мы снова построим корабли и выйдем в космос, и не будем больше враждовать. Ошибки больше не будет. Вот мир, какого я хочу.

— Так как нам его добиться? — («Будь самим собой, малыш». Де Франко отступился от себя. «Не смотри на кожу, не смотри на инопланетное лицо, просто говори, говори, как будто с человеком, не беспокойся о протоколах. Давай, малыш».) — Как нам остановить войну?

— Я же сказал. Они слышали.

— Да. Они слышали.

— У них есть два дня, чтобы заключить мир.

У Де Франко вспотели ладони. Он стиснул пальцы на сиденье стула.

— А что будет потом?

— Я умру. Война продолжится.

(«Боже, что теперь-то мне делать, что говорить? Как далеко я могу зайти?»)

— Послушай, ты не понимаешь, сколько времени уходит у нас на то, чтобы принять решение. Нам понадобится куда больше, нежели два дня. Они же умирают там, твой народ гибнет на наших рубежах, и все это напрасно. Останови это. Поговори с ними. Скажи им, что мы готовим переговоры. Прекрати это.

Щелочки глаз моргнули, оставаясь в своей буддоподобной задумчивости, устремленные в бесконечность.

— Де Франко, придется заплатить.

(«Думай, Де Франко, думай. Задавай правильные вопросы».)

— Что заплатить? От чьего имени ты говоришь? От имени всех вас? Города? Района?

— Одного мира будет достаточно для вас — нет? Вы уйдете. Вы сниметесь, и мы не увидим друг друга до тех пор, пока мы снова не отстроим корабли. Вы начнете уходить — как только мой мир настанет.

— Отстроите корабли, ну надо же. И снова нападете на нас?

— Нет. Война — ошибка. Другой войны не будет. Одной достаточно.

— Но все согласятся?

— Все согласны. Я назову тебе мое настоящее имя. Анган. Анган Анассиди. Мне сорок один год. У меня есть сын по имени Агаита, дочь по имени Сайиди, я появился на

свет в городке Даогисши, он теперь сгорел. Мою жену зовут Ллаотай Сохайль, она родилась в том городе, где мы живем сейчас. У моей жены я единственный муж. Моему сыну двенадцать, дочери — девять. Сейчас они живут в городе только с моей женой и моими и ее родителями.— Голос эльфа обрел неуловимую музыкальность, когда он произносил имена, и она исчезла не сразу, делая неразборчивыми слова человеческого языка.— Я написал... я сказал им, что все им напишу. Я умею писать на вашем языке.

— Кому сказал?

— Людям, которые спрашивали меня. Я записал все.

Де Франко смотрел на эльфа, на лицо, безупречное и бесстрастное, как у статуи.

— Кажется, я тебя не понимаю. Я запутался. Мы говорим о фронте. Мы говорим о том, что твоя жена и дети могут быть в опасности, так? О том, что моих друзей, может быть, сейчас убивают. О падающих снарядах и подрывающихся людях. Мы можем что-нибудь с этим сделать?

— Я здесь для того, чтобы заключить мир. Я — саитас. Дар тебе. Я — плата.

Де Франко захлопал глазами и покачал головой.

— Плата? Кажется, я этого не понимаю.

Долго было тихо.

— Убей меня,— сказал эльф.— Затем я и пришел. Чтобы стать последним погибшим. Саитасом. Чтобы стереть ошибку.

— Черт, нет. Нет. Мы не расстреляем тебя. Послушай, эльф, мы только хотим положить конец войне. Нам не нужна твоя жизнь. Никто не хочет тебя убивать.

— Де Франко, у нас не осталось больше ресурсов. Мы хотим мира.

— И мы тоже. Послушай, мы просто заключим соглашение — соглашение, понимаешь?

— Я и есть соглашение.

— О господи, соглашение — это клочок бумаги. Мы пообещаем друг другу мир, вы пообещаете не нападать на нас, мы пообещаем не нападать на вас, мы установим границы между нами, и ты отправишься домой к жене и

ребятишкам. И я отправлюсь домой, и дело с концом. Никаких больше смертей. Никаких убийств.

— Нет.— Глаза эльфа блеснули за бледной маской.— Нет, Де Франко, не надо бумаги.

— Мы заключаем мир чернилами на бумаге. Мы записываем мир, устанавливаем соглашения, и этого довольно; мы исполняем то, что обещаем исполнить.

— Тогда запиши это на вашем языке.

— Тебе придется подписать договор. Подписать на нем свое имя. И соблюдать условия. Вот и все, понимаешь?

— Два дня. Я подпишу вашу бумагу. Я заключу ваш мир. Он — ничто. Наш мир — во мне. И я здесь, чтобы дать его.

— Черт побери, мы не убиваем людей ради соглашения.

Глаза цвета моря заморгали.

— Неужели одного так трудно, а миллионы — так легко?

— Это не одно и то же.

— Почему?

— Потому что... потому что... послушай, война затем, чтобы убивать, мир — чтобы оставаться в живых.

— Я не понимаю, зачем вы воюете. Все, что вы делаете, для нас бессмыслица. Но я думаю, мы почти понимаем. Мы говорим друг с другом. Мы употребляем одни и те же слова. Де Франко, не надо больше нас убивать.

— Только тебя. Только тебя, так, да? Черт подери, это безумие!

— Чаша пойдет. Или пистолет. Что угодно. Де Франко, разве ты не убивал нас раньше?

— Господи, это совсем другое дело!

— Ты говоришь, для вас довольно бумаги. Эта бумага перечеркнет все ваши ошибки и заключит мир. Но нам бумаги недостаточно. Я никогда не поверю ей. Вам придется заключить и мой мир тоже. Тогда обе стороны будут знать, что это по-настоящему. Но должен быть саитас и от людей тоже. Кто-то должен стать саитасом от имени людей. Кто-то должен пойти к нам.

Де Франко сидел, сцепив руки.

— Ты хочешь сказать, отправиться к вам и отдать свою жизнь.

— Последняя смерть.

— Елки-палки, да вы психи. Долго же ты ждал, эльф.

— Ты не понимаешь.

— Это уж точно, не понимаю. Чертовы кровожадные психи!

Де Франко взмахнул руками — встать, уйти от этого безгранично терпеливого и нечеловеческого лица, лица, на котором каким-то образом появились неуловимые выражения, от этого голоса, который заставлял его забыть, откуда впервые появились слова. А потом он вспомнил о слушателях, слушателях, делающих пометки, о полковнике, которая смотрела на него из-за своего стола. Информация. Победить — не результат. Вопросы — вот результат. Выяснить, на что они способны. Мир перестал быть целью. Они имели дело с безумцами, с душами, которые не знают мира. С эльфами, которые гибли назло неприятелю. Которые кончали с собой шутки ради и ни в грош не ставили чужую жизнь.

Он остался на своем стуле. Сделал еще один вдох. Собрался с мыслями и вспомнил еще одно, о чем стоило узнать.

— Что вы сделали с пленниками, у которых учились языку, а? Расскажи мне.

— Мертвы. Мы поднесли им чашу. По одной, когда они захотели этого.

— Правда?

И снова разведенные руки, изящные пальцы.

— Я здесь за все ошибки. Сколько бы за них не пришлось платить.

— Черт побери, эльф!

— Не называй меня так.— В голосе послышалась слабая мелодия.— Помни мое имя. Помни мое имя. Де Франко...

Он должен подняться. Он должен подняться и скрыться от этого инопланетянина, скрыться от этого взгляда. Он резко отодвинулся от стола и посмотрел обратно — эльф отвернулся. От саитаса Ангана пахло чем-то сухим и пряным, как будто специями. Глаза ни на миг не раскрывались полностью, лимонные щелки. Они следили за ним.

— Поговори со мной,— сказал эльф.— Поговори со мной, Де Франко.

— О чем? О том, чтобы передать вам одного из нас? Не дождетесь. Черта с два. Мы не психи.

— Тогда война не прекратится.

— Вы все сдохнете, все до единого!

— Если таковы ваши намерения,— сказал эльф,— да. Мы не верим, что вы хотите мира. У нас больше не осталось надежды. Поэтому я пришел сюда. А последние из нас начали погибать. Это не тихая смерть. Наши сердца не остановятся. Мы будем сражаться.

— Там, на фронте, ты имеешь в виду.

— Я буду умирать так долго, как вы захотите, здесь. Я не остановлю свое сердце. Саитас не может.

— Черт побери, мы не этого добиваемся! Это не то, чего мы хотим.

— Вы тоже не можете останавливать ваши сердца. Я знаю это. Мы не жестоки. Я все еще надеюсь на тебя. Все еще надеюсь.

— Ничего не получится. Мы не можем этого сделать, понимаешь ты меня? Это против наших законов. Законов, понимаешь?

— Законов.

— Добро и зло. Мораль. Господи, убийство — это зло.

— Значит, вы натворили много зла. Вы тоже сделали ошибку, Де Франко. Ты же солдат, как я. Ты знаешь, чего стоит жизнь.

— Еще как знаю. И я до сих пор жив.

— Мы отклонились. Мы запутались. Ты умрешь за войну, но не за мир. Я не понимаю.

— Я не понимаю. Вы считаете, что мы вот так возьмем какого-нибудь бедолагу и выдадим его вам.

— Тебя, Де Франко. Я прошу тебя заключить мир.

— Дьявол.— Он покачал головой, подошел к двери — к черту полковника, к черту слушателей. Его рука на ручке двери тряслась, и он боялся, что это было заметно. Положить конец войне.— Давай, говори дальше.

Дверь распахнулась. Он ожидал охранников. Ожидал...

За дверью был пустой коридор, чистый кафельный пол. На кафеле темнело что-то круглое, со своеобразной симметрией и безобразием вещи, предназначенной убивать. Граната. Целая.

У него екнуло сердце. Он ощутил косяк, вжавшийся в бок. На коже выступил ледяной пот, кишки начали таять. Он застыл, глядя на гранату, но та не исчезала. Все тело, с головы до ног, охватила дрожь, как будто из гранаты уже выдернули чеку.

— Полковник Финн.— Обернувшись в проеме двери, он орал в незримые объективы камер.— Полковник Финн! Выведите меня отсюда!

Никто не ответил. Ни одна дверь не открылась. Эльф сидел и смотрел на него с выражением, наиболее близким к страданию из всех эмоций, которые он до сих пор выказывал.

— Полковник! Полковник, чтоб вам!

И снова тишина. Эльф поднялся на ноги и стоял, глядя на него словно бы в недоумении, как будто подозревал, что стал свидетелем какого-то человеческого умопомешательства.

— Они оставили нам подарок,— сказал Де Франко. Голос у него дрожал, и он попытался унять дрожь.— Они оставили нам подарочек, мать их так, эльф. И заперли нас здесь.

Эльф смотрел на него, и Де Франко вышел в коридор, нагнулся и, подняв смертоносный черный цилиндр, показал его.

— Это из ваших, эльф.

Тот стоял в проеме. Его опущенные глаза были глазами изваяния земного святого, поднятые же вверх казались пятнами цвета на белой коже. Длинные пальцы без ногтей коснулись косяка, эльф задумчиво рассматривал его и человеческое вероломство.

— Таковы их обычаи?

— Не мои.— Он крепко сжал в руке цилиндр, похожий и непохожий в своей смертоносности на все прочее оружие, с которым ему доводилось иметь дело.— Совсем не мои.

— Ты не можешь выйти.

Потрясение ошеломило его. Мгновение он ничего не соображал. Потом дошел по коридору до главной двери и подергал ее.

— Заперто,— бросил он через плечо эльфу, который последовал за ним в коридор. Двое вместе. Де Франко пошел обратно, дергая по пути все двери. На него нашло странное оцепенение. Коридор стал ирреальным, спутник-эльф, как и он, словно перенесся из какого-то другого места.— Черт побери, что вы задумали?

— Они согласились,— сказал эльф.— Они согласились, де Франко.

— Они спятили.

— Одна дверь все еще закрывается, верно? Ты можешь защититься.

— Ты все еще стремишься к самоубийству?

— Ты будешь в безопасности.

— Чтоб им провалиться!

Эльф обхватил себя руками, как будто тоже чувствовал озноб.

— Полковник дала нам время. Оно прошло?

— Еще нет.

— Идем, сядем вместе. Сядем и поговорим. Друг мой.

— Пора? — спрашивает эльф, когда Де Франко снова смотрит на часы. И Де Франко поднимает глаза.

— Пять минут. Почти.

Голос у Де Франко хриплый.

В руке у эльфа клочок бумаги. Он протягивает его. На столе между ними лежит ручка. Рядом с гранатой.

— Я написал твой мир. И поставил под ним свое имя. Теперь ты.

— Я — никто. Я не могу подписать соглашение, клянусь Богом.— Лицо у Де Франко белое. Губы дрожат.— Что ты написал?

— Мир,— говорит эльф.— Я просто написал «мир». Нужно еще что-то?

Де Франко берет бумажку. Смотрит на нее. И внезапно хватает ручку и тоже подписывает ее, бешеным росчерком. И откладывает ручку.

— Вот,— говорит он.— Вот, будем им мое имя.— И миг спустя: — Если бы я мог поступить по-иному... О Господи, мне страшно. Мне страшно.

— Тебе не нужно идти в мой город,— негромко говорит эльф. Его голос подрагивает, как у Де Франко.— Де Франко... здесь... здесь все записывают. Уйдем со мной. Сейчас. Запись останется. Мы добились мира, ты и я, мы заключили его, здесь, сейчас. Последний погибший. Не оставляй меня. И мы сможем положить конец этой войне.

Де Франко еще некоторое время сидит. Берет с середины стола гранату, протягивает руку с ней над столом. Смотрит он лишь на эльфа.

— Выдергивай чеку,— говорит он.— Давай. Ты выдернешь, а я подержу.

Эльф протягивает руку, берется за чеку и дергает ее, быстро.

Де Франко кладет гранату на стол между ними, и его губы шевелятся в молчаливом отсчете. Но потом он поднимает глаза на эльфа, а эльф смотрит на него. Де Франко выдавливает улыбку.

— Ты учился счету на этой штуковине?

Экран затягивают полосы.

Аппаратчица протянула руку и выключила экран, и некоторое время Агнес Финн смотрела мимо находящихся в кабинете. Слезы нечасто наворачивались ей на глаза. Сейчас глаза были мокры, и она старательно не смотрела на членов комиссии, которые здесь собрались.

— Будет обязательное расследование,— произнес мужчина из группы армейских.— Сегодня днем мы возьмем у майора показания.

— Ответственность лежит на мне,— сказала Финн.

Все было согласовано со штабом. Все было подготовлено заранее — разговор, формальности.

Кто-то должен был нанести прямой удар. Это мог быть и Назтак. Она отдала бы этот приказ, если бы все пошло по-другому. Верховное командование прикрыло бы ее. Записи можно было бы уничтожить. Пленки засекретить. Генерал-майор, который втянул ее в это безумие, а сам — в кусты, провернул это все через подчиненных. И вышел чистеньким.

— Бумага, полковник.

Она взглянула на них, придвинула к себе простой лист бумаги. Член комиссии забрал его и положил в папку. Осторожно.

— Это более чем доказательство,— сказала она.— Это договор. Туземцы признают его.

Она уже собрала вещи. Возвращалась обратно на одном корабле с телом эльфа, всю дорогу до Пелл и базы.

Когда по вещательной ленте поступил ответ эльфов, никто не удивился. Надежды возросли, когда сражение прекратилось и на фронт прибыла эльфийская делегация; однако возникло некоторое замешательство, когда эльфы осмотрели оба тела и взяли Де Франко. Только Де Франко.

Они похоронили его на изрытой снарядами равнине и поставили каменный памятник; на нем высекли все, что было о нем известно.

«Меня звали Джон Рэнд Де Франко,— сообщала надпись.— Я появился на свет на космической станции в двадцати световых годах отсюда. Я покинул свою мать и своих братьев. Все мои друзья были солдатами, и многие из них погибли раньше меня. Я пришел с войной и умер ради мира, несмотря на то что моя сторона побеждала. Я погиб от руки Ангана Анассиди, а он погиб от моей, ради мира, и мы были друзьями до последнего вздоха».

Эльфы — «суилти», вот как они называли себя сами,— приходили туда и приносили шелковые ленты и букеты цветов — цветов, посреди всей этой разрухи, и тысячами скорбели и плакали в своей бесстрастной, бесслезной манере.

По своему врагу.

Один из их сородичей находился на пути к человечеству. Чтобы человечество оплакивало его. «Меня звали Анган Анассиди» — будет написано на его могиле, и все остальное, что нужно. Быть может, ни один человек не прольет по нему ни слезинки. Кроме ветеранов Эльфляндии, когда они вернутся по домам, если заглянут на ту планету — они могут и всплакнуть, подобно Агнес Финн, на свой собственный лад, по своим погибшим, перед усыпальницей существа из иного мира.

Энн Маккефри

Энн Маккефри пишет научную фантастику почти полстолетия. Она опубликовала свой первый роман «Реконструкция» в 1967 году. Успех пришел после выхода в свет ее третьей книги «Корабль, который пел», вызвавшей много подражаний истории о синтезе человека и машины. Причем эта книга была написана задолго до начала течения киберпанк. Но прославила автора серия романов о планете Перн, начатая в 1968 году повестями «В поисках вейра» (премия «Хьюго») и «Оседлавший дракона» (премия «Небьюла»). Книги о планете Перн — это рассказ о землянах-колонистах, связанных симбиозом с местной расой разумных драконов. К данной серии примыкают три романа для юношества, действие которых тоже происходит на Перне,— «Песнь Перна», «Певица Перна», «Барабаны Перна», а также графический роман, созданный на основе «Полета дракона».

Особой похвалы критиков Маккефри удостоилась за создание галереи сильных женских характеров. Особенно в цикле романов о Ровене — «Ровена», «Дамия», «Башня и улей».

Маккефри также автор дилогии о сыщиках-экстрасенсах «Оседлай Пегаса» и «Полет на Пегасе» и дилогии об Ирете, действие которой происходит на планете динозавров. Ее рассказы изданы в сборнике «Не тронь единорога», сама же она является редактором антологии «Алхимия и Академия».

Оседлавший дракона

Этот Палец тычет в звезды,
Если ткнет он в Алый Глаз,
Вейры — в воздух! Вейры — в воздух!
Нити падают! Атас!!! *

— Ты все еще сомневаешься, Р'гул? — Казалось, Ф'лара слегка забавляет упорство пожилого всадника.

Р'гул, на чеканном лице которого застыло упрямое выражение, не обратил внимания на насмешку. Он стиснул зубы — так, словно мог раздавить ими власть Ф'лара над ним подобно лесному ореху,— затем сказал:

— В небесах Перна на протяжении четырехсот Оборотов не появлялись Нити. Их больше не существует!

— Вполне может быть,— миролюбиво согласился Ф'лар. Однако его янтарные глаза обдали собеседника холодом. Стало ясно, что он не пойдет на компромисс.

Слишком похож на Ф'лона, своего отца, решил Р'гул, даже больше, чем подобает сыну. Всегда слишком самоуверен, а на то, что делают и думают другие, смотрит с презрением... едва уловимым, однако же заметным. Дерзок... Высокомерен... и, кстати, не обошлось без интриг с молодой госпожой Вейра... Он, Р'гул, не жалея сил, наставлял ее, чтобы сделать одной из лучших повелительниц за многие Обороты. Когда он завершил ее обучение, девушка знала все необходимые Баллады и Саги слово в слово. А затем глупышка переметнулась к Ф'лару... у нее не хватило здравого смысла оценить достоинства более взрос-

* Стихи в переводе И. Андронати.

лого, более опытного мужчины. Может быть, она чувствовала себя обязанной Ф'лару, который нашел ее во время Поиска?

— Надеюсь, ты согласен с тем,— произнес Ф'лар,— что когда солнце на восходе касается Каменного Пальца, наступает зимнее солнцестояние?

— Любой глупец знает, для чего служит эта скала,— проворчал Р'гул.

— Но ты-то, старый дурак, не хочешь согласиться, что Глаз-Камень поставили на Звездную Скалу, чтобы отметить начало Прохождения Алой Звезды! — взорвался К'нет.

Р'гул покраснел и приподнялся в кресле, намереваясь дать нагоняй мальчишке за подобную наглость.

— К'нет! — раздался властный голос Ф'лара.— Тебе так понравилось летать на патрулирование Айгена, что ты хочешь еще пару недель позаниматься этим?

К'нет торопливо сел; лицо его залилось краской.

— Ты же знаешь, Р'гул, древние Баллады подтверждают мои выводы,— продолжал Ф'лар с обманчивой мягкостью.— Скала Палец нацелена на определенную точку в небесах. «Если ткнет он в Алый Глаз, Вейры...»

— Не читай мне стихов, которым я обучил тебя в юности! — вскипел Р'гул.

— Тогда поверь в то, чему сам учил,— бросил Ф'лар, и глаза его угрожающе сверкнули.

Р'гул, ошеломленный таким резким тоном, откинулся на спинку кресла.

— Ты не можешь отрицать, Р'гул,— спокойно продолжал Ф'лар,— что полчаса назад, когда восходящее солнце зависло над Пальцем, Алая Звезда появилась точно в отверстии Глаз-Камня.

Всадники, бронзовые и коричневые, собравшиеся в комнате Совета, одобрительно загудели. Было ясно, что их возмущает постоянное противодействие, которое Р'гул оказывал новому предводителю Вейра. Даже старый С'лел, некогда верный сторонник Р'гула, теперь предпочитал соглашаться с большинством.

— Никаких Нитей не было уже четыреста лет. Их не существует,— пробормотал Р'гул.

— Тогда, дорогой мой наставник,— весело сказал Ф'лар,— все, чему ты нас учил,— ложь. И драконы, и мы сами — паразиты, которых кормит Перн, пережиток старины. В точности, как утверждают владыки некоторых холдов. А посему,— молодой всадник усмехнулся,— я не собираюсь держать тебя здесь вопреки твоей совести. Ты можешь покинуть Вейр и поселиться, где пожелаешь.

Р'гул был слишком поражен словами молодого предводителя, чтобы обидеться на насмешку. Покинуть Вейр! Он что, рехнулся? Куда он пойдет? Вейр был его жизнью. Поколения его предков по мужской линии были всадниками. Не все, правда, бронзовыми, но большинство. Отец его матери был предводителем Вейра, как и он сам, пока Мнемент' Ф'лара не догнал новую королеву.

Всадники никогда не покидали Вейр просто так. Да, это случалось, но лишь в тех случаях, когда по собственной небрежности они теряли драконов — как этот Лайтол из Руата. Но разве он в состоянии покинуть Вейр *вместе* с драконом?

Чего, собственно, Ф'лар от него хочет? Разве не достаточно, что он сместил Р'гула, что теперь он — предводитель Вейра? И разве гордость его не тешит победа над лордами Перна, которые вознамерились было силой обуздать Вейр и всадников? Неужели Ф'лар желает властвовать над *каждым* всадником, над телом его и волей? Р'гул долго сидел с застывшим взором, не веря самому себе.

— Я не думаю, что мы — паразиты или пережиток.— Мягкий убедительный голос Ф'лара нарушил тишину.— Миновало четыреста Оборотов, Долгий Интервал. Такое бывало. Алая Звезда не всегда проходит достаточно близко, чтобы уронить Нити на Перн... Вот почему наши предки установили Палец и Глаз-Камень таким образом, чтобы точно отметить начало Прохождения. И еще одно...— Лицо его стало серьезным.— Были и раньше времена, когда вымирали почти все драконы — а вместе с ними и почти весь Перн — из-за таких упрямцев.— Ф'лар улыбнулся и, кивнув в сторону Р'гула, небрежно откинулся в кресле.— Так что я бы не спешил записываться в число скептиков. А ты, Р'гул?

В комнате Совета воцарилась напряженная тишина. Р'гул услышал чье-то напряженное дыхание и через мгновение сообразил, что оно вырывается из его собственной груди. Он взглянул в непреклонное лицо молодого предводителя Вейра и понял, что тот не бросал пустых угроз. Или он полностью подчинится власти Ф'лара — хотя одна мысль об этом глубоко ранила его,— или станет изгнанником. Куда же он направится? В один из других Вейров, заброшенных в течение сотен Оборотов? Но, с яростью подумал Р'гул, разве этот факт не является свидетельством того, что с Нитями покончено навсегда? Эти пять пустых Вейров? Он склонил голову. Нет, во имя Первого Яйца, он не уйдет! Надо выждать благоприятного случая — а до того, подобно Ф'лару, прибегнуть к обману. Когда весь Перн отвернется от этого самонадеянного юнца, он, Р'гул, будет на месте и попытается хоть что-нибудь спасти от разрушения.

— Крылатый живет в своем Вейре.— Р'гул поднял голову и, собрав все свое достоинство, взглянул в лицо Ф'лара.

— И признает власть его предводителя? — В тоне молодого всадника прозвучал не вопрос, а приказ.

Чтобы не осквернять язык ложью, Р'гул коротко кивнул. Ф'лар пристально посмотрел на него, и Р'гул забеспокоился: может быть, этот человек способен читать его мысли так же свободно, как его собственный дракон? Ему удалось выдержать взгляд предводителя, не опустив глаз. Его время придет. Он готов ждать.

По-видимому, удовлетворенный его капитуляцией, Ф'лар поднялся и стал распределять маршруты патрулирования.

— Т'бор, ты будешь наблюдать за погодой. Как обычно, следи за караванами, что везут десятину. Ты получил утренние донесения?

— На рассвете погода была хорошей — в областях Телгара и Керуна... разве что слишком холодно,— сказал Т'бор, усмехнувшись.— Зато дороги, по которым идут караваны, хороши — твердые, замерзшие. Скоро они достигнут Вейра.

Его глаза блеснули в предвкушении пира, которым по традиции отмечалась доставка свежих припасов. Судя по лицам всадников, многие разделяли это настроение.

— Отлично,— кивнул Ф'лар.— С'лан и Д'нол — вам нужно продолжать поиск подходящих мальчишек. Старайтесь выбирать подростков, но не оставляйте без внимания любого, в ком обнаружите ментальную силу. Конечно, лучше было бы осуществить Запечатление ребят, воспитанных в традициях Вейра, но их слишком мало в нижних пещерах... Мы сильно отстаем от холдов в производстве потомства.— Ф'лар улыбнулся уголком рта.— Да и драконы вырастают быстрее, чем их всадники. Нам нужно больше молодых мужчин для Запечатления, когда Рамот'а отложит свой первый выводок. Осмотрите южные холды — Исту, Нерат, Форт и Южный Болл — там зрелость наступает раньше. Вы можете поговорить с мальчиками под предлогом проверки, как идут работы по очистке холдов от растительности. Возьмите с собой огненный камень и сделайте пару заходов над теми возвышенностями, что не были очищены вовремя. Огнедышащие звери производят впечатление на молодых.

Ф'лар бросил взгляд на Р'гула, пытаясь уловить реакцию бывшего предводителя. Р'гул был категорически против поисков кандидатов за пределами Вейра. Во-первых, утверждал он, вполне достаточно восемнадцати мальчиков, подрастающих в нижних пещерах. Правда, некоторые мальчики еще слишком юны, чтобы можно было проверить их способности, но Р'гул не допускал мысли, что Рамот'а отложит больше дюжины яиц, как всегда делала Неморт'а. Во-вторых, Р'гул стремился избегать любых действий, способных вызвать раздражение лордов.

Теперь он не возразил ничего, и Ф'лар продолжил:

— К'нет, лети в карьеры. Я хочу, чтобы ты проверил каждый склад огненного камня и выяснил размеры наших запасов. Р'гул, продолжай обучать молодежь распознаванию ориентиров. Они должны четко усвоить, где находятся контрольные точки. Если им придется стать посыльными или доставлять припасы, нужно, чтобы они действовали быстро и уверенно; времени на вопросы не будет.

— Ф'нор, Т'сам,— повернулся Ф'лар к своим коричневым всадникам,— сегодня вам придется иметь дело с мусо-

ром.— Он усмехнулся при виде их смятения.— Проведайте соседний Вейр, Исту. Расчистите пещеру молодняка и несколько вейров, чтобы разместить два крыла. Ф'нор, не пропускай ни одной Записи. Их нужно сохранить. На сегодня все, всадники.— Он поднялся и широкими шагами направился из комнаты Совета в королевский вейр.

Рамот'а еще спала, ее шкура сияла, отливая то светлым золотом, то более темными, почти бронзовыми оттенками. Верный признак того, что она ждет потомства. Когда всадник проходил мимо, кончик ее длинного хвоста слегка шевельнулся.

Все драконы в такое время испытывают беспокойство, припомнил Ф'лар. Но когда он однажды спросил Мнемент'а, бронзовый не смог объяснить причины. Дракон вдруг просыпается, потом снова засыпает... вот и все. Ф'лар не стал больше приставать с вопросами; ему пришлось удовлетвориться тем неясным соображением, что тревога зверей является инстинктивной.

Лессы в спальне не было; в комнате с бассейном царила тишина. Ф'лар прислушался, не раздастся ли плеск воды, и насмешливо фыркнул. Эта девушка моется каждую минуту, словно хочет содрать свою кожу. Конечно, в Руате ей приходилось жить в грязи, чтобы не привлекать излишнего внимания... но купаться дважды в день! Он начинал подозревать, что эта подчеркнутая страсть к чистоте является обидным намеком, адресованным лично ему... этаким тайным оскорблением — вполне в стиле Лессы.

Ф'лар вздохнул. Лесса... Когда же сердце девушки обратится к нему? Сможет ли он коснуться его невидимых скрытых струн? Она теплее относилась к его брату Ф'нору и К'нету, самому молодому из бронзовых всадников... Она улыбалась им чаще, чем Ф'лару, с которым делила постель.

Он раздраженно оглядел комнату. Куда же Лесса исчезла сегодня — как раз в тот момент, когда он, отправив все крылья на патрулирование, собирался поговорить с ней о полетах в Промежутке?

Рамот'а скоро слишком отяжелеет для таких дел. Но он дал Лессе обещание и собирался его сдержать. Последнее

время она стала носить кожаную одежду всадника... наверняка, чтобы напомнить ему кое-что. И по некоторым ее замечаниям Ф'лар понял, что девушка не станет долго дожидаться и рискнет обойтись и без его помощи. Ему совсем не хотелось, чтобы она ринулась в Промежуток без всякой подготовки.

Он вновь пересек королевский вейр и заглянул в проход, ведущий в зал, где хранились Архивы. Частенько там можно было застать Лессу, склонившуюся над заплесневелыми пергаментами. Листы древних Записей портились, строчки становились неразборчивыми; пора подумать о том, чтобы как-то восстановить их... Но любопытно: более ранние Записи находились в лучшем состоянии... еще одно забытое искусство древности.

Однако где же она? Ф'лар отбросил со лба густую прядь волос характерным жестом, выдававшим его раздражение или озабоченность. В проходе было темно — значит, в зале Архивов никого нет.

«Мнемент',— беззвучно позвал он бронзового, который наслаждался теплом солнечных лучей на карнизе королевского вейра,— чем занята девушка?»

«Лесса,— ответил дракон, с подчеркнутой учтивостью выделяя имя госпожи Вейра,— беседует с Манорой. Она оделась в дорожный костюм»,— добавил он после небольшой паузы.

Ф'лар не без иронии поблагодарил его и торопливо двинулся по коридорам в нижние пещеры. Завернув за последний поворот, он едва не сбил с ног Лессу.

«Ты же не спрашивал, *где* она»,— пожаловался Мнемент' в ответ на проклятие Ф'лара.

Столкновение было столь сильным, что Лесса с трудом удержалась на ногах. Она уставилась на Ф'лара, недовольно сжав губы и сердито сверкая глазами.

— Почему мне не дали взглянуть на Алую Звезду сквозь Глаз-Камень? — гневно выпалила девушка.

Ф'лар поднял руку к волосам. Столкнуться с Лессой, когда она так раздражена... это завершало список утренних испытаний.

— Слишком многие хотели посмотреть... всем не разместиться на скале,— пробормотал он, решив, что сегодня ей не удастся вывести его из равновесия.— А ты... ты и так все знаешь.

— И все же мне хотелось бы увидеть,— сухо сказала она и, обойдя Ф'лара, шагнула в сторону вейра.— Конечно, если я имею на это право — как госпожа Вейра и его архивариус.

Он схватил девушку за руку и почувствовал, как напряглось ее тело. Стиснув зубы, Ф'лар в сотый раз после брачного полета Рамот'ы пожалел, что Лесса была девственницей. Тогда ему и в голову не пришло сдержать свой темперамент, подогретый брачными играми драконов, и первый женский опыт Лессы получился... несколько бурным. Откровенно говоря, не будь происходящее связано с Рамот'ой и Мнемент'ом, он назвал бы это просто насилием. Ф'лара удивило, что он оказался первым,— учитывая, что свою юность Лесса провела, прислуживая похотливым управляющим и воякам Фэкса. Видимо, никто не смог проникнуть под завесу лохмотьев и слой грязи, под эту непроницаемую маскировку...

С тех пор Ф'лар стал гораздо более внимательным и ласковым с ней. И он знал, что однажды так или иначе его старания будут вознаграждены. Он гордился тем, что не был новичком в искусстве любви,— и именно это позволяло ему надеяться на ответное чувство.

Глубоко вздохнув, он подавил гнев и отпустил ее руку.

— Как удачно, что ты надела костюм для полетов,— сказал он.— Когда крылья улетят на патрулирование и Рамот'а проснется, я собираюсь рассказать тебе кое-что о полетах в Промежутке.

Наградой ему было восхищенное сияние ее глаз, заметное даже в полутьме прохода. Девушка взволнованно задышала.

— Больше откладывать нельзя, иначе Рамот'а окажется не способной к полету,— дружелюбно продолжал Ф'лар.

— Ты серьезно? — В ее тихом голосе не было обычных язвительных ноток.— Ты начнешь учить меня сегодня?

Ему хотелось увидеть сейчас ее лицо. Раз или два Ф'лар замечал, как на нем мелькнула нежность. Он многим пожертвовал бы, чтобы это чувство было обращено к нему. Однако, усмехнулся он про себя, следует быть довольным, что ее нежность направлена только на Рамот'у, а не на другого мужчину.

— Да, дорогая моя госпожа, я говорю серьезно. Сегодня я научу тебя летать в Промежутке. Хотя бы затем,— он церемонно поклонился,— чтобы ты не попыталась сделать это самостоятельно.

Услышав ее негромкий смешок, Ф'лар понял, что шутка не вызвала раздражения.

— Но сейчас,— сказал он, жестом приглашая ее первой проследовать в вейр,— я бы чего-нибудь поел. Мы встали раньше, чем женщины на кухне.

Впрочем, когда они вошли в хорошо освещенную пещеру Рамот'ы, Ф'лар поймал косой взгляд девушки, брошенный на него. Значит, так легко она не простит, что ее забыли включить утром в группу наблюдателей у Звездной Скалы,— и уж конечно, такую вину не искупишь полетом в Промежуток.

Как все тут изменилось, подумал Ф'лар, оглядывая комнату, пока Лесса, открыв дверцу шахты, заказывала еду. Когда Йора была госпожой Вейра, спальню наполнял разный хлам, грязная одежда и немытая посуда. Упадок Вейра являлся ее виной — в той же степени, что и Р'гула; косвенно она поощряла праздность, обжорство и лень.

Если бы он, Ф'лар, был хоть на несколько лет старше, когда погиб Ф'лон, его отец... Йора казалась ему омерзительной, но когда драконы поднимаются в брачном полете, привлекательность партнера не имеет значения...

Лесса вытащила из шахты подъемника поднос с хлебом, сыром и кружками кла, горячившего кровь, проворно накрыла на стол.

— Ты тоже не завтракала? — спросил Ф'лар.

Она энергично замотала головой; тяжелый жгут, в который она заплела свои густые прекрасные волосы, хлестнул по плечам. Такая прическа была слишком строгой для узкого лица девушки, но она скрывала, если это входило в планы Лессы, ее женственность и изысканную прелесть

утонченных черт. В который раз Ф'лар изумился, как могло это хрупкое нежное тело заключать в себе столько силы... Сколько проницательного ума и решительности скрывалось за гладким лбом... и хитрости — да, хитрости, вот верное слово! Ф'лар не допустит ошибки, которую совершили другие — те, кто недооценил ее способности.

— Манора позвала меня, чтобы засвидетельствовать рождение ребенка Килары.

Ф'лар сохранил на лице выражение вежливого интереса. Он прекрасно знал о подозрениях Лессы, считавшей, что он и есть отец ребенка,— и втайне признавался себе, что так действительно могло случиться. Правда, он сомневался. Килара была одной из девушек-кандидаток, обнаруженных во время того же Поиска три года назад, когда он нашел Лессу. Как и другие, пережившие церемонию Запечатления, Килара решила, что некоторые стороны жизни Вейра весьма соответствуют ее темпераменту. Она переходила из вейра в вейр, от одного всадника к другому. Она соблазнила даже Ф'лара — правда, он не слишком сопротивлялся, если говорить начистоту. Теперь, став предводителем Вейра, он счел благоразумным игнорировать ее попытки восстановить эти отношения. Наконец, Килара попала в руки Т'бора, который держал ее в своем вейре до тех пор, пока заметная беременность не заставила его отправить женщину в нижние пещеры.

Помимо любвеобильности — не меньшей, чем у зеленого дракона,— Килара была сообразительной и честолюбивой. Из нее вышла бы хорошая госпожа Вейра, и Ф'лар поручил Лессе и Маноре заронить эту мысль в голову женщины. В качестве госпожи Вейра... *другого* Вейра... она могла бы использовать свой ум и силу на благо Перна. Жизнь не преподала Киларе таких уроков терпения и сдержанности, как Лессе, и она не обладала ее хитростью. К тому же она заметно побаивалась Лессы — и, как подозревал Ф'лар, тут не обошлось без намеренного влияния его подруги. Но в данном случае он не возражал против ее вмешательства.

— Чудесный мальчик,— заметила Лесса.

Ф'лар спокойно потягивал кла. Ей не удастся навязать ему ответственность за это дитя.

После долгой паузы Лесса добавила:

— Она назвала его Т'кил.

Ф'лар сдержал улыбку. На этот раз ей не удалось вывести его из себя.

— Очень благоразумно с ее стороны.

— О?

— Да,— мягко подтвердил Ф'лар.— Имя Т'лар могло бы кое-кого и смутить, если бы Килара по традиции использовала вторую половину своего имени. А «Т'кил» — это может указывать как на отца, так и на мать.

— Пока шел Совет,— сказала Лесса,— мы с Манорой проверили запасы провизии. Убогое зрелище. Но караваны с десятиной, которую лорды так любезно выслали нам,— голос ее стал резким,— появятся через неделю. Скоро у нас будет хлеб, пригодный для еды,— добавила она, с гримасой отвращения накладывая сыр на кусок ломкого, сухого и серого хлеба.

— Превосходно,— согласился Ф'лар.

Она помолчала.

— Алая Звезда появилась вовремя? И там, где предсказывают архивные Записи?

Ф'лар кивнул.

— Значит, сомнения Р'гула растаяли под ее сиянием?

— Если бы,— улыбнулся Ф'лар, не обращая внимания на сарказм молодой женщины.— Ничуть! Но теперь его возражения станут не такими громогласными.

Лесса с трудом прожевала хлеб и покачала головой.

— Тебе стоило бы полностью пресечь их,— безжалостно заявила она, сделав движение ножом, словно протыкала им сердце.— Он никогда добровольно не признает твою власть.

— Нам нужен каждый бронзовый всадник... ведь их только семь, ты же знаешь,— напомнил он.— Р'гул — хороший командир крыла. Он угомонится, когда начнут падать Нити. Это рассеет его сомнения.

— Алая Звезда в отверстии Глаз-Камня — разве не доказательство? — Бездонные глаза Лессы расширились.

Ф'лар втайне согласился с ней — было бы мудрее отделаться от сварливого упрямца. Но пожертвовать командиром крыла он не мог; в будущем, неясном и страшном, каждый всадник и каждый дракон могли оказаться незаменимыми.

— Я не доверяю ему,— мрачно произнесла Лесса.

Она отхлебнула теплого кла, ее серые глаза над краем кружки затуманились.

«Словно она и мне не доверяет»,— мелькнула мысль у Ф'лара.

Да, она и ему верила только до определенного момента. Она явно дала это понять — и, говоря откровенно, Ф'лар не мог ее винить. Она признавала, что все его усилия направлены на безопасность и сохранение драконов и людей Вейра — а следовательно, на безопасность и сохранение всего Перна. Чтобы действовать эффективно, он нуждался в ее поддержке, полной и безоговорочной. Правда, она умела подавлять свою антипатию к нему. На Советах, когда обсуждались дела Вейра, она поддерживала Ф'лара искренне и убедительно. Однако он всегда искал скрытый смысл в ее словах и видел затаившуюся в глазах подозрительность. Пока дела обстояли именно так. Она проявляет терпимость, не более, а он жаждал добиться искреннего сопереживания.

— Скажи мне,— произнесла Лесса после долгой паузы,— солнце коснулось Каменного Пальца до того, как Алая Звезда появилась в отверстии Глаз-Камня, или после?

— По правде говоря, я не знаю, я сам не видел этого. Совмещение длится лишь несколько мгновений... Но хроники сообщают, что оба события должны происходить одновременно.

Лесса нахмурилась.

— Чем же ты занимался в это время? Р'гулом?

Она явно рассердилась, и Ф'лар безуспешно пытался заглянуть ей в глаза.

— Я — предводитель Вейра,— сухо напомнил он. Поистине, эта женщина несносна.

Лесса удостоила его долгим тяжелым взглядом и склонилась над тарелкой, заканчивая трапезу. Ела она очень мало, быстро и опрятно. Того, чем она довольствовалась в течение дня, вряд ли хватило бы, чтобы накормить больного ребенка. Если сравнить с Йорой... но вряд ли имело смысл сравнивать Лессу с Йорой.

Он закончил завтрак и рассеянно поставил кружку на пустой поднос. Она молча поднялась и убрала со стола.

— Как только крылья покинут Вейр, мы тоже отправимся,— сказал Ф'лар.

— Да, ты уже говорил.— Она кивнула в сторону спящей королевы, чье золотистое тело виднелось под аркой сводчатого прохода.— Но нам все равно нужно дождаться, пока проснется Рамот'а.

— Наверно, уже скоро. Она шевелит хвостом целый час.

— Да... как обычно в это время.

Перегнувшись через стол и в задумчивости сдвинув брови, Ф'лар наблюдал, как золотистый раздвоенный кончик хвоста королевы судорожно дергается из стороны в сторону.

— Мнемент' просыпается так же. Беспокоится. И всегда — на рассвете или ранним утром. Словно начало дня ассоциируется у них с чем-то неприятным...

— С восходом Алой Звезды,— вскользь бросила Лесса.

Что-то изменилось в тоне девушки, и Ф'лар быстро поднял на нее взгляд. Теперь на лице ее нельзя было заметить и следа раздражения из-за пропущенного утром зрелища. Глаза Лессы уставились куда-то в пустоту; лоб, вначале гладкий, прорезали морщинки тревоги; губы плотно сжались.

— На рассвете... Да, на рассвете сны предостерегают нас...— пробормотала она.

— О чем ты? — спросил он удивленно.

— Это случилось утром... за несколько дней до того, как ты и Фэкс нагрянули в Руат... Что-то разбудило меня... какое-то очень сильное воздействие... Оно создавало ощущение ужасной угрозы...— Лесса помолчала.— Алая Звезда только что взошла на северо-востоке.

Она судорожно прижала руки к груди; внезапно тело ее содрогнулось. Девушка в упор посмотрела на Ф'лара.

— Вы с Фэксом тоже пришли с северо-востока, из Крома,— резко сказала она.

— Да, все так и было.— Он улыбнулся ей, живо представив то утро.— Пожалуй, я оказал тебе неплохую услугу,— добавил он и, в подтверждение своих слов, обвел широким жестом огромную пещеру.— Но ты, кажется, вспоминаешь об этом без особого удовольствия?

Она смерила его холодным непроницаемым взглядом.

— Опасность приходит под разными масками.

— Согласен,— дружелюбно ответил Ф'лар, полный решимости не поддаваться и сохранить самообладание.— Случались ли у тебя еще такие же внезапные пробуждения? — небрежно осведомился он.

Абсолютная тишина повисла в комнате. Удивленный, он взглянул на Лессу. Все краски исчезли с ее лица.

— В тот день, когда Фэкс напал на Руат-холд...— прошептала она едва слышно.

Глаза девушки были широко открыты и неподвижны, пальцы с побелевшими костяшками вцепились в край стола. Она молчала так долго, что Ф'лар уже начал беспокоиться.

— Расскажи,— мягко попросил он.

Она заговорила — невыразительным бесстрастным голосом, словно читала одну из традиционных Баллад или рассказывала историю, произошедшую совсем с другим человеком.

— Я была ребенком... одиннадцать... всего одиннадцать Оборотов... Я проснулась на рассвете...

Голос ее затих. Глаза по-прежнему смотрели куда-то в пространство, словно наблюдая события, случившиеся давным-давно. Страстное желание утешить ее охватило Ф'лара. Внезапно он понял, какой неизбывный ужас носит она в сердце; его поразило, что он не подумал об этом раньше.

Мнемент' сообщил ему, что Лесса очень обеспокоена. Не хватает только, чтобы ее душевные страдания пробудили Рамот'у, укоризненно добавил бронзовый. Потом его

тон изменился. Он передал, что Р'гул наконец-то вылетел вместе со своими юными учениками — но в таком настроении, что Хат', его дракон, совершенно сбит с толку... Неужели Ф'лару нужно перебудоражить всех и каждого в этом Вейре?

— О, помолчи,— тихо бросил Ф'лар.

— Что? — спросила Лесса; голос ее был уже нормальным.

— Я не тебе, дорогая моя госпожа,— заверил он, ласково улыбнувшись и стараясь показать, что не заметил ее странного оцепенения.— Мнемент' последнее время слишком часто лезет с советами.

— Каков всадник, таков и дракон,— съязвила она.

Рамот'а гулко зевнула. Лесса мигом вскочила и бросилась к ней. Стройная изящная фигурка девушки застыла перед шестифутовой головой зверя.

Она смотрела в сияющие переливчатые глаза Рамот'ы, не замечая, как нежность и обожание проступают на ее лице. Ф'лар скрипнул зубами... Он ревновал... Да, во имя Первого Яйца, он ревновал к дракону, на которого изливалась вся эта любовь!

В его сознании возник прерывистый гул — то, что заменяло Мнемент'у смех.

— Она голодна,— сообщила Лесса Ф'лару; мягкая линия рта и сияние серых глаз еще хранили отголосок нежности, вызванной пробуждением ее королевы.

— Она всегда голодна,— заметил он и последовал за ними к выходу из вейра.

Мнемент' галантно парил над самым карнизом, ожидая, когда взлетит Рамот'а. Королева скользнула вниз, в огромную чашу Бендена, промчалась над озером, окутанным туманом, и приземлилась у площадки кормления на противоположном конце вытянутого овала, образующего дно Вейра. В испещренных бороздами отвесных стенах зияли отверстия туннелей, ведущих в вейры; карнизы перед ними были пусты. Раньше в это время дня на них всегда сидели несколько драконов, греющихся в лучах зимнего солнца.

Ф'лар оседлал гладкую бронзовую шею Мнемент'а и, любуясь полетом королевы, с надеждой подумал о потомстве, зреющем в ее чреве. Он верил, что первый же выводок Рамот'ы затмит воспоминания о жалкой дюжине яиц, которые обычно откладывала Неморт'а.

Пожалуй, он мог в этом не сомневаться — после великолепного брачного полета Рамот'ы с его Мнемент'ом. Бронзовый самодовольно поддакнул ему, и оба окинули молодую королеву взглядами собственников. Она была вдвое больше Неморт'ы, с крыльями раза в полтора длиннее, чем у Мнемент'а — самого крупного из семи бронзовых самцов. Ф'лар надеялся заселить с помощью Рамот'ы пять пустующих Вейров — так же, как надеялся на себя и Лессу. Вдвоем они восстановят гордость и славу Племени Дракона — и всего Перна. Главное, чтобы ему хватило времени выполнить задуманное. Алая Звезда сверкнула в отверстии Глаз-Камня. Скоро начнут падать Нити... Когда же? Он не знал. Может быть, в Архивах одного из заброшенных Вейров он найдет ответ?

Мнемент' приземлился. Ф'лар спрыгнул с изогнутой шеи бронзового и встал рядом с Лессой. Все трое наблюдали, как Рамот'а, ухватив передними лапами пару крупных птиц, поднималась к ближайшему карнизу.

— Неужели ее аппетит никогда не уменьшится? — спросила Лесса; тревога и ласка звучали в ее голосе. Раньше Рамот'а ела, чтобы расти. Теперь, достигнув полной зрелости, она продолжала есть ради своего потомства. И занималась этим весьма добросовестно.

Ф'лар рассмеялся и присел на корточки. Подобрав несколько драконьих чешуек, он стал швырять их вдоль ровной поверхности площадки, по-мальчишески считая клубы взбиваемой пыли.

— Придет время, когда она перестанет съедать все, что попадается на глаза,— заверил он Лессу.— Но она еще очень молода...

— И должна набираться сил,— закончила Лесса, подражая менторскому тону Р'гула.

Ф'лар взглянул на нее снизу вверх, щурясь в лучах зимнего солнца, повисшего над краем чаши.

— Она уже выросла и выглядит превосходно — особенно если сравнивать с Неморт'ой. Впрочем, какое тут может быть сравнение.— Он презрительно фыркнул.— Однако перейдем к делу. Посмотри-ка сюда.

Он показал пальцем на полосу разглаженного песка, и Лесса увидела, что его игра с чешуйками не была праздным занятием. Перед ней возник план, который всадник быстро дополнил с помощью нескольких линий и камешков.

— Чтобы дракон мог летать в Промежутке, он должен знать, куда направляться. И ты, кстати, тоже.— Он усмехнулся, заметив, как сердито блеснули ее глаза.— Да, последствия неточно рассчитанного прыжка могут оказаться трагическими. Если всадник плохо представляет себе опорные точки, то может застрять в Промежутке вместе с драконом. Эти точки — или опознавательные ориентиры — изучают все юноши. Посмотри,— он показал на свой чертеж, затем вытянул руку в сторону пика Бенден,— вот первая точка — Звездная Скала и Каменный Палец рядом с ней. Когда мы взлетим, ты поднимешься рядом со Звездной Скалой — так, чтобы увидеть отверстие в Глаз-Камне. Пусть эта картина навечно сохранится в твоей памяти. Передай ее Рамот'е — и она всегда приведет тебя домой.

— Понятно,— кивнула девушка.— Но как я получу представление о тех местах, которые никогда не видела?

Ф'лар улыбнулся.

— Тебя будут обучать. Сначала твой инструктор,— он ткнул себя в грудь,— а затем ты посетишь все опорные точки, причем их мысленные образы Рамот'а получит от *своего* инструктора.— Ф'лар указал на Мнемент'а.

Бронзовый опустил клиновидную голову — так, что один его огромный радужный глаз засиял прямо перед лицами людей,— и издал негромкое довольное рычание.

При виде сверкающего глаза, повисшего перед ней, словно инкрустированное драгоценными камнями круглое зеркало, Лесса рассмеялась и с неожиданной нежностью погладила мягкий нос зверя.

Пораженный Ф'лар поперхнулся. Он знал, что Мнемент' питает к молодой госпоже Вейра исключительную

привязанность, но никак не ожидал, что она отвечает бронзовому взаимностью. Почему-то на сердце у него стало тяжело.

— Итак,— произнес он, и сам удивился, насколько неестественно зазвучал его голос,— мы заставляем молодых всадников совершать путешествия ко всем основным опорным точкам — ко всем холдам и Вейрам по всему Перну,— чтобы они запечатлели их в памяти. Когда всадник запоминает главные ориентиры, ему сообщают ряд дополнительных точек. Таким образом, чтобы отправиться в Промежуток, нужно лишь четко представлять образ места, куда ты хочешь попасть. Кроме того, всегда нужно появляться над опорной точкой сверху, в открытом небе.

Лесса задумчиво нахмурилась.

— Лучше завершить прыжок в воздушном пространстве,— он взмахнул рукой над головой,— чем под поверхностью земли.— Ф'лар хлопнул ладонью по своему чертежу, подняв облачко пыли.

— Но в тот день, когда лорды попытались атаковать Вейр, крылья отправлялись в Промежуток прямо из чаши,— напомнила Лесса.

Да, ей не откажешь в сообразительности, подумал Ф'лар. Пристально посмотрев на девушку, он пояснил:

— Иногда приходится поступать так... но на риск идут только самые опытные всадники.— Он помолчал.— Однажды мы наткнулись на дракона и всадника, погребенных в скале. Они оба... были очень молоды.— Глаза его помрачнели.

— Мне все понятно,— торжественно заверила Лесса. Она посмотрела вверх и кивнула в сторону Рамот'ы, которая несла очередную жертву на залитый кровью карниз.— Это уже пятая!

— Уверяю тебя, сегодня ей придется сбросить лишний вес,— заметил Ф'лар. Он встал и хлопнул перчатками по коленям, отряхивая пыль.— Выясни, в каком она настроении.

Лесса послала безмолвный вопрос: «Наелась?»

И сурово сжала губы — Рамот'а с негодованием отвергла бестактное предположение. Королева вновь ринулась вниз,

схватила огромную птицу и взмыла в шквале серых, коричневых и белых перьев.

— Она не так голодна, как хочет показать,— усмехнулся Ф'лар, заметив, что Лесса пришла к тому же выводу. В глазах ее сверкнуло нетерпение.

— Если ты быстро покончишь с птицей, Рамот'а, у нас, может быть, останется время, чтобы поучиться летать в Промежутке,— громко сказала девушка — так, чтобы слышал Ф'лар.— Торопись, иначе наш любезный предводитель Вейра передумает.

Оторвавшись от трапезы, Рамот'а повернула голову в сторону двух всадников, которые стояли на краю площадки кормления. В солнечных лучах глаза ее переливались неярким пламенем. Она вновь принялась за еду, но Лесса уловила разгоравшуюся искорку интереса и поняла, что дракон подчинится.

Холодный ветер высоты обжигал лицо. Лесса радовалась, что ее согревают меховая подкладка одежды и тепло огромной золотистой шеи, на которой она восседала. Она не решалась думать о леденящем холоде Промежутка, который испытала только один раз. Склонив голову, девушка взглянула вниз, где парил бронзовый Мнемент'.

«Ф'лар говорит мне, чтобы я передал Рамот'е сообщение для тебя,— уловила она мысль дракона.— Он просит, чтобы ты запечатлела в памяти вид с высоты на Звездную Скалу — ориентир нашего Вейра. Мы полетим к озеру на плоскогорье, а затем ты должна будешь вернуться через Промежуток точно в эту точку. Ты все поняла?»

Бронзовый закончил передачу, но его теплое дружелюбие все еще обволакивало Лессу. Она улыбнулась в предвкушении прыжка и энергично кивнула головой. Какая удача, что ее дар позволяет напрямую говорить с любым драконом! Сколько времени это экономит!

Она снова посмотрела вниз на Мнемент'а. Дракон взмахнул крыльями, отливавшими в солнечном свете зеленовато-коричневыми оттенками, и грациозно устремился по плавной кривой к озеру, находившемуся на плато у подно-

жия пика Бенден. Его огромное тело мелькнуло над самым краем чаши, и на какой-то миг Лессе показалось, что столкновение неизбежно. Рамот'а ринулась следом. При виде остроконечных скал, проносящихся под крыльями дракона, у девушки захватило дыхание. Возбуждение и пьянящий восторг переполнили ее.

Мнемент' замер у дальнего берега озера, поджидая золотую королеву. Он снова напомнил Лессе, что она должна четко представить себе место, куда хочет попасть. И приказать Рамот'е очутиться там.

Лесса закрыла глаза — и плоская вершина Звездной Скалы с торчащим прямоугольником Глаз-Камня всплыла в ее памяти. В следующее мгновение ужасный, пронизывающий до костей холод Промежутка окутал ее. Но прежде чем она успела осознать что-либо, кроме ледяного прикосновения и мрака безбрежной пустоты, под крыльями Рамот'ы возникла чаша Бендена.

Лесса торжествующе вскрикнула. Как все просто, как невероятно просто! Рамот'а казалась разочарованной.

Чуть позади них возник Мнемент'.

«Теперь попробуй вернуться к озеру»,— передал он, и Рамот'а снова ринулась в черную пропасть, не дождавшись конца фразы.

Разъяренный Мнемент' тут же очутился рядом.

«Ты не представила мысленно точку переноса! — загрохотало в голове Лессы.— Не думай, что после единственной удачной попытки ты достигла совершенства! Ты еще не изведала опасности и ужаса, скрытых в Промежутке! Никогда — слышишь? — *никогда* не забывай представить место, куда хочешь перенестись».

Лесса взглянула на Ф'лара. Даже на расстоянии двух размахов крыльев она видела, как гнев исказил его лицо, ощущала сверкавшую в глазах ярость. И страх. Всепоглощающий страх за нее... Или за Рамот'у? За родоначальницу бесчисленных поколений драконов, которые владели его душой и сердцем?

«Ты должна следовать за нами,— продолжал Мнемент' более спокойно.— Сейчас мы совершим несколько прыжков между двумя точками, с которыми ты уже познакомилась. Потом пройдемся по другим ориентирам вокруг Бендена».

Этим они и занимались все утро, добравшись до самого Бенден-холда, откуда пик Вейра казался далекой неясной тенью на фоне полуденного неба. Теперь Лесса не забывала перед каждым прыжком представить вид местности, над которой они должны вынырнуть из Промежутка.

Как интересно, изумительно интересно, призналась она Рамот'е. Но та пренебрежительно фыркнула. Несомненно, полеты в Промежутке предпочтительнее нудных и отнимающих время способов передвижения, которыми приходилось пользоваться другим обитателям Перна. Однако Рамот'а не считала интересным прыгать из Бенден-Вейра и обратно. Ей было скучно.

Наконец Рамот'а зависла рядом с Мнемент'ом над Звездной Скалой. Бронзовый сообщил Лессе, что первое занятие прошло весьма удовлетворительно. Завтра они потренируются в более далеких прыжках.

Завтра, хмуро подумала Лесса, случится что-нибудь непредвиденное. А может быть, наш предводитель Вейра, такой занятой, решит, что выполнил свое обещание, дав ей первый урок. И на этом все кончится. Вместе с мечтой о полетах в далекие края.

Но *один* прыжок она могла совершить из любого места Перна — и не промахнуться.

Лесса мысленно представила себе Руат — так, как выглядел холд с возвышающихся за ним скал. Она передала его изображение Рамот'е. Чтобы все было ясно, Лесса представила полосу каменной террасы под стенами холда, сложный узор зияющих ям для огненного камня, россыпи ферм на берегу Тиллека... До нашествия Фэкса долина Руата кипела жизнью...

Она послала Рамот'у в Промежуток.

На этот раз холод длился целую вечность. Ужас охватил Лессу, ей казалось уже, что они навсегда затерялись в черной бездне Промежутка... Но внезапно неяркий свет разлился вокруг — они были в небе над холдом. Восторг

охватил девушку. Какое ей дело до Ф'лара, слишком мнительного и осторожного! С Рамот'ой она может прыгать куда угодно!

Она узнавала характерный профиль обрамляющих Руат скал, каменные столбы Прохода, меж которыми змеилась дорога в Кром... их черные конусы резко выделялись на фоне светлеющего сероватого неба. Предрассветное время, час последних снов... Она подняла голову — Алая Звезда больше не сияла на утреннем небосклоне. И воздух... он был другим! Холодным, да — но не зимним! Скорее — влажным и прохладным, как ранней весной...

В испуге Лесса взглянула вниз, решив, что каким-то образом допустила ошибку. Но нет, она парила над Руат-холдом. Башня, контуры внутреннего двора, широкая дорога, сбегавшая вниз к мастерским... все было именно таким, как она помнила. Струйки дыма тянулись из труб далеких ферм; люди готовились встретить новый день.

Рамот'а заметила ее сомнения и начала требовать объяснений.

«Это Руат,— решительно подтвердила Лесса.— Сделай круг над скалами... Видишь, вот ряды ям для огненного камня... они расположены точно так, как я представляла...»

Внезапно у Лессы перехватило дыхание, и ледяной холод ужаса сковал мышцы.

Внизу, в неярком свете раннего утра, она увидела размытые контуры серой змеи, медленно переползавшей через скалистый гребень над Руатом... Воинский отряд, и довольно большой... Люди двигались тихо, украдкой, словно преступники.

Она не хотела привлекать их внимания и приказала Рамот'е парить в вышине кругами. Удивившись, та повиновалась.

Кто же мог подготовить нападение на Руат? Это казалось невероятным! Ведь Лайтол, бывший всадник, уже успел один раз проучить любителей чужого добра. Неужели среди властителей холдов снова могла зародиться мысль о захвате — теперь, когда предводителем Вейра стал Ф'лар? И кто из лордов рискнул пойти на такую глупость — затеять войну зимой?

Нет, не зимой. Воздух, несомненно, был весенним.

Люди продолжали осторожно пробираться мимо ям для огненного камня, скапливаясь у обрыва над Руатом. Неожиданно Лесса поняла, что они уже спускают веревочные лестницы вниз, прямо к открытым окнам внутренних помещений холда.

Она судорожно вцепилась в шею Рамот'ы, потрясенная внезапным озарением.

Это Фэкс со своими людьми — Фэкс, тринадцать Оборотов назад захвативший Руат! Проклятый Фэкс, чьи кости почти три Оборота гниют в земле!

Да, там был еще часовой на главной башне; Лесса могла различить белое пятно его лица. Он стоял, повернувшись к обрыву, и спокойно смотрел на спускавшихся вниз солдат. Наверно, пересчитывал в уме монеты, которыми оплатили его молчание.

Но страж порога — чуткий, обученный поднимать тревогу при виде чужих,— почему молчал он?

«Потому,— сообщила Рамот'а с холодной логикой своего племени,— что он ощущает наше присутствие. Всадник и дракон в небе — разве может угрожать холду опасность?»

«Нет, нет! — мысленно простонала Лесса.— Что же мне делать? Как разбудить их? Где та девочка, которой я была тогда? Я помню, все помню! Я спала, потом проснулась и кинулась из комнаты. Что-то напугало меня. Лестница... Я спустилась вниз и чуть не упала. Мне надо было добраться до конуры стража... до его логова...»

Лесса прижалась к шее Рамот'ы, словно в поисках опоры. Тайны ее детства вдруг стали прозрачными, как воды горного потока. *Она сама* послала то предупреждение, которое заставило ее пробудиться от ужаса тринадцать Оборотов назад! И страж не подал сигнала потому, что она парила на драконе над башнями Руата!

В безмолвном оцепенении Лесса наблюдала, как маленькая фигурка в серой тунике выскочила из дверей главного зала, торопливо скользнула вниз по холодной каменной лестнице, запнувшись на последней ступеньке, и, перебежав двор, исчезла в логове стража. Лессе показалось,

что она расслышала жалобный детский плач. Едва девочка скрылась в своем ненадежном убежище, как солдаты Фэкса ворвались в открытые окна холда и начали расправу над ее спящей семьей.

«Назад, в Бенден!» — в паническом ужасе приказала Лесса. Перед ее застывшими глазами возник образ путеводных камней на вершине хребта — спасительный символ дома, который указывал направление дракону и помогал сохранить рассудок самой всаднице.

На этот раз ледяное дыхание Промежутка позволило ей обрести равновесие. Через несколько мгновений они зависли над зимним Вейром, таким спокойным и мирным, что их прыжок сквозь время в Руат мог показаться кошмарным сном. Впрочем, на Рамот'у этот полет не произвел особого впечатления. Она отправилась туда, куда ей велели, и не совсем понимала, почему их путешествие так взволновало Лессу.

Ф'лара и Мнемент'а нигде не было видно. Рамот'а предположила, что бронзовый мог последовать за ними в Руат, и если Лесса даст ей *правильные* ориентиры, она готова совершить вторую попытку.

Девушка снова представила Руат — не идиллическую цветущую долину своего детства, а серый мрачный холд с Алой Звездой, мерцающей на предрассветном небосклоне.

И вновь она очутилась там, в сумрачном небе, нависшем над остроконечными скалами и быстрым потоком Тиллека. Растительность покрывала камни холда, полуразрушенную кирпичную кладку и обвалившиеся ямы; убогие фермы и жалкие поля виднелись внизу, окруженные остатками некогда знаменитых руатанских садов... Картина полного упадка, которого она добивалась долгие годы, стараясь лишить Фэкса малейшей выгоды от завоевания Руата...

Смутная тревога наполнила ее сердце. Лесса разглядела тонкую фигурку, скользнувшую во двор из кухни, увидела стража, ползшего за ней, пока натянутая цепь не остановила зверя... Кутаясь в лохмотья, девушка поднялась на башню и встала у парапета, вглядываясь в изломанные си-

луэты возвышавшихся на востоке гор... потом повернулась к северо-востоку.

У Лессы закружилась голова. Она снова попала в Руат прошлых дней! На этот раз она вернулась на три Оборота назад, чтобы увидеть жалкую служанку в грязном тряпье, строящую планы мести Фэксу...

Холод Промежутка охватил ее, когда Рамот'а устремилась обратно к надежным и вечным камням Бендена. Вцепившись в ее шею дрожащими руками, Лесса вгляделась в знакомую чашу Вейра, страстно надеясь, что им удалось избежать нового смещения во времени. Внезапно в небе чуть ниже Рамот'ы возник Мнемент'; девушка не смогла сдержать возглас облегчения.

«Возвращайтесь в свой вейр!» — ударил в голову яростный приказ Мнемент'а.

Лесса испытала слишком сильное потрясение, чтобы возражать. Они скользнули вниз, к своему карнизу, затем Рамот'а поспешно освободила место для приземляющегося бронзового.

Ф'лар, с перекошенным от бешенства лицом, надвигался на нее, словно грозовая туча. Лесса не пыталась ускользнуть, когда могучие руки всадника сжали ее плечи. Он сильно встряхнул ее и прошипел прерывающимся от гнева голосом:

— Как ты посмела рисковать своей жизнью и жизнью Рамот'ы? Почему ты все делаешь мне назло? Или тебе не ясно, что случится с Перном, если мы потеряем королеву? Где ты была? — При каждом вопросе он тряс ее так, что у девушки дергалась голова.

— В Руате,— выдавила Лесса, стараясь удержаться на ногах. Она попыталась схватить его за руки, но всадник тряхнул ее снова.

— В Руате? Мы были там — и не нашли тебя! Куда ты отправилась?

— В Руат! — закричала Лесса, отчаянно цепляясь за него. Ноги ее подгибались, мысли путались от непрерывной тряски.

«Она действительно была в Руате»,— раздался бесплотный голос Мнемент'а.

«Мы летали туда дважды»,— уточнила Рамот'а.

Слова драконов, спокойные и холодные, дошли до сознания Ф'лара, и он перестал трясти Лессу. Обессиленная, девушка повисла в его руках, глаза ее были закрыты, лицо смертельно побледнело. Ф'лар поднял ее и бросился в вейр королевы; драконы последовали за ним. Опустив Лессу на ложе, он плотно закутал ее в меховое покрывало, подошел к шахте подъемника и велел прислать наверх горячего кла. Затем Ф'лар повернулся к девушке.

— Ну, что же все-таки случилось? — спросил он.

Лесса не смотрела на него, но Ф'лар заметил, как ее беспокойный взгляд обежал комнату. Она несколько раз моргнула, словно пыталась стереть проплывавшие перед глазами видения.

Наконец, немного успокоившись, девушка тихо прошептала:

— Я действительно была в Руате. Только... я была в *прежнем* Руате.

— В прежнем Руате? — с удивлением повторил Ф'лар; гнев и раздражение моментально покинули его.

«Да, это не подлежит сомнению»,— подтвердил Мнемент', посылая своему всаднику несколько картин, заимствованных из памяти Рамот'ы.

Потрясенный, Ф'лар медленно опустился на край постели и всмотрелся в бледное лицо девушки.

— Ты была в Промежутке между временами?

Она медленно кивнула. Ужас в ее глазах начал таять.

— Промежуток между временами...— пробормотал Ф'лар.— Интересно...

Мысли у него в голове скакали и мчались, словно струи горного потока в тесном ущелье. В борьбе за выживание открытие Лессы вполне могло склонить чашу весов в пользу Вейра. Он еще не придумал, как использовать такую замечательную возможность, но был уверен, что Племя Крылатых должно извлечь из нее пользу.

В шахте загрохотал подъемник. Всадник снял с его платформы кувшин и налил две кружки. Руки Лессы дрожали так сильно, что она не могла поднести напиток к губам.

Ф'лар помог ей, раздумывая над тем, не связан ли сильный шок с перемещением в Промежутке между временами. Если подобное путешествие вызывает такие последствия, вряд ли здесь удастся что-либо выиграть.

Теперь Лессу била дрожь. Он обнял ее, ощутив сквозь мех тепло хрупкого тела, и заставил сделать несколько глотков. Дрожь постепенно стихала; отхлебнув кла, девушка сделала несколько глубоких вдохов, медленных и трудных, пытаясь успокоиться. Ф'лар почувствовал, как напряглись ее плечи, и опустил руку.

«Ощущала ли она привязанность хоть к кому-нибудь после того, как Фэкс захватил Руат?» — подумал Ф'лар.

Скорее всего, нет, если говорить о людях. Ей исполнилось тогда одиннадцать, совсем ребенок... Неужели ненависть и жажда мести были единственными чувствами, которые испытывала взрослевшая девушка?

Она взяла кружку из его пальцев, сделала глоток и опустила, осторожно покачивая в ладонях, словно хрупкий глиняный сосуд заключал в себе что-то важное.

— Рассказывай,— спокойно произнес Ф'лар.

Она снова сделала долгий глубокий вдох и начала рассказ, сжимая кружку побелевшими пальцами. Ф'лар чувствовал, что смятение еще не покинуло ее; просто теперь она могла его контролировать.

— Нам с Рамот'ой надоели эти ребяческие упражнения,— чистосердечно призналась девушка.

Возможно, это приключение заставит ее стать осмотрительней, но вряд ли сделает более послушной, мрачно отметил Ф'лар. Он сильно сомневался, что такие обстоятельства вообще существуют.

— Я передала Рамот'е картину Руата... я хотела попасть туда.— Она не смотрела на Ф'лара, низко склонив голову.— Мне вспомнился Руат — таким, как во времена моего детства... и я нечаянно отправила Рамот'у в тот... в тот день, когда напал Фэкс.

Теперь Ф'лару стала ясна причина ее потрясения.

— И...— подсказал он, стараясь говорить спокойно.

— И я увидела себя...— Голос ее сорвался. Прикрыв глаза ладонью, она с усилием продолжала: — Я послала Ра-

мот'е мысленный образ холда... если смотреть с высоты, со скал над ямами для огненного камня... Мы появились над ними... Начинало светать, и в небе не было Алой Звезды.— Она опустила руку и бросила на всадника быстрый взгляд, словно ожидала возражений.— Я увидела людей... много людей... они крались мимо ям, потом начали спускать лестницы к верхним окнам холда... Я видела, как часовой на башне наблюдал за ними... Просто наблюдал! — Лесса стиснула зубы, и в глазах ее сверкнула ненависть.— И я увидела себя... девочку, бежавшую в логово стража... А знаешь, почему он не поднял тревогу? — Голос ее понизился до шепота.

— Почему же?

— В небе парил дракон... дракон Лессы Руатанской! — Она отшвырнула кружку на покрывало, словно желая таким образом избавиться от горького знания.— И страж не издал ни звука... бедный глупый зверь... он думал, что все в порядке, раз в небе находится кто-то из рода руатанских властителей... А значит, я сама,— тело ее напряглось, судорога пробежала по лицу,— именно я виновата в том, что вырезали мою семью... Не Фэкс! Если бы я не совершила эту глупость... если бы меня и Рамот'ы там не было и страж поднял тревогу...

Казалось, сейчас у нее начнется истерика. Ф'лар резко ударил девушку по щеке, потом, схватив вместе с покрывалом, сильно встряхнул. Гнев его давно прошел, уступив место щемящей нежности и беспокойству. Да, она была непокорной, неуправляемой, упрямой — но это привлекало его не меньше, чем ее странная сумрачная прелесть. Ее капризы могли привести в бешенство кого угодно — но они являлись неотъемлемой частью ее натуры, ее индивидуальности, ее души... Сегодня ей пришлось пережить страшное потрясение; и чем быстрее она сможет восстановить присущую ей твердую уверенность, тем лучше.

— Послушай, Лесса,— резко произнес Ф'лар.— Фэкс все равно перебил бы твою семью. Он тщательно спланировал нападение и нанес удар именно в то утро, когда на башне дежурил подкупленный часовой... он сумел найти

такого среди охраны Руата. Вспомни, ведь уже рассвело, а страж порога — ночной зверь и плохо видит при свете дня. Твое присутствие там ничего не изменило; в любом случае, оно не было решающим фактором. Все, что ты сделала — и это очень важное обстоятельство,— ты спасла себя, невольно послав предупреждение ребенку, которым была в то время. Что же здесь плохого?

— Я могла бы крикнуть,— обреченно пробормотала Лесса, но безумный блеск в ее глазах погас, и лицо слегка порозовело.

— Что ж, если тебе доставляет удовольствие мучить себя...— Он пожал плечами с показным безразличием.

Ничего нельзя изменить, добавила Рамот'а. Они посетили Руат, затем Фэкс захватил его. Значит, оба события были неизбежны — как в тот день, тринадцать Оборотов назад, так и сегодня. Иначе каким образом смогла бы Лесса выжить — а потом появиться в Вейре, чтобы пройти вместе с ней, Рамот'ой, обряд Запечатления?

Ф'лар испытующе посмотрел на Лессу, пытаясь понять, какое впечатление произвела на нее отповедь королевы.

— Рамот'а любит оставлять за собой последнее слово,— сказала девушка, и тень прежней насмешливой улыбки мелькнула на ее губах.

Ф'лар позволил себе немного расслабиться. Пожалуй, с ней все будет в порядке, решил он, но нужно заставить ее выговориться до конца, чтобы выяснить все обстоятельства этого странного происшествия.

— Ты сказала, что вы посетили Руат дважды.— Он откинулся на подушку, пристально наблюдая за девушкой.— Когда же во второй раз?

— Угадай,— сказала она; ее губы снова дрогнули в улыбке.

— Не знаю,— солгал Ф'лар.

— Мы попали в то утро, когда я проснулась с ощущением угрозы, которую несет Алая Звезда... За три дня до того, как вы с Фэксом появились с северо-запада.

— Можно предположить,— заметил Ф'лар,— что оба раза ты была обязана этими предчувствиями самой себе.

Она кивнула.

— У тебя возникали еще такие предчувствия... или, скажем определеннее, предостережения?

Лесса вздрогнула; в ее ответе прозвучал былой сарказм:

— Нет, но если хочешь испытать такое, отправляйся туда сам. Я больше не хочу.

Ф'лар сердито нахмурился.

— Мне хотелось бы, однако, знать,— торопливо добавила Лесса,— как все это могло случиться?

— Я никогда не сталкивался с упоминанием о подобном событии,— чистосердечно признался Ф'лар.— Но раз ты это сделала — значит, это возможно. Ты говоришь, что представила Руат — таким, каким он выглядел в определенный день. Конечно, день должен запомниться. Ты думала о весне, о предрассветном времени, о ямах для огненного камня — помню, ты говорила об этом... Значит, как обычно, нужно указать ориентиры такого знаменательного дня, чтобы перенестись в прошлое через Промежуток между временами.

Девушка задумчиво кивнула.

— Второй раз ты действовала таким же образом, чтобы попасть в Руат — в тот Руат, который ты запомнила три Оборота назад... И снова была весна...

Он потер ладони, затем звонко хлопнул ими по коленям и встал.

— Я вернусь,— сказал он и вышел из комнаты, не обращая внимания на ее предостерегающий вскрик.

Ф'лар прошел мимо Рамот'ы, уже свернувшейся в своем вейре. Несмотря на утомительные утренние упражнения, шкура ее отливала золотом. Королева проводила его сонным взглядом; ее сияющие глаза уже затягивала пленка внутреннего века.

Мнемент' ждал своего всадника на карнизе. Как только Ф'лар оказался на шее дракона, зверь кругами взмыл вверх и завис над Звездной Скалой.

«Ты хочешь повторить трюк Лессы»,— уверенно сообщил Мнемент'; казалось, его не смущает предстоящее путешествие.

Ф'лар нежно похлопал по громадной изогнутой шее.

«Ты понимаешь, что сделали Рамот'а и Лесса?»

«Кто угодно способен это понять,— ответил бронзовый, совершая некое мысленное движение, сходное с пожатием плеч.— В какое время ты хочешь попасть?»

Об этом Ф'лар не имел ни малейшего представления. Теперь же память вернула его в тот летний день, когда бронзовый Хат' догнал в брачном полете Неморт'у,— в день, когда Р'гул стал предводителем Вейра вместо его отца, Ф'лона.

Только обжигающий холод Промежутка подтвердил, что перенос совершен; они по-прежнему парили над Звездной Скалой. Ф'лар забеспокоился — ему показалось, что они потерпели неудачу. Затем он ощутил по-летнему теплый воздух и увидел, что солнце давно перевалило за полдень. Лежащий внизу Вейр казался безлюдным; не видно было ни драконов, греющихся на карнизах, ни женщин, занятых своими делами у входов в нижние пещеры.

Вдруг со стороны туннеля, ведущего в помещения молодняка, появились две фигуры — подросток и молодой бронзовый дракон. Рука мальчика безвольно касалась шеи зверя; он шел, едва переставляя ноги. Чувство глубокого горя и подавленности окатило парящих в вышине наблюдателей. Пара остановилась у озера; мальчик, не отводя глаз, долго смотрел в тихие голубые воды, затем повернул голову в сторону королевского вейра.

Ф'лар знал, что этим мальчиком был он сам. Сожаление охватило его. Если бы он мог утешить подростка, переполненного обидой и горем... если бы он мог сказать ему, что власть над Вейром вернется к роду Ф'лона...

Внезапно, словно испугавшись этих мыслей, Ф'лар приказал Мнемент'у вернуться назад. Ледяное дыхание Промежутка обожгло лицо и тут же сменилось порывом знобящего зимнего ветра.

Мнемент' широко распростер крылья, медленно планируя вниз, к вейру молодой королевы. Оба — и всадник, и дракон — хранили молчание, потрясенные мелькнувшим видением прошлого.

Во славу Вейра и на благо Холда
Взмывайте вверх, за вашей королевой —
Стремительней, чем молния из злата,
Летит она, пронизывая небо.
Ее догонит лишь один счастливец
И воедино с золотой сольется.
Три месяца продлится ожиданье
И пять недель, томительных и жарких,
И будет день — торжественный, счастливый
Великий день — Рождение драконов,
Которым суждено парить над Перном
Во славу Вейра и на благо Холда.

— Не понимаю, зачем ты велел Ф'нору привезти эту рухлядь из Исты,— раздраженно воскликнула Лесса.— Здесь нет ничего, кроме скучных записей о количестве мер зерна, что пошли на выпечку хлеба за день.

Ф'лар поднял на нее глаза, оторвавшись от старого пергамента. Вздохнув, всадник откинулся в кресле и потянулся так, что затрещали кости.

— А я-то думала,— сказала Лесса, и на ее узком подвижном лице проступило уныние,— что такие священные хроники — кладезь человеческой мудрости, вершина знаний о драконах. Во всяком случае, меня учили верить в это,— ядовито добавила она.

— Правильно,— усмехнулся Ф'лар.— Только нужные знания нам предстоит откопать.

Лесса сморщила нос.

— Фу... Они пахнут так, словно кожа выделана нашими ремесленниками, но полсотни Оборотов назад... Думаю, лучше всего было бы закопать их поглубже.

— *Вот еще один вопрос, который я надеюсь выяснить:* старый метод предохранения пергамента от тления.

— Нелепо использовать для записей пергамент. Должно же быть что-то получше... Мы становимся, дорогой мой предводитель Вейра, слишком привязанными к кожам и шкурам.

Ф'лар расхохотался, но девушка смотрела на него с бесстрастной серьезностью. Вдруг она вскочила, воспламененная новой идеей.

— Знаешь, ты ничего тут не найдешь. Тех указаний и фактов, которые ищешь. Я ведь догадываюсь, что именно ты хочешь обнаружить... но этого в Записях просто нет!

— Пожалуйста, объясни.

— Пора смириться с неприятной истиной!

— Какой же?

Она отмахнулась от его вопроса и возбужденно продолжала:

— Мы оба решили, что Алая Звезда несет угрозу и вскоре появятся Нити. Но что лежит в основе такого предположения? Только наше тщеславие и жажда власти! Затем мы отправились в более ранние времена, в самые критические моменты твоей жизни и моей... и невольно убедили в этом самих себя. Ты, например, внушил подростку Ф'лару, что ему назначено судьбой стать предводителем Вейра.— В словах ее прозвучала явная насмешка.— Возможно,— продолжала она, сделав паузу,— наш осторожный Р'гул прав в своих сомнениях, и никаких Нитей больше не существует. Вот почему драконов осталось так мало... Они просто чувствуют, что больше не нужны Перну. Как и мы — древний пережиток... паразиты.

Ф'лар не мог сказать, сколько времени он сидел молча, глядя в ее лицо, возбужденное и презрительное, и размышляя над ответом.

— Все возможно, госпожа Вейра,— раздался наконец его спокойный голос.— Даже то, что одиннадцатилетняя девочка, напуганная до смерти, сумела составить план мести убийце, уничтожившему ее семью, и добиться успеха. Хотя шансы ее были близки к нулю.

Она невольно подалась вперед, пораженная его словами.

— Я хотел бы верить,— твердо продолжал всадник,— что в жизни есть более важные вещи, чем выращивание драконов и участие в весенних Играх. *Мне* этого мало. И я заставил других взглянуть дальше... за пределы сегодняшнего дня, сиюминутных интересов и мелких проблем. Я дал им цель, дело. Надеюсь, это пошло всем на пользу — и всадникам, и обитателям холдов.

Ф'лар положил ладонь на кипу громоздящихся на столе старых пергаментов. Лицо его было спокойным и задумчивым.

— Я не ищу в этих Архивах оправдания своим действиям; мне нужны факты. Тут написано, что были длинные Интервалы, во время которых Вейры приходили в упадок... что Алая Звезда пройдет близко к Перну и сбросит Нити, если в день зимнего солнцестояния ее видно сквозь отверстие в Глаз-Камне... Эти факты — наше древнее знание, и я верю в них... верю, что Перн в опасности. Это *моя* уверенность... моя, а не того юнца, которым я был пятнадцать Оборотов назад. Я, Ф'лар, бронзовый всадник, предводитель Вейра, уверен в этом!

Он увидел, как в глазах Лессы мелькнула тень сомнения, но почувствовал, что его аргументы начинают ее убеждать.

— Однажды ты поверила мне,— мягко произнес он,— когда я обещал, что ты станешь госпожой Вейра. Ты поверила — и теперь...— Он обвел широким жестом зал Архивов — как доказательство своих слов.

На губах Лессы мелькнула слабая улыбка.

— Я пошла за тобой, потому что не знала, как жить дальше... что мне делать после того, как я увидела Фэкса мертвым у моих ног.

Ф'лар отодвинул в сторону толстый журнал и, облокотившись о стол, подался к девушке. Глаза его сверкнули.

— Верь мне, Лесса, пока не появятся факты — реальные факты, а не рассуждения, способные разрушить твою веру. Я уважаю твои сомнения; в них нет ничего плохого. Сомнения иногда ведут еще к большей вере. Подожди до весны. И если к тому времени не упадут Нити...— Он пожал плечами.

Лесса долго смотрела на всадника, потом медленно склонила голову в знак согласия. Ф'лар постарался скрыть вздох облегчения. Лесса, как убедился Фэкс, была безжалостным противником. Но она могла стать и мудрым союзником.

— А теперь вернемся к нашим скучным Записям.— Он улыбнулся девушке.— Они, знаешь ли, многое говорят мне — о месте, времени, длительности атак Нитей.

— Но ты же искал сроки, когда начнется их падение...

— Во всяком случае, не сейчас. Когда держится такой холод, Нити становятся ломкими и превращаются в пыль, которую сносит ветер. Сейчас они безвредны. Однако в теплом воздухе — жизнеспособны и смертельно опасны. Посмотри.— Ф'лар, сжав кулаки, развел их в стороны.— Моя правая рука — Алая Звезда, левая — Перн. Алая Звезда вращается в противоположном нам направлении и очень быстро...— Он покрутил кулаком, приподняв его.

— Откуда ты знаешь это?

— Из схемы, вырубленной на стене Форт-Вейра. Вспомни, Форт — самый первый Вейр.

Лесса кивнула.

— Итак, Звезда проходит около Перна, и Нити срываются вниз волнами, каждая из которых падает в течение шести часов. Они следуют друг за другом с интервалом в четырнадцать часов...

— Атаки продолжаются по шесть часов?

— Да,— кивнул Ф'лар,— когда Алая Звезда ближе всего к нам.

Он начал рыться в листах пергамента на столе, и какой-то предмет с металлическим звоном упал на каменный пол. Лесса с любопытством потянулась за ним; в ее руках оказалась тонкая блестящая пластинка.

— Что это? — Она провела пальцем по четкому рисунку на одной стороне пластины.

— Не знаю. Ф'нор привез это из Форта. Пластинка была прибита к крышке сундука с Записями. Ф'нор подумал, что на ней может оказаться что-то важное, и прихватил с собой. Он сказал, что такая же пластинка врезана в каменную стену под чертежом с Алой Звездой.

Лесса вертела пластинку в руках, пытаясь разобрать древние письмена.

— Начало тут вполне понятное: «Отец отца матери, который навечно отбыл в Промежуток, сказал, что знает ключ к тайне. Мысль явилась к нему в час съесты — и он произнес то, что произнес: АРРЕНИУС? ЭВРИКА! МИКОРИЗА...» Да тут — полная бессмыслица,— фыркнула Лес-

са.— Съеста и эти три последних слова... таких ведь нет в перинитском языке!

— Я размышлял над этим текстом,— сказал Ф'лар, бросив взгляд на пластинку, словно хотел еще раз убедиться в правильности своих выводов.— Отбыть навечно в Промежуток — значит умереть — так? Люди не улетают туда навсегда по своей воле. Значит, перед нами предсмертные слова, послушно записанные правнуком... который к тому же не слишком хорошо владел стилом. Написать «в час съесты» вместо «в час смерти»...— Он снисходительно улыбнулся.— Что касается остальной части надписи, которая идет после этой нелепицы, то она, как всякий предсмертный бред, раскрывает тайны, хорошо известные нам. Читай дальше.

— «Извергающие пламя огненные ящерицы способны уничтожать гифы. Итак, quod erat demonstrandum — что и требовалось доказать!» Что это?

— Трудно сказать. Возможно, наивная радость древнего всадника, впервые столкнувшегося со способностями драконов. Но он даже не знает правильного названия для Нитей.— Ф'лар пожал плечами.

Лесса внимательно рассматривала пластинку. Блестящий гладкий металл мог заменить зеркало, если бы его не покрывали строки текста и нанесенные ниже рисунки. Смочив кончик пальца, она попыталась стереть надпись. Однако буквы оставались четкими.

— Возможно, они были наивными, но их способ записи превосходит все, что я видела. Текст отлично сохранился,— пробормотала девушка.

— Отлично сохранившийся бред,— прокомментировал Ф'лар, возвращаясь к своим пергаментам.

— Может быть, это отрывки старой Баллады,— предположила Лесса, со вздохом откладывая пластинку.— И тут какой-то рисунок... непонятный и не очень красивый.

Ф'лар расстелил на столе карту, изображавшую Северный континент Перна, исчерканный горизонтальными стрелками.

— Посмотри,— сказал он,— здесь представлены направления атак, а на этой карте,— он вытащил второй лист,

на котором континент покрывали вертикальные линии,— нарисованы часовые пояса. Ты можешь убедиться, что только определенные участки Перна подвергаются нападениям с четырнадцатичасовым перерывом. На основе этой схемы были размещены Вейры.

— Шесть Вейров,— пробормотала Лесса,— две-три тысячи драконов...

— Я знаю,— подтвердил Ф'лар бесстрастно.— Таким образом, любой из Вейров мог отбить самую свирепую атаку. Но это не значит, что нам нужно не менее двух тысяч зверей. Пользуясь этими графиками, мы сможем продержаться, пока не повзрослеют первые выводки Рамот'ы.

Лесса с недоумением взглянула на него.

— Не слишком ли ты рассчитываешь на ее возможности?

— Я больше рассчитываю на факты, которые зафиксированы в этих Архивах! — нетерпеливо отмахнулся Ф'лар.— Я говорю, конечно, не о количестве мер зерна, пошедших на выпечку хлеба. Тут есть и другое. Время, когда крылья вылетали на патрулирование, длительность полетов, количество раненых всадников... Скорость размножения в период Прохождения, который длится почти пятьдесят Оборотов, и темп их воспроизводства в Интервалах... Да, здесь все сказано. Из того, что я здесь вычитал,— он с силой хлопнул ладонью по стопке пыльных пергаментов,— следует, что Немор'та должна была спариваться дважды за Оборот в течение последних десяти. И если бы каждый раз она приносила свою дюжину яиц, мы имели бы теперь на двести сорок драконов больше... Однако госпожой Вейра у нас была Йора, а предводителем — Р'гул, и за время долгого Интервала мы впали в немилость у всей планеты...— Он сделал паузу, затем махнул в сторону коридора, ведущего в королевский вейр.— Но теперь у нас есть Рамот'а — и она принесет не жалкую дюжину, она отложит золотое яйцо, попомни мои слова! Она будет часто подниматься в брачный полет и давать обильное потомство. Когда Алая Звезда подойдет к нам ближе всего и атаки станут частыми, мы будем готовы.

Лесса уставилась на всадника, ее глаза недоверчиво расширились.

— Благодаря Рамот'е?

— Да, и благодаря королевам из ее выводков. Не веришь? Тогда прочитай в Архивах о Фарант'е, приносившей по шестьдесят яиц за раз, и среди них — несколько королевских!

Изумленная Лесса медленно покачала головой.

— Вспомни: «И будет день — торжественный, счастливый, Великий день — Рождение драконов»,— нараспев произнес Ф'лар.

— Но до кладки еще много недель, а потом яйца должны созреть...

— Ты навещала в последние дни площадку Рождений? Советую надеть сапоги. Сквозь подошву сандалий песок обожжет тебе ноги.

Он откинулся в кресле, забавляясь ее озадаченным видом. Лесса покачала головой.

— Но тебе еще нужно провести обряд Запечатления и подождать, пока вырастут всадники...

— А как ты думаешь, почему я стараюсь найти мальчиков постарше? Драконы взрослеют намного раньше своих всадников.

— Но ты нарушаешь традиции...

Он прищурил глаза, играя стилом.

— Эти традиции возникли много поколений назад... Но приходит время, когда человек становится слишком привержен традициям, слишком — как ты сказала? — слишком привязан к шкурам. Да, древние Законы рекомендуют использовать детей, родившихся в Вейре,— потому что это удобнее. Способности к общению с драконами усиливаются, если отец и мать выросли в Вейре. Но не всегда воспитанник Вейра — лучший. Ты, например...

— В роду руатанских властителей текла кровь Вейра,— гордо сказала Лесса.

— Разумеется. Но посмотри на молодого Натона — он вырос в мастерских Набола и все же, как говорил мне Ф'нор, может понять Кант'а.

— О, это совсем не трудно,— перебила Лесса и тут же прикусила язык.

— Что ты имеешь в виду? — Ф'лар в изумлении поднял брови.— Неужели...

Его перебил пронзительный трубный рев. Мгновение он напряженно прислушивался, затем с улыбкой пожал плечами.

— Опять гоняются за какой-то зеленой...

— Еще один вопрос, на который твои Архивы не дают ответа. Почему только золотой дракон способен к размножению?

— Ну, во-первых, огненный камень подавляет у самок способность к воспроизводству,— ответил Ф'лар.— Если бы зеленые не жевали камень, они тоже могли бы откладывать яйца. Но их приплод слишком мелкий, а нам нужны крупные звери. А во-вторых,— продолжал всадник с озорной улыбкой,— если бы зеленые могли размножаться, то, учитывая их количество и любвеобильность, мы мигом оказались бы по уши в драконах.

К трубному реву первого дракона присоединился другой, затем — третий, четвертый, пока их голоса не слились в громоподобный низкий гул, который, казалось, порождали сами скалы Вейра. Удивление на лице Ф'лара сменилось торжеством. Он вскочил и бросился к проходу на карниз.

— В чем дело? — закричала Лесса, подбирая длинный подол платья и устремляясь следом.— Что происходит?

В вейре королевы гул, отраженный от стен, стал оглушающим. Лесса увидела, что каменное ложе Рамот'ы опустело. Где-то впереди в коридоре она слышала топот сапог Ф'лара. Рев превратился в вой — высокий, почти на пороге слышимости. У Лессы заломило в висках; обеспокоенная и испуганная, она побежала за Ф'ларом.

Когда она очутилась на карнизе, чаша гудела от грохота крыльев драконов, устремившихся к верхнему входу на площадку Рождений. К обрамленному аркой нижнему входу текли возбужденные, галдящие обитатели Вейра — всадники, женщины, дети. Лесса заметила Ф'лара, пробиравше-

гося сквозь толпу, и крикнула, чтобы он подождал ее. Но Ф'лар, конечно, ничего не услышал в царившем вокруг шуме.

Лесса торопливо направилась к лестнице. Она кипела от ярости; ей пришлось спуститься вниз, к площадке для кормления, а затем снова подняться по каменным ступеням, ведущим к проходу на площадку Рождений. Взбираясь по лестнице, Лесса сообразила, что она, госпожа Вейра, прибудет на место одной из последних.

Почему же Рамот'а не сообщила, что ее время подошло? Неужели она не хотела видеть Лессу в такой момент?

«Дракон знает, что надо делать»,— достигла ее сознания спокойная мысль Рамот'ы.

«Ты могла хотя бы сказать мне!» — чуть не вскричала вслух Лесса; она чувствовала себя оскорбленной.

Ф'лар рассказывал ей байки о легендарных королевах древности и их огромном потомстве — а в это время ее Рамот'а откладывала первое яйцо! Такой поворот событий мог вывести из себя кого угодно!

Тут Лесса вспомнила замечание Ф'лара о состоянии песчаной площадки Рождений. Она вступила в огромный каменный зал и сразу же почувствовала жар сквозь подошвы сандалий. Люди широким кругом толпились в дальнем конце пещеры, переминаясь с ноги на ногу. У Лессы возникло подозрение, что она вообще ничего не увидит; шеренги рослых всадников отгораживали от нее Рамот'у.

— Пропустите меня! — громко закричала она, колотя маленькими кулачками в широкие спины мужчин.

Всадники расступились, образовав проход, и она двинулась к площадке Рождений — не глядя по сторонам, сердитая и взъерошенная. Горячий песок заставлял идти торопливым семенящим шагом, и Лессе казалось, что она выглядит нелепо в такой важный момент.

Внезапно она остановилась, забыв про обжигающий ноги песок. Перед ней сверкала целая груда драконьих яиц. Рамот'а золотистым кольцом свернулась вокруг кладки; она выглядела одновременно довольной и встревоженной. Ее огромное крыло непрерывно двигалось, то открывая, то снова прикрывая яйца, так что их трудно было сосчитать.

«Никто их не тронет, глупышка! Перестань суетиться»,— передала Лесса.

Рамот'а послушно сложила крылья. Однако ее материнское беспокойство, по-видимому, требовало выхода — она вытянула шею над кучей пестрых яиц, оглядывая пещеру и время от времени выбрасывая длинный, раздвоенный на конце язык.

Мощный вздох, словно порыв ветра, пронесся под сводами каменного зала. Теперь, когда Рамот'а сложила крылья, среди пестрых яиц можно было разглядеть одно очень крупное — сияющее ярким золотом. Королевское яйцо!

Кто-то схватил Лессу за плечи и от избытка чувств закружил в танце. Горячие губы прижались к ее щеке. Не успела девушка коснуться земли, как опять попала в чьи-то объятия — ей показалось, к Маноре. Ее поздравляли, перебрасывали из рук в руки, обнимали, толкали — пока она, измученная этим гамом, суетой и болью в ногах, не начала энергично пробираться вперед.

Лесса вырвалась из ликующей толпы и перебежала через площадку к Рамот'е. Склонившись над яйцами, она заметила, что их скорлупа кажется мягкой; они еле заметно пульсировали, полные невидимой пока жизни. Лесса могла поклясться, что в день Запечатления Рамот'ы скорлупа яиц была твердой. Ей хотелось коснуться их и проверить свое наблюдение, но она не осмелилась.

«Можешь потрогать»,— снисходительно разрешила Рамот'а, ласково коснувшись языком плеча девушки.

Яйцо на ощупь было мягким, и Лесса отдернула руку, опасаясь его повредить.

«Они скоро затвердеют от тепла»,— сообщила Рамот'а.

— Я так горжусь тобой,— полушепотом выдохнула Лесса, с любовью всматриваясь в огромные сияющие глаза своей подруги.— Ты самая замечательная из всех королев! Ты сможешь заселить драконами все пустые Вейры — я уверена!

Рамот'а царственно склонила голову, затем, изогнув гибкую шею, удовлетворенно оглядела свои сокровища. Внезапно она громко зашипела, приподнялась и захлопа-

ла крыльями; через мгновение к сверкающей груде добавилось еще одно яйцо.

Песок обжигал ноги, и обитатели Вейра, выразив почтение королеве, начали расходиться. Рамот'е требовалось несколько дней, чтобы завершить кладку, и ждать не было смысла. Рядом с золотым уже лежали семь яиц, что предвещало солидный итог. Пока всадники заключали пари, Рамот'а отложила девятое пестрое яйцо.

— Как я и предполагал, королевское яйцо, клянусь Скорлупой! — услышала Лесса над ухом голос Ф'лара.— Готов поспорить, что будет не меньше десятка бронзовых!

Лесса заглянула в сверкающие торжеством глаза всадника; сейчас ее переполнял такой же восторг. Она повернула голову и увидела Мнемент'а, гордо восседавшего на скальном уступе. Почти непроизвольно Лесса накрыла своей ладонью большую руку Ф'лара.

— Я верю в тебя, верю,— шепнула девушка.

— Только теперь? — насмешливо спросил Ф'лар, но глаза его светились лаской, и широкая, мальчишеская улыбка расплывалась на лице.

Всадник, ищи и учись, наблюдай,
Ни Оборота не потеряй!
Бойся ошибок на старом пути —
Думай и пробуй, чтоб правду найти.

В течение следующих месяцев распоряжения Ф'лара вызывали среди обитателей Вейра бесконечные споры и ропот. Лессе, однако, они казались логичным продолжением их разговора, состоявшегося в тот день, когда Рамот'а начала кладку. Она принесла сорок одно яйцо.

Ф'лар ломал старые традиции — и это не нравилось многим, не только консервативному Р'гулу.

Лесса, питавшая стойкое отвращение к избитым истинам, упорно поддерживала Ф'лара. Она все больше верила ему — по мере того как его предсказания одно за другим сбывались. И в их основе лежали не смутные предчувствия, которым девушка больше не доверяла после путешествия в прошлое, а реальные факты.

Как только скорлупа яиц затвердела, Ф'лар привел будущих всадников на площадку Рождений. Очень немногие из этих шестидесяти с лишним ребят были воспитаны в Вейре; большинству из них уже исполнилось шестнадцать. Подросткам следовало привыкнуть к виду яиц и к мысли, что скоро из них появятся на свет молодые драконы, жаждущие обрести друга. Раньше, согласно обычаю, мальчики впервые видели яйца в день Запечатления. Взволнованные и слишком перепуганные, они часто получали ранения лишь из-за того, что не догадывались уступить дорогу неуклюжим новорожденным.

На Лессу была возложена особая задача. Ей удалось уговорить Рамот'у, чтобы та разрешала приближаться к драгоценному золотому яйцу Киларе. Что касается самой Килары, то ее не пришлось долго упрашивать. Отняв своего сына от груди, она часами пропадала на площадке Рождений вместе с Лессой. Несмотря на привязанность, которую молодая женщина питала к Т'бору, она явно предпочитала ему общество Ф'лара. Так что Лесса с удвоенной энергией помогала осуществлению планов предводителя Вейра в отношении Килары: успех означал отъезд соперницы вместе с молодой королевой в Форт-Вейр.

Поиски способной молодежи, которые, по указанию Ф'лара, проводились во всех холдах, имели кое-какие отрицательные последствия. Незадолго до обряда Запечатления Лайтол, управляющий Руата, прислал еще одно послание.

— Кажется, он получает удовольствие, сообщая плохие новости,— сказала Лесса, когда Ф'лар вручил ей пергамент с посланием.

— Он мрачный человек,— согласился Ф'нор, только что прилетевший из Руата.— Жаль малыша, ему приходится расти под присмотром такого пессимиста!

Лесса хмуро взглянула на коричневого всадника. Ей по-прежнему было неприятно любое упоминание о сыне Геммы, который владел теперь ее родовым холдом. Но все же... все же... Она словно чувствовала себя виновной в смерти его матери — кому же, как не ему, Джексому, при-

стало править в Руате? И кроме того, она не могла одновременно владеть холдом и оставаться госпожой Вейра.

— Думаю, нам следует благодарить Лайтола за это предостережение,— сказал Ф'лар.— Я подозревал, что Мерон еще доставит нам неприятности.

— У него алчные глаза, как у Фэкса,— заметила Лесса.

— Не стану спорить,— ответил Ф'лар,— и готов признать, что он опасен. Я не могу позволить ему распространять лживые слухи — что мы-де умышленно забираем в Бенден юношей благородного происхождения, чтобы обескровить древние роды.— Ф'нор фыркнул.— Среди них гораздо больше сыновей ремесленников, чем отпрысков благородных семейств!

— Он слишком много болтает о том, что Нити никогда не появятся,— сказала Лесса, раздраженно швырнув пергамент на стол.

— Появятся — в свое время,— спокойно произнес Ф'лар.— Мы получили отсрочку благодаря холодной погоде. Вот если они не появятся весной, тогда будет причина для беспокойства. А пока...— Он пожал плечами и, задумавшись на мгновение, сказал: — Впрочем, мы можем кое-что предпринять, чтобы заткнуть рот Мерону...

Итак, когда приблизился срок Запечатления, он нарушил еще одну традицию, разослав всадников за отцами юношей, которым предстояло пройти обряд.

Громадная пещера оказалась почти заполненной, когда холдеры и обитатели Вейра расселись на каменных скамьях, ярусами поднимавшихся над горячим песком площадки Рождений. Лесса заметила, что на этот раз подростки не испытывали страха. Конечно, они казались взволнованными и напряженными, но смертельного ужаса не было и в помине. Когда молодые драконы, едва координируя свои движения, заковыляли по площадке, Лессе почудилась некая целенаправленность в их движениях — словно их запечатлили *заранее*. Юноши либо отходили в сторону, либо с готовностью выступали вперед, когда удовлетворенно урчащий новорожденный делал свой выбор. Запечатление происходило быстро и без несчастных случаев. И вскоре торжественная процессия из спотыкающихся молодых драконов и охваченных гордостью юных всадников потянулась с площадки Рождений к помещениям молодняка. Затем из своей скорлупы вырвалась королева и под одобрительный свист драконов безошибочно двинулась к Киларе.

— Все закончилось слишком быстро,— разочарованно сказала Лесса Ф'лару вечером.

Он довольно рассмеялся, пользуясь редкой возможностью расслабиться после напряженного дня. Все прошло так, как было запланировано. Людей из холдов уже развезли по домам — потрясенных, трепещущих, восхищенных честью, которую оказали им Вейр и его предводитель.

— Потому что на этот раз все проходило под твоим наблюдением,— ответил Ф'лар, пытаясь уложить на место прядь ее пышных волос, упавшую на лицо. Он вновь засмеялся.— А ты заметила, что Натон...

— Н'тон,— поправила она.

— Да, Н'тон... запечатлил бронзового!

— Как ты и предсказывал,— кивнула Лесса.

— А Килара со своей Придит'ой станет теперь госпожой Вейра...

Приложив героические усилия, Лесса заставила себя не обращать внимания на эти слова.

— Интересно, кто из бронзовых догонит новую королеву,— тихо пробормотал всадник.

— Будем надеяться, что Орт' Т'бора,— сухо сказала Лесса, сдерживая гнев.

Он ответил тем единственным способом, которым на его месте воспользовался бы любой благоразумный мужчина.

Пепельным снегом, угольным крошевом
Кружится черная пыль пустоты:
Смертью убитой поля запорошены —
Смертью, примчавшейся с Алой Звезды.

Лесса проснулась внезапно. В глазах у нее стоял туман, голова болела, во рту пересохло. Она попыталась восстановить череду кошмарных ночных видений, стремительно

улетучивающихся из памяти. Отбросив со лба прядь волос, она с удивлением ощутила холодящий влажный пот.

— Ф'лар,— неуверенно позвала она. Очевидно, он уже встал.— Ф'лар! — крикнула она громче.

«Он идет»,— сообщил Мнемент'.

Лесса почувствовала, как дракон садится на карниз. Она коснулась сонного сознания Рамот'ы и поняла, что королеву тоже беспокоят неясные пугающие видения. Рамот'а на мгновение проснулась, затем снова провалилась в тревожный сон.

Обеспокоенная своими смутными страхами, Лесса встала и оделась, впервые пожертвовав утренним купанием. Открыв шахту подъемника, она заказала завтрак и в ожидании принялась заплетать волосы.

Поднос на платформе и вошедший Ф'лар появились одновременно. Оглянувшись через плечо, всадник посмотрел на Рамот'у.

— Что с ней?

— Отголоски моего кошмара... я проснулась в холодном поту.

— Ты спокойно спала, когда я уходил, чтобы разослать патрули.— Ф'лар недоуменно пожал плечами. Потом на лице его вспыхнуло оживление.— Знаешь, молодые драконы растут так быстро, что уже могут немножко летать. Они только едят да спят, а от этого...

— Драконы как раз и растут,— закончила Лесса, задумчиво глотая горячий дымящийся кла.— Ты будешь очень осторожно обучать их, не так ли?

— Имеешь в виду тот случай... с полетом в прошлое? — Ф'лар жестко усмехнулся.— Да, конечно, надо исключить такую возможность. Я вовсе не хочу, чтобы всадники от скуки прыгали туда-сюда по времени.— Он смерил ее пристальным взглядом.

— Ну, я была не виновата в том, что никто не научил меня летать раньше,— бросила Лесса.— С другой стороны, если бы меня обучали как положено, с самого дня Запечатления, мы никогда не узнали бы о такой возможности.

— Верно,— согласился он.

— Но я думаю, что сделанное однажды всегда кто-то может повторить... возможно, уже повторил.

Ф'лар отхлебнул и сморщился — горячий кла обжигал рот.

— Не представляю, как это осторожно выяснить.— Он нахмурил брови.— Смешно думать, что мы были первыми... в конце концов, речь идет о способности, искони присущей драконам,— иначе мы не попали бы в прошлое...

Лесса вздохнула и, подперев подбородок кулачком, уставилась в кружку с кла. Казалось, она хотела что-то сказать, но вдруг решила оставить эту тему.

— Ну, что же ты,— поощрил ее улыбкой Ф'лар.

— Знаешь...— она медлила, колеблясь,— наша уверенность в том, что Нити упадут на Перн, связана, быть может, с путешествием в прошлое... в те времена, когда Нити действительно падали... Один из нас мог...— Она подняла на Ф'лара растерянный взгляд.— Наверно, я говорю глупости?

— Милая моя девочка, нам надо теперь обдумывать каждую новую идею... каждую случайную деталь — даже твой беспокойный сон, который, мне кажется, вызван стаканом вина, выпитым за ужином... Мы должны предчувствовать опасность... не пропустить ее.

— Меня преследует мысль, что эта способность летать в Промежутке между временами... что она имеет какое-то особое значение,— задумчиво сказала Лесса.

— Вот это и есть настоящее предчувствие, дорогая моя госпожа Вейра.

— Почему же?

— Не почему,— загадочно поправил Ф'лар,— а *когда*.

Что-то неясное зашевелилось в глубине его сознания. Он попытался нащупать, поймать это ощущение... еще немного — и ему удастся...

Мысль Мнемент'а прервала размышления Ф'лара. Бронзовый доложил о прибытии Ф'нора.

— Что с тобой? — спросил Ф'лар брата, когда тот, кашляя и отплевываясь, перешагнул порог королевского вейра.

— Пыль,— коротко ответил коричневый всадник, хлопая по рукавам и груди кожаными перчатками.— Облака

пыли в воздухе, но Нитей нет,— добавил он, отряхивая штаны. Клубы тонкой черной пыли медленно оседали на пол.

Внезапно Ф'лар почувствовал, как все его мышцы напряглись. Сузившимися глазами он следил за клубящейся в воздухе пылью, потом перевел взгляд на лицо Ф'нора.

— Где ты ее подцепил? — требовательно спросил он, кивнув в сторону темного облачка.

— Над Тиллеком,— удивленно ответил Ф'нор.— Пыльные бури прошли по всему северу. Но я пришел, чтобы...— Он осекся, почувствовав неестественную напряженность Ф'лара.— Да что там такое, с этой пылью? — с недоумением спросил он.

Ф'лар повернулся и бросился к лестнице, что вела в зал Архивов. Его сапоги гулко грохотали по каменному полу. Встревоженные Лесса и Ф'нор кинулись за ним.

— Ты сказал — над Тиллеком? — повторил Ф'лар, сдвигая на столе стопки пергаментов, чтобы разложить карты.— Почему ты не доложил раньше? Как долго идут эти бури?

— Докладывать о пыльных бурях? Ты же велел следить за продвижением масс теплого воздуха!

— Как долго они идут? — Голос Ф'лара внезапно стал хриплым.

— Около недели.

— Точнее!

— Первая буря прошла над верхним Тиллеком шесть дней назад. О ней сообщили из Битры, Верхнего Телгара, Крома и Плоскогорья,— кратко доложил Ф'нор.

Он с надеждой взглянул на Лессу, словно ждал от нее объяснений, но девушка тоже с напряженным вниманием изучала карты. Ф'нор уставился на них, пытаясь сообразить, для чего на изображение Северного континента Перна наложена сетка странных линий... Но это было выше его разумения.

Ф'лар делал торопливые пометки, отбрасывая одну карту за другой. Наконец он выпрямился, недовольно хмурясь.

— Слишком все сложно... запутанно... Тяжело все понять с ходу,— пробормотал предводитель Вейра. Он отложил стило, в задумчивости потирая подбородок.

— Но ты же приказал наблюдать за теплым воздухом...— робко сказал Ф'нор, понимая, что каким-то образом подвел брата.

Ф'лар помотал головой.

— Здесь нет твоей вины, Ф'нор. Я должен был спросить сам...— Он повернулся к коричневому всаднику, положил обе руки на его плечи и заглянул в лицо.— Нити падали,— мрачно заявил он.— Падали в морозном воздухе... замерзали и развеивались ветром... развеивались в пыль.— Он хлопнул ладонью по рукаву кожаной куртки Ф'нора.

— «Пепельным снегом, угольным крошевом...» — нараспев продекламировала Лесса.— В Балладе о полете Мореты часто упоминается черная пыль.

— Если бы Морета была с нами...— Ф'лар опять склонился над картами, в голосе его звучало сожаление.— Она могла говорить со всеми драконами любого Вейра!

— Но я тоже могу! — воскликнула Лесса.

Медленно, словно не поверив своим ушам, Ф'лар обернулся к ней:

— Что ты сказала?

— Что могу говорить с любым драконом в Вейре!

Не спуская с девушки изумленных глаз, Ф'лар медленно опустился в кресло.

— И как давно ты владеешь этой способностью? — выдавил он.

Что-то в его тоне заставило Лессу покраснеть, как провинившегося подростка.

— Я... я всегда понимала их... даже стража порога в Руате.— Она сделала невольный жест рукой к западу, в сторону родного холда.— Там я говорила с Мнемент'ом... И когда попала сюда, я могла...— Она запнулась под холодным взглядом Ф'лара. Холодным и презрительным.

— Я думал, ты поверила в меня, согласилась помогать,— медленно произнес он.

— Прости, Ф'лар! Я не думала, что от этого может быть какая-нибудь польза...

Ф'лар вскочил на ноги, глаза его гневно сверкнули.

— Я не мог придумать, как руководить крыльями во время боя... как поддерживать связь с Вейром, чтобы вовремя получать подкрепления и огненный камень. А ты... ты нарочно скрывала...

— Не нарочно! — закричала она.— И я попросила прощения! Я жалею, что не сказала об этом раньше! Но ты... ты... самоуверенный, советуешься лишь сам с собой! Ты... ты — как Р'гул, скрываешь от меня все, не говоришь и половины того, что мне надо знать! Ты — Ф'лар, предводитель Вейра, и ты многое можешь... Откуда я знала, что ты не владеешь этим умением?

Ф'лар схватил ее за плечи и встряхнул.

— Хватит! Нам нельзя тратить время на детские споры! — Внезапно зрачки его расширились, лицо побелело.— Тратить время? Вот оно что!

— Ты хочешь отправиться через Промежуток *назад?* — выдохнула Лесса.

— Да, в прошлое!

— О чем вы говорите? — спросил Ф'нор. Он был совершенно сбит с толку.

Взяв стило, Ф'лар повел им вдоль горизонтальной линии на карте.

— Смотри! Сегодня на рассвете Нити начали падать на Нерат...

Ф'нор похолодел. На рассвете в Нерате? Значит, огромный лес будет уничтожен...

— Но мы отправимся назад через Промежуток между временами и будем там в момент, когда начнут падать Нити. Мы сдвинемся на два часа назад, Ф'нор! Драконы способны летать не только в то место, куда мы их направляем, но и в нужное нам время!

— Место? Время? — недоуменно повторил Ф'нор.— Но не опасно ли это?

— Возможно. Зато мы спасем Нерат.— Ф'лар повернулся к Лессе.— Поднимай Вейр! Прикажи вылетать всем драконам, старым и молодым,— всем, кто может держаться в воздухе. Пусть всадники берут с собой мешки с огненным камнем.

Он наклонился над картой, потом повелительным жестом подозвал Ф'нора.

— Если на рассвете Нити упали на Нерат, то сейчас наступит черед Керуна, а затем — Исты. Бери два крыла и отправляйся в Керун. Будите людей. Пусть зажигают огненный камень в ямах. Пошли нескольких юношей в Исту и Айген... пусть готовятся. Я пришлю тебе подкрепление, как только смогу. Иди! — Он хлопнул брата по спине, потом стиснул пальцами толстый кожаный наплечник, задержав его на мгновение: — Да, еще... твой Кант' должен постоянно поддерживать связь с Лессой.

Ф'нор направился к выходу.

— Мнемент' сообщает, что сегодня дежурит Р'гул, и он хочет знать...— начала Лесса.

— Пошли, девочка,— сказал Ф'лар; глаза его сверкали от возбуждения.

Он схватил в охапку карты и потянул ее вверх по лестнице.

Они вошли в королевский вейр одновременно с Р'гулом и Т'самом. Пожилой всадник недовольно ворчал по поводу поднявшейся суматохи.

— Хат' велел мне поторапливаться,— раздраженно заявил он.— Виданное ли дело — твой собственный дракон начинает...

— Р'гул, Т'сам, поднимайте крылья в воздух,— прервал Ф'лар его брюзжание.— Каждый должен взять огненный камень — столько, сколько может нести дракон. Сбор — над Звездной Скалой. Я присоединюсь к вам через несколько минут. Мы отправляемся в Нерат... в предрассветный Нерат.

— Но, Ф'лар,— возразил Т'сам, глаза которого выкатились от изумления,— рассвет в Нерате наступил два часа назад — так же, как и у нас!

— И тем не менее мы попадем именно в это время. Слушайте, всадники, и попытайтесь понять. Драконы могут перемещаться в Промежутке между временными точками точно так же, как между пространственными. Мы отправимся в прошлое, чтобы выжечь Нити в небе над Нератом!

Ф'лар двинулся в спальню, не обращая внимания на Р'гула, требовавшего подробных объяснений. Т'сам, подхватив мешки для огненного камня, понесся обратно к карнизу, рядом с которым парил его Мунт'.

— Иди же, старый глупец,— резко бросила Лесса.— Ты ошибался — Нити уже над Перном. Будь всадником — или отправляйся в Промежуток и пропади там пропадом!

Проснувшаяся Рамот'а подтолкнула пожилого всадника огромной головой, и бывший предводитель Вейра очнулся от шока. Не говоря ни слова, он повернулся и последовал по проходу за Т'самом.

Ф'лар вышел из спальни, одетый в толстую кожаную куртку, штаны и тяжелые сапоги. Махнув Лессе рукой, он сказал:

— Не забудь сообщить об атаке во все холды. Она прекратится часа через четыре, и самая западная точка, где могут выпасть Нити, это Иста. Но я хочу, чтобы каждый холд, ферма и мастерская были предупреждены.

Лесса кивнула, сосредоточенно глядя ему в лицо, стараясь не пропустить ни слова.

— К счастью, период Прохождения только начался, так что следующее нашествие повторится лишь через несколько дней. Я подсчитаю точнее, когда вернусь. Передай Маноре — пусть соберет женщин и готовит мазь, нам понадобятся целые бочки. Нити будут хлестать драконов, это очень больно... И самое главное...— он помедлил секунду,— если что-нибудь случится со мной, тебе нужно подождать, пока бронзовому исполнится хотя бы год, прежде чем он догонит Рамот'у...

— Никто не догонит Рамот'у, кроме Мнемент'а! — закричала Лесса, яростно сверкая глазами.

Ф'лар прижал девушку к груди и впился в побелевшие губы, словно хотел испить всю ее нежность и силу. Затем он выпустил ее — так резко, что Лесса отшатнулась назад, прямо на опущенную голову Рамот'ы. Она на миг прильнула к дракону в поисках утешения и опоры.

«Посмотрим, сумеет ли Мнемент' меня догнать»,— игриво заявила Рамот'а.

Лети, уворачивайся, кружись —
Вы оба должны уцелеть;
Беги в Промежуток и вновь вернись —
Чтоб сжечь серебристую смерть.
Дракон и всадник — не важен цвет,
Важна команда «Лети»,
Ведь если с неба несется смерть —
Вы встанете на пути.

Торопливо шагая по коридору с мешками для огненного камня, хлопавшими его по коленям, Ф'лар вдруг почувствовал благодарность к своим наставникам. Он вспомнил часы утомительного патрулирования над каждым холдом и каждой долиной Перна. Зато теперь он мог ясно представить Нерат. Он видел цветущие винные лозы, которые в это время года опутывали деревья в лесу... Их огромные бутоны бледно-палевого оттенка распустятся с первыми лучами солнца и засверкают, словно глаза драконов, среди темной зелени...

Мнемент' нетерпеливо парил над карнизом. Ф'лар вскочил на бронзовую шею и взмыл вверх. Воздух под ним бурлил; мелькали крылья всех цветов, раздавались выкрики и команды. Возбуждение наэлектризовало Вейр, но Ф'лар не ощутил паники в царившей вокруг суматохе. Драконы и всадники появлялись из проемов в стенах каменной чаши. Женщины носились внизу от одной пещеры к другой. Игравших у озера детей отправили собирать дрова для костра. Юноши, под наблюдением старого К'гана, выстроились около помещений молодняка. Ф'лар взглянул вверх и довольно кивнул: одно крыло уже висело плотным строем над Звездной Скалой, второе — пристраивалось рядом. Он узнал коричневого Кант'а с Ф'нором, восседавшим на его шее... И тут оба крыла исчезли.

Он велел Мнемент'у подняться выше. Ветер был холодным, насыщенным влагой. К последнему снегопаду? Самое для него время.

Крылья Р'гула и Т'бора развернулись слева от него, Т'сама и Д'нола — справа. Ф'лар отметил, что каждый дракон был тяжело нагружен мешками с камнем. Затем он передал Мнемент'у мысленный образ влажного леса ранней весной в Нерате — перед самым рассветом, с цветами на

винных лозах, сверкающими каплями росы,— и моря, накатывающего вал за валом на скалы Верхнего Мелководья...

Он почувствовал жгучий холод Промежутка. И ощутил внезапный страх. Не слишком ли он рискнул, ринувшись в Промежуток между временами, чтобы опередить Нити в Нерате? Возможно, он послал всех на смерть...

Внезапно они оказались там — в сумеречном свете, предвестнике дня. До них доносились пьянящие лесные ароматы. Было тепло, и это таило опасность. Ф'лар взглянул вверх, на северный небосклон. Угрожающе мерцая, сияла Алая Звезда.

Вокруг зазвучали изумленные голоса — всадники поняли, что временной переход завершился успешно. Мнемент' передал Ф'лару, что драконы тоже удивлены — тем, что люди разволновались из-за такого пустяка.

— Слушайте меня, всадники! — закричал Ф'лар, напрягая голос. Он подождал, пока люди и драконы не собрались вокруг него плотным облаком, и в нескольких словах объяснил, что они проделали и зачем. Всадники молчали, но многие обменивались неуверенными взглядами.

Ф'лар велел отряду развернуться в воздухе несколькими уступами, сохраняя дистанцию в пять размахов крыльев.

Взошло солнце.

Наискосок над морем, словно стена разреженного тумана, беззвучно неслись Нити — прекрасные, коварные, смертельно опасные. Эти гифы, нахлынувшие из космического пространства, отсвечивали серебром; проникая в теплую, животворную атмосферу Перна, они превращались из твердых замороженных зерен в гибкие волокна. Начисто лишенные разума, они, словно страшный ливень, падали на Перн со своего бесплодного мира в поисках органической материи, необходимой им для развития и роста. Опускаясь на плодородную почву, Нить зарывалась в нее, стремительно размножаясь и превращая землю в пустыню черной пыли. Из Южного, необитаемого континента они уже высосали все соки. Нити поистине были паразитами Перна.

Хриплый крик восьми десятков людей разорвал рассветный воздух над зелеными холмами Нерата — будто Нити могли услышать и понять этот вызов. Драконы, изогнув гибкие шеи, повернули к всадникам разверстые пасти; туда полетел огненный камень. Громадные челюсти дробили куски, размалывая в порошок. Чудовищные глотки, конвульсивно сжимаясь, проталкивали его внутрь. Теперь драконы могли извергать струи газа; воспламеняясь в воздухе, он превращался в прожорливое пламя, опаляющее Нити.

С того мгновения, как смертоносная метель забушевала над теплыми берегами Нерата, драконы действовали, повинуясь древнему инстинкту. Мнемент', рассекая воздух могучими взмахами крыльев, изрыгая языки пламени, взмыл вверх, наперерез серебристому блеску. Встречный ветер швырнул пары фосфина Ф'лару в лицо; он едва не задохнулся и, нагнувшись, прильнул щекой к бронзовой шее. Нить упала на крыло дракона. Пронзительно крикнув, Мнемент' нырнул в холодное черное безмолвие Промежутка. В следующее мгновение они снова были в небе над Нератом. Ф'лар услышал, как с треском отвалилась замерзшая Нить.

Вокруг Ф'лара драконы то исчезали в Промежутке, то появлялись вновь, извергая пламя. Постепенно он начал улавливать систему в их действиях, в их инстинктивных перемещениях и маневрах. Вопреки тому, что он знал из Архивов, Нити концентрировались в полосы и облака; они падали не сплошной равномерной пеленой дождя, но неслись подобно порывам снежного вихря, то сбиваясь в сторону, то неожиданно устремляясь вперед.

Ф'лар следил за сражением, похожим на танец огней в воздухе, и восхищался слаженными действиями крылатых гигантов. Вот дракон устремляется к очередной полосе, ныряет под нее, раскрывает огромную пасть... Языки пламени бегут по серебристому волокну вверх, вверх... оно обугливается, съеживается... Иногда клубок Нитей вклинивается между всадниками; один из драконов подает знак, устремляется в погоню, выжигает...

Постепенно всадники оттесняли Нити прочь от влажного субтропического леса, сверкающего свежей весенней зеленью. Ф'лар не хотел думать о том, что может сделать всего одна Нить с буйной цветущей растительностью джунглей. Потом он вышлет сюда патрули, чтобы с малой высоты обыскать и проверить каждый фут почвы. Одна Нить, всего одна, могла навсегда погасить палевые соцветия винных лоз.

Где-то слева страшно взревел дракон. Прежде чем Ф'лар узнал его, зверь исчез в Промежутке. Возгласы боли, стоны людей и пронзительный трубный рев драконов оглушали его. Ф'лар закрыл ладонями уши, пытаясь сосредоточиться. Мнемент'... вспомнит ли Мнемент' потом эти крики? Сейчас Ф'лару хотелось забыть их, забыть навсегда.

Внезапно он, Ф'лар, бронзовый всадник, почувствовал себя лишним. Этот бой вели драконы. Человек подбадривал зверя, успокаивал, когда его обжигали Нити, но полностью полагался на его инстинкт и реакцию.

Жгучий огонь коснулся щеки Ф'лара и, словно струя разъедающей кислоты, вгрызся в плечо. Крик удивления и муки сорвался с губ всадника, и Мнемент' перенес его в спасительный Промежуток. Неистово размахивая руками, Ф'лар отталкивал Нить, чувствуя, как она крошится и превращается в пыль в жутком холоде. Они вновь появились над Нератом, и теплый влажный воздух успокоил боль. Мнемент' сочувственно заурчал и, выдыхая пламя, метнулся к очередной серебристой полосе.

Прошли мгновения — или часы,— прежде чем Ф'лар с изумлением увидел внизу залитую солнцем поверхность моря. Теперь Нити падали в воду, в соленую воду, где они были безвредны. Побережье Нерата тянулось по правую руку, плавно изгибаясь к западу.

Ф'лар почувствовал усталость и боль. В возбуждении безумной схватки он забыл о кровавых рубцах на щеке и плече. Теперь, когда они с Мнемент'ом медленно скользили в прозрачном воздухе, раны начали кровоточить и жечь.

Он велел Мнемент'у подняться выше и бросил взгляд на зеленую равнину. Над землей не было видно падающих Нитей. Драконы под ним плавно парили над самыми древесными кронами в поисках потревоженной растительности и внезапно рассыпающихся в прах стволов.

«Назад, в Вейр»,— приказал он Мнемент'у, тяжело вздохнув.

Ныряя в Промежуток, Ф'лар почувствовал, как бронзовый передал команду дальше. Он так устал, что даже не попытался воспроизвести мысленный образ Звездной Скалы Бендена, надеясь, что Мнемент' сам доставит его назад сквозь время и пространство.

Воздайте почести драконам
В поступках, мыслях и словах.
Они встают живым заслоном
На смертных Перна рубежах —
Там, где решает взмах крыла:
Жить миру иль сгореть дотла.

Подняв лицо к Звездной Скале на пике Бенден, Лесса следила с карниза королевского вейра за четырьмя крыльями, пока они не исчезли в Промежутке.

Прижимая ладонь к груди, чтобы успокоить тревожно бьющееся сердце, Лесса сбежала по лестнице на дно Вейра. Она заметила пылающий у озера костер, увидела Манору, которая четким спокойным голосом раздавала приказания женщинам.

Старый К'ган уже выстроил юношей. Чуть поодаль толпились мальчишки, глаза их сверкали завистью. Ничего, подумала Лесса, они еще успеют ринуться в бой с Нитями на огнедышащих драконах. Если древние Архивы не лгут, для этого у них будет много времени — почти вся жизнь.

Приблизившись к строю юных всадников, Лесса вздрогнула, но заставила себя успокоиться и улыбнуться им. Она дала каждому задание и разослала их предупредить холды, быстро проверяя драконов — следовало убедиться, что юноши дают зверям верные ориентиры. Вскоре в жилищах людей, в мастерских и на фермах вскипит и разольется тревога...

Кант' сообщил ей, что Нити надвигаются на Керун со стороны Нератского залива. По мнению Ф'нора, двух кры-

льев недостаточно для защиты великолепных керунских лугов. Лесса остановилась, соображая, кто еще остался в Вейре.

«Крыло К'нета еще здесь,— напомнила ей Рамот'а.— Они висят над пиком».

Лесса взглянула вверх и увидела, как бронзовый Пиант' покачал крыльями в ответ. Она велела ему направляться в Керун, в район Нератского залива. Драконы послушно взвились вверх и растаяли в голубом весеннем небе.

Со вздохом повернувшись к Маноре, Лесса вдруг услышала шум крыльев и трубный рев. Солнце над Вейром затмило многоцветное облако. Решив, что отряд К'нета почему-то вернулся назад, Лесса уже собиралась сделать Пиант'у выговор, но сообразила, что в воздухе гораздо больше драконов, чем в крыле, посланном в Керун.

«Что случилось? Ведь вы только что улетели!» — мысленно вскричала она, различив бронзовый блеск крыльев Мнемент'а, которого невозможно было не узнать.

«Для нас прошло два часа»,— передал Мнемент', и чувство огромной усталости, которую испытывал бронзовый, затопило Лессу.

Некоторые драконы быстро снижались. По неуклюжим осторожным движениям зверей можно было понять, что их задели удары Нитей. Женщины, подхватив горшки с мазью и чистые тряпки, жестами подзывали раненых и накладывали целебную мазь на кровоточащие рубцы, покрывавшие крылья, словно черно-красный узор.

Не обращая внимания на собственные раны, всадники помогали облегчить муки зверей. Лесса вполглаза наблюдая за Мнемент'ом, решила, что бронзовый, вероятно, почти не пострадал — иначе Ф'лар не стал бы так долго держать его в воздухе. Вместе с Т'самом она занялась жестоко исполосованным крылом Мунт'а, а когда снова подняла голову, в небе над Звездной Скалой никого не было.

Закончив возиться с Мунт'ом, Лесса отправилась на поиски бронзового и его всадника. Разыскав их в толпе, она обнаружила рядом Килару — втиравшую мазь в плечо и щеку Ф'лара. Закипая, Лесса двинулась по песку к этой парочке, как вдруг ее настиг настойчивый зов Кант'а. Она

увидела, как взметнулась вверх голова Мнемент'а, тоже уловившего сигнал коричневого.

— Ф'лар, Кант' говорит, что им нужна помощь,— закричала Лесса. Она не обратила внимания, что Килара торопливо скрылась в толпе всадников и женщин.

Кажется, раны Ф'лара были не опасны, и Лесса успокоилась. Килара уже обработала наиболее тяжелые ожоги, и кровотечение остановилось. Кто-то сунул предводителю кружку с кла и новую куртку — вместо старой, иссеченной ударами Нитей. Повернувшись к Лессе, он нахмурился, и тут же лицо его исказилось от боли в обожженной щеке. Торопливо отхлебнув дымящийся кла, он послал вопрос Мнемент'у:

«Сколько осталось здоровых? Ладно, не считай. Поднимай всех с новым запасом огненного камня».

— С тобой все в порядке? — спросила Лесса, положив ладонь на его руку. Не мог же он снова уйти, не сказав ей ни слова!

Ф'лар устало улыбнулся в ответ на встревоженный взгляд девушки, сунул ей пустую кружку и, низко наклонившись, коснулся здоровой щекой тонких пальцев. Затем он вскочил на шею Мнемент'а и подхватил поданные кем-то мешки с огненным камнем.

Многоцветным облаком драконы вновь поднялись из чаши Вейра. Их было немногим больше шестидесяти — там, где несколькими минутами раньше парило восемьдесят.

Так мало драконов. Так мало всадников! Сколько же они продержатся при таких потерях?

Кант' сообщил, что Ф'нору нужен еще огненный камень. Лесса тревожно оглядела Вейр. Ни один из юношей-посыльных еще не вернулся. Позади нее раздалось урчание дракона, и девушка стремительно обернулась. Но это была всего лишь малышка Придит'а, которая неуклюже ковыляла к площадке кормления, игриво подталкивая головой Килару. Все остальные драконы были ранены, слишком юны или — взгляд Лессы упал на К'гана — слишком стары.

— К'ган, сможешь ли ты доставить огненный камень Ф'нору?

— Конечно,— заверил ее старый всадник, гордо выпятив грудь и сверкая глазами.

Лесса не рассчитывала, что придется послать его в бой, но она не могла лишить старика подобной возможности. Он ждал ее всю жизнь.

Она улыбнулась и вместе с К'ганом начала укладывать тяжелые мешки на шею Тагат'а. Старый синий дракон фыркал и пританцовывал, словно опять был молод и полон сил. Она передала ему ориентиры керунского побережья — мысленный образ, посланный Кант'ом. Через мгновение синий всадник взвился в воздух и исчез над Звездной Скалой.

«Это нечестно! — сварливо заявила Рамот'а.— Опять им — все самое интересное!»

Лесса видела, как рассыпается по кромке Вейра солнечное сияние, отраженное золотыми крыльями.

«Будешь жевать огненный камень — превратишься в глупую зеленую»,— колко ответила Лесса. В душе ее немало позабавила ворчливая жалоба королевы.

Затем Лесса обошла раненых. Герет'а, грациозная зеленая красавица молодого Б'фола, стонала и трясла головой — ее левое крыло, изъеденное Нитями до самых костей, волочилось по земле. Ранение было очень серьезным; пройдет немало недель, прежде чем она сможет взлететь. Лесса поймала полный муки взгляд Б'фола и быстро отвела глаза.

Вскоре она выяснила, что среди людей раненых было больше. Всадник из крыла Р'гула держался за голову, меж его пальцев проступала кровь. Другой, с лицом, исполосованным шрамами, мог потерять глаз. Манора почти до бесчувствия напоила его отваром из целебных трав. Кто-то громко стонал, прижимая к груди руку, покрытую глубокими ожогами. Хотя большинство ран были не слишком серьезными, их количество привело Лессу в смятение. Сколько еще всадников и драконов будет выведено из строя в Керуне?

Из ста семидесяти двух драконов пятнадцать уже не в состоянии взлететь — правда, через пару дней кое-кому, пожалуй, удастся подняться в воздух.

Лесса подумала, что некоторые всадники могли бы попробовать летать с драконами своих раненых товарищей. Например, молодой Н'тон, который хорошо понимал Кант'а и уже летал на нем. Если кроме Н'тона найдется еще десяток-другой людей, способных к мысленной связи с чужими зверями, такая гибкость принесет немалую пользу.

Но Алая Звезда только начинает свой проход мимо Перна, и продлится он пятьдесят Оборотов. В дальнейшем атаки станут более частыми. Насколько частыми? Ф'лар что-то говорил об этом... но сейчас его не было рядом.

Остается надеяться, что предводитель Вейра сумеет что-нибудь придумать. Он многое предусмотрел — например, появление Нитей над Нератом... Многое — но не все, поправила себя Лесса. Он забыл предупредить людей насчет черной пыли. И если бы он научил всадников доверять безошибочному инстинкту драконов, после сегодняшней битвы наверняка было бы меньше раненых. Однако догадки его в основном оказались правильными. Нет, не догадки. Он не гадал. Он изучал и планировал. Он думал и рассчитывал. Он рылся в старых пыльных пергаментах, чтобы выяснить, где и когда Нити нанесут следующий удар. Он...

Пронзительный крик прокатился над чашей Вейра, и в небе над Звездной Скалой возник синий дракон.

«Рамот'а!» — позвала Лесса подругу, еще не сообразив, что происходит.

В следующий миг королева уже была в воздухе. Синий пытался погасить скорость судорожными взмахами одного крыла; второе беспомощно свисало вниз, словно огромное треугольное полотнище. Всадник, соскользнув с надежной опоры плеча дракона, изо всех сил цеплялся за его шею.

Зажав ладонью рот, Лесса с ужасом смотрела на них. В чаше воцарилась тревожная тишина, которую нарушал только шелест громадных крыльев Рамот'ы. Королева быстро набрала высоту и теперь парила рядом с искалеченным синим, пытаясь поддержать его.

У людей перехватило дыхание — всадник соскользнул с шеи дракона и приземлился на широкие плечи Рамот'ы. Синий камнем упал вниз. Рамот'а плавно опустилась ря-

дом и, негромко урча, вытянула шею; человек скатился на землю.

Это был К'ган. У Лессы захолонуло сердце, когда она увидела исполосованное ударами Нитей лицо старого арфиста. Встав на колени, девушка приподняла его голову. Люди обступили их безмолвным кольцом.

Манора, как всегда невозмутимая, шагнула вперед и, наклонившись, прижала ладонь к сердцу всадника. Она взглянула на Лессу; слезы выступили на ее глазах. Медленно покачав головой, женщина стала осторожно покрывать мазью кровавые рубцы.

— Слишком стар... не может выдохнуть пламя... не может быстро уйти в Промежуток...— бормотал К'ган, едва шевеля губами.— Стар, слишком стар... Но... но... Следите за небом. Нити все ближе... Палите траву, держитесь смело...— Он шептал строфы древней Баллады, потом голос его стих, и веки сомкнулись.

Лесса запрокинула голову, рыдания душили ее. Внезапно жуткий звенящий вопль прорезал тишину. Тагат' в невероятном прыжке ринулся вверх и растаял в безбрежной голубизне неба. Отказываясь поверить в неизбежное, Лесса закрыла глаза; по щекам ее катились слезы.

Приглушенный стон пронесся над Вейром, словно отрывистое завывание осеннего ветра. Драконы провожали соплеменника в вечную холодную тьму Промежутка...

— Он... умер? — спросила Лесса, заранее зная ответ.

Манора кивнула и, склонившись над телом всадника, прижалась лицом к его груди.

Медленно поднявшись на ноги, Лесса вытерла окровавленные руки подолом платья. Она попыталась сосредоточиться на делах, которыми ей предстояло заняться днем, но мысли ее возвращались к К'гану. Умер всадник. И погиб его дракон. Жадные щупальца Нитей унесли первые жертвы. Сколько еще людей и драконов распростятся с жизнью в этот жестокий Оборот? Как долго сможет продержаться Вейр?

Она отошла в сторону, пытаясь успокоиться и подавить терзавшие душу сомнения. Высоко в воздухе над пиком Бендена парила Рамот'а. Неужели ей придется увидеть эти

золотые крылья исполосованными черно-красным узором от ударов Нитей? Неужели Рамот'а тоже исчезнет в ледяном забвении Промежутка?

Нет, Рамот'а не исчезнет. По крайней мере, пока жива она, Лесса.

Как-то давным-давно Ф'лар сказал, что ей нужно бросить взгляд за пределы Руата, что жажда мести не может заполнить ее жизнь целиком. Как всегда, он был прав. Теперь она, госпожа Бенден-Вейра, последнего и единственного оплота Перна, понимала, что в жизни есть нечто большее, чем месть, вражда или ненависть. Попытка достичь невозможного — вот в чем заключается смысл жизни! Достигнуть — или умереть в борьбе!

Она выбрала свой удел. Повелительница Вейра, подруга и помощница его вождя, способная влиять на события и судьбы людей в грядущие Обороты смятения и горя... готовая защитить Перн от смертельной угрозы, сохранить цветение жизни на планете... Да, такова ее судьба, ее предназначение. Ее долг.

Лесса подняла голову и, вытерев слезы, прошептала слова прощания. Старый К'ган заслужил их.

Если Нити прольются над Перном серебряным стоном,
Между смертью и Перном раскроются крылья дракона.

Как и предсказывал Ф'лар, атака закончилась к полудню, и вскоре Рамот'а звонким криком приветствовала усталых драконов и всадников.

Убедившись, что Ф'лар не задет, что ожоги Ф'нора не слишком серьезны и что Килара отослана предусмотрительной хозяйкой нижних пещер на кухню, Лесса занялась организацией ухода за ранеными и утешением страдальцев — и двуногих, и крылатых.

С наступлением сумерек в Вейре наступила тревожная тишина — болезненный покой тел и душ, обладатели которых слишком устали или были слишком изранены, чтобы говорить. Звук собственного голоса казался Лессе неуместно громким, когда она обходила вейры, составляя

список раненых зверей и людей. К'ган был единственным погибшим, но еще семь человек, получивших сильные ожоги, полностью вышли из строя на несколько месяцев. Четыре дракона, жестоко исхлестанные Нитями над Керуном, тоже не скоро поднимутся в небо.

Лесса пересекла дно чаши и стала медленно подниматься в свой вейр, страшась сообщить Ф'лару эти новости. Она заглянула в спальню, но комната была пуста. Лесса проскользнула мимо Рамот'ы, уже погрузившейся в сон, и заглянула в помещение Совета. Тоже пусто. Озадаченная и слегка встревоженная, она сбежала по ступенькам в зал Архивов и увидела Ф'лара, склонившегося над заплесневелыми пергаментами. Предводитель поднял к ней изможденное лицо.

— Что ты тут делаешь? — с удивлением спросила Лесса.— Тебе надо как следует выспаться.

— Тебе тоже,— произнес он, усмехнувшись.

— Я помогала Маноре разместить раненых...

— Каждый должен заниматься своим делом.— Ф'лар откинулся на спинку кресла, осторожно растирая ладонью мышцы поврежденного плеча.— Я не могу спать,— признался он.— И я решил посмотреть, не найдутся ли в Архивах новые ответы. Вдруг...

— Ответы? Какие еще ответы? — воскликнула Лесса, разозлившись на него. Можно подумать, в этих Архивах есть ответы на все вопросы. Похоже, чудовищная ответственность за защиту Перна от Нитей становилась для предводителя непосильной. Впрочем, может быть, так сказывалось потрясение от первой битвы, не говоря уже об изнурительном путешествии через Промежуток между временами, чтобы опередить падение Нитей в Нерате.

Ф'лар снова улыбнулся и жестом пригласил ее присесть рядом.

— Мне нужно знать лишь одно — как единственный Вейр, ослабевший за сотни Оборотов, может защитить Перн.

Лесса подавила страх, холодной волной затопивший сердце.

— Ну, ты научился предсказывать время атак и можешь планировать отпор заранее,— отважно заявила она.— Ты сумеешь сохранить драконов и людей... пока сорок молодых из выводка Рамот'ы не подрастут.

Ф'лар насмешливо приподнял левую бровь.

— Будем честными друг с другом, Лесса... Это далеко не так.

— Но и раньше случались долгие Интервалы,— запальчиво начала она.— Перн пережил их — значит, мы тоже выстоим!

— Раньше Перн охраняли шесть Вейров. А за двадцать Оборотов до Прохождения производительность королев резко увеличивалась. И их было шесть — а не одна золотая Рамот'а. Йора, о, эта ленивая Йора! Будь ты проклята! — Он вскочил и раздраженно зашагал от стены к стене, отбросив прядь черных волос со лба.

Лесса разрывалась между желанием успокоить его и леденящим ужасом, снова поднимавшимся изнутри,— ужасом, лишавшим четкости ее мысли.

— До сих пор ты не испытывал сомнений...— прошептала она.

Ф'лар стремительно обернулся к ней.

— Да, пока я не столкнулся с Нитями в действительности, не узнал их и не подсчитал число раненых! Время работает против нас. Пусть даже нам удастся посадить на свободных драконов других всадников... Все равно мы будем вынуждены постоянно держать большие силы в воздухе и одновременно проверять почву.— Он заметил, как Лесса озадаченно нахмурилась, и пояснил: — Завтра леса Нерата нужно обойти пешком. Неужели ты думаешь, что нам удалось перехватить и сжечь все Нити в воздухе?

— Пусть этим займутся холдеры! Не собираются же они сидеть в безопасности за каменными стенами, когда Вейр истекает кровью! Пусть они...

Резким жестом Ф'лар оборвал ее.

— Конечно, холдеры окажут помощь. Завтра я собираю большой Совет — всех правителей холдов и главных цеховых мастеров. Но ведь нужно не только найти зарывшу-

юся глубоко в землю Нить — нужно ее уничтожить! Огонь драконов эффективен в небе и на поверхности земли — но не тремя футами ниже!

— О, я об этом не подумала... Но ведь существуют огненные ямы...

— Только на возвышенностях вокруг холдов, но не в лесах Нерата и не на заливных лугах Керуна.

Лесса печально опустила голову.

— Я думала, что наши драконы — все, что нужно несчастному Перну для защиты от Нитей,— медленно произнесла она.— Наверно, я не слишком дальновидна...

— Есть и другие способы.— Ф'лар пожал плечами.— Или же были. Они должны существовать! Я часто встречался с упоминаниями о том, что холды создавали наземные группы, которые выжигали Нити. Каким образом — нигде не сказано; очевидно, это было общеизвестно.— Он с отчаянием вскинул руки и вновь бессильно уронил их.— Даже пятьсот драконов не смогли бы сжечь все Нити, упавшие сегодня! И однако в древности сумели сохранить Перн... Каким образом?

— Север Перна, да... но не Южный континент. Ведь он необитаем?

— Уже сто тысяч Оборотов Южный континент никого не волнует,— фыркнул Ф'лар. Он с отвращением посмотрел на Записи, молчаливыми стопками лежавшие на длинном столе.— Ответ должен быть где-то там, в них...

В голосе его послышались нотки отчаяния. Очевидно, он винил себя в том, что не сумел вовремя извлечь из этих пыльных груд нужную подсказку.

— Даже тот, кто их написал, не смог бы прочесть и половины,— мрачно сказала Лесса.— Пока нам больше помогли твои собственные идеи. Ты составил карты, отметил на них время атак — и смотри, как они выручили нас сегодня утром!

— Я слишком привязан к шкурам, да? — спросил Ф'лар.

Странное выражение появилось на его лице — улыбка вместе с гримасой боли. Он осторожно потрогал рубец на щеке.

— Несомненно,— подтвердила она с апломбом. И, кивнув в сторону пергаментов, добавила: — Старый хлам! Слишком много пропущенного, неясного!

— Отлично сказано, девочка! Итак, давай забудем про их смутные указания и намеки; попытаемся выработать свои принципы обороны. Перед нами стоят три проблемы. Во-первых, нам требуется больше драконов. Во-вторых, они нужны немедленно. В-третьих, надо придумать способ уничтожения Нитей, которые зарылись глубоко в почву...

— В-четвертых,— подхватила Лесса,— нам нужно выспаться, иначе завтра мы ничего не будет соображать!

Ф'лар, расхохотавшись, сжал ее в объятиях.

— У тебя одно на уме, малышка, верно? — поддразнил он, целуя нежную шею.

Лесса уперлась руками в его грудь, безуспешно пытаясь вырваться. Для раненого он проявлял слишком большую резвость — в том числе и с Киларой. О чем думала эта ненасытная, перевязывая его раны?

— В мои обязанности входит забота о предводителе Вейра,— сухо сообщила Лесса.

— Но ты часами торчишь около синих всадников, оставив меня нежным заботам Килары...

— Не похоже, чтобы ты возражал...

Ф'лар, откинув голову назад, расхохотался.

— Придется мне восстановить Форт-Вейр и переселить Килару туда,— насмешливо пообещал он.

— Никаких возражений. Пусть Килара как можно скорее окажется подальше отсюда — за тысячи миль и за десятки Оборотов.

Руки Ф'лара опустились, рот в изумлении приоткрылся. Он что-то хрипло выкрикнул, потом произнес медленно, по слогам:

— *Что — ты — ска-за-ла?*

— Сказала? — Глаза Лессы недоуменно расширились.

— Ты сказала — за десятки Оборотов отсюда! Вот оно! Мы отправляем Килару в прошлое через Промежуток между временами — вместе с ее королевой и молодыми драконами.— Ф'лар возбужденно шагал по комнате, размахи-

вая руками.— Нет, лучше я пошлю с ними одного бронзового постарше... и, конечно, Ф'нора...

— Отправить Килару в прошлое... куда? Нет, в какое время? — поправила себя Лесса.

— Правильное замечание! — Ф'лар вытащил свои карты.— Очень правильное! Куда же мы должны их отправить, чтобы не вызвать опасных искажений? В один из старых Вейров? Скажем, Плоскогорье — места безлюдные и удаленные... Но нет, там нашли остатки костров, и никому не ведомо, кто разводил их и зачем... Кстати, если бы мы отправили их в прошлое, то к сегодняшнему дню имели сорок взрослых драконов... а это не так. Значит, они не могут быть в двух местах одновременно...— Он потряс головой, ошеломленный этим парадоксальным выводом.

Белый контур заброшенного Южного материка привлек внимание Лессы.

— Пошли их сюда,— с милой улыбкой предложила она, указывая пальцем.

— Но там ничего нет...

— Все, что нужно, они возьмут с собой. Вода там есть, Нити не могут ее уничтожить. Остальное можно привезти — корм для скота, зерно...

Ф'лар сосредоточенно сдвинул брови, глаза его сверкнули. От уныния, владевшего им еще недавно, не осталось и следа.

— Десять Оборотов назад юг был чистым от Нитей... они наверняка погибли за время долгого Интервала. За десять Оборотов Придит'а вырастет... принесет несколько кладок. Возможно, будут еще королевы...

Вдруг он с сомнением покачал головой.

— Но там нет Вейра... Нет пещер, нет площадки Рождений, нет...

— Откуда ты это знаешь? — возразила Лесса. В этой идее было слишком много привлекательного, чтобы она согласилась отступить.— Да, Южный континент не упоминается в Архивах — но в них так много пропущено! Откуда мы знаем, что жизнь на юге не возродилась вновь — за сотни Оборотов после падения последних Нитей? Нить не может существовать, не имея органических веществ для

питания. Они уничтожают всю растительность, а потом высыхают, и ветер сдувает их прочь.

Ф'лар в восхищении посмотрел на свою подругу.

— Интересно,— спросил он,— почему раньше никто не задавался такими вопросами?

— Приверженность к шкурам, вот в чем дело.— Лесса погрозила ему пальцем.— Ну и, конечно, отсутствие необходимости.

— Необходимость? Может быть, ревность? Она тоже на многое способна,— Ф'лар лукаво ухмыльнулся.

— Благо Вейра — вот что меня заботит,— сообщила Лесса, уворачиваясь от его протянутых рук.

— Хорошо. Завтра я отправлю тебя с Ф'нором на юг. Взгляни сама — ведь это твоя идея.

Лесса оцепенела.

— А ты? — выдавила она наконец.

— Уверен, что могу передать это дело под твое умелое и заинтересованное руководство.— Он рассмеялся и, поймав ее за плечи, прижал к себе, заглядывая в лицо сияющими глазами.— Завтра мне предстоит сыграть роль безжалостного и твердого предводителя Вейра, под мощным напором которого лорды распахнут двери своих внутренних холдов... К тому же я надеюсь, что кто-нибудь из мастеров может знать решение нашей третьей проблемы — как уничтожить зарывшуюся в почву Нить.

— Но...

— И тебе, и Рамот'е будет полезно развеяться.— Он еще крепче обнял хрупкое тело девушки, любуясь ее лицом.— Лесса, ты моя четвертая проблема.— Ф'лар склонился к ней, пытаясь поймать губы.

При звуке торопливых шагов в проходе он раздраженно сдвинул брови и отпустил Лессу.

— Кто там? В такое время? — пробормотал он, готовый гневно обрушиться на позднего гостя.— Кто идет?

— Ф'лар? — Это был голос Ф'нора, тревожный, хриплый.

По выражению лица Ф'лара Лесса поняла, что даже его брат не избежит выговора — и почему-то это доставило ей удовольствие. Но когда Ф'нор ворвался в комнату, пред-

водитель и госпожа Вейра застыли в изумленном молчании. Что-то с коричневым всадником было не так. И пока Лесса пыталась разобраться в потоке его бессвязных восклицаний, эта странность внезапно дошла до ее сознания. Ф'нор был загорелым! Без повязки на лице и малейших следов полученной утром раны! Той раны, которую она сама перевязывала днем!

— Ф'лар, так нельзя! Невозможно жить сразу в двух временах! — в смятении воскликнул Ф'нор. Он покачнулся и, чтобы не упасть, схватился за гладкий камень стены. Под глазами коричневого всадника пролегли тени, заметные, несмотря на загар.— Я не знаю, как долго удастся нам протянуть... Это действует на всех... В некоторые дни особенно сильно.

— Я не понимаю...

— С драконами все в порядке,— заверил Ф'нор с горькой улыбкой.— Их это не беспокоит... для них этой проблемы не существует. Но люди... всадники... они стали полуживыми тенями... словно лишились драконов... и, боюсь, часть из них потеряна навсегда. Кроме Килары.— В его запавших глазах мелькнула неприязнь.— Ей ни до чего нет дела... Единственное, чего она хочет,— это вернуться и посмотреть на саму себя. Эгоизм этой женщины погубит нас.

Вдруг глаза его застыли, рот приоткрылся, словно всадник прислушивался к чему-то. Он повернулся к Ф'лару:

— Больше я не могу оставаться... Я уже здесь... Слишком близко... и это вдвойне плохо. Но мне надо было тебя предупредить. Обещаю, Ф'лар, мы постараемся выдержать так долго, как сможем... однако не рассчитывай на большой срок... Мы попытаемся... попытаемся!

И прежде чем Ф'лар шевельнулся, коричневый всадник шагнул за порог и скрылся в полумраке коридора.

— Но он ведь еще никуда не отправился! — истерически вскричала Лесса.— Он же еще здесь, здесь!

Ф'лар, хмуря брови, с тревогой смотрел вслед брату.

— Что случилось? — покачала головой Лесса.— Ведь мы ничего не сказали ему. Мы только еще обсуждаем эту идею,

а он как будто почувствовал и пришел предупредить... И потом...— Она коснулась щеки.— Эта рана от удара Нити, я сама перевязывала ее днем... Куда же она делась? Куда? Вот если бы он отсутствовал долго, тогда другое дело.

Лесса опустилась на каменную скамью и подобрала ноги.

— Однако...— задумчиво произнес Ф'лар.— Наше предприятие, еще не начавшись, терпит провал... Мы отправили его на десять Оборотов в прошлое...— Ф'лар помолчал, размышляя.— Но у нас сейчас нет другого выхода; мы должны продолжать эксперимент.

— Но что же все-таки случилось?

— Мне кажется, я догадываюсь.— Он сел рядом с Лессой и пристально посмотрел ей в глаза.— Помнишь, ты была очень подавлена, когда вернулась из путешествия в Руат... тогда, в самый первый раз. Теперь я думаю, что испытанное тобой потрясение вызвано не только сценой захвата твоего холда... не только мыслью, что именно твое присутствие вызвало катастрофу. Скорее это связано с почти мгновенным переходом из одного времени в другое...— Он замолчал, не находя для объяснения слов.

Девушка взглянула на Ф'лара с таким ужасом, что он неловко рассмеялся.

— Да, видимо, этого достаточно, чтобы сойти с ума,— пробормотал он.— Думать о том, что ты можешь вернуться в прошлое... и увидеть себя — более молодого...

— Так вот что имел в виду Ф'нор, когда говорил о Киларе,— предположила Лесса.— О том, что она хотела бы вернуться... куда? Назад, чтобы посмотреть на ребенка, которым была когда-то? На эту противную деточку? Подумать только! — Лесса была в ярости.— Мерзкая себялюбивая тварь! Наверняка она все испортит!

— Пока еще нет,— возразил Ф'лар.— Смотри, хотя Ф'нор предупредил, что ситуация становится отчаянной, он не сообщил, что все-таки удалось сделать. Однако шрам от удара Нити исчез, значит, прошло несколько Оборотов. Если Придит'а успела отложить хотя бы одну кладку, если сорок драконов из выводка Рамот'ы заметно повзрослели

и могут принять участие в бою через три дня — мы все же кое-чего достигли. А это значит, госпожа Вейра,— и он увидел, как Лесса выпрямилась, услышав свой титул,— мы должны действовать так, словно Ф'нор не возвращался. И завтра, когда ты полетишь на Южный континент, моя госпожа, ты даже не вспомнишь об этом. Ты понимаешь меня?

Лесса согласно кивнула и, не сумев сдержать вздох, сказала:

— Я не знаю, радует меня или огорчает то, что мы заранее, еще не прилетев туда, знаем, что найдем на Южном континенте подходящее место для Вейра.— Она взволнованно посмотрела на Ф'лара.— Узнавать неведомое — в этом есть своя прелесть.

— Во всяком случае,— сказал Ф'лар с иронической усмешкой,— пока мы нашли решение только для проблем номер один и номер два. И то частичное.

— Лучше бы ты подумал, как справиться с четвертой проблемой,— предложила Лесса.— И окончательно!

Ткач, Арфист, Кузнец и Фермер,
Лорд, Горняк, Солдат, Целитель,
В Вейр быстрее собирайтесь,
Слову Всадника внемлите.

Когда на следующее утро они разговаривали с Ф'нором, им удалось избежать упоминаний о его невероятном появлении накануне. Ф'лар попросил коричневого Кант'а прислать своего всадника в королевский вейр, как только он проснется, и был приятно удивлен тем, что брат явился почти тотчас. И если коричневый всадник заметил любопытные взгляды, которыми то и дело буравила его Лесса, он не придал этому значения. Собственно, после того, как Ф'лар сказал ему о планируемой разведке и изложил идею о возможности основать новый Вейр в прошлом, десять Оборотов назад, Ф'нор окончательно забыл обо всем остальном, и даже о своих ранах.

— Я охотно отправлюсь туда, если ты пошлешь вместе с Киларой Т'бора,— заявил он брату.— Не хотелось бы

ждать, пока Н'тон и его бронзовый настолько повзрослеют, чтобы заняться этой проблемой. Ну, а Килара и Т'бор... фактически они уже готовая пара. Что касается меня... я — человек терпеливый, но есть же пределы тому, что можно сделать ради любви к драконам.

Ф'лар расхохотался. Килара испробовала свои чары на каждом всаднике, и только Ф'нор оказался тверже скалы. Но она явно решила во что бы то ни стало сломить его сопротивление.

— Пожалуй, двух бронзовых хватит,— сказал предводитель Вейра, все еще усмехаясь.— У Придит'ы тоже должна быть возможность выбора, когда наступит брачная пора.— Он оценивающе посмотрел на Ф'нора.

— Даже ты не можешь превратить коричневого в бронзового! — воскликнул Ф'нор с такой тревогой, что Ф'лар окончательно потерял сдержанность и покатился со смеху.— Да прекратите вы!

На этот раз расхохоталась Лесса.

— Ну и парочка,— огрызнулся Ф'нор, вставая.— Госпожа Вейра, если мы собираемся на юг, то пора трогаться в путь. А нашему предводителю надо дать время успокоиться перед встречей с лордами, не то они подумают, что он псих, потому что все время хихикает. Я схожу к Маноре за припасами. Ну, Лесса? Ты летишь со мной?

Сдерживая улыбку, Лесса схватила свой подбитый мехом плащ и побежала за ним. По крайней мере, у ее нового приключения было веселое начало.

С кувшином кла и кружкой в руках Ф'лар двинулся в комнату Совета. Он думал о том, следует ли сообщать властителям холдов и мастерам о попытке основать новый Вейр на юге. О способности драконов перемещаться во времени так же свободно, как в пространстве, еще не знал никто из чужих. Пожалуй, если бы он был уверен, что его предприятие увенчается успехом... Да, в этом случае сообщение о нем внесло бы определенный оптимизм в предстоящую встречу. Но в данный момент ситуация еще не ясна... Что ж, придется использовать другой путь, чтобы вселить уверенность в холдеров. Например, карты с направлениями атак и точно рассчитанным временем.

Гости не заставили себя ждать. Многим не удавалось скрыть страх и потрясение, охватившее их теперь, когда Нити вновь ринулись с Алой Звезды, угрожая существованию жизни на Перне. Это будет тяжелый разговор, сурово решил Ф'лар. На миг его кольнуло сожаление — как хорошо было бы отправиться с Лессой на юг... Но он быстро подавил это чувство и склонился над картами, разложенными на столе.

Скоро собрались все, кроме двоих — Мерона Наболского, которого Ф'лар не слишком жаждал видеть, так как от этого человека всегда можно было ждать неприятностей, и Лайтола из Руата. За Лайтолом Ф'лар послал буквально в последний момент; ему не хотелось, чтобы Лесса встречалась с ним. Она все еще с горечью вспоминала свой отказ от родного холда в пользу сына Геммы, и Ф'лар не хотел лишний раз напоминать ей об этом. Но Лайтол как управляющий Руата имел право присутствовать на совещании. К тому же как бывший всадник он являлся самым ценным союзником Вейра — равно как и Ларад Телгарский.

Вошел С'лел и следом за ним Мерон. Владетель Набола был раздражен срочным вызовом в Вейр; это чувствовалось по его походке, колючему взгляду, надменной осанке. Но он был столь же любопытен, сколь хитер. Кивнув Ларад и начисто проигнорировав остальных, он занял свободное место.

Предводитель Вейра ответил на приветствие С'лела и жестом пригласил его сесть. Ф'лар тщательно продумал размещение гостей в комнате Совета, перемешав лордов и мастеров с бронзовыми и коричневыми всадниками. Теперь в просторной пещере едва можно было пошевелиться — но зато, если страсти накалятся, никому не удастся незаметно вытащить кинжал и пустить его в ход.

Вдруг в комнате наступила тишина, и Ф'лар, подняв глаза, увидел, что на пороге стоит Лайтол. Руатанец медленно поднял руку, с подчеркнутым уважением приветствуя предводителя Вейра. Отвечая ему, Ф'лар заметил, что левая щека бывшего всадника непрерывно дергается в тике. Взгляд его, потемневший от боли, блуждал по комнате. Он

поздоровался с Ларадом, Зургом — мастером-ткачом из Руата — и всадниками крыла, в котором летал когда-то. Скованной походкой он подошел к оставленному для него месту и опустился в кресло, невнятно приветствовав сидевшего рядом Т'сама.

Ф'лар поднялся.

— Я рад, что все вы прибыли сюда, любезные лорды и мастера. Знайте, что Нити вновь падают на Перн. Первая атака отбита в небе вчера утром. Лорд Винцет,— несчастный властитель Нерата поднял голову,— теперь мы направили патрули, чтобы на малой высоте обследовать влажные леса и убедиться, что там нет зарывшихся Нитей.

Винцет нервничал. Лицо его побледнело при мысли, что могли сотворить Нити с его плодородным, обширным владением.

— Нам понадобится помощь твоих лучших следопытов...

— Помощь? Но ты сказал, что атака в небе отбита?

— Мы не можем рисковать,— твердо произнес Ф'лар.

Винцет непроизвольно сглотнул и оглядел комнату в поисках поддержки. Но лорд Нератский не нашел ее; в подобном положении скоро мог оказаться каждый.

— Я направлю патрули в Керун и в Айген.— Ф'лар посмотрел сначала на лорда Кормана, затем — на Бангера; оба мрачно кивнули.— Позвольте в качестве утешения сообщить вам, что в течение трех дней и четырех часов дальнейших атак не предвидится. Затем,— Ф'лар положил ладонь на карту,— Нити начнут выпадать в Телгаре, продвинутся на запад через южную горную часть Крома и далее — к Руату и Наболу.

— Почему ты в этом уверен?

Ф'лар узнал надменный голос Мерона Наболского.

— Нити не падают случайно, словно камешки в детской игре,— ответил он.— Путь их предопределен, и время атаки вполне предсказуемо. Каждое нападение длится шесть часов. В течение следующих Оборотов интервалы между ними будут постепенно сокращаться — по мере того как Алая Звезда приближается к Перну. Затем, сорок Оборотов подряд, Нити будут падать каждые четырнадцать часов.

— Так говоришь *ты,*— усмехнулся Мерон, и среди собравшихся пробежал легкий ропот в поддержку.

— Так гласят обучающие Баллады,— твердо сказал Ларад.

Мерон пристально посмотрел на лорда Телгара и продолжал:

— Я припоминаю одно из твоих предсказаний — о том, что Нити начнут падать сразу после зимнего солнцестояния...

— Они падали,— прервал его Ф'лар.— В виде черной пыли над северными холдами. Мы должны благодарить судьбу за эту отсрочку — нынешний Оборот был очень холодным.

— Пыли? — изумился Нессел Кромский.— Эта пыль была Нитями? Ее полно в моем холде... Она опасна?

Ф'лар посмотрел на встревоженное лицо лорда. Этот пожилой человек происходил из семьи Фэкса и находился под сильным влиянием Мерона; всю жизнь он учился на кровавых деяниях своего родственника, но не обладал достаточным умом, чтобы превзойти его.

Ф'лар усмехнулся.

— Сколько времени носится черная пыль по твоему холду, Нессел? Несколько недель? Причинен ли какой-нибудь вред?

Нессел нахмурился.

— Я хотел бы взглянуть на твои карты, предводитель Вейра,— сгладил ситуацию Ларад Телгарский.— Можно ли с их помощью точно определить время появления Нитей над нашими холдами?

— Да,— подтвердил Ф'лар.— И вы должны знать, что всадники прибудут незадолго до начала атаки. Однако нужны дополнительные меры — и ради этого я собрал вас на Совет.

— Постой,— прорычал Корман Керунский.— Я тоже хочу получить такие карты, как у тебя! И я хочу знать, что означают значки на них — все эти полосы и линии. Я хочу...

— Конечно, ты их получишь. Я собираюсь поручить мастеру Робинтону,— Ф'лар склонил голову, повернувшись

к одному из самых уважаемых членов цеха арфистов,— проследить за копированием карт и разъяснить, как пользоваться ими.

Робинтон, высокий сухопарый человек с угрюмым морщинистым лицом, низко поклонился. Ироническая улыбка заиграла на его губах при виде того, с какой надеждой глядели на него лорды. Его ремесло, как и занятия всадников, до сих пор частенько подвергалось насмешкам, и внезапно вспыхнувшее уважение забавляло мастера. Он тонко воспринимал юмор и обладал живым воображением. К тому же обстоятельства, в которых очутился неверующий Перн, были буквально воплощением жестокой иронии, а потому в нем проснулось врожденное чувство справедливости. Мастер отвесил присутствующим глубокий поклон и кротко заговорил:

— Воистину ваше доверие, милорды, оказано достойным.

Его голос был глубоким и ясным, слова звучали удивительно четко.

Ф'лар с трудом удержал на языке готовый сорваться ответ и лишь бросил на старого арфиста острый взгляд, чтобы показать, что он понял двойной смысл фразы. Как и Ларад, который внимательно посмотрел на мастера и откашлялся.

— Итак, у нас будут свои карты,— произнес Ларад, опережая Мерона, открывшего было рот.— И когда посыплются Нити, нас прикроют всадники. О каких же дополнительных мерах ты говоришь? К чему они?

Все глаза вновь обратились к Ф'лару.

— У нас один Вейр, а раньше их было шесть.

— Но говорят, что Рамот'а отложила больше сорока яиц,— сказал кто-то в глубине комнаты. В его голосе звучал неприкрытый страх.— Разве этого не достаточно?

— Сорок драконов, не достигших зрелости,— разве это много? — возразил Ф'лар. В душе он надеялся, что его южное предприятие все же будет успешным.— Правда, драконы растут быстро, и сейчас, когда Прохождение только началось, а Нити падают не слишком часто, сил у наше-

го Вейра хватит — конечно, если вы будете помогать нам на земле. По традиции,— он снова поклонился в сторону Робинтона, хранителя древних заветов,— вы, лорды, отвечаете только за свои жилища, которые, я не сомневаюсь, должным образом защищены голым камнем и огненными ямами. Однако наступает весна, и возвышенности покрываются зеленью, а на пашнях восходят злаки. Один Вейр не в состоянии патрулировать такую огромную площадь. Силы драконов и всадников не беспредельны.

Испуганный и злобный шепот пронесся по комнате.

— Вскоре Рамот'а опять поднимется в брачный полет,— сухо продолжал Ф'лар.— В прежние времена королевы начинали откладывать крупные выводки за много Оборотов до начала Прохождения и к критическому моменту Вейры всегда были в полной готовности. К несчастью, Йора была больной и старой, и Неморт'а не могла...

Внезапно его перебили. Кто-то в глубине комнаты зло произнес:

— Вы, всадники, слишком важничаете... и слишком мало занимаетесь делом. Мы погибнем из-за вас!

Поднялся шум.

— Вините себя.— Спокойный голос Робинтона прорезал негодующие выкрики.— Вы оказывали Вейру уважения не больше, чем конуре стража порога у ворот ваших холдов! А теперь, когда в ваши дома забрались воры, вы готовы обвинить в своих бедах зверя, полумертвого от голода? Но вы же сами загнали стража в конуру и кормили объедками — только за то, что он пытался предупредить вас. Пытался заставить готовиться к вторжению. Что же, теперь вы прибьете его? — Арфист перевел дух, оглядывая комнату сверкающими глазами.— Нет, слабость Вейра — на вашей совести, и нельзя ставить ее в вину всадникам, которые честно исполняли свой долг в течение сотен Оборотов, сохраняя род драконов... Кто из вас проявил щедрость в отношении Вейра? Кто поддержал его? Я знаю от своих арфистов, как часто избивали их за пение старых Баллад — а ведь они тоже исполняли свой долг! Так что теперь, любезные лорды, вам, в ваших каменных холдах,

остается только корчиться от стыда да смотреть, как Нити пожирают урожай на ваших полях!

Робинтон встал и гордо выпрямился.

— Нет никаких Нитей! Арфисты пугают нас! Все это сказочки! Старые сказочки! — тонко провизжал он, в совершенстве подражая голосу Нессела Кромского.— Эти всадники сосут из нас людей и зерно.— Теперь голос Робинтона имитировал монотонный вкрадчивый тенор, который мог принадлежать лишь Мерону. И вдруг арфист загремел: — А теперь горькая истина ясна всем — и проглотить ее так же трудно, как чертополох! За те почести, что вы оказывали Вейру и всадникам, право же, не стоит защищать ваши владения — и пусть смертельный дождь Нитей превратит их в пыль!

— Битра, Лемос и мой холд всегда выполняли свой долг по отношению к Вейру! — выпалил сухой жилистый Райд, владетель Бендена.

Робинтон повернулся к нему и смерил лорда долгим сверкающим взглядом.

— Да, вы исполнили свой долг... Из всех Великих Холдов — только вы трое остались верны! Но остальные! — И его голос загремел негодованием.— Я, арфист, знаю, что вы думали и говорили о Вейре! Я слышал даже самые первые шепотки, когда вы только начинали готовить нападение на Вейр.— Он резко рассмеялся и указал длинным пальцем в лицо Винцета.— Где бы вы были сегодня, лорд Винцет, если бы Вейр не вышвырнул вас прочь от своего порога, хотя для этого ему пришлось взять вашу леди в заложницы? Где были бы вы все?! — И его указующий перст очертил круг виновных, включивший всех лордов до единого.— Вы осмелились восстать против Вейра, потому что Нитей больше нет, не так ли? Но Нити — Нити падают!

Он уперся кулаками в бока и обвел собравшихся пристальным взглядом. Ф'лар готов был аплодировать. Да, этот мастер недаром возглавлял цех арфистов, и следовало благодарить судьбу, что такой человек являлся сторонником Вейра.

— А теперь, в этот критический момент, вы пытаетесь протестовать против мер, которые предлагает Вейр ради

вашей же безопасности? — Вкрадчивый голос Робинтона источал иронию.— Слушайте, что говорит вам предводитель Вейра, и избавьте его от мелочных придирок! — Арфист повернулся к Ф'лару, и тон его внезапно изменился; теперь он был полон уважения: — Ты просил нашего содействия, любезный Ф'лар? Какого рода помощь мы должны оказать?

Ф'лар откашлялся и удовлетворенно кивнул.

— Мне нужно, чтобы холды следили за своими полями и угодьями во время атак и после прохода Нитей. Все места, где Нити опустились на землю, должны быть найдены, помечены, а Нити — уничтожены. Чем быстрее это будет выполняться, тем легче справиться с угрозой.

— У нас нет времени рыть огненные ямы по всей территории... к тому же мы потеряем половину пахотных земель! — воскликнул Нессел.

— Раньше пользовались другими способами. Я думаю, наш мастер-кузнец должен знать о них.— Ф'лар поклонился в сторону Фандарела.

Мастер-кузнец славился не только своим искусством, но и внушительным внешним видом. Его массивные плечи заставили соседей потесниться на своих стульях. Он поднялся, похожий на огромный древесный ствол, и засунул ладони за широкий пояс, охватывавший его тело в том месте, где полагалось находиться талии. Его голос, привыкший перекрывать рев пламени в горнах и грохот молотов, показался слишком резким и грубым после великолепной дикции Робинтона.

— Да, в прежние времена были машины, это точно,— согласился он, задумчиво нахмурив брови.— Отец рассказывал мне о них... забавные игрушки... В кузнечных залах могли сохраниться чертежи... а могли и не сохраниться. Пергаменты теперь не слишком хороши.— Он искоса взглянул на мастера, возглавлявшего цех кожевников.

— Сейчас нам в первую очередь следует беспокоиться о сохранности собственной шкуры,— торопливо бросил Ф'лар. Ему совсем не хотелось, чтобы представители разных ремесел затеяли свару.

Что-то заклокотало в горле Фандарела — не то смех, не то невнятный возглас согласия. Он кивнул головой.

— Я обдумаю это дело. И все мои парни тоже,— заверил кузнец предводителя Вейра.— Не так просто выжечь Нить, не разрушив при этом почву. Правда, есть горючие жидкости... и еще кислота, которой мы пользуемся, чтобы вытравлять рисунки на металле. Мы называем ее ашенотри... Есть и черная густая вода, выступающая на поверхности водоемов в Айгене и Болле. Она прекрасно горит. И если, как ты говоришь, холод превращает Нити в пыль, можно попробовать использовать лед из северных земель. Как, однако, доставить все это туда, где падают Нити? Задача сложная, очень сложная... Вот если бы можно было заставить Нити падать туда, где нам это удобно...— Он скорчил жуткую гримасу.

Ф'лар смотрел на него в удивлении. Может быть, этот человек пошутил? Но нет, он говорил совершенно серьезно. Сейчас кузнец старательно скреб голову, и его толстые пальцы со скрежетом продирались сквозь жесткие волосы.

— Интересная проблемка... очень интересная,— бормотал он, явно увлеченный.— Я займусь ею всерьез.— И он плюхнулся на скамью, дрогнувшую под весом его огромного тела.

Мастер-фермер нетерпеливо поднял руку.

— Помнится, в свое время я наткнулся на записи о песчаных червях Айгена,— сообщил он.— Их, кажется, разводили для защиты от Нитей...

— Никогда не слышал, чтобы из Айгена исходило что-нибудь полезное, только песок и жара,— иронически заметил кто-то.

— Нам надо выслушать все предложения,— резко сказал Ф'лар, пытаясь разглядеть насмешника.— Пожалуйста, мастер, найдите эти записи. А ты, лорд Бангер Айгенский, попытайся разыскать этих червей.

Бангер, чрезвычайно удивленный, что в его засушливом холде нашлось нечто важное, с готовностью кивнул.

— Пока у нас нет более эффективных средств борьбы с Нитями, все должны находиться в постоянной готовности: каждый мужчина, каждая женщина, каждый ребенок.

Нужно организовать поиск Нитей и выжигать их в земле, раскладывая сверху костры из огненных камней. Я не хочу, чтобы пострадал хоть один человек, но мы знаем, как быстро Нити зарываются в почву; нельзя позволить им размножаться. Помните, вам есть что терять.— Ф'лар выразительно посмотрел на лордов.

Напряженность и раздумье воцарились в комнате Совета.

Поднялся Зург, мастер-ткач.

— Мне тоже есть что предложить — ведь мы, ткачи, всю жизнь имеем дело с нитями.— Голос Зурга был сухим и спокойным, но глаза, окруженные лучиками морщин, метались по лицам холдеров и обитателей Вейра.— В Руате я как-то видел гобелен... не знаю, где он сейчас находится.— Зург метнул лукавый взгляд на Мерона Наболского, затем на Баргена из Плоскогорья, унаследовавшего титул и владение Фэкса.— Древняя работа, почти такая же древняя, как и род драконов. Там, среди прочего, было изображение человека с мешком или ящиком на спине; в руках он держал трубку, из которой бил язык пламени... великолепные краски, оранжевый тон... Их секрет сейчас утерян. Да, так вот — человек направлял пламя к земле, а вверху мчались драконы в плотном строю, в основном бронзовые. Я хорошо запомнил эту работу; меня поразили и качество исполнения, и ее содержание... Сколь многого нам теперь недостает...

— Огнемет? — громко произнес кузнец.— Да, огнемет,— повторил он задумчиво.— Метатель пламени. Над этим нужно поразмыслить.— Он опустил голову, поглощенный новой идеей; кажется, больше его ничего не интересовало.

— Увы, любезный Зург, много секретов утрачено за последние Обороты,— заметил Ф'лар.— Но если мы хотим выжить, эти знания необходимо возродить — и как можно быстрее. Я очень хотел бы взглянуть на гобелен...— Ф'лар обвел взглядом лордов, унаследовавших холды Фэкса.— Неплохо бы увидеть его в Руате... или в мастерских Зурга и Фандарела.

Послышалось шарканье ног, приглушенный кашель, но никто не признался, что владеет гобеленом.

— Я должен увидеть руатанский гобелен! — внезапно рявкнул Фандарел.

— Надеюсь, скоро гобелен будет в твоих руках,— заверил Ф'лар кузнеца. Потом он перенес внимание на владетелей холдов: — Итак, любезные лорды, теперь вы понимаете, что нас ждет. Я оставляю на ваше усмотрение, что следует сделать для защиты поселений. Мастерам нужно привлечь к работам самых толковых людей и просмотреть все Архивы в холдах и цехах — возможно, там найдется кое-что полезное. Через три дня мы будем отбивать атаку над Телгаром, Кромом, Руатом и Наболом. Лорды Нерата, Керуна и Айгена, я в вашем распоряжении. Давайте постараемся обезвредить Нити, попавшие в вашу землю.

Внезапно Ф'лар поймал взгляд брата; тот стоял в тени прохода, пытаясь привлечь к себе внимание. Коричневый всадник сиял торжествующей улыбкой; было ясно, что новости просто распирают его. Ф'лар удивился — утренняя экспедиция на юг вернулась поразительно быстро. Но потом он заметил, что на загорелом лице Ф'нора нет раны. Ф'лар сделал знак брату, чтобы он ушел в королевский вейр и подождал там.

— Итак, лорды и мастера, в распоряжении каждого из вас будет молодой дракон, и вы сможете быстро передать любое сообщение. А теперь прошу вас немедля приняться за работу.

Он покинул комнату Совета, миновал коридор, пустую пещеру Рамот'ы и, отодвинув тяжелый занавес, вошел в спальню — как раз в тот момент, когда Ф'нор наливал себе кружку вина.

— Поздравляю! — воскликнул он, едва предводитель Вейра шагнул через порог.— Не пойму только, как ты догадался, что нужно послать тридцать два юноши для Запечатления... Но как бы то ни было, Придит'а отложила ровно тридцать два яйца за четыре дня. При появлении первых я едва сдержался, чтобы не броситься сюда.

Ф'лар тепло поблагодарил брата, радуясь, что хоть эта задумка имела успех. Теперь ему нужно было выяснить, сколько же времени Ф'нор оставался на юге до своего визита прошлой ночью. Лицо этого, более раннего Ф'нора,

не выражало никаких признаков напряженности или уныния. Скорее наоборот.

— Тридцать два яйца,— задумчиво протянул Ф'лар.— Нет ли среди них золотого?

Лицо Ф'нора вытянулось.

— Нет... Золотого нет. А я так надеялся... Но зато четырнадцать бронзовых! — гордо добавил он.

— Превосходно. А как идут прочие дела в Вейре?

Ф'нор нахмурился, вопрос привел его в замешательство.

— Килара... в общем, с ней проблемы. Постоянно какие-то неприятности. Т'бору с ней невесело, и он стал таким вспыльчивым, что все держатся от него подальше. Зато молодой Н'тон уже прекрасно командует крылом,— лицо Ф'нора заметно посветлело,— а его бронзовый может опередить Т'боровского Орт'а, когда Придит'а в следующий раз поднимется в брачный полет.

— Как с припасами?

Ф'нор расхохотался.

— Можем поделиться с вами зеленью и фруктами! Они гораздо вкуснее, чем те, что растут на севере! Мы питаемся отлично, как положено всадникам. Если наладить переброску продуктов сюда, в Вейр, караваны с десятиной, пожалуй, будут ни к чему.

— В свое время, всему свое время. Теперь отправляйся обратно. Ты же знаешь, что эти визиты должны быть короткими.

— Да, это так. Ты прав,— недовольно поморщился Ф'нор.— Но ведь сейчас меня нет в Вейре.

— Верно,— согласился Ф'лар,— но смотри, не ошибись... твой следующий визит сюда не должен по времени накладываться на предыдущий.

— Хм-м... Правильно. Я все время забываю, что время ползет для нас и летит для тебя. Не беспокойся. Я не появлюсь здесь до второй кладки Придит'ы.

Весело попрощавшись, Ф'нор вышел из вейра. Ф'лар в раздумье проводил его взглядом и не спеша направился в комнату Совета. Тридцать два новых дракона, из них — четырнадцать бронзовых... существенная прибавка. Похоже, риск того стоил. Но не возрастет ли он в дальнейшем?

Сзади кто-то негромко кашлянул. Ф'лар обернулся и увидел Робинтона, стоявшего под аркой, которая вела в комнату Совета.

— Прежде чем заняться копированием карт и обучением остальных, я хотел бы разобраться с ними сам. Поэтому, уважаемый предводитель, я позволил себе остаться.

— Ты настоящий воин, мастер.

— Мы бьемся за благородное дело.— Глаза Робинтона сверкнули.— Я долго мечтал о возможности выступить перед столь благодарным слушателем.

— Чашу вина?

— Благодарю. Гроздья Бендена — предмет зависти всего Перна.

— Если вкус достаточно развит, чтобы оценить столь тонкий букет.

— Вкус можно воспитать.

Интересно, подумал Ф'лар, когда он прекратит играть словами. Арфист задержался не из-за карт, его явно тяготили другие заботы.

— Мне вспомнилась Баллада, над которой я ломал голову, когда стал мастером своего цеха. Однако я так и не смог объяснить ее,— сказал он, неторопливо, с видом знатока наслаждаясь вином.— Непростая песня — и по мелодии, и по содержанию. Понимаешь, мой лорд, хороший арфист может предсказать, что будет принято, а что — отвергнуто... Иногда — силой.— Лицо Робинтона передернулось.— Обнаружив, что эта Баллада лишает душевного покоя равно как певца, так и слушателей, я исключил ее из употребления. Но теперь она может возродиться — как тот гобелен.

После гибели К'гана его инструмент висел в комнате Совета, пока не будет избран новый арфист Вейра. Гитара была древней и потому весьма хрупкой; старый К'ган держал ее в чехле. Робинтон с почтением взял инструмент, слегка тронул струны и, оценив звучание, удивленно поднял брови.

Он извлек аккорд, прозвеневший резким диссонансом. Расстроен инструмент, подумал Ф'лар, или арфист случайно задел не ту струну. Но Робинтон повторил отрывок странной мелодии, неблагозвучной и тревожной.

— Я говорил тебе — песня непростая. Не знаю, сможешь ли ты ответить на вопросы, которые задаются в ней. Много раз я пытался разобраться с этой головоломкой, но... Вот послушай...

Он запел:

Ушли далеко, ушли без возврата.
Пыльное эхо гаснет, как в вате.
Мертвый, пустой ты стоишь, всем открытый ветрам,
Обезлюдевший Вейр.
Где вы, драконы? Ушли в одночасье.
Ваши следы размывают в ненастье
Злые дожди. Только брошена кукла в углу
И пролито вино.
Быть может, иные миры беззащитны
И в страхе пред Нитями молят защиты?
Может быть, надо спасти изнемогших в борьбе?
Почему вы ушли?

Последний печальный аккорд замер...

— Эта песня была впервые записана примерно четыреста Оборотов назад,— сказал Робинтон, нежно покачивая гитару в руках.— Алая Звезда только что удалилась на безопасное расстояние, и люди испытали новое потрясение — бесследно исчезли обитатели пяти Вейров. О, я думаю, в то время у них было сколько угодно объяснений — истинных или ложных,— но в Архивах нет ни одного.— Робинтон сделал паузу.

— Я тоже ничего не нашел,— ответил Ф'лар.— А ведь я велел привезти сюда Записи из других Вейров, чтобы составить точное расписание атак. И все они заканчиваются одним...— Он рубанул рукой воздух.— В Архивах Бендена нет никаких упоминаний о болезнях, смерти, пожаре или катастрофе — ни одного слова, которое объясняло бы внезапно прервавшуюся связь между Вейрами. Архивы Бендена продолжали постоянно пополняться, но туда поступали сведения только о Бендене. Лишь одна запись свидетельствует, да и то косвенно, о новом расписании маршрутов патрулирования Перна... И это — все.

— Странно,— задумчиво протянул Робинтон.— Как только миновала угроза с Алой Звезды, драконы и всадники могли навсегда отправиться в Промежуток... Зачем? Ну, например, за тем, чтобы облегчить бремя холдов. Но я просто не способен в это поверить. В Записях нашего цеха не упоминается о том, что урожаи были плохими... или, скажем, что произошли какие-то природные катастрофы... Люди умеют проявлять благородство — а племя Крылатых славится благородством по всему Перну... Но массовое самоубийство? Я не верю в это... Во всяком случае, для всадников такое поведение нетипично.

— Благодарю,— произнес Ф'лар с мягкой иронией.

— Не стоит благодарности,— ответил Робинтон с поклоном.

Ф'лар задумчиво скользнул взглядом по столу, на котором все еще лежали карты и громоздились стопки пергаментов, принесенные из зала Архивов.

— Загадочное дело,— вымолвил он.— Народ Дракона куда-то исчез. Постепенно Перн забыл о нем. Лишь Бенден продолжал жить... но мы не беспокоили холдеров — во всяком случае, последние Обороты перед угрозой.

— Что ж, ваша изоляция принесла пользу. Мощь Вейра, его возможности были забыты — но ты напомнил о них, когда начался этот нелепый мятеж лордов,— заметил Робинтон с озорной улыбкой.— Я чуть не умер со смеху! Выкрасть их женщин — в течение одного взмаха крыльев дракона! — Он вновь засмеялся, потом лицо его стало серьезным.— Я, певец и сказитель, привык улавливать то, что не произносится вслух. И я подозреваю, мой лорд, что ты многое приукрасил на этом Совете. Ты можешь быть уверен во мне, в моей осторожности, в моей преданности и в поддержке всего нашего цеха, отнюдь не бесполезного. Говори откровенно, чем мои арфисты могут вам помочь? Вселить в людей бодрость? — Он тронул струны, и в комнате прозвучали энергичные аккорды марша.— Взбудоражить кровь смельчаков Балладами о славе и победах? — Под его пальцами гитара запела протяжно и сурово, потом раздался бодрый мотив.— Или укрепить их дух и тело в преддверии невзгод?

— Если бы все твои арфисты обладали такой же властью над человеческими душами, какую имеешь ты, мне не о чем было бы беспокоиться. Но, к сожалению...

— А! Значит, несмотря на уверенный тон и волшебные карты, ситуация почти безнадежна? — Мрачный аккорд гитары подчеркнул его последние слова.

— Пока нет. Но она может таковой оказаться.

— Огнеметы, о которых толковал Зург, они могут существенно помочь делу?

— Даже от песчаных червей Айгена будет прок. Но Перн вращается по неизменной орбите, и Алая Звезда подходит все ближе... Значит, интервал между атаками будет сокращаться, а у нас лишь семьдесят два молодых дракона — в дополнение к тем, которых мы имели вчера. Один уже мертв, а некоторые не смогут летать несколько недель.

— Семьдесят два? — удивленно переспросил Робинтон.— Но Рамот'а принесла только сорок, и они еще слишком молоды, чтобы грызть огненный камень.

Ф'лар в общих чертах поведал арфисту об экспедиции Ф'нора и Лессы, исследующих Южный материк. Он рассказал о недавней встрече с Ф'нором и о некоторых успехах проекта после первой кладки Придит'ы.

Робинтон прервал его, удивленно подняв брови.

— Но как же Ф'нор мог говорить тебе об этом, когда он и Лесса еще даже не отыскали на юге место для нового Вейра?

— Драконы обладают способностью перемещаться во времени — так же, как в пространстве,— пояснил Ф'лар.— Понятия *где* и *когда* для них равнозначны.

Глаза Робинтона расширились.

— Именно так мы отразили атаку Нитей над Нератом вчера утром. Мы перепрыгнули назад на два часа и встретили Нити в воздухе.

— Вы действительно можете перемещаться в прошлое? Как далеко?

— Пока не знаю. Когда я учил Лессу летать в Промежутке, она случайно вернулась в Руат на тринадцать Оборотов назад. В то утро, когда люди Фэкса захватили холд. После ее возвращения я сам попробовал прыгнуть через межвременной Промежуток в прошлое — примерно на десять Оборотов. Для дракона такое путешествие не представляет труда, но оно пагубно влияет на нервную систему всадника, невероятно истощая ее. Вчера, после битвы над Нератом, я чувствовал себя так, словно меня подвесили на крюк в коптильне, чтобы пополнить к зиме запасы сушеного мяса,— невесело рассказывал Ф'лар.— Частично мы добились успеха, послав Килару с Придит'ой и другими молодыми драконами в прошлое. Я знаю это, потому что из слов Ф'нора ясно: он выдержал там несколько Оборотов. Конечно, истощение людей все усиливается, но у нас будет еще семьдесят два взрослых дракона — значительная поддержка.

— Пошли всадника в будущее и выясни, достаточно ли этого,— с готовностью предложил Робинтон.— Не нужно будет ломать голову.

— Я не знаю, как попасть в *когда,* которое еще не наступило. Видишь ли, дракону нужно давать ориентиры. А как можно передать мысленный образ того, что еще не существует?

— Есть же воображение... воспользуйся им.

— А риск потерять всадника и дракона? Нет, не могу. У меня их не так много. Я должен продолжать южный проект... собственно, судя по визитам Ф'нора, я это уже сделал — когда решил начать.— Ф'лар поднялся.— Следовательно, мне остается только отдать распоряжения о подготовке вещей и грузов. Мы с тобой займемся картами позже.

Только после дневной трапезы, которую Робинтон разделил с предводителем Вейра, арфист научился определять время и место атак. Затем он откланялся и отбыл, чтобы приступить к копированию карт.

Была весна, когда над океаном
Крылом к крылу, быстрее корабля
Стремглав неслись Рамот'а с верным Кант'ом
Узнать, жива ли Южная земля.

Лесса и Ф'нор, которых драконы плавно поднимали к вершине Звездной Скалы, еще успели заметить первых мастеров и лордов, прибывающих на Совет.

Чтобы очутиться на Южном континенте в нужном времени, они решили вначале перенестись на десять Оборотов назад в Бенден-Вейр, образ которого был надежно запечатлен в памяти Ф'нора. Затем они собирались направиться к той части побережья заброшенного материка, о которой Архивы сообщали достаточно сведений, чтобы дать драконам нужные ориентиры.

Ледяной холод Промежутка дважды принял всадников в свои объятия — и наконец они зависли над бурным морским простором. Впереди таился Южный континент, казавшийся в этот пасмурный день багровой полосой, очерчивающей свинцовую поверхность воды. Лесса почувствовала смутное беспокойство, пришедшее на смену неприятным ощущениям, которые вызывал временной сдвиг. В следующий миг Рамот'а, мощно взмахивая крыльями, устремилась к отдаленному берегу. Кант' изо всех сил старался не отставать.

«Он всего лишь коричневый»,— мягко пожурила Лесса свою подругу.

«Раз он летит со мной,— холодно заметила Рамот'а,— ему придется пошевеливаться».

Лесса улыбнулась; очевидно, Рамот'а была обижена, что ей не удалось поучаствовать в сражении с Нитями. Да, драконам-самцам приходится с ней нелегко.

Они заметили стаю цеппи; значит, на материке есть растительность. Эти летающие создания всегда держались поблизости от зарослей, хотя многие из них были хищниками, а некоторые при необходимости могли питаться чем попало.

Через Кант'а Лесса обратилась к Ф'нору:

«Как ты думаешь, откуда взялась растительность на Южном континенте? Ведь он был полностью сожжен Нитями!» — «Ты замечала когда-нибудь, как раскрываются осенью стручки и семена разносятся ветрами? Вот ответ на твой вопрос».— «Но как может прорасти семя в бесплодной земле?» — «Даже на горных вершинах нашего материка, которые были оголены Нитями, прорастает молодая зелень. И для этого надо много меньше времени, чем сотни Оборотов,— напомнил Ф'нор.— Видимо, таким же образом возрождается жизнь и здесь, на юге».

Хотя Рамот'а задала стремительный темп, потребовалось довольно много времени, чтобы добраться до побережья. Голые, пустые утесы угрожающе вздымались из морских волн. Лесса велела Рамот'е подняться выше, ей хотелось бросить взгляд на скрывавшееся за скалами плоскогорье. Но с большой высоты в неярком свете хмурого дня поверхность материка казалась серой и пустынной.

Внезапно сквозь пелену облаков пробилось солнце, и серая равнина заиграла живыми яркими зелеными и коричневыми красками. Первым откликнулся на торжествующий возглас Лессы Ф'нор, потом затрубили драконы. Цеппи, напуганные непривычными звуками, закружились над тропическим лесом.

От побережья в глубь материка местность плавно понижалась и переходила в плато, поросшее травой; за ним начинались джунгли, напоминавшие могучие леса центрального Болла. Земли выглядели столь плодородными, что Лесса невольно начала ломать голову, по какой же причине могла закончиться неудачей попытка основания Южного Вейра.

Они приземлились на плато у небольшого озера. День был сумрачным, но довольно теплым, и пока Лесса с Ф'нором перекусывали, оба дракона плескались в прозрачной воде. Тревога не оставляла Лессу, и хлеб с мясом не вызывали у нее аппетита. Она заметила, что Ф'нор тоже обеспокоен; исподтишка он бросал внимательные взгляды то на озеро, то на опушку джунглей.

— Что с нами? — вопросительно подняла брови Лесса.— Цеппи не полезут, они панически боятся драконов, и до прохождения Алой Звезды еще целых десять Оборотов.

Ф'нор пожал плечами, смущенно заталкивая недоеденный хлеб обратно в сумку с провизией.

— Тут слишком пустынно,— заявил он, оглядываясь вокруг.

Заметив спелые плоды, свисавшие с ветвей лунного дерева, всадник проворно забрался наверх по бугристому, покрытому лианами стволу.

— Совсем спелый и пахнет отлично,— сказал он, вернувшись к Лессе и ловко разрезая на ломти продолговатый оранжево-красный плод. С улыбкой вручив девушке первый кусок, он воскликнул: — Съедим и умрем вместе!

Лесса расхохоталась, и они одновременно впились зубами в сочную мякоть. Брызнул сладкий сок, и Ф'нор удовлетворенно прикрыл глаза; плоды этой дикой земли были восхитительны.— Умри, как и я, счастливой! — Он швырнул корку в озеро и потянулся за следующим ломтем.

Этот эксперимент вселил в них некоторую уверенность; они почувствовали, что могут теперь обсудить причины своего беспокойства.

— Я думаю,— предположил Ф'нор,— что пейзаж слишком непривычен для нас. Здесь нет скал и пещер, вокруг такое безмолвие... и до остальных людей — почти полмира.

Лесса кивнула головой и спросила вслух:

— Рамот'а, Кант', вас не тяготит отсутствие Вейра?

«Мы не всегда жили в пещерах,— ответила Рамот'а с некоторым высокомерием. Она плеснула крыльями по воде, подняв тучу брызг.— Здесь теплое солнце и приятная вода. Мне бы тут понравилось... но я не хочу перебираться сюда надолго».

— Она все еще не в духе,— шепнула Лесса Ф'нору.— Здесь будет жить Придит'а,— успокоила она королеву,— а у тебя уже есть свой Вейр.

Рамот'а нырнула и вместо ответа в раздражении выбросила вверх фонтан воды.

Кант' сообщил, что не имеет никаких возражений против того, чтобы жить без Вейра. На земле спать мягче, чем на камне, и в ней легко выкопать уютное лежбище. Нет, он не будет скучать по пещерам, пока тепло и хватает еды.

— Нам придется доставить сюда несколько хороших производителей, чтобы развести молочное стадо,— задумчиво произнес Ф'нор.— Думаю, это плато со всех сторон замкнуто скалами, и попасть сюда можно только по воздуху. Отличное место для нас! Озеро, много свободного пространства, плодородная земля... Встаешь утром и собираешь завтрак прямо с дерева.

— Пожалуй, юношам из холдов будет здесь неуютно,— сказала Лесса.— Смогут ли они чувствовать себя в безопасности вдали от скал и надежных пещер? — Она коротко рассмеялась.— Детские привычки сидят в нас крепко! Даже мне эти открытые пространства, тихие и безлюдные, кажутся... почти непристойными! — Она слегка вздрогнула, разглядывая широкую равнину за озером.

— Я бы сказал — плодородными и чудесными! — поправил Ф'нор, взрезая еще один оранжево-красный плод.— Изумительный вкус! Тот же сорт, что растет в Нерате, но гораздо сочнее и слаще.

— Подозреваю, что Нерат лучшее оставляет себе,— улыбнулась Лесса.

Они расправились со вторым плодом и поднялись.

Дальнейшее обследование подтвердило догадку Ф'нора. Плато было изолированным и достаточно обширным для большого стада животных, которыми драконы смогут питаться. С одной стороны оно заканчивалось отвесным обрывом, под которым волновалось зеленое море джунглей, с другой — береговыми утесами. В лесу достаточно материала, чтобы построить жилища для людей. Что касается драконов, то Рамот'а и Кант' согласились, что им будет удобно спать на земле, под густым пологом древесных крон. Эта часть континента напоминала Верхний Нерат, и, по-видимому, здесь не бывало ни сильной жары, ни холодов. Можно было возвращаться. Однако если Лесса с радостью покидала безлюдное плато, Ф'нор, наоборот, старался задержаться тут подольше.

— На обратном пути мы можем переместиться сразу через пространственный и межвременной Промежуток,— сказала Лесса.— Мы попадем в Вейр во второй половине дня, когда холдеры уже разъедутся.

Ф'нор неохотно кивнул, и Лесса приготовилась к путешествию. «Почему,— подумала она,— перемещение во времени вызывает такое беспокойство? Ведь драконы на это совершенно не реагируют...» Рамот'а, почувствовав тревогу всадницы, ободряюще заурчала. Затем цветущая земля под крылом дракона исчезла, и после долгих, бесконеч-

ных секунд в ледяной тишине Промежутка они очутились в залитом солнцем небе над Вейром.

Лесса увидела тюки и мешки, разбросанные перед нижними пещерами, и всадников, нагружавших своих драконов.

— Что случилось? — воскликнул Ф'нор.

— Кажется, Ф'лар не сомневается в успехе нашей экспедиции,— успокоила его Лесса.

Мнемент', наблюдавший за этой суетой с карниза королевского вейра, приветствовал путешественников и передал, что предводитель ждет их. Они нашли Ф'лара в комнате Совета. Как обычно, он сидел, согнувшись над старыми пергаментами, которые принес сюда из зала Архивов.

— Ну, что? — нетерпеливо воскликнул он, широко улыбаясь вошедшим.

— Пышный, зеленый и пригодный для жизни,— провозгласила Лесса, торжественно простирая руку на юг. От ее внимательного взгляда не укрылось, что за время их отсутствия что-то произошло. Ф'лар получил какие-то новые известия. Она надеялась, что предводитель будет осторожен в своих речах; Ф'нор неглуп и весьма проницателен. Он может легко обо всем догадаться. Могло ли подобное знание будущего представлять для него опасность?

— Вот то, что я надеялся услышать,— произнес Ф'лар.— Ну, расскажите мне подробнее, что вы видели. Было бы неплохо заполнить пробелы в картах.

Лесса предоставила возможность отчитываться Ф'нору — как опытному наблюдателю. Ф'лар внимательно слушал, кое-что помечая на лежащем перед ним листе пергамента.

— На всякий случай я уже велел упаковывать снаряжение и припасы,— сказал он.— У нас мало времени, Ф'нор, чтобы все подготовить и отправить на десять Оборотов в прошлое тебя и твой отряд. Мы не можем терять ни мгновения — через три дня нам потребуется много драконов, чтобы защитить Телгар.— Он потер лоб ладонью, словно вспоминая что-то, потом кивнул: — Да, с тобой пойдут еще тридцать два мальчика — будущие всадники потомства Придит'ы.

— Тридцать два? Нам нужно хотя бы пятьдесят! — воскликнул Ф'нор.

— Если не хватит, пошлешь за пополнением.— Ф'лар небрежно пожал плечами.— Помни, у *тебя* будет время. Целых десять Оборотов!

Потом он начал давать Ф'нору инструкции. Коричневый всадник должен взять сорок молодых драконов из первого выводка Рамот'ы, Килару с золотой Придит'ой, Т'бора и его бронзового Пиант'а. Помощь в переброске снаряжения и трех десятков мальчиков окажет крыло Ф'лара.

— Я хотел бы послать еще бронзовых, но мне дорог каждый дракон, чтобы найти все Нити, зарывшиеся в Керуне и Нерате... В лесу уже обнаружили несколько — и мне сообщили, что Винцет сходит с ума от страха.

— Как прошла утренняя встреча? — вспомнил Ф'нор.

— Нормально... сейчас тебе не стоит думать о ней. К вечеру ты должен отправиться в путь.

Лесса окинула предводителя Вейра пристальным взглядом, решив как можно скорее расспросить его об утренних событиях. Но Ф'лар, едва заметно покачав головой, придвинул ей чистый лист и стило.

— Я хочу, чтобы ты набросала мне кое-какие ориентиры, Лесса.— В глазах его было предостережение.

Вздохнув, она взяла стило и быстро изобразила, что могла. Ф'нор добавил две-три детали. Получилась довольно сносная карта выбранного ими плато. Окинув ее критическим взглядом, Лесса уже собиралась протянуть лист Ф'лару, как внезапно все поплыло у нее перед глазами. Она ощутила сильное головокружение, попыталась встать — и рухнула на руки Ф'лара.

Бронзовый всадник поднял ее хрупкое тело и обменялся тревожным взглядом с братом. Они быстро прошли по коридору в королевский вейр, потом — в спальню, где Ф'лар осторожно уложил Лессу на кровать.

— А ты как себя чувствуешь? — спросил он Ф'нора.

— Немного устал... и только,— ответил коричневый всадник и крикнул в шахту подъемника, чтобы наверх прислали Манору и кувшин горячего кла.

— Мне это не нравится,— пробормотал Ф'лар, вспомнив, что говорил ему брат прошлой ночью о нервном истощении участников южной экспедиции. С ними все ясно. Они пробыли в прошлом довольно долго... несколько месяцев или даже Оборотов... Но почему у Лессы такая реакция, и так быстро?

— Перемещение во времени вызывает странное чувство...— задумчиво произнес Ф'нор.— Все время кажется, что ты теряешь свою цельность... Вот вчера, когда ты сражался над Нератом...

— Я сражался и рисковал жизнью,— напомнил Ф'лар,— а вы совершили безопасную прогулку. Нет, тут что-то не так... Может быть, эти путешествия во времени вызывают какую-то душевную травму... Послушай, Ф'нор, когда вы обоснуетесь в новом Вейре, здесь будешь появляться только ты. Я передам этот запрет через Рамот'у всем драконам. Пусть ни у кого из всадников не возникнет и мысли о возвращении — как бы ему ни хотелось этого... Не стоит рисковать без необходимости.

— Согласен.

— Еще одно, Ф'нор... Тщательно рассчитывай время, когда соберешься посетить меня. Я не знаю, что произойдет, если ты столкнешься сам с собой в коридоре... А я не могу тебя потерять...

Ф'лар крепко сжал рукой плечо брата и неловко усмехнулся; такое проявление нежности для него было редкостью.

— Запомни, Ф'нор... Я провел все утро в комнате Совета, а ты вернулся из путешествия в середине дня. И не забывай — у нас всего три дня. Но у тебя — десять Оборотов.

Ф'нор согласно кивнул и вышел. У лестницы он встретил Манору. Женщина не смогла установить причину недомогания Лессы. В конце концов, она решила, что во всем виновато напряжение вчерашнего дня, когда Лессе пришлось передавать сообщения между драконами и всадниками... Очевидно, ей нужен только отдых. Когда Ф'лар покинул спальню, чтобы попрощаться с отлетающими на

юг, дыхание Лессы стало спокойным, хотя бледность еще не покинула лицо девушки. Манора окончательно успокоила его, сказав, что обморок перешел в обычный сон.

Едва последний тяжело нагруженный дракон исчез в небе над Звездной Скалой, как вниз скользнул юный всадник, назначенный посыльным в Нерат. Лицо его было белым от страха.

— Предводитель, обнаружено много зарывшихся в землю Нитей! Их никак не выжечь огнем! Лорд Винцет хочет видеть тебя!

Ф'лар отлично понимал состояние Винцета. Спокойно кивнув юноше, он сказал:

— Перекуси, парень, прежде чем отправишься обратно. И передай Винцету, что я скоро вылечу к нему.

Он снова поднялся в спальные покои, где тихо урчала Рамот'а, устраиваясь на отдых.

Лесса все еще спала. Темные волосы разметались по подушке, рука под щекой... Хрупкая и беззащитная, как ребенок... его подруга, его женщина, самое дорогое для него существо... Ф'лар улыбнулся. Значит, вчера она приревновала его к Киларе... глупышка! Разве она не понимает, что яркая, чувственная Килара не имеет в его глазах и десятой доли ее привлекательности... ее очарования... Даже характер Лессы, непокорный и упрямый, придавал их отношениям неожиданную и пьянящую остроту... Ф'лар склонился над ней и нежно поцеловал в губы. Она шевельнулась, вздохнув и улыбнувшись во сне.

Ф'лар покинул ее с неохотой и вновь погрузился в неприятности этого дня. Он приказал Мнемент'у связаться с молодым драконом в мастерской Фандарела.

«Я хочу, чтобы мастер прибыл в Нерат с запасом ашенотри, кислоты, что используется кузнецами для травления,— передал он.— Посмотрим, как она действует на Нити».

Затем он направился в комнату Совета, все еще надеясь обнаружить среди неразборчивых старых Записей подсказку, в которой так отчаянно нуждался.

Фандарел действительно обладал железной волей. Стоя рядом с Ф'ларом на краю ямы, он спокойно глядел на серебристую паутину извивающихся и растущих на глазах Нитей.

— Сотни, тысячи только в одной этой норе! — восклицал лорд Винцет Нератский дрожащим от горя голосом. Он в смятении обводил взглядом посадки молодых деревьев, в которых его люди нашли гнездо Нитей.— Этот сад погибнет, пока вы совещаетесь! Делайте же что-нибудь! Сколько еще деревьев будет уничтожено? Сколько Нитей ускользнуло вчера от пламени? Где дракон, который их выжжет? Почему вы бездействуете?

Ф'лар и Фандарел не обращали внимания на его причитания. Находясь совсем рядом с древним врагом Перна, они оба испытывали к нему отвращение и какой-то странный интерес.

Страх Винцета был вызван паникой, а не объективными причинами: это гнездо было единственным на всем склоне холма. Ф'лару не хотелось думать о том, сколько еще Нитей могло достигнуть теплой и плодородной почвы Нерата. Если бы вчера утром они успели расставить наблюдателей, чтобы проследить падение отдельных Нитей! По крайней мере, не следует повторять подобную ошибку через три дня — в Телгаре, Кроме и Руате. Но всех этих мер недостаточно. Совершенно недостаточно.

Фандарел махнул рукой двум своим помощникам. Они подтащили к яме странное устройство — большой металлический резервуар, к которому была припаяна труба с широким наконечником. С другой стороны резервуара выступал патрубок с насаженным на него коротким цилиндром, снабженным поршнем. Один из ремесленников взялся за его рукоятку и начал энергично накачивать воздух, второй направил трубу в сторону ямы. По команде качавшего он повернул кран у основания трубы, стараясь держаться подальше от наконечника. Струя маслянистой жидкости вырвалась из широкого раструба и упала вниз, в разрытое гнездо. Как только она коснулась переплетения Нитей, яму заволокло паром.

Вскоре от извивающихся серебристых колец осталась одна лишь груда почерневшего шлака. Фандарел приказал убрать резервуар и долго смотрел вниз, на все еще дымящиеся мертвые пряди. Наконец, отыскав длинную палку, он ткнул ею в дно ямы. Ни одна из Нитей не дернулась.

— Хм-м,— проворчал кузнец с явным удовлетворением.— Однако мы не можем слоняться по лесу и разрывать каждую нору... Тут нужно что-то другое.

Лесники проводили их ко второму, еще нетронутому гнезду на опушке леса. Нити проникли в землю возле громадного дерева, которое уже зачахло.

Фандарел проделал палкой небольшое отверстие во влажной мягкой почве и сделал знак своим людям. На этот раз трубу вставили в отверстие в земле, и Фандарел приказал качать воздух, медленно отсчитывая время. Когда, по его расчетам, все было кончено, он велел лесникам копать яму. Через несколько минут гнездо было вскрыто. И на этот раз после действия кислоты от Нитей осталась лишь обугленная почерневшая масса. Лицо Фандарела расплылось в улыбке, скорей напоминавшей гримасу. Он недовольно покрутил головой.

— Все равно слишком долго. Нужно разыскивать их еще на поверхности...— Кузнец насупил косматые брови.

— Еще лучше уничтожать их в воздухе,— затараторил Винцет.— Иначе эта едкая дрянь сожжет мои деревья не хуже Нитей! Что будет с моими садами? Что будет, я вас спрашиваю?

Фандарел резко повернулся, словно впервые заметив расстроенного нератского лорда.

— Приятель, этой кислотой в разведенном виде вы удобряете землю весной. Конечно, небольшой участок выжжен на несколько лет, но зато мы спалили все Нити.— Он посмотрел вверх, почесывая голову.— Если бы нам удалось распылить кислоту высоко в воздухе... Облако опустилось бы вниз, и никакого вреда для посадок, только польза — поскольку заодно мы бы улучшили состав почвы. Но смогут ли драконы поднять в небо такие аппараты? Они слишком тяжелые и громоздкие...— Фандарел повернулся спиной

к лорду Нерата и осведомился у Ф'лара, найден ли гобелен.

— Я жду известий,— кратко ответил всадник.— Но твой распылитель кислоты сработал отлично. Нити погибли.

— Песчаные черви — тоже неплохое средство... но все это недостаточно эффективно,— буркнул Фандарел. Кивнув своим помощникам, он зашагал к драконам.

Робинтон ожидал их возвращения в Вейре; за внешним спокойствием арфиста скрывалось сильное волнение. Однако он вежливо осведомился об успехах Фандарела. Мастер-кузнец пожал плечами и нехотя проворчал:

— Мой цех работает, все заняты делом.

— Мастер Фандарел слишком скромен,— добавил Ф'лар.— Ему удалось собрать превосходное приспособление, которое распыляет кислоту в норы Нитей и сжигает их в земле.

— Громоздко и неэффективно. Огнемет — другое дело. Метатель пламени... мне нравится эта идея! — Кузнец тряхнул головой. Глаза его засверкали неукротимым огнем, сразу же преобразив грубое, неподвижное лицо ремесленника.— Я пошел,— сказал он и, отвесив поклон арфисту и предводителю Вейра, двинулся к лестнице.

— Кажется, огнемет завладел мыслями нашего мастера-кузнеца,— заметил арфист. Сквозь насмешливый тон в его голосе читалось уважение к Фандарелу.— Пожалуй, стоит сложить о нем приличествующую случаю сагу. Я дам задание своим помощникам. Они сделают это.— Робинтон повернулся к Ф'лару и пристально посмотрел на него.— Мне кажется, что ты уже приступил к своему южному предприятию?

Ф'лар невесело кивнул.

— Твои сомнения растут?

— Эти перемещения через межвременной Промежуток слишком дорого стоят,— признал всадник, бросив тревожный взгляд в сторону спальни.

— Госпожа Вейра нездорова?

— Сейчас она спит, но сегодняшнее путешествие сильно повлияло на нее. Нам нужно найти другое решение, не столь опасное! — Ф'лар ударил кулаком по ладони.

— Помнишь песню о покинутых Вейрах? Я еще не окончательно решил эту головоломку, но кое-что все-таки сделал,— бодро сообщил Робинтон.— Нашел запись. Четыреста оборотов назад тогдашний мастер-арфист был приглашен в Форт-Вейр — вскоре после того, как Алая Звезда исчезла с вечернего небосклона Перна. Он и написал эту песню.

— И что же в ней?

— Только констатация факта. И в дальнейшем — никаких упоминаний об этом необычном визите. Хотя любая из таких встреч имеет свою цель, которая заносится в наши Архивы. Но в данном случае объяснения отсутствуют, как будто его пригласили в Форт выпить чашку кла. Но,— Робинтон многозначительно поднял брови,— спустя десять месяцев к обязательным обучающим Балладам была добавлена песня о покинутых Вейрах.

— Ты считаешь, что все эти события взаимосвязаны?

— Да. Но как?

Ф'лар налил Робинтону чашу вина.

— Я тоже просматривал старые Записи, но не обнаружил ничего интересного.— Он пожал плечами.— Вроде все шло своим чередом — вплоть до самого момента исчезновения. Есть записи о прибывших караванах с продовольствием, перечень запасов, списки раненых людей и зверей... А затем, в середине холодного периода, Записи обрываются — всюду, кроме Бендена.

— Почему же из всех шести Вейров сохранился именно Бенден? — задумчиво произнес Робинтон.— Если необходимо оставить один Вейр, то островная Иста — куда лучший выбор. Бенден находится слишком далеко на севере, и климат тут суров...

— Но Бенден расположен высоко в горах и хорошо изолирован. Скажем, какая-нибудь эпидемия, поразившая остальные Вейры, могла не добраться сюда.

— И никаких объяснений по этому поводу? Не могли же драконы, всадники, женщины и дети упасть замертво и в одно мгновение испариться — даже не оставив тысяч гниющих на солнце трупов?

— Ну, тогда попытаемся понять, зачем позвали арфиста. Может быть, ему велели создать обучающую Балладу, рассказывающую об этом исчезновении?

— Не думаю,— фыркнул Робинтон.— Она же не отвечает ни на один вопрос! Она их ставит!

— Чтобы мы попытались найти ответ? — негромко предположил Ф'лар.

— Да! — Глаза Робинтона сверкнули.— Именно! Эта мелодия... ее трудно забыть... Значит, такова была цель — чтобы песню помнили, помнили сотни Оборотов! И ответили на вопросы, заданные в ней.

— О каких вопросах идет речь? — осведомилась бесшумно вошедшая Лесса.

Мужчины встали. Ф'лар с необычайной заботливостью пододвинул ей кресло и налил вина.

— Я еще могу держаться на ногах,— заметила Лесса, слегка обескураженная такой любезностью. Улыбнувшись Ф'лару, она произнесла, уже мягче: — Я выспалась и чувствую себя намного лучше. Что вы здесь так бурно обсуждали?

Ф'лар быстро обрисовал ей ситуацию. Когда он упомянул песню о покинутых Вейрах, Лесса вздрогнула.

— Я тоже не могу забыть ее мелодию... Наверное, что-то важное сообщается в ней... Но это нужно понять.— Обхватив ладонями чашу с вином, Лесса невидящим взглядом уставилась в стену.— Быть может, иные миры беззащитны и в страхе пред Нитями молят защиты? — медленно продекламировала она и повторила: — В страхе пред Нитями молят защиты?..

Внезапно глаза ее сверкнули.

— Ушли далеко, ушли без возврата! — закричала она, вскочив на ноги.— Вот что! Все пять Вейров отправились в будущее! Но в какое время?

Ф'лар, изумленный услышанным, резко повернулся к ней.

— Да, конечно! Они направились в будущее, к нам! Туда, где надо спасти изнемогших в борьбе... Пять Вейров, полные драконов,— повторила Лесса взволнованно.

— Нет, невозможно! — воскликнул Ф'лар; на лбу его выступила испарина.

— Но почему? — возразил Робинтон. Пальцы его тряслись. Пытаясь скрыть дрожь, он ухватился за край стола.— Разве это не решает наши проблемы? И разве это не объясняет, почему они исчезли так неожиданно, не оставив никаких сообщений, кроме песни, полной загадок?

Ф'лар откинул со лба темную прядь густых волос.

— Да, объясняет,— признал он.— Ясно, что они не могли оставить никаких указаний — иначе все предприятие оказалось под угрозой. Точно так же, как я не мог рассказать Ф'нору о трудностях, с которыми ему предстоит столкнуться. Но каким же образом они попадут сюда — если намеревались перенестись в наше время? Как они узнали, что нам нужна помощь — и *когда* нужна? Как смогли дать ориентиры драконам — ориентиры во времени, которое еще не наступило?

— Кто-то отправился к ним и сообщил эти ориентиры,— тихо произнесла Лесса.

— Ты сошла с ума! — закричал Ф'лар, лицо его исказила тревога.— Не смей даже думать об этом! Ты уже забыла, что с тобой случилось сегодня? Прыжок на десять Оборотов в прошлое оставил тебя без сил, а ты рассуждаешь о том, что надо отправиться на четыреста Оборотов назад! Во время, которое мы даже приблизительно не можем себе представить!

— Но разве Перн не стоит того? — печально спросила она.

Ф'лар схватил ее за плечи, встряхнул, потом прижал к груди. Страх застыл в его глазах.

— Перн не может потерять тебя и Рамот'у... И я не могу...— Голос всадника стал тихим и напряженным.— Лесса, Лесса, не смей так говорить, не перечь мне!

— Э-э, возможно, найдется безопасный способ осуществить это дело... причем в ближайшее время, моя госпожа.— Робинтон явно хотел разрядить обстановку.— Кто знает, что ждет нас завтра? Во всяком случае, нельзя ничего предпринимать, не обдумав все, вплоть до мелочей.

Лесса пристально посмотрела на Робинтона.

— Вина? — предложил арфист, приподнимая кувшин. Рубиновая струйка потекла в чашу, и ее плеск разбил оцепенение, охватившее Лессу и Ф'лара.

— Рамот'а не боится. Она готова попробовать,— сказала Лесса, упрямо сжав губы.

Ф'лар метнул свирепый взгляд на золотую королеву, которая, изогнув шею, наблюдала за людьми из своего вейра.

— Рамот'а молода и безрассудна! — отрубил он,— и тут же уловил мысли Мнемент'а.

Лесса откинула голову и расхохоталась. Гулкое эхо ответило ей, прокатившись под высокими сводами зала.

— Я тоже не прочь немного посмеяться,— язвительно заметил Робинтон.

— Прости, мастер. Мнемент' сообщил Ф'лару, что он не так молод и не слишком безрассуден, но тоже не боится. Он говорит, что это всего лишь один длинный шаг,— объяснила Лесса, утирая с глаз слезы.

Ф'лар угрюмо заглянул в проход, в конце которого, на своем обычном месте, отдыхал Мнемент'.

«Приближается дракон с грузом,— невозмутимо сообщил бронзовый.— Молодой Б'рант на своем Фэнт'е, с ним — Лайтол».

— Наверно, нас опять ждут плохие вести,— раздраженно заметила Лесса. Улыбка исчезла с ее губ.

— Лайтолу нелегко летать на чужом драконе и посещать Вейр, Лесса Руатанская,— жестко произнес Ф'лар.— Не усугубляй его муки злыми насмешками.

Лесса опустила глаза. Выговор, сделанный в присутствии Робинтона, обидел ее.

Тяжело ступая, Лайтол вошел в королевский вейр, поддерживая за один конец огромный, свернутый трубкой ковер. Другой конец тащил юный Б'рант. От напряжения лоб его покрылся потом. Середина длинного свертка провисала, шаркая по гладким каменным плитам.

Управляющий Руата отвесил глубокий поклон Рамот'е и жестом попросил молодого всадника развернуть гобелен. Когда громадное полотнище раскинули на полу вейра, Ф'лар

понял, почему мастер Зург запомнил его. Да, эта вещь была старой, но краски оставались яркими и полными жизни. Главное, однако, заключалось в том, *что* изобразили мастера древности.

— Мнемент', пошли кого-нибудь за Фандарелом,— вслух приказал Ф'лар.— Пусть передадут, что в Вейр доставлен гобелен с изображением огнемета.

— Его похитили из Руата! — с негодованием вскричала Лесса.— Я помню его с детства — он висел в главном зале и ценился больше всего остального богатства моей семьи! Где ты нашел его? — Она повернулась к Лайтолу, сверкая глазами.

— Госпожа, теперь он снова вернется туда, где находился сотни Оборотов,— бесстрастно сказал управляющий. Он присел на корточки и благоговейно коснулся пальцами плотной ткани.— Работа великих мастеров... Какие краски, узор, рисунок! Целая жизнь ушла на подготовку ткацких станков для него, а чтобы выполнить такую работу, нужны усилия всего цеха!

Ф'лар прошелся вдоль края огромной шпалеры и с сожалением покачал головой. Гобелен лежал на полу, что мешало оценить это великое произведение искусства. Но изображение можно было рассмотреть хорошо.

В верхней части картины сверкала бронзой армада из трех плотно сомкнутых крыльев. Драконы, извергая пламя, испепеляли серебристые пряди Нитей, которые опускались с сияющего голубого неба. Осень, решил Ф'лар, несомненно, осень; в более теплую погоду небеса не могли бы отливать такой пронзительной голубизной. Его внимание привлекла нижняя половина гобелена. Склоны гор, покрытые лесами с желтеющей листвой, подтвердили его догадку. Очертания скал, их серый цвет говорили, что здесь изображена долина Руата. В центре, из распахнутой двери холда выходили люди, сгибаясь под тяжестью цилиндров, закрепленных на их спинах. Да, именно об этом говорил Зург! Трубки в руках защитников холда испускали струи огня, направленные на Нити, которые извивались и корчились, безуспешно пытаясь зарыться в землю.

Лесса, внимательно изучавшая изображение холда, вскрикнула. Ф'лар посмотрел на нее с тревогой.

— Что? Ты узнала свой Руат?

— Да... и в то же время — нет,— озадаченно ответила она, разглядывая детали бронзового орнамента двери холда.

Лайтол хмуро посмотрел на госпожу Вейра и подтвердил, указав на вытканную дверь:

— Действительно, это наша дверь. Я перешагнул ее порог всего час назад. Однако если приглядеться — пожалуй, есть какие-то отличия.— Он мрачно уставился на ковер у своих ног.

— Главное, что тут изображены устройства, которые хочет изучить Фандарел,— сказал Ф'лар, разглядывая огнемет. Сможет ли мастер-кузнец изготовить такие же? Если Фандарел откажется, их не сделает никто.

Однако кузнец, полный ликования, был далек от сомнений. Прилетев в Вейр, он улегся на ковер и, уткнувшись носом в ворс, начал изучать детали конструкции. Он ворчал, крякал и бормотал; наконец, усевшись на гобелен рядом с изображением огнемета, принялся набрасывать чертеж.

— Это было сделано... Значит, может быть сделано... И будет сделано! — громыхал он, пока стило в огромных пальцах с удивительной легкостью скользило по пергаменту.

Узнав от молодого Б'ранта, что ни он, ни Лайтол еще не ели, Лесса велела поднять наверх кла, хлеб и мясо. Сгибаясь под тяжестью подносов, она с улыбкой подносила мужчинам еду, несколько раз сбегав к шахте подъемника за добавкой. Лайтолу Лесса уделила подчеркнутое внимание — гораздо большее, чем самому предводителю Вейра. Наконец она двинулась в наступление на Фандарела — маленькая фигурка против могучего, кряжистого дуба — и заставила кузнеца оторваться от гобелена, чтобы немного поесть и выпить кла.

Спустя час Фандарел решил, что с набросками покончено, и немедленно исчез. Он торопился обратно в мастерскую, к своим помощникам.

Ф'лар покачал головой.

— Пожалуй, не стоит спрашивать, когда он вернется. Кажется, наш мастер так погружен в свои мысли, что ничего не слышит,— пошутил предводитель Вейра.

— Если вы не возражаете, я тоже удалюсь,— сказала Лесса, улыбнувшись мужчинам.— Уважаемый Лайтол, Б'ранта тоже нужно отпустить. Кажется, он совсем засыпает.

— Нет-нет, моя госпожа,— поспешно заверил юноша, широко раскрыв глаза и выпрямившись.

Лесса рассмеялась и исчезла в своей спальне. Ф'лар задумчиво посмотрел ей вслед.

— Этот послушный тон вызывает у меня тревогу,— поделился он своими сомнениями с Робинтоном.

Арфист сочувственно посмотрел на Ф'лара.

— Мне тоже пора откланяться,— произнес он, встав. Лайтол и Б'рант последовали его примеру.

Ф'лар остался один в большой пещере, на полу которой яркими красками сверкал гобелен. Чуть дальше, в уютном каменном углублении, спала Рамот'а.

Предводитель Вейра медленно окинул взглядом древний Руат-холд, горы и мчащихся в вышине драконов; затем поднял глаза на золотую королеву.

— Она молода, но отнюдь не глупа,— пробормотал всадник, качая головой. В поисках утешения он обратился к Мнемент'у. Но его бронзовый, сладко дремавший на карнизе королевского вейра, не ответил.

Чернее, чем черная чернота,
Стылой стужи бездонней,
Мертво стискивает Пустота...
Дрогнул — погиб. Но выносят тебя
Хрупкие крылья драконьи.

— Я хочу, чтобы этот гобелен вернулся в Руат,— заявила Лесса Ф'лару на следующий день.— Он должен храниться на своем месте.

Они заходили проведать раненых и уже успели поспорить из-за Н'тона, которого Ф'лар отправил на юг. Лесса хотела, чтобы он попытался летать на другом драконе. Ф'лар

же считал, что на юге Н'тон научится командовать крылом и достигнет зрелости, имея в запасе десять Оборотов.

Овладевшая Лессой идея о путешествии в далекое прошлое встревожила Ф'лара очень сильно. Зная ее нрав, неуступчивый и упрямый, он понимал, что прямой запрет не остановит девушку. Он вновь и вновь напоминал Лессе о трудностях, с которыми столкнулся Ф'нор, несколько раз посетовал на его измученный вид... Затем стал расспрашивать об ощущениях, испытанных Лессой во время трех предыдущих путешествий. Девушка погрузилась в глубокое раздумье, но она ничем не дала понять, что разгадала маневры предводителя Вейра.

Поэтому, когда Фандарел прислал сообщение, что готов продемонстрировать новое устройство, Ф'лар, собираясь в путь, не стал возражать против желания Лессы торжественно возвратить похищенный гобелен в Руат.

Никому не доверяя, она сама проследила, чтобы свернутый гобелен надежно закрепили на спине Рамот'ы. Через несколько минут золотой дракон, мощно взмахивая крыльями, поднялся к Звездной Скале и исчез. На карниз, с которого Ф'лар наблюдал за королевой и ее всадницей, опустился Р'гул. Он сообщил, что в проходе появился караван с огненным камнем. Из-за этого и множества других мелких дел Ф'лар попал в мастерскую Фандарела только около полудня. Кузнец продемонстрировал ему первую, пока еще несовершенную модель огнемета, который посылал пламя на три-четыре фута.

И лишь во второй половине дня Ф'лар снова очутился в Вейре.

Р'гул передал, что его дважды разыскивал Ф'нор.

— Дважды?

— Да, я же сказал. Со мной он говорить не пожелал.— Р'гул был явно обижен.

Стемнело. Лесса все еще не возвращалась. Перед вечерней трапезой Ф'лар послал в Руат молодого всадника, и тот сообщил, что Лесса действительно доставила гобелен. Она подняла на ноги и загоняла весь холд, пока огромное яркое полотнище не закрепили на стене зала. Потом несколько часов она изучала его, то присаживаясь на скамью, то безостановочно вышагивая вдоль сверкающего яркими красками старинного полотна.

Наконец, она вышла во двор и через мгновение Рамот'а поднялась в небо над башнями холда. Лайтол был уверен, что Лесса направляется обратно в Бенден-Вейр.

— Мнемент',— вскричал Ф'лар, едва посыльный закончил свой доклад,— Мнемент', где они?

Ответ бронзового последовал не скоро.

«Я не слышу их»,— наконец передал он, и его беззвучный мысленный голос показался Ф'лару тихим и полным такой тревоги, какую только мог испытывать дракон.

Ф'лар, вцепившись обеими руками в край стола, уставился на пустой вейр королевы. Охваченный ужасом и мукой, он понял, куда отправилась Лесса.

Холодный, как смерть, и несущий смерть,
Останься — потерянный, чтоб умереть.
Храбрый, помедли. Вспомни закон:
Путь твой издревле предопределен.

Воздух под ними пронзала главная башня Руата. Лесса попросила Рамот'у взять левее, не обращая внимания на раздраженную воркотню. Она понимала, что королева тоже охвачена нервным возбуждением.

«Правильно, малышка, это как раз тот угол, под которым на гобелене изображена дверь холда... но в те времена, когда его ткали, над дверью не было навеса, и колонны еще не украшала резьба... Башни, ворот и внутреннего двора тоже не было...» — Она погладила удивительно нежную кожу изогнутой золотистой шеи и усмехнулась, пытаясь скрыть охвативший ее страх... страх перед тем, что она готовилась совершить.

Лесса старалась убедить себя, что имеет достаточно оснований для риска. Несомненно, строки Баллады «...иные миры беззащитны в страхе пред Нитями, молят защиты» намекали на прыжок, совершенный через межвременной Промежуток. А гобелен дал необходимые для путешествия

ориентиры. О, какую благодарность она испытывала к ткачу, который с такими подробностями воспроизвел внешний вид холда! Надо будет сказать ему, что он отлично выполнил работу. Она надеялась, что получит такую возможность... Ну, хватит думать об этом. Конечно, она увидит ткача... Ведь Вейры исчезли четыреста Оборотов назад! Она знает, что люди и драконы отправились в будущее... и она знает, как попасть в прошлое, чтобы доставить их сюда, в ее время. Значит, она должна сделать это... Все просто, но только они с Рамот'ой способны одолеть такой путь... Все кончится успешно, потому что... потому что это уже сделано. Ведь Вейры исчезли! Лесса улыбнулась и несколько раз глубоко вздохнула, пытаясь унять сотрясавшую ее дрожь.

— Ну, малышка, золотая моя, теперь у тебя есть ориентиры,— пробормотала она.— Ты знаешь, куда я хочу попасть. Вперед!

Холод был невыносимым, еще более пронизывающим и ужасным, чем она могла представить. Он сжал Лессу в ледяных тисках — не тот холод, что морозит тело, нет, нет, это было нечто иное, нечто такое, что невозможно себе представить,— необозримое, не ведающее границ, чудовищно холодное отсутствие всего. Ни света. Ни звука. Ни прикосновения. Они неподвижно висели во мраке и пустоте, все дольше и дольше — пока Лесса не почувствовала ужас, способный свести с ума. Она знала, что сидит на теплой шее Рамот'ы, вцепившись руками в складки ее кожи, но ноги и пальцы не ощущали ничего, словно громадное тело дракона растаяло, испарилось во тьме. Не желая сама того, она закричала. Губы ее шевельнулись, но ни звука, ни шороха не прозвучало в ледяной тишине. Лесса подняла бесплотную руку, пытаясь коснуться щеки... мысли ее мутились...

«Я здесь,— прозвучал у нее в голове зов Рамот'ы.— Я здесь, вместе с тобой!»

Словно теплый луч коснулся сердца! Рамот'а рядом, рядом — и лишь эта мысль удерживала девушку от потери рассудка в ужасающей, вечной и вневременной пустоте Промежутка.

Кто-то догадался послать за Робинтоном. Мастер-арфист застал Ф'лара неподвижно сидящим за столом; лицо всадника было мертвенно-бледным, взгляд блуждал по опустевшему королевскому вейру. Появление арфиста, его спокойный голос, казалось, вывели Ф'лара из ступора. Повелительным жестом он отослал провожатых Робинтона прочь.

— Она исчезла... Я знаю — она попыталась достигнуть прошлого... через четыреста Оборотов назад! — резко сказал Ф'лар.

Арфист опустился в кресло напротив предводителя Вейра и в упор посмотрел на его искаженное горем лицо.

— Она повезла гобелен обратно в Руат,— продолжал Ф'лар тем же резким, прерывающимся голосом.— Я говорил ей о Ф'норе. О том, как это опасно. Она не возражала, не спорила. Но я знаю, она боялась долгого полета в межвременном Промежутке... Да, боялась — если что-то вообще способно напугать ее...— Ф'лар стукнул кулаком по столу.— Я должен был предвидеть! Когда она считает, что права, то не останавливается ни перед чем! Она просто делает, не думая о последствиях!

— Госпожа Вейра — умная женщина,— возразил Робинтон.— Она не пойдет на такой прыжок с риском для жизни, не имея ориентиров. По крайней мере, мне так кажется.

— Но на этот раз их понесло туда, где брошена кукла в углу! Вот и все ее ориентиры! — не сдержавшись, крикнул Ф'лар.

— Подожди, мой господин,— остановил его Робинтон. Он задумался, потом, прищелкнув пальцами, сказал: — Вчера, когда мы разглядывали гобелен, ее очень интересовало изображение двери холда... Помнишь, она обсуждала это с Лайтолом?

Ф'лар вскочил на ноги и, схватив арфиста за руку, бросился к выходу.

— Вперед! Нам нужно попасть в Руат!

Лайтол зажег все светильники в главном зале. Теперь Ф'лар и Робинтон могли рассмотреть все, даже самые мелкие детали вытканного на гобелене рисунка.

— Она провела здесь почти весь день, изучая его,— сказал управляющий, печально покачивая головой.— Ты уверен, что она решилась на этот невероятный прыжок?

— В этом нет никаких сомнений. Мнемент' не слышит ни ее, ни Рамот'у. Хотя он утверждает, что может уловить отголоски мыслей Кант'а, находящегося за десять Оборотов от нас на Южном материке.— Ф'лар расхаживал перед гобеленом, бросая фразы через плечо.— Так что же с этой дверью, Лайтол? Думай, дружище!

— Она почти такая же, как сейчас... но колонны еще не украшены резьбой... И нет башни, не поставлены ворота...

— Ах, вот оно что... Зург сказал, гобелен очень древний. И Лесса, подумав, что ему не меньше четырехсот Оборотов, решила использовать его в качестве ориентира.

— Тогда в чем же дело? Она там — и в безопасности! — воскликнул Робинтон, с облегчением опускаясь на скамью.

— Нет, арфист... ты заблуждаешься. Не так все просто,— пробормотал Ф'лар.

Робинтон поймал его полный тревоги взгляд и заметил отчаяние, исказившее лицо Лайтола.

— Но почему?

— В Промежутке нет жизни... Нет ничего,— выдавил из себя Ф'лар.— Чтобы попасть через Промежуток из одного места в другое, требуется время... очень небольшое, успеваешь только трижды моргнуть глазом. Человек способен это выдержать. Но прыжок на четыреста Оборотов...— Голос его прервался.

Тот, кто хочет,—
Тот посмеет.
Кто рискнет —
Тот одолеет.
Тот, кто любит,—
Тот живет.

Внезапно она услышала голоса. Они громом отозвались в голове, пронизали виски болью, поднялись до пронзительного визга и сошли на нет. Она судорожно ловила воздух ртом, кровать вращалась и качалась под ней. Тошнота подступала к горлу, боль снова ударила в голову — пронзительная, нестерпимая; она вцепилась в край постели и закричала, опускаясь во мрак беспамятства.

И все же существовало нечто... ее заставила очутиться здесь какая-то причина. Она пыталась заговорить, рассказать... Она чувствовала, как пытается войти в контакт с ней Рамот'а... Цепляясь за ментальные сигналы дракона, как за спасительный якорь, Лесса надеялась, что Рамот'е удастся вырвать ее из этой мучительной, безбрежной пустоты. Но сознание снова и снова отключалось, в изнеможении она раз за разом проваливалась в бездонную яму, падая туда все глубже и глубже... и лишь отчаянная необходимость передать нечто важное вырывала ее из забытья на считаные мгновения.

Наконец она ощутила, что к ней прикасаются чьи-то нежные, осторожные пальцы, почувствовала, как в рот льется что-то жидкое, теплое... Жидкость смочила воспаленное горло, она попыталась сглотнуть и забилась в приступе кашля. Но кровать под ней перестала вращаться, мир, казалось, обрел устойчивость и прочность. Обессиленная, она попыталась приподнять веки. Стоявшие у постели фигуры больше не качались и не кружились.

— Кто... вы? — удалось выдавить ей.

— О Лесса! Ты очнулась, моя дорогая...

— Это имя? Мое имя? — озадаченно спросила она.

— Так говорит твоя Рамот'а...— ответил ей ласковый голос.— Я — Мардра из Форт-Вейра.

— Ох, как Ф'лар рассердится на меня,— простонала Лесса. Память стремительно возвращалась к ней.— Он начнет меня трясти... Он всегда так делает, когда я не слушаюсь... Но я была права... была права... Мардра?.. О, эта... ужасная... пустота.— Она чувствовала, что засыпает, что не в силах сопротивляться охватившей ее слабости. Тихий, теплый сон сомкнул над ней свои крылья...

Лесса открыла глаза. Комната, слабо озаренная парой светильников, была похожа и не похожа на ее спальню в Бенден-Вейре. Девушка лежала неподвижно, пытаясь уловить различия. Да, тут были очень гладкие, прекрасно отшлифованные стены... комната казалась больше, сводча-

тый потолок плавно изгибался... Глаза ее привыкли к слабому свету, и теперь она могла различить предметы обстановки... почти такие же, как дома, но более изящные...

Она беспокойно пошевелилась.

— Ну, наконец-то ты проснулась, таинственная гостья,— произнес мужской голос. Сквозь раздвинутые занавески из наружного вейра лился далекий свет. Лесса скорее почувствовала, чем увидела, что кто-то стоит у ее ложа.

Женщина, вынырнув из-за спины мужчины, склонилась над ней.

— Я помню тебя. Ты Мардра,— медленно произнесла Лесса.

— Верно. А это — Т'рон, предводитель Форт-Вейра.

Мужчина кивнул, зажег новый светильник и оглянулся через плечо на Лессу, чтобы убедиться, что свет не беспокоит.

— Рамот'а! — Лесса резко села в постели, внезапно сообразив, что ментальный образ, пришедший из наружного вейра, принадлежит другому дракону.

— О, твоя королева! — засмеялась с веселым испугом Мардра.— От горя она скоро съест в нашем Вейре абсолютно все. Моей Лорант'е пришлось позвать других золотых, чтобы привести ее в чувство.

— Она сидит на Звездной Скале, словно это ее собственность, и постоянно причитает,— добавил Т'рон менее доброжелательно. Он насторожился.— Ха! Кажется, перестала!

— Вы можете лететь? — выпалила Лесса.

— Лететь? Зачем и куда, моя дорогая? — спросила Мардра озадаченно.— Ты все говорила и говорила, что надо лететь, о том, что Нити приближаются, об Алой Звезде в отверстии Глаз-Камня... Ты забыла, что Прохождение окончилось два месяца назад?

— Нет, нет... все началось снова... Поэтому я вернулась в прошлое через межвременной Промежуток...

— Прошлое? Межвременной Промежуток? — воскликнул Т'рон, придвигаясь к кровати и внимательно разглядывая Лессу.

— Пить... дайте мне пить,— пробормотала Лесса, чувствуя, как внезапно пересохло горло. Она приподнялась в постели.— Я знаю, в моих словах много непонятного... Я еще не совсем здорова. Но поверьте, я не сумасшедшая. Просто все очень сложно.

— Сложно,— согласился Т'рон и крикнул в шахту подъемника, чтобы прислали кла. Он подтащил кресло к кровати и уселся поудобнее, готовясь выслушать Лессу.

— Мы верим тебе,— успокоила ее Мардра, бросив предостерегающий взгляд на своего друга.— Ты совершенно нормальна — иначе как бы ты могла летать на золотом драконе?

— Да, это так,— согласился Т'рон.

Лесса дождалась, пока появится кла. Получив кружку, она с жадностью выпила ароматную жидкость и благодарно кивнула головой. А затем глубоко вздохнула и начала рассказ о долгом Интервале между прохождениями Алой Звезды, об упадке единственного Вейра Перна, о том, как Йора потеряла контроль над своей королевой и потомство Неморт'ы стало катастрофически уменьшаться. Она рассказывала, как запечатлила Рамот'у и после смерти Йоры стала госпожой Бенден-Вейра. Как взбунтовались правители холдов, и как Ф'лар перехитрил их и взял в свои руки власть над Бенденом и всем Перном, чтобы приготовиться к нашествию Нитей. Как она училась летать в Промежутке и случайно попала в прошлое, в Руат, гибнущий под мечами солдат Фэкса.

— Он напал на Руат? На холд моей семьи? — в ужасе вскричала Мардра.

— О, Руат дал Вейрам многих выдающихся повелительниц,— сказала Лесса, лукаво улыбнувшись.

Т'рон, внимательно слушавший девушку, расхохотался.

— Она тоже руатанка, не сомневаюсь! — бросил он Мардре.

Лесса продолжала свою историю. Она говорила о том, что оскудевший Бенден не в состоянии защитить Перн от новой атаки Нитей, об арфисте Робинтоне и его песне исчезнувших Вейров, и о громадном гобелене из Руата...

— Гобелен? — с изумлением спросила Мардра, касаясь щеки пальцами.— Опиши его мне!

И когда Лесса сделала это, она наконец поняла, что ей поверили. Лицо Т'рона посуровело, на глазах Мардры выступили слезы.

— Это правда, правда! — воскликнула она.— Мой отец действительно заказал такой гобелен! Он рассказывал мне недавно, что там будет изображено — последняя битва с Нитями, которая произошла над Руатом...— Мардра повернулась к Т'рону, глаза ее сверкнули в полутьме комнаты.— Она говорит правду. И гобелен... Как иначе она могла бы узнать про него?

— Вы можете расспросить мою Рамот'у,— добавила Лесса.— Драконы не умеют лгать.

— Моя дорогая, мы не сомневаемся в твоих словах,— сказала Мардра.— Но то, что ты совершила... Это великий подвиг!

— Не думаю, что я рискну повторить его когда-нибудь,— ответила Лесса, опустив глаза.— После того, что было со мной...

— Да, такой шок делает прыжок в будущее непростой задачей,— задумчиво произнес Т'рон.— Ведь твоему Ф'лару нужны полные сил всадники, а не калеки...

— Но вы полетите? Правда? — встрепенулась Лесса.

— Скорее всего, мы это сделаем,— мрачно произнес Т'рон; губы его искривились в невеселой усмешке.— Ты сказала, что мы покинули Вейры... покинули их, не оставив никаких объяснений. Мы отправились куда-то... вернее, в *когда-то,* и затем...

Он умолк, и внезапно всех их поразила одна и та же мысль. Да, Вейры были покинуты, но Лесса ничем не могла доказать, что их обитатели живыми и здоровыми достигли ее эпохи.

— Мы должны найти выход! Должны! — в смятении закричала она.— И нельзя ждать! Нельзя терять время!

Т'рон покачал головой.

— На этом конце истории времени предостаточно, моя дорогая.— Он снова печально улыбнулся.— Но я думаю, тебе пора отдохнуть.

Казалось, вожди Форт-Вейра больше озабочены здоровьем Лессы, чем она сама. По словам Мардры, Лесса пролежала без сознания несколько недель; в бреду она кричала, что падает, падает в бесконечную ужасающую пустоту, где нет ни света, ни звука... ничего, кроме холода и тьмы. Рамот'а тоже пострадала от слишком длительного пребывания в Промежутке; когда она появилась в небе над древним Руатом, от полной сил золотой королевы оставался лишь бледно-желтый призрак.

Правитель Руата, отец Мардры, был страшно поражен, когда на каменные плиты его холда опустился изможденный дракон, на шее которого лежала потерявшая сознание юная женщина. К счастью, он без промедления послал за помощью в Форт-Вейр. Рамот'у и Лессу перевезли туда, а руатанский лорд и другие немногочисленные свидетели происшествия хранили молчание.

Когда Лесса достаточно окрепла, Т'рон созвал Совет предводителей Вейров. Как ни странно, никто из них не возражал против переселения; их беспокоило только, как избежать губительного шока, связанного с долгим пребыванием в Промежутке.

Лесса быстро поняла, почему всадники с такой готовностью согласились тронуться в рискованное путешествие. Большинство из них родились в период нынешнего Прохождения и провели жизнь в сражениях с Нитями. Но теперь, уже четыре месяца, они занимались лишь повседневным патрулированием; однообразие и скука утомили их. Учебные тренировки были плохой заменой настоящих битв. К тому же холдеры, которые еще недавно носили всадников на руках, становились все более равнодушными по мере удаления Алой Звезды. Вожди видели, как забвение и скука подкрадываются к их Вейрам, словно изнурительная болезнь. Предложение Лессы обещало лучшее будущее, чем медленное угасание и деградацию в течение предстоящего длительного Интервала.

В совещании участвовал только один представитель Бендена — его предводитель. Так как этот Вейр существовал во время Лессы, его обитателям следовало оставаться в неведении относительно планов переселения. Даже слухи о

присутствии Лессы в Форт-Вейре не должны были дойти до Бендена. В будущем не сохранится никаких упоминаний о ее путешествии.

Лесса настояла, чтобы в Форт вызвали мастера-арфиста, так как Записи говорили, что он был вызван. Но когда музыкант попросил ее пересказать песню о покинутых Вейрах, девушка улыбнулась и отрицательно покачала головой.

— Ты напишешь ее — ты или твои ученики, когда будут обнаружены опустевшие Вейры,— сказала она.— Вы должны создать эту Балладу сами, а не повторять мои слова.

Арфист сжал ладонями виски, лицо его стало задумчивым.

— Трудная задача — написать песню, которая через четыреста Оборотов даст ключ к разгадке...

— Да, сделать это трудно, но необходимо — согласилась Лесса.— И не забудь включить ее в число обучающих Баллад — она должна сохраниться в памяти многих поколений. И еще... В ней был вопрос — тот вопрос, на который я сумела ответить.

Музыкант усмехнулся, и она поняла, что ему достаточно этого намека.

Споры о том, как обеспечить безопасность перелета, становились все более жаркими. Столь длительный путь разумно было бы проделать по частям, чтобы не подвергаться долгое время губительному влиянию Промежутка. Но это разумное предложение казалось невыполнимым. Не существовало никаких упоминаний, что Вейры задерживались где-то на пути в будущее, а Лесса преодолела его одним огромным скачком и, конечно, не могла сообщить ориентиры для остановок.

— Ты говорила, что прыжок на десять Оборотов не вызывает затруднений? — спросил Т'рон у Лессы, когда предводители Вейров и мастер-арфист собрались в очередной раз, чтобы обсудить казавшуюся безвыходной ситуацию.

— Да. Он занимает... ну, примерно вдвое больше времени, чем путь из одного места Перна в другое.

— Хм-м... Значит, на тебя повлияла длительность прыжка. Может быть, перемещения на двадцать—двадцать пять Оборотов окажутся безопасными?

— Возможно,— кивнул головой Д'рам, осторожный предводитель Исты.— Но откуда мы знаем, что наше путешествие закончится успешно? Полеты в Промежутке — рискованное дело. Люди часто пропадают без следа.

— Правильное замечание, Д'рам,— согласился Т'рон.— Но я чувствую, должны быть еще доказательства, что мы отправились — точнее, отправимся — в будущее. Например, эта песня, которая сохранилась за четыреста Оборотов...

— Она говорит лишь о том, что мы рискнули двинуться в путь,— мрачно заметил Д'рам.— Но откуда нам известно, что Вейры благополучно достигли времени Лессы? Ведь этого еще не случилось.

Не один Т'рон искал ответ на подобные вопросы. Внезапно вождь Форта с силой опустил кулаки на стол.

— Клянусь, быстрая смерть в Промежутке лучше медленного прозябания тут! Что нам остается? Жить, словно бескрылые ящерицы, пока не наступит старость и Промежуток не поглотит нас навсегда? Я говорю — рискнем! Мы — всадники, и наше дело — биться с Нитями, верно? Так отправимся же на новую охоту... туда, где Алая Звезда снова сияет на небосклоне!

Лесса, встревоженная возражениями Д'рама, немного успокоилась. Однако страх, сжимавший ее сердце, не исчез — она понимала, что нельзя исключить возможность, о которой говорил предводитель Исты. Она могла рисковать собой — но не Вейрами. Послать в Промежуток — возможно, на смерть — всадников и драконов, детей, женщин... Нет, это казалось невозможным.

Внезапно напряженную тишину прорезал голос арфиста.

— Пожалуй, я мог бы помочь вам с этими ориентирами... Вернее — обратить ваше внимание на слова Т'рона. В них есть все, что нужно. Вслушайтесь: отправимся туда, где Алая Звезда вновь сияет на небосклоне! Вот ваша опорная точка! Она поведет вас вперед, в будущее, на двадцать Оборотов или на двести — как хотите.

Глаза мастера сверкали, удивленная улыбка осветила его лицо. Всадники зашумели. Кто-то вскочил, возбужденно

размахивая руками. Да, решение было найдено, надежное и простое! Звездное небо Перна, в котором Алая Звезда то ярко сияла, то, удаляясь, превращалась в едва заметную точку, могло служить таким же надежным ориентиром, как и поверхность планеты. Итак, древний враг всадников будет помогать и направлять их на этом необычном пути.

На вершине близ Форта возвышались огромные камни-указатели — такие же, как в Бендене и других Вейрах. Их установили для того, чтобы отмечать периоды приближения и удаления Алой Звезды, кружившей вокруг Солнца по причудливой вытянутой орбите. Сверившись с Архивами, в которые регулярно заносились сведения о местоположении и яркости Алой Звезды на протяжении каждого цикла из двухсот Оборотов, нетрудно было разбить весь путь на небольшие интервалы.

В пяти Вейрах насчитывалась тысяча восемьсот драконов; такое огромное количество было опасно сосредоточивать в одном месте. Поэтому каждый Вейр отправлялся в путешествие самостоятельно, сдвигаясь по времени прыжками в двадцать—тридцать Оборотов.

Казалось, Лесса только теперь поняла, какая бездна отделяет ее от родной эпохи. Разлука с Ф'ларом длилась уже месяц, и она скучала по нему гораздо больше, чем могла себе представить. Беспокоила ее и Рамот'а. Приближалось время очередного брачного полета, а Мнемент' находился так далеко... Говоря по правде, в Форт-Вейре нашлось бы немало драконов и бронзовых всадников, готовых послужить партнерами гостям из будущего, но Лессу они не интересовали.

Последнюю неделю она, вместе с Т'роном и Мардрой, занималась подготовкой к великому исходу. Сборы велись в тайне от холдеров. Перн не должен был знать о том, куда исчезли его защитники. В наследство грядущим векам оставался лишь гобелен и песня о покинутых Вейрах.

Когда Лесса взлетела в ночное небо над Звездной Скалой Форта, чтобы занять свое место рядом с Т'роном и Мардрой, она испытала такое облегчение, что едва не расплакалась. Напряжение покинуло ее, и гигантский путь, расстилавшийся впереди, уже не вызывал страха. Четыре остальных Вейра тоже поднялись в воздух; над Айгеном и Истой, Телгаром и Плоскогорьем заплескали, зашумели сотни огромных крыльев.

Лесса глубоко вздохнула и, зажмурившись, представила звездное небо с неяркой точкой Алой Звезды — там, где она будет через двадцать пять Оборотов.

У самый черной ночи есть рассвет,
И солнце прогоняет липкий страх.
Когда же боль моя сойдет на нет?
Когда найду покой в родных стенах?

Они совершили одиннадцать прыжков; во время кратких остановок бронзовые предводители Вейров обязательно переговаривались с Лессой. Из тысячи восьмисот драконов лишь четыре исчезли в Промежутке — это были самые старые, одряхлевшие звери. Перед последним прыжком, который составлял всего двенадцать Оборотов, было решено устроить привал. И люди, и драконы нуждались в отдыхе и еде.

— Проще пройти сотню Оборотов, чем последние двенадцать,— заметил Т'рон, пока Мардра разливала в кружки дымящийся кла.— Мы уже в твоем времени, Лесса.— Он поднял взгляд на горевшую в предрассветном небе Алую Звезду — путеводный огонь, что вел их из столетия в столетие.— Куда же мы отправимся теперь?

— Я хочу, чтобы мы попали в Руат до того, как Ф'лар обнаружит мое исчезновение,— сказала девушка. Она тоже посмотрела вверх и, вздрогнув, отхлебнула горячий напиток.— Я уже видела эту звезду точно такой один раз... нет, два раза, в Руате.— Лесса прикрыла глаза; призрачные образы ожили под ее сомкнутыми веками. Она снова увидела то далекое утро, когда совсем еще юная девушка проснулась от смутного ощущения угрозы; бронзового Мнемент'а, плавно спускавшегося к башням Руата; сраженного кинжалом Фэкса в луже крови, и сильные руки всадника, поднявшие ее на шею дракона... Внезапно Лессой овладело

странное беспокойство — и она снова ощутила резкую слабость и головокружение.

— С тобой все в порядке, Лесса? — с тревогой спросила Мардра.— Ты так побледнела и дрожишь...— Она взяла Лессу за руку, притянула ее к себе, словно пытаясь согреть.

— Двенадцать Оборотов назад я была в Руате,— пробормотала Лесса, едва шевеля непослушными губами.— Я была там дважды, и оба раза попала в одно то же время... Давайте полетим дальше. Три Лессы — для одного утра это слишком много... Я должна вернуться... домой, к Ф'лару. Ф'лар... мой Ф'лар... он будет так сердиться...

Она прижала ладонь к губам, пытаясь подавить рыдание. Т'рон и Мардра встревоженно переглянулись. Предводитель Форт-Вейра вскочил на ноги и приказал гасить костры. Через несколько минут всадники, готовые к последнему прыжку в будущее, поднялись в воздух.

Голова Лессы раскалывалась от боли. Неимоверным усилием она все-таки успела передать образ весеннего Руата: цветущие сады, двор, залитый лучами заходящего солнца, главная башня, дверь в обрамлении резных колонн...

Капелька крови в небе холодном плывет.
Всадников алая вспышка манит туда.
За Оборотом уносится прочь Оборот,
А смельчаков поджидает злая Звезда.

Ф'лар, уткнувшись лицом в сжатые кулаки, сидел за столом в главном зале Руат-холда. Лайтол и Робинтон заставили его поесть и выпить вина. Разумом Ф'лар понимал, что должен сохранить бодрость, должен бороться, но душевные силы почти оставили его. Гибель Лессы была катастрофой. То, что еще оставалась Придит'а, способная продолжить род драконов, не успокаивало Ф'лара. Он медлил с отправкой сообщения Ф'нору; ему казалось, что, вызвав Придит'у с Киларой, он потеряет последнюю надежду увидеть Лессу. Он все еще не мог смириться с тем, что она навсегда ушла в Промежуток вместе со своей золотой королевой.

Лицо Лессы, то нежное, печальное, то упрямое и решительное, мерцало перед ним в полутьме огромного зала. Лесса, Лесса, зачем ты сделала это! Он проклинал ее безумную опрометчивость, но в следующий миг был готов целовать следы ее ног на камнях Вейра; горе и гнев переполняли его сердце.

— Я повторяю, Ф'лар, тебе нужен сон — больше, чем вино.— Настойчивый голос арфиста прервал его мысли. Внезапно всадник обнаружил, что пытается приподнять кувшин с вином, ручку которого крепко держал Робинтон.

— Что?

— Пойдем. Я провожу тебя в Бенден. Не могу оставить одного. За эти часы, предводитель, ты постарел на несколько лет.

— Но как ты не можешь понять! — закричал Ф'лар; он вскочил со скамьи, готовый излить бессильную ярость на любого, кто окажется рядом.

Робинтон, сочувственно покачав головой, положил ладонь на плечо всадника.

— Мой лорд, даже у мастера-арфиста всего Перна не хватает слов и струн, чтобы выразить тебе свое сострадание. Но ты должен поспать; тебе предстоит пережить завтрашний день и послезавтрашний... И сражаться с Нитями. Крылатые и драконы не могут лишиться вождя в эти тяжелые времена.— Голос его затих. Потом он решительно произнес: — Завтра ты должен послать за Ф'нором... и за Придит'ой.

Стряхнув руку арфиста, Ф'лар резко повернулся и зашагал к двери Руат-холда.

Подари, певец, нам песню
О добре и силе,
О надежде, что вернули
Нам драконьи крылья.

Под ними вырисовывались очертания главной башни Руата и высокие стены, окружавшие двор; косые лучи заходящего солнца падали на серые камни и отшлифованные плиты, заливая их красноватым светом заката.

В прозрачном воздухе разносился отчаянный трезвон колокола на башне. В вышине он был едва различим, заглушаемый шелестом тысяч крыльев. Сотни драконов нависли над холдом; отряд за отрядом, крыло за крылом в боевом порядке появлялись из ледяной тьмы Промежутка, заполняя небо над долиной от западных остроконечных вершин до черных скалистых столбов Прохода. Полоса яркого света упала на плиты двора из открывшейся двери.

Лесса велела Рамот'е опуститься возле башни и, спрыгнув на землю, бросилась навстречу человеку, торопливо спускавшемуся по ступеням высокого крыльца. Она различила коренастую фигуру Лайтола и яркое пламя светильника, который он держал в вытянутой руке. Прежняя неприязнь к управляющему Руата оставила Лессу; теперь она была готова расцеловать старика.

— Ты ошиблась, Лесса! — закричал Лайтол. Шум от крыльев драконов, садившихся на гладкие плиты двора, заглушал его слова.— Ты ошиблась на два дня в последнем прыжке! — снова повторил он.

— Ошиблась? Как же я могла...— выдохнула девушка, покачнувшись. Голова у Лессы еще кружилась, и несколько шагов, которые она пробежала по двору, почти лишили ее сил. Лайтол приблизился и осторожно взял ее за руку. Со стороны ворот подошли Т'рон и Мардра.

— Не волнуйся, ничего страшного не произошло,— сказал управляющий Руата, глаза его искрились весельем, на губах расплывалась улыбка.— Ты просто проскочила через день. Отправляйся в Промежуток и вернись на два дня назад. Вот и все.— Лайтол смотрел на озадаченное лицо девушки, и его улыбка становилась все шире.— Все в порядке,— повторил он, сжимая ее руку.— Выбери такой же час и то же место, но мысленно представь Ф'лара, Робинтона и меня здесь, на плитах двора. Представь Мнемент'а на главной башне и синего дракона, сидящего на стене. И отправляйся!

«Мнемент' был тут?» — в ментальном сигнале Рамот'ы ощущалось нетерпение.

Она вытянула в сторону Лессы клиновидную голову, и ее громадные глаза засияли искрящимся огнем.

— Не понимаю...— простонала Лесса, поднимая ладони к вискам. Головокружение почти прекратилось, но привычная ясность мысли не вернулась к ней.

— Все просто,— повторил Лайтол.— Сделай так, как я говорю.— В поисках поддержки он повернулся к Т'рону.— Все, как предупреждал Ф'лар. Совершив прыжок в недавнее прошлое, рискуешь оказаться в двух местах одновременно — а это вызывает сильнейшее потрясение. Наверно, Лесса опять его испытала, когда вы остановились двенадцать Оборотов назад.

— Ты знаешь об этом? — вскричал пораженный Т'рон.

— Конечно. Отправляйтесь же назад на два дня. Понимаешь, я *знаю,* что вы поступите так. В том, более раннем времени, увидев вас, я удивлюсь. Но сейчас, этим вечером, мне уже известно, что вы появились над Руатом двумя днями раньше. Отправляйтесь скорее, прошу вас.— Лайтол посмотрел на Лессу.— Ф'лар почти обезумел... Он думает, что ты погибла...

Глаза Лессы наполнились слезами.

— Ф'лар опять станет трясти меня.— Она всхлипнула, словно обиженный ребенок.

— Лесса! — Т'рон взял ее за руку и повел к Рамот'е. Золотая королева опустила шею и присела, помогая девушке взобраться на свое место.

Теперь Т'рон взял командование на себя. Через своего Фидрант'а он сообщил всадникам ориентиры, переданные Лайтолом, добавив к ним с помощью Рамот'ы образ Мнемент'а.

Холод Промежутка привел Лессу в чувство. Ледяная безбрежная тьма на миг сомкнулась вокруг нее, чтобы снова смениться теплым весенним небом Руата. Драконы, словно гигантские разноцветные птицы, плыли в воздухе, их трубные голоса звучали аккордами торжественного гимна. Внизу промелькнули сумрачные остроконечные скалы, башни и стены холда, двор — с полосой света, льющегося из распахнутой настежь двери... Лайтол, в изумлении поднявший голову... высокий Робинтон... и Ф'лар!

Голос Мнемент'а прокатился над холдом. Рамот'а поспешно ринулась вниз, и, едва Лесса ступила на каменные

плиты, ее королева взмыла к верхушке башни. Сплелись шеи, бронзовая и золотая, сияющие глаза драконов пригасили блеск, затянулись дымкой...

Лесса стояла там, где ее оставила Рамот'а, не в силах двинуться, пошевелиться... Она смутно чувствовала, что рядом были Т'рон, Мардра, еще какие-то люди, всадники, женщины... Но видела она только Ф'лара, бегущего через двор. Ей хотелось шагнуть к нему, протянуть руки, но странная слабость сковала ее тело.

Он схватил ее, прижал к груди — так крепко, словно боялся, что она может выскользнуть из его объятий и вновь раствориться в ледяном мраке Промежутка. Казалось, обычная сдержанность и холодная ирония покинули его; радость, изумление, страх затопили сердце Ф'лара.

— Лесса, Лесса.— Его хриплый голос звучал как мольба. Он коснулся ладонью ее виска, щеки, шеи... потом жадно приник к губам, нежным и сухим, хранившим вкус ветров времени. Он целовал ее снова и снова — и вдруг оторвал от себя, крепко сжав руками плечи девушки.— Лесса, если ты когда-нибудь еще...— начал Ф'лар, подкрепляя каждое слово добрым рывком.

Вокруг раздался смех, и всадник поднял голову, с недоумением воззрившись на незнакомых улыбающихся людей.

— Я говорила вам, что он будет трясти меня,— сказала Лесса, смахивая с ресниц слезы.— Но Ф'лар, послушай... я привела их... привела всех, кроме Бенден-Вейра. Вот почему были оставлены пять Вейров... Я позвала их — и они здесь.

Ф'лар оглядел небо поверх голов окруживших его всадников. Тучи драконов, крыло к крылу, спускались в долину Руата. Они были повсюду — зеленые и синие, коричневые и бронзовые, золотые — целое крыло золотых королев!

— Ты привела Вейры? — ошеломленно переспросил Ф'лар.

— Да, ты же видишь! Вот Мардра и Т'рон из Форта, Д'рам — предводитель Исты, и...

Ф'лар прервал ее, обняв хрупкие плечи, и повернулся к всадникам, приветственно подняв руку.

— Смогу ли я сказать, как благодарен вам? — произнес он и замолчал — может быть, впервые в жизни не сумев выразить словами то, что переполняло его сердце.

Т'рон выступил вперед и крепко пожал руку молодого вождя Бендена.

— Мы привели тебе тысячу восемьсот драконов, семнадцать золотых королев и весь народ наших Вейров.

— И еще огнеметы — их тоже привезли! — возбужденно вставила Лесса.

— Но рискнуть на такой перелет... Это... это...— в восхищении пробормотал Ф'лар.

Т'рон рассмеялся.

— Лесса, твоя Лесса вела нас!

— А путь указывала Алая Звезда! — добавила девушка.

— Мы — всадники, племя Крылатых,— торжественно произнес Т'рон,— как и ты, Ф'лар Бенденский. И если Нити снова летят сквозь небеса Перна, мы должны быть здесь и сражаться с ними. Это — дело всадников! В любое время, в любом Обороте!

Бей, барабанщик! Труби, горнист!
Солдат, вперед! Играй, арфист!
Сжигайте траву — нас пламя спасет.
Проклятье Звезде, что над нами встает!

В тот предзакатный час, когда пять Вейров возникли в небе Руата, Ф'нор и его молодые всадники возвратились в Бенден с Южного материка. Их терпение и силы были на исходе; с облегчением увидели они знакомые очертания скалистых пиков и стены с чернеющими отверстиями пещер, покинутые ими два дня — и четыре Оборота назад.

Когда Ф'лар и его повелительница вошли в полумрак королевского вейра и направились к комнате Совета, Р'гул приветствовал их новостями о появлении Ф'нора с отрядом из семидесяти двух новых драконов. Он добавил, что их всадники вряд ли смогут участвовать в битве над Телгаром.

— В жизни не видел настолько измученных и истощенных людей. Не понимаю, что с ними случилось,— заметил

Р'гул.— Там, на юге, столько солнца, изобилие еды и, кстати, никаких обременительных трудов.

Ф'лар и Лесса переглянулись.

— Ну, ты же знаешь, что заботы о молодых драконах отнимают много сил,— протянул Ф'лар.— К тому же межвременные прыжки — довольно утомительное занятие. Ты сам выглядел бы не лучше.

— Я воин, а не слабая женщина,— проворчал старый всадник.— Чтобы довести меня до такого состояния, нужно что-то пострашнее блошиных скачков из Оборота в Оборот.

— Скоро они придут в себя,— сказала Лесса.

— Им стоит поторопиться,— Р'гул озабоченно потер подбородок,— если мы хотим очистить небеса Перна от Нитей.

— С этим больше не будет никаких проблем,— спокойно заверил его Ф'лар.

— Никаких проблем? Когда в Вейре всего полторы сотни драконов?

— Уже больше двухсот,— поправила его Лесса.

Не обращая на нее внимания, Р'гул спросил с тревогой:

— А огнеметы? Удалось кузнецу сделать огнеметы?

— Конечно,— подтвердил Ф'лар, широко улыбаясь.

Огнеметы, доставленные из прошлого, уже были переданы Фандарелу. Без сомнения, сейчас работали каждый горн и каждая кузница на континенте; через несколько часов старинное оружие наверняка удастся воспроизвести. Как сказал Т'рон, в его времена холды имели множество огнеметов, чтобы уничтожать Нити на земле. За время долгого Интервала это устройство вышло из употребления и было прочно забыто. Но Д'рам, очень заинтересовавшийся распылителем кислоты, добавил, что изобретение Фандарела нравится ему больше огнемета, так как с его помощью можно удобрять почву.

— Ну, что ж,— Р'гул уныло закивал головой,— парадругая огнеметов не будут лишними под Телгаром.

Лесса фыркнула.

— Нам удалось найти кое-что получше,— бросила она и торопливо скрылась в своей спальне. Затем из-за плотного занавеса донеслись звуки, походившие не то на смех, не то на сдавленные рыдания.

Р'гул нахмурился. Эта девчонка слишком молода, чтобы выполнять обязанности госпожи Вейра в такое время. Никакой серьезности!

— Она понимает, в каком ужасном положении мы оказались? — раздраженно спросил он Ф'лара.— Даже с подкреплением, которое привел Ф'нор,— и то, если они смогут летать. Ты должен был запретить ей покидать Вейр!

Ф'лар пропустил мимо ушей замечание старого всадника и потянулся к кувшину с вином.

— В свое время ты утверждал, что пять Вейров опустели потому, что Нити никогда больше не упадут на Перн,— произнес предводитель Бендена, наливая в чашу рубиновый напиток.

Р'гул откашлялся, но ничего не сказал. Вероятно, он полагал, что принесенные им извинения вряд ли окажутся эффективным средством против Нитей.

— Выяснилось, что в твоих словах был резон,— продолжал Ф'лар, наполняя чашу Р'гула.— Но кое-что ты истолковал неверно. Вейры действительно опустели, когда закончилось последнее нашествие Нитей. Затем... затем они направились сюда. К нам.

Р'гул замер, не успев донести чашу до рта. Выпучив глаза, он с тревогой уставился на Ф'лара. Пожалуй, этот бронзовый тоже слишком молод для страшной ответственности, свалившейся на него. Но, похоже, он... Он в самом деле убежден в том, что говорит.

— Ты можешь мне не верить, Р'гул, но через день ты убедишься сам. Пять Вейров больше не пустуют. Их пещеры полны всадников и драконов. И они присоединятся к нам в Телгаре — тысяча восемьсот человек, отважных, с огромным боевым опытом.

Р'гул с жалостью посмотрел на своего обезумевшего вождя. Потом аккуратно поставил чашу на стол, повернулся и вышел из комнаты Совета. Он не желал спорить с человеком, лишившимся рассудка,— и еще меньше хотел подвергаться насмешкам. Лучше посвятить время разработке плана... да, плана, как снова взять в свои руки руководство Вейром.

На следующее утро, увидев стаю огромных бронзовых драконов, которые принесли на совещание в Бенден предводителей пяти Вейров и командиров десятков крыльев, Р'гул незаметно удалился к себе и в уединении опустошил пару кувшинов вина. На Совете он не присутствовал.

Лесса обменялась приветствиями со своими друзьями, а затем, одарив мужчин ласковой улыбкой, покинула их, чтобы покормить Рамот'у.

Ф'лар задумчиво посмотрел ей вслед. Этим утром Лесса была очаровательна, и Ф'лар испытывал тревогу. Покачав головой, он пожал руки только что прибывшим Робинтону и Фандарелу, а потом пригласил гостей пройти в комнату Совета.

Оба мастера почти ничего не говорили на этой встрече, но не пропустили ни единого слова. Фандарел, поворачивая огромную голову то к одному, то к другому оратору, иногда приставлял к уху заскорузлую ладонь, и глаза его вспыхивали отблесками бесчисленных горнов, у которых он провел добрую половину жизни. Робинтон сидел спокойно, на лице его блуждала мечтательная улыбка. Казалось, арфист был восхищен предками, этими могучими всадниками и великолепными драконами, прибывшими из глубины времен ради спасения Перна. Достойный сюжет для Баллады!

Гости быстро переубедили Ф'лара, готового отдать власть над Бенденом в другие, более опытные руки.

— Не вижу необходимости,— возразил Т'рон, который как предводитель самого древнего Вейра говорил первым.— Ты хорошо провел бои в Нерате и Керуне. Действительно хорошо.

— Двадцать восемь всадников не смогут вылететь в Телгар... Нитям удалось кое-где достигнуть нератских садов... И ты считаешь, что я действовал правильно?

— Конечно. А ты чего ждал? В первом сражении, когда каждый всадник зелен, как птенец? — Т'рон иронически усмехнулся.— Нет, друг, Вейр выполнил главную задачу — вовремя прикрыл Нерат... каким бы способом ты ни привел туда своих людей. Я полагаю, ты действовал неплохо, совсем неплохо.— Остальные четыре предводителя выразили согласие с мнением Т'рона молчаливыми кивками или одобрительными восклицаниями. Вождь Форта торжественно продолжил: — Бенден доказал свою храбрость, однако у него недостаточно сил. Ф'лар, мы окажем тебе помощь, пока Бенден не обзаведется нужным числом всадников и драконов. Долго ждать не придется — королевы обожают эти времена!

Озорная улыбка появилась на лице Т'рона, и в комнате раздались смешки. Очевидно, бронзовые всадники относились к королевским забавам с полным одобрением.

Ф'лар тоже улыбнулся, подумав, что Рамот'а скоро поднимется во второй брачный полет. И Лесса... О, сегодня она была так обманчиво послушна! Придется приглядывать за ней в оба глаза.

— Мы передали все привезенные огнеметы в мастерские Фандарела,— продолжал Т'рон,— и я надеюсь, что все наземные отряды северных холдов к завтрашнему дню будут вооружены.

— Мой цех не подведет,— проворчал Фандарел.

— Постарайся приготовить несколько распылителей кислоты... так, чтобы можно было поднять их в воздух,— напомнил Д'рам.

Кузнец молча кивнул.

— Мы условились,— Т'рон окинул взглядом лица всадников,— что все Вейры встречаются в полном составе над Телгаром через три часа после рассвета и двигаются вслед за Нитями в Кром, сжигая их.— Он показал направление на карте, потом повернулся к вождю Бендена.— Отличная выдумка, Ф'лар, эти твои карты! У нас таких не было.

— Как же вы узнавали о предстоящих атаках?

Т'рон пожал плечами:

— Они следовали с такой регулярностью, что даже мальчишки в Вейрах знали, когда начнется следующая. Но вот правильно определить место... Нет, твой способ гораздо лучше!

— Намного точнее,— одобрительно добавил вождь Телгара. Большая часть района предстоящей атаки находилась под защитой его Вейра.

— Завтра, когда все Вейры соберутся вместе, мы заодно обсудим с холдерами кое-какие вопросы снабжения,— усмехнулся Т'рон.— Десятина, обильная десятина, как в старые времена! — Он в предвкушении потер ладони.— Как в старые добрые времена!

— Есть еще Южный Вейр с прекрасными угодьями,— напомнил Ф'нор.— Он покинут шесть Оборотов назад по нашему времени; там остались большие стада. Они наверняка умножились. А еще на юге множество великолепных плодов.

— Отличная мысль,— согласился Ф'лар. Он улыбнулся брату и спросил: — Значит, ты считаешь, что наш южный проект стоит продолжать?

— Да, конечно. Отличное место для молодых драконов... и для Килары тоже.— Ф'нор раздраженно махнул рукой, словно отгонял надоедливую мошку.

Они обсудили, сколько людей нужно послать на юг, чтобы доставить во вновь заселенные Вейры первоочередные припасы, и на этом закончили совещание.

— Несколько выбивает из колеи,— заметил Т'рон, потягивая вино в компании с Д'рамом,— когда обнаруживаешь, что твой дом, покинутый вчера в полном порядке, сегодня превратился в заброшенный сарай.— Он хмыкнул.— Наши женщины, надо сказать, несколько расстроились.

— Но мы же привели в порядок кухни и склады Форта,— возразил Ф'лар. Спокойный отдых ночью почти снял его напряжение и усталость.

Т'рон откашлялся.

— Если верить Мардре, дружище, ни один мужчина ничего не может привести в порядок.

Он задумчиво отхлебнул вина, разглядывая уютную комнату Совета.

Ф'лар улыбнулся. Его взгляд скользнул по гладким каменным стенам, в которых были вырублены ниши, заполненные посудой или стопками документов, по гобеленам, украшенным изображениями разноцветных драконов, массивным креслам с резными спинками, сводчатому потолку, большому каменному столу... Карты и листы пергамента были сдвинуты на край, чтобы освободить место для кувшинов со знаменитым бенденским вином и подносов с фруктами. Ф'лар подумал, что эти прекрасные плоды, вероятно, привезены с юга, и посмотрел на брата.

Лицо Ф'нора еще хранило следы перенесенных страданий. Наверное, пройдет не один день, пока он сможет полностью прийти в себя... а кое-что уже никогда не вернется — ведь он стал на четыре Оборота старше. И все же, думал Ф'лар, эти Обороты не прошли зря. Конечно, пополнение, выращенное на юге,— не слишком большая сила по сравнению с пятью Вейрами, прибывшими к ним на помощь. Но два дня назад, замышляя это предприятие, они еще ничего не знали ни о руатанском гобелене, ни о песне про покинутые Вейры... Ф'лар встряхнул головой и повернулся к Ф'нору:

— Сможешь ли ты вылететь завтра? — спросил он брата, с неожиданной болью изучая его изможденное, постаревшее лицо.

— Я не пропустил бы этой битвы, даже если бы не имел дракона,— решительно заявил Ф'нор.

Ф'лар кивнул, зная, что отговаривать брата бесполезно.

— Кстати, завтра нам понадобится Лесса,— вспомнил он и с гордостью сказал Т'рону: — Ты знаешь, она может говорить с любым драконом.

— У нее необычайный дар,— согласился Т'рон.— Конечно, мы будем рады видеть ее. И Мардра не возражает.— Заметив озадаченное выражение на лице Ф'лара, он пояснил: — Мардра, старшая госпожа Вейра, командует в бою крылом золотых.

Изумлению Ф'лара не было предела.

— Крылом золотых? В битве с Нитями?

— Конечно,— Т'рон с Д'рамом удивленно переглянулись.— Разве ваши королевы не участвуют в сражениях?

Ф'лар печально покачал головой.

— Наши королевы... Т'рон, на протяжении многих поколений в Бендене был только один золотой дракон. И некоторые уже стали считать, что королева не должна подниматься в воздух — кроме периода брачного полета, разумеется.

Предводитель Форта положил руку на плечо Ф'лара; он казался удрученным.

— Я только сейчас понял, как вас мало... Но ничего, теперь все изменится.— Его энтузиазм явно брал верх.— Знаешь, золотые могут взять больший груз и очень полезны с огнеметами. Они летят низко, под другими крыльями, и уничтожают Нити, пропущенные верхним заслоном. Вот почему Д'рам так интересовался распылителем кислоты. С ним не подпалишь волосы на головах холдеров... Превосходное средство — особенно когда находишься над возделанными полями.

— Значит, вы позволяете своим королевам сражаться с Нитями? — настойчиво переспросил Ф'лар, не обращая внимания на улыбку брата.

— Позволяем? — воскликнул Д'рам.— Да их невозможно удержать! Разве ты не помнишь Балладу?

— Полет Мореты?

— Вот именно!

Лицо Ф'лара вытянулось, а Ф'нор откровенно расхохотался. Предводитель Бендена отбросил со лба прядь черных волос и добрым глотком вина смочил пересохшее горло, пытаясь скрыть замешательство. Потом он кивнул Д'раму:

— Спасибо. Я поразмышляю над этим.

Он проводил новых друзей к их драконам и весело помахал на прощание Фандарелу и Робинтону. Казалось, тяжелый груз свалился с его плеч. Ф'лар чувствовал себя помолодевшим и беззаботным, несмотря на завтрашнее сражение. Он спросил у Мнемент'а, где Лесса.

«Купается»,— сообщил бронзовый.

Поднявшись в королевский вейр, Ф'лар услышал, как плеск воды за занавесом внезапно прекратился. Крикнув, чтобы прислали горячего кла, он сел в кресло, откинулся на спинку и вытянул ноги.

— Как прошел Совет? — раздался позади мягкий голос Лессы, появившейся из купальни. Она обернула вокруг тела большое полотенце; белая ткань обрисовывала контуры ее изящной фигурки.

— Отлично.— Ф'лар пристально посмотрел на свою подругу.— Завтра... ты понадобишься нам в Телгаре.

Она ответила ему таким же пристальным взглядом, потом лукаво улыбнулась.

— Среди всех золотых всадниц только я могу говорить с любым драконом.

— Это правда,— беспечно согласился Ф'лар,— и потому ты представляешь особую ценность. Значит, придется...

— Я тебя ненавижу! — вскричала Лесса, безуспешно попытавшись увернуться от него.

Ф'лар крепко обнял ее и шепнул:

— Даже если я скажу, что Фандарел уже приготовил для тебя огнемет? И что ты можешь присоединиться к крылу золотых?

Лесса перестала вырываться из его объятий и недоверчиво уставилась Ф'лару в глаза. В них плясали искорки смеха.

— А знаешь ли,— продолжал он,— мы решили, что Южный Вейр снова будет заселен. Ф'нор советует отправить туда Килару. В конце концов, все мы нуждаемся в покое и мире в перерывах между сражениями...

Полотенце упало на пол, и Лесса ответила на его поцелуй с такой же страстью, как в тот миг, когда бронзовый дракон догнал ее королеву.

Над чашею Вейра взлетают драконы —
Бронза, коричневый, синий, зеленый...
Всадникам Перна приветствие крикни!
Миг — и исчезли. Миг — и возникли.

Примерно через три часа после рассвета двести шестнадцать драконов зависли над пиком Бендена. Ф'лар, на бронзовом Мнемент'е, производил смотр своих сил.

Внизу, в чаше Вейра, собрались женщины, дети и несколько всадников, получившие ранения в двух первых битвах. Там были все — кроме Лессы и Рамот'ы, которые отправились в Форт-Вейр, место сбора крыла золотых. Несмотря на принятое вчера решение, Ф'лар испытывал беспокойство. Лесса, его хрупкая маленькая Лесса тоже будет сражаться! Разумом он понимал, что прошли времена, когда на Перне была лишь одна королева, что Лесса, нырнувшая

на четыреста Оборотов в прошлое, способна позаботиться о себе и своем драконе... Но если с ней что-нибудь случится...

Он убедился, что каждый всадник взял полный груз огненного камня, что все драконы имеют хороший цвет, что молодежь помнит нужные ориентиры. Звери, прибывшие с юга, выглядели прекрасно, но с лиц их всадников еще не исчезли следы перенесенных тягот. Может быть, стоило оставить их в Вейре? Он медлил — а ведь Нити вот-вот появятся в голубых небесах Телгара!

Наконец он дал команду отправиться в Промежуток. Мир исчез и появился вновь; всадники парили теперь к югу от Телгар-холда. Они не были первыми — на западе, на востоке и на севере по небосклону плыли громадные разноцветные клинья, насчитывающие сотни драконов.

«Где она? — спросил Ф'лар у Мнемент'а.— Скоро нужно будет передавать сообщения...»

«Она близко»,— ответил бронзовый.

Прямо над холдом возникло еще одно крыло. Даже с большого расстояния Ф'лар мог различить золотой блеск драконов, сверкавших в ярком утреннем свете. Гул и трубные звуки наполнили воздух — Вейры приветствовали своих королев. И хотя сердце Ф'лара по-прежнему сжимала тревога за Лессу, он тоже улыбнулся при виде этого великолепия и мощи.

Внезапно восточные отряды взмыли вверх. Нити приближались, и драконы почуяли своего древнего врага. Мнемент' вытянул шею, его громоподобный рев присоединился к боевому кличу двух тысяч собратьев. Бронзовый повернул голову с распахнутой пастью к своему всаднику, требуя огненный камень. Сотни зверей повторили это движение, сотни громадных челюстей раздробили камень, сотни глоток протолкнули обломки внутрь.

Нити! Теперь Ф'лар отчетливо видел их на фоне голубого весеннего неба. Внезапно сердце его забилось сильнее — но не от тревоги или страха; пьянящая, буйная радость охватила его! Он был всемогущ сейчас — когда хрупкое тело человека слилось воедино с огромным стремительным зверем...

Мнемент' снова повернул голову за камнем, а затем ринулся вперед, набирая скорость для прыжка вверх. Восточный небосклон уже затопили струи оранжево-красного огня и пылавшие пряди Нитей. Драконы исчезали и появлялись вновь, ныряли вниз, извергали пламя, уклонялись... Над самыми вершинами скал носились золотые королевы, сжигая редкие Нити, устремившиеся к вожделенной земле. Сверкали крылья, клубился огонь, рев потрясал воздух... Так началась Телгарская битва.

Ф'лар дал команду набирать высоту, чтобы встретить чудовищный дождь у самых врат Перна. И когда Мнемент' взмыл вверх, Ф'лар вызывающе погрозил кулаком алому глазу Звезды, мерцающему в небе над ним.

— Придет время,— яростно закричал он,— и мы не станем покорно сидеть здесь, ожидая, когда ты пошлешь на Перн смерть... Мы доберемся до тебя там, где ты кружишь... и выжжем Нити в их собственном мире!

Что ж, сказал он себе, если люди и драконы могут прыгнуть на четыреста Оборотов в прошлое и в мгновение ока перемещаться через моря и земли, то эта угроза не является бесплодной мечтой. Ибо что такое путешествие из одного мира в другой? Просто еще один долгий шаг, скачок через черную бездну космоса.

Ф'лар улыбнулся. Пожалуй, ему лучше не обсуждать с Лессой эту дерзкую идею.

«Впереди Нить»,— предупредил Мнемент'.

Извергая пламя, бронзовый дракон бросился в атаку, и Ф'лар крепче сжал коленями его мощную шею. Он, всадник Перна, прекрасного и любимого, находился сейчас в том времени и в том месте, где ему надлежало быть. И эта мысль наполнила его счастьем.

Содержание

Гарри Тартлдав. ПРЕДИСЛОВИЕ
Перевод В. Иванова 5

Пол Андерсон. СРЕДИ ВАРВАРОВ
Перевод А. Евстигнеева 15

Филип К. Дик. ВТОРАЯ МОДЕЛЬ
Перевод В. Бердника 49

Джо Холдеман. ГЕРОЙ
Перевод Л. Корзуна 101

Артур Чарлз Кларк. АБСОЛЮТНОЕ ПРЕВОСХОДСТВО
Перевод Ю. Данилова 175

Орсон Скотт Кард. ИГРА ЭНДЕРА
Перевод Б. Жужунавы 191

Дэвид Дрейк. ПАЛАЧ
Перевод Б. Жужунавы 241

Гарри Тартлдав. ПОСЛЕДНИЙ СИМВОЛ
Перевод Б. Жужунавы 311

Кордвайнер Смит. ПОКЕР С КРЫСОДРАКОНОМ
Перевод А. Евстигнеева 357

Джордж Р. Р. Мартин. НОЧЬ «ВАМПИРОВ»
Перевод И. Климовицкой 377

Грегори Бенфорд. ГРОЗА НАД ЗАЛИВОМ
Перевод И. Климовицкой 411

Уолтер Йон Уильямс. ЧАС «ВОЛКА»
Перевод И. Климовицкой 467

К. Дж. Черри. КОЗЕЛ ОТПУЩЕНИЯ
Перевод И. Тетериной 505

Энн Маккефри. ОСЕДЛАВШИЙ ДРАКОНА
Перевод М. Нахмансона, Ю. Барабаша 565

Литературно-художественное издание

СОЛДАТЫ ВСЕЛЕННОЙ

Лучшая военная фантастика XX века

Ответственный редактор *А. Етоев*
Редактор *И. Беличева*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *А. Скурихина*
Корректоры *Л. Пищелева, В. Дроздова*

В оформлении переплета использована иллюстрация *Дж. Бернса*

Оригинал-макет подготовлен ООО «ИД «Домино».
191028, Санкт-Петербург, Моховая ул., д. 32.
Тел./факс (812) 329-55-33. E-mail: dominospb@hotbox.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.
Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина»,
ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс: (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел.: 937-85-81, 780-58-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Подписано в печать 22.11.2006.
Формат 84x108$^{1}/_{32}$. Бумага тип. Печать офсетная. Усл. печ. л. 36,96.
Доп. тираж 3000 экз. Заказ № 5295.

ISBN 5-699-17049-9

9 785699 170494 >

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат", 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru